

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

The Journal of MGIMO-University

Москва

№6(33) 2013

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Богатуров А.Д. – доктор политических наук, профессор (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор университета Мидл Теннеси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лукин В.П. – уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО(У) МИД России.

Мионов С.М. – руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва (Россия).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Подберезкин А.И. – проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Примаков Е.М. – академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации – Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. – ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России (Россия).

Степашин С.В. – доктор юридических наук, профессор (Россия).

Титаренко М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН (Россия).

Чубарьян А.О. – директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. – кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов России МГИМО(У) МИД России.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомяntenko Г.П. – доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. – доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. – доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».

Большова Н.Н. – кандидат политических наук, начальник управления научной политики МГИМО(У) МИД России.

Вишняков Я.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Иванов Н.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России.

Коннов В.И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Малиновский А.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Ручкин Г.Р. – директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chair of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Bogaturov A.D. – Doctor of Political Science, Professor (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Science at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Emeritus Professor of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lukin V.P. – Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Malgin A.V. – Candidate of Political Sciences, Vice Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mironov S.M. – Head of the Parliamentary Party "Just Russia" in the 6th State Duma (Russia).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Podberezkin A.I. – Vice Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Primakov E.M. – Academician of the RAS (Russia).

Prikhodko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation – Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Seregin A.V. – Executive Secretary of the Bureau of the Editorial-Review Committee of MGIMO University (Russia).

Stepashin S.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia).

Titarenko M.L. – Director of the Institute of Far-East of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Tchubarian A.O. – Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Editorial Board:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO University.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO University.

Gladkov G.I. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor, Head of Languages and Bologna Process Directorate, MGIMO University.

Engibarian R.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of International Institute of Administration, MGIMO University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO University.

Kirillov V.B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Legoyda V.R. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO University.

Orlov A.A. – Candidate of Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO University.

Salygin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University.

Skvorcov Y. L. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Dean of School of International Journalism, MGIMO University.

Tolstopiatenko G.P. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of School of International Law, MGIMO University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO University.

Entin M.L. – Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO University.

Editorial Staff:

Muntian M.A. – Editor-in-Charge, Doctor of History, Professor.

Bolshova N.N. – Candidate of Political Sciences, Head of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Vishniakov I.V. – Candidate of History, Associate Professor of the Department of World and Russian History, MGIMO University.

Ivanov N.V. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department for Romance Languages, MGIMO University.

Konnov V. I. – Candidate of Sociology, Associate Professor of the Philosophy Department, MGIMO University.

Kravchenko S.A. – Doctor of the Philosophy, Head of Sociology Department, MGIMO University.

Malinovskiy A.A. – Doctor of Law, Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Department, MGIMO University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO University.

Ruchkin G.R. – Director of MGIMO University Press.

Svishchev A.V. – Candidate of Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Kharkevich M.V. – Candidate of Political Sciences, Head of the Office for Research Planning, Statistics And Accountancy of the Directorate for Research Policy, MGIMO University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)									
	Вестник МГИМО- Университета		КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ 1									
	На 2013 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда												
		(почтовый индекс)		(адрес)								
Кому				(фамилия, инициалы)								
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
			66009 (индекс издания)									
	на журнал											
	ПВ	место	литер									
	Вестник МГИМО-Университета											
	Стои- мость	подписки переадресовки руб.		Количество комплектов	1							
	На 2013 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
		(почтовый индекс)		(адрес)								
Кому				(фамилия, инициалы)								

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Немченко Ю.А., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 41 усл. п. л. Заказ №652

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Foreign Ministry of the Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone./fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: Vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies 2000.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Щербак И.Н. О деятельности Совета безопасности ООН на современном этапе международных отношений	9
Чернова А.В. «Восточная политика» Польши: от концепции УЛБ до «Восточного партнерства»	15
Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой; поиск консенсуса в условиях экономического кризиса	25
Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения. . . .	34
Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы	42

К 70-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МГИМО

Ястребова Е.Б., Крячков Д.А. Инновации как форма устойчивого развития языкового образования в отдельно взятом вузе	49
Кравцова О.А., Новиков Д.Н. Современный учебник иностранного языка: от бумажного к электронному.	62
Соловова Е.Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков.	67
Шкапенко Т.М. Электронное обучение: актуальное состояние проблемы в вузовской системе образования России и зарубежных стран	72
Александровская Е.Б. Инновационные подходы в преподавании иностранного языка на уровнях B2–C1 (из опыта написания учебника)	77
Кравченко А.В. Когнитивная грамматика на уроке английского или как облегчить жизнь русским студентам.	83
Барышников Н.В. Стратегия равностатусной межкультурной коммуникации	90
Чигашева М.А. Проблема эквивалентности перевода онимов с немецкого языка на русский	95
Позднякова Е.М. Методологические основы когнитивно-дискурсивной парадигмы в формировании лексической компетенции	101
Кузьмина Л.Г. Компетентностный подход в профессиональной иноязычной подготовке бакалавров	106

ИСТОРИЯ

Аникеева Н.Е., Дубинин Ю.В. Восстановление дипломатических отношений с Испанией и заключение первого договора о разоружении с США	111

ЭКОНОМИКА

Бирюков Е.С. Инвестиционные стратегии институциональных инвесторов: суверенные инвестиционные фонды vs эндаументы.	117
Токарева Е.А. Особенности и проблемы рынка страхования природных катастроф	127
Хмельницкий М.М. Разделение Европейского союза на «север» и «юг» и перспективы евро	134
Мануйлов К.Е. Спекулятивные операции на финансовом рынке	141
Синь Жань. Влияние российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса	149

ПОЛИТОЛОГИЯ

Носкова А.В. Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям.	155
Колегова О.Ю. Ключевые сферы международного сотрудничества в рамках ШОС	160
Щербакова Л.Н. Роль первичных глобальных общественных благ в информационном обществе	170

ПРАВО

Турланов Д.А. Правовые основы Таможенного сотрудничества России и ЕС в свете вступления России в ВТО.	177
Алиев Э.Б. К вопросу о понятии и роли офшорных зон	183
Шашкова А.В. Отмывание денег и конституционные права	190

НАУКОВЕДЕНИЕ

Водяницкая Е.А. Роль и место немецкого научно-исследовательского сообщества в научной политике ФРГ	197
Казанцев А.А., Боришполец К.П. «Утечка мозгов» из России как политико-управленческая проблема.	206
Харкевич М.В. Управление научной коммуникацией в развитии отечественной политической науки.	215

СОЦИОЛОГИЯ

Кравченко С.А. Становление сложного социума: за гуманистический поворот.	220
Грызунцова Е.А. Модели кризисных коммуникаций и управления информацией в работе органов государственной власти.	225
Кузьмина Е.И. Социальные неравенства и жизненные выборы молодежи	230
Чистяков Д.И. Динамика взаимодействия массмедиа и общества в коммуникативном пространстве	234
Ширмазян А.А. Представление себя «другим» в онлайн-соцсети	241

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Семенов А.Л., Ершов В.И., Гусаров Д.А. Язык и культура: диада и единство	248

ПСИХОЛОГИЯ

Додельцев Р.Ф., Коннов В.И. Главный миф психоанализа: к столетию издания «Тотем и табу» З. Фрейда	254

ФИЛОЛОГИЯ

Айвазян Ю.С. Языковая номинация как способ лексической модернизации в арабском литературном языке (в трактовке арабских и западных исследователей)	263
Голованова Д.А. Особенности семантики отрицания в дипломатическом тексте	269
Соседова В.С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике.	275

ПЕДАГОГИКА

Деркач А.В. Подходы к процессу формирования компетенции межкультурного общения у будущих специалистов-японистов.	280

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Кременюк В.А., Зволинский В.И. Академик Георгий Аркадьевич Арбатов (1923–2010)	286
Андреева П.А., Андреев С.В. Маргарита Анатольевна Родионова	292
Краснов Ю.К., Охотский Е.В. Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор Р.В. Енгибарян	294
Долгов В.И. И.А. Мелихов – дипломат и ученый	297
Давлетшина Н.В. Когда годы не властны.	301
Ахтамзян А.А. Ю.Н. Халиуллин: дипломат, ученый, писатель	303

РЕЦЕНЗИИ

Веденина Л.Г. О книге «Языки и культуры»	310
Аврутина А.С. Венный турецко-русский и русско-турецкий перевод в России в начале XXI века	317

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Галигузова А.В. Конференция «Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников»	319
Литвак Н.В. Презентация книги «К.Н. Леонтьев. Записки и донесения»	322
Окунев И.Ю., Жирнова Л.С. Наложение пространственных идентичностей в приграничных городах России	324

Содержание номеров журнала «Вестник МГИМО-Университета» в 2013 году	325

Table of Contents

INTERNATIONAL RELATIONS

Scherbak I.N. The Role of the UN Security Council in Maintaining Peace	9
Chernova A.V. Poland's "Eastern Policy": from "Ukraine, Lithuania, Belarus" to the «Eastern Partnership»....	15
Vorotnikov V.V. Baltic Ethnocracies between Russia and EU: in Search of Consensus under Conditions of Economic Crisis.....	25
Gusev L.Y. Current State and Possible Solutions of Water and Power Problems in Central Asia	34
Eshba E.D. Regional Cooperation on the Black Sea: Achievements, Problems, Prospects.	42

70TH ANNIVERSARY OF MGIMO FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Yastrebova E.B., Kryachkov D.A. Innovations as Form of Sustainable Development of Language Education at University	49
Kravtsova O.A., Novikov D.N. Up-to-Date Foreign Language Coursebook: From Paper to Electronic Version. . .	62
Solovova E.N. New Tendencies in Teaching Foreign Languages at Tertiary Level	67
Shkapenko T.M. E-Learning: Current State of Problem in Higher Education System of Russia and Foreign Countries.	72
Aleksandrovskaya E.B. Innovative Approaches to Teaching of Foreign Languages at Levels B2 - C1 (Based on Textbook Making)	77
Kravchenko A.V. Cognitive Grammar at English Classes, or how to Make Life for Russian Students Easier. . .	83
Baryshnikov N.V. Strategies of Equal Status Intercultural Communication	90
Chigasheva M.A. Problem of Equivalent Translation of Onyms from German into Russian	95
Pozdnyakova E.M. Methodological Foundations of Cognitive-Discursive Paradigm in Building Up Lexical Competence.....	101
Kuzmina L.G. Bachelor Degree Programs in International Relations and Regional Studies: Competence-Based Approach to Professional Training of Students in Foreign Languages	106

HISTORY

Anikeeva N.E., Dubinin Y.V. Restoration of Diplomatic Relations with Spain and Conclusion of the First Disarmament Agreement with USA	111

ECONOMICS

Biryukov E.S. Investment Strategies of Institutional Investors: Sovereign Wealth Funds vs Endowments	117
Tokareva E.A. Features and Problems of Natural Disasters Insurance Market	127
Khmelnitskiy M.M. The European Union North-South Divide and the Future of The Euro	134
Manuylov K.E. Speculative Financial Market Transactions	141
Xin Ran. Impact of Russian-Chinese Interregional and Cross-Border Cooperation on Entrepreneurship During the Global Economic Crisis	149

POLITICAL SCIENCE

Noskova A.V. Evolution of State Family Policy in Russia from Soviet Times to the Present	155
Kolegova O.Y. Key Areas of International Cooperation within Shanghai Cooperation Organisation	160
Scherbakova L.N. The Role of Primary Global Public Goods in Information Society	170

LAW

Turlanov D.A. Russia-EU Customs Cooperation Legal Base in Context of Russia's Accession to WTO.....	177
Aliyev E.B. On the Issue of Offshore Areas	183
Shashkova A.V. Money Laundering and Constitutional Rights	190

SCIENCE STUDIES

Vodyanitskaya E.A. The Role and Place of German Science and Research Association in Germany's Science Policy	197
Kazantsev A.A., Borishpolets K.P. «Brain Drain» from Russia as Problem of Political Governance.	206
Kharkevich M.V. Governance of Scientific Communication in Development of the Russian Political Science	215

SOCIOLOGY

Kravchenko S.A. Development of Complex Socium: a Humanistic Turn	220
Gryzunova E.A. Models of Governmental Crisis Communications and Information Management	225
Kuzmina E.I. Russia's Youth: Inequalities and Life Choices	230
Chistyakov D.I. Dynamics of Media and Society Interaction in Communicative Space	234
Shirmazanyan A.A. Self-Presentation in Online Social Network	241

CULTURAL STUDIES

Semenov A.L., Ershov V.I., Gusarov D.A. Language and Culture: Dyad and Unity	248

PSYCHOLOGY

Dodeltsev R.F., Konnov V.I. The Core Myth of Psychoanalysis: on Centenary of Freud's «Totem and Taboo» .	254

PHILOLOGY

Ayvazyan Y.S. Word Formation as Modernization Tool of Modern Standard Arabic (as Seen by Arabic and Western Linguists)	263
Golovanova D.A. The Features of Semantics of Negation in Diplomatic Text	269
Sosedova V.S. Correlation between Language Worldview and Mentality in Modern Linguistics	275

PEDAGOGICS

Derkach A.V. Approaches to Building Competence of Intercultural Communication for Japanese Learners.	280

MGIMO GOLDEN FUND

Kremenjuk V.A., Zvolinsky V.I. Academician Georgy Arkadyevich Arbatov (1923-2010)	286
Andreeva P. A., Andreev S.V. Margarita Anatolyevna Rodionova	292
Krasnov Yu.K., Okhotsky E.V. Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Robert Vachaganovich Engibaryan	294
Dolgov V.I. P.A.Melikhov: Diplomat and Scientist.	297
Davletshina N.V. When Years Have No Power	301
Akhtamzyan A.A. Y.N. Khaliullin: Diplomat, Scientist, Writer	303

BOOK REVIEWS

Vedenina L.G. About the Book «Languages and Cultures».	310
Avrutina A.S. Military Turkish-Russian and Russian-Turkish Translation in Russia in Early XXI Century.	317

SCIENTIFIC LIFE

Galiguzova A.V. Conference «The Magic of Innovation: New Techniques and Technologies in Teaching Foreign Languages» (October 4-5, 2013)	319
Litvak N.V. Presentation of the Book «K.N. Leontiev. Notes and Reports»	322
Okunev I.Y., Zhirnova L.S. Imposing Spatial Identity in Border Cities of Russia	324
«Vestnik MGIMO-University» Table of Contents for 6 Issues of 2013	325

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.Н. Щербак

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор посвятил свое исследование роли Совета Безопасности ООН в современную эпоху и вызовам его существованию как важнейшей опоры поддержания всеобщего мира, безопасности и стабильности в условиях трансформации современного мира под воздействием глобализации. Исследование дает представление о процессе реформирования СБ ООН, а также дискуссии вокруг этой проблемы в Совете, позиции постоянных членов СБ ООН и различных сценариях расширения Совета (в категориях постоянных и непостоянных членов). В противоположность чересчур оптимистическим оценкам перспектив реформы состава Совета автор придерживается прагматического, поэтапного подхода к этому вопросу. Утверждается, что высокий конфликтный потенциал международных отношений требует сохранения нынешнего статус-кво в составе Совета в целях оперативного принятия политических решений по стабилизации глобального мира и их реализации. Реформенный процесс в СБ ООН тесно связан еще с одним важнейшим направлением его реформы – укреплении ключевых функций и стратегической роли Совета при проведении операций ООН по поддержанию мира и предотвращению международных и региональных кризисов. В исследовании рассматривается деятельность СБ ООН и анализируются причины неэффективности ОПМ ООН. В этих условиях на передний план выдвигается задача принятия СБ ООН консенсусных решений. Позитивный пример – единогласное принятие СБ резолюции по ситуации в Сирии, открывшей путь к уничтожению сирийского химического оружия. Выводы и рекомендации исследования содержат ряд конкретных идей, направленных на укрепление процесса реформирования СБ ООН и повышение эффективности его деятельности. Прежде всего, речь идет о необходимости большей вовлеченности СБ в планирование и реализацию крупнейших миротворческих операций, расширении полномочий Военно-штабного комитета, перестройке переговорного процесса в СБ ООН в целях принятия консенсусных решений.

Ключевые слова: реформа Совета Безопасности ООН, расширение состава Совета Безопасности ООН, “промежуточная модель”, “объединившиеся ради консенсуса”, “полупостоянные члены”, операции ООН по поддержанию мира, “Повестка дня для мира”, документ Секретариата ООН “Новые горизонты для миротворчества ООН”.

Несмотря на рассуждения о том, что Совет Безопасности переживает «серьезный кризис» и не в состоянии обеспечить в соответствии с Уставом ООН коллективную безопасность в эпоху глобализации перед лицом растущих угроз, он по-прежнему остается уникальным международным инструментом, реально выполняющим функции предотвращения и урегулирования конфликтов. Свидетельством этого является тот факт, что во многом благодаря вмешательству ООН и Совету Безопасности удалось не допустить в послевоенный период сползания к глобальному конфликту.

Вместе с тем необходимо признать, что проблемы с дееспособностью СБ ООН имеются и они в основном связаны с неоднородностью государств, образующих международную систему и входящих в ООН и Совет Безопасности. Нынешний состав СБ ООН далек от кантовского идеала вечного мира, согласно которому поддержание мира должно обеспечиваться взаимодействием либеральных демократий. Другая проблема заключается в том, что все больше становится разрыв между глобальным и национальным характером вызовов международной безопасности и прежними средствами решения этих проблем, основанными на вестфальском порядке и связанным с ним понятием суверенитета.

Получается, что в реальном измерении решение проблем обеспечения коллективной безопасности, урегулирования международных конфликтов и их предотвращения в основном зависит от задействования механизмов международного баланса сил, а не от консенсуса интересов государств – членов СБ ООН, складывающегося на основе норм международного права.

Надежда на то, что, дескать, процессы глобализации будут способствовать выравниванию противоречий между игроками на международной арене и гармонизации интересов ради мирного урегулирования международных конфликтов, не сбывается. Наоборот, глобализация в современных условиях серьезно осложнила эффективное обеспечение коллективной безопасности в соответствии с Уставом ООН.

Ситуация усугубляется тем, что традиционный статичный мировой порядок, основанный на совокупности суверенных государств, все больше уступает место новой и довольно подвижной архитектуре мироустройства, состоящей из модернизированных государств и межгосударственных образований (типа Евросоюза и СНГ) со своими внешнеполитическими приоритетами. И если к этому добавить нарастающие тенденции к разрушению института государственности в отдельных регионах мира и институтов внутреннего управления, а также появление теневых зон «несостоявшихся или обанкротившихся государств» и «непризнанной государственности», а также непредсказуемость поведения ряда авторитарных режимов, то становится очевидной сложность задач, стоящих перед СБ ООН в деле предотвращения и урегулирования конфликтов.

Совету Безопасности в этих условиях приходится сталкиваться с попытками отдельных государств и объединений регулировать кризисы путем прямого силового воздействия, принудительных мер санкционного давления и зачастую в обход Совета Безопасности и Устава ООН. В свою очередь ставка на применение принудительных мер и вооруженной силы не только не способствует устранению первопричин конфликтных ситуаций, а, наоборот, ведет к расширению зон конфликтов, неконтролируемой эскалации внутренних противоречий, втягиванию в них соседних регионов и государств, к ослаблению систем глобального и регионального управления. Наглядной иллюстрацией в этом контексте является нынешнее положение дел в результате внешнего вмешательства в Ираке и Ливии, до сих пор балансирующих на грани развала государственности и попыток восстановить былую стабильность и внутреннее управление. Параллельно наблюдается процесс взрывного накопления конфликтных ситуаций в различных регионах мира в результате кризиса государственности – Балканы, Афганистан, Судан, Ближний Восток, Мали, ЦАР, – и этот список кризисных ситуаций регулярно пополняется. И самое поразительное, что дестабилизация глобального управления происходит на фоне относительного роста влияния мировых центров силы и межгосударственных объединений – ЕС, «восьмерки», «двадцатки» и т.д.

Все это подтверждает, что пока мировые центры силы не в состоянии выйти на консенсусные решения по предотвращению и урегулированию конфликтных ситуаций и предпочитают действовать в рамках привычных схем применения вооруженной силы (последний пример в этом отношении – вооруженная акция Франции в Мали). И вряд ли дело здесь в отсутствии политической воли и умении договариваться. Скорее, пассивность основных игроков в этом важнейшем вопросе объясняется тем, что они до сих пор рассматривают свои бывшие колонии и сферы влияния как неотъемлемую часть жизненного пространства – поэтому превентивная дипломатия должна, дескать, осуществляться с учетом их интересов и по сценарию, начертанному метрополией, то есть по модели «вестфальского мироустройства». На практике такая схема не работает, поскольку в конфликтных ситуациях присутствуют интересы множества центров силы – и не только бывших колониальных империй.

Вместе с тем, несмотря на ставшую привычной для западных партнеров тенденцию к силовому «урегулированию» кризисных ситуаций, возможность принятия «пятеркой» СБ ООН политических решений на основе консенсуса по-прежнему остается. Это подтверждается единогласным принятием СБ ООН в сентябре с.г. резолюции 2118 по Сирии, открывшей путь не только к уничтожению сирийского химического оружия на основе совместного участия государств – постоянных членов СБ ООН в его ликвидации, но и мирному урегулированию затянувшегося конфликта в этой стране.

Однако не стоит забывать, что дипломатический успех в принятии консенсусной резолюции произошел в условиях, когда западные державы практически исчерпали свой потенциал принятия силовых решений по Сирии. Западные аналитики не могли не учитывать непредсказуемые последствия военного вторжения в Сирию для стабильности всего региона Ближнего Востока и Персидского залива, уже серьезно разбалансированного в результате событий так называемой «арабской весны» и недавнего военного вмешательства стран НАТО в Ливии. Серьезным сдерживающим фактором стали также нарастающие внутривнутриполитические и финансово-экономические трудности в США (угроза бюджетного дефолта) и Евросоюзе. При таком раскладе начать еще одну военную операцию, даже ограниченного масштаба, в обход СБ ООН было бы потерей элементарного политического реализма.

Необходимо заметить, что перспектива возрождения модели коллективных действий ядра постоянных членов СБ ООН не устраивает ряд государств, которые предпочитают тактику формирования «коалиций по интересам с целью силового урегулирования кризисов в обход СБ ООН». Именно под этим углом следует рассматривать демарш Саудовской Аравии, отказавшейся от места в Совете Безопасности под надуманным предлогом – якобы потери СБ способности к эффективному разрешению международных конфликтов. Постановка же саудовцами вопроса о необходимости радикальной реформы Совета и изменении процедуры голосования по применению права вето является не более чем прикрытием для начала новой кампании в пользу радикальной перестройки деятельности Совета, направленной на ослабление влияния «пятерки» в деле предотвращения и урегулирования международных кризисов.

Положение дел в СБ ООН с урегулированием конфликтов отрицательно сказывается и на способности государств – членов ООН осуществить давно назревшую реформу СБ ООН. Под реформой СБ ООН подразумевается разработка новых подходов к категориям членского состава, право вето, представленность регионов в Совете, отношения СБ ООН и Генеральной Ассамблеи ООН и рабочие методы СБ ООН. Одно из ее наиболее актуальных направлений – расширение состава СБ ООН, которое охватывает целый комплекс взаимосвязанных проблем – расширение состава постоянных членов, право вето, укрепление потенциала СБ ООН в деле предотвращения и урегулирования конфликтов и повышение оперативности Совета в реализации его решений по развертыванию операций ООН по поддержанию мира.

Оживленные дискуссии вокруг реформирования СБ ООН продолжаются с 1994 г. Прошедшие с тех пор раунды межправительственных переговоров на этот счет (наиболее важные из них – Римская конференция по глобальному управлению и реформе СБ ООН (май 2011 г.), Международная встреча по реформе СБ ООН в Мехико (июль 2011 г.) – не привели к каким-либо конкретным

результатам. Более того, переговорный процесс подтвердил, что монопольное положение «пятерки» постоянных членов СБ ООН (Россия, США, Великобритания, Китай, Франция), обладающей правом вето на принятие решений СБ ООН по ключевым вопросам международной безопасности, по-прежнему сохраняется.

Показательно, что инициативная роль в раскручивании вопроса о реформировании Совета принадлежит Германии и Японии, а также Бразилии и Индии, входящих в так называемую неформальную группу «четырех». Эта группа высказывается за расширение состава СБ до 25 членов в национальном качестве как в категориях постоянных, так и непостоянных членов. При этом право вето должно автоматически распространяться на новых постоянных членов, то есть на членов «четверки».

Несмотря на то что у «четверки» разные мотивы в реформенном процессе – Германия и Япония заинтересованы в получении статуса постоянного члена в качестве компенсации за «поражение в правах» в результате Второй мировой войны и признания их реального веса в мире; для Бразилии и Индии – это проекция их регионального влияния на глобальный уровень, всех их объединяет одна цель – ослабить нынешнее доминирование «пятерки» постоянных членов СБ ООН в международных делах.

Наиболее радикальную позицию в «четверке» занимает Индия (в последнее время с ней все больше блокируется Германия), подготовившая соответствующий проект резолюции Генассамблеи ООН с весьма запросным видением реформы СБ. В частности, проект предусматривает расширение СБ в обеих категориях до 27 членов. При этом:

- Африка получила бы два постоянных и два непостоянных места;
- два постоянных и одно непостоянное место отводились бы Азии;
- по одному постоянному и непостоянному месту резервировались бы за группой государств Латинской Америки и Карибского бассейна;
- еще одно постоянное место закреплялось бы за Западной Европой;
- восточноевропейской группе выделялось бы одно непостоянное место.

Во многом такая позиция Индии объясняется желанием подтянуть к своей инициативе по перекройке СБ ООН и другие влиятельные региональные державы из Африки, Латинской Америки, претендующие на место новых постоянных членов СБ. И это совпадает с настроением таких крупных региональных игроков, как ЮАР, Нигерия и Бразилия, которые считают, что статус постоянного члена СБ соответствует их реальному весу в мировых делах.

Более сдержанную позицию в вопросе реформирования СБ занимают государства, входящие в так называемую группу «Объединившиеся ради консенсуса» (Италия, Мексика, Пакистан, Испания, Аргентина, Южная Корея, Канада и др.). Они предложили платформу действий, которая по их задумке могла бы стать основой для достижения

■ Международные отношения

консенсуса на межправительственных переговорах по расширению СБ на демократической основе. Однако ключевые идеи их позиции – расширение СБ до 25 мест только в категории непостоянных членов при сохранении статус-кво в отношении «пятерки», отмена в перспективе права вето – не получили поддержки у абсолютного большинства участников переговорного процесса, и в первую очередь у тех, кто рассчитывает на получение новых постоянных мест в СБ.

Из всех имеющихся на столе переговоров моделей реформы СБ ООН наиболее перспективной может стать «промежуточная модель». Ее новаторский элемент – создание в рамках расширенного Совета (до 25–26 членов) категории «полупостоянных» членов (переизбираемых непостоянных членов с удлинённым сроком пребывания в СБ). В ней также заложена идея отсрочки кардинальной реформы Совета с помощью механизма созыва Специальной сессии ГА ООН через 15 лет для обзора Устава ООН и принятия решения по расширению СБ ООН. Это в принципе дает возможность в перспективе «квазипостоянным» членам с удлинённым сроком получить статус постоянного члена в результате такого обзора.

По чисто тактическим причинам данный подход на словах поддерживают Франция, Великобритания, Германия, Италия и отчасти США – для них важно продемонстрировать развивающимся странам и крупным региональным игрокам гибкость в вопросах реформы Совета Безопасности ООН.

Вместе с этим следует отметить, что, несмотря на активную дискуссию по реформе Совета Безопасности и наличие различных вариантов реформы этого органа, процесс реформирования находится в тупике. На деле ни США, ни Россия и тем более Китай не готовы к ослаблению позиций «пятерки» постоянных членов СБ ООН. Практически все великие державы понимают опасность подрыва влияния «пятерки» в условиях нарастания кризисного потенциала в международных отношениях. Необдуманная реформа Совета, какими бы мотивами она ни прикрывалась – заботой об эффективности его работы, необходимостью адаптации к современным вызовам и демократизации его состава, – может привести к потере глобального управления в предотвращении и урегулировании международных кризисов.

Как представляется, по большому счету сама реформа преждевременна, поскольку еще не сложился консенсус в региональных группах относительно «выдвиженцев» в постоянные члены СБ ООН. Например, в Азии на это место претендуют Япония, Индия, Пакистан. В Африке – ЮАР, Нигерия. В Латинской Америке – Бразилия, Аргентина, Мексика. При этом механизмы и процедуры консенсусного выдвижения кандидатов в этих регионах отсутствуют.

Оптимальным в этой ситуации было бы сохранение нынешнего статуса постоянных членов СБ ООН и дальнейший поиск согласия относительно создания дополнительных мест в Совете без ущерба для эффективности его функционирования. Упор

также должен делаться на совершенствовании операций ООН по поддержанию мира и санкционного инструментария ООН.

Повышение эффективности миротворческого потенциала ООН и оперативности действий СБ ООН по предотвращению и урегулированию конфликтных ситуаций – важнейшее направление реформы Совета Безопасности. За последнее десятилетие Совет Безопасности совместно с руководством Секретариата ООН предпринял ряд мер по совершенствованию инструментов и механизмов осуществления операций ООН по поддержанию мира (ОПМ), повышению оперативности процесса принятия решений Советом по разворачиванию таких операций, мониторингу за их осуществлением.

Произошли подвижки к лучшему в вопросах координации действий СБ ООН и Генеральной Ассамблеи ООН в отношении подготовки и разворачивания ОПМ ООН (через создание механизма консультаций между членами СБ и странами, представляющими военные контингенты (СПК) для нужд ОПМ). На качественно новый уровень вышло внутридепартаментское взаимодействие подразделений Секретариата ООН, занимающихся ОПМ (за счет более рационального разделения функций между Департаментом по политическим вопросам – (ДПВ) и Департаментом ОПМ). Целенаправленной стала работа Ситуационного центра по анализу потенциально конфликтных ситуаций, прогнозов их эволюции и возможных предупредительных мер по их сдерживанию.

Происходит дальнейшее укрепление материально-технического обеспечения ОПМ и их тыловой поддержки за счет более отлаженного функционирования базы в Бриндизи (Италия). Более оперативно решаются задачи управления расходами на финансирование ОПМ и сокращения сроков поставок базового оборудования и коммерческих услуг для комплексных ОПМ (создание Резервного фонда ОПМ в размере 150 – 200 млн долл. США, дающего возможность Генсекретарю ООН – по рекомендации ГА ООН и Комитета по административным и бюджетным вопросам – использовать эти средства для содействия начальному этапу разворачивания крупных ОПМ, то есть не дожидаясь завершения сложного и затратного по времени процесса разработки бюджетных предложений по ОПМ) [1],[2].

Положительным моментом в процессе реформирования подходов СБ ООН к ОПМ является растущее понимание среди «пятерки» его постоянных членов необходимости активизации роли Военно-штабного комитета ООН как ключевого механизма в планировании и проведении ОПМ, обеспечении военной экспертизы, мониторинга кризисных ситуаций и разработки адекватных рекомендаций по предотвращению и урегулированию конфликтных ситуаций. Важную роль в постановке этого вопроса в СБ ООН сыграла известная инициативы России на этот счет, которая пока, к сожалению, не получила достаточной поддержки.

Следует признать, что недостаточная эффективность миротворчества ООН во многом связана с отсутствием должной военной экспертизы принимаемых СБ ООН решений по развертыванию и осуществлению ОПМ. Секретариат ООН таким потенциалом не обладает и объективно не может адекватно просчитать сценарии развития ситуации на театре действия ОПМ. Абсолютную монополию на этот информационно-разведывательный ресурс имеют только члены «пятерки», но на данный момент механизм взаимодействия постоянных членов СБ ООН в этой важнейшей сфере отсутствует.

Определенный прогресс в последние годы был достигнут и в области разработки концептуальной основы совершенствования ОПМ и их доктрины (важными вехами в этом контексте стали доклад Генерального секретаря ООН «Повестка дня для мира», рекомендации Группы Брахими и документ Секретариата ООН «Новые горизонты для миротворчества ООН»). Положительную роль играют и регулярные доклады Специального комитета по миротворчеству ООН (последний доклад опубликован в сентябре 2012 г.), в которых анализируется положение дел в ОПМ и предлагаются рекомендации по корректировке «узких мест» в осуществлении ОПМ. Обоснованным представляется также упор в них на необходимость интегрированного подхода Секретариата ООН к операциям по поддержанию мира, который включает в качестве составных элементов превентивную дипломатию и постконфликтное восстановление[3],[4].

Следует констатировать, что, несмотря на модернизацию концептуальной и материально-технической основы миротворчества СБ ООН, эффективность ОПМ продолжает оставаться на низком уровне при растущих финансовых расходах на их проведение (почти 7,4 млрд долл. США в год).

Принципиальные проблемные узлы в миротворчестве сводятся к следующему:

- практическая невозможность оперативно-го развертывания комплексных ОПМ в течение 30 – 90 дней (последний пример – операция в Судане);
- неадекватная оснащенность ОПМ вооружениями и военной техникой (отсутствие у военных контингентов тяжелого вооружения);
- недостаточная мобильность военных контингентов ООН и трудности с получением воздушной и морской поддержки в чрезвычайных ситуациях;
- недостаточная четкость принимаемых СБ ООН мандатов ОПМ и проблемы с организацией должного политического мониторинга за их осуществлением, что приводит к произвольным их толкованиям, особенно в случаях использования силы;
- слабая вовлеченность СБ ООН в разработку военных элементов мандатов миротворческих операций.

Непростая ситуация с реформированием СБ ООН и сложности на пути повышения эффективности операций ООН по поддержанию мира во многом связаны с тем, что, несмотря на процессы глобализации, внешнеполитические установки ведущих государств по-прежнему определяются традиционными геополитическими приоритетами – закреплением и расширением зон влияния, доминированием на мировых и региональных рынках стратегических ресурсов. В этих условиях основные мировые игроки стремятся сохранить статус-кво в международных механизмах по поддержанию мира, в первую очередь в СБ ООН, с тем чтобы удерживать контроль в глобальном управлении в своих руках.

Вот почему следует ориентироваться на постепенный и растянутый по времени процесс реформирования СБ ООН, расширяя зону консенсуса относительно изменения состава СБ ООН и избегая каких-либо радикальных сценариев.

Этими же факторами объясняется и хроническая слабость ооновского миротворчества. Продолжающееся геополитическое соперничество основных держав вынуждает их все больше делать ставку на свои военные возможности в защите национальных интересов (подтверждением этого является высокая доля военных расходов в бюджетах основных держав). Потенциалу же ООН в сфере миротворчества в этом контексте отводится чисто периферийная роль – купирование кризисных ситуаций в отдаленных регионах мира и поддержание должной управляемости в интересах ключевых держав.

Вместе с тем (с учетом нарастания масштабов кризисных ситуаций в ряде регионов и угрозы дестабилизации сырьевых рынков) ключевые страны, прежде всего постоянные члены СБ ООН, могут пойти в ближайшее время на значительные шаги по укреплению и дальнейшему реформированию потенциала ООН в сфере миротворчества.

Единогласное принятие СБ ООН резолюции 2118 по Сирии показало, что, несмотря на доминирование в западной политической элите настроений в пользу силовых решений и в обход Совета, возможности достижения в СБ ООН компромиссных развязок по кризисному урегулированию не исчерпаны. В этих целях желательно было бы модифицировать переговорный процесс при подготовке «пятеркой» важнейших резолюций по кризисным ситуациям (как правило, инициатива в их разработке принадлежит постоянным членам СБ ООН). Как представляется, упор должен быть сделан на предварительных консультациях высокого уровня государств-членов «пятерки» и поиске политической основы для сближения позиций. Именно такой подход создал благоприятные условия для принятия СБ ООН резолюции по Сирии. Теперь важно институализировать наметившуюся модель действий в практической работе Совета в интересах повышения его эффективности на благо международной стабильности.

Список литературы

1. UN Security Council Resolution 1353, 13 June 2001, S/RES/1353(2001)- Strengthening co-operation with troop-contributing countries to peace-keeping missions.
2. Strengthening the capacity of the United Nations to manage and sustain peacekeeping operations : report of the Secretary – General (A/65/643)1 February 2010
3. Report of the Panel on United Nations Peace Operations(“ Brahimi Report”), (A/55/305), 21 August 2000
4. Report of the Secretary –General: Comprehensive report on strengthening the capacity of the United Nations to manage and sustain peace operations , (A/61/858) 13 April 2007.

Об авторе

Щербак Игорь Николаевич – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У) МИД России, выпускник МГИМО. Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в отставке, заслуженный дипломатический работник. E-mail: vestnik@mgimo.ru

THE ROLE OF THE UN SECURITY COUNCIL IN MAINTAINING PEACE

I.N. Shcherbak

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author devoted his research to the role of the UN Security Council at present time and the challenges to its existence as the linchpin of preservation of universal peace, security and stability at the time of transformation of the modern world under the impact of globalization. The research article sheds some light on the process of reforms of the UN Security Council and discussions on this issue in the UN , positions of the permanent members of the SC (“P-5”) and different scenarios of the expansion of the composition of the Security Council (permanent and non-permanent members).In contrast to some optimistic assumptions on the perspectives of the reform the author reinforces a pragmatic approach to the issue. Special emphasis is made on the importance of preserving the exclusive position of permanent members of the SC (“P-5”) as the guarantor of global stability and security. The reform process is closely entwined with another direction of the reform of the SC – strengthening its core functions and strategic role in prevention of international and regional crises. The conclusions and recommendations contain some ideas aimed at strengthening the reform process of the SC and its effectiveness. The SC should be more involved in planning and implementation of the UN peace- keeping operations. The functions of Military Staff Committee should be expanded and the process of consultations within the “P-5” Group should be reviewed with emphasis on taking political decisions on the basis of consensus.*

Key words: Reform of the UN Security Council, Expansion of the composition of the UN Security Council, interim model, “United for consensus”, semi – permanent members, UN peace-keeping operations, Report of the UN SG “Agenda for peace”, Document of the UN Secretariat “New horizons for UN peace-keeping”.

References

1. UN Security Council Resolution 1353, 13 June 2001, S/RES/1353(2001)- Strengthening co-operation with troop-contributing countries to peace-keeping missions.
2. Strengthening the capacity of the United Nations to manage and sustain peacekeeping operations : report of the Secretary – General (A/65/643)1 February 2010
3. Report of the Panel on United Nations Peace Operations(“ Brahimi Report”), (A/55/305), 21 August 2000
4. Report of the Secretary –General: Comprehensive report on strengthening the capacity of the United Nations to manage and sustain peace operations , (A/61/858) 13 April 2007.

About the author

Igor N. Shcherbak – PhD in History, leading scholar of the Institute of International research of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) . He has the rank of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. E-mail: vestnik@mgimo.ru

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ПОЛЬШИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ «УЛБ» ДО «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»

А.В. Чернова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В настоящей статье рассматривается эволюция внешней политики Польши по отношению к ближайшим восточным соседям: независимым и суверенным Украине, Литве и Белоруссии. В польской исторической науке она известна как «восточная политика», а сами эти страны - как «восточные окраины», в отличие от Востока в классическом западном понимании, для обозначения которого принято латинское слово «Ориент». Судьба Польши на протяжении всей ее истории была неразрывно связана с этим регионом, который то входил в состав Речи Посполитой, то выступал в качестве «буферной» территории, а в нынешних очертаниях предстал только после распада СССР и социалистического лагеря. Хотя к сфере польской «восточной политики» принято относить и Россию, очевидно, что природа отношений между Варшавой и Москвой отличается от той, которая была изначально характерна для стран «УЛБ» (Украины, Литвы и Белоруссии). К тому же, после вступления Польши в ЕС сферой ее ответственности в европейской внешней политике стали Украина и Белоруссия, но никак не Россия, за развитие отношений с которой отвечают «старые» члены союза. По этим причинам польско-российские отношения будут рассмотрены здесь в качестве важного фонового компонента, а акцент будет сделан на странах «УЛБ». Из-за тенденции к интеграции польской «восточной политики» в схемы ЕС здесь будет затронута Молдавия, а также Азербайджан, Армения и Грузия, которым, наряду с Украиной и Белоруссией, было предложено принять участие в главной европейской инициативе на этом направлении – программе «Восточное партнерство». По тем же соображениям будут выделены два условных этапа: до и после вступления Варшавы в Евросоюз, которое формально состоялось 1 мая 2004 года.

Ключевые слова: Польша, «Восточная политика», «УЛБ», ЕС, Европейская политика соседства, «Восточное партнерство».

Современная внешняя политика Польши и в особенности ее политика на восточном направлении находится под постоянным воздействием исторического фактора. Основная, но не единственная причина этого состоит в том, что в новое и новейшее время на долю этой страны выпали исключительные исторические испытания, сопровождавшиеся как ограничением суверенитета, так и полной утратой государственности. Некогда могучая Речь Посполитая (федеративное государство Королевства Польского и Великого княжества Литовского) к XVIII в. пришла в упадок и стала жертвой трех территориальных разделов между соседями: австрийскими Габсбургами, Пруссией и Российской империей.

Лишь Первая мировая война, уничтожившая все три участвовавшие в разделе Польши империи, дала жизнь первому за почти полтора века независимому польскому государству. Польская республика или Вторая Речь Посполитая существовала ровно до начала Второй мировой войны, когда она сначала подверглась фашистской военной агрессии, а затем ее восточная часть была оккупирована советскими войсками во исполнение секретных протоколов к договору о ненападении между Германией и СССР (пакту Молотова – Риббентропа). После войны польское государство было возрождено в форме Польской Народной Республики, которая надолго стала сателлитом Советского Союза.

История и идеология «восточной политики» Польши

Длительное существование польской нации без независимого государства и безуспешные попытки противостоять диктату великих держав того времени наложили отпечаток на идентичность поляков, предопределив такие ее черты, как обостренную национальную гордость и внимание к вопросам государственности и внешней зависимости. К этому нужно добавить заметный мессианский оттенок, связанный с самоощущением Польши как форпоста западного христианства и всей западной цивилизации на востоке, которому постоянно угрожает опасность. Со времен соперничества за наследие Киевской Руси главным источником этой угрозы виделось московское, а затем российское государство.

Как уже упоминалось, Речь Посполитая на пике своего могущества объединяла помимо поляков и литовцев еще и украинцев и белорусов с их главными центрами – Вильно (Вильнюсом), Гродно, Минском, Киевом, Черниговом и др. Лишь последовательные разделы Польши привели к ускоренному формированию национального самосознания поляков, включая обостренное внимание к своему языку и религии, что, в конце концов, сделало их «врагами всех непольских национальных движений на землях бывшей Речи Посполитой» [3, с. 15]. Каким же образом и в какой степени современной Польше удалось найти выход из обозначенной выше парадигмы: «Россия – это враг, а восточные соседи – сателлиты»?

Для ответа на этот вопрос нужно вернуться в межвоенный период, когда в окружении будущего главы Второй Речи Посполитой Юзефа Пилсудского родилась идея единого федеративного государства на пространстве всей Восточной Европы. Оно было призвано защитить страны-участницы от российского (а заодно и германского) влияния и получило название «Междуморье» из-за своих границ от Адриатического и Черного морей на юге до Балтийского на севере. Этот политико-идеологический проект также известен как «прометеизм» по названию организации «Прометей», созданной по инициативе Польши в Париже в 1926 году и включавшей представителей самых разных национальных движений на территориях тогдашней Советской России.

«Прометеизм» стал практическим воплощением одной из двух концепций, столкнувшихся в идейном пространстве межвоенной Польши, а именно так называемой «ягеллонской» (по названию польской королевской династии, при которой была создана уния с Великим Княжеством Литовским). Ее суть заключалась в «возвращении на восток», на ранее входившие в состав первой Речи Посполитой земли и создании там блока государств, среди которых главное место занимала бы Украина. Реализация этой концепции была призвана надолго отеснить Советскую Россию от восточноевропейских дел и гарантировать молодому польскому государству безопасность со стороны большого соседа.

«Ягеллонской» концепции противостояла так называемая «пястовская», которая призывала воссоздать польское национальное государство по образцу первой королевской династии Пястов. Поскольку это означало территориальные претензии к Германии, контролировавшей многие исконно польские земли, акцент делался на германской, а не на российской угрозе. Выразителем «пястовской» идеи, а заодно и главным идеологом польского национализма, считается Роман Дмовский. Его взгляды были полностью противоположны тому, к чему апеллировал Пилсудский: например, он был далек от восхищения Речью Посполитой и критиковал ее за то, что она так и не смогла создать общей идентичности для всех входивших в нее народов.

В полном соответствии с «ягеллонской» концепцией союзником Второй Речи Посполитой сразу же стала новоиспеченная Украинская Народная Республика, хотя перед этим поляки успели разгромить воинские формирования Западно-Украинской Народной Республики и захватить ее территорию, включая Львов. Польше даже удалось победить Советскую Россию в войне 1920–1921 гг. и вновь заполучить обширные территории к востоку от «линии Керзона», а именно Западную Украину, Западную Белоруссию и часть Литвы с Вильно. Однако о надеждах на дружескую независимую Украину пришлось забыть – большая ее часть перешла под контроль Советов.

Продержавшись в таком виде до самого начала Второй мировой войны, эта восточная граница вошла в польский исторический дискурс как «граница 1939 г.». Однако послевоенные рубежи Польши на востоке вновь вернулись к «линии Керзона», как о том договорились СССР, США и Великобритания на Тегеранской конференции 1943 г. Компенсацию за Западную Украину и Западную Белоруссию Польша получила за счет побежденной Германии, где под ее контроль перешли исторически населенные поляками земли Восточной Пруссии вплоть до рек Одера и Нейсе.

В эпоху ПНР польско-украинские, польско-литовские и польско-белорусские связи развивались исключительно в рамках двусторонних отношений с Советским Союзом, а вместо их сложной исторической подоплеку культивировался миф о товарищеских отношениях между трудящимися этих стран. «Восточная политика» Польши полностью исчерпывалась военно-политическим союзом с СССР, причем сохранение существующей границы с Украиной, Литвой и Белоруссией считалось обязательным для сохранения государства. Поэтому неудивительно, что «ягеллонство» было поставлено властями ПНР вне закона, в то время как «пястовская» концепция национального государства, напротив, стала частью официальной доктрины.

Параллельно с этим попытки переосмыслить «восточную политику» Польши предпринимались в эмигрантской среде, а именно вокруг созданного Ежи Гедройцом издательства «Литературный институт» и журнала «Культура». Редактор «Культуры» был продолжателем идей Юзефа Пилсудского, решительно и последовательно высказывавшимся за примирение поляков с украинцами, белорусами и литовцами и поддержку их государственности. Однако, в отличие от «ягеллонской» концепции, представители «Литературного института» были далеки от реваншизма: акцент делался на необходимости совместного выхода из-под советского влияния и создании равноправных отношений.

Идея о независимых Украине, Литве и Белоруссии как гарантии безопасности и стабильности всей Центрально-Восточной Европы (так называемая концепция «УЛБ») считается самым большим достижением «Культуры». На страницах журнала ее развивал Юлиуш Мерошевский, который открыто выступал против концепции «ягеллонства» как проявления «польского империализма по отношению к украинцам, литовцам и белорусам» [14]. По его мнению, призывы вернуть Вильно и Львов в состав Польши лишали ее важнейших сторонников на восточной границе, независимых Украины, Литвы и Белоруссии, без которых невозможно было построение и подлинно равноправных польско-российских отношений.

Уникальность идей Мерошевского состоит в том, что он по сути предвидел ситуацию, которая сложится в Восточной Европе несколько десяти-

летий спустя, после распада социалистического лагеря и самого СССР. Его видение Польши как суверенного государства средней величины рядом с такими же суверенными Украиной, Литвой и Белоруссией оказалось абсолютно верным, хотя польской эмиграции того времени оно казалось кошунственным. Ведь отказ от возвращения на белорусские, литовские и украинские земли означал не только окончательный разрыв с величием Речи Посполитой, но и утрату «малой родины», откуда были родом многие из представителей польской интеллектуальной элиты.

В конечном счете в среде родившейся в ПНР демократической оппозиции победила именно эта концепция «восточной политики» Польши. Однако, как показало время, такое ее реформированное толкование оказалось далеко не единственным. «Под этой политикой многие общественные силы, зачастую оказывавшие влияние (к счастью, не доминирующее) на властные структуры, понимали скорее «прометеизм». То есть возвращение к теории и практике отношений с Украиной и Белоруссией, популярных в 1920-е – начале 1930-х гг. и основывавшихся на максимальном распространении польского влияния фактически с единственной целью – ослабления влияния российского (советского)» [4, с. 13].

«Восточная политика» Польши до вступления в ЕС

Первым экзаменом для идей «Культуры», лежавших в основу польской внешней политики, стал приближающийся распад СССР и необходимость установления отношений с новыми восточными соседями – Украиной, Литвой и Белоруссией. Созданное в сентябре 1989 г. первое независимое правительство Тадеуша Мазовецкого поначалу проводило по отношению к ним политику «двухколейности» или «дуализма». Суть этой ставшей нарицательной доктрины заключалась в сохранении отношений с Москвой, в том числе членства в Организации Варшавского договора в качестве «щита перед возрастающей мощью Германии» [16, с. 24], при одновременном развитии двусторонних связей с отдельными союзными республиками.

Постепенно позиция Варшавы стала склоняться к выходу из ОВД и, главное, к выводу советских войск с территории Польши. Этот процесс начался еще при формально существующем СССР в 1991 г., а полностью завершился двумя годами позднее уже в сотрудничестве с Российской Федерацией. Вновь обретя суверенитет, Польша впервые за много лет приступила к формированию самостоятельной внешней политики, которую на начальном этапе можно охарактеризовать как «бегство с Востока на Запад». Поскольку подобная задача стояла и перед другими странами региона, они объединили свои усилия в рамках Вышеградской группы (Венгрия, Польша и Чехословакия).

Руководствуясь знаменитой фразой Ежи Гедройца «чем сильнее будет наша позиция на Востоке, тем больше с нами будут считаться на

■ Международные отношения

Западе» [13, с. 14], Польша постепенно начала действовать и на восточном направлении. Вопрос о границах и о польском национальном меньшинстве, а также острые исторические противоречия, публичное обсуждение которых долгое время было под запретом, создавали насущную базу для развития официальных контактов с Украиной, Литвой и Белоруссией. Однако общая история являлась источником и многих негативных стереотипов, которые оказались на редкость живучи по обе стороны бывшей советско-польской границы.

Так, Литва, которая с самого начала стала двигаться параллельным с Варшавой курсом на вступление в ЕС и НАТО, стала предпринимать шаги, чтобы максимально ассимилировать поляков (например, в отличие от русских, им было сразу предоставлено гражданство), а также потребовала от Польши извинений за «оккупацию» в межвоенный период. Со своей стороны, Варшава стала активно защищать правильное написание польских фамилий в литовских документах и возможность получить образование на польском языке. Поэтому трактат о дружественных отношениях и сотрудничестве между Польшей и Литвой удалось подписать только в 1994 г. (позже, чем со всеми остальными восточными соседями Варшавы).

В отношениях Польши с Белоруссией не было такой сложной исторической подоплеки, зато имелось недовольство миссионерской деятельностью польской католической церкви, а также первоначальный отказ белорусских властей признать существующую границу. Минск в отличие от Москвы и Киева отказался сразу же признать существующую границу с Польшей под предлогом, что Белорусская ССР не подписывала соглашение 1945 года о польско-советской границе. Из-за этого декларация о добрососедстве с Белоруссией была подписана почти на два года позже, чем с Украиной и РСФСР (в их случае это произошло в октябре 1990 года в ходе первого зарубежного турне министра иностранных дел Польши Кшиштофа Скубишевского). Впоследствии отношения охладели еще больше из-за прихода к власти в Белоруссии пророссийского президента Александра Лукашенко и вступления Польши в НАТО. Впрочем, польские исследователи сходятся во мнении, что Белоруссия, в отличие от Украины, с самого начала не являлась приоритетом «восточной политики» Польши, в частности потому, что негласно признавалась российской сферой влияния [10].

Отношения Польши с независимой Украиной выглядели наиболее многообещающими, потому что Киев видел в Варшаве воплощение своей западной альтернативы и проводника в Европу, а та, в свою очередь, считала его своим естественным союзником и гарантией против усиления России. Однако после многообещающего признания независимости Украины (самой первой из всех стран уже на следующий день после референдума 1 декабря 1991 г.) Польша

не смогла оправдать ожидания Киева. В частности, Варшава отклонила предложение Киева о создании фактического военно-политического союза, поскольку была вынуждена в тот период действовать с оглядкой на Москву, чтобы та не стала препятствовать ее вступлению в НАТО [11].

Приход к власти в 1994 г. Леонида Кучмы, имевшего куда более пророссийские взгляды, чем его предшественник Леонид Кравчук, изменил мнение об Украине среди поляков, которые стали видеть в ней страну с разделенным обществом и неопределенным геополитическим вектором. Застой в отношениях удалось преодолеть благодаря новому президенту Польши Александру Квасьневскому, при котором была, наконец, подписана польско-украинская декларация о стратегическом сотрудничестве. Природа отношений двух стран кардинально изменилась: теперь Варшава, укрепив свои позиции на Западе, всячески добивалась сближения с Киевом и поддерживала его европейские амбиции.

Начиная уже с того времени, Польша настойчиво пыталась вписать свою «восточную политику» в контекст расширения ЕС и даже стала первой в истории страной, которая, еще не будучи членом Евросоюза, официально представила предложения, касающиеся его долгосрочной внешней политики. Этот документ под названием «Восточная политика Евросоюза в преддверие расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы» был подготовлен польским МИД в 2001 г. и представлял собой целостную концепцию отношений с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдавией. В частности, в нем говорилось об «историческом вызове, заключающемся в том, чтобы убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС» [18, с. 8].

Запрос на подобные концепции был связан с тем, что ЕС, находясь на пороге масштабного расширения на восток, начинал все сильнее интересоваться своими будущими соседями (помимо России, это были как раз Украина, Белоруссия и Молдавия). Этот интерес в итоге воплотился в Европейскую политику соседства (ЕПС), объединившую полтора десятка не только восточных, но и южных соседей Евросоюза. Помимо Украины, Белоруссии и Молдавии в Европейскую политику соседства были включены три страны Закавказья: Азербайджан, Армения и Грузия. Аналогичное предложение было сделано и России, но она вполне ожидаемо предпочла строить отношения с Брюсселем на особой основе (договоренность Санкт-Петербургского саммита 2003 года о создании четырех общих пространств: экономического, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства внешней безопасности и пространства научных исследований, образования и культурного сотрудничества). На южном направлении в ЕПС вошли арабские страны Южного Средиземноморья от Марокко до Сирии плюс Израиль.

С каждой из этих стран предполагалось заключить соглашение с планом политических и экономических реформ, в обмен на которые они могли бы рассчитывать на сближение с ЕС. По своей сути это была первая попытка Брюсселя выйти из логики расширения, а именно приближать соседей к своему уровню, не предлагая им перспективы членства.

Таким образом, цели польской «восточной политики» на этом этапе удивительно гармонично совпали с задачами ЕС. Здесь нашлось место и цивилизаторской миссии Польши как носителя демократических и рыночных ценностей, и стремлению обеспечить стабильность и безопасность к востоку от польских границ, и, пусть и завуалированной, конкуренции с Москвой за влияние в регионе. При этом для Варшавы не была секретом недостаточная привлекательность ЕПС и она сразу же начала работать над ее реформированием и расширением для нужд восточных соседей.

От Европейской политики соседства к «Восточному партнерству»

Польша была одной из стран, которые наиболее активно критиковали политику соседства за то, что она ставила знак равенства между постсоветскими республиками Восточной Европы и странами Южного Средиземноморья, более далекими от Евросоюза как географически, так и по своей идентичности. Эту позицию ярко выразил министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, который назвал восточных соседей Евросоюза «европейскими соседями» в отличие от «соседей Европы» на юге [12]. На фоне общего недовольства форматом ЕПС достаточно быстро произошел ее раздел на два направления: южное и восточное.

В 2008 г. по инициативе Франции был создан Средиземноморский союз, включавший не только южных членов ЕПС, но и многих участников ранее запущенного Барселонского процесса (например, Турцию и балканские страны). Вскоре после этого польские власти анонсировали новую программу по отношению к восточным соседям под названием «Восточное партнерство». Ее главное отличие от ЕПС состояло в том, что, помимо двусторонних связей с Евросоюзом, предусматривался и многосторонний формат сотрудничества, который предполагалось сделать максимально простым и направленным на конкретные проекты, чтобы снизить стоимость программы [17].

Главными инструментами «Восточного партнерства» должны были стать индивидуальные соглашения об ассоциации и свободной торговле с Евросоюзом, а также либерализация визового режима (в долгосрочной перспективе – полная отмена виз). Для этого восточным соседям предлагалось проводить реформы и унифицировать свое законодательство с европейскими *acquis communautaire*. Так называемые *acquis* или *acquis communautaire* представляют собой обширный

набор накопленных ЕС правил и предписаний в самых различных сферах, которым должны отвечать страны-претенденты на вступление. Последняя версия *acquis* в ходе переговоров с Хорватией была разбита на 35 глав, начиная со свободного движения товаров и заканчивая финансовым и бюджетным регулированием и институтами. Ключевую роль в программе должен был играть ценностный аспект, а именно то, насколько страны-участницы придерживаются демократических норм, прав человека и других базовых принципов Евросоюза.

Однако как раз ситуация с реформами и демократией у восточных соседей меньше всего устраивает ЕС, несмотря на весь тот оптимизм, который поначалу вызвала у польского и европейского общественного мнения волна «цветных» революций в середине 2000-х гг. Самый яркий пример – это Украина, где быстрый распад «оранжевой коалиции» из-за разногласий между Виктором Ющенко и Юлией Тимошенко помешал Польше добиться форсированного вступления Киева ЕС, а значит и быстрого успеха всей ее «восточной политики».

При постепенно консолидировавшем власть на Украине Викторе Януковиче курс на сближение Украины с Евросоюзом был продолжен в более скромных рамках «Восточного партнерства». Однако подписание уже готового соглашения об ассоциации оказалось надолго отложено из-за требований Киева упомянуть в нем 49 статью Договора Европейского союза, предполагающую право любого европейского государства на членство в ЕС [6], а затем из-за судебного преследования бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко и ряда других деятелей украинской оппозиции. По мнению нынешних украинских властей, Юлией Тимошенко превысила свои должностные полномочия, подписав в 2009 году соглашение о поставках российского газа на заведомо невыгодных условиях. Впоследствии Киев сумел добиться скидки на цену природного газа в обмен на продление пребывания российского Черноморского флота в Севастополе (так называемое «Харьковское соглашение», подписанное Д. Медведевым и В. Януковичем в апреле 2010 года). Однако Украина по-прежнему пытается добиться пересмотра цены на «голубое топливо» из РФ, в то время как Москва уязвляет такую возможность с ее вступлением в Таможенный союз.

После этого Киев выдержал паузу с выполнением требований Евросоюза вплоть до самого Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» 28-29 ноября 2013 г., чтобы наконец объявить о невозможности подписать соглашение об ассоциации из-за высоких экономических рисков и «унизительных» условий предоставления финансовой помощи [7].

Для остальных объектов «восточной политики» Польши была также характерна крайне неоднозначная динамика сотрудничества с ЕС. Например, Молдавия сумела полностью

■ Международные отношения

согласовать текст соглашения об ассоциации и свободной торговле с Евросоюзом и вообще на какое-то время заняла место Украины в качестве главного «отличника» евроинтеграции. Все шло к тому, чтобы это соглашение было подписано на саммите в Вильнюсе, когда в Молдавии неожиданно случился рецидив острого политического кризиса, ранее на три года оставившего ее без президента. В результате вместо подписания соглашения было решено ограничиться парафированием, по официальной версии – из-за сложностей с переводом на все требуемые языки.

После неудач с Украиной и Молдавией в качестве одного из лидеров «Восточного партнерства» стала рассматриваться Армения, которая также сумела продвинуться до стадии парафирования соглашения об ассоциации и свободной торговле. Однако Ереван в последний момент обнулил достигнутые договоренности, объявив о своем стремлении вступить в продвигаемый Москвой Таможенный союз (наряду с Россией, Беларуссией и Казахстаном). И хотя ЕС в целом с пониманием отнесся к выбору Армении, напугав его со сложным геополитическим положением этой страны [2], вопрос о возможности участия сразу в двух интеграционных проектах со своими свободными экономическими зонами вряд ли будет иметь легкое решение.

Второй после Молдавии страной, которая сумела парафировать соглашение об ассоциации с ЕС, стала Грузия. Случайно это или нет, но также испытывавшая проблемы с территориальной целостностью и видящая в своем западном выборе гарантию суверенитета. Богатый нефтью и потому менее нуждающийся в поддержке Азербайджан пока даже не может приступить к обсуждению зоны свободной торговли, потому что не является членом ВТО. К тому же Брюссель систематически обвиняет азербайджанские власти в нарушениях в сфере демократии и прав человека, хотя и не оставляет надежд привлечь Баку к поставкам энергоносителей в обход России.

Что касается отношений ЕС с Беларуссией, то, несмотря на запуск «Восточного партнерства», они продолжили ухудшаться вплоть до усиления санкций и взаимного выдворения послов. Варшава поначалу пыталась развивать если не политические, то экономические и гуманитарные связи с Минском, но после президентских выборов 2010 г., закончившихся разгоном оппозиционной демонстрации и многочисленными арестами, она также прекратила диалог с Минском и потребовала демократизации белорусской политической системы. В ответ белорусские СМИ обвинили Польшу в финансировании белорусской оппозиции, а Александр Лукашенко прямо заявил, что «сценарии» минских беспорядков «писались в Польше и Германии» [5].

Трудности и вызовы «Восточной политики»

Невысокая эффективность «Восточного партнерства» как главного детища современной «восточной политики» Польши естественным

образом порождает обсуждения и критические замечания. Одно из главных направлений критики связано с тем, что идеи Гедройца и Меровского, на которых якобы продолжает основываться польская внешнеполитическая концепция, давно перестали соотноситься с реальностью и нуждаются в переосмыслении. Например, больше не существует общего пространства Украины, Литвы и Беларуссии, так как эти страны в последние двадцать лет пошли совершенно разными путями [8].

Помимо доминирования идеалистических и эмоциональных подходов над прагматизмом (в качестве примера приводятся отношения с Минском), критики привычно диагностируют у польской «восточной политики» отсутствие по-настоящему долгосрочной перспективы, а также приверженность историческим стереотипам [11]. Кроме того, проблемы польского меньшинства в Литве и Беларуссии подчеркивают тот факт, что поляки привыкли ощущать себя жертвами в силу своей трагической истории и потому не осознают, что небольшие соседи по региону могут воспринимать их самих как доминирующую и потому угрожающую политическую и культурную силу.

При этом сама польская «восточная политика», несмотря на вступление в ЕС и наличие общего «фарватера» в виде идей Гедройца и Меровского, могла существенно меняться в зависимости от правящей партии. Например, внешнеполитическая доктрина братьев Качиньских официально носила название «исторической», а ее восточное направление во многом воспроизводило «ягеллонскую» концепцию в ее изначальном виде. Институционализация польской «восточной политики» в рамках Евросоюза по-настоящему началась лишь после прихода к власти центристской «Гражданской платформы» во главе с Дональдом Туском, которому удалось преодолеть стереотип об «антироссийской» Польше и сделать так, чтобы польские инициативы в отношении Восточной Европы не вызвали отторжения у других членов ЕС.

Передавая свою «восточную политику» под эгиду Евросоюза в обмен на его недюжинные дипломатические ресурсы и знаменитую *soft power* («мягкую силу»), Польша одновременно сделала ее заложником тех трудностей, с которыми в последнее время сталкивается ЕС. Хотя вступление Хорватии свидетельствует о начале преодоления так называемой «усталости от расширения», последствия экономического и долгового кризиса еврозоны будут еще долго сказываться на европейских перспективах соседних стран (особенно таких крупных, как Украина). К тому же большинство старых членов Евросоюза, таких как Франция, выступают категорически против дальнейшего расширения на Восток.

Компромиссный вариант, которым стала программа «Восточное партнерство», изначально не мог не вызвать проблем с мотивацией у ее участников, потому что достигнутый ими

прогресс по сути никак не влиял на возможность вступления в ЕС. Выгода от участия в зоне свободной торговли – наиболее «осязаемой» преференции в отношениях с Евросоюзом – также является далеко не очевидной из-за низкой конкурентоспособности их товаров, а полная отмена виз со странами ЕС является далекой перспективой. В результате получается ситуация, когда Брюссель в отношениях с восточными соседями придерживается риторики и требований политики расширения, но при этом не предлагает им самой перспективы членства или какой-либо привлекательной альтернативы.

Шансы ЕС в борьбе за симпатии стран «Восточного партнерства» зависят еще и от того, сумеет ли он эффективно способствовать решению замороженных конфликтов на их территории. Это актуально и для Грузии, отказывающейся признавать отделение Абхазии и Южной Осетии, и для Молдавии, вновь испытывающей опасность эскалации конфликта в Приднестровье, и, тем более, для Армении с Азербайджаном с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Обычная тактика Евросоюза заключается в том, чтобы поощрять любое сотрудничество между сторонами конфликта и создавать для них стимулы, делающие невыгодным сохранение конфронтационного статус-кво [1]. Однако для нее, во-первых, нужно время, а во-вторых, у Брюсселя, особенно по сравнению с Москвой, не хватает реальных рычагов влияния в этих горячих точках.

Заключение

Польша подошла к современному периоду своей истории со сложным багажом в отношениях с восточными соседями, где мозаично сочетались воспоминания об имперском доминировании Речи Посполитой и о последующей зависимости от Российской империи и СССР. Совершить переход от реваншизма к идее равноправного сотрудничества помогли концепции мыслителей-эмигрантов во главе с Ежи Гедройцом, впоследствии положенные в основу польской внешней политики. Однако сначала Польша прошла через период «двухколейности», когда выстраивание отношений с республиками бывшего СССР происходило с оглядкой на Москву из-за отсутствия гарантий национальной безопасности и неопределенной ситуации во всей Восточной и Центральной Европе.

На начальном этапе в отношениях Варшавы с независимыми Киевом, Вильнюсом и Минском существовало множество неизвестных, начиная от исторических противоречий и демаркации границ и заканчивая статусом польского меньшинства. Успешнее всего преодолеть их получилось с Украиной, что, однако, не помогло Польше быстро добиться главной цели своей «восточной политики» – интегрировать эту страну в европейское пространство. А отношения Польши с Литвой вообще стали примером того, насколько живучи исторические стереотипы и насколько негативное влияние они могут иметь на отношения даже близких стран, выбравших общий курс европейской и евроатлантической интеграции.

Вступление в НАТО и запуск переговоров о членстве в ЕС позволили Польше проводить более смелую и амбициозную (хотя и не обязательно – более успешную) «восточную политику». Будучи глубоко идеологической по своей сути, она удачно легла на ценностную основу внешней политики Евросоюза, но весьма быстро столкнулась с полным отсутствием у Брюсселя аппетита к дальнейшему расширению. Самое большее, чего смогла добиться Польша – это выделение для восточных соседей особого направления ЕПС, которое, тем не менее, привело к усилению соперничества с Россией. Тем самым, у постсоветских стран появился простор для геополитического маневра, особенно актуальный в свете того, что проведение рыночных и демократических реформ по стандартам ЕС несет им немалые издержки вплоть до угрозы позициям элит и самой политической стабильности.

С этим связан, возможно, главный урок польской «восточной политики» за последние двадцать лет, который заключается в том, что ее успех в конечном счете зависит от проевропейского настроения элит и обществ в самих этих странах – того, на что не только Польша, но и весь ЕС могут оказать лишь весьма ограниченное влияние. А это значит, что политика Польши в отношении восточных соседей останется задачей со многими неизвестными, для решения которой Варшаве будет не обойтись без прагматичных, деидеологизированных подходов, особенно в свете стремительно меняющихся реалий в этой части постсоветского пространства.

Список литературы

1. Болгова И. Восточная политика Европейского Союза: противоречия развития // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 1. С. 17-29.
2. «Евросоюз не откажется от Армении даже в составе Таможенного союза - Штефан Фюле» // интернет-сайт информационного агентства Regnum, 14.09.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/1707623.html> (Дата обращения: 3.12.2013)
3. Tymowski M., Kieniewicz J., Holzer J. Historia Polski. Warszawa, Editions Spotkania. 1990. 381 s. (росс. изд.: Кеневич Я., Тымовский М., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.)
4. Мальгин А.В. Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 6-19.

5. «Программы по свержению конституционного строя в Беларуси писались в Польше и Германии – Лукашенко» // интернет-сайт информационного агентства «Интерфакс – Запад», 20.01.2011. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/86435> (Дата обращения: 3.12.2013)
6. Сидоренко С. Отдаленная ассоциация // интернет-сайт газеты Коммерсантъ-Украина, №173, 25.10.2011. URL: <http://www.kommersant.ua/doc/1802572> (Дата обращения: 3.12.2013)
7. «Янукович об условиях финансовой поддержки ЕС: не надо нас так унижать» // интернет-сайт информационного агентства «РИА Новости», 26.11.2013. URL: <http://ria.ru/world/20131126/979910985.html> (Дата обращения: 3.12.2013)
8. Brzezinski A. Doktryna ULB – koncepcja Giedroycia i Mieroszewskiego w XXI wieku // Nowa Europa Wschodnia, 10.06.2010. URL: http://www.new.org.pl/2010-06-10,abdoktryna_ulb_koncepcja_giedroycia_i_mieroszewskiego_w_xxi_wieku.html (Дата обращения: 3.12.2013)
9. Eastern Partnership: the Opening Report / Ed. by M. Gniazdowski, B. Wojna. The Polish Institute of International Affairs. Warsaw. 2009. Available at: http://www.pism.pl/zalaczniki/Report_EP_2009_eng.pdf (Дата обращения: 3.12.2013)
10. Fedorowicz K. Białorus i Polska dwadzieścia lat w stosunkach międzynarodowych: stan obecny i perspektywy // Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sąsiadów w nowych uwarunkowaniach. Redakcja Gil A. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. Lublin, 2012. S. 71-90.
11. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989-2010. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Poznań, 2011. 344 s.
12. Goldirova R. 'Eastern Partnership' could lead to enlargement, Poland says // EUObserver, May 27, 2008. Available at: <http://euobserver.com/24/26211> (Дата обращения: 3.12.2013)
13. Hofman I. Koncepcja wschodnia paryskiej "Kultury" po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej // Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sąsiadów w nowych uwarunkowaniach. Redakcja Gil A. Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 10 (2012). Zeszyt 1. Lublin, 2012. S. 9-24.
14. Koprowski M. ULB czyli „Kultura” i Mieroszewski, 12.05.2008. Available at: <http://www.kresy.pl/publicystyka?zobacz/ulb-czyli-kultura-i-mieroszewski> (Дата обращения: 3.12.2013)
15. Marzeda K. Pozycja geopolityczna Polski po 1989 roku // Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Redakcja Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Środkowo – Wschodniej, Lublin – Warszawa, 2009. S. 55-66.
16. Mroz M. Historyczne uwarunkowania polityki wschodniej III RP // Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. Redakcja Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Środkowo – Wschodniej, Lublin – Warszawa, 2009. S. 15-34.
17. Polish-Swedish Proposal: Eastern Partnership. June 2008 / EU Neighbourhood Library. An ENPI Project. Available at: <http://www.enpi-info.eu/library/content/polish-swedish-proposal-eastern-partnership> (Дата обращения: 3.12.2013)
18. The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe - Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs, Warsaw, 2001. 31 p.

Об авторе

Чернова Анна Валерьевна – соискатель степени кандидата политических наук по кафедре международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: anya.chernova@gmail.com

POLAND'S "EASTERN POLICY": FROM "UKRAINE, LITHUANIA, BELARUS" TO THE «EASTERN PARTNERSHIP»

A.V. Chernova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the evolution of Poland's foreign policy towards its closest eastern neighbours: independent Ukraine, Lithuania and Belarus. It's commonly referred to in the Polish historical science as the "Eastern Policy" and the countries themselves as the "Eastern outskirts" as opposed to the classical western understanding of "the East", for which the Latin word "Orient" is used. Throughout Poland's history this region was of a prominent role, at times being a part of the Polish-Lithuanian Commonwealth and at other times some kind of a "no-man's land", while taking its current shape only after the USSR and the Eastern block collapse. Though Russia is often considered to be a part of Poland's "Eastern Policy", the difference is clear in the nature of relationship between Warsaw and Moscow and that of the "ULB" (Ukraine, Lithuania and Belarus). In addition, Poland's area of responsibility as an EU member included Ukraine and Belarus rather than Russia, which predominantly remained a priority of the "old" EU member states. Therefore the Russian-Polish relations figure here as a background, while the focus is on the "ULB" states. Increasing integration of the Polish "Eastern Policy" into the EU's framework necessitated touching upon Moldova as well as Armenia, Azerbaijan and Georgia, which were invited along with Ukraine and Belarus to participate in a major European initiative – the "Eastern Partnership". For the same reason two phases were outlined: before and after Poland's accession to the EU which formally took place on 1st of May, 2004.*

Key words: Poland, "Eastern policy", "ULB", EU, European Neighbourhood Policy, "Eastern partnership".

References

1. Bolgova I. Vostochnaja politika Evropejskogo Sojuza: protivorechija razvitija [European Union's Eastern policy: contradictions of development]. Vostochnaja Evropa. Perspektivy [Eastern Europe. Perspectives]. 2011. № 1. P. 17-29.
2. "Evrosojuz ne otkazhetsja ot Armenii dazhe v sostave Tamozhennogo sojuza - Shtefan Fjule" [EU won't turn Armenia down even if in the Custom Union]. "Regnum" news agency web-site, 14.09.2013. Available at: <http://www.regnum.ru/news/1707623.html> (Accessed 3 December 2013)
3. Tymowski M., Kieniewicz J., Holzer J. Historia Polski [The history of Poland]. Warszawa, Editions Spotkania. 1990. 381 p. (Russ. ed.: Kenevich Ya., Tymovskiy M., Holtser E. Istoriya Polshi [The history of Poland]. Moscow, Ves' mir, 2004. 544 p.)
4. Malgin A.V. Rossija i Pol'sha: skvoz' prizmu "vostochnoj politiki" Evrosojuza [Russia and Poland: through the EU's "Eastern policy" perspective]. Vostochnaja Evropa. Perspektivy [Eastern Europe. Perspectives]. 2011. № 2. P. 6-19.
5. "Programmy po sverzheniju konstitucionnogo stroja v Belarusi pisalis' v Pol'she i Germanii – Lukashenko" [Programs of the Belarusian constitutional order overthrow were written in Poland and Germany - Lukashenko]. "Interfaks – Zapad" [Interfax - West] news agency web-site, 20.01.2011. Available at: <http://www.interfax.by/news/belarus/86435> (Accessed 3 December 2013)

■ **Международные отношения**

6. Sidorenko S. Otdalennaja asociacija [A remote association]. "Kommersant-Ukraina" [Kommersant-Ukraine] newspaper web-site, №173, 25.10.2011. Available at: <http://www.kommersant.ua/doc/1802572> (Accessed 3 December 2013)
7. "Janukovich ob uslovijah finansovoj podderzhki ES: ne nado nas tak unizhat'" [Yanukovich on EU's financial help conditionality: you needn't humiliate us]. "RIA Novosti" news agency web-site, 26.11.2013. Available at: <http://ria.ru/world/20131126/979910985.html> (Accessed 3 December 2013)
8. Brzeziecki A. Doktryna ULB – koncepcja Giedroycia i Mieroszewskiego w XXI wieku [ULB doctrine – the concept of Giedroyc and Mieroszewski in the XXI century]. Web-site of "Nowa Europa Wschodnia" [New Eastern Europe] magazine, 10.06.2010. Available at: http://www.new.org.pl/2010-06-10,abdoktryna_ulb_koncepcja_giedroycia_i_mieroszewskiego_w_xxi_wieku.html (Accessed 3 December 2013)
9. Eastern Partnership: the Opening Report. Ed. by M. Gniazdowski, B. Wojna. The Polish Institute of International Affairs. Warsaw. 2009. Available at: http://www.pism.pl/zalaczniki/Report_EP_2009_eng.pdf (Accessed 3 December 2013)
10. Fedorowicz K. Bialorus i Polska dwadziescia lat w stosunkach miedzynarodowych: stan obecny i perspektywy [Poland's twenty years in international relations: current status and perspectives]. Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sasiadow w nowych uwarunkowaniach [What after ULB? Poland's Eastern policy towards neighbors in the new conditions]. Ed. by Gil A. Rocznik Instytutu Europy Srodkowo-Wschodniej [Yearbook of the Institute of Central and Eastern Europe]. Year 10 (2012). No. 1. Lublin, 2012. P. 71-90.
11. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Bialorusi w latach 1989-2010 [Poland's policy towards Russia, Ukraine and Belarus in the years 1989-2010]. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza [Scientific Publ. of Adam Mickiewicz University]. Poznan, 2011. 344 p.
12. Goldirova R. 'Eastern Partnership' could lead to enlargement, Poland says. EUObserver, May 27, 2008. Available at: <http://euobserver.com/24/26211> (Accessed 3 December 2013)
13. Hofman I. Koncepcja wschodnia paryskiej "Kultury" po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej [The eastern concept of the Parisian "Kultura" after the political transformation in Eastern Europe]. Co po ULB? Polityka wschodnia Polski wobec sasiadow w nowych uwarunkowaniach [What after ULB? Poland's Eastern policy towards neighbors in the new conditions]. Ed. by Gil A. Rocznik Instytutu Europy Srodkowo-Wschodniej [Yearbook of the Institute of Central and Eastern Europe]. Year 10 (2012). No. 1. Lublin, 2012. P. 9-24.
14. Koprowski M. ULB czyli „Kultura” i Mieroszewski [ULB or "Kultura" and Mieroszewski], 12.05.2008. Available at: <http://www.kresy.pl/publicystyka?zobacz/ulb-czyli-kultura-i-mieroszewski> (Accessed 3 December 2013)
15. Marzeda K. Pozycja geopolityczna Polski po 1989 roku [Polish geopolitical position after 1989]. Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. [Polish Eastern policy: Conditions. Concepts. Implementation] Ed. by Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Srodkowo – Wschodniej [Institute of East - Central Europe], Lublin – Warsaw, 2009. P. 55-66.
16. Mroz M. Historyczne uwarunkowania polityki wschodniej III RP [Historical conditions of the Eastern policy of the Third Republic]. Polityka wschodnia Polski: Uwarunkowania. Koncepcje. Realizacja. [Polish Eastern Policy: Conditions. Concepts. Implementation] Ed. by Gil A., Kapusniak T. Instytut Europy Srodkowo – Wschodniej [Institute of East - Central Europe], Lublin – Warsaw, 2009. P. 15-34.
17. Polish-Swedish Proposal: Eastern Partnership. June 2008. EU Neighbourhood Library. An ENPI Project. Available at: <http://www.enpi-info.eu/library/content/polish-swedish-proposal-eastern-partnership> (Accessed 3 December 2013)
18. The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe - Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs, Warsaw, 2001. 31 p.

About the author

Anna V. Chernova – candidate for a degree of Ph.D. in Political Science, Department of International Relations and Russia's Foreign Policy at MGIMO-University. E-mail: anya.chernova@gmail.com

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ЭТНОКРАТИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: ПОИСК КОНСЕНСУСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В.В. Воротников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Экономический кризис обострил межпартийные противоречия и ослабил общественную поддержку проводимого внутривнутриполитического и внешнеполитического курсов в странах Балтии (Литве, Латвии, Эстонии). Наиболее значимым вопросом в сфере внешней политики, по которому возникли расхождения между основными политическими партиями (правящими, оппозиционными парламентскими, так называемыми «русскими»), стала естественная необходимость отказа от прежней односторонней евро-атлантической внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации. В центре политической дискуссии стала потребность в переходе к более сбалансированным отношениям с Россией и другими восточными соседями. Отношение к этой проблеме стало определяющим в ходе недавнего политического кризиса в Латвии, а в Литве и Эстонии привело к изменению внешнеполитической риторики оппозиционных партий. Если в Литве о наличии партийного консенсуса говорить с определенной долей условности представляется возможным, то в Латвии и Эстонии внешнеполитическая стратегия, осложняемая нерешенностью внутривнутриполитических национальных и языковых проблем, является предметом столкновения позиций правящей правоконсервативной коалиции и социал-демократической оппозиции. Таким образом, перед основными общественными и политическими силами стран Балтии встала задача поиска нового консенсуса по внешнеполитическим вопросам с целью эффективного развития национальных экономик в условиях роста финансово-экономической нестабильности в ЕС и в мире и поддержания общественного единства.

Ключевые слова: страны Балтии, Латвия, Литва, Эстония, экономический кризис, этнократия.

Наличие консенсуса, или, по крайней мере, широкого общественного согласия, традиционно рассматривается в качестве важнейшего фактора стабильности и успешности проводимого как внутри-, так и внешне-политического курса и в целом эффективности функционирования всего механизма принятия решений в сфере государственного управления. В странах Балтии такой консенсус начал формироваться еще в условиях восстановления независимости в 1990–1991 гг. Его основное содержание сформулировал первый президент Литвы Альгирдас Бразаускас: «Альтернатив членству в НАТО, а также Европейском союзе и Западноевропейском союзе нет. Только интегрировавшись в эти организации, Литва сможет удовлетворить свои жизненные интересы».

Несмотря на спорность этого суждения, евро-атлантический выбор Литвы, как и соседних Латвии и Эстонии, был определен сложившейся на протяжении многих веков культурно-религиозной близостью западной цивилизации (хотя утверждались ее ценности далеко не добровольными методами) и опытом независимого существования в период между двумя мировыми войнами. Кроме того, он был идейно обоснован прибалтийскими эмигрантами-интеллектуалами в США, Великобритании, Швеции в эпоху холодной войны.

Роль мифа в формировании общественно-политического консенсуса

Как это часто происходит при складывании молодых политических систем, для обеспечения широкой общественной поддержки проводимых государственным лидерами реформ используется мобилизационная модель, опирающаяся на идеологию – миф, позволяющий издержки и неудачи реформ объяснить политической целесообразностью во имя будущего. Как отмечает М.О. Мнацаканян, «национальная элита особенно заинтересована в идеологии, видит в ней средство сохранения и усиления собственного влияния на поле политической борьбы за власть... И как только возникает политическая необходимость в идеологии, в ее собственных завершенных и оформленных для широкого наступления формах, национальные элиты демонстрируют способность вновь оживить, вдохнуть новую жизнь в, казалось бы, увядшие и потерявшие «форму» националистические идеи, концепции, лозунги» [4, с. 180].

В странах Балтии созданию и укреплению в общественном сознании подобного мифа способствовала этнократическая сущность установившихся там после обретения в 1991 г. независимости политических режимов. Классическое определение термина «этнократия» звучит как «форма политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей» [15, с. 55]. В полной мере его можно применить к Латвии и

Эстонии [14], с некоторыми оговорками – и к Литве [1], несмотря на ее моноэтничность (литовцы даже в советские годы составляли около 80% населения, а на 2011 г. – 84,1%) и применение в начале 1990-х гг. «нулевого принципа» предоставления гражданства.

Основообразующим мифом для формирования этнократий Латвии, Литвы и Эстонии стала так называемая «оккупационная доктрина» [12]. При помощи этой идеологемы формировался образ извечного врага – России, проводящего имперскую, агрессивную, несправедливую в отношении малых народов политику, была демонизирована советская эпоха истории прибалтийских государств, а период диктатур межвоенного периода, наоборот, объявлен «золотым веком» национально-государственного строительства. Этот же миф лег в основу внешнеполитического лозунга «Назад в Европу!», подразумевающего для его полноценной реализации структурную перестройку политических институтов и либерализацию экономики и, кроме того, оправдывавшего полную и подчас экономически невыгодную переориентацию внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов.

Как пишет Р.Х. Симонян, в странах Балтии «сложилось устойчивое представление о событии, давно перешедшее в разряд сакрального... Миф об оккупации обеспечивает легитимацию существующего общественного устройства. Как и всякий миф, он совмещает в себе два аспекта: диахронический (рассказ о прошлом) и синхронический (объяснение настоящего). И то, и другое успешно эксплуатируется национал-радикалами стран Балтии» [13, с. 67]. «Оккупационный» миф предельно идеологизировал внешнюю и внутреннюю политику прибалтийских государств, причем последняя на протяжении двух десятилетий играла, по сути, подчиненную планам реализации задач евро-атлантической интеграции роль.

Партийный консенсус: миф или реальность?

Поскольку политические системы стран Балтии носят многопартийный характер, маловероятна победа и формирование правительства представителями одной партии. Поэтому, учитывая необходимость создания коалиции, большое значение для анализа возможности существования межпартийного консенсуса представляют программы конкретных политических партий.

Анализ внешнеполитических составляющих программ основных политических партий в странах Балтии показывает, что, за исключением некоторых партий, не пользующихся широкой электоральной поддержкой (Социалистический народный фронт, до 2010 г. – партия «Фронт» в Литве; партии «За права человека в единой Латвии», «За родной язык!»; Партия евроскептиков в Латвии; «Русская партия» Д. Кленского, Партия независимости в Эстонии), политическому ландшафту в Латвии, Литве и Эстонии присущ консенсус по стратегическим внешнеполитическим вопросам. Не подвергается сомнению приоритетность членства в ЕС и НАТО, а углубление интеграции

и поддержка их расширения указываются в качестве основных целей внешней политики. Причем социал-демократы прибалтийских государств, в отличие от западноевропейских коллег, не только не демонстрируют скептицизма, а, наоборот, склонны «проводить более проатлантическую неолиберальную политику» [3]). Не вызывают в последнее время значительных межпартийных дискуссий и вопросы, связанные с необходимостью обеспечения энергетической независимости и превращения из «энергетического острова» в рамках ЕС в составную часть общеевропейского энергетического пространства, хотя в Литве имеет место дискуссия относительно способов осуществления этого проекта (Висагинская АЭС).

Отношения с Россией и странами постсоветского пространства рассматриваются в рамках общей политики ЕС и НАТО через призму ценностного подхода и «исторической политики». В то же время под влиянием ряда внутривнутриполитических факторов (основной – нерешенность проблемы «неграждан» в Латвии и Эстонии и, как следствие, отсутствие у значительной части населения права голоса на парламентских выборах) такой консенсус имеет свои страновые особенности. Кроме того, под влиянием последствий мирового финансово-экономического кризиса консенсус по внешнеполитическим вопросам в Литве и Латвии оказался поколеблен в части оценки места России как естественного экономического партнера во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии.

В Литве общее видение внешней политики государства в 2004 г. было закреплено подписанием специального «Соглашения политических партий об основных целях и задачах внешней политики государства в 2004–2008 гг.». Обновленный документ («Соглашение политических партий Литвы о принципах, стратегических вехах и целях внешней политики Литвы на 2008–2012 гг.») был подписан 28 октября 2008 г., однако под формальным предлогом представители правящей партии «Союз Отечества – Литовские христианские демократы» и Партии национального возрождения его не подписали. Этот документ (как и его аналог 2004 г.) носил достаточно общий характер, в нем конкретизировались некоторые знаковые для всей литовской внешней политики цели – выражалась поддержка размещения элементов ПРО в Европе, а также требований «осуждения всех преступлений тоталитарных режимов и единой правовой оценки на уровне ЕС», компенсации пострадавшим от них жертвам.

Тем не менее в условиях кризиса в литовской экономике расхождение между правящей коалицией и левоцентристской оппозицией сказались и на программных установках партий. В марте 2010 г. представителями Социал-демократической партии, партии «Порядок и справедливость», Партии труда и Христианской партии была создана программа «правительства нового большинства» – «Широкая коалиция». В этом документе была подтверждена сходная с установ-

ками правящей коалиции позиция по вопросам истории (включая сохранение к России требований компенсации за «оккупацию»), вступление в зону евро как основная цель политики Литвы в ЕС (однако не в 2014 г., а в 2015 г.). В то же время по сравнению с программой правящей коалиции в нем отсутствовали наиболее резкие выпады в адрес России, а также объявлялось об отказе от экспорта демократии в государства постсоветского пространства.

Основные тезисы этой программы были отражены и в принятой левоцентристской коалицией 13 декабря 2012 г. «Программе 16-го Правительства на 2012–2016 гг.», сформированного по итогам прошедших в октябре 2012 г. выборах в сейм. Помимо прочего, в ней была зафиксированы задачи «перезагрузки» отношений с Россией (хотя и не были сняты претензии о компенсации за «ущерб от оккупации») и «деполитизации энергетических проектов». Кроме того, по итогам консультационного референдума по поводу строительства Висагинской АЭС (64,52% проголосовавших высказались против) левоцентристское правительство А. Буткявичюса включило в программу пункт о необходимости пересмотра энергетической стратегии государства.

В Латвии на протяжении всех лет после обретения независимости к власти ни разу не удавалось прийти силам социал-демократической направленности. Кроме того, ситуация осложняется наличием значительной группы «неграждан» (на 1 января 2013 г. – около 301 тыс. чел.) – лиц с особым правовым статусом:

- ущемленных в политических и социально-экономических правах не менее чем по 79 позициям;

- лишенных «права избирать и быть избранными в государственные и муниципальные органы власти, занимать посты на военной и гражданской службе, быть судьями, прокурорами, основывать политические партии» [2] и т.д.

Нерешенность в течение более чем 20 лет независимости национального и языкового вопросов, а также использование данной тематики как правыми (партия «Все для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ»), так и левыми (партии «За права человека в единой Латвии», созданной В. Линдерманом в 2012 г. партии «За родной язык!» и др.), а также радикалами привели к поляризации настроений, преодоление которой представляется вряд ли возможным даже в среднесрочной перспективе. Отношение в латвийском политическом истеблишменте и обществе к референдуму о статусе русского языка, отказ в проведении референдума по предоставлению гражданства «негражданам», созыв конгресса неграждан и деятельность так называемого парламента непредставленных являются недавними подтверждениями этого тезиса.

Тем не менее под влиянием финансово-экономического кризиса на первый план для рядовых жителей Латвии вышли не мифическая угроза России и исторические счеты, а вполне

■ Международные отношения

реальные проблемы социально-экономического характера. В этих условиях значительную поддержку населения приобрела партия «Центр согласия», позиционирующая себя как представитель интересов всего народа Латвии без разделения по признакам этнической или языковой принадлежности и выступающая за «деидеологизированную», «опирающуюся на прагматизм» внешнюю политику [8]. Не следует преувеличивать ее популярность среди этнических латышей, тем не менее, по разным оценкам, до трети голосов на выборах она получает именно со стороны латышского электората.

Поддерживаемая русскоязычными партия «За права человека в единой Латвии», выступающая за радикальную трансформацию экономической и политико-правовой системы Латвии, проиграла парламентские выборы в 2010 и 2011 гг., что обозначило (вкуче с маргинализацией радикально-националистических партий) стремление латвийцев к поиску политических компромиссов. Недаром популярность приобрели не только социал-демократический «Центр согласия», но и правоцентристская «Партия реформ Затлерса» и «партия бизнесменов» «За хорошую Латвию» (на выборах 2010г.), тогда как крайне правая партия «Все для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ» в 2006 и 2010 гг. с трудом набирала достаточное для прохождения в сейм количество голосов.

Ситуация в Эстонии в целом представляется схожей с латвийской, однако острота межпартийного противостояния там несколько ниже. В отличие от Латвии, «неграждане» (или, как их называют в Эстонии, «лица с неопределенным гражданством») имеют право голоса на местных выборах (могут избирать, но не быть избранными), но в целом также подвержены нескольким десяткам ограничений их политических, гражданских и социально-экономических прав. На 1 июня 2013 г. их количество составило 90190 чел., или около 6,7% населения. Как и в Латвии, это определяет повестку борьбы между ведущими эстонскими партиями как по внутривнутриполитическим, так и по внешнеполитическим вопросам.

Находящиеся у власти «Партия реформ Эстонии» и партия «Союз Отечества и Res Publica» во внешнеполитических вопросах полностью придерживаются евро-атлантической ориентации. Решение национального и языкового вопросов они видят в активной ассимиляции меньшинств. Заявляя о поддержке практического сотрудничества Эстонии и России, в их программах содержатся тезисы о необходимости «основания международного музея преступлений коммунизма, а также сооружения в Таллине мемориала жертвам коммунизма» и о поддержке «инициативы по образованию Международной комиссии по расследованию преступлений коммунизма наподобие Международного уголовного суда» [7]. Последнее вряд ли способно содействовать конструктивному политическому диалогу двух стран.

Социал-демократическая партия (до 2004 г. – «Народная партия «Умеренные»») также предлагает евро-атлантическую повестку во внешней политике:

- более мягкий по сравнению с правительственным вариантом ассимиляции русскоязычных в эстонское общество (но не интеграции двух языковых общин!) [6];

- преодоление социальной отчужденности национальных и языковых меньшинств, в особенности в районах их компактного проживания (например, Харьумаа и Ида-Вирумаа);

- в ее программе отсутствует и идеологизированная антироссийская направленность, в то же время улучшение отношений с Россией увязывается с состоянием прав человека и демократических свобод в ней.

Русская партия Эстонии, считающаяся среди русскоязычной общественности правоцентристской «партией-ловушкой», на протяжении двух десятилетий оттягивавшей левоцентристский и русскоязычный электорат у социал-демократической (не по названию, а по содержанию программных установок) партии Э. Сависаара [10, с.15–21]. В нынешних условиях социал-демократы рассматриваются как естественный и единственно возможный союзник «центристов» для формирования новой правительственной коалиции.

Центристская партия Э. Сависаара, которого считают «символом» и «мотором» нормализации отношений с Россией, пользуется наибольшей поддержкой русскоязычного электората и нередко в эстонской печати именуется «русской партией». Хотя такая оценка представляется упрощенной (в ряде регионов, в том числе в Таллине, до четверти поддержки партии обеспечивается за счет голосов собственно эстонцев), она отражает альтернативность предлагаемой Центристской партией внутривнутриполитической и внешнеполитической программ. В первую очередь это касается положения русскоязычных – предлагается пересмотреть закон о гражданстве; партия выступает за сохранения образования на русском языке [9]. Во внешней политике «центристы», не ставя под сомнение ее евро-атлантическую основу (включая сохранение расходов на оборону в размере 2% от ВВП), предлагают уделять больше внимания усилению контактов с Китаем, Индией и Бразилией. В отношении России, помимо тезиса о деидеологизации и прагматизации двусторонних отношений, еще в предвыборной программе в 2011 г. было заявлено о необходимости возобновления рассмотрения вопроса о пограничном договоре и поддержке безвизового режима между ЕС и Россией [5].

Таким образом, анализ внешнеполитических программ основных (парламентских) политических партий стран Балтии показывает, что, несмотря на кризис, ни одна из них не ставит под сомнение евро-атлантический выбор во внешней политике своей страны, тем самым сохраняя стратегический консенсус по вопросам внешне-

политической ориентации. Различия в оценках внешнеполитического курса состоят, скорее, в методах его реализации или определении места (2, 3, 4-е и т.д., но не первое!) следующих в иерархии внешнеполитических приоритетов. Речь в этом случае обычно идет о прагматизации внешней политики и ее диверсификации в восточном направлении, как предлагают, например, «Центр согласия» в Латвии, Партия труда в Литве, Центристская партия в Эстонии.

Кризис общественной поддержки

Если в начале 2000-х гг. внешнеполитическая проблематика была на первых позициях общественного внимания в странах Балтии, после вступления в ЕС и НАТО, а затем и в условиях экономического кризиса для рядовых граждан она отошла на второй план. Согласно данным проводимых Европейской комиссией опросов «Eurobarometer», жители Латвии, Литвы и Эстонии в 2008–2012 гг. основные проблемы и угрозы для своих государств видят в социально-экономической сфере (см. табл. 1).

Жители прибалтийских государств ощущают демократический дефицит в масштабах ЕС. Так, только 25% жителей Латвии, 25% – Литвы и 22% – Эстонии «скорее согласны» с мнением о том, что их голос учитывается в ЕС (в среднем по ЕС – 33%). Впрочем, для сравнения: 32% латвийцев, 16% литовцев и 53% эстонцев «скорее согласны» с мнением, что их голос учитывается в их собственных государствах (в ЕС – 52%) [17, с. 23,25].

Поэтому неудивительно, что явка на выборах в Европарламент заметно ниже средних показателей по ЕС. Так, в 2004 г. она составила в Эстонии 26,83%, в Латвии – 41,34%, в Литве – 48,38%. В 2009 г. она была 43,9% в Эстонии, 52,57% – в Латвии и всего лишь 20,54% – в Литве. Если в Эстонии рост явки можно объяснить значительным ростом благосостояния населения за годы членства в ЕС и относительно успешной макроэкономической политикой, то высокая лат-

вийская явка была обеспечена лишь тем, что на этот же день были назначены и выборы в органы муниципального управления (явка на которые до 2013 г. в Латвии была традиционно высокой). Что же касается Литвы, то один из самых низких показателей во всех странах ЕС говорит сам за себя.

Присоединение Эстонии к еврозоне в 2011 г., как и принятие латвийским правительством соответствующей программы в 2012 г., прошло в условиях отсутствия общественной поддержки этого шага. Так, проведенный в октябре 2010 г. в Эстонии опрос показал, что только 34% респондентов высказались «за» (53% – против), а в декабре на аналогичный вопрос положительный ответ дали только 25% опрошенных. В Латвии уже с началом кризиса количество противников введения евро превысило количество сторонников. Если в мае 2009 г. первых было 55%, то в мае 2013 г. – 62%. Схожая ситуация – и в Литве. Так, еще в 2011 г. «против» высказывались только 49% опрошенных, тогда как данные апреля 2013 г. показали, что число противников увеличилось до 58%. Интересно, что в Латвии и Литве в качестве одного из основных негативных последствий от введения евро жители называют «утрату национальной идентичности».

Несмотря на явный евроскептицизм, жители прибалтийских государств в целом удовлетворены присоединением к ЕС и полагают, что вследствие этого шага их жизнь изменилась к лучшему (не менее 55–60%). Впрочем, в условиях кризиса и значительно выросшего потока трудовой миграции жителей Латвии, Литвы и Эстонии в Западную Европу основные достижения ЕС оцениваются в этих странах с позиции практической, материальной пользы для себя и своих семей. Именно жители стран Балтии (как, впрочем, и других восточноевропейских стран) считают основным достижением ЕС свободу передвижения людей, товаров и услуг, отдавая третье место среди достижений возможности участия в программах студенческих обменов (см. табл. 2).

Таблица 1

Основные вызовы, стоящие перед государством [18]

Год	Латвия	Литва	Эстония
2008, осень	Рост цен/инфляция (59%) Экономическая ситуация (45%) Безработица (26%)	Рост цен/инфляция (56%) Экономическая ситуация (34%) Преступность (20%)	Экономическая ситуация (50%) Рост цен/инфляция (45%) Преступность (22%)
2009, осень	Безработица (64%) Экономическая ситуация (50%) Система здравоохранения (20%)	Безработица (64%) Экономическая ситуация (49%) Преступность (19%) Рост цен/инфляция (19%)	Безработица (68%) Экономическая ситуация (53%) Система здравоохранения (22%)
2010, осень	Безработица (54%) Экономическая ситуация (48%) Налогообложение (19%)	Безработица (54%) Экономическая ситуация (41%) Рост цен/инфляция (35%)	Безработица (60%) Рост цен/инфляция (42%) Экономическая ситуация (38%)
2011, осень	Безработица (53%) Экономическая ситуация (45%) Рост цен/инфляция (19%)	Экономическая ситуация (41%) Рост цен/инфляция (41%) Безработица (39%)	Рост цен/инфляция (51%) Безработица (48%) Экономическая ситуация (41%)
2012, осень	Безработица (51%) Экономическая ситуация (41%) Рост цен/инфляция (23%)	Рост цен/инфляция (43%) Безработица (42%) Экономическая ситуация (36%)	Рост цен/инфляция (58%) Экономическая ситуация (37%) Безработица (30%)

Источник: по данным Eurobarometer, респонденты выбрали 2 ответа из 12–15 предложенных вариантов.

Что из указанного вы отнесете к наиболее значимым результатам ЕС? [17]

	Мир в отношениях между странами-членами ЕС	Свободное движение людей, товаров и услуг в ЕС	Политическое и дипломатическое влияние ЕС в остальном мире	Евро	Экономическая мощь ЕС	Уровень социального благосостояния в ЕС	Программы обмена студентов, такие как ERASMUS	Общая сельскохозяйственная политика
Латвия	51%	75%	13%	10%	15%	19%	42%	12%
Литва	52%	69%	18%	12%	22%	23%	38%	21%
Эстония	55%	67%	15%	22%	16%	15%	35%	12%
ЕС-27	57%	57%	25%	25%	25%	23%	22%	13%

Из трех прибалтийских стран наиболее значимой внешнеполитической проблематика была и остается в общественном дискурсе Литвы. В этом государстве наиболее четко сформулирована на концептуальном уровне стратегия внешней политики с ее традиционными региональными геополитическими амбициями, а МИД Литвы на протяжении последних лет находится в числе государственных учреждений, пользующихся наибольшим доверием граждан этой страны.

Несмотря на официально декларируемую евро-атлантическую направленность внешней политики, жители Литвы демонстрируют большую прагматичность в оценке внешнеполитического курса. Так, данные опроса, проведенного в январе 2012 г., показали, что американский вектор литовской внешней политики находится лишь на 4-м месте, европейский (отношения с Францией и Германией – на 5-м). В то же время 37% респондентов заявили, что «первоочередной целью внешней политики Литвы должно стать улучшение отношений с Россией», 17% – с государствами Скандинавии, 16,6% – укрепление единства с прибалтийскими странами.

Наконец, кризис заметно деидеологизировал мышление литовцев. Для правоконсервативной элиты неприятным открытием стали результаты проведенного в ноябре 2012 г. опроса, в ходе которого выяснилось, что 70,4% респондентов предпочли бы экономическое благосостояние независимости страны. По мнению Н.Мачюлиса, старшего экономиста «Swedbank», «возможно, люди неправильно поняли вопрос», определив понятие «независимость» в соответствии с критериями экономической, а не политической свободы (т.е., например, как независимость от ЕС, а не – исторически – от Советского Союза). Источник: Apklausa: 70 procentų gyventojų mieliau rinktųsi ekonominę gerovę, o ne Lietuvos nepriklausomybę / Spinter tyrimai. 2012.01.14. URL: <http://spinter.lt/site/lt/vidinis/menutop/9/home/publish/MzM1Ozk7OzA> (Дата обращения: 11.10.2013).

В соответствии с данными другого замера общественного мнения, проведенного в июля 2012 г., на вопрос: «Какими, на ваш взгляд, могли бы быть наиболее эффективные меры, которые могли бы предпринять политики, чтобы снизить цены на тепло и электричество?» 37,3% опрошенных ответили: «Пойти на уступки России по политическим вопросам и в обмен получить более дешевые электричество и газ».

Латвия в нынешних условиях является идеальным примером государства, в котором «две

национальные группы населения существуют обособленно друг от друга», «как титульная часть населения, так и русская диаспора живут каждая в собственном мире или, образно говоря, на отдельных островах, омываемых отдельными информационными потоками» [11, с. 479]. Это создало ситуацию, в которой значительная часть двух – латышской и русской – языковых общин противоположным образом оценивают не только внутреннюю, но и внешнюю политику.

Выполненное латвийскими исследователями М. Цепуритисом и Р.Гулбисом исследование «Внешнеполитические мифы в Латвии: Европейский союз и Россия» подтвердило реальность этого тезиса. Исследование вызвало значительный резонанс в обществе, а его авторы были обвинены в непрофессионализме, алармизме и даже «заказном» (со стороны Москвы) характере их выводов. Достаточно в качестве примера упомянуть тот факт, что 43% опрошенных полагают, что «Латвия как независимое национальное государство неспособно существовать» (латыши – 39%, русскоязычные – 49%) [16, с. 29]. Практически все заданные вопросы получали различную оценку со стороны «жителей, для которых основным языком домашнего общения является латышский» (далее по тексту – латыши) и «жителей, для которых основным языком домашнего общения является русский» (далее по тексту – русскоязычные), тем самым подтверждая тезис о существовании в Латвии двух общин с разными оценками как исторического прошлого, так и сегодняшних политических реалий.

Так, 47% респондентов [в статье приводятся округленные данные. – Прим.авт.] согласились («полностью согласен», «скорее согласен») с утверждением «я положительно оцениваю то, что СССР распался», при этом среди латышей положительную оценку дали 60%, среди русскоязычных – только 30% (соответственно 24 и 45% отнесли к этому событию «скорее отрицательно» и «полностью отрицательно») [16, с. 62]. Аналогично в среднем 54% опрошенных заявили, что «положение дел в Латвии в составе СССР было хорошим», но среди ответивших таким образом русскоязычных оказалось 71%, среди латышей – 33% [16, с. 47].

Что касается современности, то 41% респондентов (34% – среди латышей, 51% – среди русскоязычных) согласились с утверждением, что «обычному человеку в Латвии сегодня было бы лучше, если бы мы были в составе СНГ, а не ЕС», а 36% опрошенных положительно оценили тезис: «Латвии как государству сегодня было бы лучше,

если бы она была в составе СНГ, а не ЕС» [16, с. 63]. Наконец, 82% русскоязычных и 52% латышей (в среднем по выборке – 64%) полагают, что на сегодняшний день «экономическое спасение Латвии состоит в более тесном сотрудничестве с Россией и государствами СНГ!» [16, с. 66].

Исследование в очередной раз подтвердило евроскептицизм латвийского общества. 75% респондентов (72% латышей и 77% русскоязычных) согласились («полностью согласны» или «скорее согласны») с утверждением, что «руководству Европейского союза все равно, как ощущают себя жители Латвии» [16, с. 55]. Кроме того, 73% опрошенных (65% латышей и 79% русскоязычных) полагают, что «от членства Латвии в ЕС пользу получила лишь небольшая группа лиц» [16, с. 55]. Наконец, 78% респондентов (73% латышей и 86% русскоязычных) уверены, что «Латвия в Европейском союзе – государство второго сорта» [16, с. 56].

В то время как относительно различных аспектов членства своих государств в ЕС жители прибалтийских государств настроены достаточно негативно, поддержка членства в НАТО после вступления продолжает носить неизменный характер. Опросы показывают, что в 2008–2012 гг. общественная поддержка членства в этой организации и уверенность в том, что Североатлантический альянс обеспечивает безопасность и независимость их стран, колеблется на уровне 55–75% (наибольшая – в Эстонии). В то же время в условиях экономического кризиса и необходимости сокращения государственных расходов в прибалтийских обществах уже в 2008–2009 гг. сформировалось негативное отношение (более 50% респондентов «против») к участию континентов их стран в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане. В соответствии с опросами 2012 г., около 60% литовцев, 72% латвийцев и 55% эстонцев выступают против этого. Тем не менее вряд ли на протяжении кризисных лет общественные настроения могли повлиять на реальные внешнеполитические шаги по данному вопросу. Демонстрация солидарности с мировым сообществом (и в первую очередь – с США) в борьбе с терроризмом является символи-

чески важным для стран Балтии как «получателей услуг» со стороны НАТО.

На протяжении 20 лет прибалтийские нации сплачивал миф о жертвенной истории их народов и государств. Виктимизированное сознание литовцев, латышей и эстонцев оказалось крайне уязвимым для популистской риторики правонационалистических идеологов, формировавших на его основе и реализовывавших такой внутривнутриполитический и внешнеполитический курс, который в условиях мирового финансово-экономического кризиса привел к неустойчивой внутриэкономической ситуации и фактическому разрушению, казалось бы, сформировавшегося в общественно-политическом дискурсе консенсуса. По сути, возникла ситуация необходимости пересмотра или, по крайней мере, значительной корректировки официального внешнеполитического курса, что в реальности было важной, если не основополагающей составляющей внешнеэкономической деятельности прибалтийских государств.

Кризис и необходимость поиска эффективных путей выхода из него в значительной мере деидеологизировали общественное сознание (чего пока не произошло с реальной политикой стран Балтии). Оно стало на путь переосмысления не только прожитых двух десятилетий независимости, но и места стран Балтии в европейской и мировой политике. В связи с этим продолжает оставаться открытым вопрос: осознают ли нынешние политические лидеры стран Балтии эту реальность или в их шкале ценностных ориентиров при принятии политических решений на первом месте продолжают оставаться идеологемы, ставшие наследием исторического прошлого и цивилизационного выбора этих государств?

Прошедшие два десятилетия не внушают достаточного оптимизма при поиске ответа на этот вопрос. Остается надеяться, что в условиях системного кризиса экономическая целесообразность окажется сильнее идеологии, что повлечет за собой соответствующие перемены как во внутренней, так и во внешней политике Латвии, Литвы и Эстонии.

Список литературы

1. Доклад МИД России «О ситуации с правами человека в ряде государств мира» / МИД России. 28.12.2011.
2. Доклад о ситуации с обеспечением прав человека в Европейском союзе / МИД России. 06.12.2012.
3. Марч Л. Что осталось от левых в Центральной и Восточной Европе? / Российский совет по международным делам. 29.08.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2260#top (Дата обращения: 11.10.2013).
4. Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: АНКЛ, 2009.
5. Предвыборная платформа Центристской партии Эстонии / Сайт-блог Михаила Стальнухина. 2011. URL: <http://stalnuhhiin.ee/?p=3360> (Дата обращения: 11.10.2013).
6. Программа к Парламентским выборам 2011 года / Официальный сайт Социал-демократической партии Эстонии. 2011. URL: <http://www.sotsdem.ee/ru/sotsial-demokratyi/programma-k-parlamentskim-vyiboram-2011-goda/> (Дата обращения: 11.10.2013).
7. Программа Правительства Эстонской Республики. 2011–2015 / Официальный сайт Партии реформ Эстонии. 2011. URL: <http://www.reform.ee/ru/programma-pravitelstva-er-2011-2015> (Дата обращения: 11.10.2013).

■ Международные отношения

8. Программа Социал-демократической партии «Согласие» / Официальный сайт Объединения политических партий «Центр согласия». 2011. URL: <http://saskanascenrs.lv/ru/programma/programma-social-demokratishekoj-partii-soglasie/?view=2> (Дата обращения: 11.10.2013).
9. III Программа Центристской партии Эстонии / Официальный сайт Центристской партии Эстонии. 21.08.2005. URL: <http://www.keskerakond.ee/rus/erakond/programm> (Дата обращения: 11.10.2013).
10. Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009.
11. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Два информационных пространства // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Отв. ред.-сост. Д.Е. Фурман, Э.Г. Задорожнюк. М.: Референдум, 2002.
12. Симонян Р.Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. №11.
13. Симонян Р.Х. Прибалтика. Вспоминая предвоенные годы // Международная жизнь. 2009. №1.
14. Современная европейская этнократия. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Бузаев В.В., Никифоров И.В.; Фонд «Историческая память». М., 2009.
15. Тощенко Ж.Т. Этнократия. История и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
16. Čerupītis M., Gulbis R. Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija. Rīga: Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds, 2012.
17. Special Eurobarometer 379. Future of Europe. Report / TNS Opinion & Social. 2012, April. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf (Дата обращения: 11.10.2013).
18. Standard Eurobarometer №70, 72, 74, 76, 78. TNS Opinion&Social. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_arch_en.htm (Дата обращения: 11.10.2013).

Об авторе

Воротников Владислав Владиславович – помощник ректора МГИМО; научный сотрудник Центра северо-европейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

BALTIC ETHNOCRACIES BETWEEN RUSSIA AND THE EU: IN SEARCH OF CONSENSUS UNDER CONDITIONS OF THE ECONOMIC CRISIS

V.V. Vorotnikov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The economic crisis fueled contradictions among the parties and weakened public support of internal and external policies of the Baltic states (Lithuania, Latvia, Estonia). Natural necessity to abandon previous one-sided Euro-Atlantic foreign political and foreign economic orientation in favor of more balanced approach towards relations with Eastern neighbours (primarily with Russia) has become the issue of key importance that turned out to be a stumbling block for main political parties (ruling parties, opposition, so called 'Russian' parties) in the Baltic states. The attitude to this problem became crucial during recent political crisis in Latvia, whereas in Lithuania and Estonia it led to changing rhetoric on foreign political issues by opposition parties. It is possible to nominally define the political situation in Lithuania as partisan consensus, whereas in Latvia and Estonia foreign political strategies complicated by unresolved domestic ethnic and language minorities problems are a battleground for ruling right-wing conservative coalitions and social-democratic oppositions. So, main social and political forces in the Baltic states faced the task to find a new consensus on foreign political issues in order to efficiently develop national economies under the conditions of financial economic turbulence in the EU and worldwide as well as to support social unity.*

Key words: Baltic states, Latvia, Lithuania, Estonia, economic crisis, ethnocracy.

References

1. Doklad MID Rossii «O situatsii s pravami cheloveka v riade gosudarstv mira» [The report of the MFA of Russia „On the human rights situation in certain states“]. MID Rossii [The MFA of Russia]. 28.12.2011.
2. Doklad o situatsii s obespecheniem prav cheloveka v Evropeiskom soiuze [The report on the human rights situation in the European Union]. MID Rossii [The MFA of Russia]. 06.12.2012.
3. March L. Chto ostalos' ot levyykh v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope? [What's left of the left in Central and Eastern Europe]. 29.08.2013. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2260#top (Accessed 11 October 2013).
4. Mnatsakanian M.O. Natsionalizm i globalizm. Natsional'naia zhizn' v sovremennom mire [Nationalism and globalism. National life in the modern world]. Moscow, ANKIL, 2009.
5. Predvybornaia platforma Tsentristskoi partii Estonii [Electoral platform of the Estonian Centre Party]. 2011. Available at: <http://stalnuhhin.ee/?p=3360> (Accessed 11 October 2013).
6. Programma k Parlamentским vyboram 2011 goda [Electoral programme for the parliamentary elections of 2011 year]. 2011. Available at: <http://www.sotsdem.ee/ru/sotsial-demokratyi/programma-k-parlamentским-vyiboram-2011-goda/> (Accessed 11 October 2013).
7. Programma Pravitel'stva Estonskoi Respubliki. 2011-2015 [The programme of the Estonian government. 2011-2015]. 2011. Available at: <http://www.reform.ee/ru/programma-pravitel'stva-er-2011-2015> (Accessed 11 October 2013).
8. Programma Sotsial-demokraticheskoi partii «Soglasie» [The programme of the Social Democratic party „Concord“]. 2011. Available at: <http://saskanascents.lv/ru/programma/programma-social-demokraticheskoi-partii-soglasie/?view=2> (Accessed 11 October 2013).
9. III Programma Tsentristskoi partii Estonii [The third programme of the Estonian Centre Party]. 21.08.2005. Available at: <http://www.keskerakond.ee/rus/erakond/programm> (Accessed 11 October 2013).
10. Rozenfel'd I. Estoniia do i posle «bronzovoi nochi» [Estonia before and after „the Bronze Night“]. Tartu, Kripta, 2009.
11. Simonian R.Kh., Kochegarova T.M. Dva informatsionnykh prostranstva [The two information spaces]. Strany Baltii i Rossiia: obshchestva i gosudarstva [The Baltic states and Russia: societies and states], Moscow, Referendum, 2002.
12. Simonian R.Kh. Okkupatsionnaia doktrina v stranakh Baltii: sodержatel'nyi i pravovoi aspekty [Occupation doctrine in the Baltic states: substantive and legal aspects]. Gosudarstvo i pravo – State and Law, 2011. №11.
13. Simonian R.Kh. Pribaltika. Vspominaia predvoennye gody [The Baltic states. Recalling the prewar years]. Mezhdunarodnaia zhizn' – International Affairs, 2009. №1.
14. Buzaev V.V., Nikiforov I.V. Sovremennaia evropeiskaia etnokratiia. Narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii [Modern European ethnocracy. Violation of national minorities' rights in Estonia and Latvia]. Moscow, Fond «Istoricheskaya pamiat'» [„Historical Memory“ Foundation], 2009.
15. Toshchenko Zh.T. Etnokratiia. Istoriia i sovremennost' (sotsiologicheskie ocherki) [Ethnocracy. History and modernity (sociological sketches)]. Moscow, ROSSPEN, 2003.
16. Cepurītis M., Gulbis R. Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija [Foreign policy myths in Latvia: the European Union and Russia]. Rīga, Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds [Riga, Latvian history small library support foundation], 2012.
17. Special Eurobarometer 379. Future of Europe. Report. TNS Opinion & Social. 2012, April. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf (Accessed 11 October 2013).
18. Standard Eurobarometer №70, 72, 74, 76, 78. TNS Opinion&Social. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_arch_en.htm (Accessed 11 October 2013).

About the author

Vladislav V. Vorotnikov – assistant to Rector of MGIMO; research fellow, Centre for North European and Baltic Studies, Institute of International Studies MGIMO-University. E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Л.Ю. Гусев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье говорится о современном состоянии водных проблем Центральной Азии. Отмечается, что проблемы в этой сфере берут свое начало еще в 30-х гг. XX в., указывается на то, что в долгосрочной перспективе проблема водопользования в Центрально-Азиатском регионе будет обостряться из-за высоких темпов прироста населения, в связи с чем будут углубляться межгосударственные противоречия в водно-энергетической сфере. Автор отмечает, что сами государства Центральной Азии, по всей вероятности, не смогут выработать новый подход к совместному освоению энергетического потенциала региона и механизм управления водно-энергетическими ресурсами, который отвечал бы политическим, экономическим и экологическим целям каждого из заинтересованных государств, так как интересы стран-пользователей водными ресурсами не совпадают. В статье утверждается, что в настоящее время каждая из стран Центрально-Азиатского региона стремится решить водную проблему в одностороннем порядке, выгодном только ей. Одни страны хотят использовать воду в ирригационном режиме, другие – в энергетическом режиме. В результате этого и возникает конфликтная ситуация. В статье отмечается, что поскольку на территории Казахстана, Узбекистана и Туркмении расположены в основном земли для сельского хозяйства, то эти страны, находящиеся в низовьях, заинтересованы использовать водные ресурсы в ирригационном режиме. А в интересы расположенных в высокогорье и имеющих только ограниченные резервы нефти и газа Киргизии и Таджикистана входит работа в энергетическом режиме. Именно им в статье уделяется особое внимание, так как они обладают значительными гидроэнергетическими запасами. В статье рассматриваются возможные меры по стабилизации ситуации по этой проблеме и формулируются рекомендации для политики России в указанном регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, водно-энергетические проблемы, энергетический потенциал, ирригационный и энергетический секторы, обеспечение водой.

Необходимо отметить, что водным проблемам Центральной Азии ввиду их важности и значимости в последние годы уделялось довольно много внимания. См.: Боришполец К.П. Центральная Азия как региональный проект // Вестник МГИМО - Университета. 2010. №2. С. 112-123; Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и сравнительные возможности ЕвразЭС и ШОС в деле их решения // Вестник МГИМО - Университета. 2011. № 2. С. 31-37. Сами же эти проблемы имеют довольно длинную историю. Еще в 30-х гг. XX в. в этом регионе началось строительство ирригационных каналов, а начиная с 1950-х гг. стали строиться водохранилища и гидроэлектростанции. Так, в 1952–1956 гг. на территории Таджикистана было построено Кайрак-умское водохранилище. Это водохранилище обслуживает нужды Таджикистана лишь на 30 процентов, работая в основном на Сырдарынскую ГРЭС и водохозяйственные цели Узбекистана и Казахстана [14]. Произошло это потому, что водохранилище строилось в рамках единой страны и предназначалось для обслуживания нужд всех соседних республик, границы между которыми были сугубо административными. То же относится к Рогунской ГЭС, Шуробской на Вахше и Даштиджумской на Пяндже. Их строительство было утверждено документально в конце 1980-х гг., в рамках существовавшего единого государства.

Экономический ущерб от нерешенности проблемы водопользования несут все страны региона. По данным Программы развития ООН, неурегулированные проблемы эксплуатации водных ресурсов в Центральной Азии ежегодно приводят к потерям 1,7 млрд долл. США из-за неэффективного управления водными ресурсами [9]. В долгосрочной перспективе проблема водопользования в Центрально-Азиатском регионе будет обостряться из-за высоких темпов прироста населения. Согласно данным ООН, численность населения Казахстана к 2025 г. составит 16,1 млн чел., Киргизии – 6,5 млн чел., Узбекистана – 34,2 млн чел., Таджикистана – 8,1 млн чел., Туркмении – 6,8 млн человек. По оценкам специалистов, демографический рост в указанных странах неизбежно увеличит потребность в воде в предстоящие 20 лет на 40 % [1]. Дополнительные проблемы может создать экономический рост в Афганистане, в результате чего увеличится потребление воды в этой стране, расположенной в верховьях Амударьи. Планы Китая по отводу воды от рек Иртыш и Или также способны существенно обострить проблему водопользования в регионе.

По оценкам специалистов Всемирного банка, совместные выгоды Узбекистана и Казахстана от использования водных ресурсов в ирригационных целях составляют 67,3 млрд долл., что существенно выше, чем потери Киргизии, которые составляют около 32,2 млрд долл. в год [10]. Поэтому создание компенсационного

механизма в рамках режима сотрудничества в использовании водно-энергетических ресурсов в регионе является экономически возможным и более выгодным сценарием, чем политика обеспечения энергетической и водной самодостаточности каждой отдельной страны.

Кроме того, государства Центральной Азии заинтересованы в минимизации конфликтов при освоении гидроэнергетического потенциала, устойчивом и справедливом регулировании режима трансграничных рек. При этом сами они, по всей вероятности, не могут выработать новый подход к совместному освоению энергетического потенциала региона, а также механизм управления водно-энергетическими ресурсами, который отвечал бы политическим, экономическим и экологическим целям каждого государства. Тем не менее в настоящее время каждая из стран Центрально-Азиатского региона стремится решить водную проблему в одностороннем порядке, выгодном только ей.

Основное противоречие заключается в том, что интересы стран-пользователей водными ресурсами не совпадают: одни страны хотят использовать воду в ирригационном режиме, другие – в энергетическом, в связи с чем и возникает конфликтная ситуация. Необходимо напомнить, что в ирригационном режиме водные ресурсы необходимо расходовать летом, а в энергетическом режиме работы основное потребление воды приходится на зиму. И поскольку на территории Казахстана, Узбекистана и Туркмении расположены в основном земли для сельского хозяйства, то эти страны, находящиеся в низовьях, заинтересованы использовать водные ресурсы в ирригационном режиме. А в интересы расположенных в высокогорье и имеющих только ограниченные резервы нефти и газа Киргизии и Таджикистана входит работа водных ресурсов в энергетическом режиме [3].

При этом противоречия возникают и из-за режима работы самого большого в Центральной Азии Токтогульского водохранилища. Поскольку Киргизия зимой испытывает большую потребность в электроэнергии и вынуждена сливать воду, то Ферганская долина подвергается наводнению. А летом, наоборот, возникает засуха, так как воды сбрасывается меньше. Чтобы решить данную проблему, в свое время депутаты Киргизского парламента предложили построить еще две ГЭС (возле Камбаратинской ГЭС). По их словам, это обеспечило бы жителей Казахстана и Узбекистана водой летом, а жителей Киргизии – электроэнергией зимой [3].

Тем временем Казахстан и Узбекистан, расположенные в низовьях, не хотят зависеть от электроэнергии и воды Киргизии. Для этого они активно разрабатывают идеи строительства собственных водохранилищ. Однако все это может привести к тому, что в итоге Киргизии некуда будет продавать остатки электроэнергии, что повлечет за собой еще ряд некоторых причин для споров [3]. В этой связи особое внимание

■ Международные отношения

необходимо уделить гидроэнергетическим ресурсам Таджикистана и Киргизии. Таджикистан обладает огромными их запасами. По их общим потенциальным запасам страна занимает восьмое место в мире – на ее долю приходится около 4 % гидроэнергетического потенциала всего земного шара. В общей структуре энергоресурсов Таджикистана доля гидроэнергии составляет более 95 % [8].

Таджикистан обладает такими запасами гидроэнергоресурсов, которые могут обеспечить потребности всей Центральной Азии даже при самых оптимистических прогнозах развития, намеченных в начале 1990-х гг. Его энергосистема отличается целым рядом особенностей:

- она относительно невелика (общая мощность 4,4 млн кВт);

- имеет комплексный энергетико-ирригационный характер, при этом в услугах ирригации заинтересованы прежде всего другие страны: Узбекистан, Казахстан, Туркменистан;

- основой энергетики Таджикистана является гидроэнергетика, являющаяся изначально экологически чистым возобновляемым источником энергии [8].

Гидроэнергетика Таджикистана высокоприбыльна и высококонкурентна в регионе. Уже при тарифе 2 цента за один киловатт/час годовая прибыль энергосистемы будет составлять 250 млн долл. [8]. Гидроэнергетика может стать не только основой экономики, но и бюджетоформирующей отраслью государства, одной из основных экспортных отраслей страны. Уже в течение последних 15 лет экспорт электроэнергии занимает третье после алюминия и хлопка место в экспорте республики. В перспективе она может выйти на первое место, обеспечив Таджикистану достойное место в мировом разделении труда [8].

Что же касается Киргизии, то она – единственная страна Центральной Азии, водные ресурсы которой почти полностью формируются на собственной территории, и в этом ее гидрологическая особенность и преимущество [12]. Республика располагает значительными водными и гидроэнергетическими ресурсами, и это – одно из главных ее богатств. На ее территории насчитывается около 30 тыс. рек и ручьев, в том числе около 20 тыс. длиной более 10 км. С гор в окружающие долины стекает в среднем около 49 км³ воды в год, используемой самой республикой только на 25 %. Гидроэнергетический потенциал рек составляет около 174 млрд кВт / час, а мощность – 19,8 млн кВт [15].

В гидрологическом аспекте на территории Киргизии выделяются две области – формирования и рассеивания стока. К первой относится горная часть республики с высотными отметками более 2000 м. Здесь осадков выпадает гораздо больше, чем испаряется, что способствует формированию поверхностного речного стока. Гидрографический облик этой зоны определяют ледники, озера и многочисленные реки и ручьи. По типу питания большинство рек этой зоны относится к ледниково-снеговому и сне-

гово-ледниковому, что говорит о значительной роли ледников, «вечных» снежников и сезонных осадков, накопившихся в горах в течение холодного периода. Дождевые воды в общем объеме питания рек играют незначительную роль, но она возрастает и доминирует в формировании максимальных расходов и дождевых паводков, часто носящих селевой, разрушительный характер [15].

Область рассеивания стока располагается непосредственно ниже области его формирования, занимая территорию предгорных долин и внутригорных впадин. Рассеивание стока происходит здесь за счет преобладания потерь на испарение над выпадением осадков и в результате широко развитого поливного земледелия. В области рассеивания стока одновременно происходит перераспределение стока поверхностного в подземный и наоборот. В этой зоне изменяется химический состав поверхностных вод, происходит их наиболее интенсивное загрязнение.

Естественный режим рек в области рассеивания стока сильно искажен за счет интенсивных водозаборов, весь поверхностный сток отводится в ирригационные системы, и русла многих рек пересыхают. Однако в зоне выклинивания подземных и возвратных вод с орошаемых полей реки получают дополнительное питание в виде так называемых «вторичных вод», общим объемом около 3,0 куб. км [15].

Если же отметить гидроэнергетические ресурсы Узбекистана, то необходимо указать на то, что площадь занимаемая реками и озерами составляет всего 4,92 % всей территории страны [11]. Общие водные ресурсы – 50–60 куб. км в год. Из них только 12,2 куб. км формируются на территории республики, а остальной объем воды поступает извне – с гор Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, от тающих летом снегов и ледников. Поэтому максимум расхода воды в реках приходится на самое жаркое время [11]. Амударья в пределах Узбекистана оказывается средней и нижней частью своего течения. Длина ее (вместе с Пянджем) – 2540 км. Из притоков Амударьи по территории Узбекистана протекают Сурхандарья, Шерабад, Кашкадарья и Зеравшан (последний не доходит до Амударьи: его воды целиком разбираются на орошение) [11].

Сырдарья – вторая по водоносности река в Средней Азии. На территорию республики приходится ее среднее течение. Длина реки (с Нарыном) – 3019 км, площадь бассейна – 462 тыс. кв. км. Самый крупный приток Сырдарьи в пределах Узбекистана – р. Чирчик [11]. В середине 1990-х гг. как возможное решение проблемы взаимоотношений между ирригационным и энергетическим секторами была предложена идея создания Международного водно-энергетического консорциума (МВЭК). Первые проработки идеи создания МВЭК входят к решению Межгосударственного совета (МГСА) Казахстана, Киргизии и Узбекистана

от 24.07.1997 г., в соответствии с которым была разработана Концепция о принципах взаимодействия Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана по созданию международных консорциумов, одобренная МГСА 12.12.1997 г. [2].

Идея создания Международного водно-энергетического консорциума прописана и в Соглашении от 17.03.1998 г. «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья» между правительствами Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана (Таджикистан – сторона соглашения с 1999 г.). Согласно ст. 8 Соглашения 1998 г. было зафиксировано, что «до создания МВЭК и его исполнительных органов» обеспечение режимов попусков воды из водохранилищ возлагается на региональное водохозяйственное объединение (БВО) «Сырдарья», а обеспечение перетоков электроэнергии – на региональный Объединенный диспетчерский центр (ОДЦ) «Энергия» [2].

На основе заключений межправительственных комиссий (МПК) в 1997–1998 гг. Советом премьер-министров (СПМ) Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, позже и Таджикистана принимается ряд решений по созданию МВЭК. Так, 17.03.1998 г. решением СПМ Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана поручено МПК во втором квартале 1998 г.:

- подготовить и внести на рассмотрение СПМС Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана проект межправительственного соглашения о создании МВЭК. 26.06.1998 г. решением СПМ Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана (г. Бишкек) поручено МПК по созданию международных консорциумов:

- разработать до 01.09.1998 г. Устав МВЭК,
- подготовить до 20.09.1998 г. Учредительный договор, и внести их на рассмотрение очередного заседания СПМ [2].

Однако эти решения выполнены не были. В конце 1990-х гг. благодаря инициативам Президента Казахстана Н. Назарбаева и финансовой помощи Всемирного банка поддерживался интерес к продолжению работ по созданию МВЭК. С первого десятилетия XXI в. активный интерес к участию в работе Международного водно-энергетического консорциума проявила Российская Федерация. К настоящему времени имеется одобренная Советом глав государств-членов организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» концепция создания МВЭК, разработан ряд проектов межгосударственных соглашений (МГС) по созданию МВЭК. Как считает ряд экспертов, основным недостатком рассматриваемых в настоящее время проектов МГС о создании МВЭК является игнорирование роли региональных водных органов, в частности – Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) Центральной Азии и его исполнительных органов (БВО «Сырдарья», БВО «Амударья»).

Представляется, что МВЭК не должен подменять МКВК и его органы по управлению водой,

а стать финансовым и страховым механизмом, который поможет повысить эффективность использования водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья, а в перспективе – и Амударьи при вовлечении Туркменистана к процессу создания МВЭК. При этом должна быть создана Объединенная дирекция гидроэлектростанций (ГЭС) Центральной Азии, которая будет управляться совместно странами Центральной Азии – сторонами договора о создании МВЭК.

Интересно рассмотреть, какие претензии выдвигают представители стран Центральной Азии друг к другу по водным проблемам. Так, представитель Таджикистана Хомид Арифов заявил, что Узбекистан за использование вод Туямуянского водохранилища и ГЭС в целях орошения платит Туркмении денежную компенсацию в размере свыше 14 млн долл., Таджикистану же за использование Фарходского водохранилища никто не платит ни цента [6]. Он же отмечает, что Таджикистан не получает компенсацию и за услуги, оказываемые странам региона Кайраккумским водохранилищем. Оно обслуживает нужды Таджикистана лишь на 30% процентов, работая в основном, на Сырдарьинскую ГРЭС и водохозяйственные цели Узбекистана и Казахстана.

Х.Арифов подчеркивает, что Кайраккумское водохранилище обеспечивает водой около 200 тысяч гектаров земель Узбекистана. Ссылаясь на данные узбекских специалистов, которые утверждают, что один гектар орошаемой земли дает около 200–300 долл. США чистого дохода, Арифов приходит к выводу о том, что Кайраккумское водохранилище способствует ежегодному получению Узбекистаном 40–60 млн долл. [6]. Также он утверждает, что теоретически Таджикистан использует 12–17 % стока бассейна реки Амударья. А в силу вертикальной развитости предгорного рельефа не менее 40–50 % забранной воды возвращается в реки. Гидроэнергетика, в отличие от ирригации, не является безвозвратным водопотребителем, то есть она только пропускает воду через турбины ГЭС, возвращая ее в основной ствол реки. Орошаемое земледелие забирает речной сток безвозвратно, и если и возвращает некоторую небольшую часть в виде дренажного стока, то очень плохого качества [6].

Х.Арифов указывает на то, что узбекские специалисты много говорят и по поводу строительства ГЭС на реке Зеравшан. Но, согласно исследованию «Германского общества технического сотрудничества», ГЭС на Зеравшане не нанесет никакого вреда ирригационной системе Узбекистана, который использует 94% водных ресурсов этой реки, а Таджикистан – всего 6% от общего объема. Республика Таджикистан намерена построить на реке Зеравшан малую ГЭС суточного регулирования, которая не будет влиять на баланс воды данной реки [6].

Крупнейшим конфликтом, разворачивающимся в Центральной Азии и грозящим, со-

■ Международные отношения

гласно некоторым комментариям (например, одному из заявлений президента Узбекистана), даже «водными войнами», является конфликт вокруг строительства Рогунской ГЭС. Узбекская сторона обвиняет таджикскую в том, что та пытается построить слишком высокую плотину и перехватить всю воду, установив контроль над водоснабжением Узбекистана. Последнее угрожает его безопасности. Таджикская сторона, в свою очередь, обвиняет Узбекистан в том, что тот мешает развивать таджикскую гидроэнергетику, а также периодически отключает поставки газа и устраивает транспортную блокаду. Все попытки международных организаций сыграть какую-то экспертно-посредническую роль в этом конфликте пока не имели успеха, кроме того, у сторон отсутствует общее правовое понимание проблемы. Рассмотрим некоторые из аргументов сторон чуть более подробно.

Заместитель министра иностранных дел Таджикистана Махмуджон Собиров заявляет, что опасения по поводу ожидаемого искусственного маловодья и связанных с ним проблем орошаемого земледелия, которые якобы возникнут после строительства Рогунского водохранилища, не имеют под собой реальной почвы. По его мнению, они являются следствием отсутствия объективной и достоверной информации о намечаемой достройке Рогунской ГЭС и других гидроэнергетических объектов республики [6].

В конце февраля нынешнего 2013 г. министр мелиорации и водных ресурсов Таджикистана Рахмат Бобокалонов заявил, что Таджикистан намерен и впредь проводить политику по гармоничному развитию сотрудничества стран Центральной Азии в области водных ресурсов. «Ни по Сырдарье, ни по Амударье, ни по другим трансграничным рекам никаких вопросов, проблем не должно быть. Республика Таджикистан и на сей раз, и в текущем году будет выполнять все принятые на себя обязательства по пропуску вод по этим рекам, главным рекам водного бассейна Центральной Азии», – сказал он [5]. По словам Бобокалонова, процесс заполнения водохранилища предполагаемой Рогунской ГЭС будет происходить в течение 14 лет, и этот процесс практически не повлияет на обеспечение водными ресурсами других стран [5].

Со своей стороны, Узбекистан выступает против строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане и заявляет о необходимости проведения под эгидой ООН международной экспертизы данного проекта. По мнению Ташкента, строительство ГЭС мощностью 3600 МВт в верховьях Амударьи негативно скажется на сельском хозяйстве Узбекистана, получающего воду ниже по течению реки [15]. Также 13 апреля 2009 г. МИД Узбекистана распространил официальное заявление «о позиции Республики Узбекистан по вопросу строительства новых гидроэнергетических сооружений в верховьях трансграничных рек Центральной Азии». В нем говорится, что «принятие любого решения, не учитывающего

интересы соседей, еще более усугубит положение с обеспечением водой в низовьях Амударьи и Сырдарьи, и вместе с тем обострит экологическую ситуацию, связанную с высыханием Аральского моря, может оказать негативное влияние на условия жизни десятков миллионов граждан Узбекистана, Казахстана и Туркменистана».

В заявлении делается ясный намек на руководителей Киргизии и Таджикистана, которые стремятся «поспешно реализовать новые масштабные проекты гидроэнергетических сооружений в «лучших» советских традициях безудержного насилия над природой», преследуют коммерческие интересы и «полностью игнорируют озабоченности соседних стран» [13]. Кроме того, тогда же в Законодательной палате Олий мажлиса (парламента) Республики Узбекистан состоялся круглый стол, посвященный вопросам использования водных ресурсов с участием членов обеих палат парламента и общественных организаций. Либерально-демократическая партия Узбекистана заявила, что «вопреки официальным заявлениям о том, что любые строительные изменения на гидротехнических объектах и использование водных ресурсов трансграничных рек будут проходить международную экспертизу, соседние страны в одностороннем порядке пытаются продолжать строительство Рогунской и Камбаратинской ГЭС». Пресс-служба парламента акцентировала внимание на том, что «ресурсы трансграничных рек не могут быть предметом торга». «Нельзя допускать, чтобы вода использовалась как элемент для влияния на ситуацию внутри государств региона, а также на их внешнеполитический курс, в качестве «разменной монеты», – говорится в сообщении [15].

В марте 2013 г. в одном из интервью заместитель министра водного и сельского хозяйства Узбекистана Шавкат Хамраев заявил, что единственно правильное решение водного дисбаланса в Центральной Азии – это сооружение маленьких гидроэлектростанций. Он отметил, что «мы за то, чтобы строили их, мы и сами строим маленькие гидроэлектростанции, которые не меняют водный и экологический режим этой реки, этого бассейна» [7].

Проведенный выше анализ показывает наличие очень серьезного и трудноразрешимого кризиса в сфере водных проблем в Центральной Азии, который имеет много аспектов: социально-экономических, международно-правовых, военно-политических. Как показывает мировой опыт, одним из важнейших путей решения таких многоаспектных межгосударственных кризисов является сотрудничество между государствами, создание межгосударственных структур. Политика односторонних решений лишь обостряет конфликты и заводит их в тупик.

С интересными предложениями в плане поиска путей выхода из описанной выше ситуации выступили Александр Князев, д.и.н., профессор, действительный член Русского географического

общества, директор регионального филиала Института стран СНГ в Киргизии, и Аза Мигранян, д.э.н., профессор, ведущий эксперт регионально-го филиала Института стран СНГ в Киргизии. Они сводятся к следующему:

1. Необходимо создание экспертного совета по совместной оценке водных и энергетических проектов с участием компетентных специалистов всех заинтересованных сторон.

2. На основе объективной оценки ситуации должно быть разработано и заключено общерегиональное соглашение о совместном использовании водных и энергетических объектов (по регулированию их деятельности). Необходима также разработка системы взаимной компенсации (дотации) экономических потерь при использовании водных и энергетических ресурсов.

3. Настоятельной необходимостью является создание наднационального координирующего и управленческого органа в рамках СНГ (ЕврАзЭС) по этим проектам. Возможно, необходимо вернуться к давно обсуждаемой идее создания водно-энергетического консорциума.

4. В перспективе необходимо возвращение к идее единой энергосистемы в регионе [4].

Можно констатировать, что пока разрешению этой проблемы мешают политические и политико-правовые разногласия между государствами региона. Что касается интересов России в данной проблеме, то наша страна, используя хорошие отношения и свое влияние во всех странах Центрально-Азиатского региона, могла бы принять участие в каждой из предлагаемых к созданию организаций. Кроме того, было бы желательным подключение к разрешению вышеуказанных проблем российских экспертов по проблемам водно-энергетических ресурсов. Это могли бы быть специалисты из Института водных проблем РАН, Федерального агентства водных ресурсов и других заинтересованных организаций. В целом же России следует проводить такую политику в энергетической сфере, которая приносила бы взаимную выгоду, способствовала продвижению российских интересов на постсоветском пространстве и ускорению интеграционных процессов, в частности в рамках евразийской интеграции.

Список литературы

1. Битва за воду в Центральной Азии. См. URL: // <http://www.fundeh.org/publications/articles/48/> (дата обращения: 25.10.2013).
2. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии. См. URL: // http://www.cawater-info.net/int_org/inbo/pdf/inbo_14_rus_full.pdf (дата обращения: 25.10.2013).
3. Водные проблемы Центральной Азии. См. URL: // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/zentralasien/50115.pdf> (дата обращения: 26.10.2013).
4. Вопросы энергобаланса и водопотребления надо снова регулировать из единого центра? См. URL: // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6063> (дата обращения: 26.10.2013).
5. Таджикистан и Узбекистан обсудят в Нью-Йорке водные проблемы. См. URL: // <http://news.tj/ru/node/139654> (дата обращения: 29.10.2013).
6. Таджикистан: строительство Рогунской ГЭС не несет угрозы странам-соседям? См. URL: // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6062> (дата обращения: 29.10.2013).
7. Узбекистан: только небольшие ГЭС решат водную проблему Центральной Азии. См. URL: // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/134407/> (дата обращения: 29.10.2013).
8. Экспертный доклад Фонда стратегических исследований Центрально-Азиатского региона. См. URL: // http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsac0b.html?id=213 (дата обращения: 01.11.2013).
9. «Central Asia and Human Development», UNDP 2005, p. 30.
10. «Central Asia and Human Development», UNDP 2005, p. 91.
11. Водные ресурсы Узбекистана. URL: // http://uzb.ucoz.ru/index/vodnye_resursy_uzbekistana/0-170 (accessed 01.11.2013).
12. Национальный план выполнения Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях URL: // <http://www.caresd.net/img/docs/3552.txt> (accessed 01.11.2013).
13. В водных вопросах Центральной Азии нет альтернативы сотрудничеству. URL: // <http://www.meta.kz/536241-v-vodnyh-voprosah-centralnoy-azii-net-alternativy-sotrudnichestvu.html> (accessed 03.11.2013).
14. Водный фронт Центральной Азии URL: // <http://www.politcom.ru/7986.html> (accessed 05.11.2013).
15. Проблемы управления экологической ситуацией на горных территориях URL: // <http://www.ref.by/refs/97/37413/1.html> (accessed 06.11.2013).
16. Позиция Узбекистана по водным проблемам Центральной Азии получила поддержку Малайзии и Сингапура URL: // <http://www.regnum.ru/news/1360579.html> (accessed 06.11.2013).

Об авторе

Гусев Леонид Юрьевич – к.и.н., с.н.с. Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: lgoussev@yandex.ru

**THE CURRENT STATE AND POSSIBLE SOLUTIONS OF WATER AND POWER
PROBLEMS IN CENTRAL - THE ASIAN REGION**

L.Y. Gusev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with a current situation of water problems of Central Asia. It is noted that problems in this sphere began in the thirties of the 20th century. The author specifies that in long-term prospect the problem of water management in the Central Asian region will become aggravated because of high rates of an increase in population. It is spoken about contradictions between the states in the hydro-electric sphere, noted that the states of Central Asia, most likely, can't develop new approach to joint development of an energy potential of the region, and the mechanism of management of hydro-electric resources which would answer the political, economic and ecological goals of each state. It is said that now, each of the countries of the Central Asian region seeks to solve a water problem unilaterally, favorable only to it. The author defines the main contradiction that interests of the countries users water resources don't coincide. Some countries want to use water in an irrigational mode, others – in a power mode. As a result of it also there is a conflict situation. It is specified that in an irrigational mode water resources need to be spent in summer, and in a power operating mode the main water consumption is used in winter. It is noted in article that as in the territory of Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan lands generally for agriculture are located, these countries being in lower reaches, are interested to use water resources in an irrigational mode. As for interests of Kyrgyzstan and Tajikistan located in highlands and having only limited reserves of oil and gas, they mostly use water in a power mode. The special attention in article is paid to hydroenergy resources of Tajikistan and Kyrgyzstan because these states possess their considerable stocks. Possible measures for stabilization of the situation for this problem are considered. On this basis some recommendations for Russia's policy in this question are formulated.*

Key words: Central Asia, Hydro-Electric Problems, Energy Potential, Irrigational and Power Sectors, Providing with Water.

References

1. Bitva za vodu v Central'noj Azii [Fight for water in Central Asia] Sm. URL: <http://www.fundeh.org/publications/articles/48/> (data obrashheniya 25.10.2013)
2. Vodno-jenergeticheskie problemy Central'noj Azii [Hydro-electric problems of Central Asia] URL: http://www.cawater-info.net/int_org/inbo/pdf/inbo_14_rus_full.pdf (accessed 25.10.2013)
3. Vodnye problemy Central'noj Azii. [Water problems of Central Asia URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/zentralasien/50115.pdf>] (accessed 26.10.2013)

4. Voprosy jenerlobalansa i vodopotreblenija nado snova regulirovat' iz edinogo centra? [Should Questions of an energy balance and water consumption be regulated again from the uniform center? URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6063>] (accessed 26.10.2013)
5. Tadzhiqistan i Uzbekistan obsudjat v N'ju-Jorke vodnye problemy [Tajikistan and Uzbekistan will discuss water problems in New York URL: <http://news.tj/ru/node/139654>] (accessed 29.10.2013)
6. Tadzhiqistan: Stroitel'stvo Rogunskoj GJeS ne neset ugrozy stranam-sosedjam? [Tajikistan: Doesn't construction of Rogunsky hydroelectric power station bear threat to the countries neighbors? URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6062>] (accessed 29.10.2013)
7. Uzbekistan: tol'ko nebol'shie GJeS reshat vodnuju problemu Central'noj Azii [Uzbekistan: only small hydroelectric power stations will solve a water problem of Central Asia. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/134407/>] (accessed 29.10.2013)
8. Jekspertnyj doklad Fonda strategicheskix issledovanij Central'no-Aziatskogo regiona. [Expert report of Fund of strategic researches of the Central Asian region URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsac0b.html?id=213] (accessed 01.11.2013)
9. «Central Asia and Human Development», UNDP 2005, p. 30.
10. «Central Asia and Human Development», UNDP 2005, p. 91.
11. Vodnye resursy Uzbekistana [Water recourses of Central Asia URL: http://uzb.ucoz.ru/index/vodnye_resursy_uzbekistana/0-170] (accessed 01.11.2013)
12. Nacional'nyj plan vypolnenija stokgol'mskoj konvencii o stojkix organicheskix zagrazniteljah [The national plan of implementation of the Stockholm convention about resistant organic pollutants URL: <http://www.caresd.net/img/docs/3552.txt>] (accessed 01.11.2013)
13. V vodnyh voprosah central'noj Azii net al'ternativy sotrudnichestvu. [In water questions of Central Asia there is no alternative to cooperation. URL: <http://www.meta.kz/536241-v-vodnyh-voprosah-centralnoy-azii-net-al'ternativy-sotrudnichestvu.html>] (accessed 03.11.2013)
14. Vodnyj front Central'noj Azii [Water front of Central Asia URL: <http://www.politcom.ru/7986.html>] (accessed 05.11.2013)
15. Problemy upravlenija jekologicheskox situacij na gornyx territorijah [Problems of management of an ecological situation in mountain territories URL: <http://www.ref.by/refs/97/37413/1.html>] (accessed 06.11.2013)
16. Pozicija Uzbekistana po vodnym problemam Central'noj Azii poluchila podderzhku Malajzii i Singapura [The position of Uzbekistan on water problems of Central Asia got support of Malaysia and Singapore] URL: <http://www.regnum.ru/news/1360579.html> (accessed 06.11.2013)

About the author

Leonid Yu. Gusev – PhD of History, S.r.f. of Analytical Center of Institute of International Studies of MGIMO of MFA of RF.
E-mail: lgoussev@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЧЕРНОМ МОРЕ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Э.Д. Эшба

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Черноморский регион на протяжении всей своей истории находился в зоне интересов целого ряда государств, как региональных, так и лежащих далеко за его пределами. Одной из основных причин повышенного внимания к Причерноморью является его транзитное расположение: через эту территорию проходят транспортные пути, соединяющие страны Запада с богатыми углеводородным сырьем государствами – Центральной Азией и Закавказьем. А масштабные и довольно амбициозные проекты газопроводов, которые планируется провести по территории Причерноморских стран и по дну Черного моря, позволяют ожидать возрастания роли Причерноморья в мировой экономической системе. В этой связи в статье автор ставит задачу осветить основные этапы развития взаимодействия между черноморскими странами посредством анализа наиболее успешных попыток региональной кооперации. Отдельное внимание уделяется политике Турции в Причерноморье и вопросам взаимодействия двух крупнейших региональных акторов (России и Турции). Кроме того, в работе освещаются наиболее перспективные направления транспортно-логистического и торгово-экономического развития региона, среди которых рассматривается проект автомобильной кольцевой автодорожки вокруг Черного моря, а также перспективы интенсификации морского транспорта и развития новых морских транспортных путей. Подводя итог, автор делает вывод, что, несмотря на развитие кооперации, в регионе существуют проблемы в области формирования полномасштабной системы поддержания региональной безопасности и сотрудничества, так как все еще не устранены серьезные препятствия для успешной реализации плана сотрудничества в регионе Причерноморья.

Ключевые слова: Черное море, кооперация, ОЧЭС, Россия, Турция, региональная политика.

Неудивительно, учитывая геостратегическое расположение Черного моря на перекрестке Европы и Азии, что на протяжении веков Черноморский регион был зоной особых интересов как региональных акторов, так и внерегиональных держав. Попеременно он попадал под влияние Российской и Османской империй, доминировавших в регионе и закрывавших его для всего остального мира. Затем, во времена холодной войны, регион находился на стыке разнонаправленных интересов геополитических субъектов (учитывая членство Турции в НАТО), и существование блоков исключало возможность полноформатного сотрудничества между странами региона.

Причиной повышенного внимания к Черноморскому региону является в первую очередь его транзитное значение: здесь находятся важные логистические развязки, соединяющие страны Запада с богатыми углеводородным сырьем государствами Центральной Азии и Закавказья. Проекты новых газопроводов, которые планируется провести по территории причерноморских стран и по дну Черного моря позволяют в перспективе ожидать возрастания роли Причерноморья в мировой экономической системе.

Серьезным препятствием на пути экономического и геополитического развития региона является высокий уровень конфликтности. Приходится констатировать, что, несмотря на наличие большого количества надгосударственных региональных структур, на сегодняшний день ни одна из них не готова выступить гарантом безопасного развития Причерноморья или выработать стратегию по профилактике и предотвращению региональных конфликтов. Так, можно уверенно говорить о том, что Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия (ЧВМГ ОВ) «Блэксифор» пока не способна решать серьезные проблемы обеспечения безопасности. Низкая его эффективность объясняется в первую очередь противоречивыми друг другу внешнеполитическими приоритетами стран-участниц группы, среди которых с одной стороны – члены НАТО, с другой – лидер ОДКБ – Россия. Другие участники проекта, не входящие в эти военные блоки, в большинстве своем не могут окончательно определиться между прозападным и пророссийским векторами собственной ориентации.

Между тем в настоящее время основными субъектами на геополитическом пространстве Причерноморья выступают два государства – Российская Федерация и Турецкая Республика. При этом они обе, и Россия, и Турция, позиционируют себя в качестве регионального лидера на Черном море. Будучи партнерами в деле установления стабильности и поддержания безопасности в регионе, они в то же время друг для друга являются основными конкурентами. В данном контексте следует отметить, что в 1990-х гг. Россия в силу известных причин значительно ограничила свои военно-морские амбиции, в то время как дру-

гие державы продолжали активно наращивать мощь своих флотов. Это стало одним из факторов исключения Турцией России из списка стран, представляющих потенциальную угрозу для Анкары. Тем не менее не следует переоценивать возможности расширения российско-турецкого сотрудничества, прежде всего в сфере безопасности в Черноморском регионе.

Анкара активно пытается упрочить свои позиции в регионе и планомерно укрепляет и расширяет контакты со всеми странами так называемого Большого Причерноморья. Война в Южной Осетии, разгоревшаяся в августе 2008 г., стимулировала активизацию турецкой внешней политики в Черноморском и Кавказском регионах. Именно после этого конфликта Анкара предложила государствам Закавказья программу «Платформа по сотрудничеству и стабильности на Кавказе». Кроме того, Турция приступила к активной деятельности в направлении урегулирования нагорно-карабахского конфликта и своих взаимоотношений с Арменией. На сегодняшний день значительного прогресса на обоих этих направлениях не наблюдается, но это не предполагает ослабления интереса к региону со стороны Турции.

Одно из центральных мест в политике Турции на Кавказе занимает и Грузия. Без сомнения, крупные инфраструктурные и торговые проекты связывают экономические структуры Турции и Грузии. Кроме того, тот факт, что Грузия уделяет первостепенное внимание членству в ЕС, а также декларировала курс на полномасштабное развитие отношений с Организацией Североатлантического договора, дополнительно способствует сближению Анкары и Тбилиси.

Как отдельный аспект турецкой политики на Кавказе и в Причерноморье следует рассматривать развитие отношений (преимущественно торгово-экономических) между Турцией и Абхазией, которые, как представляется, в России несколько недооценивают.

С распадом СССР в Анкаре стали рассматривать Черное море как, в частности, своего рода транзитный коридор, который открывает альтернативные транспортные и торговые пути в Восточную Европу, Центральную Азию и на Кавказ. Важную роль в интенсификации региональной кооперации было призвано сыграть активное участие всех стран региона в Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В настоящее время это единственная международная полноформатная организация в регионе Черного моря (хотя из 12 ее членов только 6 имеют к нему выход).

Развитие транспортной инфраструктуры международного значения в регионе Черноморского экономического сотрудничества относится к одной из приоритетных задач Организации. Отметим, что для принятия решений в ОЧЭС необходимо согласие всех 12 стран-участниц. Помимо них, в деятельности Организации принимают участие 17 международных организаций

■ Международные отношения

и стран-наблюдателей. В этой связи стоит отметить, что в рамках деятельности ОЧЭС упор делается именно на экономическое сотрудничество, при этом исключая работу в области выработки общей политической стратегии. Это представляется разумным решением, учитывая конфликтный потенциал региона.

Среди основных проектов ОЧЭС можно назвать проект автомобильной кольцевой автотрассы вокруг Черного моря [7], который является воплощением государственно-частного партнерства. Основной целью проекта является обеспечение оперативного продвижения грузов в районе моря, и не только. Помимо Черноморских стран, проект охватывает также Грецию, Молдавию, Армению, Азербайджан, Албанию и Сербию.

Протяженность дороги, по предварительным оценкам, составит более 7 тыс. километров. Планируется, что после завершения согласования основного маршрута кольцевой автомагистрали вокруг Черного моря стороны перейдут к подготовке технико-экономического обоснования развития ее участков. Таким образом, посредством создания в Черноморском регионе современной скоростной автомагистрали, оборудованной всеми необходимыми объектами инфраструктуры, страны региона стремятся привлечь сюда инвестиции международных финансовых институтов и банков развития.

Соответственно в круг решений транспортных проблем Причерноморья входит и проект единого сертификата, который находится на стадии реализации. Предполагается, что любая транспортная компания, перевозящая грузы, например, из Турции на Украину, будет получать сертификат, который позволит без дополнительного контроля и задержки пересекать границы. Пока этот договор подписали семь из двенадцати стран-участниц ОЧЭС. В стадии обсуждения находится и вопрос о введении единого весового сертификата.

Кроме того, серьезное внимание уделяется процессу интенсификации морского транспорта и развития новых морских транспортных путей. За последнее десятилетие в системе морских перевозок в регионе произошли серьезные изменения. Фактически Причерноморье исполняет роль узла, связывающего страны региона с развитыми странами других континентов.

После некоторого периода застоя в 1990-х гг. региональные перевозки заметно увеличились; были выработаны новые приоритеты. В результате общий грузооборот портов Болгарии, Румынии, Грузии, России и на Украине, за 7 лет (с 2000 г. по 2007 г.) увеличился более чем в 2 раза, в том числе в российских портах на 94 %, украинских на 76 %, портах Румынии на 74% [2]. Вместе с тем все большее значение в регионе приобретают каботажные транчерноморские линии.

Важно, что в целом ряде деклараций и заявлений ОЧЭС, принятых на уровне министров,

особенно подчеркивается значение морского транспорта для Черноморского региона. Так, в Совместной декларации в сфере транспорта в регионе ЧЭС, принятой 27 сентября 2006 г. в Сочи, государства-члены призваны: «Ускорить работу по воссозданию и развитию регулярного паромного пассажирского сообщения и грузо-пассажирских перевозок между черноморскими портами, а также уделить особое внимание развитию инфраструктуры морских портов и гармонизации портовых формальностей в Черноморском регионе» [6]. В соответствии с положениями Сочинской декларации позже была выдвинута инициатива о создании «Черноморского железнодорожного и паромного кольцевого коридора».

Проект развития морских портов в регионе с целью обеспечения дополнительных транспортных возможностей для торговых потоков между государствами – членами ЧЭС, Европой и Азией был отмечен и в «Совместной декларации о сотрудничестве в сфере транспорта в регионе ЧЭС», принятой 10 апреля 2008 г. в Одессе. Более того, Одесская декларация предусматривает такой аспект сотрудничества, как принятие соответствующих мер по упразднению как физических, так и нефизических барьеров в регионе ЧЭС на ключевых транспортных узлах и промежуточных пунктах, включая морские порты [1].

Интерес к региону Причерноморья проявляют и международные игроки, имея в виду его стратегическое расположение, а также учитывая возрастающую роль региона в системе мировой торговли. В первую очередь речь идет о Европейском союзе. Будучи энергетическим рынком, Черноморский регион является и основным транзитным маршрутом поставок углеводородов из России и прикаспийских стран в ЕС. Следовательно, безопасность перевозок нефти и транспортировки газа является вопросом, представляющим особую важность для Европейского союза. Кроме того, расширение ЕС до границ данного региона также приводит к более активному участию этого союза в его делах.

Этому также благоприятствует и тот факт, что Европейский союз значительное внимание уделяет развитию морских перевозок на ближние расстояния. По замыслу стратегов ЕС создание «Европейского пространства морских перевозок без барьеров» способно дать толчок развитию услуг в этой области во всех приморских регионах. Концепция «морских магистралей» нацелена на введение новых морских логистических цепочек в Европе. В рамках этой концепции ЕС определил четыре коридора, два из которых охватывают Черноморский регион. Первый коридор – морская магистраль на юго-востоке Европы, соединяющая Адриатическое море с Ионическим морем и Восточным Средиземноморьем. Второй – морская магистраль на юго-западе Европы, соединяющая Западное Средиземноморье с Испанией, Францией,

Италией и Мальтой и сообщаемая с морской магистралью Юго-Восточной Европы, включая выход в Черное море.

Другой ключевой программой перевозок ЕС является ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа – Кавказ), направленная на развитие транспортного коридора из Европы через Черное море, Кавказ и Каспийское море в Среднюю Азию. В конечном итоге ТРАСЕКА должна состыковаться с Трансевропейскими сетями (TENs). Прежде всего этот проект преследует цель обеспечить стабильную и бесперебойную поставку каспийских энергоресурсов на международные рынки. На финансирование этого проекта, как известно, ЕС ежегодно затрачивает 9–11 млн евро.

Подводя итог деятельности ОЧЭС, следует отметить, что, несмотря на масштабные проекты (все еще в полной мере не реализованные), ОЧЭС не смогла превратиться в сильную региональную структуру, которая бы способствовала интенсификации экономического и торгового сотрудничества. В связи с этими претензиями к ОЧЭС высказываются мнения, что организации нужно сосредоточиться на конкретных, может быть не столь крупных, но приносящих реальный экономический эффект проектах. Судя по всему, в политических кругах причерноморских государств существует убежденность в том, что потенциал водного бассейна Черного моря необходимо использовать прежде всего для организации экономического прорыва в регионе. Успешным примером развития коммуникаций на Черном море, к примеру, турецкие политики считают работу паромных линий Констанца–Трабзон.

Приходится констатировать, что многообразие действующих здесь интеграционных структур и объединений (СНГ, ОДКБ, ОЧЭС, ГУАМ, а в последнее время еще и ЕС) пока не привело к выработке полноценной и эффективной системы безопасности в Причерноморье. Совместное участие России и Турции в региональных делах могло бы привести к плодотворным результатам, однако оно предполагает более высокий уровень взаимного доверия. Вместе с тем в российско-турецких отношениях на региональном уровне все же прослеживается положительная динамика: в последние годы Анкара пересматривает отношение к РФ и ее роли в регионе. Турецкая сторона все активнее продвигает тезис, суть которого заключается в том, что Россия и Турция должны взять на себя ответственность за происходящее в Черном море по праву держав – наследниц великих империй.

И появился целый ряд вопросов регионального характера, по которым Турция и Россия находят полное понимание. К примеру, обоюдное нежелание видеть в Черном море суда государств, не являющихся причерноморскими, представляет собой важный аспект в российско-турецких отношениях. Это весьма актуально в связи с намерениями США активизировать

деятельность НАТО в этом регионе и добиться присутствия собственного флота в акватории Черного моря. Возможно, Россия и Турция смогут выйти на тот уровень двусторонних отношений, когда они будут готовы поддержать позицию друг друга для противодействия влиянию в регионе внешних игроков.

Представляется, что Турция и далее будет стремиться сочетать активизацию усилий в ближневосточном и евразийском векторах своей внешней политики с приоритетом действий по сохранению добрых отношений с США и реализации планов собственной интеграции в ЕС. Именно такое сочетание стратегических целей позволит, по мнению Анкары, сохранить основные направления своей нынешней внешней политики, не менять внешнеполитических приоритетов Турции в Европе и на Ближнем Востоке и вместе с тем упрочить статус лидера в формирующемся регионе Причерноморья.

Анкара, несомненно, будет и далее использовать потенциал своего участия в различных международных организациях (ОЧЭС, НАТО, Блэксифор, Черноморская гармония) для усиления турецкого влияния в Черноморском регионе. Что же касается отношений с Российской Федерацией, то, несмотря на интенсивное торгово-экономическое сотрудничество, Турция является серьезным конкурентом России в Черноморском регионе и на Южном Кавказе. Такое положение дел подталкивает Анкару к увеличению своего присутствия не только на Кавказе, но и в Крыму. Крымско-татарская проблематика по-прежнему сохраняет свою актуальность, особенно с учетом политики украинских властей, в частности принятием Верховной Радой в первом чтении проекта закона «О восстановлении прав лиц, депортированных по национальному признаку».

Параллельно с принятием проекта закона, члены крымско-татарского межджлиса заявили о намерении способствовать возвращению в Крым около 100 тысяч соплеменников из других республик бывшего СССР. Если задуманное осуществится, то Крым может превратиться в зону межнационального конфликта. О социальной дисгармонии на полуострове пишут и европейские эксперты. К примеру, в одном из изданий экспертно-аналитического фонда FRIDE была опубликована статья под названием: «Крым: зона конфликта у границ Европы» [3].

Следует подчеркнуть, что позиция Украины привела к тому, что РФ затратила многомиллионные суммы на обустройство резервных портов на случай непредвиденного поворота в украинско-российских отношениях. Несмотря на то что договор о базировании Черноморского флота РФ в Севастополе продлен до 2042 г., украинских политиков, желающих вытеснить Россию оттуда, не стало меньше. Известно, что еще адмирал Нахимов говорил: «Кто владеет Севастополем, тот владеет Черным морем». Соответственно США также будут стремиться к присутствию в регионе, что позволит им контролировать не

■ Международные отношения

только энергетические потоки, но и в определенной степени своих стратегических союзников из ЕС, а также Россию и в целом ситуацию в так называемом Большом Причерноморье и на Ближнем Востоке.

В этой связи стоит отметить, что угрозы безопасности России на ее черноморских рубежах будут носить в ближайшее время серьезный системный характер. Это и развертывание элементов американской системы ПРО в причерноморских странах (Румыния, Турция), и хроническая нестабильность на Северном Кавказе, и натянутые отношения с Тбилиси. На Черноморском побережье у России практически не остается надежных союзников, за исключением небольшой Абхазии. Таким образом, Причерноморье остается одной из весьма чувствительных для интересов России точек. Целый ряд зарубежных экспертно-аналитических центров занят сбором как можно более полной и всеобъемлющей информации о социально-политической ситуации в этом регионе. Этими же центрами поддерживается проект так называемой Великой Черкессии.

Так, один из старейших университетов США – Ратджерс – занялся разработкой истории взаимоотношений черкесов с Россией. С этой целью при университете создан Центр изучения фактов геноцида и разрешения конфликтных ситуаций. На официальном сайте [5] Центра изображена видоизмененная карта Кавказского региона с границами новой Черкессии, за необходимость появления которой он и ратует. В марте 2013 г. университетом была издана книга под названием «Геноцид черкесов» [4]. Великая Черкессия, призванная полностью отрезать от России Черноморское побережье, в соответствии с представлениями этих исследователей должна протянуться от границ Грузии вплоть до берегов Азовского моря. Так же активно занимается «черкесским вопросом» и Джеймстаунский центр в Вашингтоне, округ Колумбия.

Усиление российского присутствия в Черном море тем более желательно вследствие тревожной ситуации вокруг Сирии, где базируется единственная российская военная база в дальнем зарубежье. Возможный уход России из Сирии может стать прелюдией к уходу из Средиземноморья. И если без доступа в Средиземное море за Россией все равно сохранится статус влиятельной черноморской державы, то с ослабленным Черноморским флотом Россия практически наверняка не сможет сохранить позиции в Средиземноморье.

Подводя итог, следует заметить, что на данный момент в Причерноморье существуют проблемы в области формирования полномасштабной системы поддержания региональной безопасности и сотрудничества. Тем не менее кооперация все же развивается, и ее приоритетным направлением является торгово-экономическая сфера. Глобализация торговли и промышленный рост обеспечивают большие возможности для развития Черноморского региона. В связи с этим неперенным условием для выработки долгосрочной стратегии его развития является ясное определение организационно-правовых и инфраструктурных проблем, что сыграло бы важную роль в развитии региона Черного моря.

Успешное развитие морского транспорта в будущем может способствовать эффективной деловой интеграции Черноморского региона на европейском и мировом рынках. Такое развитие напрямую связано со стабильностью и благополучием всех стран региона. Однако необходимо отметить наличие ряда серьезных препятствий для успешной реализации плана сотрудничества в регионе Причерноморья:

- недостаточно высок уровень координации усилий входящих в эту зону государств;
- сохраняется множество проблем, осложняющих ситуацию в Черноморье на протяжении столетий. Очевидно, что не все из них можно разрешить в обозримом будущем;
- существует ощутимая разница между государствами Причерноморья по уровню социально-экономического и политического развития, демократических преобразований;
- государства региона разнородны по этноконфессиональному составу;
- среди государств Причерноморья неизбежна борьба за лидерство, в результате которой существующая конфликтность с участием нерегиональных игроков, скорее всего, будет только углубляться;
- одним из основных минусов существующей кооперации в Причерноморье можно считать отсутствие механизмов и стимулов к развитию сотрудничества, что может в конечном итоге свести на нет все амбициозные планы государств региона;
- в целом разнонаправленность политических ориентиров государств Причерноморья провоцирует неизбежное соперничество за политическое и экономическое лидерство в обозримом будущем.

Список литературы

1. Доору Решат. Развитие морского транспорта в государствах-членах ЧЭС: проблемы и перспективы// Парламентская ассамблея Черноморского экономического Сотрудничества// URL: <http://www.pabsec.org/default.asp?hl=ru> (Accessed: 2013, November 9).
2. Токман Г.И. "Sea motor ways", и не только// Порты Украины. 2011. № 04 (106). С. 27–33.
3. Shapovalova Natalia, Jarabik Balazs «Crimea: Next Flashpoint in the European Neighbourhood?»// FRIDE Policy Brief. 2009, №4.

4. Walter Richmond. The Circassian Genocide. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2013. 232 p.
5. The official website of the State University of New Jersey, Rutgers //URL: <http://www.ncas.rutgers.edu/center-study-genocide-conflict-resolution-and-human-rights/mid-nineteenth-century-genocidal-pacifica> (Accessed: 2013, October 28).
6. Отчет заседания Рабочей группы ЧЭС по транспорту/ Сочи, 25–27 сентября 2006 года // Официальный сайт Министерства транспорта Российской Федерации// URL : http://www.mintrans.ru/Report_25092006.doc (Accessed: 2013, October 27).
7. Memorandum of Understanding for the Coordinated Development of the Black Sea Ring Highway (Belgrade, 19 April 2007) // Organization of the Black Sea Economic Cooperation // URL: <http://www.bsecorganization.org/documents/LegalDocuments/agreementmous/m3/Documents/MoU%20BSRH%200711227.pdf> (Accessed: 2013, March 15).

Об авторе

Эшба Элана Джемаловна – н.с. Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(У) МИД России. Сфера научных интересов: современные политические и социально-экономические процессы в Черноморско-Кавказском регионе и на Ближнем Востоке. E-mail: elana_eshba@mail.ru

REGIONAL COOPERATION ON THE BLACK SEA: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROSPECTS

E.D. Eshba

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Throughout the history The Black Sea region attracted attention of both regional states and those lying far beyond its borders . One of the main reasons for increased attention to the Black Sea coast is its transit location : it is crossed by transport routes connecting the West with the states of Central Asia and Transcaucasia that are rich by hydrocarbon resources .*

A large-scale and fairly ambitious gas pipeline projects that are scheduled to take place on the territory of the Black Sea countries and across the Black Sea lead us to expect the increasing role of the Black Sea region in the world economic system. In this regard, the author brings to light the problem of the main stages of the development of cooperation among the Black Sea countries be means of analysis of the most successful attempts at regional cooperation. Special attention is paid to the policy of Turkey in the Black Sea and on the interactions of two major regional actors (Russia and Turkey) .

In addition, the work highlights the most promising areas of transport, logistics , trade and economic development of the region , including the project of ring highway around the Black Sea, as well as prospects for the intensification of maritime transport and the development of new marine transportation routes. To summarize, the author concludes that , despite the development of cooperation in the region , there are problems in the formation of a comprehensive system of regional security and cooperation, so as major obstacles to the successful implementation of the plan of cooperation in the Black Sea region still remain .

Key words: The Black Sea, Cooperation, BSEC, Russia, Turkey, Regional Policy.

References

1. Dooru Reshat. Razvitie morskogo transporta v gosudarstvakh-chlenakh ChES: problemy i perspektivy [The development of maritime transport in the BSEC Member States: Problems and Prospects]. Parlamentskaia Assambleia chernomorskogo Ekonomicheskogo Sotrudnichestva [Parliamentary Assembly of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation]. URL: <http://www.pabsec.org/default.asp?hl=ru> (Accessed: 2013, November 9)
2. Tokman G.I. "Sea motor ways", i ne tol'ko ["Sea motor ways" and not only]. Porty Ukrainy [Ukrainian ports]. 2011, № 04 (106). P. 27-33
3. Shapovalova Natalia , Jarabik Balazs «Crimea: Next Flashpoint in the European Neighbourhood?». FRIDE Policy Brief. 2009, №4. P. 5.
4. Walter Richmond. The Circassian Genocide. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2013. P. 232
5. The official website of the State University of New Jersey, Rutgers. URL: <http://www.ncas.rutgers.edu/center-study-genocide-conflict-resolution-and-human-rights/mid-nineteenth-century-genocidal-pacifica> (Accessed: 2013, October 28)
6. Otchet zasedaniia rabochei gruppy ChES po transportu. Sochi, 25-27.09. 2006 [Report of the meeting of the BSEC Working Group on Transport]. Ofitsial'nyi sait ministerstva transporta Rossiiskoi Federatsii [The official website of the Ministry of Transport of the Russian Federation]. URL : http://www.mintrans.ru/Report_25092006.doc (Accessed: 2013, October 27)
7. Memorandum of Understanding for the Coordinated Development of the Black Sea Ring Highway (Belgrade, 19 April 2007). Organization of the Black Sea Economic Cooperation. URL: <http://www.bsecorganization.org/documents/LegalDocuments/agreementmous/m3/Documents/MoU%20BSRH%200711227.pdf> (Accessed: 2013, September 15)

About the author

Elana D. Eshba – research fellow of the Center for Partnership of Civilizations in the Institute of International relations of the Moscow State University of International relations. Research interests: the current political and socio-economic processes in the Black Sea, the Caucasus and the Middle East regions. E-mail: elana_eshba@mail.ru

ИННОВАЦИИ КАК ФОРМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ВУЗЕ

Е.Б. Ястребова, Д.А. Крячков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу восприятия инновационных процессов в области языкового образования преподавателями и студентами факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России. Языковому образованию как синергетической системе свойственно стремление к саморазвитию, происходящему во многом благодаря инновациям, инициаторами которых могут быть как непосредственные участники образовательного процесса, так и его руководители разных уровней. Чтобы выявить основные особенности инноваций в области обучения иностранным языкам на факультете международных отношений, был проведен констатирующий эксперимент с участием преподавателей и студентов факультета международных отношений. Как показали его результаты, для большинства респондентов основной целью инновации в области обучения иностранным языкам является достижение значимого улучшения уровня развития иноязычных компетенций, которое возможно, прежде всего, благодаря использованию качественно новых учебных материалов и компьютерных технологий. Было выявлено, что успех инноваций в значительной степени зависит от их источника (инновации «сверху» или инновации «снизу») и внутренней готовности участников образовательного процесса к их реализации, обусловленной неудовлетворенностью состоянием дел. Инновации «сверху», как правило, являются более масштабными и затрагивают всю систему языкового образования в целом, в то время как инновации «снизу» касаются преимущественно собственно процесса обучения. Несмотря на выявленную общую тенденцию к более успешному прохождению инноваций «сверху», авторы приходят к заключению, что языковое образование, будучи синергетической системой, вбирает только те инновации, которые не приводят к революционным потрясениям и соответствуют насущным потребностям, способствуют его устойчивому развитию.

Ключевые слова: инновации, языковое образование, обучение иностранным языкам, синергетическая система, устойчивое развитие, факультет международных отношений.

В современных условиях языковое образование, которое некогда плелось в хвосте свиты сменяющихся «цариц наук», стремительно догоняет своих конкурентов. Неудивительно, что авторы сотен диссертаций, монографий, статей подвергают это бурное развитие осмыслению. Особое внимание уделяется изменениям, которые претерпевает языковое образование в связи с новыми социально-экономическими условиями, вызванными прежде всего глобализацией и информатизацией общества. В настоящей статье предполагается рассмотреть инновационные процессы в языковом образовании с позиций преподавателей и студентов МГИМО.

I. Остановимся на некоторых теоретических положениях, которые лежат в основе нашего анализа.

А. В отечественном педагогическом дискурсе образование традиционно рассматривается как система – достаточно обратиться к известным трудам в области дидактики [1; 2] или ознакомиться с последней редакцией Федерального закона об образовании в Российской Федерации [3], в котором термин «система» употребляется более ста раз. Системный подход позволяет без жесткой привязки к определенной методологической базе проанализировать взаимосвязь ее элементов и подсистем – целей и задач, субъектов и объектов, форм организации процесса, методов, содержания, системы управления и т.д. – и их включенность в более широкий, внешний («необразовательный») контекст.

Если подходить к образованию как к системе, то обучение можно рассматривать как один из ее многочисленных компонентов или подсистем. Отсюда и определенное родство свойств, присущих образованию и обучению. Не претендуя на всесторонность анализа соотношения макросистемы–подсистемы и выделяя лишь релевантные для рассмотрения заявленной темы аспекты, можно отметить, например, что наличие целей являются системообразующим фактором и для образования, и для обучения. Однако ввиду разнопорядковости эти цели будут отличаться: у обучения они менее глобальны, чем цели образования, они в меньшей степени касаются иных его подсистем и затрагивают непосредственно взаимодействие студента и педагога, например в рамках преподавания какого-либо предмета или в отдельно взятом учебном заведении. То же относится и к функциональному потенциалу: если в рамках системы образования речь идет об организации, контроле и управлении всеми подсистемами, в том числе и институциональной, то в рамках обучения – опять-таки лишь о собственной деятельности преподавателя и деятельности обучаемого.

Как и любая сложная система [4], образование, в том числе и языковое образование, характеризуется целым набором признаков. Одним из них является равновесие и устойчивость, за поддержание которых отвечают различные традиционно-репродуцирующие механизмы, обеспечивающие сохранение уже сложившихся практик как

основы функционирования системы. Именно в этом контексте можно говорить о традиционности в обучении, традиционных методах и подходах, прививании знаний и навыков, необходимых, чтобы справляться с хорошо известным, четко описанным и неизменным кругом задач. Безусловно, наличие такой базы в качестве «стартового капитала» – обязательная часть образования, но ее явно недостаточно для последующего роста (профессионального и личного).

Образование является системой открытой [1; 5], взаимодействующей с реальной действительностью, и, как и любой подобной системе, образованию свойственно стремление к развитию, обеспечивающему адаптацию к изменяющимся условиям и потребностям. Как раз необходимость соответствовать духу времени и приводит к появлению новых взглядов на то, чему и как учить, возникновению новаторских подходов и инновационных идей.

Любое развитие системы стимулируется кризисом, вследствие которого она уже не может справляться с требованиями изменившейся ситуации, но даже наличие этого отчасти внешнего по отношению к системе стимула не приведет к качественно новому, жизнеспособному и устойчивому изменению, если у этой системы отсутствуют внутренние ресурсы [6]. Языковое образование не является в этом отношении исключением – вряд ли, например, был бы возможен переход от «знаниевой» к компетентностной [7] парадигме, не будь при наличии внешних стимулов подобных внутренних ресурсов. Это позволяет говорить об образовании как о самоорганизующейся системе, то есть системе, способной к саморазвитию, к самопреобразованию (при наличии внешних стимулов) в новое состояние [8]. Суммируя означенные выше характеристики образования, релевантные для рассмотрения заявленной темы, можно сказать, что (языковое) образование – это открытая сложная (многокомпонентная) система, способная к саморазвитию и саморегуляции, то есть синергетическая система.

Б. Как уже отмечалось, способность системы образования адаптироваться к меняющимся условиям приводит к появлению инноваций. Однако инновационность, в том числе в области образования, имеет свои трактовки в различных исторических условиях – нельзя ожидать, что новаторские идеи «Открытой двери языков и всех наук» Яна Амоса Коменского будут актуальны и сегодня как по сути, так и по форме.

Сам термин «новация», по утверждению Б. Годэна [9], появился в XIII в. в области права и долгое время имел отрицательные коннотации. Свой победный марш по различным отраслям знания он начал лишь в конце XIX – начале XX в. Во второй половине XX в. инновации в образовании как объект теоретического анализа занимают заметное место в западной педагогической литературе. Несколько позднее, в 2000-х гг., инновации именно в подобной интерпретации становятся частью российских реформ в высшем образова-

нии. Хотя историки педагогики, как справедливо отмечает С.Д. Поляков [10], с готовностью находят все более отдаленные точки этого отсчета. В настоящее время все чаще говорят о «педагогической инноватике» как о разделе педагогики, изучающем природу инновационной деятельности и ее особенности в преломлении к системе образования.

Каковы же основные черты инноваций в (языковом) образовании? Наиболее очевидный признак инноваций как явления заложен в латинском «прошлом» термина – новизне. В этой связи покажительно, что многие исследователи рассматривают инновацию и новшество как тождественные понятия [11], хотя, забегая вперед, следует отметить, что, с нашей точки зрения, новшество – это скорее продукт инновационной деятельности (см. также, например, [12]). Однако признак новизны вызывает немало вопросов из-за своей субъективности (то, что является новым для одного, хорошо известно другому [13]) или даже национальной специфичности его восприятия («новый» – лучший для американцев, но для русских это слово чаще ассоциируется с неопределенностью [14]). О недостаточности признака новизны в определении природы рассматриваемого явления косвенно свидетельствуют и предлагаемые классификации педагогических инноваций, которые включают в себя «корректирующие, модифицирующие, модернизирующие» [15] или «ретроинновации», когда идет обращение к опыту прошлого, его переосмысление в современных условиях, то есть предполагают опору на уже существующие, традиционные формы. Можно предположить, что новизной следует считать не только суть предлагаемых изменений, но и иные условия его осуществления, что представляет для нас особый интерес.

Многие исследователи, анализируя инновации, исходят из того, что суть этого явления составляют изменения, перемены [16]. Так, к основным функциям инновационной деятельности А.В. Хуторский относит изменения компонентов педагогического процесса: смысла, целей, содержания образования, форм, методов, технологий, средств обучения, системы управления и т.п. [15]. Однако само понятие «изменение» настолько многогранно и размыто, что соответствующая статья в философском словаре занимает не одну страницу. Не все перемены носят телеологический, неслучайный, характер, в то время как для образования нестихийность, целенаправленность являются принципиально важными. К тому же далеко не всякая перемена имеет положительные последствия [17], а для образовательных инноваций максимума «отрицательный результат – тоже результат» вряд ли приемлема. Де Лано, детально исследовавший вопрос применительно к языковому образованию, подчеркивает, что инновация – это изменение модели обучения, которое способствует лучшему усвоению иностранного языка [13]. Следовательно, если говорить об изменениях как признаке инновации, такие изменения должны быть целенаправленными и положительными, то есть способствовать:

- развитию речевых умений и навыков;
- способности и готовности их применить в конкретной ситуации реального или условно реального общения;
- решению коммуникативных задач на межличностном и профессиональном уровнях.

При этом такие положительные изменения могут носить как глобальный характер, касаться всей системы (языкового) образования, так и частный, улучшая его отдельные компоненты – содержание, формы организации учебного процесса, технологии обучения и т.д. Таким образом, мы исходим из того, что инновация – это целенаправленное положительное изменение в системе языкового образования и/или обучения иностранному языку, затрагивающее по меньшей мере один компонент системы и приводящее к развитию одной или нескольких составляющих иноязычной коммуникативной компетенции.

Инновации являются одним из важнейших факторов устойчивого развития образования, которое, с одной стороны, обеспечивает стабильное повышение эффективности системы, а с другой – создает задел, стартовую площадку для будущих инноваций, так как любое новшество со временем становится традиционным, внутренним ресурсом для дальнейшего развития, «трамплином» для новых инноваций. При этом важен баланс между сохранением существующих механизмов функционирования и продвижением инноваций, ведь один из главных принципов устойчивого развития – «не навреди», то есть сохрани все то, что «работает» на хороший результат, и измени то, что тормозит и мешает эволюционному развитию образовательной среды.

Что приводит в действие инновационные механизмы? Хотя причины, вызывающие инновации, вряд ли существуют независимо друг от друга и в значительной степени взаимосвязаны, их можно разделить на две группы: объективные и субъективные. Многие исследователи инновационных процессов в языковом образовании прежде всего говорят об объективных экономических и политических процессах, обуславливающих потребность в улучшении качества языкового образования (ср. «идеологические инновации» [18]). В советские времена владение иностранным языком на уровне «читаю и перевожу со словарем» для большинства специалистов было вполне достаточным. Сегодня расширение и углубление экономических связей, политических контактов диктуют иные требования к языковой подготовке выпускников вузов, которая предполагает формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции, то есть готовности и умения активно использовать багаж знаний в практической деятельности [7, 80]. Объективными можно назвать и социальные причины – возникновение мировой паутины, иная степень открытости общества и потребности в контактах с другими сообществами требуют развития новых форм и способов обучения иностранным языкам (ИЯ).

К субъективным причинам мы относим групповые интересы, когда участие в инновационных проектах становится показателем статуса вуза, непременным условием, образно говоря, «попадания в десятку», в разряд исследовательских университетов, а для отдельных вузов – и вопросом выживания. Субъективные личностные причины складываются из индивидуальных потребностей: стремления индивидуума к успеху, к повышению своей конкурентоспособности на рынке труда; к самореализации и большей личной свободе. Для преподавателя это может быть осознание невозможности преподавать «как раньше» [19], для обучаемого – желание расширить возможности межличностного общения за счет лучшего владения ИЯ.

В зависимости от того, какие силы побуждают к инновационным изменениям, можно говорить и о разных источниках инноваций. Это является интересным не только с сугубо исследовательской точки зрения, но и с практической, поскольку отчасти объясняет разную степень успешности проводимых инноваций. Очевидно, что социально-политические факторы обуславливают принятие решений на правительственном уровне (инновация «сверху») о проведении широкомасштабных реформ в образовании, которые неизбежно затрагивают и обучение иностранным языкам. Так, ФГОС 3-го поколения определил место ИЯ применительно ко всем направлениям и профилям подготовки бакалавров; новые образовательные стандарты предоставили вузам большую самостоятельность в определении своих учебных планов и программ. Более того, ряд вузов, в том числе МГИМО, получили возможность разрабатывать собственные стандарты, благодаря чему «запускаются» инновации «во внутренней среде вуза» [18], обусловленные субъективными групповыми интересами, хотя и они по отношению к участникам образовательного процесса с точки зрения направленности являются инновациями «сверху».

Иногда новые идеи генерирует научное сообщество, предлагает их административным органам и определяет новые пути решения поставленной задачи, которые в сложившихся условиях представляются более эффективными. В этой ситуации инновационная идея поступает в образовательное сообщество также извне, «сверху». Можно предположить, что общим для различных инноваций, «спущенных сверху», является определенная степень их неприятия участниками образовательного процесса, что приводит к целому ряду трудностей на этапе их внедрения, в том числе из-за непонимания и отсутствия заинтересованности в предлагаемых изменениях.

Инновации, движущей силой которых являются личные интересы, встречаются реже и зачастую носят более скромные масштабы. Участники образовательного процесса приходят к осознанию того, что применяемые практики

не приводят к желаемым результатам (самоанализ деятельности преподавателей, результаты тестов, обратная связь со стороны студентов или работодателей). Тем не менее такие инновации «снизу», возможно, являются наиболее эффективными, поскольку основываются на осознанной необходимости перемен, с одной стороны, и на более-менее четком понимании цели конкретной инновации – с другой. Именно в этой ситуации движущей силой инноваций могут становиться сами преподаватели.

Очевидно, можно говорить и о третьем, гибридном варианте, в основе которого лежит движение навстречу: инициатива «снизу» по своей направленности совпадает со «спускаемой сверху» концепцией организации учебной деятельности, что должно привести к возникновению синергетического эффекта. Гипотеза о том, что успешные инновационные процессы в области языковой подготовки на уровне кафедр происходят по третьей траектории и стала отправной точкой данного исследования.

Одновременно, учитывая массив теоретических работ по вопросу инноваций в образовании в целом и более скромный в области языкового образования, мы решили также проверить предположение о том, что инновационный процесс есть форма устойчивого развития языкового образования и обучения в вузе. Для проверки нашей гипотезы мы провели констатирующий эксперимент среди непосредственных участников инновационных процессов, а именно среди преподавателей иностранного языка и студентов факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России. Методы исследования – анкетирование и собеседование на основе репрезентативной выборки участников. Второе направление исследования – анализ результатов инновационной деятельности языковых кафедр факультета международных отношений (МО).

II. В анкетировании приняли участие 100 преподавателей восьми языковых кафедр факультета (двух западных языков: английского и немецкого, славянских и восточных). Сто два опрошенных студента учатся на третьем (31 человек) и четвертом (71 человек) курсах. В качестве контрольной группы участвовал 31 преподаватель языковых кафедр других факультетов (политологии, МБДА и МП). В пилотном варианте для уточнения формулировок вопросов анкеты были опрошены десять преподавателей кафедры английского языка №1.

Вопросы анкеты направлены на выяснение того, как главные участники процесса обучения, преподаватель и студент, понимают инновации, их цели, условия их успеха, их личное отношение к инновациям и непосредственное в них участие.

Из 11 вопросов основной анкеты для преподавателей вопросы №1 – 4, 6, 8 сопровождались вариантами ответов, включая вариант «иное», вопросы № 5 и 7 были закрытыми. Ответы на вопросы №1 и 3 предлагалось ранжировать по

степени важности для респондента; три вопроса были факультативными и открытыми (вопрос № 9 «Что вы считаете успешной инновацией на вашей кафедре?», который являлся контрольным для вопроса №4, вопрос №10 «Какие инновации вы бы хотели видеть в университете, на своей кафедре?» и вопрос №11 «В каких инновациях вы бы хотели принять участие?»).

Все респонденты были поделены на группы в соответствии с педагогическим стажем: 1) до 7 лет, этап профессионального становления; 2) до 18 лет, этап наиболее активного педагогического поиска и определения собственного педагогического «Я»; 3) свыше 18 лет, период убежденности в собственных педагогических принципах и известной доли консерватизма. Основанием для такого деления послужили классификации, рассмотренные Тессой Вудворд (Tessa Woodward) в докладе «The Professional Life Cycles of Teachers» на 44-й Международной конференции IATEFL в 2010 г., а также личный опыт авторов в оценке профессиональных изменений, происходящих в указанные «рубежные» моменты/периоды педагогической деятельности. Для уточнения взглядов преподавателей с наименьшим стажем было проведено дополнительное анкетирование (15 преподавателей английского языка).

Анкета из девяти вопросов для студентов в значительной части совпадала с анкетой для преподавателей, однако была адаптирована к студенческой аудитории. Вопрос «Что для вас лично является основной целью инноваций?» сформулирован более конкретно: «Что вы лично ждете для себя от инноваций в МГИМО?». Вопрос «Были ли в вашей студенческой жизни моменты/периоды, когда вы понимали, что учить язык так, как раньше, вы не готовы или не хотите?» дополнен просьбой: «Укажите, по возможности, причину (организация занятий, учебные материалы, уровень требований, оценки, иное)». Заключительным и одновременно контролирующим был вопрос: «Готовы ли вы лично принять активное участие в создании блога/интернет-платформы для сбора и размещения учебного материала по изучаемым в курсе иностранного языка темам в дополнение к тем, что предлагает преподаватель, для последующего их использования на занятиях?»

III. В результате проведенного исследования выяснилось, что больше половины преподавателей (51% – на факультете МО и 64% по МГИМО) считают инновацией использование учебных материалов (УМ), позволяющих по-новому организовать учебную деятельность студентов; среди студентов так считают 25%. На втором месте и у преподавателей, и у студентов оказалось использование компьютерных технологий (КТ): 24% – среди преподавателей и студентов факультета МО и 14% – среди преподавателей МГИМО в целом. Изменения на уровне аудиторного занятия (АЗ) сочли инновацией всего лишь 12% преподавателей (11% – в контрольной группе), но 25% студентов. Еще более скром-

ное место принадлежит изменению характера взаимодействия преподавателя со студентами (ВЗ): 10% – среди преподавателей и 11% – среди студентов. Наглядно описанные различия отражены в диаграмме на рис.1.

Рис. 1

Интересно, что среди преподавателей с большим педагогическим стажем треть считает инновацией использование компьютерных технологий, тогда как среди молодых их всего 13% (см. табл. № 1, отражающую распределение ответов в зависимости от стажа респондентов).

Таблица 1

**Что является инновацией ?
(распределение ответов по стажу респондентов)**

Стаж	КТ	УМ	АЗ	ВЗ	Иное
≤7	13%	53%	20	7	7
≤18	27%	53%	10%	10%	–
≥18	33%	47%	7%	13%	–

В качестве основной цели инноваций (см. рис. 2) и преподаватели, и студенты выделяют достижение более высокого уровня владения иностранным языком: 39% (50% – в контрольной группе) и 48% соответственно. Вторая по значимости цель – повышение качества языкового образования в целом – составляет 28% (37% – в контрольной группе).

Рис. 2

Интересно, что эту цель считают наиболее значимой преподаватели с самым большим стажем. Более эффективный путь достижения цели наиболее значим для средней группы (самые активные в педагогическом поиске преподаватели – 24%). Статус вуза и удовлетворение от работы в качестве основной цели практически не рассматриваются. При этом более четверти молодых преподавателей в качестве основной цели указали первые три вместе (см. табл. № 2).

Таблица 2

Что является основной целью инноваций?
(распределение ответов по стажу респондентов)

Стаж	1	2	3	4	5	Иное (все)
≤7	27	40	6	–	–	27
≤18	24	38	24	4	–	10
≥18	35	39	13	2	–	11

1 – повышение качества языкового образования в целом; 2 – достижение более высокого уровня владения иностранным языком; 3 – эффективный путь достижения цели; 4 – статус вуза; 5 – удовлетворение от работы.

Ожидания студентов, связанные с инновациями, достаточно скромны; достижение более высокого уровня владения языком + экономия времени на самостоятельную работу над иностранным языком + повышение своей конкурентоспособности на рынке труда указали 34% опрошенных. На первое место в этой триаде они поставили достижение более высокого уровня владения языком. Общая картина показана на рис.3.

Рис. 3

Что является основной целью Инноваций, с точки зрения студентов?

Особый интерес с точки зрения проверки нашей гипотезы представляли ответы на вопрос №3: «Что, на ваш взгляд, является решающим условием успешных инноваций?»

Варианты ответов «продуманная политика Министерства образования» (Минобр) и «продуманная политика Университета» (Ун-т), по сути, синонимичны инновациям «сверху», к ним примыкает «инициатива кафедры» (Каф), которая для большинства преподавателей означает решение руководства. Почти половина преподавателей (48% на факультете) и более половины студентов

(54%) ассоциируют успех с инновациями «сверху» (в контрольной группе показатель – 41%), в то время как в успех инновации «снизу» (Преп) верят всего лишь каждый десятый преподаватель и студент. И только 6% студентов считают, что от их инициативы зависит успех.

Однако 26% преподавателей отмечают значимость своей внутренней готовности (ВГ). В количественном выражении именно это, по мнению преподавателей, является главным условием успеха инноваций. Студенты, однако, вообще ее не ценят: 2% отметили «готовность преподавателей» и 9% – «готовность студентов» (ГС). Финансирование инновационных проектов (Фин) не считает значимым фактором ни одна из групп опрошенных: преподаватели – 8%, студенты – 10%. (см. рис.4)

Рис. 4

От чего зависит успех инноваций?

С точки зрения различий между группами преподавателей, оказывается, что в кафедральные инициативы больше верят юные – 13% по сравнению с 7% в средней группе и 10% у самых опытных. В старшей группе наивысшая степень доверия министерским инициативам – 26% (против 13% у молодых и 18% в средней группе). В табл. 3 приведена полная «раскладка» ответов.

Таблица 3

От чего зависит успех инноваций?
(распределение ответов по стажу респондентов)

Стаж	Минобр	Ун-т	Каф	Преп	Гот Пр	Гот Ст	Фин	Иное
≥7	13	34	13	13	20	–	7	–
≥18	18	7	7	14	32	4	11	7
≤18	26	22	10	5	26	20	7	2

Ответы на вопрос «Что вы считаете успешной инновацией в области преподавания ИЯ в МГИМО?» выявили следующее.

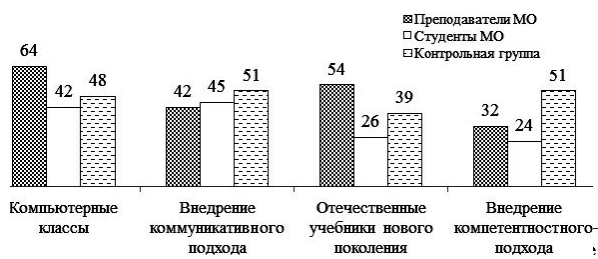
Вполне ожидаемо, на место лидера, по мнению преподавателей факультета МО, вышли компьютерные классы. Интересно, что «фанатами» компьютеризации оказались более и самые опытные преподаватели (70% и 62% соответственно). Студенты, как видно на диаграмме (рис.5), более сдержанны в оценках (хотя, казалось бы, поколение Net должно в первую очередь обратить внимание на этот пункт) и отдают компьютерным классам второе место, а первое – коммуникативному подходу.

На второе место преподаватели поставили отечественные учебники нового поколения, то есть те, которые создавались, как правило, в русле компетентностного подхода, занявшего тем не

менее скромное четвертое место по итогам анкетирования. На третьем месте у преподавателей оказался коммуникативный подход. Все остальные варианты ответа набрали незначительное число сторонников. Надо отметить, что преподаватели иностранных языков в контрольной группе показали несколько отличные результаты. Так, первое и второе места разделили коммуникативный и компетентностный подходы (по 51%), а на третьем месте оказались компьютерные классы (48%); отечественные учебники нового поколения замыкают четверку лидеров (39%).

Рис. 5

Что является наиболее успешными инновациями в МГИМО (%)?

Заметных различий в ответах на этот вопрос внутри преподавательского корпуса факультета МО не наблюдалось; единственное, что стоит упомянуть: среди успешных инноваций молодые преподаватели поставили на первое место коммуникативный подход.

Добавим, что достоверность этих данных подтверждают ответы преподавателей на вопрос № 9, заданный в открытой форме: «Что вы считаете успешной инновацией на вашей кафедре?»

Большинство ответов можно разделить на две большие группы:

1) Инновации, связанные с компьютеризацией обучения, в первую очередь использование мультимедийных средств обучения, то есть нововведения в техническое обеспечение учебного процесса, которое влечет за собой изменение в языковом образовании в целом и методик обучения в частности.

2) Инновации, связанные с созданием новых учебных материалов (учебников, УМК нового поколения, основанных на компетентностном или компетентностно-модульном подходе), то есть напрямую с изменением внутренней стороны обучения, собственно дидактического взаимодействия его основных компонентов: целей, содержания, методов, способов организации учебной деятельности и реального результата. К этой же группе можно отнести создание электронных учебников.

Помимо того, преподаватели отмечали языковые стажировки для студентов, занятия с носителями языка (что, очевидно, можно было бы считать инновацией достаточно давно), телемосты с зарубежными университетами.

Следующий вопрос анкеты: «Были ли в вашей преподавательской практике/студенческой жизни моменты/периоды, когда вы понимали, что учить/учиться иностранному языку так, как раньше, вы не готовы или не хотите?» – позволил установить,

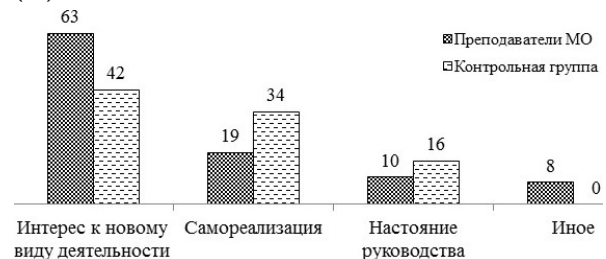
что недовольство состоянием дел испытывали 55% преподавателей и 47% студентов.

В качестве причин своего недовольства 42% студентов отметили организацию занятий, 34% – уровень требования и оценки и только 10% были недовольны учебными материалами; организация занятий + уровень требований – 6%. Среди прочего указаны: большой объем самостоятельной работы, отсутствие преподавателей-носителей языка, рутина, придирки преподавателей – 8% студентов-респондентов.

Вопрос «Если вы участвовали в инновационной деятельности (как автор, руководитель или рядовой участник), то почему вы в нее включились?» позволил определить мотивы участия преподавателей в инновационной деятельности (см. рис. 6), ведущим из которых оказался интерес к новому виду деятельности (53%) и интерес в сочетании со стремлением к самореализации (19%). Следует отметить, что карьерные соображения и настоящие руководства практически не повлияли на участие в инновационных проектах.

Рис. 6

Каковы мотивы участия в инновациях (%)?

Если не учитывать ответы менее опытных участников (только 6 человек из первой группы ответили на этот вопрос), которые по очевидным причинам не могли иметь большого (если вообще участвовали) опыта участия в инновациях, то картина становится еще контрастнее. Основной мотив для преподавателей со стажем выше 7 лет – интерес – 47% (у тех, кто принадлежит к самой опытной группе – 58%), а интерес в сочетании со стремлением к самореализации – 52%, при этом в средней группе это сочетание оказалось ведущим мотивом – 39% (подробные результаты опроса приведены в табл. 4).

Таблица 4

Каковы мотивы участия в инновациях? (распределение ответов по стажу респондентов)

Стаж	1	2	3	4	1+2	Иное
≤7	67	–	–	–	–	33
≤18	35	7	13	–	39	–
≥18	58	12	7	2	19	2

1 – интерес; 2 – стремление к самореализации; 3 – настоящие руководства; 4 – карьера.

Ответы на следующий вопрос показали, что практически половина преподавателей факультета МО испытывали чувство неприятия предлагаемых инноваций (49%); в контрольной группе их доля

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

ниже – 36%, тогда как у студентов этот показатель крайне незначителен – 13%.

В табл. 5 показаны результаты по трем группам, из которых видно, что наиболее активная группа (стаж до 18 лет) вполне закономерно имеет наименьшую степень отторжения (40%), тогда как в «младшей» и «старшей» группах показатель выше (53% и 55% соответственно). Интересно, что доля преподавателей, не испытывавших чувство отторжения, одинакова по всем группам – 27%.

Таблица 5

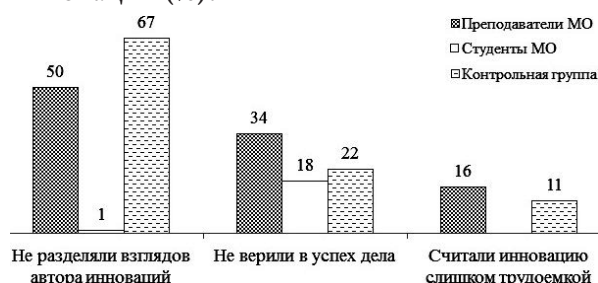
Возникло ли отторжение инноваций?
(распределение ответов по стажу респондентов)

Стаж	Да	Нет	Не помню
≤7	53	27	20
≤18	40	27	33
≥18	55	27	18

Особый интерес представляет анализ причин отторжения инноваций (см. рис.7). В качестве основной причины указано «несогласие с авторами инноваций» (56% респондентов) и второй – «неверие в их успех» (30%). В контрольной группе первая причина оказалась еще веселее – 67%; учитывая незначительный процент студентов, отторгавших инновации, анализ причин не представляет особого интереса.

Рис. 7

Каковы основные причины отторжения инноваций (%)?

Среди преподавателей факультета МО ответы распределились следующим образом (см. табл. 6). Как и в целом среди преподавателей-респондентов главной причиной отторжения во всех группах является несогласие с авторами инноваций, что особенно проявилось в самой активной группе (59%). Почти столь же значимой причиной для преподавателей с самым большим стажем оказалась «неверие в успех» (40%). Трудоемкость участия в инновациях, однако, отметила только четверть молодых преподавателей; в остальных двух группах их заметно меньше.

Ответы на два последних вопроса анкеты для преподавателей «Какие инновации вы бы хотели видеть в университете, на своей кафедре?» и «В каких инновациях вы бы хотели принять участие?» и последний в анкете студентов (о готовности участия в конкретном инновационном проекте) показали, что 40% преподавателей и 50% студентов готовы участвовать в инновационной деятельности университета. Среди преподавателей готовность

участвовать возрастает с увеличением стажа работы от 21% у «юных» к 30% у имеющих стаж до 18 лет и 49% (!) у самых опытных преподавателей, что противоречит сделанному ранее утверждению о том, что этой группе свойственны консерватизм и меньшая активность педагогического поиска.

Таблица 6

Что отталкивает преподавателей ИЯ от инноваций? (распределение ответов по стажу респондентов)

Стаж	Несвоевременность	«Провальность»	Трудоемкость	Несогласие с взглядами авторов
≤7	-	25	25	50
≤18	8%	25	8	59
≥18	-	40	17	43

Наиболее популярные ответы о личном участии в конкретной инновационной деятельности во многом перекликаются с теми, которые были указаны как успешные инновационные проекты на кафедре (вопрос №9) и желательные (вопрос №10); в обобщенном виде они подразделяются на три группы:

1. В области технического обеспечения обучения: компьютеризация учебного процесса, создание своей лаборатории по разработке аудио- и видеоучебных материалов.

2. В области методики обучения: внедрение проектного обучения, интерактивного, модульного и дистанционного (последнее предполагает «продвинутой» технической базу).

3. В области повышения квалификации педагогических кадров: проведение семинаров по новейшим технологиям обучения, обмен информацией с другими вузами.

Были также пожелания, не связанные напрямую с педагогическим процессом: существенно повысить зарплату и сократить объем (бумажной) отчетности.

IV. Ниже приводим анализ результатов исследования.

1. В представлении и преподавателей, и студентов инновации (как результат инновационного процесса) тесно ассоциируются с использованием учебных материалов, обладающих инновационным потенциалом и компьютерными технологиями в обучении ИЯ. Этот тандем появляется в ответах на все вопросы об инновациях в целом, об инновациях, уже имевших успех в недалеком прошлом и ожидаемых в будущем.

2. Цель инновационного процесса в первую очередь связана с осязаемым результатом своего труда: для преподавателей – повышение уровня владения ИЯ своими студентами и для студентов – повышение собственного уровня.

3. Успех инноваций зависит от инициаторов: инновационные процессы, запускаемые министерством образования, руководством университета «обречены» на успех. При очевидном неверии в успех инноваций, исходящих от

преподавателей или студентов, многие (около половины) готовы принять участие в инновационной деятельности

4. Одновременно в качестве главного внутреннего резерва, обеспечивающего успех, выступает «внутренняя готовность преподавателей к переменам».

5. Очевидно, эта внутренняя готовность возникает в результате неудовлетворенности состоянием дел (процессом обучения и его результатом) как у преподавателей, так и у студентов. На это ясно указывают ведущие мотивы участия в инновационной деятельности (интерес к новой деятельности и стремление к самореализации).

6. Одновременно отмечается и противоположная тенденция – нежелание принимать инновации, которое возникало у половины преподавателей. Главной причиной оказывается «несогласие с авторами инноваций», то есть неприятие идеологической основы предлагаемых перемен и в значительно меньшей степени – сомнения в их успешности.

V. Следующим этапом исследования было сопоставление результатов констатирующего эксперимента с практической инновационной деятельностью в обучении языкам на факультете МО.

Глобальные изменения, произошедшие в российской системе образования, в том числе в высшей школе, напрямую коснулись и языкового образования. Когда Россия присоединилась к единому европейскому образовательному пространству (МГИМО в 2003 г.), была введена двухуровневая система подготовки: бакалавриат и магистратура и иная система оценивания. С точки зрения обучения языкам (в том числе на уровне кафедр) возникла необходимость: а) пересмотра учебных программ и планов; б) внедрения компетентностного подхода, так как ведение системы оценивания согласно документу, принятому Советом Европы «[Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка]» [20] предполагало оценивание компетенций, а не знаний, умений и навыков, как это было раньше.

Внедрение компетентностного подхода фактически было широкомасштабной инновацией «сверху»; как показали данные анкетирования, этот процесс не был гладким и безболезненным: на факультете МО успешной инновацией его считает только треть преподавателей. Еще более спорной можно считать попытку реализовать модульный подход к обучению как неотъемлемую часть Болонского процесса, обеспечивающую академическую мобильность. Сегодня модульность существует только в виде модульных программ, и только незначительная часть их используется на практике (например, модуль «Речевая практика: письменная речь» на кафедре английского языка №1).

Приведенный пример является наглядной иллюстрацией того, как и почему «буксует» инновация, «запущенная сверху». В этом случае со-

впадают два отрицательных фактора: отсутствие на данный момент реального спроса на модули в курсе иностранного языка и возможности обеспечить их реальный выбор внутри вуза (жесткое расписание, инерция традиционного обучения), с одной стороны, а с другой – отсутствие поддержки со стороны преподавателей (второе меньше по сравнению с компетентностным подходом). В то же время успешность модуля «Речевая практика: письменная речь» связана с его «гибридностью», появлением на свет как в ответ на запрос «сверху» («обеспечьте модульность»), так и в результате инициативы «снизу»: письменная иноязычная компетенция – самое слабое звено в коммуникативной компетенции.

Иначе сложилась ситуация с созданием учебно-методических комплексов на основе компетентностного подхода. Формально их разрабатывали в рамках финансируемых министерством инновационных проектов с максимальной поддержкой руководства университета. Однако немедленно возникшие временные творческие коллективы из преподавателей всех языковых кафедр и их невероятная продуктивность – явное свидетельство того, что к тому времени потребность в учебниках нового поколения давно назрела и работа над ними уже началась (на уровне идей или конкретного их воплощения). Это блестящий пример уже упомянутого синергетического эффекта, плодами которого сейчас пользуются далеко за пределами нашего университета. Этот творческий процесс включал и разработку теоретических основ создания вузовского учебника иностранного языка нового поколения [21].

Следующий объект нашего анализа – компьютеризация обучения иностранному языку: техническое оснащение и его методическое обеспечение; инициатор – руководство университета, исполнители методического обеспечения и его пользователи – преподаватели языковых кафедр. Собственно, использование готового продукта – компьютерных классов и мультимедийных аудиторий, а также готовых материалов (доступных в каталоге или специально подготовленных коллегами) – приветствовался большинством преподавателей (благодаря их «поддержке» при анкетировании компьютерные классы оказались самой успешной инновацией в обучении ИЯ в МГИМО).

Иное дело – разработка своего методического обеспечения к ним. На начальном этапе сложилась типичная ситуация давления «сверху» и молчаливого сопротивления «снизу». Однако, по мере того как идея овладевала умами наиболее активной части преподавателей, дело сдвинулось, и благодаря использованию электронной платформы «I-Trainium», разработанной Д.В. Смирновым, появились электронные учебники английского, польского и французского языков, которые, несмотря на трудоемкость их создания, внесли свой вклад в создание инновационной обучающей среды, особенно в варианте blended

learning [22]. По результатам анкетирования, и существующие электронные учебники, и сама идея их создания пользуются одобрением преподавателей разных языков и разного педагогического стажа.

Следует отметить, что даже глобальные изменения в техническом оснащении (например, «всеобщая» компьютеризация учебного процесса или присоединение к Болонскому процессу) не привели к широкомасштабным потрясениям. Внедрение новых ТСО не изменило кардинально ни методологические, ни педагогические основы обучения ИЯ, невзирая на совершенно иные возможности организации этого процесса. Инновационные процессы в языковом образовании, как показывает опыт МГИМО, носят вполне «мирный», эволюционный характер.

Особый интерес для нас представляют инновации «снизу», которые локальны, зачастую являются «реинкарнациями» тех инновационных методик и практик, которые уже потеряли признак новизны, но еще не были вполне освоены молодым преподавателем. Этим, в частности, объясняется, на наш взгляд, вторая позиция коммуникативного подхода как успешной инновации среди самых молодых респондентов. Инновации «снизу» отнюдь не являются прерогативой молодых преподавателей. Согласно данным анкетирования, треть преподавателей со стажем от 1 года до 18 лет считают вносимые ими изменения на уровне аудиторного занятия инновацией. Эта группа преподавателей, которые, по описанию Тессы Вудворд, предпочитают «возделывать собственный участок земли, а не проводить земельную реформу», свои задачи в инновационной деятельности видят весьма конкретно: использовать электронную доску на разных этапах занятия; создавать свои учебные сайты и блоги; научиться работать с подкастами и интерактивной доской; создавать больше ситуаций устного и письменного общения, реального или приближенного к реальному, в том числе виртуального; организовать обмен домашними заданиями по почте для взаимопроверки и многое другое.

Как отметила в дополнительной анкете одна из респондентов (педагогический стаж 8 лет), «в голове нет четкого представления, что является инновационной деятельностью!!! Главным я считаю человеческий фактор, а все инновации служат одной цели – повышению эффективно-

сти педагогического процесса, успешному усвоению студентами материала и применению его в реальной жизни».

Похожие взгляды высказывают многие преподаватели. Из их педагогических усовершенствований и новых форм и приемов работы, о которых они сами не думают как об инновациях, складывается тот инновационный потенциал, без которого никакие успешные инновации вузовского масштаба невозможны. Ибо как аппетит приходит во время еды, так и вкус к участию в создании нового развивается благодаря успеху собственных маленьких начинаний. И из этого вырастает главный залог успеха – внутренняя готовность преподавателей к участию в инновационных процессах и продвижению инноваций.

Все вышесказанное дает нам основание подвести некоторые итоги.

1. Инновационные процессы, возникающие «снизу», затрагивают в первую очередь систему обучения иностранным языкам, тогда как более масштабные, инициируемые «сверху» охватывают обе системы: языковое образование и обучение иностранным языкам.

2. Образование (и обучение) как синергетическая система, способная к саморегуляции, выбирает из того, что предлагает образовательная среда в широком смысле, то, что она может адаптировать к своим потребностям и инкорпорировать в себя так, чтобы не нарушить устойчивое развитие этой системы.

3. Проявлением устойчивости развития можно считать и эволюционный характер адаптируемых инноваций в языковом образовании.

4. Подлинно успешные инновации предполагают «взаимность» между инициаторами инноваций «сверху» и теми, кто их реализует «снизу».

В заключение надо также констатировать, что исследование было проведено в весьма специфических условиях обучения ИЯ – в вузе, где язык не является специальным предметом как таковым, но неотъемлемой частью профессиональной подготовки, то есть на стыке языкового образования в языковых и неязыковых вузах. С одной стороны, это может ограничивать валидность результатов и для тех, и для других, а с другой – стать отправной точкой для последующих исследований в указанных вузах.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
2. Методы системного педагогического исследования/ под ред. Н.В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002. 208 с.
3. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации (2012) // Российская газета. 2012. № 5976.
4. Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. СПб.: Издательство СПбГТУ, 2001. 511 с.

5. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов н/Д: Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с.
6. Кульневич С.В. О научно-педагогической грамотности // Педагогика. 2000. №6. С.21–27.
7. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. 268 с.
8. Кульневич С.В. Педагогика самоорганизации: феномен содержания. Воронеж, 1997. 230 с.
9. B. Godin Innovation: the History of a Category [Электронный ресурс], Working Paper No. 1, Project on the Intellectual History of Innovation, Montreal: INRS, 2008. 62 p. Режим доступа: <http://www.csiic.ca/PDF/IntellectualNo1.pdf>, свободный.
10. Поляков С.Д. Педагогическая инноватика: от идеи до практики. М.: Центр «Педагогический поиск», 2007. 176 с.
11. Григорьева С. Г. К проблеме инновационной деятельности педагога в современных условиях // Среднее профессиональное образование. 2010. № 11. С. 9–12.
12. Юсуфбекова Н.Р. Педагогическая инноватика: возникновение и становление // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал / Серия «Педагогика и психология». №4 (14). М., 2010. С.8–17.
13. De Lano, L., Riley, L., Crookes, G.. The meaning of innovation for ESL teachers //System.1994. No. 22. pp. 487–496.
14. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. 252 с.
15. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика – рычаг образования [Электронный ресурс], Интернет-журнал "Эйдос", 2005. 10 сентября. Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm>, свободный.
16. George J. Papagiannis, Steven J. Klees, Robert N. Bickel 1982. Vol. 52. No. 2. pp. 245-290.
17. Gregory S. Hadley Innovative curricula in tertiary ELT: A Japanese case study // ELT Journal. 1999. Volume 53. Issue 2. pp. 92 – 99.
18. Леонтьева О.А. Болонский процесс: идеологическая инновация внутренней среды вуза // Фундаментальные исследования. 2007. №6. С. 90 – 92.
19. Christopher Palmer Innovation and the experienced teacher // ELT Journal. 1993. Vol. 47. Issue 2. pp. 166 – 171.
20. The Common European Framework of Reference for Languages. The Language Policy Division, Council of Europe, Strasbourg. Cambridge University Press, 2001.
21. Ястребова Е. Б., Кравцова О. А. Какой учебник иностранного языка нужен вузу сегодня? // Иностранные языки в школе. 2011. № 5. С. 63–68.
22. Кравцова О.А., Новиков Д.Н. Современный учебник иностранного языка: от бумажного к электронному // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №6.

Об авторе

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., профессор кафедры английского языка №1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: yastel@yandex.ru

Крячков Дмитрий Александрович – к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой английского языка №1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: d.a.kryachkov@gmail.com

INNOVATIVE APPROACHES TO THE TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES AT LEVELS B2 - C1 (FROM THE EXPERIENCE OF THE TEXTBOOK)

E.B. Yastrebova, D.A. Kryachkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyzes how professors and students of MGIMO-University's School of International Relations perceive innovations in language teaching. As a synergy system, language teaching relies on self-development based to a great extent on innovations, which can be initiated either from the inside or from the outside. To identify the basic features of innovations in foreign language teaching, the authors conducted a survey of professors and students of the School of international Relations. The results suggest that for most respondents the main purpose of innovations in foreign language teaching and learning is to attain a significantly higher level of communicative competence, which is seen as feasible only if fundamentally new teaching materials and computer technologies are used. According to the survey, the success of innovations largely depends on their source (innovations 'from the top' and innovations 'from the bottom') and commitment on the part of professors and students to participate in them, the latter being often prompted by their discontent with the state of play. Innovations 'from above' tend to be more encompassing and affect the entire system of language education, whereas innovations 'from the bottom' concern the teaching process per se. Though the survey suggests that it is innovations 'from the top' that tend to be more successful, the authors conclude that language education as a synergy system adopts only non-shattering innovations that address its most vital needs, thus encouraging its sustainable development.*

Key words: innovations, language education, teaching foreign languages, synergy system, sustainable development, School of International Relations.

References

1. Galskova N.D., Gez N.I. Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvodidactics and Methodology]. Moscow, Academia Publishing Center, 2006. 336 p.
2. Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniia. Pod red. N.V. Kuz'minai [Methods of Systemic Pedagogical Research. Edited by N.V. Kuzmina]. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2002. 208 p.
3. Federal'nyi zakon ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii (2012) [Federal Law on Education in the Russian Federation (2012)]. Rossiiskaia Gazeta. 2012. No 5976.
4. Volkova V.N., Denisov A.A. Osnovy teorii sistem i sistemnogo analiza [Principles of the Theory of Systems and Systemic Analysis]. Saint-Petersburg, SPbGTU, 2001. 511 p.
5. Bondarevskaiia E.V., Kul'nevich S.V. Pedagogika: lichnost' v gumanisticheskikh teoriiakh i sistemakh vopitaniia [Pedagogics: Personality in Humanitarian Theories and Educational Systems]. Rostov-on-Don, Uchitel, 1999. 596 p.
6. Kul'nevich S.V. O nauchno-pedagogicheskoi gramotnosti [On Pedagogical Literacy]. Pedagogica – Pedagogics, 2000, no 6, pp. 21-27.
7. Novikov A.M. Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh poniatii [Pedagogics: A Dictionary of Basic Concepts]. Moscow, Izdatel'skii tsentr IET, 2013. 268 p.
8. Kul'nevich S.V. Pedagogika samoorganizatsii: fenomen soderzhaniia [The Pedagogics of Self-organization: The Phenomenon of Substance]. Voronezh, 1997. 230 p.
9. Godin B. Innovation: the History of a Category, Working Paper No. 1, Project on the Intellectual History of Innovation, Montreal: INRS. 62 p. Available at <http://www.csiic.ca/PDF/IntellectualNo1.pdf> (accessed 10 November 2013).
10. Poliakov S.D. Pedagogicheskaiia innovatika: ot idei do praktiki [The Science of Pedagogical Innovation: From Ideas to Practice]. Moscow, Tsentr «Pedagogicheskii poisk», 2007. 176 p.
11. Grigor'eva S.G. K probleme innovatsionnoi deiatel'nosti pedagoga v sovremennykh usloviakh [On Teacher's Innovations in the Present-day Context]. Srednee professional'noe obrazovanie – Secondary Vocational Education, 2010, no 11, pp. 9-12.

12. Iusufbekova N.R. Pedagogicheskaja innovatika: vzniknovenie i stanovlenie [The Theory of Pedagogical Innovations: Origin and Formation]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Moscow City Pedagogical University. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» [Pedagogics and Psychology Series], No 4 (14), 2010, pp.8-17.
13. De Lano, L., Riley, L., Crookes, G. The Meaning of Innovation for ESL Teachers. System, 1994, no 22. pp. 487–496.
14. Sternin I.A. Vvedenie v rechevoe vozdeistvie [Introduction to Speech Influence]. Voronezh, Poligraf, 2001. 252 p.
15. Khutorskoi A.V. Pedagogicheskaja innovatika - ryhag obrazovaniia [Theory of Pedagogical Innovations as a Driving Force in Education]. Internet Journal Eidos, 10 September 2005. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm> (accessed 10 November 2013).
16. George J. Papagiannis, Steven J. Klees, Robert N. Bickel 1982, vol. 52, no. 2. pp 245-290.
17. Gregory S. Hadley Innovative curricula in tertiary ELT: A Japanese case study. ELT Journal, Volume 53, Issue 2, April 1999, pp. 92 – 99.
18. Leont'eva O.A. Bolonskii protsess: ideologicheskaja innovatsiia vnutrennei sredy vuza [The Bologna Process: Internal Ideological Innovations at a University], Fundamental'nye Issledovaniia – Fundamental Research, 2007, no. 6, pp. 90 – 92.
19. Christopher Palmer Innovation and the experienced teacher, ELT Journal, 1993, vol. 47, issue 2, pp. 166 – 171.
20. The Common European Framework of Reference for Languages. The Language Policy Division, Council of Europe, Strasbourg. Cambridge University Press, 2001.
21. Iastrebova E. B., Kravtsova O. A. Kakoi uchebnik inostrannogo iazyka nuzhen vuzu segodnia? [What kind of L2 textbook do we need today]. Inostrannye iazyki v shkole – Foreign Languages at Secodary School, 2011, no. 5, pp. 63-68.
22. Kravtsova O.A., Novikov D.N. Sovremennyi uchebnik inostrannogo iazyka: ot bumazhnogo k elektronnomu [A Contemporary L2 Textbook: from Traditional to Electronic Books], Vestnik MGIMO-Universiteta, 2013, no. 6.

About the author

Elena B. Yastrebova – PhD in Education, Professor at English Language Department No.1, School of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: yastel@yandex.ru

Dmitry A. Kryachkov – PhD in Linguistics, Head of English Language Department No 1, School of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: d.a.kryachkov@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕБНИК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ОТ БУМАЖНОГО К ЭЛЕКТРОННОМУ

О.А. Кравцова, Д.Н. Новиков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена проблеме разработки концепции современного вузовского учебника иностранного языка. Учебник нового поколения, соответствующий современным государственным образовательным стандартам, и в частности целям иноязычного образования, должен независимо от типа носителя основываться на ряде общедидактических (компетентностный подход, модульность и многоуровневость, междисциплинарность, принцип опережения) и лингводидактических принципов (аутентичность, современность, информативность и функциональность). В работе рассматривается и обосновывается необходимость интегративного подхода к созданию инновационного учебника. Данный подход заключается в совмещении в нем печатного и электронного форматов, что позволит добиться эффективной организации учебного процесса за счет более рационального распределения видов учебной деятельности между аудиторными занятиями и самостоятельной работой студента и тем самым поспособствует достижению целей обучения иностранному языку в вузе. Учебники нового поколения могут не только использоваться в учебном процессе в высшей школе для самостоятельной работы студентов при очной форме обучения, но и стать основой различных форм дистанционного обучения, что позволит студентам, проживающим в отдаленных регионах, получить качественное (языковое) образование.

Ключевые слова: педагогические инновации, учебник нового поколения, электронный учебник, компетентностный подход, комбинированное обучение, языковая компетенция.

И нновации в преподавании иностранных языков (ИЯ) ассоциируются в первую очередь с использованием интернет-технологий, поэтому существует мнение, что инновационным может быть только электронный учебник. Безусловно, электронные учебники выводят процесс обучения ИЯ на новый уровень, обеспечивая выполнение многообразных учебных задач за счет использования сложного программного обеспечения [4, с. 215]. Однако печатный учебник также может быть инновационным, если понимать под педагогическими инновациями новые концепции, методы, программы, технологии, которые экспериментально проверены и внедрены в учебный процесс в целях повышения его эффективности [1, с. 3]. Инновационный учебник ИЯ (независимо от типа носителя: бумажного или электронного) – это учебник, соответствующий целям обучения на современном этапе. Мы полагаем, что сегодня оптимальным для достижения целей иноязычного образования является учебник нового поколения, интегрирующий возможности бумажного и электронного вариантов, которые, дополняя друг друга, позволят сделать процесс обучения более эффективным.

Новые цели обучения ИЯ, определенные государственными образовательными стандартами третьего поколения (ФГОС ВПО), требуют изменения не только содержания учебного предмета, но и характера учебного взаимодействия между преподавателем и студентом, а именно повышения активности, инициативности и самостоятельности студента, в том числе и в выборе траектории достижения учебных целей. Поскольку учебное взаимодействие осуществляется в значительной степени посредством учебника, то очевидно, что учебник ИЯ нового поколения должен основываться на дидактических и лингводидактических принципах, отражающих современную парадигму образования в целом и концепцию иноязычного образования в частности [6].

Современный учебник ИЯ, по нашему мнению, должен строиться на следующих общедидактических принципах: компетентностный подход, модульность и многоуровневость, междисциплинарность и принцип опережения. Компетентностный подход – ключевое понятие современного иноязычного образования, так как целью обучения ИЯ в вузе является формирование личности, обладающей коммуникативной компетенцией в сфере профессионально ориентированного иноязычного общения. Компетентностный подход как принцип построения учебника ИЯ предполагает такую организацию материала, которая обеспечит взаимосвязанное развитие всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции: языковой, речевой и социокультурной, а также других общекультурных и профессионально значимых компетенций, например когнитивной и информационной.

Модульность и многоуровневость как принципы организации учебника позволят придать процессу обучения большую гибкость за счет

наличия выбора у преподавателя и студента. Модульное построение учебника заключается в делении содержания учебника на ряд относительно самостоятельных разделов (модулей), каждый из которых может изучаться автономно, если образовательная цель или потребность студента состоит в развитии конкретной языковой или речевой компетенции или нескольких взаимосвязанных компетенций.

Многоуровневость заключается в делении тематического и языкового материала в рамках каждого раздела учебника по крайней мере на два уровня сложности: базовый и продвинутый, а также в разработке заданий, рассчитанных на разный уровень сформированности языковой и речевой компетенций. Наличие нескольких уровней позволит преподавателю и студенту, основываясь на результатах диагностического теста, выбрать оптимальную траекторию достижения образовательной цели, что обеспечит реализацию индивидуального подхода в обучении.

Междисциплинарность как принцип построения учебника подразумевает, во-первых, отбор содержания с опорой на знания, полученные из других изучаемых курсов, например курса Всемирной истории, во-вторых, использование общих для разных дисциплин активных методов обучения, например проектное задание, case study, круглый стол.

Принцип опережения (принцип развивающего обучения в терминах Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова) предполагает отбор тематического и языкового материала, который «опережает» уровень развития общекультурной и языковой компетенций студентов, и разработку системы заданий с опорой на проблемные методы обучения. Принцип опережения также диктует отбор тематического и текстового материала, который остается актуальным в течение нескольких лет. Одним из способов обеспечения актуальности содержания учебника является создание его электронной версии, позволяющей регулярно обновлять материал.

Лингводидактические принципы, отражающие коммуникативную направленность современного иноязычного образования, определяют профессионально ориентированный отбор содержания, выбор методов обучения и способов организации учебно-познавательной деятельности студентов. Этими принципами являются аутентичность, современность, информативность и функциональность.

Аутентичность, современность и информативность, тесно связанные с общедидактическим принципом опережения, диктуют необходимость отбора актуального тематического, текстового и языкового материала из современной художественной литературы, периодических и электронных изданий. Эти принципы также предполагают разработку системы заданий, в первую очередь творческих, выполняя которые студенты пользуются современными источниками информации, включая интернет-ресурсы.

Функциональность как принцип организации учебника реализуется на трех уровнях. Во-первых, этот принцип означает гармоничное сочетание всех аспектов обучения (учебного, познавательного, воспитательного и развивающего) в целях удовлетворения осознаваемой образовательной потребности студента – развития профессионально значимых компетенций. Во-вторых, цели каждого урока формулируются как коммуникативные задачи, которые студенты научатся решать с помощью изучаемых языковых единиц и речевых моделей. В-третьих, объектом усвоения являются не языковые единицы, как таковые, а функции, выполняемые ими в актах коммуникации, что выражается в организации подачи материала преимущественно «от функции к средству».

Печатный учебник ИЯ нового поколения, в основе концепции которого лежат указанные дидактические и лингводидактические принципы [7], обеспечивает интерес к предмету, стимулирует когнитивную и коммуникативную активность студентов, что способствует развитию не только всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, но и других профессионально значимых компетенций. Однако было бы неправильно не использовать возможности, которые предоставляет для совершенствования учебного процесса электронный учебник.

Стоит оговориться, что под термином «электронный учебник» мы понимаем не электронную копию бумажного учебника, которую можно открыть на персональном компьютере или планшете (что, надо признать, современному поколению студентов сделать гораздо удобнее); скорее это автономная версия полного учебного курса (или его части), обладающая всеми указанными выше достоинствами бумажного учебника и одновременно позволяющая наиболее полно и эффективно реализовать весь дидактический потенциал современных компьютерных технологий (например, возможность перехода по интернет-ссылкам для выполнения различных задач, в том числе по проектной деятельности, непосредственно из текста книги; возможность включения в «тело» учебника иллюстративного, аудио- и видеоматериала; создание на этой основе интерактивных упражнений с элементами искусственного интеллекта и т.д.) в соответствии с целями и задачами поступательного обучения студентов навыкам владения ИЯ. Все это позволяет сделать содержание учебника актуальным, а процесс обучения более увлекательным и творческим.

При этом инструменты, присущие только электронной версии учебника, позволяют студентам эффективно развивать и собственно языковую компетенцию, так как обеспечивают возможность выполнять самостоятельно во внеаудиторное время упражнения на развитие навыков и умений использования лексики и грамматики: тренировочные, подстановочные и трансформационные. В свою очередь, это позволяет решить проблему дефицита аудиторных часов.

Следует также заметить, что, несмотря на возможность автономного использования, эффективный электронный учебник не может и не должен автоматически заменить все функции преподавателя и не исключает его на этом этапе из процесса обучения. Напротив, преподаватель продолжает играть не менее важную роль в образовательном процессе, однако достигается значительная оптимизация его труда.

Поступающий к преподавателю из электронного учебника «отчет» позволяет ему получить всю необходимую статистику о времени, проведенном студентом за выполнением заданий, количестве подходов к упражнению, проценте выполненных элементов упражнения (в том числе выполненных правильно). Кроме того, преподаватель имеет возможность проанализировать конкретные работы учащихся, выявив типичные ошибки и откорректировав их впоследствии на аудиторном занятии. Соответственно обеспечивается прозрачность выполнения заданий и для преподавателя, и для студента.

Преимущества для студента при работе с электронным учебником, очевидно, еще ощутимее: студенты имеют возможность выполнять задания в удобное для себя время, в удобном режиме, например за несколько подходов.

Основу самостоятельной работы студента с электронным учебником составляет весьма несложная цепочка действий: 1) выбор режима отображения материала – переход в режим выполнения упражнения; 2) поэлементное выполнение упражнения; 3) поэлементная проверка программой; 4) в случае необходимости корректировка и ознакомление с правильным ответом.

В терминах лингводидактики эта целостная цепочка может быть представлена в виде последовательности «учебное действие – контроль результата – корректировка», которая находится в единой временной плоскости и облегчает и ускоряет усвоение тренируемых языковых единиц и навыков. В свою очередь, это ведет к развитию самостоятельности, автономности и ответственности студента за результаты своей работы [2], что развивает и общую готовность студента самостоятельно добывать знания не только за пределами учебного процесса в вузе, но и в течение всей дальнейшей жизни.

Среди других преимуществ самостоятельной внеаудиторной работы с электронным учебником можно назвать следующие: неотсроченность обратной связи и возможность корректировки непосредственно после совершения ошибки, а также развитие навыка самоконтроля. Добиться такого качества электронного учебника (подробнее о его использовании в учебном процессе – в [3]) нам удалось на базе электронной платформы «I-Trainium», разработанной Д.В. Смирновым [5].

В целом сочетание самостоятельной работы студентов под контролем преподавателя с традиционными аудиторными занятиями позволяет реализовать вариант наиболее перспективного и продуктивного на сегодняшний день «комбини-

рованного обучения» (blended learning), в рамках которого «лабораторная» работа по развитию языковой компетенции высвобождает время для выполнения в аудитории условно-коммуникативных и коммуникативных упражнений, а также творческих заданий (ролевых игр, презентаций, проектов), то есть для развития других компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, в первую очередь речевой.

Учебники нового поколения данного типа могут не только использоваться в учебном процессе в высшей школе для самостоятельной работы студентов при очной форме обучения, но и стать основой различных форм дистанционного обучения (в том числе в режиме вебинаров), что позволит студентам, проживающим в отдаленных регионах, получить качественное (языковое) образование в любом вузе.

Список литературы

1. Китайгородская Г. А. Инновации в образовании – дань моде или требование времени? // Иностр. языки в школе. 2009. №2. С. 2-7.
2. Крячков Д. А., Ястребова Е. Б. Развитие языковой компетенции студентов-международников с помощью мультимедийных средств (на примере электронного пособия Д. Н. Новикова к «Курсу английского языка для студентов языковых вузов» Е. Б. Ястребовой, Л. Г. Владыкиной, М. В. Ермаковой) // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики делового общения в свете новых технологий образования: Материалы Международной науч.-практ. конф. (Москва, 3 февр. 2010 г.): в 3-х ч. М.: МГИМО(У) МИД России, 2010. Ч. 3 / под ред. Л. К. Раицкой, Е. В. Пономаренко. С. 68 – 77.
3. Новиков Д. Н. Электронный учебник в учебном процессе: Опыт применения при обучении английскому языку студентов-международников // Альманах современной науки и образования. 2013. № 4 (71). С. 133–135.
4. Попова Н. В. Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения. Междисциплинарный подход. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 248 с.
5. Смирнов Д. В. Парадокс: почему современное электронное обучение не является обучающим // Сборник материалов XXIII Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы качества образования». М.: ИКВОО, 2013. С. 80.
6. Ястребова Е. Б., Кравцова О. А. Какой учебник иностранного языка нужен вузу сегодня? // Иностранные языки в школе. 2011. № 5. С. 63–68.
7. Ястребова Е. Б., Кравцова О. А., Крячков Д. А., Владыкина Л. Г. Курс английского языка для международных и регионоведов. Уровень – бакалавриат. Компетентностный подход. I курс.: в 2-х частях. М.: МГИМО- Университет, 2009.

Об авторах

Кравцова Ольга Анатольевна – к.филол.н., доцент кафедры английского языка №1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Новиков Дмитрий Николаевич – к.филол.н., доцент кафедры английского языка №1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

AN UP-TO-DATE FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOK: FROM PAPER TO ELECTRONIC VERSION

O.A. Kravtsova, D.N. Novikov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article attempts to articulate the conceptual characteristics of an up-to-date tertiary-level foreign language coursebook. In order to meet the requirements of modern national educational standards and be in line with the aims of foreign language teaching, a new generation coursebook, whether printed or electronic, is to be based on a set of such general didactic principles as competency-based approach, interdisciplinary approach, multilevel approach, modularity, and proximal development as well as such specific language teaching principles as authenticity, up-to-dateness, informativeness, and functionality. The authors substantiate the need for an integrative approach to developing an innovative coursebook, which consists in blending a printed and an electronic version, thus allowing for a more optimal organisation of the teaching-learning process due to a more rational proportion between classroom and self-study activities. The effective organisation of the process, in its turn, is instrumental in achieving the aims and goals of foreign language teaching. New generation coursebooks can be used not only to organise independent and self-study activities of full-time students of higher education, but also to provide a basis for various forms of distant learning, which will enable up-country students to receive high-quality (language) education.*

Key words: pedagogical innovations, a new generation textbook, e-textbook, competency-based approach, blended learning, language competence.

References

1. Kitaygorodskaya, G.A. (2009). Innovatsii v obrazovanii – dan mode ili trebovanie vremeni? [Educational Innovations – Buzzword or Demand of the Times?] *Innostrannye Yazyki v Shkole*, (2), 2-7.
2. Kryachkov, D.A. & Yastrebova, E.B. (2010). Razvitie yazykovoy kompetentsii studentov-mezhdunarodnikov s pomoschyu multimediyных sredstv [Multimedia in Developing IR Students' Language Competence]. *Issues of Linguistics and Linguistic Didactics of Business Communication in the Light of New Educational Technologies. Proceedings of the international research-to-practice conference in Moscow, 3rd Feb. 2010*, (3), 68-77.
3. Novikov, D.N. (2013). Elektronny uchebnyk v uchebnom protsesse: Opyt primeneniya pri obuchenii angliyskomu yazyku studentov-mezhdunarodnikov [An E-Coursebook in Teaching English to IR Students]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, (4), 133-135.
4. Popova, N.V. (2011). Professionalno-orientirovanny uchebnyk po inostran-nomu yazyku. Mezhdistsiplinarny podkhod [A New Generation Professionally Oriented Foreign Language Coursebook. Interdisciplinary Approach]. St. Petersburg: Polytechnical University. 248 p.
5. Smirnov, D.V. (2013). Paradoks: pochemu sovremennoe elektronnoe obuchenie ne yavlyaetsya obuchayuschim [A Paradox: Why Modern E-Teaching Does Not Teach]. *Issues of Education Quality. Proceedings of the 23rd all-Russian research and methodology conference in Moscow*, 80.
6. Yastrebova, E.B. & Kravtsova, O.A. (2011). Kakoy uchebnyk inostranno-go yazyka nuzhen vuzu segodnya? [What Kind of Foreign Language Coursebook Is Needed for the Tertiary Level?] *Innostrannye Yazyki v Shkole*, (5), 63-68.
7. Yastrebova, E.B., Kravtsova, O.A., Kryachkov, D.A. & Vladykina, L.G. (2009). Kurs angliyskogo yazyka dlya mezhhdunarodnikov i regionovedov. Uroven – bakalavriat. Kompetentnostnyi podkhod. I kurs [Coursebook of English for Students of Diplomacy and Regional Studies. Bachelor Level. Competency-Based Approach. I Year]. (2 parts). Moscow: MGIMO University.

About the author

Olga A. Kravtsova – candidate of Philology, associate professor of English Department No. 1 of MGIMO(U) MFA of Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Dmitry N. Novikov – candidate of Philology, associate professor of English Department No. 1 of MGIMO(U) MFA of Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВУЗОВСКОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Е.Н. Соловова

НИУ. Высшая школа экономики, Россия, 101000, Москва, Мясницкая, 20.

Статья посвящена обсуждению перспективных направлений развития преподавания иностранных языков в вузах и задачи повышения квалификации сотрудников языковых кафедр. В ней рассматриваются объективные причины современных проблем вузовской методики, ее частичного отставания от методики преподавания иностранных языков в средней школе. Основным стимулом развития языкового образования можно считать наличие государственных нормативных документов с понятной и прозрачной системой планируемых результатов для каждого этапа системы, выстроенных по принципу преемственности. Требования к владению иностранным языком для выпускников вузов все время повышаются, но при этом изучение иностранных языков в отдельных вузах резко сокращается. При разработке примерных программ по иностранным языкам целесообразно учитывать специфику подготовки на гуманитарных, естественно-научных, технических факультетах, соотношения в них различных моделей изучения языка: для общих целей, академического и профессионального общения. Новые государственные стандарты (ФГОС) акцентируют внимание и на необходимости повышения учебной автономии студентов, усиления доли самостоятельной работы по любому курсу. Интерактивный характер языковой подготовки ставит сотрудников языковых кафедр перед необходимостью разработки новых рабочих программ, моделей взаимодействия со студентами на аудиторных занятиях и в ходе самостоятельной работы. Управление самостоятельной работой неразрывно связано с разработкой действенной системы текущего, промежуточного и итогового контроля и оценивания, как с использованием ИКТ, так и без них. Отдельной задачей можно считать развитие требований к аттестации сотрудников языковых кафедр, соотношение в данной процедуре требований к учебной, учебно-методической, научной, публикационной активности. Новые требования к аттестации сотрудников должны разрабатываться одновременно с развитием системы повышения квалификации.

Ключевые слова: ФГОС, примерные программы, рабочие программы, модели изучения иностранного языка, язык для специальных целей, язык академического общения, самостоятельная работа, автономия, формы интерактивности, ИКТ, система контроля, шкалы оценивания, система повышения квалификации.

Пристальное внимание к развитию именно вузовской методики преподавания иностранных языков сегодня можно объяснить несколькими объективными причинами:

– исторически вузовская методика занимала гораздо меньшее место, чем методика преподавания иностранных языков в школе. Несмотря на достаточное количество диссертационных исследований, ориентированных на специфику языковой подготовки в вузе, нет научной школы, которая занималась бы развитием данной методики в системе;

– в отличие от ФГОС для школы, где иностранный язык закреплен как обязательный предмет на всех ступенях среднего образования (в начальной, основной и полной средней школе), ФГОС для высшего профессионального образования не дает оснований для обязательного изучения иностранных языков в магистратуре, хотя ряд вузов предусматривает такую возможность;

– количество зачетных единиц (кредитов) на изучение данной дисциплины в разных вузах может варьироваться от трех до двадцати и выше, что также не способствует созданию единства образовательной среды на федеральном уровне;

– есть примерная программа по иностранным языкам для неязыковых вузов (1), но:

а) она уже нуждается в доработке, поскольку была создана более пяти лет назад;

б) представляется целесообразным создавать отдельные примерные программы для вузов различной профессиональной направленности – гуманитарных, технических, естественно-научных;

в) существует необходимость создания примерной программы для языковых вузов и лингвистических факультетов;

– на федеральном уровне нет закрепленных планируемых результатов по иностранному языку для системы высшего профессионального образования, как нет и единого государственного выпускного экзамена для студентов. При всех недочетах ГИА и ЕГЭ стоит признать, что данные экзамены значительно повлияли на развитие языкового образования в средней школе, на обновление существующих учебников и учебных пособий по иностранным языкам, на повышение уровня методической и тестологической культуры преподавателей;

– в современных условиях развития вузовского образования, подписания Россией Болонских договоренностей резко возрастает необходимость построения курсов с учетом ECTS (2). Без перехода на кредитно-модульную систему построения курсов трудно обеспечить академическую мобильность студентов, повышение уровня их учебной автономии, изменить соотношение аудиторных часов и самостоятельной работы по курсу в пользу последней.

Говоря о перспективах развития вузовской методики, можно выделить, как минимум, три основных направления, которые призваны объединить усилия многих специалистов, работающих в данном направлении. Рассмотрим их последовательно:

1. Создание пакета вузовских модульных уровневых программ, обеспечивающих возможность построения различных учебных траекторий для студентов, при сохранении единства образовательного пространства в рамках Российской Федерации и каждого вуза в отдельности. Как уже было сказано выше, отправной точкой для создания вузовских программ в идеале должно стать создание и утверждение федеральных примерных программ по иностранным языкам для различных профильных вузов. Только этот шаг способен обеспечить единство образовательного пространства в рамках РФ и создать реальную основу для сопоставимости дипломов и условий для академической мобильности. При этом, независимо от наличия или отсутствия примерной программы, каждый вуз и каждая языковая кафедра ответственны за создание единства образовательного пространства вуза. Важно понять, что при всех различиях и специфики обучения на разных факультетах, в курсе иностранного языка могут и должны быть сопоставимые/единые разделы для всех студентов. Достаточно определить, какое место в рабочих программах по иностранному языку будут занимать общие для всех факультетов модули, например, такие, как «Язык для академического общения», «Язык для социально-культурного общения», а какое – «Язык для специальных целей».

Наиболее значимым для системы высшего профессионального образования можно считать модуль «Язык для академического общения». Данный модуль способен интегрировать задачи по формированию как основ академического, так и профессионального общения в устной и письменной речи на иностранном языке, без чего невозможно продолжение образования и повышение профессиональной квалификации в широком международном контексте для специалистов любого профиля. Содержание данного модуля должно быть ориентировано на формирование коммуникативных умений в ситуациях лекционного общения, взаимодействия в рамках семинаров, конференций, круглых столов, работы проектных групп и т.д. Успешность профессионального общения во многом зависит от способности специалиста работать с большими потоками информации, умениями сохранять полученную информацию и преобразовывать ее в разные типы собственных текстов – устных и письменных, линейных и нелинейных. Промежуточным звеном между пониманием готовых/чужих текстов и созданием собственных текстов является способность фиксировать информацию, делать записи в процессе чтения и аудирования. При всей важности данных умений в курсе иностранного языка им практически не уделяется внимание:

– не выделена номенклатура макро- и микроумений в процессе использования различных форм записей;

– не существует продуманной системы их контроля, и, следовательно, нет уверенности в

том, что данные умения формируются логично и последовательно на каждом уровне коммуникативной компетенции у всех студентов.

Необходимо пояснить, что имеется в виду под модульными программами и каким образом они могут обеспечить возможность построения разных учебных траекторий с одной стороны, и единство образовательного пространства – с другой. Модульный курс – это отдельный курс или его автономная часть, имеющая необходимое программное и учебно-методическое обеспечение, достаточное для построения различных траекторий в его рамках. Например, модульный курс по основам академического общения на иностранном языке может состоять из одного или нескольких модулей. В последнем случае модули могут формироваться либо по принципу изучения различных ситуаций академического общения в устной или письменной речи, либо по уровню владения иностранным языком.

Но любой модульный курс должен иметь гибкую внутреннюю структуру, которая позволяет ему легко соединяться с другими модулями курса, а также видоизменяться по форме, по содержанию, по объему в соответствии с разработанными принципами технологии модульного обучения (3). Каждая кафедра сама определяет количество и номенклатуру обязательных и элективных модулей в рамках единого курса иностранного языка в вузе. При разработке банка модульных программ и курсов целесообразно учитывать не только настоящие потребности конкретной целевой аудитории, но и те будущие вызовы, с которыми могут столкнуться выпускники уже после окончания обучения. Любой курс должен работать на опережение ожиданий. Здесь важно понимать:

- что должно стать инвариантной или минимально необходимой частью курсового обучения, а за счет чего вуз может обеспечить выбор курсов с учетом индивидуальных возможностей, потребностей и способностей студентов;

- как обеспечить необходимый и достаточный уровень контроля освоения базовой, инвариантной части курса: должен ли это быть внутренний экзамен, разработанный кафедрой, или есть возможность использовать в качестве зачета сертификаты международных экзаменов, в последнем случае необходимо разработать шкалы соответствия между баллами внутренней и внешней аттестации;

- как соотносить базовую и вариативную часть курса в рамках обязательного и дополнительного языкового образования.

Перечень проблем может быть гораздо шире, но важно, чтобы информация о содержании всего курса, способах соединения основного и дополнительного языкового образования, а главное, о содержании и организации текущего, промежуточного и итогового контроля и оценивания была максимально конкретна, понятна и прозрачна для всех участников учебного процесса: администрации, преподавателей, студентов.

2. Повышение эффективности управления учебно-познавательной деятельностью студентов и слушателей в рамках различных форм обучения. Как известно, в рамках высшего профессионального образования могут использоваться различные формы обучения: очная, заочная, очно-заочная. При этом дистанционное обучение сегодня не выделяется как отдельная форма обучения. Предполагается, что элементы дистанционного обучения должны эффективно использоваться во всех выше названных формах, также, как смешанное обучение (blended learning) и мобильное обучение (mobile learning). В чем же заключаются перспективы развития в данном направлении?

Проведенный анализ учебных программ по иностранным языкам в 16 вузах Российской Федерации показал, что существует серьезная проблема на уровне системного управления учебной деятельностью студентов за пределами учебной аудитории. Не рассматривая всех причин данного явления, определим лишь перспективные направления работы кафедр в данном направлении.

Прежде всего, необходимо помнить о том, что трудоемкость курса в условиях перехода на ФГОС определяется в соотношении 50% аудиторной и 50% самостоятельной работы на уровне бакалавриата, с постепенным сокращением доли первой и увеличением доли второй от магистратуры до аспирантуры (вплоть до соотношения 10% и 90%). При этом самостоятельной работой надо управлять. Это значит, что в рабочих программах в рамках каждой темы необходимо точно прописывать характер самостоятельной и исследовательской работы, формы учебного взаимодействия студентов и преподавателя. Эта работа должна регулярно проверяться и оцениваться с использованием прозрачных шкал оценивания.

От курса к курсу степень когнитивной и исследовательской сложности самостоятельной работы должна увеличиваться, а характер жесткого управления ею уменьшаться. Среди множества существующих способов управления такой работой можно назвать использование балльно-рейтинговой системы контроля, ИКТ технологий (вики, чаты, телеконференции, блоги и т.д.), которые обеспечивают постоянное взаимодействие не только в рамках схемы студент–преподаватель, но и преподаватель–группа, преподаватель–студент, студент–студент, студент–группа, студент–внешний специалист и т.д.

Важно повысить образовательный и развивающий потенциал не только самостоятельной работы, но и степень интерактивности традиционной аудиторной работы по курсу. К сожалению, часто программы курсов разрабатываются с ориентацией только на характер освоения дидактических единиц содержания в тематике раздела, а не того, что студент предположительно должен уметь делать с этим новым знанием. Уже давно требуется дифференцировать в рамках каждой темы курса подразделы «Знать», «Уметь», «Владеть», но это пока не стало реальностью.

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

Ключевым элементом курса иностранного языка должна быть высокая степень интерактивности. В современной педагогической науке сделано немало интересных открытий, направленных на повышение степени интерактивности занятий с использованием ИКТ и, что не менее важно, без оных. Существует большое разнообразие форм общения, основанных на интеграции когнитивных и социальных умений, знаний, полученных из разных дисциплин, которые еще недостаточно используются в педагогической практике. Если я назову эти формы общения, многие скажут: «А что же здесь нового, мы эти формы общения давно используем!» Речь не идет о том, что мы их совсем не используем.

Речь идет о том, какое место они занимают в системе аудиторной работы, используются ли они в системе или разово как элемент «оживления» курса? Если они и используются, то как оценивается деятельность и способность к взаимодействию каждого участника. И оцениваются ли? Имеются ли в программах прозрачные шкалы или хотя бы параметры оценивания по каждой из них, или единственным основанием для обратной связи со стороны учителя являются субъективные оценки типа: «это не очень креативно», «это было живо», «мне это понравилось больше». К таким формам общения можно отнести: ролевые и ситуационные игры, дебаты, дискуссии, студенческие конференции, разнообразные формы исследовательских, творческих и игровых проектов, кейсы, взаимобучение и взаимоконтроль, создание портфолио и т.д.

А сегодня надо идти дальше. ФГОС однозначно требует, чтобы каждая учебная дисциплина прежде всего ориентировалась на формирование базовых системных, инструментальных, общенаучных, общепрофессиональных и специальных профессиональных компетенций. Роль иностранного языка в каждой из них трудно переоценить. Однако для эффективного и поэтапного формирования указанных компетенций необходимо выделить глобальные, макро- и микроумения для каждого вида речевой деятельности, определить способы их формирования и контроля в континууме изучения иностранных языков на всех ступенях школьного, вузовского и послевузовского образования. Эту задачу сегодня можно отнести

к перспективным направлениям развития отечественной методики.

3.Повышение профессиональной квалификации и разработка системы кадрового роста для преподавателей иностранных языков вузов. В настоящее время ощущается некоторый субъективизм в оценке работы преподавательского корпуса языковых кафедр. При том, что есть единые для всех вузов должностные позиции и требования для аттестации педагогических кадров на должность и звание доцента и профессора, установленный ВАК, в каждом вузе при прохождении аттестации есть свои нюансы. Где-то во главу угла ставится преподавательская деятельность и оценка преподавателя студентами, где-то — его научная и публикационная активность, где-то реально требуется выполнение всего функционала, а именно учебной, учебно-методической, научной, воспитательной и представительской деятельности. При этом по каждой из названных позиций у разных вузов может быть свой уровень требований, не сопоставимых с другими вузами РФ.

Вариативность требований вполне правомерна при условии, что есть некий инвариант, который остается ключевым и неизменным при всех прочих равных. Не секрет, что роль Минобрнауки в этом направлении практически не просматривается. Думается, что в данном случае можно использовать потенциал профессиональных ассоциаций, повышение их роли и влияние на формирование содержания и процедуры аттестации преподавателей иностранных языков разных категорий. Когда заранее известно, что требуется от специалиста того или иного уровня и по каким параметрам это оценивается, тогда исчезает субъективизм и волюнтаризм всей процедуры. Следующим шагом в данном направлении можно считать разработку пакета модульных курсов повышения квалификации с учетом специфики научной, методической и других видов деятельности преподавателей, чтобы эти курсы были полезны разным категориям слушателей и чтобы было из чего выбирать.

Создание такого пакета программ повышения квалификации можно отнести к перспективным направлениям развития вузовской методики, к задачам деятельности всего профессионального сообщества вузовских преподавателей иностранных языков.

Список литературы

1. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык для неязыковых вузов и факультетов»; Научно-методический совет по иностранным языкам при Министерстве образования и науки. www.fgosvpo.ru
2. ECTS - European Commission. A series of ECTS key documents help with credit transfer and accumulation – course catalogues, learning agreements, transcript of records www.ec.europa.eu
3. Юцявичене П.А. Теоретические основы модульного обучения: Дисс. ... докт. пед. наук. Вильнюс, 1990. 336 с.

Об авторе

Соловова Елена Николаевна – д.пед.н., профессор, руководитель Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ. Научная специализация: 13.00.02– теория и методика преподавания и воспитания (иностранные языки). E-mail: esolovova@mail.ru

NEW TENDENCIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES AT TERTIARY LEVEL

E.N. Solovova

National Research University High School of Economics, Russia, Moscow, 10100, Myasnitskaya street, 20.

Abstract: *The article focuses on the perspectives of FL methodology at tertiary level and the nearest objectives for the system of upgrading professional qualification for the staff members of language chairs. There are some objective problems that universities face in respect to FL teaching that secondary schools don't. The main problem lies in the lack of transparent and clear-cut system of expectations for the level of language proficiency for graduate students. The number of credits for the FL course at some universities is reducing, while the expectations are growing. It is crucial to develop national curriculum in FL teaching for different universities and departments majoring in Humanities, Arts, Science, Engineering, etc., otherwise it will be difficult to develop realistic syllabi and the system of FL assessment and evaluation. In the process of curriculum and syllabus design it seems important to rethink the correlation between possible patterns of language use that are relevant for different target groups: EGP, EAP, ESP. In terms of achieving international academic mobility it is important to design new curriculum according to ECTS, to raise the degree of learners' autonomy. It means new forms and formats of teacher- student and student-student interaction should be implied for contact hours and the system of independent work on the course. The role of IT and the transparent system of assessment in this respect needs to be predetermined. It is equally important to develop a feasible system of re-training staff members so that they could meet new challenges well equipped.*

Key words: national curriculum, syllabi, patterns of language use, EGP, EAP, ESP, forms of interaction, learners' autonomy, forms of interaction, IT, forms and scales of assessment and evaluation, upgrading professional qualification.

References

1. Primernaya programma po inostrannym yazykam [Tentative curriculum in foreign languages] www.fgosvpo.ru
2. ECTS - European Commission. A series of ECTS key documents help with credit transfer and accumulation – course catalogues, learning agreements, transcript of records www.ec.europa.eu
3. Yutsevychene P.A. Teoreticheskiye osnovy modulnogo obucheniya. Dokt, Diss [Theoretical foundations for modular education. Doct. Diss]. Vilnius, 1990, 336 p.

About the author

Elena N. Solovova – Dr., Ph.D, professor, Head of the FL Department at National Research University High School of Economics. E-mail: esolovova@mail.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ В ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Т.М. Шкапенко

Балтийский государственный федеральный университет им. И. Канта. Россия, 236041, Калининград, ул. А.Невского, 14.

В работе на основе актуальных статистических данных анализируется уровень развития e-learninga в вузах России, США и европейских стран. Характеризуются причины отставания в данной области российской системы образования, обосновывается необходимость ускоренного внедрения e-learninga как средства выживания и сохранения конкурентоспособности национальной системы образования страны. Автор статьи считает, что в условиях открытого общества знаний, когда образование в самых различных вузах можно получать, не выходя из дому, внедрение e-learninga становится единственным средством борьбы за выживание национальных систем образования. Именно поэтому университеты в различных странах объединяют свои финансовые и интеллектуальные ресурсы в целях завоевания собственной ниши на рынке трансграничного образования. Что касается российского образования, то автор приходит к выводу: при такой остроте постановки проблемы, когда России наряду с реальным оттоком студентов угрожает перспектива их виртуального оттока, нам следует признать, что единственным средством борьбы за сохранение национального интеллектуального капитала является ускоренное продвижение дистантного обучения. Внедрение ДО в образовательный процесс должно стать альтернативным каналом обучения, представляющим собой важную составную часть общей стратегии отечественных вузов.

Ключевые слова: электронное образование, дистанционное образование, обучение онлайн, e-learning.

Сегодня мы являемся свидетелями уникальных темпов развития интернет-технологий, зачастую опережающих интеллектуальные возможности массового потребителя. М. Маклюэн был прав, когда еще в 1964 г. утверждал, что именно господство тех или иных медиа в истории определяет характер самой эпохи [6]. Однако, если в 1970-х гг. тезис канадского ученого о средствах массовой коммуникации как «расширениях» человека представлялся вполне обоснованным, то в наше время можно вести речь о возникновении обратного эффекта – «сужении» человека за счет его технологической виртуализации.

Все мы сегодня стали пользователями, обзавелись Интернет alter ego и аватарами; имеем «профили» в соцсетях, получаем информацию об автоматическом обновлении нашего «статуса», и большая часть нашей жизни протекает в виртуальной среде. Homo clickens все настойчивее вытесняет homo sapiens, а в основе разграничения поколений лежат взаимоотношения с более умными, чем его пользователи, электронными гаджетами. Поколение, которое родилось и выросло в мире современных цифровых технологий, получило название digital native – «цифровое коренное население», в то время как старшие поколения относят к digital immigrants – «цифровым иммигрантам».

Этот цифровой разрыв во многом обуславливает одно из основных противоречий в вузовской образовательной среде. В то время как обучаемая аудитория состоит из digital natives, профессорско-преподавательский состав представлен поколением digital immigrants. Академическая манера проведения лекций вступает в конфликт с привычным для обучаемой аудитории мультимедийным форматом представления знаний. Разрешение данного конфликта возможно только при условии создания естественной для обучаемых образовательной среды.

К числу других причин, предопределивших неизбежное появление электронного обучения, следует отнести рост объема информации и знаний. По данным ЮНЕСКО, в 2008 г. в мире было создано 1.5 экзбайт информации, что больше, чем за 5000 предыдущих лет. Единственная форма, способная поспеть за генерированием интеллектуального контента, – это электронные ресурсы. В возникшей ситуации E-learning выступает в качестве новой технологической среды доставки знаний из открытых источников. Наконец, возникновение обучения, осуществляемого посредством информационных технологий, обусловлено действием рыночных механизмов. Растущий спрос на высшее образование привел к появлению рынка образовательных услуг, на котором вузы стали конкурировать субъектами в области дистанционной поставки образовательного контента.

Именно эти три фактора предопределили появление и стремительное распространение в мире новой модели обучения – трансграничного образования в форме e-learning или обучения онлайн. В российском педагогическом дискурсе этим понятиям соответствуют несколько терминов:

электронное, дистанционное и онлайн-обучение. И все же, руководствуясь определениями, зафиксированными в Федеральном законе об образовании, в качестве эквивалентных следует признать только два последних. Согласно статье 16, «под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением поддерживаемой в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [ФЗ, 2012]. Таким образом, электронное обучение следует рассматривать как средство осуществления образовательного процесса как в формате классного обучения, так и в формате дистанционного или онлайн-обучения.

Характеризуя уровень внедрения онлайн-образования в мире, все аналитики указывают на несомненное лидерство в данной области США. Именно в Америке ученые первыми осознали тот огромный потенциал, который имеют ИКТ в области экспансии на рынке образования. Уже в 2000 г. в докладе комиссии конгрессу США говорилось: «Интернет, возможно, является самой преобразующей технологией в истории человечества. Комиссия считает, что необходима национальная мобилизация, сравнимая по масштабу с другими великими кризисными моментами в истории Америки, как соревнование в области освоения космоса: запуск спутника и ракеты на Луну» [7].

По данным Babson Survey Research Group на осень 2012 г., в онлайн-обучение в высших учебных заведениях в США было вовлечено 6,7 млн студентов (30,2 % числа всех студентов). По сравнению с 2011 г. прирост составил 570 000 студентов, а по сравнению с 2003 г. – 3,4 млн студентов. По словам одного из авторов исследования Джеффа Симана, «темпы роста в онлайн-учащихся остаются стабильными, в то время как общие высшие учебные заведения продемонстрировали значительное снижение» [5].

Анализируя систему e-learning в США, Р. Шульмейстер указывал на определенные «статистические хитрости». Дело в том, что «статистика знает два различных типа регистрации: зачисления в традиционные кампусы университетов, где считается каждый человек, и заявки на участие в онлайн-курс, где подсчитывается количество заказанных студентом онлайн-курсов. Таким образом, студенты в традиционном образовании подсчитываются только один раз, в то время как студенты, которые выбирают два или более курсов, подсчитываются два или более раз. Это означает,

что мы должны сократить общее число учащихся, которые заказывают онлайн-курсы, по меньшей мере наполовину [8]. Однако, даже если мы примем во внимание это замечание о сомнительном принципе подсчета данных, значительный общий рост числа онлайн-учащихся в США не вызывает сомнений.

В опубликованном исследовательской фирмой Ambient Insight анализе о тенденциях развития высшего и среднего образования в США прогнозируется, что до 2015 г. число студентов online в Америке сравняется с числом посещающих лекции [4]. Согласно представленным данным, в течение ближайших 4 лет количество студентов, принимающих участие в курсах e-learning, может превысить 25 млн человек. Стоимость всего рынка курсов e-learning в США может достигнуть до 2015 г. 24,2 млрд долл. США.

В анализе указывается, что рост популярности этой формы образования в США является в значительной степени заслугой частных высших учебных заведений, предлагающих платные курсы e-learning. Однако ведущие университеты США составляют незначительный процент среди общего числа вузов, предоставляющих возможность получения ученой степени полностью в дистанционном формате. Это, прежде всего, Стенфордский университет, предлагающий степень магистра в области биомедицины, информатики, компьютерных наук и др., школы, функционирующие в рамках университетов Гарварда (Harvard Extension School, Harvard Summer School) и университета Пенсильвании. Большинство ведущих вузов предлагают смешанный формат обучения, в котором курсы онлайн сочетаются с необходимостью посещения аудиторных занятий.

Одновременно многие ведущие университеты США и западной Европы инвестируют огромные средства, создавая массовые открытые онлайн-курсы (massive open online course, далее МООС). К их основным отличительным чертам относятся: привлечение преподавателей престижных университетов; наличие расписания и дедлайнов в рамках курсов; различные каналы обратной связи слушателей с преподавателями; бесплатность и, как следствие, массовость и глобальность.

Самым знаменитым является созданный в 2011 г. проект Coursera, объединивший открытые ресурсы трех крупнейших университетов США. Coursera предлагает полноценные курсы, состоящие из видеолекций с субтитрами, текстовых конспектов лекций, домашних заданий, тестов и итоговых экзаменов. По окончании курса слушателю может высылаться сертификат об окончании. К началу 2013 г. на портале было зарегистрировано уже около 2,3 млн пользователей из 196 стран. Существуют и другие МООС: Udacity, edX, Canvas, Udemy, Wedubox и др.

Страны Евросоюза также осознают давление информационных и сетевых технологий на существующую модель образования. В принятой Европейским союзом Лиссабонской стратегии на 2000–2010 гг. электронное обучение признается

инструментом построения динамичной конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях, и создания пространства обучения в течение всей жизни. Во Франции в качестве главной задачи национальной системы образования заявлено внедрение ИКТ во все сферы образовательного процесса: от детского сада до обучения взрослых, а в 2008 г. принята финансируемая правительством программа электронного обучения «100% курсов в цифровой форме для 100% обучаемых». В Финляндии, Ирландии, Южной Корее реализуются специальные национальные программы по электронному обучению, которое стало основным инструментом модернизации образования. В Великобритании правительственной стратегией развития образования на 2008 – 2014 гг. предусмотрено глубокое овладение новой «электронной» педагогикой (e-pedagogy) [Смолин, 2008]. Таким образом, все страны мира не мыслят дальнейшего развития национальных образовательных систем без нарастающего использования дистанционных технологий.

Как обстоит дело с внедрением электронного образования в России? Не секрет, что процесс внедрения e-learninga в российскую систему высшего образования проходит медленно, сталкиваясь с определенными сложностями. К факторам, сдерживающим развитие образования онлайн, следует отнести низкий уровень доверия к дистанционному формату образования в академической среде. Дискуссия ведется в основном по поводу его эффективности: что есть ДО – имитация образования или шаг в будущее? Большинство российских ректоров убеждены в том, что специалиста высокой квалификации можно подготовить только в стенах университета. Кроме того, получение первого высшего образования не может быть полностью дистанционным, так как оно должно сочетать обучение с воспитанием. Воспитание в дистанционном формате не представляется возможным.

К другим причинам отставания российских вузов в процессе внедрения нового формата обучения относят:

- отсутствие необходимой нормативной базы в области ДО;
- отсутствие специалистов в области разработки e-курсов;
- недостаток финансовых средств, необходимых для разработки электронного образовательного контента;
- отсутствие готовности преподавателей к использованию в работе дистанционных технологий;
- проблемы авторского права и связанное с этим нежелание преподавателей выставлять свои ресурсы в открытый доступ.

Тем не менее количество вузов, предлагающих дистанционный или смешанный формат обучения, в России постоянно растет. Наиболее обширный список вузов и образовательных центров, предлагающих услуги дистанционного обучения, представлен на федеральном портале «Российское образование» (www.edu.ru). Кроме вузов в данном списке фигурируют самые различ-

ные коммерческие центры, школы и компании, предлагающие образовательные услуги онлайн. Наиболее активно дистанционные программы обучения внедряются корпоративным сектором и государственными центрами переподготовки кадров. В вузах e-learning продолжает дополнять традиционный очный вариант обучения, одни курсы, в зависимости от их специфики, изучаются традиционным образом, а другие – дистанционно.

Несомненным лидером в области ДО является Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ) – единственный российский участник европейского проекта HОME (Higher Education Online), объединяющего вузы из Великобритании, Португалии, Нидерландов, Израиля и других стран. Несмотря на то что все большее количество вузов предлагают в той или иной форме обучение онлайн, в целом рынок ДО в России ограничивается 3% от общего количества образовательных услуг. Таким образом, на сегодняшний день Россия практически не участвует в бурном развитии всемирных электронно-сетевых технологий, глобализации образовательного рынка и в международной конкуренции образовательных организаций.

Каковы же причины всемирной гонки e-образования, которую по своим масштабам можно сравнить лишь с гонкой вооружений в эпоху холодной войны? В условиях открытого общества знаний, когда образование в самых различных вузах можно получать, не выходя из дому, внедрение e-learninga становится единственным средством борьбы за выживание национальных систем образования. Именно поэтому университеты в различных странах объединяют свои финансовые и интеллектуальные ресурсы в целях завоевания собственной ниши на рынке трансграничного образования.

В нашей стране некоторые чиновники от образования предлагают не вкладывать столько усилий и средств, а просто использовать зарубежные образовательные ресурсы. По этому поводу Олег Смолин, первый заместитель председателя Комитета по образованию Госдумы, говорит: «Очевидно, что если мы пойдем таким путем, то мы потеряем существующий уровень национальной безопасности в образовательной области. Остановить прогресс невозможно и не нужно. Единственный способ – управлять прогрессом и участвовать в нем. Поэтому мы полагаем, что развитие e-learning – это ключевое направление для развития современного образования» [Смолин, 2008]. Это мнение разделяет В. Тихомиров: «Американские проекты Coursera, Udacity и другие породили движение МООС и тем самым бросили вызов существующим системам образования. Фактически они ведут наступательную операцию в борьбе за интеллектуальный капитал. В связи с этим России надо выработать свою позицию в данном вопросе» [Тихомиров, 2008].

При такой остроте постановки проблемы, когда России, наряду с реальным оттоком студентов, угрожает перспектива их виртуального оттока, нам следует признать, что единственным средством борьбы за сохранение национального интеллектуального капитала является ускоренное продвижение дистантного обучения. В сложившихся условиях отставание России может быть использовано эффективно, если разработка электронного контента и внедрение ДО в образовательный процесс будет проходить с учетом технологических и педагогических решений, которые уже получены в мире в результате апробации и научного анализа, полученного в данной области опыта. ДО должно стать альтернативным каналом обучения, представляющим собой составную часть общей стратегии вузов.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2012 года. М.: Логос, 2013. 252 с.
2. Смолин О.Н. Аналитическая записка о состоянии и перспективах развития электронного обучения в России, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.smolin.ru/odv/reference-source/pdf/analytical_note.pdf. Дата обращения: 20.09.2013.
3. Тихомиров В.П. Массовое онлайн-обучение бросает вызов российской системе образования [Электронный ресурс]: URL:<http://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=152251>. Дата обращения: 10.09.2013.
4. Ambient Insight. (2013). International eLearning Market Research. URL:<http://www.ambientinsight.com/Reports/eLearning.aspx> Дата обращения: 15.09.2013.
5. Babson Study: Over 6.7 Million Students Learning Online. URL: from: http://sloanconsortium.org/news_press/january2013_new-study-over-67-million-students-learning-online/ Дата обращения: 15.09.2013.
6. McLuhan M. (1964). Understanding Media: The Extensions of Man. — N.Y.: McGraw Hill.
7. Report of the Web-Based Education Commission to the President and the Congress. (2000). The Power of the Internet for Learning: Moving from Promise to Practice. URL: <http://www2.ed.gov/offices/AC/WBEC/FinalReport/WBECReport.pdf>. Дата обращения: 10.09.2013.
8. Schulmeister Rolf. eLearning in the USA: The Standard? The Benchmark?//Eleed. URL:http://eleed.campussource.de/archive/3/688/index_html#d53e1727 .Дата обращения: 15.09.2013.

Об авторе

Шкапенко Татьяна Михайловна – к.филол.н., доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта.
E-mail: tshkapenko@kantiana

**E-LEARNING: CURRENT STATE OF PROBLEM IN HIGHER EDUCATION SYSTEM
OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

T.M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, 236041, Kaliningrad, str. A. Nevsky, 14, Russia.

Abstract: *The development level of e-learning in Russian, European and American universities is analyzed in the paper on the basis of latest statistic data. Russian system of education is standing behind western countries in this field. The reasons for this are characterized in this paper, and the necessity of accelerated introduction of e-learning as the means of survival and preservation of competitiveness of national system of education is argued. The author believes that in the era of open knowledge society, when different universities offer distant education allowing to study without leaving house, the introduction of e-learning is the only way to fight for survival of national system of education. Therefore universities in different countries pool their intellectual and financial resources in order to gain their own niche in the market of cross-border education. The author comes to conclusion that in the situation, when Russia is threatened with not only real but virtual outflow of students as well, we have to admit that fast development of distant education is the only way to save national intellectual capital. Introduction of distant education should create the alternative to traditional methods and become an important part of overall strategy of Russian national universities.*

Key words: e-learning, online learning, distant learning.

References

1. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2012 goda. [About education in Russia Federation: The Federal Law of 21 December 2012]. Moscow, Logos. 252 p.
2. Ambient Insight. (2013). International eLearning Market Research. Retrieved from: <http://www.ambientinsight.com/Reports/eLearning.aspx>.
3. Babson Study: Over 6.7 Million Students Learning Online. Retrieved from: http://sloanconsortium.org/news_press/january2013_new-study-over-67-million-students-learning-online
4. McLuhan M. (1964). Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill.
5. Report (2000). Report of the Web-Based Education Commission to the President and the Congress. The Power of the Internet for Learning: Moving from Promise to Practice. Retrieved from: <http://www2.ed.gov/offices/AC/WBEC/FinalReport/WBECReport.pdf>
6. Schulmeister, Rolf. (2012). eLearning in the USA: The Standard? The Benchmark?//Eleed. Retrieved from: http://eleed.campussource.de/archive/3/688/index_html#d53e1727
7. Smolin O. (2008). Analiticheskaja zapiska o sostojanii i perspektivah razvitija elektronnoho obuchenija v Rossii. [Analytic paper on the status and prospects of the development of e-learning in Russia]. Retrieved from: http://www.smolin.ru/odv/reference-source/pdf/analytical_note.pdf
8. Tihomirov V.P (2008). Massovoe on-lajn obuchenie brosaet vyzov rossijskoj sisteme obrazovanija. [Massive online learning challenges the Russian education system]. Retrieved from: <http://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=152251>

About the author

Tatyana M. Shkapenko – Candidat of Philology, Ass. Professor of Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: tshkapenko@kantiana

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА УРОВНЯХ В2-С1 (ИЗ ОПЫТА НАПИСАНИЯ УЧЕБНИКА)

Е.Б. Александровская

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается применение инновационных подходов в иноязычном образовании в высшей школе на примере УМК Le français.ru В2-С1, в частности в преподавании грамматического аспекта. Применение компетентностного подхода, а именно принципа «студентоцентричности» и понятия «задачи» позволяет оптимизировать учебный процесс. Использование принципа «студентоцентричности» при введении нового грамматического материала обеспечивает повышение познавательной мотивации учащихся. Необходимо подвести учащегося к тому, чтобы он сам понял изучаемое явление и сформулировал грамматическое правило, анализируя хорошо подобранный корпус примеров и отвечая на правильно поставленные вопросы. Еще один важный момент в подаче нового грамматического материала – сопоставление его с родным языком и самостоятельный поиск закономерностей такого сопоставления. Это позволяет лучше понять изучаемое явление, а также предупредить возможные интерференционные ошибки. Использование понятия «задачи» и заданий активного типа, хотя и не является основополагающим в преподавании грамматики, тем не менее способствует лучшему усвоению материала и выводу его в речь. Поэтому необходимо дополнить традиционные грамматические упражнения упражнениями активного типа, ориентированными на реализацию той или иной задачи. Такие инновации, как компетентностный подход, модульный принцип, использование информационно-коммуникационных технологий, безусловно, являются важной и необходимой составляющей современного учебного процесса и современного учебника иностранного языка. Но, как и всякая новая методика, эти инновации не заменяют и не отменяют предыдущие методики, но могут успешно их обогатить и дополнить.

Ключевые слова: иноязычное образование, методика обучения ИЯ, УМК, компетентностный подход, преподавание грамматики французского языка, принцип модульности.

Современный образовательный контекст предполагает широкое использование инноваций в иноязычном образовании, в том числе в системе высшей школы. Активно используются инновационные подходы и в современных вузовских учебниках иностранных языков [4]. В рамках этой статьи делается попытка обобщить некоторые итоги работы над учебно-методическим комплексом по французскому языку *Le français.ru*. Этот УМК включает пять уровней (с A1 до C1) и охватывает программу французского языка как первого иностранного в МГИМО(У) с первого по четвертый курс, то есть весь бакалавриат.

Работа над этим учебным курсом начиналась в 2005 г., когда компетентностный подход в образовании вообще и в преподавании иностранных языков в частности открывал новые возможности в оптимизации изучения иностранных языков в новом образовательном контексте. Поэтому мы, естественно, стремились использовать в нашем курсе инновационный потенциал компетентностного подхода, который придает новое измерение учебному процессу, нацеливает его на уровень сформированности коммуникативной и межкультурной компетенций и ставит в его центр личность обучаемого.

Вместе с тем мы не спешили отвергать и прежние достижения отечественной методики, нашедшие теоретическое обоснование в научных исследованиях и доказавшие свою эффективность на практике, поскольку компетентностный подход не отрицает необходимости формировать базовые знания и комплекс навыков и умений. Такая методическая установка была поддержана многими нашими коллегами, о чем свидетельствует тот факт, что УМК *Le français.ru*. A1, A2 и B1 используется для изучения французского языка в целом ряде российских университетов.

Последняя часть курса *Le français.ru* (уровни B2-C1 в данный момент находятся в печати) нацелена на развитие коммуникативных компетенций, предусмотренных для соответствующих уровней Едиными европейскими стандартами [5]. Так, на уровне B2 ставится задача сформировать следующие компетенции:

- а) в монологической речи:
 - умение понятно и обстоятельно высказываться по широкому кругу актуальных проблем;
 - умение изложить в сокращенной и структурированной форме сведения, полученные из средств массовой информации и художественной литературы, выразить свое мнение;
 - умение формулировать и аргументировать свою точку зрения по актуальной проблематике;
- б) в диалогической речи:
 - умение без подготовки участвовать в дискуссии по знакомой тематике;
 - умение обосновывать и отстаивать свою точку зрения;
- в) в чтении:
 - совершенствование умений и навыков изучающего, ознакомительного, просмотрового и поискового чтения;

- умение понимать тексты со сложной логической структурой, авторы которых занимают особую позицию или высказывают особую точку зрения;

- умение понимать современную художественную прозу;

- г) в аудировании:

- умение понимать сообщения по радио и телевидению;

- умение понимать доклады и лекции по знакомой тематике;

- умение понимать содержание художественных фильмов, если герои говорят на литературном языке;

- д) в письменной речи:

- умение писать подробные сообщения по широкому кругу актуальных вопросов;

- умение писать личные и официальные письма, выделяя основные мысли и события, аргументируя свою точку зрения.

Освоение уровня C1 предполагает формирование следующих компетенций:

- 1) в монологической речи:

- умение связно и логично излагать сложные темы, объединять в единое целое составные части, развивать отдельные положения и делать соответствующие выводы;

- умение устно реферировать сложные тексты, четко выделяя их логическую структуру, авторскую аргументацию, основные и промежуточные выводы;

- 2) в диалогической речи:

- умение спонтанно и бегло, не испытывая трудностей в подборе слов, выражать свои мысли;

- умение использовать разнообразные языковые средства и адекватно употреблять их в ситуациях профессионального и повседневного общения;

- умение принимать участие в двусторонней и многосторонней полемической беседе, дискуссии, сочетая обмен короткими репликами с более развернутыми высказываниями, включая завершающие диалогические единства в виде уточнения, суммирования, комментирования или аргументации сказанного;

- 3) в чтении:

- умение понимать большие сложные нехудожественные и художественные тексты, их стилистические особенности и оттенки смысла;

- умение понимать специальные статьи большого объема, даже если они не касаются сферы специализации;

- 4) в аудировании:

- умение понимать развернутые сообщения, даже если они имеют нечеткую логическую структуру и недостаточно выраженные смысловые связи;

- умение достаточно полно понимать все телевизионные программы и фильмы;

- 5) в письменной речи:

- умение подробно излагать в письмах, сочинениях, докладах сложные проблемы, выделяя наиболее важные моменты;

- умение использовать стиль, соответствующий предполагаемому адресату;
- умение выполнять письменное реферирование одного или нескольких текстов.

Если на уровнях А1, А2 и В1 практически весь материал является обязательным для усвоения (с разделением только на актив и пассив на уровне В1), то последняя часть УМК (В2–С1) построена по модульному принципу. Поскольку грамматический материал уровней В2 и С1 не слишком сильно различается, а лексическая тематика также во многом является сходной, представлялось возможным объединить их в рамках одного учебника.

Как видно из приведенных выше дескрипторов, уровни отличаются скорее глубиной владения материалом и некоторыми дополнительными профессионально ориентированными компетенциями. Поэтому в зависимости от целей и задач обучения, особенностей программы и количества учебных часов образовательные результаты, достигнутые учащимися, могут соответствовать уровню В2 или С1. Модульная структура УМК позволяет преподавателю выбирать материал для изучения, исходя из требований конкретной программы, и формировать у студентов соответствующие компетенции.

Итак, компетентностный подход как основной дидактический принцип построения учебника иностранного языка в настоящее время уже не вызывает сомнений. Но когда речь заходит о конкретных аспектах преподавания языка, например о грамматике, может ли здесь быть применен компетентностный подход? Заметим кстати, что если посмотреть, как обсуждается эта тема, например, французскими методистами и преподавателями иностранных языков, то можно увидеть: после повального увлечения *approche actionnelle* еще несколько лет назад наступает некоторое разочарование в его абсолютных возможностях. Происходит частичный возврат к традиционным грамматическим упражнениям и даже к переводу с родного языка на иностранный и наоборот, упражнению, казалось бы, навсегда изгнанному из педагогической практики [7], [6].

Оказалось, что как бы мы ни призывали заменить симулятивную коммуникацию реальным действием, учебный класс всегда останется местом искусственного иноязычного общения. Мы можем отчасти компенсировать эту искусственность с помощью современных информационных технологий обучения, но не можем преодолеть ее полностью. Кроме того, прежде чем студент получит возможность осуществить реальное действие на изучаемом языке, он должен овладеть лингвистической компетенцией, то есть освоить грамматические структуры, лексические единицы, произносительные модели и т.д. И здесь нам никак не обойтись без наших традиционных методик для приобретения студентами конкретных знаний, умений и навыков, лежащих в основе любой компетенции.

Однако, как показывает практика, собственно грамматических знаний тоже оказывается недоста-

точно для успешной коммуникации. Мы сталкиваемся со знакомой многим картиной, когда студенты, поднаторевшие, например, в переводе фраз, справляющиеся со сложными грамматическими явлениями, но в спонтанной речи не могут правильно использовать даже самые простые конструкции. Вот тут как раз и уместно подумать о развитии у них коммуникативной компетенции.

В компетентностном подходе («*approche actionnelle*» во французской терминологии), как нам представляется, важно выделить два основных момента. Во-первых, антропоцентрический характер обучения в рамках этого подхода, то есть положение, согласно которому человек овладевает языком через осознание своей деятельности на нем и с его помощью. Можно было бы назвать его «студентоцентрическим», поскольку мы переносим акцент с преподавательской деятельности на деятельность студента, связанную с изучением языка. Что нам дает в практическом плане постановка в центр личности обучающегося?

И во-вторых, перенос акцента со знания, как такового, на компетенцию, а следовательно, постановка во главу угла понятия «задачи» («*tâche*»), реального действия, которое нужно выполнить с привлечением всех необходимых для этого компетенций, в том числе коммуникативных. Например, задачей является покупка железнодорожных билетов из Гренобля в Париж. Легко представить все компетенции, необходимые для этого, от умения читать до умения задать вежливый вопрос. Причем набор компетенций будет варьироваться в зависимости от ситуации: покупаем ли мы билет в кассе (диалог с кассиром) или в автомате (умение читать и некоторые прагматические компетенции), или же через Интернет (где вообще можно перейти на другой язык). Кроме того, и задачи могут быть абсолютно разные по масштабу, и трудности (выступить с научным докладом, провести пресс-конференцию или перевести книгу – это ведь тоже задачи). Итак, понятие «задачи» – что оно дает нам в плане преподавания грамматики?

Попытаемся ответить на эти два вопроса.

Первый принцип – «студентоцентричность». Это в первую очередь обращение к познавательной мотивации студента, которая позволяет инициировать в дальнейшем и профессиональную мотивацию будущего специалиста [2, с. 47]. Приступая к изучению какого-либо грамматического явления, имеет смысл сразу объяснить, для чего оно нужно и почему им необходимо овладеть (например, «вы научитесь строить предположения и гипотезы» вместо «вы выучите наклонение *conditionnel*».) Кроме того, необходимо подвести учащегося к тому, чтобы он сам понял изучаемое явление и сам сформулировал грамматическое правило, анализируя корпус примеров и отвечая на поставленные вопросы. Положительные эмоции, возникающие от правильной догадки, способствуют лучшему запоминанию и усвоению. На продвинутых уровнях обучения, таких, как В2 и С1, новый грамматический материал встраивается в уже существующую у студента систему знаний о

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

языке. При этом мы снова апеллируем к студенту как активному субъекту учебного процесса, лишь помогая ему вспомнить уже известное.

Еще один важный момент в подаче нового грамматического материала – сопоставление его с родным языком и самостоятельный поиск закономерностей такого сопоставления. Это позволяет, с одной стороны, лучше понять изучаемое явление, а с другой – предупредить возможные интерференционные ошибки. Вот, например, введение так называемого *imparfait stylistique* на уровне B2:

Rappel

– Объясните употребление *imparfait* в следующих примерах.

– Переведите их на русский язык. Какие глагольные формы служат эквивалентом *imparfait* в русском языке? (Далее следуют четыре примера, содержащие формы с уже известными студентам значениями).

Observez

– Какое действие – законченное или незаконченное, однократное или повторяющееся – обозначает выделенная глагольная форма?

– Что помогает вам понять ее значение в приведенном примере?

– Какая глагольная форма будет ее эквивалентом в русском языке?

Le 26 avril 1986, à 1 h 23 du matin, deux explosions faisaient voler en éclats le quatrième réacteur de Tchernobyl.

Retenez

L'*imparfait stylistique* ou narratif. Глагол в *imparfait*, сопровождаемый обстоятельством времени, может означать единичное законченное действие, произошедшее в это самое время. В этом случае *imparfait* используется с целью стилистического выделения. В русском языке его эквивалентом будет глагол совершенного вида в прошедшем времени. Для реализации этого значения необходима точная временная локализация действия (обстоятельство времени).

En 1822, Pasteur naissait à Dole, petite ville de Jura. В 1822 году в маленьком городке Доль в Юрских горах родился Пастер.

Сначала напоминание об уже известном (*Rappel*). Затем наблюдение над новым для них значением, понимание его (*Observez*). Затем для проверки понимания – корректно сформулированное правило, к которому они уже пришли самостоятельно (*Retenez*). Итак, при предъявлении нового грамматического материала студент уже не является пассивным реципиентом знания, но активно и творчески участвует в формировании этого знания.

Во-вторых, для тренировки и закрепления материала там, где это возможно, используются задания и упражнения, апеллирующие к личному опыту студентов. Вот, например, задание на *conditionnel passé*: Expliquez l'emploi du *conditionnel passé* dans le document ci-dessous. Parlez de votre parcours scolaire et universitaire : qu'est-ce qui vous a plu ? Que pourriez-vous reprocher à l'organisation des cours?

J'ai fait médecine et je ne le regrette pas. De bons profs, une ambiance sympa. J'ai juste un petit reproche concernant les cours, c'est qu'on ne nous a jamais fait de cours de premier secours, et c'est le truc primordial à mon avis, ça aurait été nettement plus bénéfique que les 30 ou 40 heures de cours de pathologie générale en 4ème année.

В-третьих, видоизменяется функция контрольных заданий: не только оценка преподавателем уровня знаний и уровня сформированности компетенций, но и самооценка студента. Тем самым мы стараемся уходить от «карательной» функции контроля и усиливать его стимулирующую функцию.

Теперь рассмотрим (также в интересующем нас ракурсе преподавания грамматики) второй фундаментальный принцип – понятие «задачи». Компетентностный подход предполагает, что учить надо не грамматику, а тому, как с помощью этой грамматики можно выполнить то или иное действие в реальной жизни, то есть решить задачу. И если коммуникативная задача возводится в статус основополагающего принципа обучения, то представление языкового материала полностью ориентировано на конкретные потребности заданной ситуации. Однако, как нам представляется, этот принцип в чистом виде не работает применительно к грамматическому материалу:

а) потому, что одни и те же грамматические формы необходимы для решения разных задач и в то же время одна задача требует знания целого ряда разнообразных форм; б) отсутствие системного видения грамматики изучаемого языка затрудняет, если не делает вовсе невозможным, продвижение вперед к свободному и профессиональному владению языком, то есть к формированию специальной иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста, что является главной целью иноязычного образования.

Тем не менее возможно, и даже необходимо, на наш взгляд, дополнить традиционные грамматические упражнения, направленные на усвоение и закрепление грамматического материала упражнениями активного типа, ориентированными на реализацию той или иной задачи. Более того, иногда как раз с помощью деятельностного подхода – от задачи – желаемый результат достигается гораздо быстрее. Например, русскоязычные учащиеся с трудом усваивают различие в употреблении настоящего и прошедшего времени *conditionnel*, так как в русском языке этой оппозиции нет.

И даже если абстрактно они поняли это различие, интерференция с родным языком постоянно приводит к ошибкам в спонтанной речи. А вот если мы ставим задачу дать совет на будущее или выразить упрек за нечто уже сделанное, учащиеся не только лучше понимают оппозицию *conditionnel présent/conditionnel passé*, но и учатся правильно употреблять эти времена в привязке к коммуникативной задаче. Здесь уместно сказать несколько слов о типах грамматических заданий и упражнений, которые используются на уровнях B2–C1.

Преподаватели знают, насколько по-разному реализуются лингвистические компетенции в зависимости от вида речевой деятельности, особенно на продвинутом этапе обучения: материал, казавшийся прекрасно усвоенным в тренировочных упражнениях, не выходит в спонтанную речь, студенты избегают употреблять изученные структуры даже в тех контекстах и ситуациях, где они, казалось бы, совершенно необходимы. Поэтому цикл работы над каждым изучаемым явлением активного грамматического материала проходит несколько этапов. Сначала даются упражнения на узнавание и понимание (в том числе посредством перевода на русский язык), затем идут задания тренировочного характера (подстановка, трансформация и т.п.), предречевые упражнения (например, ответ по модели, перевод на французский язык), и завершается цикл речевыми упражнениями активного типа.

Вот пример речевого упражнения активного типа по теме «Subjonctif в придаточном изъяснительном». *Exprimez vos idées, vos sentiments et vos attitudes par rapport aux problèmes ci-dessous. Pensez à employer des verbes au subjonctif et à varier les introducteurs.*

1. Par rapport à l'histoire, de nombreuses attitudes sont possibles. Certains gens s'en désintéressent complètement. D'autres, au contraire, y cherchent des réponses aux questions d'actualité. Les élites politiques la retournent comme un gant. On met en avant des épisodes glorieux, on passe sous silence des périodes difficiles. Peut-on tout tolérer par rapport à l'histoire ?

2. La surveillance omniprésente commence à inquiéter l'opinion publique. Les caméras vidéo qui scrutent chacun de nos pas. Les données électroniques personnelles qui risquent à tout moment de dévoiler les secrets de notre vie privée. Des conversations téléphoniques interceptées. Beaucoup sont angoissés, craignent le pire, crient au scandale. Avez-vous aussi une vision catastrophique de notre société de surveillance totale ? (и так далее).

Там, где это позволяет грамматический материал, предлагаются и настоящие задачи. Например, задание ответить на письмо в форуме, где автор письма говорит о своей проблеме и спрашивает совета. В письме студенты анализируют неправильные действия автора письма (что следовало

бы и чего не следовало бы делать) и дают совет, как исправить ситуацию. При этом употребляются изученные грамматические формы *conditionnel passé* и *conditionnel présent*. Следует отметить, что современные информационно-коммуникационные технологии в образовании позволяют существенно разнообразить традиционные грамматические задания и упражнения – от использования Интернета до интерактивных платформ. Это позволяет избежать нежелательной монотонности и также повышает мотивацию студентов.

Таким образом, если обычно мы выстраиваем объяснение и закрепление грамматики по схеме «грамматическая форма → значение → коммуникативная функция → задача», то на завершающем этапе в упражнениях активного типа эту схему можно перевернуть: «задача → коммуникативная функция → значение → грамматическая форма». Понятно, что собственно грамматические задания и упражнения являются лишь промежуточным этапом формирования иноязычной коммуникативной компетенции, в частности ее лингвистической составляющей.

В других формах работы, таких, как, например, написание официального письма, устное сообщение на профессиональную тему, дискуссия и в особенности проект, сочетаются несколько задач и интегрируются многие компетенции, что является наиболее полным воплощением компетентностного подхода.

Итак, резюмируем сказанное. Такие инновации, как компетентностный подход, модульный принцип, использование информационно-коммуникационных технологий, безусловно, являются важной и необходимой составляющей современного учебного процесса и современного учебника иностранного языка. Но, как и всякая новая методика (прямой метод относительно переводного, коммуникативный относительно сопоставительного и т.д.), эти инновации не заменяют и не отменяют предыдущие методики, но могут успешно их обогатить и дополнить. А методическая наука, как и всякая наука, – это развивающаяся система знания, не заканчивающаяся ни на одном этапе своего развития достижением окончательного и всеобъемлющего способа обучения иностранному языку [3].

Список литературы

1. Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Читахова Л.Л. *Le français. ru A1. Учебник французского языка*. М.: ООО «Издательство «Нестор Академик», 2006; *Le français. ru A2. Учебник французского языка*. М.: ООО «Издательство «Нестор Академик», 2007; Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Манакина О.Е. *Le français. ru B1. Учебник французского языка*. М.: ООО «Издательство «Нестор Академик», 2009.
2. Вербицкий А.А. *Активное обучение в высшей школе: контекстный подход*. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
3. Гальскова Н.Д. Основные парадигмальные черты современной методической науки // *Иностранные языки в школе*. 2011. № 7. С.2–11.
4. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. Какой учебник иностранного языка нужен вузу сегодня? // *Иностранные языки в школе*. 2011. № 5. С.63–68.
5. *Cadre européen commun de référence pour les langues : apprendre, enseigner, évaluer*. Paris : Les Éditions Didier, 2005. 192 с.

■ К 70-летию факультета международных отношений МГИМО

6. Liria Ph. Exercice de grammaire et approche actionnelle.// <http://philliria.wordpress.com/2010/05/30/exercices-de-grammaire-et-approche-actionnelle/>
7. Puren Ch. La perspective actionnelle, dernière mode officielle avant la prochaine ? //Les langues modernes. [//http://www.aplv-languesmodernes.org/spip.php?article4814](http://www.aplv-languesmodernes.org/spip.php?article4814)

Об авторе

Александровская Елена Борисовна – к.филол.н., профессор кафедры французского языка № 1 МГИМО(У) МИД России. E-mail: e.aleksandrovskaya@inno.mgimo.ru

INNOVATIVE APPROACHES TO THE TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES AT LEVELS B2 - C1 (FROM THE EXPERIENCE OF THE TEXTBOOK)

E.B. Aleksandrovskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This paper considers innovative approaches to foreign language teaching in higher education, especially to the teaching of grammar, using the textbook Le français.ru B2-C1. A competence-based approach, the application of the principle of «student-centricity» and the concept of «tasks» help to optimize the learning process. Using the principle of «student-centricity» when introducing new grammar enhances cognitive motivation of students, makes them formulate themselves grammar rules, by analyzing well-chosen examples and answering teacher's questions. Another on important point in the presentation of a new grammar material is its correlation with their native language as well as their own search of the laws of this comparison. This could help them understand the examined phenomenon and it could help prevent possible interference errors. Using the concept of «tasks» and active exercises contribute to better acquisition of grammar and found it in the speech. That is why traditional grammar exercises should be accompanied with supplementary active exercises aimed to fulfill certain tasks. The competence approach, the use of information and communication technologies, the study of language material in the direction «from the value to the form» does not replace but enrich the traditional methods of teaching foreign languages.*

Key words: -language education, teaching methodology FL, competence-based approach, teaching of French grammar, competence-based approach, the principle of modularity.

References

1. Aleksandrovskaja E.B., Loseva N.V., Chitahova L.L. Le français. ru A1. Uchebnik francuzskogo jazyka. M.: OOO «Izdatel'stvo «Nestor Akademik», 2006; Le français. ru A2. Uchebnik francuzskogo jazyka. M.: OOO «Izdatel'stvo «Nestor Akademik», 2007; Aleksandrovskaja E.B., Loseva N.V., Manakina O.E. Le français. ru V1. Uchebnik francuzskogo jazyka. M.: OOO «Izdatel'stvo «Nestor Akademik», 2009.
2. Verbickij A.A. Aktivnoe obuchenie v vysshej shkole: kontekstnyj podhod. M.: Vysshaja shkola. 1991., 207 s.
3. Gal'skova N.D. Osnovnye paradigmalye cherty sovremennoj metodicheskoy nauki. Inostrannye jazyki v shkole. 2011. № 7, s.2-11.
4. Jastrebova E.B., Kravcova O.A. Kakoj uchebnik inostrannogo jazyka nuzhen vuzu segodnja?. Inostrannye jazyki v shkole. 2011. № 5, s.63-68
5. Cadre européen commun de référence pour les langues : apprendre, enseigner, évaluer. Paris : Les Éditions Didier, 2005.
6. Liria Ph. Exercice de grammaire et approche actionnelle. <http://philliria.wordpress.com/2010/05/30/exercices-de-grammaire-et-approche-actionnelle>
7. Puren Ch. La perspective actionnelle, dernière mode officielle avant la prochaine ? Les langues modernes. <http://www.aplv-languesmodernes.org/spip.php?article4814>

About the author

Elena B. Aleksandrovskaya – candidate of Philology, professor of Chair of French No. 1 of MGIMO(U) MFA of Russia. E-mail: e.aleksandrovskaya@inno.mgimo.ru

КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО, ИЛИ КАК ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ РУССКИМ СТУДЕНТАМ

А.В. Кравченко

Байкальский государственный университет экономики и права. Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Каждый преподаватель английского языка, обучающий русскоговорящих студентов, знает, что основные грамматические трудности, с которыми приходится сталкиваться на занятии, связаны с усвоением артиклей, предлогов и грамматических форм глагола. Что касается артиклей, здесь все понятно: в русском языке артиклей нет, поэтому студенту надо объяснить, зачем они нужны в английском и какова их функция. С предлогами ситуация несколько иная: предлоги есть и в русском языке, но студента обычно смущает их большое количество и особенности употребления в английском. Наконец, что касается так называемых времен (tenses) – точнее, видовременных форм глагола, – то многие студенты испытывают существенные трудности в овладении навыками их правильного употребления по простой причине. Привыкнув к тому, что в русском языке три времени (настоящее, прошедшее и будущее), они оказываются не в состоянии постигнуть логику организации и особенности функционирования системы, включающей двенадцать форм в активном залоге. В этой связи в статье показывается природа трудности в усвоении так называемых английских времен, связанная с неадекватными металингвистическими знаниями о значении и функционировании категорий времени и вида в русском языке. Поскольку когнитивные структуры, лежащие в основании этих грамматических категорий, укоренены в чувственном опыте и одинаковы в обоих языках, опора на родной язык с применением когнитивного подхода позволяет предложить простой алгоритм выбора правильной глагольной формы в дискурсе. Это позволяет радикальным образом улучшить процесс освоения грамматики, снимая многие мнимые трудности. Использование данной методики автором и его учениками и коллегами на протяжении 20 лет в образовательных учреждениях различных уровней показало ее высокую эффективность, намного превосходящую существующие традиционные методики.

Ключевые слова: когнитивная грамматика, чувственная контекстуализированность, наблюдатель, вид, время.

Обычные дескриптивные и педагогические грамматики, толкующие значение различных грамматических явлений на основе так называемых семантических категорий, часто не помогают пролить свет на загадку функционирования тех же артиклей или глагольных форм. А уж что касается опоры на родной язык в объяснении явлений другого языка, то об этом вообще не приходится говорить, так как такой опоры попросту нет – особенно учитывая тот факт, что в вузах все большее предпочтение отдается аутентичным учебным пособиям, изданным в Англии или Америке. Вместе с тем – и это тоже факт – в зарубежных университетах при приеме на работу преподавателей английского языка как иностранного предпочтение обычно отдается тем, для кого английский не является родным языком.

Логика здесь простая: тот, кто сам овладел иностранным языком, лучше сможет учесть и помочь преодолеть трудности, возникающие у студентов в процессе обучения. И если родной язык студентов тот же, что и у преподавателя, преподаватель может весьма эффективно организовать учебный процесс, опираясь на собственный опыт овладения иностранным языком и преодоления трудностей, вызванных существенными межъязыковыми различиями. Если к тому же он будет еще и опираться на современные достижения в области исследования языка как когнитивной деятельности, многие так называемые трудности, с которыми сталкиваются студенты, окажутся трудностями мнимыми и легко преодолимыми. Но для этого нужно хорошо понимать, зачем вообще в языке нужны такие категории, как, скажем, время и вид, чтобы доходчиво и просто объяснить принципы функционирования соответствующих форм. Такое понимание дает когнитивный подход к языку как деятельности, укорененной в чувственном опыте [1].

Трудности мнимые и настоящие

Любой, говорящий на русском языке как родном, знает, что времен — три, поэтому, начав изучать английский и узнав, что там времен двенадцать, студент оказывается в состоянии недоумения, которое нередко остается с ним на всю жизнь, препятствуя функциональному овладению глагольной грамматикой. Но если задать вопрос, а какие же еще есть в английском языке времена помимо настоящего, прошедшего и будущего, окажется, что ответить на него положительно невозможно – потому что то, что принято называть «временами», на самом деле не времена, а видовременные формы (см. табл. 1), которые в грамматиках классифицируются весьма непоследовательно.

Название любого из двенадцати английских «времен» начинается с одного из трех слов: Present, Past, Future. Есть четыре вида настоящего, четыре вида прошедшего и четыре вида будущего, которые известны как Simple, Progressive, Perfect и Perfect Progressive. Термин «simple tense» (в американской грамматической традиции) указывает на формальный принцип классификации: форма простая, потому что состоит из инфинитива, к которому может

добавляться суффикс. Речь идет о морфологических формах настоящего и прошедшего времени. Хотя в теоретических грамматиках will + Infinitive не рассматривается как видовременная форма (tense), функционально эта конструкция тем не менее входит в систему выражения видовременных отношений, поэтому ее можно рассматривать как условно простую форму – особенно в случаях нейтрализации модального оттенка в значении глаголов will и shall в клинике 'll. Но, сказав «А», грамматики не говорят «Б» и не называют остальные формы сложными, хотя они и состоят из двух и более слов. Аналогичным образом, в британской традиции простые формы называют «неопределенными» («indefinite tense»), но понятие неопределенности применительно к этим формам не раскрывается, так же как нет и противоположного понятия и соответствующего ему термина «определенная форма» («definite tense»). Часто встречающееся в грамматиках утверждение, что неопределенная форма употребляется тогда, когда время действия или события не определено или не оговорено, не соответствует действительности, что хорошо показывает следующий пример: He arrived in London at exactly 11 a.m. on the 28th of May, 1982.

Таблица 1

Простые и сложные формы английского глагола в активном залоге

TENSE	Simple/ Indefinite	[Complex?]/ [Definite?]		
		PROGRESSIVE be + Ving	PERFECT have + Ven	Характер взаимодействия
Present	I fly	I am flying	I have flown	I have been flying
Past	I flew	I was flying	I had flown	I had been flying
Future	I'll fly	I'll be flying	I'll have flown	I'll have been flying

В системе видовременных форм русского языка аналогичная картина. Если взять парные глаголы движения типа идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать и т. п., относящиеся к старейшему пласту лексики и имеющие одинаковое лексическое, но различное грамматическое значение (которое в ортодоксальной русистике, как это ни странно, остается необъясненным), то форм окажется практически столько же, сколько и в английском (см. табл. 2).

Таблица 2

Простые и сложные формы русского глагола в активном залоге

ВРЕМЯ	Неопределенный ¹ вид	Определенный вид		
		1	2	3
Настоящее	Я хожу летаю	Я иду лечу	-	Я (по)хаживаю (по)лётываю
Прошедшее	Я ходил летал	Я шел летел	Я сходил слетал	Я хаживал лётывал
Будущее	Я буду ходить летать	Я буду идти лететь	Я схожу слетаю	Я буду (по)хаживать (по)лётывать

1. Парные глаголы типа лететь – летать в русской грамматической традиции абсолютно необоснованно относят к одному виду (НСВ), игнорируя тот факт, что они образуют классическую морфологическую оппозицию, выражающую грамматическое значение [3]. Предлагаемые термины «неопределенный» и «определенный» объясняются в разделе «Когнитивный подход к времени и виду».

Строго говоря, если согласиться с тем, что в английском языке времен – двенадцать, то следует говорить, как минимум, об одиннадцати временах в русском. Но мы почему-то этого не делаем. Почему? Да потому, что мы прекрасно понимаем, что (с точки зрения формальной грамматики) ходил, шел, сходил и хаживал – формы прошедшего времени, точно так же, как говорящий на английском языке понимает, что I work, I am working, I have worked и I have been working – все формы настоящего времени. Получается, что трудность, связанная с количеством временных форм в двух языках, – трудность мнимая. Настоящая трудность в другом: не задумываясь, какой из парных русских глаголов выбрать в той или иной ситуации, русскоговорящий студент, как правило, не может объяснить механизм выбора.

Как это ни покажется странным, главную, настоящую трудность в овладении английскими «временами» представляют не столько особенности функционирования английских глагольных форм как таковых, сколько те метаязыковые знания, которые студенты приобрели на уроках русского языка в общеобразовательной школе. Ортодоксальная грамматическая теория в русистике навязывает учащимся знание о формах и функциях русского глагола (таких, например, как видовременные и залоговые формы), которое имеет весьма отдаленное отношение к пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе их системного, то есть определяющего особенности функционирования грамматического значения [2,3,4]).

Когнитивный подход к времени и виду

Не останавливаясь подробно на критике ортодоксальной грамматической теории, рисуем вкратце подход к категориям глагольного времени и вида в рамках разработанной автором когнитивной теории [5–7] и основанной на ней методике обучения английскому языку [8–10]. С помощью категории времени человек делит весь окружающий его мир на три сферы опыта:

1) опыт, непосредственно входящий в сферу воспринимаемой чувствами и осознаваемой действительности, или настоящее (present, от лат. praesens 'то, что перед чувствами');

2) опыт, сохраняющийся как память о том, что прошло «мимо» наших чувств, или прошлое (past);

3) опыт, который предсказывается на основании имеющихся знаний, или будущее (future).

Здесь очень важно усвоить, что, в отличие от английского языка, в русском нет однозначного соответствия между этими понятиями и так называемыми формами глагола. Рассмотрим в качестве примера следующую ситуацию. Папа некоторое время назад уехал в командировку. Вова в своей комнате учит уроки, мама на кухне готовит ужин. Раздается звонок в дверь. Мальчик открывает и при виде отца радостно сообщает: «Мама, папа приехал!» Согласно орто-

доксальной грамматике, приехал в данном случае – форма прош. вр. СВ, обозначает действие, имевшее место в прошлом и завершившееся к моменту речи.

Это традиционный подход, к которому все привыкли, потому что он не мешает жить говорящим на русском языке как родном – тем более что это знание, которым никто из нас никогда на практике не пользуется. Мы все усвоили родной язык, включая грамматику, в младенческом возрасте, то есть, когда еще и понятия не имели ни о времени, ни о виде, ни о других «тонкостях» грамматической науки. Но при изучении английского языка такой подход нас перестает устраивать, так как не позволяет соотнести наше металингвистическое «знание» о родном языке с тем, что находим в английском. Когнитивный же подход ориентирует на то, чтобы ответить на вопрос: «А что именно сообщает мальчик маме?» В этом случае его восклицание интерпретируется так: «Я вижу папу. С некоторого момента в прошлом я его не видел, так как он уехал в командировку. Теперь он снова здесь, значит, он приехал/вернулся» (вывод, основанный на фоновых знаниях мальчика).

Другими словами, смысл восклицания мальчика таков: «Папа снова дома! (я его снова вижу)». Но ведь это самое настоящее НАСТОЯЩЕЕ! И в английском языке, где соответствие между временными понятиями и временными формами глагола гораздо более последовательное, чем в русском, будет, конечно же, употреблена форма настоящего времени. Другой вопрос, какая из четырех возможных – Simple, Progressive, Perfect или Perfect Progressive? И здесь на помощь приходит правильное (то есть когнитивное) понимание категории вида.

С помощью категории вида человек разграничивает знания по их источнику: мы знаем о чем-то, потому что видели (слышали, ощущали и т. п.) это сами. И мы знаем о чем-то, потому что это знание было передано нам в готовом виде (кто-то сказал, прочитали об этом, узнали в школе и т. п. – возможности здесь самые разнообразные). Во многих языках мира это противопоставление категоризируется на уровне морфологии как эвиденциальность [11]. Это различие очень важно, и в повседневной деятельности мы все время учитываем его на подсознательном уровне. Всем хорошо известна пословица: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Смысл ее в том, что увиденное воочию, как правило, не подвергается сомнению, тогда как знание, полученное из чужих рук (точнее, из чужих уст), не всегда обязательно достоверно.

В этой связи посмотрим, что получится, если в приведенной выше ситуации мальчик вместо глагола СВ употребит глагол НСВ: «Мама, папа приезжал!» Хотя формально это высказывание грамматически правильное, в нашей ситуации оно не может быть употреблено, потому что «так не говорят». А не говорят так потому, что *при-*

езжал не содержит в себе указания на то, что в момент высказывания мальчик видит папу; напротив, сообщается, что сейчас в этом месте папы нет, тогда как форма *приехал* такое указание содержит. Если мы вернемся к табл. 2, то увидим, что именно такое различие в значении содержится в парах типа *ехать – ездить*: в прототипическом случае одна форма указывает на текущее восприятие действия, тогда как в другой такое указание отсутствует. Текущее восприятие подразумевает, что имеется *идентифицируемый* наблюдатель – тот, кто видит (слышит и т. п.), то есть источник информации о сообщаемом *определен*. Отсутствие же указания на наблюдателя ведет к тому, что источник информации остается неопределенным – что и схвачено (по-видимому, чисто интуитивно) термином «indefinite tense».

Отличие русского языка от английского состоит в том, что в русском подобного рода смысловые различия, как правило, передаются не специальными формами глагола, как в случае парных глаголов, а контекстом. Ср. следующие примеры: *Иван курит, несмотря на предостережения врачей; Смотри, Иван снова курит, несмотря на предостережения врачей*. В первом случае речь идет о том, что мы знаем об Иване, при этом вовсе не обязательно, чтобы Иван находился у нас перед глазами — он вообще может быть в другом городе, даже в другой стране. Во втором случае речь идет о том, что мы непосредственно наблюдаем — на это прямо указывает глагол *смотри*. В английском же языке все гораздо проще, потому что там эти смысловые различия передаются специальными (видовыми) формами глагола — Simple и Progressive соответственно. Отметим попутно, что термин вид происходит от глагола видеть, который этимологически связан с лат. *videre* ‘видеть’ и греческим *eidos* ‘то, что видимо’, и переводом которого является английский термин ‘aspect’.

Итак, каждый раз, когда мы говорим, мы говорим либо о том, что знаем (не уточняя источник информации грамматическими средствами), либо о том, что наблюдаем (выбирая форму, в которой грамматизировано указание на наблюдателя). Противопоставление «DEFINITE÷INDEFINITE (source of information)» образует основу видового противопоставления как грамматической категории глагольного слова. Но это не вся история: ситуации, когда мы говорим о том, что мы непосредственно наблюдаем, могут существенно различаться в зависимости от того, что именно мы видим (слышим и т. п.). Когда я говорю: *Смотри, Иван снова курит*, я имею возможность наблюдать сам процесс курения, и в этом случае нужно употребить форму Progressive. Если же на мой вопрос, почему у Ивана зеленое лицо, мне говорят: *Он выкурил три сигареты подряд*, то в этом случае мне сообщают, что то, что я вижу, есть следствие (*наблюдаемый признак*) совершенного Иваном действия, хотя самого действия я не наблюдаю. Для выражения этого когнитивного смысла в

английском языке существует своя, специальная форма глагола – Perfect. Эта форма употребляется тогда, когда мы сравниваем то, что видим, с тем, что было до этого, и на основании этого сравнения делаем определенный вывод, основанный на фоновых знаниях.

Наконец, возможны случаи, когда мы говорим о непосредственно наблюдаемом действии, и при этом одновременно сравниваем то, что мы видим сейчас, с тем, что видели в какой-то момент (или моменты) до этого. Например, я вижу, что Иван сейчас курит (ну, не понимает он, что тем самым гробит свое здоровье), но я также видел его курящим и до этого, в течение всего дня, то есть я могу сказать: *Иван сегодня курит весь день*. В таком случае происходит объединение двух форм, выражающих разные когнитивные смыслы, и мы получаем очень не любимую многими студентами форму Perfect Progressive. Хотя на самом деле это не просто, а очень просто.

Perfect Progressive может употребляться даже тогда, когда само действие в момент высказывания не наблюдается – если присутствуют наблюдаемые признаки, тесно связанные с ним во времени. Например, если мама, встречая Ивана, чувствует исходящий от его одежды запах табачного дыма и спрашивает: *Ты опять куришь?* – она задает вопрос, отталкиваясь от того, что она воспринимает в момент речи (в данном случае запах говорит о том, что Иван курил совсем недавно), и сравнивает это с уже имевшей место ситуацией курения (на что указывает наречие *опять*).

«Раз, два, три – форму выбери»

«Нет ничего практичнее хорошей теории», – утверждал шведский химик Ян Берцелиус. Разработанная автором когнитивная теория времени и вида обладает тем преимуществом, что она позволяет увидеть принципиальное сходство в устройстве соответствующих грамматических категорий в типологически разных языках. Значения возникают из взаимодействий человека со средой и с другими, они контекстуализируются чувственным опытом, и многое из того, что говорится людьми, прямо или косвенно зависит от их восприятия ситуации, в которой они находятся. Чувственно-опытная контекстуализированность значения большинства грамматических категорий – неважно, о каком языке идет речь, – позволяет проводить важнейшее различие между двумя типами знания: знанием «из первых рук», или опытным (феноменологическим) знанием, и знанием опосредованным, отвлеченным от своего источника, представляющим как часть существующей структуры знания (структуральным знанием).

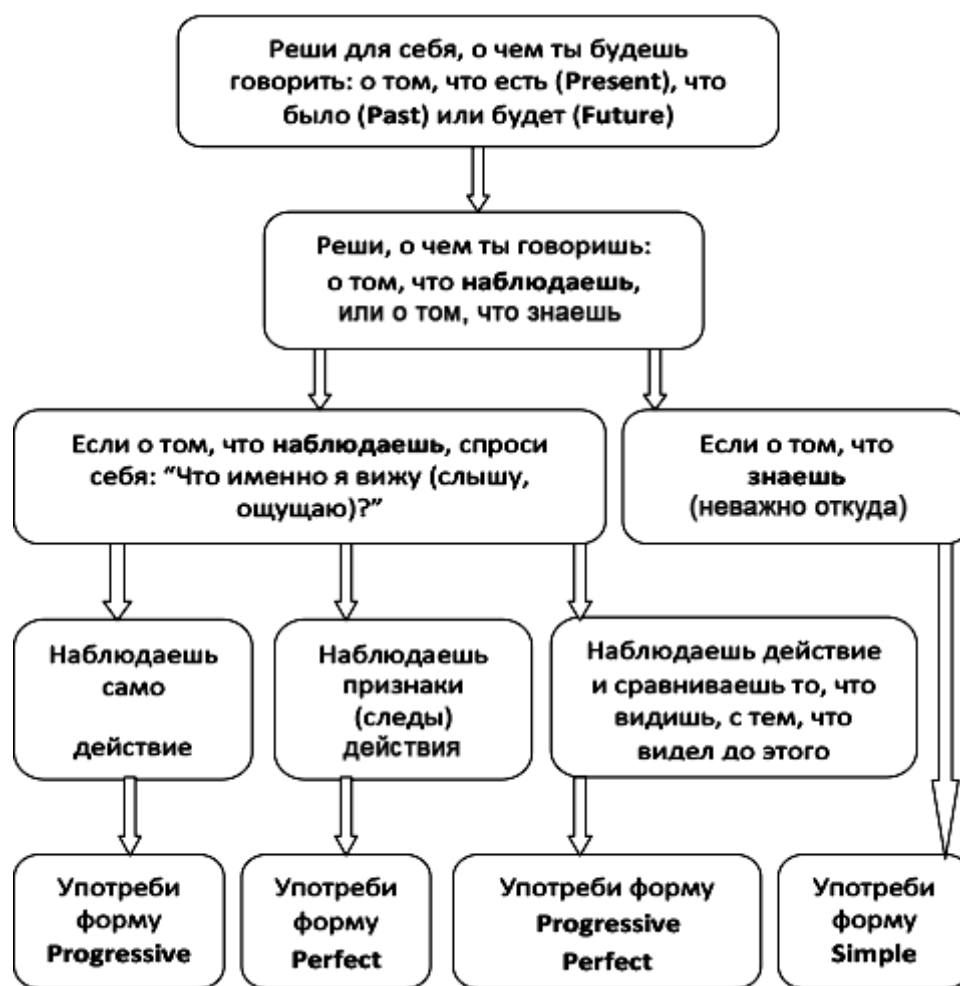
Предлагаемый когнитивный подход в обучении английской грамматике позволяет увидеть, что между видовременными формами английских и русских глаголов нет принципиальных различий функционального характера. Другими

словами, системы глагольных форм в двух языках устроены и функционируют аналогичным образом. Для того чтобы понять, как функционируют английские глагольные формы, нужно просто понять – на уровне рационального осмысления, – чем определяются особенности функционирования глагольных форм в русском языке. Именно такое понимание дает когнитивная теория времени и вида, позволяющая сфор-

мулировать простой алгоритм выбора той или иной формы глагола в дискурсе (рис. 1), чего, к сожалению, не способны сделать традиционные грамматики. Использование данной методики автором и его учениками и коллегами на протяжении 20 лет в образовательных учреждениях различных уровней показало ее высокую эффективность, намного превосходящую существующие традиционные методики.

Рис. 1

Алгоритм выбора видовременной формы

Список литературы

1. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1996а.
2. Кравченко А. В. О когнитивной неэквивалентности активных и пассивных конструкций (к проблеме категории залога) // Филологические науки. 1992. № 1. С. 99–110.
3. Кравченко А. В. Глагольный вид и картина мира // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т.54. № 1. С. 49–64.
4. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.
5. Кравченко А.В. К когнитивной теории времени и вида // Филологические науки. 1990. № 6. С. 81–90.
6. Kravchenko, A.V. A cognitive account of tense and aspect: resurrecting "dead" metaphors. *Anglophonia. French Journal of English Studies*, 2002, no.12, pp. 199–212.

7. Kravchenko A.V. Cognitive Grammar and EFL Methodology: The Case for "Tenses». Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 14. Владикавказ, 2012. С. 343–358.
8. Кравченко А. В. Лингводидактический аспект когнитивного подхода к грамматике. Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. Ч. 1. Мат-лы 1-й Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998. С. 122–125.
9. Кравченко А. В. Время разобраться с временами, или как усвоить систему английских времен // Иностранные языки в школе. 2002. № 5. С. 69–71, 116.
10. Кравченко А. В. (ред.). Английский глагол: Новая грамматика для всех (3-е изд., испр. и доп.). Иркутск: БГУЭП, 2010.
11. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality. Buffalo Working Papers in Linguistics, 1987, vol. 87, pp. 123—179.

Об авторе

Кравченко Александр Владимирович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета экономики и права, Научная специализация: когнитивная лингвистика, теория языка, семиотика, биология познания. E-mail: sashakr@hotmail.com

COGNITIVE GRAMMAR IN AN ENGLISH CLASSROOM, OR, HOW TO MAKE LIFE FOR RUSSIAN STUDENTS EASIER

A.V. Kravchenko

Baikal National University of Economics and Law, ulitsa Lenina, 11, Irkutsk, 664003, Russia.

Abstract: *Every EFL teacher who teaches native speakers of Russian knows that the main roadblocks encountered in the classroom pertain to acquisition of articles, prepositions, and grammatical forms of the verb. With regard to articles, the situation is clear: as there are none in Russian, the student needs to understand their role and function in English. It's a bit different with prepositions: even though there are prepositions in Russian, their number and usage in English very often cause confusion. Finally, as far as the so-called tenses go – which are, in fact, tense-aspect forms – many students experience difficulties in developing necessary skills for a simple reason. Being used to the three tenses in Russian (the present, the past, and the future), they are often incapable of understanding the organizational and functional logic of a system which comprises twelve forms in the active voice. With this in mind, the problem of tense acquisition is shown to be rooted in inadequate metalinguistic knowledge pertaining to the meaning and function of the categories of tense and aspect in Russian. Since cognitive structures underlying these grammatical categories are grounded in perceptual experience and are similar in both languages, a cognitive approach, by using the native language as scaffolding, allows the student to benefit from a simple algorithm for choosing a tense in discourse. This radically facilitates grammar acquisition, eliminating many imaginary difficulties. The described approach to instructed tense–aspect acquisition has been successfully used by the author and his disciples and colleagues in educational institutions of different levels for over twenty years, proving to be much more efficient than traditional techniques.*

Keywords: cognitive grammar, perceptual groundedness, observer, aspect, tense.

References

1. Kravchenko, A.V. Jazyk i Vosprijatije: Kognitivnyje aspekty jazykovoj kategorizatsii [Language and Perception: Cognitive aspects of linguistic categorization]. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1996a.
2. Kravchenko, A.V. O kognitivnoj neekvivalentnosti aktivnykh i passivnykh konstruksij (k probleme kategorii zaloga) [On cognitive non-equivalence of active and passive constructions (the category of voice revisited)]. Filologicheskiye Nauki – Philological Studies, 1992, no. 1, pp. 99-110 (in Russian).
3. Kravchenko, A.V. Verbal aspect and the world view. Izvestija Rossijskoj Akademii Nauk. Serija literatury i jazyka – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series, 1995, vol. 54, no. 1, pp. 49-64 (in Russian).
4. Kravchenko, A.V. Cognitive structures for space and time in natural language. Izvestija Rossijskoj Akademii Nauk. Serija literatury i jazyka – Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series, 1996b, vol. 55, no. 3, pp. 3-24 (in Russian).
5. Kravchenko, A.V. Toward a cognitive theory of tense and aspect. Filologicheskiye Nauki – Philological Studies, 1990, no. 6, pp. 81-90 (in Russian).
6. Kravchenko, A.V. A cognitive account of tense and aspect: resurrecting "dead" metaphors. Anglophonia. French Journal of English Studies, 2002, no. 12, pp. 199-212.
7. Kravchenko, A.V. Cognitive grammar and EFL methodology: The case for "tenses". Aktualnyje Problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Topical Problems in Philology and Pedagogical Linguistics. Vladikavkaz: North Ossetia University Press, 2012, vol. 14, pp. 343-358.
8. Kravchenko, A.V. Lingvodidakticheskij aspekt kognitivnogo podkhoda k grammatike [Cognitive approach to grammar from a pedagogical perspective]. Kognitivnaja lingvistika: sovremennoje sostojanije i perspektivy razvitija [Cognitive Linguistics: Status quo and development prospects. Proc. 1st Int. workshop on cognitive linguistics]. Tambov University Press, 1998. Part 1, pp. 122-125.
9. Kravchenko, A.V. Vremja razobratsja s vremenami, ili kak usvoit' sistemu anglijskikh vremen [Time to get a grip on tenses, or, how to master the English tense system]. Inostrannyje jazyki v shkole – Foreign Language in School, 2002, no. 5, pp. 69-71, 116.
10. Kravchenko, A.V. (ed.). Anglijskij Glagol: Novaja grammatika dlja vseh [The English Verb: A new grammar for everyone] (3rd ed., corrected and revised). Irkutsk: BNUEL Press, 2010 (in Russian).
11. Willett, T. A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality. Buffalo Working Papers in Linguistics, 1987, vol. 87, pp. 123-179.

About the author

Alexander V. Kravchenko – Doctor of Philology, Professor and Chair, Department of Foreign Languages, Baikal National University of Economics and Law. Scope of interests: cognitive linguistics, linguistic theory, semiotics, biology of cognition. E-mail: sashakr@hotmail.com

СТРАТЕГИИ РАВНОСТАТУСНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.В. Барышников

Пятигорский государственный лингвистический университет. Россия, 357500, Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Цель настоящей статьи – аргументировать профессиональный тип межкультурной коммуникации, обосновать его важнейшую отличительную черту – равностатусность, представить некоторые стратегии равностатусной межкультурной коммуникации. В этой связи в настоящей статье:

– обоснованы профессиональная межкультурная коммуникация и равностатусность как ее неотъемлемая характерная черта;

– представлены авторские стратегии равностатусной межкультурной коммуникации: а) рабулистические стратегии коммуникативной атаки; б) эристические стратегии коммуникативной самозащиты;

– приведены гипотетические образцы взаимодействия отдельных стратегий атаки и самозащиты: комплимент – остроумный ход; блеф – экспромт; негативный императив – трансформация негативного императива в позитивный интерактив;

– доказано, что для успешной межкультурной коммуникации партнеры в одинаковой мере должны владеть стратегиями коммуникативных атак и коммуникативной самозащиты.

Овладение специалистами в сфере международных отношений стратегиями атак и самозащиты обеспечивает профессиональную межкультурную коммуникацию – равностатусную по форме и высокорезультативную по содержанию.

Ключевые слова: профессиональная межкультурная коммуникация, равностатусность, стратегии атаки, стратегии самозащиты.

По критерию целеполагания определена межкультурная коммуникация, которая представляет собой процесс вербального взаимодействия профессионально подготовленных специалистов – представителей различных языков и культур, цель которого – урегулирование международных конфликтов, консультации, обсуждение вопросов, имеющих глобальное, региональное, корпоративное значение (в зависимости от ранга участников). Подготовка специалистов данного профиля осуществляется в таких направлениях ВПО, как «международные отношения», «регионоведение», «теория и практика межкультурного общения», «перевод и переводоведение».

Профессиональная межкультурная коммуникация зарубежных партнеров с представителями российской культуры представляет собой диалог на их родном языке с их российскими омологами, также получившими соответствующую квалификацию и овладевшими на оперативном уровне двумя-тремя иностранными языками. Таким образом, для одного из участников (инофона) язык общения является родным, а для другого (российского участника) хотя и освоенным до коммуникативно-достаточного уровня, но все же иностранным.

Данное обстоятельство является основополагающим в изучении феномена профессиональной межкультурной коммуникации, так как уровень владения языком общения обуславливает выбор стратегии межкультурного взаимодействия. Нам не удалось, однако, обнаружить ни одной крупной работы, в которой рассматривался бы вопрос языка общения межкультурной коммуникации. В то же время многие авторы, воспринимая как должное реализацию межкультурной коммуникации с представителями российской культуры исключительно на родном языке их иностранных партнеров, настоятельно рекомендуют будущим международникам, специалистам по межкультурной коммуникации, овладевать речеповедческими стратегиями потенциальных партнеров. Некоторые авторы выступают за подражание коммуникативному поведению инофонного партнера, за инкорпорацию в его культуру.

Подобные рекомендации, по нашему мнению, не соответствуют целям профессиональной деятельности будущих специалистов в сфере международных отношений. Они адресованы, как нам представляется, лицам, желающим сменить постоянное место жительства, то есть потенциальным эмигрантам, которым необходимо как можно скорее адаптироваться к новой культуре. Условия профессиональной деятельности международных партнеров таковы, что им не нужно и даже вредно маскироваться под носителя иной культуры, так как они в межкультурном диалоге являются полномочными представителями своей страны, равноправными партнерами равностатусного диалога.

Важнейшим требованием к профессиональной межкультурной коммуникации является ее равностатусность, предусматривающая полное равенство прав партнеров. «Статус» – слово ла-

тинского происхождения и обозначает правовое положение. Соответственно равностатусная коммуникация понимается нами как общение представителей различных языков и культур, уравненных в правах. Общение на родном языке инофонных партнеров обеспечивает им объективные и субъективные приоритеты, что в известной мере снижает равностатусность межкультурного диалога.

Значительный ущерб межкультурной коммуникации наносится использованием всевозможных приемов, трюков, ловушек, манипуляций, специальных технологий. И если один из партнеров пользуется манипулятивными стратегиями, а другой ведет честный, бесхитростный диалог, такую межкультурную коммуникацию неправомерно квалифицировать как равностатусную. Изложенное позволяет утверждать, что высокий уровень владения иностранным языком не гарантирует успешной межкультурной коммуникации. В условиях жесткого общения, характерного для сегодняшнего этапа развития цивилизации, когда прав тот, кто сильнее и хитрее, владение грамматически правильной речью и даже красноречием на иностранном языке оказывается недостаточным.

Специалисты по межкультурной коммуникации нового поколения должны владеть манипулятивными стратегиями общения, которые обеспечивают и равностатусность диалога, и лидирующее положение в нем. Нельзя больше не обращать внимания на отсутствие открытости и готовности к равностатусному межкультурному диалогу инофонных партнеров. Многие из них, убежденные в своей всегдашней правоте, все чаще, к сожалению, исповедуют правило: «*Ne fais pas ce que je fais, fais ce que je dis*» – не делай того, что я делаю, делай то, что я говорю.

Альтернативой манипулятивным стратегиям межкультурной коммуникации являются симметричные или зеркальные стратегии, для которых характерны взаимные уступки, доброжелательность, корректность. Какой же вектор развития эффективной межкультурной коммуникации предпочтительнее – овладение специалистами по межкультурной коммуникации стратегиями симметричного взаимодействия или манипулятивными стратегиями межкультурной коммуникации? Изначально мы полагали, что профессиональную межкультурную коммуникацию можно перевести на неманипулятивные рельсы. Был даже подготовлен «Кодекс чести специалиста по межкультурной коммуникации».

Однако в процессе дальнейшего исследования стратегий профессиональной межкультурной коммуникации мы пришли к обоснованному выводу о том, что «Кодекс чести» не будет востребован в практике межкультурного взаимодействия, в которой господствуют принципы, правила и установки черной риторики. В соответствии с ними «магическая сила языковых средств заключается в умении аргументировать и дискутировать, акцентировать, пропагандиро-

вать и вести спор так, чтобы говорящий всегда одерживал верх всеми правдами и неправдами» [2, с. 12].

Современный специалист по межкультурной коммуникации должен виртуозно владеть не только стратегиями равностатусной коммуникации, то есть уметь обеспечивать и удерживать коммуникативный баланс, но и виртуозно владеть стратегиями победителя в профессиональном межкультурном диалоге. Для этого требуется овладение специальными стратегиями коммуникативных атак и коммуникативной самозащиты [1].

Стратегии атаки мы определили как рабулистические от латинского слова «рабулистика» – «пустой, крикун, пустозвон», означающее, по К. Бредемайеру, искусство изолированной аргументации, позволяющее выставить предмет обсуждения или чьих-либо мыслей в нужном свете, не всегда соответствующем действительности. Стратегии самозащиты названы эристическими от греческого слова «эристика», означающее технику, метод и мастерство ведения спора, владение приемами неопровержимой аргументации, позволяющих одержать принципиальную победу в споре [2, с. 12].

Рабулистические стратегии коммуникативных атак основаны на манипуляциях, уловках и трюках и используются для того, чтобы создать для себя наиболее благоприятные и, наоборот, для партнера неприемлемые условия общения. В числе стратегий коммуникативных атак и адекватных ответных реакций на них в виде стратегий коммуникативной самозащиты далее рассмотрены следующие диады стратегий:

- комплимент – остроумный ход;
- блеф – импровизация (экспромт);
- негативный императив – трансформация негативного императива в позитивный интерактив.

Как ни парадоксально, но факт, что представители различных культур при всем своеобразие менталитетов одинаково реагируют на комплимент и лесть, поскольку эгоцентризм, как выяснилось, является феноменом интернациональным. Безусловно, имеются национально-культурные особенности комплимента и его восприятия, тем не менее прагматическое значение комплимента практически во всех культурах сводится к выражению восхищения собеседником: «Я хочу, чтобы тебе было приятно» («I want you to feel good») [3]. В профессиональной межкультурной коммуникации комплимент может быть использован как стратегия коммуникативной атаки, поскольку он позволяет партнеру почувствовать свою значимость. Под воздействием комплимента нередко происходит раздвоение сознания малоопытного участника межкультурной коммуникации. С одной стороны, он понимает, что слышит комплимент, а с другой – на подсознательном уровне укрепляется во мнении, что партнер не кривит душой.

Осыпанный комплиментами партнер становится уступчивее, лояльнее, потому что комплимент ориентирует на положительные эмоции. Однако любой перегиб с комплиментом может привести к коммуникативной неудаче. Поэтому

следует руководствоваться правилами реализации рабулистической стратегии атаки «комплимент»:

- комплимент должен содержать хотя бы незначительную долю той положительной черты, на которой он построен;
- в комплименте должно быть полностью исключена двусмысленность;
- не должно быть сильного преувеличения достоинств партнера, отраженных в комплименте;
- комплимент не должен быть дидактичен, то есть не должен содержать советов, наставлений, нравоучений.
- комплимент должен быть неожиданным, метким, слегка оглушительным.

Опытный коммуникант, услышав от своего партнера по всем правилам сделанный комплимент, должен насторожиться и мгновенно выбрать из своего ментального арсенала одну из коммуникативных заготовок самозащиты, наиболее подходящую для конкретной ситуации. Ответной реакцией на стратегию атаки «комплимент» могут быть несколько стратегий самозащиты, названия которых говорят сами за себя: коммуникативный бумеранг, молчание, коммуникативная находчивость, остроумный ход.

Стратегия «остроумный ход» – эристическая стратегия самозащиты, цель которой – показать партнеру-инициатору рабулистической стратегии «комплимент», что смысл его «изысканных комплиментов» вполне ясен. Приведем гипотетический пример взаимодействия стратегии коммуникативной атаки «комплимент» и стратегии коммуникативной самозащиты «остроумный ход».

Дорогой коллега!	Помилуй Бог! Вы,
Ваша улыбка просто	что, вооружены? А я
обезоруживает.	работаю на доверии.
Общаясь с вами,	Уверю вас, можно
можно многому науч-	многому научиться, не
иться!	общаясь со мной.

Блеф – универсальная стратегия, которая используется как для атаки, так и для самозащиты. В обоих случаях непременным условием успешности реализации стратегии «блеф» является создание благоприятного впечатления. И чтобы не потерпеть коммуникативного фиаско, блеф как стратегия атаки должен быть виртуозно исполненным. К. Бредемайер настоятельно дает рекомендацию, которая вполне релевантна к условиям межкультурного профессионального диалога: «Блефуйте, если того требуют обстоятельства. Удачный блеф лучше, чем мучительное поражение» [2, с. 95]. Как это ни парадоксально, но умение виртуозно блефовать можно отнести к числу профессиональных умений специалиста по межкультурной коммуникации. Стратегия атаки «блеф» создает дискомфортную ситуацию партнеру, который не успел перехватить инициативу в межкультурном диалоге.

Ответной реакцией на стратегию атаки является импровизация (экспромт). Если одному из партнеров стало очевидно, что его собеседник блефует, последнему следует незамедлительно воспользоваться стратегией самозащиты «экс-

промт». Лучший экспромт, как известно, это хорошо продуманный заранее, который готов в любой момент сорваться с уст в виде атакующей тирады. Защитная функция экспромта заключается в меткой реплике или в заранее заготовленной удачной цитате, которая, по словам К. Бредемайера, «в нужное время дорожке золота» [2, с. 27]. Не менее существенна также своевременность реакции на блеф. Основным индикатором блефа является безмерное восхваление партнера, преувеличение его заслуг, намеки на загадочные действия и их невероятную результативность.

Стратегия атаки «негативный императив» – стратегия – «трансформация негативного императива в позитивный императив». Негативный императив – изолированная агрессивная рабулистическая стратегия атаки, которая используется в особо затруднительных ситуациях. Чтобы оказать мощное влияние на партнера по межкультурной коммуникации императивными заявлениями, им следует придать черную окраску. Для этого используются соответствующие лексические средства. К стратегии атаки «негативный императив» партнер прибегает в тех случаях, когда он осознает, что его шансы на успешные переговоры минимальные.

Стратегия «негативный императив» эффективна, если ее исполнение виртуозно, если ее инициатор на самом деле императивен и делает свои заявления подчеркнуто торжественно, подбирая «слова-убийцы» [К. Бредемайер]. Данная стратегия используется для того, чтобы получить некую моральную сатисфакцию от неудачных результатов межкультурного диалога.

Ответом на стратегию атаки «негативный императив» является эристическая стратегия самозащиты «трансформация негативного императива в позитивный интерактив», которая заключается в двух действиях: а) нейтрализация негативного императива, б) замена его на позитивный интерактив. Вербальными средствами ее реализации являются ответные позитивные реплики, которые начинаются такими словами, как «напротив», «как раз наоборот», «полная противоположность того, что вы сказали», «это ошибочная точка зрения» и т.п.

Таким образом, овладение специалистами в сфере международных отношений стратегиями атак и самозащиты обеспечивает профессиональную межкультурную коммуникацию – равноставную по форме и высокорезультативную по содержанию.

Список литературы

1. Барышников Н.В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации: учебник. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2013. 368 с.
2. Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова; пер. с нем., 5-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 184 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Об авторе

Барышников Николай Васильевич – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета. E-mail: baryshnikov@pglu.ru

STRATEGIES OF EQUAL STATUS INTERCULTURAL COMMUNICATION

N.V. Baryshnikov

Pyatigorsk State Linguistic University, 9, Prospect Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russia.

Abstract: *This article is aimed at arguing a professional type of intercultural communication, at substantiating status equality as a paramount distinctive feature of professional intercultural communication and also at presenting some of the strategies associated with it.*

Thereupon, in the article:

– the notion of professional intercultural communication is validated and its integral part – status equality - is grounded,

– original strategies of equal status intercultural communication are presented, some of which include: rabulistic strategies of communicative attack, eristic strategies of communicative self-defense,

– hypothetical interaction patterns of certain strategies are described, including: compliment - witty remark pattern, bluff - improvisation pattern, negative imperative - negative imperative transformation pattern,

– the hypothesis is proved that for successful intercultural communication to take place, the partners must be equally aware of the communicative attack and self-defense strategies.

Acquiring and mastering the communicative attack and self-defense strategies enables specialists in international relations to participate in equal status intercultural communication the content of which is characterized by high effectiveness.

Key words: professional intercultural communication, status equality, communicative attack strategies, self-defense strategies.

References

1. Baryshnikov N.V. Osnovy professional'noj mezhkul'turnoj kommunikacii: uchebnik. [The Essence of Professional Intercultural Communication.]. M.: Vuzovskij uchebnik: INFRA-M, 2013. 368 s.
2. Bredemajer K. Chernaja ritorika: Vlast' i magija slova; per. s nem. 5-e izd. [Black Rhetoric: The Power and Magic of Language] M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 184 s.
3. Larina T.V. Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij [The category of politeness in the English and Russian communicative cultures]. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 512 s.

About the author

Nikolay V. Baryshnikov – doctor in Philology, professor, the head of the department of the theory and technique of training of cross-cultural communication of Pyatigorsk state linguistic university. E-mail: baryshnikov@pglu.ru

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА ОНИМОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

М.А. Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В данной статье рассматриваются некоторые лексические особенности немецкого общественно-политического текста, которые могут вызывать определенные трудности при переводе на русский язык. Лексическая система является наиболее динамичным уровнем языка и отражает все изменения окружающего мира. Особое внимание наряду с именами нарицательными и именами собственными уделяется лексическим единицам, образованным в результате процесса деонимизации. Отличительной чертой современного немецкого языка является популярность таких лексем, как выразительные языковые средства, их явно выраженная негативная коннотация, а также потеря соотнесенности с конкретными персоналиями. Изучение онимов и образованных от них апеллятивов может представлять интерес как в прикладных целях, так и с точки зрения лингвокультурологии, так как подобные лексические единицы обычно отражают специфику культурного фона носителей немецкого языка. Процесс деонимизации имен собственных носит универсальный характер и встречается во многих европейских языках. Его изучение в сравнительном отношении становится чрезвычайно актуальным, особенно в условиях глобализации, когда межкультурные контакты приобретают все более важное значение. Имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры, однако если они содержат в себе переосмысленное значение, то могут вызывать непонимание и, как следствие, искаженное восприятие информации. Главной целью занятий по общественно-политическому переводу в вузе является развитие как языковой, так и профессиональной компетенции. Учет в этом процессе лингвистических особенностей, их соблюдение представляется более важным, потому что в конечном итоге позволит выпускникам успешно решать в своей профессиональной деятельности коммуникативные задачи.

Ключевые слова: лексическая система языка, ономастика, общественно-политический текст, деонимизация, перевод, лингвокультурология.

Изменения окружающего мира всегда находят свое отражение в языке, прежде всего в его лексической системе, поскольку она является наиболее динамичным уровнем любого языка и представляет собой наименьшую степень абстракции. Слово всегда предметно ориентировано, оно может заимствоваться или образовываться заново из имеющихся в языке элементов. Основу лексической системы любого языка составляют две основные подсистемы, а именно имена нарицательные или аппеллятивы и имена собственные или онимы. Теоретически ни те, ни другие не представляют для перевода особых трудностей. В одном случае всегда можно обратиться к словарям и справочникам, в другом – опираться на экстралингвистические знания и собственную информированность. Однако практика порой свидетельствует об обратном.

Известно, что в немецком языке одним из основных способов словообразования является словосложение. Благодаря этому возникают сложные существительные, состоящие из нескольких самостоятельных компонентов. Многие образуются ситуативно и, конечно же, не отражаются в словарях. Например, в 2009–2010 гг. довольно часто в немецкой прессе можно было встретить просто пугающие своим размером слова *Wirtschaftswachstumsbeschleunigungsgesetz* или *Wachstumsbeschleunigungsgesetz*. Так немцы назвали Закон об ускорении экономического развития, принятый в рамках поиска решений защиты своей экономики от мирового экономического кризиса. В таких случаях приходится прибегать к описательному методу перевода.

Что касается имен собственных, то при передаче на другой, в частности русский язык, они иногда искажаются. Это можно наблюдать в отношении не слишком распространенных или не совсем типичных для немцев имен. Иногда социал-демократа Штайнбрюка именуют Пером, Питером или Пьером, хотя в действительности его зовут *Peer* (Пеер). В имени министра иностранных дел Германии Вестервелле также допускают ошибку, называя его Гвидо, а не Гидо (*Guido*). Свою лепту, к сожалению, вносят также и журналисты. Ведущий программы «Вести недели» на канале Россия Дмитрий Киселев, уважаемый и компетентный журналист, упорно называет канцлера Германии Ангелой, а не Ангелой Меркель. Такие ляпы вряд ли можно оправдать, в современном переводоведении при передаче имен собственных на другой язык уже давно принято пользоваться методом транскрипции.

Наряду с вышеназванными основными макрогруппами в языке представлены также лексические единицы, которые не могут рассматриваться ни как собственно онимы, ни как собственно аппеллятивы. Это довольно значительная группа лексем, формирующаяся за счет перехода онимов в аппеллятивы. В этом случае речь идет о процессе деонимизации имен собственных, при котором они наполняются новым значением и соотносятся, как правило, с типичной деятельно-

стью именуемого человека или его характерными особенностями. И эта семантическая трансформация представляет особый интерес не только для лингвистики, но и для практики перевода, так как может быть связана с определенными проблемами. Такие лексические единицы не фиксируются в словарях, они всегда контекстуально обусловлены и требуют при переводе на другой язык дополнительных экстралингвистических знаний, а иногда и творческого подхода.

Безусловно, деонимизация может рассматриваться как процесс обогащения словарного состава языка. Этот способ словообразования не является абсолютно новым. Наиболее активно деонимизация проявляется во времена идеологических, культурных и демократических преобразований. Так, в Германии первое появление подобных терминов связывается с развитием в Средние века теологии и позже – с периодами Реформации, Просвещения, индустриальной революции и т.д. Такие слова, как *Thomist*, *Luthertum*, *pasteurisieren*, *boykottieren*, *röntgen* или *morsen*, существуют в немецком языке уже не одно столетие. И сталкиваясь сегодня, например, с терминами *Masochismus*, *Platonismus*, *Kantianer*, *Freudianer*, не каждый среднестатистический житель Германии соотнесет их с конкретными персоналиями. Это является свидетельством того, что слова, считавшиеся когда-то новыми, прочно ассимилировались в языке. Такие лексические единицы, как правило, не представляют трудностей при переводе на русский язык, хотя не всегда передаются теми же частями речи, например пастеризовать, бойкотировать, делать рентгеновский снимок, передавать с помощью азбуки Морзе, мазохизм, учение Платона, приверженец Канта и др.

Следующий свой всплеск деонимизация переживает, пожалуй, на современном этапе развития немецкого языка. И здесь следует говорить не только о способах перехода имени собственного в разряд имени нарицательного, а еще и о коннотативном наполнении таких лексем. Если прежде новые термины образовывались от имен общественных деятелей, ученых или людей, оставивших свой след в истории, то сегодня особой популярностью пользуются политики в основном, конечно, немецкие. Если прежде такие слова, указывая на типичную манеру поведения человека или его изобретение, оставались нейтральными, то сегодня они чаще всего имеют явно выраженную негативную коннотацию.

Огромную роль в развитии процесса деонимизации играют средства массовой информации, потому что именно там впервые появляются новые слова и потому что именно они лучше всего соответствуют стилистическим потребностям языка прессы. Сюда относится, прежде всего, поиск новых выразительных языковых средств, позволяющих кратко и в то же время емко выразить мысль, следствием чего стало довольно свободное обращение с языком, появление многочисленных неологизмов и игры слов. Еще одной причиной популярности таких лексических

единиц являются процессы демократизации и либерализации, когда в центре внимания общества и соответственно языковой картины мира находится человек.

Особенно многочисленную группу среди таких новообразований в современном немецком языке составляют глаголы. Так, например, глагол *schrödern* – от имени бывшего канцлера Германии Герхарда Шредера – указывает на авторитарный стиль поведения. *Merkel schrödert* [2] – Госпожа Меркель слишком авторитарна/ ведет себя авторитарно. *Scholz schrödert sich durch den Wahlkampf* [6] – Шольц (немецкий политик, социал-демократ) слишком авторитарно ведет предвыборную кампанию/ Во время предвыборной кампании Шольц ведет себя как Шредер. Глагол *stoibern* связан с именем очень консервативно настроенного политика от Христианско-социального союза Эдмунда Штойбера и, как можно догадаться, с нерасторопными действиями, волокитой, что, собственно говоря, и считается основной чертой консерваторов. Следует отметить, что и само название партии ХСС (CSU) немцы язвительно расшифровывают как *Christlich-Schizophrene Union*.

Довольно часто употребляется и глагол *genschern*, образованный от имени бывшего министра иностранных дел Германии и вице-канцлера Ганса Дитриха Геншера. Он означает неожиданную смену партнера и отсылает к событиям 1982 г., когда у власти в Германии находилась коалиция из либералов и социал-демократов. Свободная демократическая партия Германии предпочла бы коалицию с блоком ХДС/ХСС. Геншеру удалось инициировать процедуру вотума недоверия, что привело к роспуску правящей коалиции, новым выборам, в результате которых либералы остались у власти, но уже с новым партнером. Этот термин популярен и в наши дни. Вот, например, заголовок газетной статьи из аналитического журнала «Шпигель», где данный глагол употребляется в субстантивированной форме: *Westerwelle lernt das Genschern* [10]. С точки зрения перевода эта фраза представляет интерес и зависит от того, для какой аудитории предназначен переводной текст. Если читателям знакома ситуация, описанная выше, тогда возможны варианты – Вестервелле учится у Геншера/ ведет себя как Геншер/ берет пример с Геншера. Если аудитория менее подготовлена, тогда нужно искать другие способы. Студенты на занятиях по переводу предложили, например, следующие: Вестервелле меняет партнера/ учится менять партнера. Принимая во внимание также нетрадиционную ориентацию немецкого политика, вряд ли этот вариант можно считать удачным. В данном случае у читателя может возникнуть другая ассоциация, что приведет к искаженному восприятию информации.

К некоторым глаголам можно подобрать более четкие соответствия в русском языке. Глагол *guttenbergen*, образованный от имени бывшего министра обороны Карла Теодора цу Гуттенберга, обозначает «списывать» и связан с обвинениями в его адрес в плагиате, когда в 2011 г. стало известно,

что большая часть его диссертации была списана. Сегодня этот глагол занял прочные позиции в молодежном сленге – *Lass mal die Hausaufgaben guttenbergen* [5] – Дай списать домашку. Глагол *lafontainieren* указывает на неожиданное поведение Оскара Лафонтена, который в 2005 г. из-за политических разногласий с Герхардом Шредером буквально в один день ушел в отставку со всех постов и вышел из Социал-демократической партии Германии. Сегодня за этим словом закрепилось значение «уходить в отставку сломя голову». И даже существует устойчивое выражение с тем же значением *den Lafontain machen*.

Особой популярностью пользуется и действующий канцлер Германии Ангела Меркель. Так, глагол *merkeln* обозначает «бездействовать», «пустословить», «не сказать ничего по существу». Появление этого глагола связано с событиями 2002 г., когда на выборах в бундестаг блок ХДС/ХСС и Социал-демократическая партия Германии набрали абсолютно равное количество голосов (по 38,5%). Главный кандидат на пост канцлера от консервативных партий Эдмунд Штойбер (ХСС) заявил: «*Wir haben die Wahl gewonnen!*» – «Мы выиграли выборы!» Однако он явно поторопился, так как социал-демократы сумели договориться с партией «зеленых» и, получив в совокупности абсолютное большинство, создали правящую коалицию. Таким образом, консерваторы, показав на выборах очень высокий результат, оказались не у дел.

Глава Христианско-демократической партии Ангела Меркель не рассчитывала на поражение и повела себя по-женски, дав волю эмоциям. В тот день она поклялась, что никогда не будет ничего предпринимать, не будет принимать никаких решений или высказываться на какую-либо тему, связанную с политикой. Когда в 2005 г. госпожа Меркель стала канцлером Германии, журналисты тут же припомнили ей события трехлетней давности. И стоило Меркель не сразу выступить с официальными заявлениями по какой-либо проблеме внутренней или внешней политики, в СМИ появлялись, например, словосочетания *gewissensloses Merkeln* (бессовестное молчание как реакция на реформы рынка труда) или *herzloses Merkeln* (бессердечное бездействие в отношении программы Hartz-IV). В связи с выборами в бундестаг в конце сентября 2013 г. этот глагол снова появляется в прессе – *Merkel merkelte, umarmte den Gegner, wich unangenehmen Fragen aus* [7] – Меркель ничего не сказала по существу, обнимала оппонента, избегала неприятных вопросов. *Merkel merkelte wieder* [3] – Госпожа Меркель снова молчит. Употребляется он и не только в отношении поведения Ангелы Меркель. *Horst Seehofer merkelte* [9] – Хорст Зеехофер отмалчивается/ тянет с ответом. *Derzeit, beim Sondieren mit SPD und Grünen, "merkelte" der stellvertretende CDU-Bundesvorsitzende (Volker Bouffier)* [8] – Сейчас, во время предварительных переговоров с социал-демократами и «зелеными», заместитель председателя фракции ХДС ничего не говорит по существу.

Совсем недавно появился глагол *wulffen* в связи со скандалом вокруг бывшего президента Германии Кристиана Вульфа. Его обвиняли в злоупотреблении служебным положением, когда он еще возглавлял правительство земли Нижняя Саксония. Этот глагол имеет даже два значения: во-первых, оставлять на автоответчике целые тирады, часто с угрозами, во-вторых, не сказать правду, но в то же время и не солгать. Первое значение связано с попыткой Вульфа оказать давление на главного редактора популярной в Германии газеты «Bild», который собирался опубликовать скандальные материалы.

Второе значение появилось после публичного выступления Кристиана Вульфа перед Рождеством 2011 г., когда ему все-таки пришлось отреагировать на выдвигаемые обвинения. Затронув эту неприятную для себя тему, Вульф ничего не подтвердил и ничего не опроверг. В этой связи вспоминаются строчки из стихотворения популярного советского поэта-песенника Игоря Шаферана «Словно слышу в ответ – и не то, чтобы да, и не то, чтобы нет». Сегодня глагол *wulffen*, употребляясь в различных ситуациях, содержит намек на недостойное поведение. *Wer 2x wulfft, dem glaubt man nicht* – Тому, кто говорит правду наполовину, нет веры. *Wer wulfft, kann sich Ärger einhandeln* [1] – Кто уходит от прямого ответа, может навлечь на себя неприятности. Кстати, этот глагол имеет все шансы остаться в разговорном немецком языке. Уже сейчас им часто пользуются в твиттере – «*Wulff ihm doch was!*», «*wulff doch mal!*» или «*man, hat der gewulfft!*»

То же самое относится и к глаголу *hartzen* – «жить на пособие по безработице». Он связан с именем Петера Харца, предпринимателя и экономиста, члена правления Акционерного общества Volkswagen, под руководством которого компетентная комиссия разработала пакет мер по реформированию рынка труда, получившего с легкой руки журналистов название Hartz. Наиболее неоднозначно был воспринят в обществе четвертый пакет (Hartz-IV), так как он предусматривал существенное сокращение размера пособия по безработице. В молодежном сленге употребительными сегодня являются уже и производные слова, такие, как Hartz-IV-Dynastie (семья, где несколько поколений живут на социальное пособие), Hartz-IV-TV (ток-шоу). А сам глагол *hartzen* получил еще и другое значение «валить дурака, ничего не делать» – *Ich geh heute nicht arbeiten... ich werd heute hartzen...* [12] – На работу сегодня не пойду... буду валить дурака... Кстати, из всех приведенных выше примеров только этот глагол зафиксирован в online-версии словаря Duden, который представляет собой свод правил и норм немецкого языка и издается Библиографическим институтом в Мангейме [11].

Анализ употребления апеллятивов, образованных от имен собственных, позволяет сделать вывод, что во многих случаях они теряют свою соотнесенность с конкретными персоналиями и употребляются как лексические единицы с вполне самостоятельным значением. Помимо глаголов встречаются и другие части речи, образованные от имен известных, не только немецких, политиков, например, существительные – Thatcherismus, Schröderismus, Putinismus, Kohlianer, Schäublianer, Merkelianer, Nicht-Merkelianer, Schröderisierung, Merkelisierung – и прилагательные – kohlisches Imperium, westerwellisch reden, Haiderscher „Kulturkampf“, Blairsches Markenzeichen, die Bismarcksche Außenpolitik.

Процесс деонимизации имен собственных носит универсальный характер и встречается во многих европейских языках. Его изучение именно в сравнительном отношении, становится чрезвычайно актуальным, особенно в условиях глобализации, когда межкультурные контакты приобретают все более важное значение. Конечно, имена собственные легко пересекают межъязыковые барьеры. Однако если они содержат в себе переосмысленное, новое значение, то могут вызвать непонимание и, как следствие, искаженное восприятие информации.

Подобные языковые средства можно рассматривать как элементы юмора, иронии или даже сарказма, целью которых является оказание определенного эмоционального воздействия на читателя. С их помощью автор имеет возможность наиболее емко и экономно с языковой точки зрения выразить взаимосвязь явлений и событий, в противном случае пришлось бы давать пространственное объяснение, что могло бы снизить эффект от предполагаемого эмоционального воздействия на реципиента.

Это, безусловно, интересное языковое явление представляет трудности при переводе на другой язык и требует знания не только реалий, но и актуальных политических событий, возможно, и в историческом контексте. Как долго просуществоют в языке такие обозначения, покажет время. Но тот факт, что уже сейчас они составляют немалый пласт в лексической системе немецкого языка, который нельзя оставлять без внимания, является неоспоримым.

Главной целью занятий по общественно-политическому переводу в вузе является развитие как языковой, так и профессиональной компетенции студентов. Учет в этом процессе лингвистических особенностей, их соблюдение, представляется тем более важным, потому что в конечном итоге позволит выпускникам успешно решать коммуникативные задачи в своей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Budow P. Wer wulfft, kann sich Ärger einhandeln [Those Who Beat around the Bush Can Get into Trouble]. Stuttgarter-Zeitung.de, 13.01.2012. URL: <http://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.spott-ueber-bundespraesidenten-wer-wulfft-kann-sich-aerger-einhandeln.78fd091a-3d20-447a-9585-02251a2b8125.html>
2. Dausend P. Merkel schrödert [Merkel Behaves too Authoritarian]. Die Zeit, 6.12.2012, Nr. 50. URL: <http://www.zeit.de/2012/50/Merkel-Ruestungsexporte-Sicherheitspolitik>
3. Gänger J. Merkel merzelt wieder [Merkel Keeps Silence Again]. N-tv.de. IP Deutschland, 15.03.2013. URL: <http://www.n-tv.de/wirtschaft/kommentare/Merkel-merzelt-wieder-article10304291.html>
4. Gerard gepard (Leser-Nickname). Wer 2x-wulfft, dem glaubt man nicht [There is no Trust in Those who do not Tell the Whole Truth]. FOCUS Online, 29.01.2012. URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/wulff-unter-druck/wer-2x-wulfft-dem-glaubt-man-nicht-kritik-am-bundespraesidenten-kommentar_4114190.html
5. Lass mal die Hausaufgaben guttenbergen [Let Me Copy Your Homework]. Spiegel Online, 05.12.2011. URL: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/jugendsprache-lass-mal-die-hausaufgaben-guttenbergen-a-801863.html>
6. Meiritz A. Scholz schrödert sich durch den Wahlkampf [Scholz's Authoritarian Election Campaign]. Spiegel Online, 02.02.2011. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/standort-hamburg-scholz-schroedert-sich-durch-den-wahlkampf-a-743147.html>
7. Nelles R. TV-Duell Merkel gegen Steinbrück: Das war 0:0 [TV-Debates Merkel versus Steinbrück: it was a Draw]. Spiegel Online, 01.09.2013. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/tv-duell-merkel-gegen-steinbrueck-das-war-0-0-a-919788.html>
8. Petermann A. Volker Bouffier auf Kuschelkurs [Volker Bouffier Behaves]. Dradio.de. Deutschlandradio, Körperschaft des öffentlichen Rechts, 17.10.2013. URL: <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/dlfmagazin/2290417>
9. Tretbar Ch. CSU mit absoluter Mehrheit, die SPD mit Hoffnung [Christian Democratic Union of Germany Has an Absolute Majority, Social Democratic Party of Germany Hopes]. Der Tagesspiegel, 15.09.2003. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/live-blog-zum-nachlesen-csu-mit-absoluter-mehrheit-die-spd-mit-hoffnung/8793540.html>
10. Weiland S. Westerwelle lernt das Genschern [Westerwelle Follows Genscher's Example]. Spiegel Online, 08.08.2012. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/westerwelle-faehrt-europa-kritikern-in-die-parade-a-848719.html>
11. Wörterbuch der deutschen Sprache [German Language Dictionary]. Duden.de. Dudenverlag. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/hartzen>
12. Wörterbuch der Jeltzsprache [The Dictionary of Modern Slang]. Sprachnudel.de. Media Group One Digital. URL: <http://www.sprachnudel.de/woerterbuch/hartzen>

Об авторе

Чигашева Марина Анатольевна – к.филол.н., доцент кафедры немецкого языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: mchigasheva@mail.ru

THE PROBLEM OF EQUALENT TRANSLATION OF ONIMS FROM GERMAN INTO RUSSIAN

M.A. Chigasheva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The given paper deals with certain lexical peculiarities of contemporary German socio-political discourse which may cause certain difficulties when translating into Russian. The interest in the lexical system is deliberate as this system is the most dynamic level of a language and as it reflects all the changes of the outside world. The main emphasis in it is placed on common nouns and proper names as well as on the lexical units formed as a result of the deonimization process. The distinctive feature of the modern German language is popularity of such lexical tokens as the linguistic expressive means, their clearly expressed negative connotation and the loss of relatedness with concrete people. The study of proper names and common names, created by the former including the comparative aspect may be of practical interest particularly at the lessons of the socio-political translation, as well as from the point of cultural linguistics since such lexical units express the specificity of the cultural background of the German native speaker. The deonimization process has universal character and is common for many European languages. Its study, in the comparative aspect, becomes extraordinary relevant especially today due to the process of globalisation when intercultural contacts gain special importance. Besides, proper names cross the language borders easily, however, if they contain changed meanings, they can cause a misunderstanding and as a result even a distortion. The main purpose of socio-political translation classes in a university is the development of the professional competence as well as the linguistic one. These lexical peculiarities have special importance as in the final analysis they will let graduates accomplish communicative tasks in their professional sphere.*

Key words: lexical system, name-study, socio-political discourse, deonimization, translation, linguo-culturology.

References

1. Budow P. Wer wulfft, kann sich Ärger einhandeln [Those Who Beat around the Bush Can Get into Trouble]. Stuttgarter-Zeitung.de, 13.01.2012. URL: <http://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.spott-ueber-bundespraesidenten-wer-wulfft-kann-sich-aerger-einhandeln.78fd091a-3d20-447a-9585-02251a2b8125.html>
2. Dausend P. Merkel schrödert [Merkel Behaves too Authoritarian]. Die Zeit, 6.12.2012, Nr. 50. URL: <http://www.zeit.de/2012/50/Merkel-Ruestungsexporte-Sicherheitspolitik>
3. Gänger J. Merkel merzelt wieder [Merkel Keeps Silence Again]. N-tv.de. IP Deutschland, 15.03.2013. URL: <http://www.n-tv.de/wirtschaft/kommentare/Merkel-merzelt-wieder-article10304291.html>
4. Gerard gepard (Leser-Nickname). Wer 2x-wulfft, dem glaubt man nicht [There is no Trust in Those who do not Tell the Whole Truth]. FOCUS Online, 29.01.2012. URL: http://www.focus.de/politik/deutschland/wulff-unter-druck/wer-2x-wulfft-dem-glaubt-man-nicht-kritik-am-bundespraesidenten-kommentar_4114190.html
5. Lass mal die Hausaufgaben guttenbergen [Let me Copy Your Homework]. Spiegel Online, 05.12.2011. URL: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/jugendsprache-lass-mal-die-hausaufgaben-guttenbergen-a-801863.html>
6. Meiritz A. Scholz schrödert sich durch den Wahlkampf [Scholz's Authoritarian Election Campaign]. Spiegel Online, 02.02.2011. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/standort-hamburg-scholz-schroedert-sich-durch-den-wahlkampf-a-743147.html>
7. Nelles R. TV-Duell Merkel gegen Steinbrück: Das war 0:0 [TV-debates Merkel versus Steinbrück: it was a Draw]. Spiegel Online, 01.09.2013. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/tv-duell-merkel-gegen-steinbrueck-das-war-0-0-a-919788.html>
8. Petermann A. Volker Bouffier auf Kuschelkurs [Volker Bouffier Behaves]. Dradio.de. Deutschlandradio, Körperschaft des öffentlichen Rechts, 17.10.2013. URL: <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/dlfmagazin/2290417>
9. Tretbar Ch. CSU mit absoluter Mehrheit, die SPD mit Hoffnung [Christian Democratic Union of Germany Has an Absolute Majority, Social Democratic Party of Germany Hopes]. Der Tagesspiegel, 15.09.2003. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/live-blog-zum-nachlesen-csu-mit-absoluter-mehrheit-die-spd-mit-hoffnung/8793540.html>
10. Weiland S. Westerwelle lernt das Genschern [Westerwelle Follows Genscher's Example]. Spiegel Online, 08.08.2012. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/westerwelle-faehrt-europa-kritikern-in-die-parade-a-848719.html>
11. Wörterbuch der deutschen Sprache [German Language Dictionary]. Duden.de. Dudenverlag. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/hartzen>
12. Wörterbuch der Jeltzsprache [The Dictionary of Modern Slang]. Sprachnudel.de. Media Group One Digital. URL: <http://www.sprachnudel.de/woerterbuch/hartzen>

About the author

Marina A. Chigasheva – Candidat of Philology, Associate Professor of Department of German Language, MGIMO University. E-mail: mchigasheva@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Е.М. Позднякова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....
Понятие «парадигма научного знания» не сразу было принято лингвистами, да и сегодня вопрос о границах сосуществующих в настоящее время парадигм лингвистического знания остается дискуссионным. Хотя общеметодологические характеристики парадигмы научного знания в лингвистике в принципе разработаны, активное движение лингвистики в сторону междисциплинарности влечет за собой появление переходных зон «на границе» собственно парадигм лингвистического знания, а также в «пограничных зонах» лингвистики и других наук. Когнитивно-дискурсивная парадигма представляет исследования, связанные с ролью языка в мыслительных процессах. Методологически когнитивный подход вносит значительный вклад в развитие прикладных наук, в частности в методику обучения языкам, позволяя исследовать в методических целях структуры знания, процессы концептуализации и категоризации, дискурсивные компетенции. В статье утверждается, что когнитивно-дискурсивная парадигма:

- все в большей степени приобретает междисциплинарный характер, тем самым сближаясь с проблемами методики преподавания иностранного языка;*
 - изучает вербализованные структуры знания и опыта, привнося в формирование лексической компетенции обучающихся иностранному языку опыт окружающего мира;*
 - считает одной из основных своих задач исследование структуры и организации ментального (внутреннего) лексикона.*
 - по мере того как дискурсивные практики становятся все более доступными для обучающихся языку в ходе онлайн-общения, предлагает на основе разрабатываемой когнитивной теории дискурса методы обучения общению.*
-

Ключевые слова: язык, мышление, лексическая компетенция, ментальный лексикон, овладение иностранным языком, дискурсивная компетенция.

Смена научных парадигм в истории лингвистики рассматривается как отражение изменения уровня науки в целом и уровня научных знаний в конкретной области науки. Современная научная парадигма второй половины XX в. объединяет частные лингвистики: психолингвистику, социоллингвистику, лингвистику текста, коммуникативную лингвистику, когнитивную лингвистику. Однако в ходе развития лингвистического знания когнитивная лингвистика заняла свое особое место, а междисциплинарный подход, свойственный данной науке, рассмотрение ментальных процессов, связанных с языком и через призму языка, методология в целом позволили заявить о «возникновении новой парадигмы лингвистического знания – когнитивно-дискурсивной» [3, с. 13].

Вступление отечественной лингвистики в 90-х гг. прошлого века в когнитивно-дискурсивную парадигму было обусловлено целым рядом причин. Это и развитие когнитивизма за рубежом, и все большее стремление ученых работать в интегрированных исследовательских группах, и, собственно, новые задачи, поставленные временем. В настоящее время когнитивно-дискурсивная парадигма может быть признана сформировавшейся и движущейся к состоянию «нормальной науки» [1, с. 357]. Как представляется, вовлечение когнитивной лингвистики в междисциплинарные исследования придаст ей особый характер, тем самым меняя основные характеристики парадигмы в лингвистической науке [4].

Одним из существенных направлений когнитивной лингвистики, подразумевающим опору на междисциплинарные связи, является обучение иностранным языкам. Усвоение иностранного языка во многом связано с организацией памяти, в частности той части памяти, которая связана с языком. Е.С. Кубрякова писала, что для описания интериоризованного языкового опыта можно использовать два термина – языковая способность и внутренний лексикон. «Термин «внутренний лексикон» относится, на наш взгляд, к той аналоговой системе, которая представляет собой вместилище всех сведений о языке и которая предназначена для того, чтобы хранить, упорядочивать и обрабатывать сведения о языке» [2, с. 379].

Моделирование участков ментального лексикона в настоящее время остается для когнитивной лингвистики задачей на перспективу. Тем не менее современные корпусные данные и методики работы с корпусом позволяют ставить и решать задачи подобного рода. В частности, исследования сочетаемости лексем, обозначающих эмоции, представленных в British National Corpus, позволило на основе статистического анализа получить результаты, подтверждающие высказанные ранее гипотезы о строении ментального лексикона, а также позволили проанализировать слова на когнитивном уровне [5].

По нашему мнению, само наличие коллокаций в языке свидетельствует о существовании в ментальном лексиконе выработанных практикой

говорения клишированных связей, то есть таких связей, которые образуют концептуальные структуры. Такая клишированность в языке и концептуальные структуры в ментальном лексиконе, демонстрирующие знания носителя языка о словах, могут быть охарактеризованы как когнитивная характеристика анализируемого слова, включающая знания о мире и языке [5].

Однако эксперименты, проводимые в когнитивных науках по структуре ментального лексикона для английского как изучаемого иностранного языка (L2), показывают, что некоторые аспекты лексической компетенции (знание коллокаций, иерархических отношений между словами) не могут быть выявлены только на основе корпусных данных и требуют экспериментальных исследований. Такие исследования, проводимые с участием испытуемых (для разработки вопросов усвоения иностранного языка таковыми могут стать как изучающие английский язык (L2), так и его носители (L1)), позволяют существенно дополнить статистические данные, полученные методом компьютерной обработки [6]. Подобные методы исследования лексической компетенции носят междисциплинарный характер, поскольку они строятся на теоретических основах когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Результаты экспериментальных исследований процессов мышления, памяти и речи с использованием компьютерных томографов и другой подобного рода аппаратуры были представлены практически во всех докладах 35-й ежегодной конференции Американского общества когнитивных наук (30 июля – 4 августа 2013 г., Берлин). Специальные заседания секций были посвящены обучению иностранным языкам, изучению ментального лексикона и дискурса. В докладах было показано, что лексическая компетенция (знание слов и умение их употреблять) является необходимым и первостепенным условием освоения других видов языковых компетенций. В настоящее время признанным является тот факт, что накопление вокабуляра в той степени, которая необходима для свободного владения изучаемым языком, не происходит само по себе, а является результатом целенаправленного обучения.

Что мы знаем, когда мы знаем слово? Этот вопрос не раз ставился в работах по когнитивной лингвистике. «Word knowledge», несомненно, относится к когнитивным способностям человека, из которых наиболее важными являются память, категоризация и концептуализация, ассоциативные связи слов в ментальном (внутреннем) лексиконе, которые, как было продемонстрировано выше, реализуются на лексическом уровне в виде коллокаций. В когнитивной лингвистике было показано, что слова организуют наш жизненный опыт в виде фреймов, а при изучении языка фреймы позволяют легче запоминать слова, особенно если структура опыта является довольно схожей с опытом родной культуры.

В обучение иностранным языкам из когнитивных наук пришли сведения о различных типах зна-

ния слов (активном и пассивном, декларативном и процедурном). В настоящее время обучение лексической компетенции не связывается с частотной лексикой, поскольку частотность употребления (например, 2000 самых частотных слов) может не отражать основные категории опыта современного человека, и соответственно структуры знания не смогут быть вербализованы. Таким образом, отбор лексики для формирования лексической компетенции связан скорее с типичными структурами знания, характеризующими как национальные, так и глобальные структуры опыта и поведения.

Современное обучение иностранным языкам активно использует on-line-общение в преподавании иностранного языка – network-based language teaching (NBLT). Такое обучение предполагает коммуникацию в реальном времени двух собеседников, одного со многими или многими со многими [7]. Будучи одним из способов активизации усвоения иностранного языка, онлайн-общение является серьезной базой для когнитивных исследований дискурса.

«За термином «дискурс» сегодня стоит такая разветвленная структура знания, неизменными компонентами которой уже являются знания о речи и речевой деятельности, о том, что ее источником могут являться и одно лицо, и два, и еще гораздо большее количество участников, что она может и должна рассматриваться во всех социо-, культурно- и личностно- обусловленных прагматических условиях ее порождения, по ходу ее протекания проявляя зависимость от указанных факторов, а также, что по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта, а также отражающая и порождающая особый мир (ментальное образование), могущий быть репрезентированным в виде текста» [3, с. 124–125].

Данное исчерпывающее определение дискурса может быть реализовано в системе онлайн-обучения иностранному языку. Конечно, подобного рода общение может быть реализовано и в языковых школах в стране изучаемого языка, и в волонтерских лагерях, и в ряде других организационных форм межъязыкового и межкультурного общения. Однако для преподавателей

российских высших учебных заведений и средних школ эта форма обучения является наиболее доступной. Именно в ходе и по результатам проведения телемостов, чатов, вебинаров преподаватели иностранного языка могут обучать студентов реальному дискурсивному поведению.

Кроме того, для ученых, проводящих когнитивные исследования по дискурсу, порождаемому участниками, использующими L2, с одной стороны, и L1 – с другой, онлайн-общение является важным источником данных для разработок методического характера, способствующих совершенствованию дискурсивной компетенции обучающихся.

Подводя итог сказанному выше, выделим основные методологические положения когнитивно-дискурсивной парадигмы, «работающие» на методику обучения L2.

Когнитивно-дискурсивная парадигма:

- все в большей степени приобретает междисциплинарный характер, тем самым сближаясь с проблемами методики преподавания иностранного языка;

- изучает вербализованные структуры знания и опыта, привнося в формирование лексической компетенции обучающихся иностранному языку опыт окружающего мира, который, будучи концептуально объемнее значения слова, способствует запоминанию не только значения слова, но соотношенного с ним когнитивного контекста;

- считает одной из основных своих задач исследование структуры и организации ментального (внутреннего) лексикона. Результаты исследований подобного рода в настоящем уже используются во все большем включении колокаций в лексический материал, используемый для обучения языку. В перспективе исследования по ментальному лексикону могут дать существенные результаты по разработке мнемонических практик в отношении лексических единиц и фразовых единств изучаемого языка;

- по мере того как дискурсивные практики становятся все более доступными для обучающихся языку в ходе онлайн-общения, предлагает на основе разрабатываемой когнитивной теории дискурса методы обучения общению, учитывающему все характеристики дискурса, предложенные данной теорией.

Список литературы

1. Керимов Т.Х. Парадигма [Текст] / Т.Х.Керимов // Современный философский словарь. М., 1996. С. 357 – 358.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования/ Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
4. Позднякова Е.М. Парадигмы научного знания и современное лингвистическое образование [Текст] / Е.М.Позднякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. Сер. "Теория и история языкознания". Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. М., 2008. С. 49–63.

5. Позднякова Е.М. Моделирование участка ментального лексикона: компьютерно-корпусный подход [Текст] / Е.М. Позднякова, Е.В. Суворина // Когнитивные исследования языка. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. науч. тр. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. С. 173–177.
6. Crossley, S. Assessing automatic processing of hypernymic relations in first language speakers and advanced second language learners. A semantic priming approach // The Mental Lexicon. V. 8. Issue 1. 2013. P.96–116.
7. Kern R., Ware P. and Warschauer M. Network-based language teaching/ Available at http://www.gse.uci.edu/person/warschauer_m/docs/network-based.pdf (accessed November 1, 2013).

Об авторе

Позднякова Елена Михайловна – д.филол.н., профессор кафедры английского языка № 3 МГИМО(У) МИД России. E-mail: HelenPozdnyakova@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках инициативного научного проекта № 11-06-00301 «Когнитивный анализ семантики слова (компьютерно-корпусный подход)».

BACHELOR DEGREE PROGRAMS IN INTERNATIONAL RELATIONS AND REGIONAL STUDIES: A COMPETENCE-BASED APPROACH TO PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS IN FOREIGN LANGUAGES

E.M. Pozdnyakova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The notion of scientific paradigm has taken some time to be accepted by linguists, and even today the problem of boundaries of coexisting nowadays linguistic paradigms remains debatable. Although methodological guidelines of a paradigm of scientific knowledge in linguistics have in principle been worked out, the fact that linguistics is intensively approaching interdisciplinarity entails the appearance of overlapping zones “on the boundaries” of linguistic paradigms as well as “on the boundaries” of linguistics and other cognitive sciences. Cognitive-discursive paradigm offers results of research, devoted to the role of language unfolding in thought. Being both fundamental and experimental, cognitive approach contributes significantly to the development of applied sciences, in particular to the theory and methodology of language teaching. The approach gives opportunity to study conceptualization and categorization processes, lexical and discursive competence in the view of applied teaching goals.*

The article stresses that cognitive-discursive paradigm:

- *is increasingly growing in its interdisciplinary nature, thus approaching even closer the EFL teaching;*
- *investigates represented in the language knowledge and experience structures, introducing the experience of the world around us into lexical competence of EFL students;*
- *considers one of its major tasks further investigation of mental lexicon;*
- *as the discursive practice is becoming even more accessible for EFL students in the course of on-line communication, it offers new methods of teaching communication, based on cognitive theory of discourse.*

Key words: language, thought, lexical competence, mental lexicon, foreign language acquisition, discursive competence.

References

1. Kerimov T.Kh. Paradigma [Paradigm]. T.Kh.Kerimov. Sovremennyyi filosofskii slovar'[Modern dictionary of philosophy]. M., 1996. S. 357 – 358.
2. Kubriakova E.S. Iazyk i znanie: na puti poluchenii znanii o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira.[Language and knowledge: on the way of obtaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognizing the world] - M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004[M., Languages of Slavic culture, 2004]. - 560 s.
3. Kubriakova E.S. V poiskakh sushchnosti iazyka: Kognitivnye issledovaniia. In-t iazykoznanii RAN[Understanding the essence of language: Cognitive studies/ Institute of Linguistics RAS]. – M.: Znack, 2012. 208 s.
4. Pozdniakova E.M. Paradigmy nauchnogo znaniia i sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie [Paradigms of scientific knowledge and modern linguistic education]. E.M.Pozdniakova. Paradigmy nauchnogo znaniia v sovremennoi lingvistike: Sb. nauch. trudov. Ser. "Teoriia i istoriia iazykoznaniiia" Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. iazykoznaniiia; Redkol.: Kubriakova E.S., Luzina L.G. [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: collection of papers. Series "Theory and history of linguistics. Center for scientific-information research in the humanities. Dept. of linguistics. Eds: Kubriakova E.S., Luzina L.G.]. M., 2008. S. 49-63.
5. Pozdniakova E.M. Modelirovanie uchastka mental'nogo leksikona: komp'iuterno-korpusnyi podkhod [Modelling a part of mental lexicon: computer-corpus based approach]. E.M. Pozdniakova, E.V. Suvorina. Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. XI: Mezhdunarodnyi kongress po kognitivnoi lingvistike: sb. nauch. tr. - Tambov: Izd. dom TGU im. G.R.Derzhavina, 2012 [Cognitive studies of language. Issue XI: International congress on cognitive linguistics: collection of papers. - Tambov, Publishing house of Derzhavin Tambov state university, 2012]. - S. 173-177.
6. Crossley, S. Assessing automatic processing of hypernymic relations in first language speakers and advanced second language learners. A semantic priming approach [Text]. The Mental Lexicon, 2013, vol. 8., issue 1. pp.96-116.
7. Kern, R., Ware P. and Warschauer M. Network-based language teaching. [Electronic resource] Available at http://www.gse.uci.edu/person/warschauer_m/docs/network-based.pdf (accessed November 1, 2013).

About the author

Elena M. Pozdnyakova – Doctor of Philology, Professor at English language department № 3, MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs. E-mail: HelenPozdnyakova@yandex.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ

(НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОФИЛЯ)

Л.Г. Кузьмина

Воронежский государственный университет. Россия, 394006, Воронеж,
Университетская пл., 1.

Статья посвящена проблеме проектирования нового содержания иноязычного образования в условиях действия федеральных государственных образовательных стандартов. В данном исследовании:

– указывается на необходимость реформирования обучения иностранным языкам в новом образовательном контексте;

– утверждается, что в связи с фрагментарностью и расплывчатостью формулировок требований, предъявляемых к иноязычной подготовке бакалавров-международников, которые содержатся в стандартах соответствующих направлений подготовки, при разработке учебных программ по иностранным языкам используются не все возможности для обновления содержания и структуры иноязычной подготовки студентов;

– обосновывается правомерность внедрения компетентностного подхода к иноязычной подготовке студентов и описывается процесс проектирования компетентностно-ориентированной программы;

– рассматривается вариант структуры и содержания иноязычной подготовки студентов международного профиля на примере учебной программы по английскому языку для студентов, обучающихся по направлению «Зарубежное регионоведение»;

– намечаются пути дальнейшего совершенствования иноязычной подготовки студентов.

Разработка представленного в статье варианта содержания иноязычной подготовки студентов-регионоведов, обусловленная необходимостью реализации компетентностного ФГОС, позволила ВГУ иметь такую образовательную программу, которая обеспечивает получение качественного высшего образования, является привлекательной для абитуриентов в наших условиях, ориентирована на потребности региона и повышает конкурентоспособность вуза на рынке аналогичных образовательных услуг.

Ключевые слова: высшее образование, иноязычная подготовка, профессиональная компетенция, компетентностный подход, проектирование, профессионально ориентированное обучение иностранным языкам.

Как известно, кардинальные изменения в жизни общества, которые выражаются в смене алгоритмов экономического и социального развития, в появлении новых факторов, определяющих качество и темпы развития государства прежде всего в стремительном росте влияния человеческого потенциала, традиционный («знаниево-квалификационный») подход в высшем профессиональном образовании перестал удовлетворять потребностям сегодняшнего дня. Необходимость решения новых задач, стоящих перед обществом в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий, обусловила переход к новой компетентностной парадигме высшего профессионального образования, которая предполагает:

- перенос акцента с предметно-дисциплинарной и содержательной стороны на компетенции и ожидаемые результаты образовательного процесса;

- отражение в стандартах доминирующих перспектив, ориентирующих подготовку выпускников на эффективную деятельность в будущем, а не на планирование содержания образования;

- увеличение степеней свободы обучающихся в том, что касается выбора ими различных индивидуализированных образовательных траекторий;

- отход от унификации, включение ресурсов автономности, достижение академических свобод, либерализм в области проектирования содержания образования [1, с.17–18].

Компетентностная парадигма высшего образования, как известно, нашла воплощение в Федеральном государственном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС), в котором как раз и зафиксированы современные потребности общества в специалистах в конкретной области. В этих условиях перед разработчиками новых учебных планов и программ встала цель: обновить содержание образования так, чтобы оно было направлено на реализацию ФГОС. Сказанное относится и к иноязычному образованию, причем данная задача является особо актуальной для специалистов международного профиля, деятельность которых напрямую зависит от того, насколько адекватно в структуру их профессиональной компетенции интегрирована иноязычная компетенция.

Для реформирования иноязычной подготовки специалистов–международников должны были быть решены по крайней мере три задачи:

- во-первых, при определении содержания иноязычной подготовки студентов следовало исходить из строго предписываемых ФГОС требований, в то время как сами ФГОСы оказались несовершенны. Последнее утверждение становится понятно, если иметь в виду, что из ФГОС не совсем ясна суть самой профессиональной деятельности, а точнее, профессиональной квалификации, которой должен овладеть выпускник бакалавриата. Причина этого видится в том, что действующие ФГОСы разработаны на основе информации о компетенциях, которыми должны владеть вы-

пускники на выходе, полученной в основном от представителей академического сообщества (в нашем случае историков, политологов и других ученых). Представляется, что настоящие стандарты не в полной мере отражают мнение работодателей из соответствующих отраслей экономики, а также отзывы бывших студентов, работающих по специальности, полученной в вузе, о сути их профессиональной деятельности;

- во-вторых, изменение содержания иноязычного образования должно быть осуществлено в условиях, когда описание иноязычной компетенции в ФГОС представлено фрагментарно и несистемно. Ранее в педагогических исследованиях уже отмечалось, что требования в отношении иностранного языка в ФГОС по неязыковым направлениям подготовки отличает излишняя декларативность, незавершенность и расплывчатость целевых установок [2];

- в-третьих, проектирование нового содержания иноязычного образования в рамках компетентностного стандарта подготовки специалиста–международника должно было быть осуществлено не только для узкоспециализированного вуза, каким является, например, МГИМО, а для регионального многопрофильного классического университета, в котором осуществляется подготовка международного по тому же стандарту. Очевидно, что при сохранении единого стандарта соответствующего направления подготовки необходимо было обеспечить его вариативное наполнение, обусловленное особенностями региональной экономики и необходимостью обеспечения потребностей «местных работодателей» в специалистах соответствующего профиля.

В данных условиях кафедра английского языка в профессиональной международной деятельности Воронежского государственного университета, которая осуществляет иноязычную подготовку студентов факультета международных отношений, разработала новый пакет учебных программ, причем не путем приспособления традиционного содержания дисциплины «Иностранный язык» (которое обычно описывается терминами «Язык для общих целей» и «Язык для специальных целей»), а исходя из содержания профессиональной компетентности выпускника конкретного направления подготовки, содержащегося в соответствующем ФГОС.

Разработка содержания иноязычного образования в данных условиях проходила в несколько этапов, которые включали:

- анализ компетентностной модели выпускника, представленной в конкретном ФГОС, который позволил на основе изучения видов и задач профессиональной деятельности представить идеальный образ деятельности выпускника;

- выделение в идеальном образе деятельности выпускника той ее части, в которой определенную роль играет иностранный язык;

- разработка карты иноязычной компетенции и описание ее наполнения в параметрах «знания», «умения», «навыки», «способности», «отношения»

и другие компоненты, которыми необходимо овладеть для осуществления конкретных видов профессиональной деятельности;

- разработка структуры и содержания модулей учебной программы, которые направлены на развитие соответствующих иноязычных (под) компетенций;

- подготовка контрольно-измерительного инструментария и процедуры оценивания иноязычной компетенции студента «на выходе».

Итак, представим результаты проведенной работы на примере направления 032000 – «Зарубежное регионоведение». В ходе реализации первого этапа проектирования нового содержания иноязычной подготовки по данному стандарту стало ясно, что профессиональная деятельность выпускников данного направления заключается в «Предоставлении информационных, коммуникационных, аналитических, консультационных, образовательных и иных услуг... о зарубежных странах и регионах» [3, с. 3]. Сообразно с данной областью профессиональной деятельности специалисты должны выполнять определенные виды деятельности и решать соответствующие профессиональные задачи:

- организационно-коммуникационную: осуществление письменного перевода официальной и деловой документации и протокольного сопровождения; выполнение функций секретаря-референта;

- информационно-аналитическую: сбор и анализ информации; ведение баз данных; подготовка к изданию информационных буклетов, рекламных проспектов;

- редакционно-издательскую: подготовка дайджестов научных и информационно-аналитических изданий;

- культурно-просветительскую: каталогизация архивных документов; участие в подготовке выставок, презентаций; подготовка информационных материалов о международных мероприятиях в сфере культуры;

- научно-исследовательскую и преподавательскую: планирование, осуществление и презентация результатов научного исследования; составление аннотированного научного библиографического описания; подготовка информационных материалов о результатах научно-исследовательской деятельности [3, с.3–6].

Как можно видеть, идеальный образ деятельности выпускника данного направления однозначно предусматривает осуществление профессиональных функций на двух языках. При этом иностранный язык может внести значительный вклад в профессиональную подготовку специалиста в области зарубежного регионоведения. Поэтому учебные программы по иностранному языку должны быть направлены на формирование и развитие соответствующих компетенций. Не останавливаясь подробно на описании содержания каждого вида иноязычной компетенции, следует здесь просто упомянуть, что подобная систематизация конкретных иноязычных навыков и умений была

сделана в отношении всех видов иноязычной речевой деятельности (2–3-й этапы проектирования).

Далее на основе полученного представления о содержании иноязычной компетенции выпускника бакалавриата по каждому направлению подготовки составляющие ее иноязычные и билингвальные умения и навыки, подлежащие овладению, были сгруппированы в блоки, которые и легли в основу выделяемых в общем курсе английского языка модулей. Они распределены по годам обучения и соотносятся с количеством аудиторной и самостоятельной работы, зафиксированной в учебном плане (4-й этап). Для «Зарубежного регионоведения» в содержании иноязычного образования были выделены следующие модули:

- English for General Purposes (1–3-й семестры);

- «XX Century: Events and Faces» – развитие интегративных иноязычных умений сбора, систематизации общекультурной и профессионально значимой информации и ее интерпретации в условиях полилогического общения (4-й семестр);

- «Avoiding Sociocultural Pitfalls When Presenting in English» – формирование представлений о социокультурных различиях, которые существуют между англоязычным стандартом устных презентационных выступлений в сравнении с аналогичными нормами, принятыми в современной русской культуре, и развитие умений англоязычной публичной речи (4-й семестр);

- Professional Listening and Interpreting – развитие билингвальных умений аудирования (с видеоподдержкой) новостных и аналитических программ, реферирования / аннотирования устного текста и его последовательного устного перевода (5–6-й семестры);

- Professional Reading and Translation – совершенствование билингвальных умений поиска, отбора и систематизации профессионально значимой информации из нескольких источников при чтении, реферирование письменного текста и письменный перевод общественно-политического / общенаучного и научно-популярного текста (5–6-й семестры);

- Professional Writing (1) – овладение интегративными иноязычными умениями анализировать соизучаемые типы текстов рекламного характера, написание которых принято в англоязычных и русской культуре, формирование умений редактирования текстов листовок, буклетов и прочих «нелинейных текстов», развитие умений написания данных типов текста и макетирования информационных и рекламных изданий (7-й семестр);

- Professional Writing (2) – развитие иноязычных умений чтения и анализа соизучаемых типов текстов официально-делового характера (типа «повестка дня», «протокол заседания», «распоряжение» и пр.) и их написание (8-й семестр).

Следует отметить, что новое содержание иноязычной компетенции студентов данного направления не лишено недостатков. С одной стороны, они обусловлены, по нашему мнению, несовершенством самого стандарта, о чем уже упоминалось. Думается, что устранение данных недостатков

было бы возможно, если бы ФГОС опирался не только на представления академического сообщества о сути профессиональной подготовки по данному направлению, но и на квалификационные требования как идеально заданные параметры в отношении определенной сферы занятости, установленные самой данной сферой. Последние позволили бы более четко представить сущность профессиональной деятельности данных специалистов и сообразно с этим уточнить и детализировать иноязычную компетенцию студентов. Введение отраслевых профессиональных стандартов, о которых в настоящее время идет речь, а также их учет при разработке образовательных стандартов четвертого поколения позволят устранить многие погрешности при описании содержания иноязычного образования.

С другой стороны, при разработке профессиональных и образовательных стандартов в той их части, в которой желательным (или обязательным) является владение иностранным языком, пользователям каждого стандарта необходимо обеспечить более ясное представление о конкретном уровне владения иностранным языком специалистами, предоставив им детальное описание иноязычной коммуникативной компетенции по каждому на-

правлению подготовки. И это необходимо сделать в современных терминах (например, «уровни владения», «обучение иноязычному общению» и пр.) и в контексте последних достижений как в общей теории обучения иностранным языкам, так и в частной методике профессионально ориентированного обучения иностранным языкам. Решение данной задачи обязательно потребует привлечения к разработке (не только образовательных, но при необходимости и профессиональных стандартов) специалистов в области преподавания иностранных языков, чтобы избежать недостатков, отмечаемых в образовательных стандартах предыдущего поколения.

В завершение следует отметить, что разработка представленного варианта содержания иноязычной подготовки студентов–регионоведов, обусловленная необходимостью реализации компетентностного ФГОС, позволила ВГУ иметь такую образовательную программу, которая обеспечивает получение качественного высшего образования, является привлекательной для абитуриентов в наших условиях, ориентирована на потребности региона и повышает конкурентоспособность вуза на рынке аналогичных образовательных услуг.

Список литературы

1. Борисова Н.В., Кузов В.Б. Технологизация проектирования и методического обеспечения компетентностно-ориентированных учебных программ дисциплин / модулей, практик в составе ООП ВПО нового поколения: методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 52 с.
2. Кузьмина Л.Г., Стернина М.А. К вопросу о содержании обучения иностранному языку в Госстандартах ВПО нового поколения // Английский для нефилологов. Проблемы ESP. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. С.3–5.
3. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 – Зарубежное регионоведение. М., 2009. 24 с.

Об авторе

Кузьмина Лариса Григорьевна – к.пед.н., доцент, зав. кафедрой английского языка в профессиональной международной деятельности Воронежского государственного университета. E-mail: kuzminahome@mail.ru

BACHELOR DEGREE PROGRAMS IN INTERNATIONAL RELATIONS AND REGIONAL STUDIES: A COMPETENCE-BASED APPROACH TO PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS IN FOREIGN LANGUAGES

L.G. Kuzmina

Voronezh State University, 394006, Voronezh, Universitetskaya Square, Russia.

Abstract: *The paper is devoted to the problem of devising a new ESP curriculum for university students within the framework of Federal State Educational Standards of Higher Education. The necessity to introduce innovations into foreign language teaching at universities is fore grounded. It is claimed that in spite of some ambiguity in specifying the students' competence in foreign languages put forward in the Standards, it is possible to design an effective educational curriculum for this university subject. It is proved that this can be realized if a competence-oriented approach is implemented. The process of designing a new competence-based curriculum for foreign languages is being described. A model modular course in foreign languages for the university students majoring in Regional Studies is presented. Some strategies to further develop teaching foreign languages at universities are mentioned. It is also argued that the course under discussion has proved to be attractive for the university applicants, provides for the quality of language education and meets the needs of the regional business community in the specialists of this kind.*

Key words: Higher Education, professional competence, foreign languages at universities, competence-based approach, curriculum design, profession-oriented teaching of foreign languages.

References

1. Borisova N.V., Kuzov V.B. Tehnologizacija proektirovanija i metodicheskogo obespechenija kompetentnostno-orientirovannyh uchebnyh programm disciplin, modulej, praktik v sostave OOP VPO novogo pokolenija»: metodicheskie rekomendacii dlja organizatorov proektnyh rabot i professorsko-prepodavatel'skih kollektivov vuzov. M.: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, 2010. 52 s.
2. Kuz'mina L.G., Sternina M.A. K voprosu o sodержanii obuchenija inostrannomu jazyku v Gosstandartah VPO novogo pokolenija. Anglijskij dlja nefilologov. Problemy ESP. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2009. S.3-5.
3. Federal'nyj gosudarstvennyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki 032000 – Zarubezhnoe regionovedenie. M., 2009. 24 s.

About the author

Larisa G. Kuzmina – Candidate of Pedagogy, Ass. Professor, Head of the Department of English for International Relations Faculty at Voronezh State University. E-mail: kuzminahome@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ИСПАНИЕЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОГО ДОГОВОРА О РАЗОРУЖЕНИИ С США В ВОСПОМИНАНИЯХ Ю.В. ДУБИНИНА

Н.Е. Аникеева, Ю.В. Дубинин

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

«Вестник МГИМО-Университета» публикует беседу с выпускником МГИМО, Чрезвычайным и Полномочным Послом, профессором кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД РФ, заслуженным работником дипломатической службы РФ, членом Совета по внешней и оборонной политике, вице-президентом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, почетным президентом Ассоциации друзей Франции, первым вице-президентом Академии духовного единства народов мира, членом Союза писателей России, членом Совета по международным делам Ю.В. Дубининым, в которой он поделился своими воспоминаниями о периоде пребывания на посту Посла СССР в Испании и в США. Беседу с Юрием Владимировичем (Ю.Д.) провела и записала д.и.н., профессор кафедры ИПСЕА МГИМО(У) МИД России Н.Е. Аникеева (Н.А.).

Волею судьбы на долю Ю.В. Дубинина выпало осуществление целого ряда крупных дипломатических миссий, которые могут на первый взгляд показаться трудно совместимыми друг с другом. В самом деле: Франция и Испания, ООН и США, наконец Украина. В разное время он занимал важные государственные посты: Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Королевстве Испания (1978–1986 гг.), Постоянный представитель СССР при ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США (1986–1990 гг.), Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР во Французской Республике (1990–1991 гг.), Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Украине в ранге заместителя министра иностранных дел РФ (1996–1999 гг.). С 1991 по 1994 г. – посол по особым поручениям МИД России; в 1994–1996 гг. занимал пост заместителя министра иностранных дел РФ.

Н.А. Уважаемый Юрий Владимирович, руководством МИД СССР Вам было поручено в 1977 г. проведение переговоров о восстановлении дипломатических отношений с Испанией. В 1978 г. Вы были назначены Послом СССР в Мадриде и оставались на этом посту до 1986 г. В то время в Испании уже существовала сложная проблема – баскский терроризм. В своих мемуарах Вы отмечаете, что франкистская пропаганда сумела укоренить в общественном мнении Испании миф о том, что за спиной баскских террористов стоит Советский Союз и его спецслужбы. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этой проблеме?

Ю.Д. В 1975 г. не стало Ф. Франко, но террористическая деятельность баскских сепаратистов продолжалась, а с нею жил и враждебный нашей стране миф, раздуваемый реакционными силами. Укоренился он и в официальных кабинетах страны. И в первой же беседе со мной министр иностранных дел Испании М. Ореха, любезно отметив, что вся страна открыта для поездок советского посла, счел необходимым оговориться: «Кроме Страны Басков. Там неспокойно...» А председатель испанского правительства А. Суарес во время нашей первой встречи гипертрофированно выделил тему причастности Советского Союза к террористической деятельности в Испании.

– Посмотрите туда, посол, – заявил он и показал на стоявший в стороне от диванчика, на котором шла беседа, большой письменный стол. Стол был завален бумагами. – Туда, – сказал А. Суарес, – каждый день ложатся многочисленные донесения не только из Испании, но и из-за границы с утверждениями, что за баскскими террористами стоит Москва.

Это был резкий натиск. Я со всей категоричностью заявил, что правды в этих донесениях нет и быть не может.

– Вы можете все эти донесения выбросить в корзину, – сказал я.

А. Суарес отнесся к этим словам с недоверием. Не вступая в спор, он, сдвинув брови, произнес твердым голосом:

– Я внимательно отношусь к вашим словам, посол, но, говоря все это, вы берете на себя большую ответственность!

Ответственность действительно была велика. Мы давали активный отпор клевете в средствах массовой информации Испании, обращались публично к стране со словами: «Испанцы, не верьте!!!»

С разоблачением лжи выступил в Москве и А.А. Громыко. Эффекта это не давало. Тем временем терроризм в Испании разрастался, превращался в кровоточащую рану. Он тяжелым грузом висел на наших отношениях с этой страной. С приходом к власти социалистов испанская реакция даже усилила эксплуатацию темы нашей причастности к этому злу, превратив ее в заслон против улучшения советско-испанских отношений. Чтобы положить этому конец, требовалось предпринять что-то смелое, неординарное. Тогда я принимаю решение совершить поездку в Страну Басков.

Министр внутренних дел Испании Баррионуэво, мой хороший знакомый, не только поддерживал меня, но и обещал усиленную охрану: помимо обычного сопровождения посла в поездках по стране представителями испанской службы безопасности в штатском, на этот раз за мною следовало отделение военной жандармерии на двух джипах. В середине января 1983 г. я с супругой вышел из самолета в Бильбао. Это было первое в истории посещение послом нашей страны Басконии.

В один из четырех дней пребывания здесь я был принят председателем правительства Страны Басков К. Гарайкоэча. После того как я вышел из этой его резиденции, я оказался перед плотной стеной журналистов. Выставляя вперед, словно автоматы, свои магнитофоны, фотоаппараты и телекамеры, они, сжимая ряды, берут посла в плотный круг. Обстрел вопросами? Конечно, прежде всего мне задали вопрос на тему «Советский Союз и баскские террористы».

Я решительно опроверг всякую нашу связь с терроризмом, твердо заявив, что наша страна тут не при чем. Вполне понятны вся значимость, весь реальный вес этих моих слов: ведь они прозвучали для всей Испании прямо из Страны Басков, из ее сердца, с порога Лендакари – резиденции премьер – министра этой провинции. Этого не замолчишь, не утаишь.

В этот же день средства массовой информации сообщают, что в Стране Басков террористы совершили очередную акцию – похитили мальчика. По обычным стандартам это был вполне подходящий случай, чтобы обрушить очередную порцию выпадов против Советского Союза. Однако на этот раз все происходило иначе. Испанское телевидение вслед за сообщением об исчезновении ребенка дает мой портрет и цитирует мои высказывания из Басконии. Оттуда их действительно слышали.

Не успел я вернуться в Мадрид, как на стол посыпались вырезки из газет всей страны с броскими заголовками: "Советский посол заявляет: связь Со-

ветского Союза с ЭТА – ложь" (газета из Бильбао), "Посол СССР отвергает причастность своей страны к ЭТА" (газета из Наварры), "Советский посол отрицает взаимодействие КГБ с ЭТА" (газета из Валенсии), "Утверждения об отношениях между КГБ и ЭТА фальшивы. Их следует игнорировать" (газета "Эль Паис" из Мадрида). Гора вырезок из газет быстро растет. Все они были однозначно позитивные – мои высказывания цитировались точно, без искажений. Впервые никто не вступал в спор.

Одна правая газета "Йа" запоздала со своей реакцией на несколько дней. Но потом вместо информационного сообщения о сделанных мною заявлениях газета публикует статью своего ведущего обозревателя академика Рикардо де ля Сиерва, одного из виднейших приверженцев Франко. В этой статье, которую он назвал "Сюрприз со стороны посла", академик взрывается негодованием: как "осмелился посол отрицать связь ЭТА с КГБ?" И где? Находясь в Стране Басков! Но негодование его бессильным. Ему нечего было противопоставить моим словам!

Так из Страны Басков, с порога резиденции главы баскского правительства нам удалось радикально изменить отношение испанского общественного мнения к этой проблеме.

Н.А. Четыре года, которые Вы провели в Вашингтоне в качестве Посла СССР (1986–1990 гг.), стали продуктивным периодом качественного улучшения отношений с Америкой и прекращения холодной войны. В этот период состоялась встреча лидеров СССР и США в Рейкьявике; осуществлены официальные визиты М.С. Горбачева в США и Р. Рейгана в СССР; достигнуты первые в истории советско-американских отношений договоренности по разоружению. Интересно узнать, как Вам удалось обратить внимание советского руководства на необходимость принятия энергичных мер по улучшению состояния дел в этой сфере?

Ю.Д. Дело в том, что это было время нарастания опасного противостояния между СССР и США. Обе стороны концентрировали свое внимание прежде всего на том, чтобы не упустить момент, когда противоположная сторона может первой нажать кнопку термоядерной войны. Правда, в 1985 г. уже состоялась встреча президентов двух стран в Женеве и, движимые надеждой, эксперты начинали очень осторожно говорить о духе «женевских договоренностей», однако маховик конфронтации был раскручен с такой силой, что, пожалуй, еще и после этого продолжал даже набирать обороты.

В Москве ходом дел в отношениях с США после встречи в Женеве были недовольны. Там М. С. Горбачев принял приглашение Р. Рейгана нанести визит в США. Но в Москве вставал вопрос, чего можно ждать от этой встречи. Оправдает ли она те большие надежды, которые связывались с ней во всем мире? Поисками ответа на эти вопросы объясняется и экстренное решение направить меня в Вашингтон. Проведенные встречи и беседы в американской столице, собранные наблюдения,

о которых я доложил, побывав в Москве, вызвали большой интерес у советского руководства.

Было решено срочно подготовить развернутое послание М.С. Горбачева Р. Рейгану, направленное на, чтобы вывести США на конструктивные позиции по проблемам международной безопасности. Послание было нацелено на обеспечение результативности визита советского руководителя в США. По сути дела, это была целая программа преодоления холодной войны в сочетании с методологией движения к этой цели. В послании была дана откровенная оценка состояния отношений с США: «Мы разочарованы, как пошли наши дела после Женевы»; инициативы Советского Союза «не вызвали реального встречного движения со стороны США».

Далее с предельной откровенностью был изложен подход советской стороны к визиту в США: «без уверенности в достижении реальных соглашений не было бы смысла проводить такую встречу. Она лишь вводила бы в заблуждение общественное мнение и имела бы обратный эффект». Затем акцент в послании был перенесен на программу конкретных действий. Внимание сосредотачивалось на проблеме разоружения, и в частности на космических и стратегических наступательных вооружениях, на ракетах средней дальности в Европе, на прекращении ядерных испытаний.

Затрагивались и вопросы обычных вооружений, запрещения и уничтожения химического оружия, мирного урегулирования локальных конфликтов. Но послание не замыкалось только на кардинальных проблемах безопасности. В нем ставились и такие проблемы, как укрепление режима безопасности атомных электростанций, сотрудничество в мирном исследовании космического пространства, практические вопросы двусторонних отношений. Вместе с тем излагался и подход советской стороны к разработке решений по всем этим вопросам. Таков «ключ к осуществлению... решительного поворота в отношениях между СССР и США», – подчеркивалось в завершение послания.

Мне было поручено лично встретиться с президентом США, чтобы вручить ему послание и разъяснить его цели. Это было сделано. Таким образом, благодаря этой акции Советского Союза был дан импульс многогранной беспрецедентной дипломатической деятельности СССР и США по сбросу конфронтации, улучшению советско-американских отношений и преодолению холодной войны вплоть до начала 1990 г.

Интерес лично Рейгана концентрировался на дате визита М.С. Горбачева в США. Престиж Советского Союза в мире быстро нарастал и президент США не скрывал своего желания, чтобы советский лидер посетил США как можно скорее. Он предложил, чтобы это произошло уже в ноябре 1986 г. и просил Горбачева назвать конкретные даты. Но теперь сроки визита были поставлены в прямую зависимость от возможных договоренностей. И с обеих сторон были пред-

приняты титанические усилия, чтобы такие договоренности были достигнуты.

Предметное ознакомление с научным и экономическим потенциалом США подвигло меня на выдвижение перед Москвой большого количества масштабных инициатив по развитию связей с США в различных областях. Было и еще одно измерение моей деятельности в США – это общение с американским народом. «Дубинины, – написала газета «Вашингтон пост» 15 мая 1990 г., – наиболее популярные представители своей страны со времен Октябрьской революции 1917 г., вели самую широкую кампанию по связям с общественностью, которая когда-либо проводилась русскими в Соединенных Штатах». С лекциями, пресс-конференциями я посетил 38 штатов, некоторые по несколько раз, добрался до Гавайских островов, открыл памятник первому русскому губернатору Аляски – легендарному Баранову. Я был частым гостем на радио и телевидении.

Н.А. Уважаемый Юрий Владимирович, в этот период Вы активно работали над тем, чтобы снять барьеры между нашей страной и деятелями культуры, науки, покинувшими ее в советский период. Поделитесь, пожалуйста, Вашими воспоминаниями, связанными со встречами с интересными людьми?

Ю.Д. В США я встретился с Мстиславом Ростроповичем, с которым впервые познакомился еще в 1956 г. в Париже. В начале февраля 1989 г. я сообщил М. Ростроповичу, что он восстановлен в Союзе композиторов СССР. На Ростроповича это произвело большое впечатление. Он сказал много слов признательности для передачи центральному руководству в Москву. 1 марта 1989 г. мною было передано М. Ростроповичу приглашение посетить Советский Союз для выступления в рамках фестиваля американского искусства. Он поблагодарил меня, но заявил, что первый раз после нескольких лет отсутствия хотел бы побывать в СССР не в составе американского мероприятия, а самостоятельно.

В Москве отнеслись к этому с пониманием. Некоторое время спустя была достигнута принципиальная договоренность о выступлениях в СССР Национального симфонического оркестра США, которым руководил М. Ростропович. Он был глубоко тронут сообщением, и я предложил объявить об этом на совместной пресс-конференции в середине апреля 1989 г. На встрече с журналистами – их было много – М. Ростропович был сильно взволнован. Это действительно был момент большой эмоциональной нагрузки. И не только эмоциональной, но и политической. Фотография, на которой взволнованный М. Ростропович обнимается с советским послом, обошла весь мир.

Через год был отъезд оркестра. Ростроповича провожал, как говорится, "весь Вашингтон". Концерт в "Кеннеди-Центре" с программой московского выступления, большой прием с напутственными речами и словами: "Слава, добро пожаловать на Родину". Возвращение после успешных выступлений оркестра в СССР было отмечено большим

приемом, устроенным президентом Дж. Бушем в Белом доме. Был устроен прием и в советском посольстве.

Неоднократно я встречался со скульптором Э. Неизвестным. Как-то оказалась рядом моя внучка Катя. Ей было лет восемь. Она тянулась к карандашам и краскам. Узнав это, Э. Неизвестный взялся тут же рисовать с нею картину "в соавторстве". Произведение, весьма красочное, было быстро готово. И две подписи под ним: "Э. Неизвестный и ... Катенька". Таким образом, формы нашей культурной деятельности быстро обогащались. Русская открытость в сочетании с американской отзывчивостью и предприимчивостью помогали этому.

О приезде А.Д. Сахарова в США в середине ноября 1985 г. я узнал случайно. Никаких сообщений из Москвы не было. Сахаров к этому времени был освобожден от статуса затворника города Горького, но еще не полностью вписался в общественно-политическую жизнь Советского Союза. Внимание к нему в США было повышенным. Программа его пребывания была насыщенной. Она предусматривала и прием А.Д. Сахарова Р. Рейганом. Оставлять выдающегося ученого и крупного общественного деятеля нашей страны во время его поездки в США без внимания нашего посольства было бы неправильным, поэтому я незамедлительно сообщил организаторам визита А.Д. Сахарова о своем желании принять участие в наиболее важных из намеченных мероприятий. Организаторы поездки приветствовали такое решение. Начались встречи с обеда в Академии наук. Мое место за столом было рядом с А.Д. Сахаровым. Это было первое наше знакомство. А.Д. Сахаров оказался приятным и интересным собеседником.

К концу обеда у меня созрело решение пригласить его и желающих американских хозяев закончить вечер импровизированным приемом в посольстве. А.Д. Сахаров тотчас согласился с этим. Отправиться в посольство решили и все американские участники застолья. В посольстве ничего заранее не готовилось. Время было позднее. Но настроение у всех было хорошее, и все быстро организовалось. Лиана, моя супруга, сама занялась кофе, чаем, появилось и все необходимое в таких случаях.

А.Д. Сахаров расспрашивал меня о переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений, которые СССР вел тогда с американцами. Вопросы у него были предметные и нацелены на самую суть целого ряда ключевых проблем, мешавших движению вперед. На меня произвело впечатление, что А.Д. Сахаров с полным пониманием относился и к занимаемым нами позициям, и к нашей аргументации. Затронута при этом была и проблема крылатых ракет морского базирования с ядерными боеголовками. Тут выдержанный А. Д. Сахаров поддался эмоциям.

– То есть как это они (американцы) утверждают, что невозможно решить вопрос о контроле над ними, – воскликнул он. – Да для этого никаких инспекторов на корабли сажать не требуется. Все

можно сделать на расстоянии. Я скажу об этом Рейгану, все ему объясню», – заявил он. Американский президент ждал А.Д. Сахарова на следующий день. Конечно, не для разговоров по разоружению и тем более по такому деликатному вопросу, как сокращение крылатых ракет морского базирования – важной составляющей переговоров. Как мне потом рассказал сам Сахаров, Р. Рейган ограничился тем, что выслушал его мнение. В сообщении для печати о встрече американского президента с А.Д. Сахаровым об этой части их беседы Белый дом предпочел умолчать.

В 1989 г. в Советском Союзе впервые была избрана Мисс СССР. Событие получило международную огласку. Рядового американца оно убеждало, быть может, больше, чем многое другое, что в нашей стране действительно происходят нешуточные изменения. Реакция в США не заставила себя ждать: Мисс СССР – это была Юлия Суханова, получила приглашение от Мисс США – Дебби Тэрнер – совершить поездку в Соединенные Штаты и в начале октября оказалась в Вашингтоне.

Мною было дано поручение организовать прием по этому случаю в посольстве, который имел успех. Помимо приглашенных, залы посольства заполнила и вся армия теле- и фоторепортеров, которые следовали по пятам за королевами красоты сразу двух супердержав. На прием обратил внимание и президент США Дж. Буш. Его среди приглашенных не было. Но кадры об этом необычном протокольном мероприятии мелькали во всех телепрограммах. Я позволил себе назвать встречу Юлии и Дебби еще одним советско-американским саммитом – встречей на высшем уровне красоты и пожелать, чтобы в будущем наши страны состязались между собой только этим оружием.

Среди откликнувшихся на приглашение был один примечательный американец – директор весьма известного учреждения – Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Уэбстер. Я не преминул предложить ему сфотографироваться вчетвером: две красавицы, посол и руководитель ЦРУ. Уэбстер не сопротивлялся и первый же оказавшийся рядом репортер немедленно обдал эту улыбающуюся группу залпом фотовспышек. Естественно, среди фотоснимков о приеме я стал искать именно этот. Но ни в одной из газете его не обнаружил. Не нашлось его и в коллекциях, которые обычно присылали в посольство после мероприятий фоторепортеры. При первой же новой встрече с Уэбстером я задал ему вопрос:

– Так где же он, мистер Уэбстер, тот снимок? Улыбнувшись, Уэбстер ответил:

– О, мистер Дубинин, вы можете не сомневаться: он в надежном месте.

Н.А. В Ваших мемуарах Вы уделяете внимание так называемой «операции по спасению китов», которая получила в США название «Breakthrough operation». Не могли бы Вы рассказать и об этих событиях?

Ю.Д. Слово «breakthrough» означает прорыв, выход на новое качество. Этим выражением пестрили в те дни страницы газет и журналов,

сувенирные майки и спортивные костюмы. Вряд ли обозначишь точнее действия ледокола, сокрушившего ледовую твердь, чем назвав их «операция по прорыву». Но это выражение было точным и по другой причине: добрыми делами, понятными людям, взламывался и лед отчуждения между нашими странами, выросший за годы холодной войны, шаг за шагом создавалась новая атмосфера в советско-американских отношениях.

В 1989 г. зима пришла необычно рано. Уже во второй половине октября у берегов Аляски, обращенных к Северному полюсу, ударили сильные морозы. Весь Северный Ледовитый океан стал быстро обрастать панцирем льда. Обитавшие там серые киты обычно уходили на юг от надвигавшихся на свободную воду ледяных полей. Но на этот раз внезапно возникший ледовой барьер отрезал в районе мыса Барроу выход на морской простор трем китам. Они оказались запертыми льдами внутри своего рода озера – большой полыньи.

Киты еще жили в этом водоеме, но стужа делала свое дело: незамерзшей поверхности воды оставалось все меньше, и китам грозила смерть. Их трагедию заметили с вертолетов. Об этом сообщили средства массовой информации. Новость быстро овладела вниманием всей Америки. Люди с нарастающей тревогой следили за все более мрачными сообщениями телеграфных агентств. Интерес к судьбе китов проявил Р. Рейган. Наше посольство тоже. Всеобщим желанием было помочь китам. Но как это сделать? Нечего было и помышлять о какой бы то ни было экспедиции по льдам. Драма происходила далеко от берега, лед быстро нарастал, и даже если бы люди высадились на него с вертолетов, справиться со льдом, пробить в нем проход они никак не смогли бы. Вертолетом кита, увы, тоже не подхватишь. Для освобождения китов требовался мощный ледокол. Только ему было под силу прорубить канал в перемычке из льда – лед был 40–60 см толщиной – и открыть китам путь к спасению. Но таких ледоколов у американцев не было, во всяком случае в том районе.

21 октября ко мне обратились представители американской общественности с просьбой изыскать возможность направить советский ледокол для спасения попавших в беду китов. Я написал в Москву: «Если наше участие в подобной операции практически возможно, то его следовало бы осуществить». В тот же день к посольству с официальной просьбой о помощи в спасении китов обратился и Госдепартамент. Он также рассчитывал на то, что мы сможем послать к мысу Барроу наш ледокол. Москва на мою телеграмму среагировала быстро и положительно. Посольству сообщили, что к спасательной операции было решено привлечь ледокол «Адмирал Макаров». Он находился в 300 милях от места происшествия. Резко сменив курс, ледокол направился на помощь китам. В операции принял также участие еще один наш ледокол – «Адмирал Арсеньев».

■ История

Госдепартамент, который был посольством проинформирован об этом решении, немедленно поставил в известность средства массовой информации. С этого момента Америка с пристальным вниманием следила за тем, какое расстояние отделяет наши ледоколы от полыньи, где были пленены киты. Люди победили. Пробив брешь во льдах, наши ледоколы открыли китам путь к спасению. Правда, на свободу вышли только два. По Америке прокатилась волна благодарности к нашей стране и советским морякам-полярникам.

В посольство шли письма и телеграммы, выражающие признательность. Меня пригласили провести пресс-конференцию в Нью-Йорке по этой теме. Министр торговли США Билл Верити устроил в январе 1989 г. специальную церемонию, на которой он от имени американской администрации передал мне, как советскому послу, памятные таблички и сувениры посольству, капитанам и экипажу ледоколов «Адмирал Макаров» и «Адмирал Арсеньев». Общественность США выступила с инициативой создания во Владивостоке скульптуры в честь спасения китов советскими моряками. Посольство эту инициативу поддержало, и вскоре скульптор Джеффри Файбер отправился устанавливать ее.

Н.А. Уважаемый Юрий Владимирович, известно, что Ваша публичная деятельность находила широкий благожелательный отклик в США. Расскажите и об этом, пожалуйста.

Ю.Д. Вот как оценил эту деятельность госсекретарь США Дж. Бейкер на прощальном приеме в советском посольстве 10 мая 1990 г.: «На протяжении этих многих, иногда бурных, месяцев Юрий напоминал нам с достоинством, тактом и чувством юмора, что основная первоначальная функция посла остается в неприкосновенности. Он привнес в свою деятельность достойные восхищения верность и преданность делу, а также высокий профессионализм. Благодаря ему мы убедились в том, что отдельные личности в состоянии делать свои страны лучше. Короче говоря, он вновь продемонстрировал обеим сторонам, что человеческий фактор ничем нельзя заменить, независимо от того, далеко или близко находятся друг от друга страны и велики или малы возникающие вопросы. И если мы хотим гармонии, то нам особенно будут нужны мужчины и женщины, прекрасно владеющие искусством достижения

гармонии – профессиональные послы, такие, как Юрий Дубинин».

Незадолго до отлета из США я был приглашен выступить в качестве главного гостя на выпускном акте международного факультета столичного университета Джорджа Вашингтона. Такого рода церемонии возведены в США в общенациональную традицию. Проходят они и в средних, и в высших учебных заведениях с большой торжественностью при участии не только преподавательского состава и студентов, но и родных, и друзей выпускников. Быть приглашенным на роль главного выступающего в такой церемонии в Америке почитают за большую честь государственные, политические и общественные деятели всех уровней, включая и президента. Задача такого выступающего – дать напутствие в жизнь оканчивающим учебное заведение. Руководство университета не только пригласило на эту роль меня, что в отношении посла нашей страны было сделано впервые. В своей речи президент университета Стефен Трахтенберг заявил: «Как Посол Союза Советских Социалистических Республик, Вы в течение четырех лет выполняли свою миссию во время беспрецедентного изменения в отношениях между двумя нашими странами. Вы проявили себя искусным и гибким государственным деятелем, когда враждебность уступила дорогу открытости, когда подозрительность сменялась надеждой, а американцы научились произносить слова «гласность» и «перестройка» также легко, как они произносят "бейсбол" и "яблочный пирог"...

Возможно, – подчеркнул он, – самым ярким и убедительным свидетельством меняющихся отношений между нашими странами, тех отношений, которым Вы служили и которые пестовали, американский университет, носящий имя отца-основателя Соединенных Штатов Америки, по случаю присвоения вам степени Доктора гражданской службы этого университета».

Я покинул Вашингтон за две недели до визита в США М.С. Горбачева, когда он дал согласие Дж. Бушу на вхождение ФРГ в НАТО, открыв, по сути дела, этому военно-политическому союзу, к изумлению даже самих американцев, путь на Восток...

Anikeeva N.E. The memories of distinguished diplomat Yuri Vladimirovich Dubinin.

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИНВЕСТОРОВ: СУВЕРЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ФОНДЫ VS ЭНДАУМЕНТЫ

Е.С. Бирюков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассмотрены два основных оригинальных подхода к инвестированию средств институциональных инвесторов (общий объем их активов в мире составляет около 100 трлн долл.) – суверенного инвестиционного фонда Норвегии Глобал и эндаумент-фонда Йеля. Фонд Глобал с активами в размере 716 млрд долл. является крупнейшим институциональным инвестором в мире, его стратегия исходит из предположения об эффективности рынков и их долгосрочном росте и заключается в балансе инвестиций в акции, облигации и с недавнего времени – в недвижимость. Финансисты Йеля в 1990-х гг. произвели революцию в подходе к инвестированию средств в пользу внебиржевых инвестиций и недвижимости, переориентировавшись с вложений на внутреннем рынке на зарубежные рынки. Не все институциональные инвесторы готовы следовать данным стратегиям из-за риска отрицательной доходности в кризисные периоды, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе эти подходы позволяют обыгрывать инфляцию. Например, эндаумент Йеля вырос с 1985 по 2012 г. с 1,6 млрд до 19 млрд долл., а высокая доходность позволяет ежегодно передавать в бюджет вуза по 1 млрд долл. Эндаумент-фонды являются одним из ключевых источников доходов бюджетов ведущих американских вузов. Анализ инвестиционной политики эндаумент-фондов и инвестиционных фондов показывает, что кардинальные изменения в концепции инвестирования стали происходить с конца 1980 – начала 1990-х гг. Оба данных институциональных инвестора перестали ориентироваться на консервативные инструменты – облигации и депозиты и используют другие варианты: Глобал – акции, Йель – внебиржевые инвестиции, хедж-фонды, вложения в недвижимость и др. При расширении спектра инструментов, в которые вкладываются средства, увеличивается и волатильность доходов, в связи с чем институциональные инвесторы обязаны быть и транспарентными, и объяснять обществу мотивы изменения инвестиционной стратегии.

Ключевые слова: эндаумент-фонды, институциональные инвесторы, суверенные инвестиционные фонды.

В мировой финансовой системе важное место занимают институциональные инвесторы. К ним относятся пенсионные фонды, страховые компании, суверенные инвестиционные фонды, хедж-фонды, эндаумент-фонды. Общий размер активов мировой финансовой системы составляет 225 трлн долл.[1] (мировой ВВП – 66,4 млрд долл.[2]). Размер активов институциональных инвесторов мира составляет около 100 трлн долл., крупнейшие группы институциональных инвесторов показаны на диагр. 1.

Диаграмма 1
Размер активов крупнейших институциональных инвесторов мира, трлн долл.

Источники: по пенсионным фондам – Global Pensions Assets Study 2013. L.: Towers Watson. 40 p. [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://www.towerswatson.com/DownloadMedia.aspx?media={5AC4BED2-A4F9-4C9E-AB9D-5087579BF96D}>; по суверенным инвестиционным фондам – данные Sovereign Wealth Funds Institute <http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/> Другие институциональные инвесторы – TheCityUK Fund Management 2012. L.: TheCityUK. 14 p. Примечание: т.к. оценки активов в различных источниках отличаются, была взята информация организаций, исследования которых считаются наиболее качественными в данных областях.

В последние годы в экономической литературе при анализе инвестиционных стратегий институциональных инвесторов, ориентирующихся прежде всего на сохранность капитала (противоположная цель – максимизация прибыли при пренебрежении к риску характерна для хедж-фондов), выделяют две различные модели инвестирования – норвежского Государственного пенсионного фонда Глобал и эндаумент-фонда американского университета Йель.

Суверенные инвестиционные фонды и эндаументы как особые виды институциональных инвесторов

На первый взгляд кажется странным, почему предметом анализа являются инвестиционные стратегии суверенного фонда и эндаумента, относящихся к далеко не самым крупным группам институциональных инвесторов. Так, по суммарному размеру активов пенсионные фонды, как показано на рис. 1, в 5 раз превышают суверенные инвестиционные фонды. Что касается эндаументов, то их суммарный размер, в свою очередь, в 6 раз меньше размера суверенных инвестиционных фондов и составляет около 0,85 трлн долл. Однако, во-первых, фонд Норвегии с активами размером 716 млрд долл. является крупнейшим институциональным инвестором в мире (пенсионные фонды по отдельности меньше крупнейшего суверенного ин-

вестиционного фонда – норвежского, хотя суммарно они – крупнейшие инвесторы). Во-вторых, инвестиционные стратегии пенсионных фондов традиционно являются достаточно консервативными, а стратегии фонда Глобал и эндаумента Йеля являются более проработанными, обеспечивают большую доходность и дополнительно к этому эволюционируют с учетом практических результатов.

Суверенные инвестиционные фонды – принадлежащие государству организации, которые управляют валютными активами государства отдельно от управления официальными валютными резервами. Суверенные инвестиционные фонды России – Резервный фонд и Фонд национального благосостояния – по суммарному размеру активов сходят в 10 крупнейших суверенных инвестиционных фондов мира, а их инвестиционная политика активно обсуждается в нашей стране, поэтому анализ зарубежного опыта инвестиций СИФ также имеет практическую направленность.

Эндаумент-фонды – фонды, в которых какая-либо организация (вуз, музей, социальные, некоммерческие организации и др.) аккумулируют пожертвования. Сами данные средства, в отличие от обычного фонда, не расходуются сразу, а инвестируются в акции, недвижимость, паевые фонды, размещаются на депозитах и т.д. и таким образом постоянно прирастают. Финансирование программ происходит из инвестиционного дохода, а сам капитал эндаумента, как правило, остается неприкосновенным и реинвестируется. Подобный механизм эффективен при долгосрочном целеполагании организации. В форме эндаумента действует Фонд Нобеля, выплачивающий Нобелевские премии. В ведущих зарубежных университетах поступления из эндаумент-фондов являются крупнейшей статьей доходов бюджета – в Принстоне, Гарварде, Йеле на них приходится 38 – 47% доходов. В России создание эндаумент-фондов стало возможным с 2007 г., после принятия Федерального закона №275-ФЗ от 30.12.2006 г. «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». С этого момента в нашей стране создано 110 эндаументов, суммарный размер которых составляет 24 млрд руб., крупнейшими являются «Урал-Инвест Плюс», эндаумент «Сколтеха» и Фонд развития МГИМО. Многие российские вузы и ряд музеев достаточно активно развивают свои эндаументы, поэтому анализ мирового опыта инвестирования их средств имеет практическую актуальность.

Крупнейшие суверенные инвестиционные фонды мира классифицированы в табл. 1. При анализе эндаумент-фондов мира, как правило, рассматривают фонды, принадлежащие вузам США, активы которых показаны в табл. 2. В то же время известны и другие виды эндаументов, которые крупнее, чем вузовские фонды (Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд ИНГКА, созданный основателем ИКЕА Ингваром Кампрадом).

Таблица 1

Размер активов крупнейших суверенных инвестиционных фондов мира, 2012 г., млрд долл.

	Страна	Название фонда	Активы млрд долл.	Год создания	Источник поступлений
1	Норвегия	Правительственный инвестиционный фонд – Глобал	715,9	1990	Нефть
2	ОАЭ (Абу-Даби)	Инвестиционное агентство Абу-Даби	627	1976	Нефть
3	Китай	Инвестиционная компания Госагентства по валюте	567,9	1997	Другое
4	Саудовская Аравия	Иностранные активы Саудовского денежного агентства	532,8	н.д.	Нефть
5	Китай	Китайская инвестиционная корпорация	482	2007	Другое
6	Кувейт	Инвестиционное агентство Кувейта	342	1953	Нефть
7	Гонконг (Китай)	Инвестиционный портфель денежного агентства Гонконга	298,7	1993	Другое
8	Сингапур	Инвестиционная корпорация Правительства Сингапура	247,5	1981	Другое
9	Россия	Резервный фонд и Фонд национального благосостояния	175,5	2008	Нефть
10	Китай	Национальный фонд социальной безопасности	160,6	2000	Другое

Источник: Sovereign Wealth Funds Institute.

Таблица 2

Размер активов крупнейших вузовских эндаумент-фондов США, 2011 г., млрд долл.

	Вуз	Активы млрд долл.
1	Гарвард	31,7
2	Йель	19,4
3	Университет Техаса	17,1
4	Принстон	17,1
5	Стэнфорд	16,5
6	Массачусетский технологический институт	9,7
7	Университет Мичигана	7,8
8	Колумбийский университет	7,8
9	Северо-западный университет	7,2
10	Техасский Эй энд Эм университет	7,0

Источник: National Association of College and Business Officers (NACUBO) [electronic resource]. – Mode of access: http://www.nacubo.org/Research/NACUBO-Commonfund_Study_of_Endowments/Public_NCSE_Tables.html

Инвестиционная политика фонда Глобал

В целом и стратегии СИФов, и стратегии эндаументов сильно различаются. В то же время терминологически в последние годы часто используют словосочетание «инвестиционная модель эндаументов», поскольку многие аме-

риканские эндаументы, основываясь на более быстрых темпах роста капитала у фонда Йеля, стали следовать этой же модели. Мы будем использовать термины «инвестиционная стратегия фонда Глобал» и «инвестиционная стратегия эндаумента Йеля».

Если в экономике ключевым показателем деятельности компании является прибыль, то на фондовом рынке – соотношение прибыли/риск. В укрупненном виде разница между двумя подходами к инвестированию заключается в том, что эндаумент-фонды следуют более рисковым стратегиям, инвестируя в более широкий спектр активов – и по классам активов, и по географическому распределению – с целью получить большую доходность, чем та, которую могут дать рынок акций и облигаций. Во многом это объясняется низкими темпами роста и ставками по облигациям, которые были характерны для развитого американского рынка. В норвежской модели основой инвестирования является предположение об эффективности рынков и ориентация на доходность рынков акций и облигаций в качестве так называемого бенчмарка, базы, с целью несколько опередить ее за счет профессионального управления.

Рассмотрим вначале инвестиционную политику фонда Норвегии Глобал. Фонд был создан в 1990 г. для управления частью поступающих в бюджет страны доходов от продажи нефти. Первые средства в фонд были направлены только через 6 лет с момента его создания, в 1996 г., когда образовался бюджетный профицит. К 2012 г. фонд стал крупнейшим институциональным инвестором в мире. План по госбюджету Норвегии позволяет спрогнозировать удвоение капитала фонда до 2020 г., когда ожидается снижение добычи нефти Норвегией. Трансферы из фонда могут быть сделаны только в госбюджет, а оттуда – направлены в норвежскую экономику. Трансферы покрывают так называемый нефтефтяной дефицит бюджета – разницу между расходами бюджета и нефтефтяными доходами бюджета. В долгосрочном плане поставлена цель, чтобы в бюджет ежегодно выводилось 4% активов фонда, а среднегодовая реальная доходность была не ниже этой величины. В благоприятные экономические периоды, когда налоговые доходы являются высокими, будет использоваться менее 4% доходов фонда, в неблагоприятные экономические периоды с целью антициклической политики будет использоваться более 4% доходов. В районе 2020 г. ежегодные изъятия из фонда на покрытие нефтефтяного дефицита бюджета будут превышать размер средств, поступающих в фонд, однако размер фонда будет таким, что за счет суммы инвестиционного дохода и второго источника прироста капитала – доходов от инвестиций – сокращения капитала фонда происходить не будет. Основные вехи, связанные с суверенным инвестиционным фондом Глобал, показаны на рис. 1.

Важные события в корректировке инвестиционной стратегии фонда Глобал

Источники: Chambers D. et al. *The Norway Model* / D. Chambers, E. Dimson, A. Ilmanen [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1936806>

Концепция инвестиций фонда Глобал заключается в максимизации «международной» покупательной способности активов при допустимых уровнях рисков. Изначально инвестиционная декларация фонда ограничивалась облигациями. В 1998 г. в инвестиционную декларацию были внесены изменения, позволяющие инвестировать 40% средств в акции. Затем было разрешено инвестировать в более широкий спектр активов, а максимальная доля акций была увеличена до 60%. В 2008 г. принято решение о введении в портфель недвижимости в размере до 5% его стоимости за счет снижения доли облигаций.

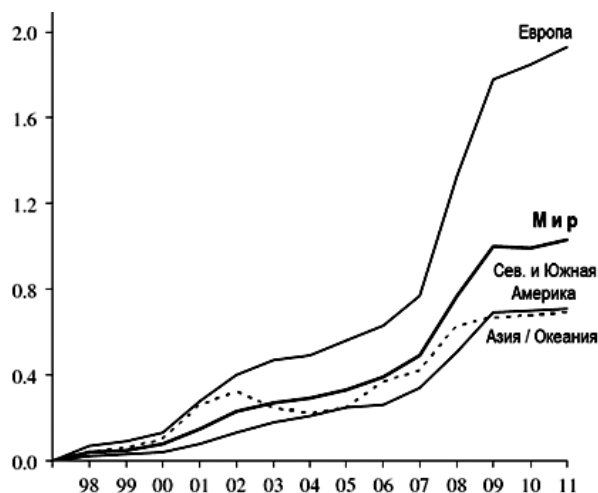
Инвестиционная политика зиждется на двух составляющих. Во-первых, это уверенность в эффективности фондовых рынков и выгоды инвестиций в них – долгосрочная стратегия основывается на диверсификации инвестиций по различным классам активов, составляющих стратегический портфель, взятый за бенчмарк (эталонную базу), устанавливаемый министерством финансов и парламентом Норвегии. Бенчмарк по каждому виду активов определяет степень склонности фонда к риску. Во-вторых, брокерам инвестиционной компании Центробанка (Norges Bank Investment Management) разрешено осуществлять так называемое активное управление с целью получения доходов, превышающих бенчмарк. В качестве бенчмарка для инвестиций в акции фондом Глобал используются кумулятивные общепромышленные индексы FTSE для развитых, «продвинутых» формирующихся и «вторичных» формирующихся рынков. Веса регионов являются следующими: Европа, кроме Норвегии, – 50%, Америки/Ближний Восток/Африка – 35 %, Азия и Океания – 15%.

Для составления бенчмарка для инвестиций в облигации берутся веса из 60% индексов, рассчитываемых компанией Барклайз, за исключением Норвегии, 35% по США/Канаде и 5% Азии/Океании. Большой вес Европы по сравнению с рыночной капитализацией ее ценных бумаг частично вызван валютными курсами, поскольку

ку инвестиции не хеджируются по валютным рискам, а обменные курсы норвежской кроны менее волатильны относительно европейских валют по сравнению с валютами из других регионов. Когда возможно, ребалансировка портфеля осуществляется путем направления ежемесячных поступлений из бюджета Норвегии в тот тип актива/регион, который имеет наибольшее негативное отклонение от бенчмарка.

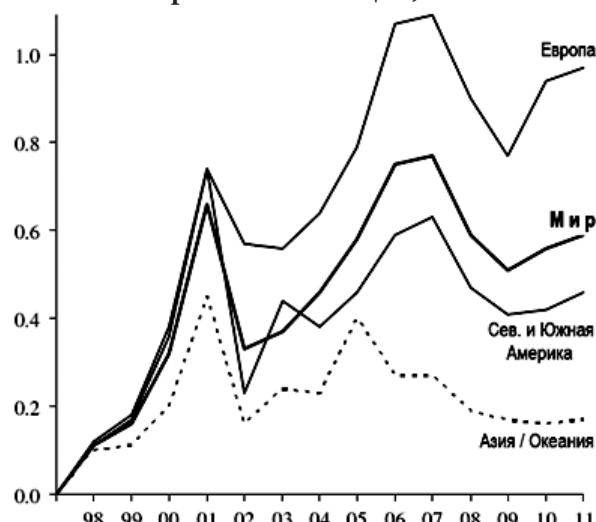
В портфеле фонда находятся акции 8400 компаний из различных стран мира, при этом в значительном числе компаний он входит в число крупнейших акционеров. Вложения фонда составляют 1% от капитализации всех котирующихся компаний в мировом индексе FTSE и 2% в Европе (см. граф. 1). В портфеле облигаций – ценные бумаги 7945 компаний, что составляет 0,6% капитализации индекса Барклайз (см. граф. 2)[6].

График 1
Доля фонда Глобал на мировом и континентальных рынках акций

Источники: Chambers D. et al. *The Norway Model* / D. Chambers, E. Dimson, A. Ilmanen [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1936806>

График 2
Доля фонда Глобал на мировом и континентальных рынках облигаций, %

Источник: Chambers D. et al. The Norway Model / D. Chambers, E. Dimson, A. Ilmanen [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://ssrn.com/abstract=1936806>

Инвестиционная политика эндаумент-фонда Йеля

Вторым подходом к инвестированию средств институциональных инвесторов является инвестиционная стратегия суперэндаументов – крупнейших образовательных эндаументов США. Данная модель является фактически противоположной модели норвежского фонда Глобал. Инвестиции фонда Норвегии практически полностью направляются в ценные бумаги, торгуемые на организованном рынке, отклонение распределения активов по классам является минимальным от норматива. В более широком смысле – инвестирование ориентировано на бета-коэффициент, в отличие от коэффициента альфа у так называемых суперэндаументов (так называются крупнейшие эндаументы, размер активов которых превышает 1 млрд долл.), которые ориентируют инвестиционных менеджеров на систематическое рисковое инвестирование путем вложения средств в считающиеся недооцененными активы.

У американских вузовских эндаументов уже сформировался имидж пионеров инновационного инвестирования. В 1920–1930 гг. в своей инвестиционной стратегии они перешли к акциям, несмотря на время Великой депрессии. В долгосрочной перспективе данная перестройка стратегии оказалась эффективной [7]. Однако до 1980-х гг. практически все вузы при вложении средств эндаументов ограничивались вложениями исключительно на внутреннем рынке в акции, облигации и депозиты. «Революцию» в сфере управления активами эндаументов совершил Йельский университет. Инвестиции в традиционные инструменты и на внутреннем, развитом, рынке не позволяли получать высокую доходность. В результате сложилась такая ситуация, что, учитывая инфляцию, рост номинальной стоимости активов, передаваемых

выпускниками в эндаумент, был ниже инфляции, то есть в реальном выражении капитал обесценивался.

С 1985 г. и по настоящее время за инвестиции Йеля отвечает Дэвид Свенсен, окончивший этот университет в 1980 г. Он переориентировал стратегию на вложения с низкодоходного американского рынка в зарубежные рынки, а также с традиционных классов активов (акции, облигации, депозиты) в альтернативные – хеджевые фонды и т.д. В результате данных изменений рост активов эндаумента Йеля стал опережать инфляцию (см. граф. 3) и с 1993 г. рыночная стоимость эндаумента (кривая линия) стала превышать сумму внесенных в эндаумент взносов, посчитанную с учетом инфляции (темная площадь на графике).

График 3
Сравнение динамики активов эндаумента Йеля и покупательной способности сделанных взносов, 1950–2012 гг.

Источник: Официальный отчет эндаумент-фонда Йеля за 2012 год: 2012 Yale Endowment. P 14. [Electronic Resource]. Mode of access: http://investments.yale.edu/images/documents/Yale_Endowment_12.pdf

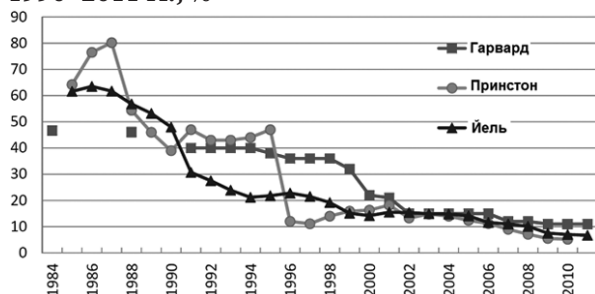
Результатом изменения инвестиционной стратегии стало резкое увеличение доходности капитала эндаумента Йеля, а сам капитал увеличился с 1,6 млрд долл. в 1985 г. до 19,3 млрд долл. – в 2012 г. – 12-кратный рост менее чем за 30 лет (следует отметить, что рост достигается не только инвестициями, но и внесением новых пожертвований выпускников; однако сам университет ежегодно изымает средства из эндаумента в свой бюджет, в 2009–2012 гг. – по 1 млрд долл. ежегодно) [8].

Анализируя успехи Йеля, его инвестиционную стратегию переняли вузы-конкуренты. В 1985 г. 69% средств эндаумента Гарварда были инвестированы в акции и облигации на внутреннем рынке, у Принстона этот показатель составлял 85%, у Йеля – 78%. В американские торгуемые на фондовом рынке акции было вложено почти 50 % средств эндаумента Гарварда и более 60 % – Йеля и Принстона. Буквально за 15-летний период данные эндаументы поменяли инвестиционные стратегии на зеркально-противоположные. Произошло снижение доли акций

в инвестиционном портфеле и рост альтернативных инструментов. К настоящему моменту вложения в акции снизились у Йеля и Принстона с 60 до менее чем 10% портфеля, у Гарварда – с 40 до 10% (см. граф. 4).

График 4

Доля средств эндаумента, вложенных в биржевые акции на фондовом рынке США, 1990–2011 гг., %

Источник: Goetzmann N. *Competition among University Endowments* / N. Goetzman, S. Oster // NBER Working Paper Series. Working Paper 18173. P. 24.

В то же время в 1985 г. ни один из анализируемых эндаументов не осуществлял вложения в альтернативные классы активов. К этой категории относят так называемые private equity (внебиржевые вложения); альтернативные инвестиции, к которым относят следующие категории фондов: хеджевые, с абсолютной доходностью, нейтральные к рынку, длинные/короткие, 130/30; событийные инвестиции; деривативы; венчурный капитал; инвестиции в недвижимость вне кампуса; товары и фьючерсы на товары; токсичные активы.

С 1990 по 1998 г. сначала Йель, затем Принстон и Гарвард начали инвестировать в хедж-фонды, в настоящее время данные на данные активы приходится 20% портфелей. По состоянию на 1985 г. эндаумент-фонды направляли в такую категорию активов, как внебиржевые вложения, малозначительную долю активов: Гарвард – 7%, Йель – 3%, Принстон – 2%. Под внебиржевыми вложениями (private equity) понимают такие виды инвестиций, как выкуп с рычагом (выкуп компании за счет заемных средств), мезонинный кредит (кредит под залог доли), фонды слияний и поглощений и пр. К настоящему моменту у Йеля и Принстона доля внебиржевых вложений выросла до 35% (см. граф. 5).

Существенным негативным моментом, связанным с альтернативными инвестициями, явилось то, что в условиях финансового кризиса 2007 – 2008 гг., когда вузы испытывали потребность в средствах, данные активы оказались неликвидными, и эндаументы были вынуждены продавать их для получения денег по заниженной стоимости. Тем не менее в целом новая концепция инвестирования средств эндаументов не претерпела существенных изменений. Однако до 5% активов фонды стали держать в так называемом кэше – краткосрочных денеж-

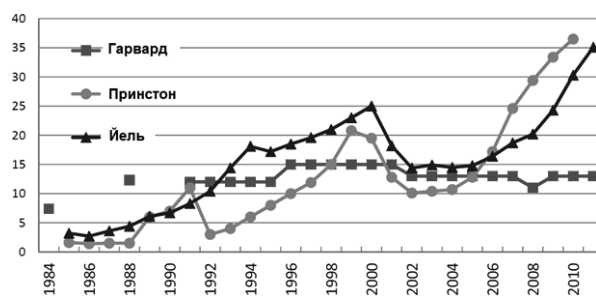
ных инструментах. В целом, по данным американской организации NACUBO (The National Association of College and University Business Officers), в среднем эндаументы, капитал которых превышает 1 млрд долл. (суммарно – 70% от капитала вузовских эндаументов), 61% средств инвестируют в альтернативные стратегии, еще 15% – в акции на зарубежных фондовых рынках и только 12% – в акции на внутреннем рынке, 9% – в облигации и депозиты, 3% – держат в деньгах или в краткосрочных высоколиквидных бумагах.

В то же время следует отметить, что по табл. 4 можно наблюдать полную корреляцию – чем больше размер фонда, тем меньше он инвестирует в акции на местном фондовом рынке и инструменты с фиксированной доходностью и больше – в альтернативные стратегии. Сравнение распределения активов в двух полярных группах эндаументов – размером более 1 млрд долл. и менее 25 млн долл. – можно сделать на основе табл. 4 и диаграмм 2 и 3. Кроме того, данные диаграммы показывают распределение инвестиций внутри альтернативных стратегий.

Что касается «суперэндаументов» – таких, как Гарвард, Йель и др., являющихся элитой в элите даже среди эндаументов с капиталом более 1 млрд долл., то и здесь корреляция между размером и инвестициями продолжится – они инвестируют еще меньше активов в акции и инструменты с фиксированной доходностью и больше – в альтернативные стратегии. Отметим, что в России всего два эндаумента попадали бы в группу с размером от 101 до 500 млн долл., два – от 25 до 50 млн долл., а остальные – менее 25 млн долл. У американских эндаументов с капиталом менее 25 млн долл. только 11% приходится на альтернативные стратегии и 14% – на вложения в акции на зарубежных фондовых рынках (см. табл. 3). И поскольку у них нет возможности найма наиболее профессиональных управляющих, многие данные фонды управляют средствами не самостоятельно, а через механизм доверительного управления.

График 5

Доля средств эндаумента, инвестированных во внебиржевые вложения (private equity), 1990 – 2011 гг., %

Источник: Goetzmann N. *Competition among University Endowments* / N. Goetzman, S. Oster // NBER Working Paper Series. Working Paper 18173. P. 24.

Таблица 3

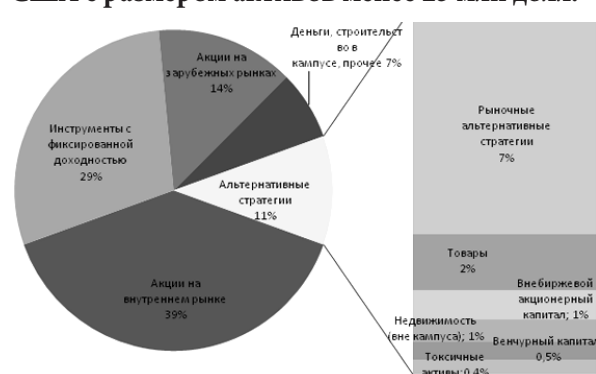
Распределение активов американских вузовских эндаументов в 2012 финансовом году

Размер эндаумента (млн долл.)	Акции на фондовом рынке США	Инструменты с фиксированным доходом	Акции на зарубежных фондовых рынках	Альтернативные стратегии	Источник поступлений
< 1 000	12	9	15	61	3
501-1000	18	12	17	48	5
101-500	25	16	18	36	5
51-100	31	22	18	24	5
25-50	35	24	16	19	6
< 25	39	29	14	11	7

Источник: <http://www.nacubo.org/Documents/research/2012NACUBOPublicTablesAssetAllocationsFinalJanuary222013.pdf>

Диаграмма 3

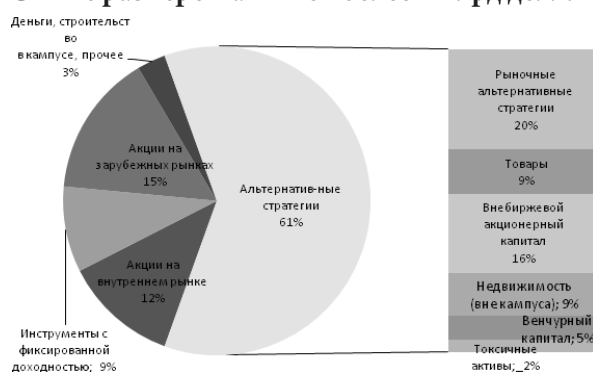
Инвестиционные стратегии эндаументов США с размером активов менее 25 млн долл.

Источник: составлено автором по данным The 2012 NACUBO-Commonfund Study of Endowments.

Диаграмма 2

Инвестиционные стратегии эндаументов США с размером активов более 1 млрд долл.

Источник: составлено автором по данным The 2012 NACUBO-Commonfund Study of Endowments.

Таким образом, были рассмотрены совершенно отличающиеся друг от друга стратегии фондов Глобал и Йеля, наглядно их различия показывает табл. 4.

Долгосрочная доходность стратегий фонда Глобал и эндаумента Йеля

В табл. 5 показана годовая доходность фондов Глобал, Йеля и эндаументов в среднем (по суверенным инвестиционным фондам среднюю доходность посчитать невозможно, так как не все из них предоставляют подобную статистику). Инвестиционная стратегия Йеля в долгосрочной перспективе приносит большую прибыль по сравнению со стратегией Глобал. При этом следует принимать во внимание размер активов фонда Глобал, который превышает активы Йеля

Таблица 4

Сравнение инвестиционных стратегий суверенных инвестиционных фондов (на примере Глобал) и эндаументов (на примере Йеля)

Размер эндаумента (млн долл.)	Акции на фондовом рынке США	Инструменты с фиксированным доходом
Размер активов и место среди аналогичных фондов	716 млрд долл., первое место среди институциональных инвесторов мира	19,4, второе место среди вузовских эндаументов США
Благополучатель	Страна (Норвегия, госбюджет)	Университет (Йель, бюджет)
Стратегия относительно динамики рынка	Ориентация на β -коэффициент – полная корреляция изменения стоимости портфеля с динамикой рынков	Ориентация на α -коэффициент – стремление к росту портфеля без связи с динамикой рынка
Отношение к эффективности фондового рынка	Мнение об эффективности фондового рынка и долгосрочном его росте	Инвестиции на фондовом рынке: 17,5% от портфеля
Отношение к активному менеджменту	7% портфеля, 44 человека	Ориентация на активный менеджмент
Внебиржевые инвестиции (private equity)	0%	35% портфеля
Недвижимость	До 5% портфеля	22% портфеля
Доля внутреннего рынка	0%	Акции и облигации < 10%, с учетом альтернативных инвестиций < 50%

Источник: составлено автором.

Таблица 5

Доходность фонда Глобал, эндаумента Йеля, средняя доходность эндаументов США, 1999 – 2012 гг.

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	В среднем
Фонд Глобал	12,44	2,49	-2,47	-4,74	12,59	8,94	11,09	7,92	4,26	-23,3	25,62	9,62	2,36	13,4	5,2
Эндаументы вузов США	Нет данных	12,1	-3,5	-6,2	3,2	15,3	9,3	10,8	17,2	-3	-19,7	11,9	19,2	-0,3	5,1
Эндаумент Йеля	12,2	41,0	9,2	0,7	8,8	19,4	22,3	22,9	28	4,5	-24,6	8,9	21,9	4,7	12

Источник: отчеты за соответствующие годы эндаумента Йеля [electronic resource] – mode of access: <http://investments.yale.edu/index.php/reports/endowment-update>; отчеты Глобал [electronic resource] – mode of access: <http://www.regjeringen.no/en/dep/fin/Selected-topics/the-government-pension-fund/government-pension-fund-global-gpfg.html?id=697027>; The Commonfund NACUBO Endowment Study [electronic resource] – mode of access: <http://www.nacubo.org/Documents/research/2012NCSEPublicTablesAnnual%20RatesReturnFinalJanuary222013.pdf>

в 40 раз. Позволил бы такой размер активов (по этому показателю, как было сказано выше, Глобал является крупнейшим институциональным инвестором в мире) следовать стратегии, аналогичной Йелю?

На наш взгляд, позволяет, поскольку на Глобал приходится менее 0,4% активов мировой финансовой системы, а инвестиции фонда осуществляются диверсифицированно, следовательно, они могут быть постепенно распределены в другие виды активов, и это не будет оказывать существенного влияния на ценообразование. Однако этого не произойдет, поскольку подходы к формированию концепции инвестирования Глобал и Йеля, как показано в табл. 4, полностью отличаются. Пожалуй, основной особенностью концепции Глобал является уверенность финансистов фонда в долгосрочной эффективности рынков, а основной особенностью Йеля – активное управление инвестициями, кроме того, здесь необходимо учитывать и человеческий фактор – талант Д. Свенсена, поэтому повторить ее другим фондам несколько сложнее.

Важно отметить, что обе концепции позволяют опережать инфляцию, поэтому они обе являются эффективными и изучаются другими институциональными инвесторами и финансистами.

В табл. 6 показана доходность эндаументов в зависимости от размера за последние 10 лет. По таблице отчетливо прослеживается корреляция между размером эндаумента (а соответственно и теми расходами на управление инвестициями, которые фонд может себе позволить) и доходность. Опять же, доходность «суперэндаументов» – еще выше. Следует также отметить, что у определенной части общества и СМИ существует скепсис относительно эффективности концепций как Глобал, так и Йеля. В наибольшей степени это проявляется в кризисные годы. Фонд Глобал демонстрировал отрицательную доходность в 2001 – 2002 гг. и в 2008 г. эндаумент Йеля прошел через кризис 2001 – 2002 гг. без падения стоимости активов.

Тем более неожиданным оказался следующий кризис, когда стоимость активов упала на четверть. В этой связи оба фонда стремятся быть максимально транспарентными: Глобал – для

норвежского общества, Йель – для выпускников и общества в целом. Кроме того, несмотря на проседания и существенную волатильность доходности, в среднем она опережает инфляцию. Кроме того, стратегии нестатичны – на основе их практического применения вносятся коррективы.

В табл. 7 дается сравнение доходности эндаументов и индексов рынков акций – S&P 500, Russell 3000, MSCI World; облигаций – Barclays U.S. Average Bond; смешанного портфеля, состоящего из 60% акций и 40% облигаций; инфляции в США и инфляции для высшей школы, поскольку динамика зарплат и других расходов вузов отличается от инфляции. Средняя доходность эндаументов опережает любой из данных индексов, в том числе и доходность наиболее маленьких эндаументов опережает индексы, т.е. в результате инвестирования средства эндаументов в реальном выражении растут.

Таблица 6

Доходность вузовских эндаументов США, 2003 – 2012 гг.

Размер эндаумента	Доходность
> \$1 млрд	7,6
\$0,5 – 1 млрд	6,6
\$101 – 500 млн	6,0
\$51 – 100 млн	5,7
\$25 – 50 млн	5,8
< \$25 млн	5,7
Все эндаументы	6,2

Источник: <http://www.nacubo.org/Documents/research/2012NCSEPublicTablesAvgOneThreeFiveandTenYearReturnsFinalJanuary222013.pdf>

Таблица 7

Сравнение доходности эндаументов с фондовыми индексами и инфляцией, 2003–2012 гг.

Индекс	S&P 500	Russell	60/40 S&P/Barkla	MSCI World ex. U.S.	Barclays U.S. Average Bond	Инфляция	Инфляция для высшей школы, США	Эндаументы
Доходность	5,3	5,8	5,4	5,6	5,6	2,8	3,8	6,2

Источник: <http://www.nacubo.org/Documents/research/2012NCSEPublicTablesAvgOneThreeFiveandTenYearReturnsFinalJanuary222013.pdf>

Анализ инвестиционной политики эндаумент-фондов и суверенных инвестиционных фондов показывает, что кардинальные изменения в концепции инвестирования стали происходить с конца 1980 – начала 1990-х гг. До 1993 г. темпы роста эндаумента Йеля были ниже темпов инфляции, де-факто капитал обесценивался. Это стало основным фактором, обусловившим изменение подхода и переход к активному менеджменту. Фонд Глобал следует менее рискованной стратегии, чем Йель, тем не менее оба данных институциональных инвестора перестали ориентироваться на консервативные инструменты – облигации и депозиты и используют другие варианты – Глобал – акции, Йель – внебиржевые инвестиции, хедж-фонды, вложения в недвижимость и др. Кроме того, происходит географическая дифференциация, поскольку только внутренний рынок, хотя очевидно, что именно по нему у инвестора наилучшая экспертиза, не

обеспечивает необходимую доходность. При расширении спектра инструментов, в которые вкладываются средства, увеличивается и волатильность доходов, которая в кризисные годы оказывается отрицательной – в этой связи институциональные инвесторы обязаны быть и транспарентными, и, более того, объяснять обществу мотивы изменения инвестиционной стратегии.

Изучение инвестиционной политики зарубежных институциональных инвесторов, понимание лучшей мировой «практики» имеют большую актуальность для России в связи с развитием в нашей стране эндаументов и важностью, в том числе с точки зрения макроэкономической политики России и решения социальных задач, выработки оптимальной политики инвестирования средств российских суверенных инвестиционных фондов – Фонда национального благосостояния и Резервного фонда.

Список литературы

1. Lund S. Financial Globalization: Retreat or Reset. McKinsey Global Institute, March 2013, p. 2. Available at: http://www.mckinsey.com/insights/global_capital_markets/financial_globalization
2. Сайт Всемирного Банка. Режим доступа: <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>
3. Dimson E., Marsh P., Staunton M. Global Investment Returns Sourcebook, 2013. Zurich: Credit Suisse Research Institute.
4. Chambers D., Dimson E., Ilmanen A. The Norway Model. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1936806>
5. Goetzmann N., Griswold J., Tseng Y-F. Educational Endowments in Crises. The Journal of Portfolio Management, Summer 2010, Vol. 36, No.4.
6. Yale Report 2012, p.: cover, without number.

Об авторе

Бирюков Евгений Сергеевич – к.э.н., доцент кафедры МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России, исполнительный директор Эндаумент-фонда МГИМО. Научные интересы: внешнеэкономические связи России, экономика стран ССАГПЗ (аравийские монархии), модернизация. E-mail: biryukov_e@mail.ru

INVESTMENT STRATEGIES OF INSTITUTIONAL INVESTORS: SOVEREIGN WEALTH FUNDS VS ENDOWMENTS

E.S. Biryukov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The paper considers two main original approaches to investing the assets of institutional investors (the total amount of their assets in the world is about 100 trillion dollars) – the one of Norway's sovereign wealth fund Global and approach of Yale's endowment fund. Fund Global with assets of \$ 716 billion dollars is the largest institutional investor in the world, its strategy is based on the assumption that markets are efficient and their long-term growth lies in the balance of investment in stocks, bonds, and, since more recent time - in real estate. Financiers of Yale in the 1990s revolutionized the approach to

investment, firstly, by reducing the proportion of stocks and bonds in favor of private equity and real estate, and secondly, by shift from investments in the domestic market to foreign markets. Not all institutional investors are ready to follow these strategies because of the risk of negative returns in times of crises, but in the medium- and long-term, these approaches allow to beat inflation. For example, Yale's endowment has grown since 1985 to 2012 from 1.6 to 19 billion dollars, and high yield allows to transmit 1 billion dollars (!) to the budget of the university annually. Endowment funds are one of the key sources of revenues of leading American universities. Analysis of the investment policy of endowment funds and sovereign wealth funds shows that fundamental changes in the concept of investing began to occur since the late 1980s - early 1990s. Institutional investors of both these types ceased to focus on conservative instruments - bonds and deposits, and use other options: Global - stocks, Yale - private equity, hedge funds, real estate investments, etc. With the expand of the spectrum of instruments in which the funds are invested the income volatility increases either, and therefore the institutional investors should be both transparent and explain to the public the motives of investment strategy changes.

Key words: endowment-fund, Yale endowment, institutional investor, sovereign wealth fund.

References

1. Lund S. Financial Globalization: Retreat or Reset. McKinsey Global Institute, March 2013, p. 2. Available at: http://www.mckinsey.com/insights/global_capital_markets/financial_globalization
2. World Development Indicators (2012). Available at: <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>
3. Dimson E., Marsh P., Staunton M. Global Investment Returns Sourcebook, 2013. Zurich: Credit Suisse Research Institute.
4. Chambers D., Dimson E., Ilmanen A. The Norway Model. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1936806>
5. Goetzmann N., Griswold J., Tseng Y-F. Educational Endowments in Crises. The Journal of Portfolio Management, Summer 2010, Vol. 36, № 4.
6. Yale Report 2012, p.: cover, without number.

About the author

Evgeny S. Biryukov – PhD in Economics, associate professor of the Department of International Economic Relations and External Economic Relations of Russia, has been working on the position of managing director of MGIMO Endowment Fund since 2007 till present. His scientific interests are: endowment-funds, economy of the GCC states, foreign economic relations of Russia, modernization. The law on endowments was enacted in Russia in 2006, MGIMO's fund is one of the largest in Russia. E-mail: biryukov_e@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЫНКА СТРАХОВАНИЯ РИСКОВ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ

Е.А. Токарева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья рассматривает характеристики и проблемы мирового рынка страхования рисков природных катастроф. Особое внимание уделено деятельности основных и косвенных участников рынка: страхователей, страховых посредников, страховщиков, перестраховщиков, компаний строительной отрасли и рынка недвижимости, банков, финансовых институтов, инвесторов, рейтинговых агентств, государства. В статье подчеркнута важная роль оценки рисков природных катастроф, в ней рассмотрены факторы, которые оказывают влияние на аспекты спроса и предложения на данном рынке. Предложение ограничено емкостью страховой и перестраховочной отрасли, а также желанием инвестиционного сообщества осуществлять финансовые вливания на рынке страхования рисков природных катастроф. Низкий интерес потенциальных страхователей в приобретении страхования рисков природных катастроф связан главным образом с практикой оказания щедрой помощи государством после природной катастрофы. По мере увеличения страховой составляющей в схемах финансирования последствий природных катастроф уменьшаются моральный риск, но увеличивается риск антиселекции. Низкий спрос со стороны страхователей к приобретению страхового покрытия рисков природных катастроф, высокая нагрузка на страховую отрасль и правительство как гаранта последней инстанции связаны, помимо прочего, с актуальностью «Дилеммы политика», «Дилеммы милосердного самаритянина», «Синдрома природных катастроф».

Ключевые слова: страхование рисков природных катастроф, страховой рынок, риски природных катастроф, фирмы, предоставляющие услуги моделирования рисков природных катастроф, микрострахование, превентивные меры, моральный риск, риск антиселекции.

Страхование рисков природных катастроф занимает особое место в современной мировой экономике, характеризуется наличием крупных катастрофических рисков, высокой степенью концентрации капитала, международным характером операций и является социально значимым. Актуальность темы исследования обуславливается ростом количества и губительности последствий природных катастроф по всему миру и необходимостью изучения особенностей функционирования и развития мирового рынка страхования рисков природных катастроф в ответ на эти вызовы.

Под понятием «Рынок страхования рисков природных катастроф» подразумевается система, управляемая соотношением спроса страхователей на соответствующие страховые услуги и предложением страховых организаций по предоставлению рисков природных катастроф призван обеспечить защиту имущественных интересов страхователей от последствий природных бедствий. В качестве страхователей выступают обычно владеющие недвижимостью физические лица или организации.

Стороны, имеющие отношение к страхованию рисков природных катастроф, можно условно разделить на основных и косвенных участников данного рынка. К числу основных участников рынка страхования рисков природных катастроф относят страхователей, страховых посредников, страховщиков и перестраховщиков, субъектов инфраструктуры страхового рынка. Косвенные участники данного рынка, от деятельности которых зависят определенные аспекты снижения подверженности рискам природных катастроф и их страхования, представлены компаниями строительной отрасли, рынка недвижимости и связанными с ними специалистами, банками и другими финансовыми институтами, инвесторами, рейтинговыми агентствами, правительством и государством в целом.

В соответствии с рис. 1 рассмотрим деятельность основных участников развитого рынка страхования рисков природных катастроф.

Прямые страховщики берут на себя риски природных катастроф страхователей. Продвижение услуг, консультационное сопровождение и проведение андеррайтинга страхователей часто

Рис. 1

Структура развитого рынка страхования рисков природных катастроф

Источник: Cummins J.D. Catastrophe Risk Financing In Developing Countries. Principles For Public Intervention. / J.D. Cummins, O. Mahul. - Washington, DC: The International Bank For Reconstruction And Development. TheWorldBank. 2009. С.28.- Political economy and the outlook for capitalism. Joint conference AHE, IIPPE, FAPE. - 2012. P.30.

проводится страховыми посредниками, однако осуществление данных процессов также возможно в рамках собственных продаж страховой компании, путем интернет-продаж, при посредничестве банков. Страховщики и перестраховщики имеют колоссальный опыт и необходимые финансовые ресурсы для организации эффективного процесса управления рисками природных катастроф, включающего оценку рисков, передачу рисков, вопросы инвестирования и управления активами технических резервов, урегулирование убытков, производство страховых выплат.

Предложение на рынке страхования рисков природных катастроф ограничено емкостью страховой и перестраховочной отраслей, а также готовностью осуществлять финансовые вливания со стороны инвесторов [2, с. 129, 193]. К числу основных проблем страховщиков, занимающихся страхованием рисков природных катастроф, относят расчет страховой премии и вероятность недостаточной страховой емкости в случае реализации крупной природной катастрофы, что требует разработки мероприятий по финансированию убытков на случай наступления риска природной катастрофы [3, с. 129].

Для определения объемов страхования, размера страховой премии, планирования перестраховочной политики в страховании рисков природных катастроф крайне важным является моделирование рисков природных бедствий. Часто страховые организации обращаются в специализированные фирмы, предоставляющие услуги моделирования рисков природных катастроф. К таким фирмам относятся, например, Risk Management Solutions, AIR Worldwide, EQECAT.

Прямые страховщики предоставляют фирмам, оказывающим услуги моделирования, информацию о подверженности рискам природных катастроф своего портфеля и о произведенных выплатах в связи с последствиями природных бедствий. В результате анализа индивидуального рискового профиля страховщика результаты моделирования включают распределение вероятностей убытков различной величины, построение графика максимально возможного убытка. На основании данных результатов прямой страховщик принимает решение о передаче части рисков в перестрахование. В основном для проведения переговоров друг с другом прямые страховщики и перестраховщики прибегают к услугам брокеров.

Перестраховщики также активно занимаются деятельностью по моделированию рисков природных катастроф и пользуются услугами фирм, оказывающих услуги моделирования. Для целей проведения моделирования перестраховщики предоставляют данные об убытках и предоставленном ими покрытии рисков природных катастроф. На основе полученных результатов моделирования перестраховщики могут принимать решения о необходимости увеличения собственного капитала, приобретения защиты у других перестраховщиков или передачи рисков на фондовый рынок.

В теории страхование в силах способствовать решению важнейших задач в деле управления риском природных катастроф, в том числе стимулировать инвестиции в эффективные мероприятия по снижению подверженности рискам природных катастроф, предлагая взамен скидки на страховые премии, а также обеспечивать страховые выплаты в случае осуществления рисков природных катастроф. Однако следует отметить недостаточную активность страховщиков рисков природных катастроф как института, способствующего снижению подверженности риску природных катастроф.

На практике маловероятно, что страхователи добровольно будут осуществлять инвестиции в целях снижения подверженности рискам природных катастроф в обмен на небольшое снижение ежегодной страховой премии. Заинтересованность страховщиков в продвижении инвестиций в снижение подверженности рискам природных катастроф тоже относительно низкая, так как, во-первых, скидки с тарифов подлежат длительному процессу согласования с государственными органами, а во-вторых, в результате снижения страховых тарифов от предоставления скидок снижается финансовый результат страховых компаний по страхованию рисков природных катастроф [4, с. 181].

Кроме того, следует продолжать разработку и совершенствование маркетинговых стратегий, методологии оценки рисков природных катастроф, потенциальных страховых обязательств страховщиков, а также уделять внимание превентивному планированию и продвижению мер по снижению уязвимости застрахованных объектов рискам природных катастроф. Рассмотрим деятельность косвенных участников рынка страхования рисков природных катастроф:

– *компании строительной отрасли, рынка недвижимости*, связанные с ними девелоперы, архитекторы, строительные подрядчики, инженеры, которые играют важную роль в управлении рисками природных катастроф. В развитых странах, например в США, в обязанности агентов по недвижимости определенных штатов по закону входит предоставление информации потенциальному покупателю объекта недвижимости о рисках природных катастроф на территории объекта [2, с.13]. Девелоперы и строительные подрядчики заинтересованы в соблюдении высоких строительных стандартов с учетом рисков природных катастроф и в государственной регистрации соответствия им построенных объектов, чтобы не нести ответственности за ущерб в связи с природным бедствием, возникший из-за несоответствия строительной практики уровню подверженности территории построенного объекта рискам природных катастроф;

– *банки и другие финансовые институты*, которые предоставляют возможность клиентам приобретать недвижимость с использованием кредита. При этом наличие имущественного страхования, включая страхование рисков при-

родных катастроф, является обязательным условием получения и использования кредита;

– *инвесторы, которые обеспечивают страховые и перестраховочные компании капиталом.* На рынке страхования рисков природных катастроф выделяются периоды жесткого рынка, характеризующиеся повышением цен, и периоды слабого рынка или рынка страхователей, характеризующиеся падением цен. Состояние рынка связано с различной доступностью и, как следствие, стоимостью капитала. Изменение характера рынка со слабого на жесткий связано со снижением емкости страхового рынка после природной катастрофы. Новые вливания капитала со стороны инвестиционного сообщества в страховую отрасль в относительно короткое время расширяют емкость страхового рынка, он преобразуется с жесткого рынка в мягкий. Интерес инвестиционного сообщества в финансировании рынка страхования рисков природных катастроф объясняется тем фактом, что корреляция между природными бедствиями в разных странах ниже корреляции финансовых рисков стран;

– *рейтинговые агентства*, такие, как A.M. Best, Standard&Poor's, Moody's и Fitch, которые призваны оценивать финансовую устойчивость страховщиков и перестраховщиков, а также их возможности отвечать по обязательствам в случае природных катастроф. Рейтинг страховой компании влияет на уровень страховых премий и возможности привлечения капитала. Например, страховщики стараются приобретать перестраховочную защиту по рискам природных катастроф у перестраховщиков с высоким рейтингом;

– *правительство*, которое призвано заниматься разработкой стандартов, прямо или косвенно влияющих на уровень подверженности рискам природных катастроф, осуществлять контроль над соблюдением стандартов, контроль платежеспособности страховщиков, мониторинг стоимости и условий страхования рисков природных катастроф;

– *государство*, чье участие в страховании рисков природных катастроф может выражаться его ролью регулятора, поставщика услуг прямого страхования данных рисков, перестраховщика, а также непосредственно потребителя страховых услуг. Государство часто выступает гарантом последней инстанции.

В страховании рисков природных катастроф присутствует политическая составляющая. На ценообразование данное обстоятельство может оказывать понижающее значение, если государство прибегает к практике дотаций, как, например, при страховании от наводнений в США. По некоторым причинам правительство может также поощрять страховщиков поддерживать высокий уровень страховых премий. Заниженные премии на страхование могут привести к чрезмерно плотной застройке в регионах повышенных рисков природных катастроф. Например, в подверженной частым ураганам зоне побережья США заниженная цена страхования сложилась из-за давления

политиков-популистов на регулируемую отрасль, что явилось одним из факторов, способствовавших чрезмерно плотной застройке.

Природные бедствия приводят к разовым по частоте и крупным по размерам убыткам, а также характеризуются неопределенностью и различиями в убыточности из года в год. В связи с малой вероятностью наступления данных рисков решения об управлении ими, как правило, не принимаются своевременно или не принимаются совсем. Отсутствие политической воли и конкретных действий в решении вопросов управления рисками природных катастроф неизбежно приводит к человеческим жертвам и экономическим потерям в разрушенных регионах. Более того, следует отметить факт существования так называемой «Дилеммы политика» (the Politician's Dilemma). Ее суть заключается в том, что некоторые политические силы или руководство страны не заинтересованы в пропаганде превентивных мер снижения уязвимости объектов перед лицом природной катастрофы, чтобы получить популярность и поддержку населения в ответ на свою щедрую помощь после природной катастрофы [5, с. 200].

Уверенность в получении помощи от государства для защиты имущественных интересов владельцев объектов, подверженных рискам природных катастроф, может провоцировать возникновение ситуации, когда интерес к осуществлению превентивных мер защиты от рисков природных катастроф минимален. Данная ситуация получила название «Дилемма милосердного самаритянина» (the Samaritan's Dilemma). Она имеет место во многих странах, и в качестве иллюстрации можно привести пример Турции. Здесь политика, предусматривающая безусловные государственные гарантии выплаты компенсации ущерба в рамках пула страхования природных катастроф всем пострадавшим от природной катастрофы незастрахованным объектам, на практике оказала негативное влияние на готовность населения принимать превентивные меры в отношении снижения подверженности рискам природных катастроф.

Данными обстоятельствами обусловлен факт существования так называемого «Синдрома природных катастроф» (the natural disaster syndrome), суть которого сводится к сосуществованию двух взаимосвязанных компонентов [4, с. 171]: во-первых, слабого интереса со стороны страхователей к приобретению страхового покрытия рисков природных катастроф до наступления разрушительного природного явления; во-вторых, высокой нагрузки на страховую отрасль и правительство как гаранта последней инстанции по урегулированию убытков и возмещению причиненного природной катастрофой ущерба после губительного природного явления.

При принятии решения о необходимости приобретения полиса страхования рисков природных катастроф страхователи не производят оценки издержек и выгод такого приобретения. Решение страхователя приобрести полис страхования рисков природных катастроф часто обусловлено

не желанием получения защиты имущественных интересов от рисков природных катастроф, а другими обстоятельствами. Например, такой полис страхования может быть приобретен для психологического успокоения, в целях удовлетворения требований кредиторов при оформлении ипотечного кредита или как акт следования социальным нормам [2, с. 119].

В большинстве стран мира существует проблема низкой осведомленности населения и бизнеса о рисках природных катастроф, способах их минимизации, финансирования и управления ими. Даже в тех странах, где те или иные аспекты страхования рисков природных катастроф являются обязательными, существует недооценка данных рисков. В странах, где не существует обязательной системы страхования рисков природных катастроф, отмечается еще более низкий спрос на страхование данных рисков. Например, в Германии с 1991 г. страховое покрытие рисков природных катастроф можно приобрести в добровольном порядке как дополнительную опцию к договору имущественного страхования от огня и прочих рисков, так и как самостоятельный продукт, который покрывает ущерб от наводнения, землетрясения, оползней, сильных снегопадов, лавин, извержений вулканов, штормовых ливней. Однако данное страховое покрытие приобретает менее 10% домохозяйств Германии [5, с. 24]. Некоторые исследователи объясняют низкий уровень страхового покрытия рисков природных катастроф низкой финансовой культурой в отношении данных рисков.

Низкий интерес со стороны страхователей к приобретению страхового покрытия рисков природных катастроф связан с недооценкой рисков, образом мыслей «Природная катастрофа не может случиться именно со мной», с нехваткой средств бюджета объекта на управление рисками природных катастроф, с расчетом на помощь государства как гаранта последней инстанции в случае природной катастрофы. Действительно, компенсация вреда в случае возникновения природных бедствий осуществляется в основном за счет государства в странах как с развитым, так и с развивающимся рынком. Так, в развитых странах на нестраховые методы снижения и удержания рисков природных катастроф приходится около 55% затрат на ликвидацию последствий природных катастроф [6, с. 6]. Например, лишь 15% экономического ущерба от природной катастрофы в Японии в марте 2011 г. было покрыто страхованием, оставшаяся часть практически полностью была профинансирована правительством Японии [7, с. 16]. Однако в большинстве стран мира практика финансирования восстановления экономики за счет государства после природных бедствий исчерпала свои возможности ввиду дефицита государственного бюджета [8, с. 50].

Таким образом, в развитых странах имеются основания для более активного процесса передачи рисков природных катастроф страховым и перестраховочным компаниям. По мнению чле-

на Правления компании Munich RE Лудгера Арнольдуссена (Ludger Arnoldussen), крупные игроки страхового рынка имеют возможности и необходимые финансовые ресурсы для предоставления более объемного страхового покрытия на случай природных катастроф, однако часто предложение страховщиков не заинтересовывает страхователей из-за относительно высокого уровня страховой премии [7, с. 16].

Особенно остро проблема передачи рисков страховым компаниям стоит в развивающихся странах. В развивающихся странах в настоящее время, как и в последние 25 лет, на нестраховые методы снижения и удержания рисков природных катастроф приходится около 97% затрат на ликвидацию последствий природных катастроф [6, с. 6]. Для активизации процессов передачи рисков природных катастроф страховым компаниям в развивающихся странах возможно использование нижеперечисленных схем [9, с. 9]:

- передача рисков природных катастроф на уровне суверенного государства позволит иметь необходимые финансовые ресурсы для восстановления национальной экономики после природного бедствия, при этом не оказывая негативного влияния на состояние государственного бюджета. Группа экспертов Всемирного банка по исследованию природных катастроф относит государственные структуры к нейтральным в отношении риска субъектам. По их мнению, государства будут приобретать страховой полис лишь в тех случаях, когда вероятность наступления бедствия велика по сравнению с экономикой страны, особенно когда быстрый доступ к фондам после катастрофы затруднен или слишком дорог. Например, группа 15 островных государств в Карибском бассейне, которые в высокой степени подвержены воздействию природных катастроф, создала в 2007 г. Карибский фонд страхования риска природных катастроф (The Caribbean Catastrophe Risk Insurance Facility). Данный фонд функционирует в форме страхового пула на основе соглашения параметрического страхования между участвующими в нем страховщиками;

- развитие страхования рисков природных катастроф в рамках имущественного страхования и стимулирование роста уровня проникновения имущественного страхования среди владельцев недвижимости, предприятий малого и среднего бизнеса, государственных структур;

- развитие сельскохозяйственного страхования рисков природных катастроф для фермеров, в том числе с использованием сельских банков и институтов микрофинансирования на селе;

- микрострахование, характеризующееся низкими страховыми премиями, призвано обеспечить страхованием население с низким доходом. Большие объемы данного вида страхования – основа для эффективной работы данного механизма.

При страховании рисков природных катастроф существует проблема морального риска, которая заключается в том, что поведение застрахованного лица может становиться менее ответ-

ственным, если это лицо осознает, что бремя ущерба будут нести третьи лица. Риски антиселекции заключаются в неблагоприятном отборе рисков для страхования. Например, при страховании рисков наводнений риск антиселекции проявляется, если большую часть портфеля составят риски страхователей, имеющих высокую подверженность наводнениям.

В порядке повышения страховой составляющей в схеме организации страхования рисков природных катастроф от схемы обязательного страхования с государством-страховщиком, различных модификаций обязательного страхования до схемы добровольного страхования с дифференцированной премией уменьшается моральный риск, суммарный размер возможных убытков, уровень расходов государства. С другой стороны, возрастают риски антиселекции и размер стоимости страхования.

Риски природных катастроф представляют собой фундаментальные риски, которые не рас-

пределены в пространстве и во времени должным образом. Страховщики сталкиваются здесь с проблемой недостаточной страховой емкости в случае реализации природной катастрофы. Предложение на рынке страхования рисков природных катастроф ограничено емкостью страховой и перестраховочной отраслей, готовностью осуществлять финансовые вливания со стороны инвестиционного сообщества. Для определения объемов страхования, размера страховой премии, планирования перестраховочной политики в страховании рисков природных катастроф крайне важным является моделирование рисков природных бедствий.

Низкий спрос со стороны страхователей к приобретению страхового покрытия рисков природных катастроф, высокая нагрузка на страховую отрасль и правительство как гаранта последней инстанции связаны, помимо прочего, с актуальностью «Дилеммы политика», «Дилеммы милосердного самаритянина», «Синдрома природных катастроф».

Список литературы

1. Теория и практика страхования: учебное пособие / ред. К.Е. Турбина. М.: Анкил, 2003. 704 с.
2. Kunreuther H. At War with the Weather: Managing Large-Scale Risks in a New Era of Catastrophes. / H.C. Kunreuther и др. - Cambridge, MA: The MIT Press. 2009. 416 с.
3. Uses of Earthquake Damage Scenarios. A GeoHazards International Publication. / ред. B.E. Tucker. - Madrid: GeoHazards International. 1992. 77 с.
4. Kunreuther H. Mitigating Disaster Losses through Insurance. // Journal of Risk and Uncertainty. 1996. №12. С. 171–187.
5. Financial Management of Large-Scale Catastrophes. Policy Issues in Insurance. No.12. / OECD. - P.: OECD Publishing. 2008. 312 с.
6. Управление катастрофическими рисками: приоритет – страхованию. Интервью с д.э.н., проф., руководителем Центра анализа рисков и кризисов Института экономики РАН Порфирьевым Б.Н. // Страховое дело. Апрель 2007. С. 4–10.
7. Topics Geo. Earthquake, Flood, Nuclear Accident. 2012 Issue. Natural Catastrophes 2011. Analyses, Assessments, Positions. / Munich Re. - Munich: Munich Re. 2012. 62 с.
8. Давыдова Р.Т. Экологическое страхование – часть экономического механизма природопользования // Страховое дело. Март 2002. С. 49–55.
9. Surminski S. Building Effective And Sustainable Risk Transfer Initiatives In Low- And Middle-Income Economies: What Can We Learn From Existing Insurance Schemes? / S. Surminski, D. Oramas-Dorta. - L.: Centre for Climate Change Economics and Policy, Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. 28 с.

Об авторе

Токарева Екатерина Александровна – ведущий эксперт Бюро Ученого секретаря, аспирант кафедры управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России. E-mail: tokarevaek@mail.ru

FEARURES AND PROBLEMS OF NATURAL HAZARDS INSURANCE MARKET

E.A. Tokareva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with characteristics and problems of world natural hazards insurance market. Special attention in this article is paid to activity of direct and indirect participants of the market: policy holders, insurance intermediaries, insurers, reinsurers, companies of construction industry and real estate, banks and other financial institutions, investors, rating agencies, Government. The article underlines the importance of adequate natural hazard risks assessment. The article describes factors that influence demand and supply aspects on the market. The supply is constrained by insurer's and reinsurer's capacity and the willingness of investors to finance natural hazard insurance market. Low interest of potential policy holders to buy natural hazard insurance is explained mainly by practice of post-disaster government relief programs. As insurance component increases in natural disaster compensation schemes, moral hazard decreases, but adverse selection goes up.*

Key words: Natural hazards insurance, Insurance market, Natural hazard risks, Catastrophe risk modeling companies, Microinsurance, Prevention measures, Moral hazard, Adverse selection.

References

1. Teoriya i praktika strakhovaniya: Uchebnoye posobie. [Theory and Practice of Insurance: Coursebook]. red. K.E. Turbina. – M.: Ankil. 2003. 704 s.
2. Kunreuther H. At War with the Weather: Managing Large-Scale Risks in a New Era of Catastrophes. H.C. Kunreuther i dr. - Cambridge, MA: The MIT Press. 2009. 416 s.
3. Uses of Earthquake Damage Scenarios. A GeoHazards International Publication. red. B.E. Tucker. - Madrid: GeoHazards International. 1992. 77 s.
4. Kunreuther H. Mitigating Disaster Losses through Insurance.// Journal of Risk and Uncertainty. 1996. №12. S. 171–187.
5. Financial Management of Large-Scale Catastrophes. Policy Issues in Insurance. No.12. OECD. - P.: OECD Publishing. 2008. 312 s.
6. Upravlenie katastroficheskimi riskami: prioritet – strakhovaniyu. Interview s d.e.n., prof., rukovoditelem Centra analiza riskov i krizisov Instituta ekonomiki RAN Porfir'evym B.N. [Management of Catastrophic Risks: Priority Goes to Insurance. Interview with Doctor of Economics, Professor, Chief of the Center of Risk and Crisis Analysis of Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences]. Strakhovoe delo. April 2007. S. 4 –10.
7. Topics Geo. Earthquake, Flood, Nuclear Accident. 2012 Issue. Natural Catastrophes 2011. Analyses, Assessments, Positions. Munich Re. - Munich: Munich Re. 2012. 62 s.
8. Davydova R.T. Ekologicheskoe strakhovanie – chast' ekonomicheskogo mekhanizma prirodopol'zovaniya. [Ecology Insurance – Part of Economic Mechanism of Ecosystem Use]. Strakhovoe delo. Mart 2002. S. 49–55.
9. Surminski S. Building Effective And Sustainable Risk Transfer Initiatives In Low- And Middle-Income Economies: What Can We Learn From Existing Insurance Schemes? S. Surminski, D. Oramas-Dorta. - L.: Centre for Climate Change Economics and Policy, Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. 28 s.

About the author

Ekaterina A. Tokareva – leading expert of Academic Secretary Office at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), postgraduate student of Risk Management and Insurance Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO). E-mail: tokarevaek@mail.ru

РАЗДЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА «СЕВЕР» И «ЮГ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРО

М.М. Хмельницкий

Министерство финансов Российской Федерации. Россия, 109097, Москва, ул. Ильинка, 9.

Долговой кризис в еврозоне продолжается, ставя на повестку дня вопрос о перспективах единой европейской валюты и европейской интеграции. По итогам 2012 г., ни одно из государств Южной Европы не смогло достичь среднеевропейского уровня ВВП на душу населения, а при прогнозируемом падении ВВП Греции на 4,5% в 2013 г. обещания действующих властей страны перейти в 2014 г. к росту вряд ли будут реализованы. Кроме того, Европа разделилась на два макрорегиона: неблагополучный «Юг» и благополучный «Север». Различия между ними можно назвать исторически обусловленными из-за особенностей политики ЕС во время создания экономического союза и при переходе к евро. Эти же различия являются одной из главных причин кризиса. Несмотря на всю серьезность положения, страны Северной Европы продолжают настаивать на политике жесткой экономии, не уделяя внимания необходимости проведения реиндустриализации в Греции, Испании и Португалии. «Тройке» кредиторов удалось за счет многомиллиардной финансовой помощи сохранить еврозону, однако это не устранило существующие политические и экономические противоречия: торговый дисбаланс между «Севером» и «Югом», зависимость от экспорта, невыгодная международная специализация Греции, Испании и ряда других стран. Прогнозируя дальнейшее развитие событий, можно выделить три сценария: оптимистичный, пессимистичный и нейтральный. Пессимистичный сценарий, о котором говорили долгое время многие эксперты, сегодня уже не так вероятен. Для реализации оптимистичного сценария необходима политическая воля ЕС, прежде всего ФРГ и Нидерландов. На сегодняшний день события развиваются по нейтральному сценарию, который предусматривает сохранение еврозоны, но ближайшие годы станут для ЕС «потерянным десятилетием».

Ключевые слова: Европейский союз, экономика ЕС, еврозона, европейская интеграция, Банковский союз, Бюджетный пакт, развитие событий в еврозоне, противоречия в еврозоне, Северная Европа, Южная Европа.

Европейский союз привлекает повышенное внимание экономистов с момента начала долгового кризиса. Многочисленные прогнозы предполагали различные сценарии развития ситуации от пессимистичного до оптимистичного. Ряд экспертов заявлял о несостоятельности единой европейской валюты и о провале идеи валютного союза, о неминуемом выходе Греции из еврозоны. Подобные прогнозы, имевшие под собой определенные основания, не оправдались. Однако, в связи с тем что кризисные явления в еврозоне сохраняются, актуальность темы остается очевидной.

Начавшийся в 2009 г. кризис выявил не только сугубо финансовые проблемы неэффективного управления государственным долгом и низкой бюджетной дисциплины, но также и проблемы, лежащие в плоскости геополитики и геоэкономики. Еврозона оказалась разделенной на экономически благополучную северную часть, к которой принято относить ФРГ, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Финляндию и Австрию, и имеющий серьезные экономические трудности «Юг»: Грецию, Испанию, Португалию, Италию, Кипр.

Несмотря на принимаемые меры по оздоровлению европейских финансов и многомиллиардную финансовую помощь, разрыв между «Севером» и «Югом» становится все более значительным. ВВП на душу населения благополучных Нидерландов по итогам 2012 г. на 28% превысил среднеевропейский уровень. ВВП ФРГ в 2009 г. превышал среднеевропейский ВВП на душу населения на 15%; по итогам 2012 г. ВВП Германии на душу населения составил уже 121% от среднего ВВП по ЕС. ВВП на душу населения Греции в 2009 г. составлял 94% от среднего по Европе. В 2012 г. это значение составило 75%. Ни в одной из средиземноморских стран ВВП на душу населения не превышает средний уровень. Наиболее успешной по этому показателю является Италия, чей ВВП по итогам 2012 г. составил 98% от среднего по Европейскому союзу. Остальные государства Юга Европы имеют меньший ВВП [17].

Страны Юга Европы продолжают оставаться зоной экономической и политической нестабильности. Усилия так называемой «тройки» в составе МВФ, Европейского центрального банка и Европейской комиссии позволили избежать распада еврозоны, но их оказалось недостаточно для полной стабилизации ситуации. Кризис в еврозоне продолжается. Существующие различия между «Севером» и «Югом», как и отчасти порожденный ими кризис, можно назвать исторически обусловленными. В 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, в соответствии с которым страны объединенной Европы взяли курс на создание валютного союза. Для вхождения в союз каждое государство должно было удовлетворять так называемым критериям конвергенции: поддерживать на определенном уровне инфляцию, процентные ставки, бюджетный дефицит и величину государственного долга. В 1997 г. из всех стран-членов ЕС выполнить критерии удалось лишь Люксембургу [11]. Кроме того, к моменту введения евро для безналичных расчетов

в 1999 г. многие страны имели величину государственного долга, превышающую установленное пороговое значение в 60%, а вступление Греции в еврозону было отложено из-за несоответствия маастрихтским критериям [8].

Исходя из официальной статистической информации, на момент создания еврозоны можно было говорить об устойчивом улучшении макроэкономических показателей стран Южной Европы. Однако этот тезис может быть поставлен под сомнение при более детальном изучении происходивших процессов. Так, например, дефицит бюджета Италии был существенно сокращен за счет снижения процентных ставок, что привело к заметному снижению затрат на обслуживание государственного долга. То же самое можно сказать и обо всех странах, где уровень государственного долга был высоким. Не следует забывать и об использовании отдельными странами Южной Европы специфических бухгалтерских приемов, что позволяло информировать центральные органы ЕС об успехах в области снижения государственного долга и государственных расходов. Подобная практика была официально признана Грецией. Это помогло стране вступить в зону функционирования единой европейской валюты и явилось одной из косвенных причин долгового кризиса [16].

Исторически предопределило кризис своеобразие подхода Европейского союза к построению Экономического и валютного союза. Благополучные страны Северной Европы пошли на введение евро и заключили валютный союз с южными соседями, не произведя консолидации бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, в результате чего не был сглажен разрыв между Севером и Югом Европы в области оздоровления государственных финансов и кредита. Лишь в условиях затяжного кризиса был подписан Бюджетный пакт и достигнуты договоренности о создании Банковского союза [12, с.150].

И подписание Бюджетного пакта, и решение о создании Банковского союза – эффективные меры, но в сложившейся ситуации их нельзя назвать своевременными. Подписав Бюджетный пакт, 25 стран Евросоюза из 27 обязались поддерживать сбалансированный бюджет или сводить его с профицитом. Структурный дефицит, исходя из положений Бюджетного пакта, не может превышать 0,5% ВВП страны. Для стран, чей государственный долг значительно ниже Маастрихтского порога в 60%, допускается бюджетный дефицит не более 1% ВВП. Кроме того, для государств, находящихся в тяжелом положении, может допускаться дефицит до 3% ВВП при условии его снижения. Это объясняется тем, что при расчетах учитывается потенциальный ВВП и положение страны в экономическом цикле. Страны взяли на себя обязательство привести свои бюджеты в порядок до 1 января 2014 г. [3].

Невыполнение требований Бюджетного пакта приведет к автоматическому запуску корректирующих процедур по принципу проводимой сегодня в Греции и других «проблемных» странах политики жесткой экономии, программа которых будет для

каждой страны индивидуальной. Также закреплена необходимость уплаты штрафов в размере до 0,1% ВВП. Право накладывать штрафы на ту или иную страну получил Европейский суд.

Бюджетный пакт вряд ли будет эффективным в краткосрочной перспективе, так как на момент его подписания лишь 4 страны из 25 удовлетворяли его критериям. По итогам 2012 г., фактический дефицит бюджета не превысил 0,5% ВВП только в ФРГ, Эстонии и Швеции [9]. Разумеется, в долгосрочной перспективе пакт сможет способствовать бюджетной консолидации, а за счет выравнивания макроэкономических показателей разрыв между странами Северной и Южной Европы может быть сокращен.

На сегодняшний день Греция, стремящаяся приблизить свои бюджетные показатели к целевым значениям и не потерять возможность получить в очередной раз помощь от «тройки» кредиторов, приняла решение вновь провести сокращение работников государственного сектора, что не способствует окончанию рецессии. Положительно на перспективах перехода от кризиса к подъему может сказаться рост доходов от туризма, который летом 2013 г. составил 21% [4]. Испания, несмотря на прилагаемые усилия, продолжает испытывать серьезные трудности. Государственный долг страны по состоянию на сентябрь 2013 г. продолжил свой рост, составив более 92% ВВП. Безработица также продолжает свой рост и составляет более 26% [6]. Эти и другие неблагоприятные тенденции в ближайшей перспективе вряд ли позволят Испании, которая является самой мощной экономикой Юга Европы, добиться оздоровления финансов, перейти к устойчивому росту и выполнить нормативы Бюджетного пакта. Это означает, что экономическое отставание средиземноморских стран сохранится, ставя под угрозу будущее еврозоны.

Создание Банковского союза, как и подписание Бюджетного пакта, направлено на оздоровление финансов еврозоны и всего Европейского союза. С 1 марта 2014 г. Европейский центральный банк получит право осуществлять надзорные и контролирующие функции, а также отзывать лицензию у кредитных организаций, нарушивших банковское законодательство и подзаконные акты ЕС. Эта мера будет способствовать укреплению европейской денежно-кредитной системы. Если бы страны ЕС следовали логике построения Экономического и валютного союза, а не искали бы политические компромиссы, то и Бюджетный пакт, и Банковский союз были бы согласованы до введения евро. В этом случае как банковская система стран Южной Европы, так и государственные бюджеты были бы приведены в порядок, что позволило бы свести к минимуму разрыв между «Севером» и «Югом». Кроме того, возможно, удалось бы избежать долгового кризиса. Пока не создан Банковский союз, органы ЕС могут поддерживать банковскую систему и осуществлять рекапитализацию банков только через кредиты, что приводит к увеличению долговой нагрузки.

Немаловажно и то, что существующие в ЕС межрегиональные дисбалансы вызваны тем, что вступление в него государств Южной Европы привело к закреплению особого разделения труда [2]. Если ФРГ продолжает ориентироваться на экспорт высокотехнологичной продукции и сферу услуг, то в странах Южной Европы была проведена деиндустриализация, и теперь основа экономики Греции и Португалии – это туризм и строительство с огромным рынком разнообразной недвижимости. С некоторыми оговорками это относится к Италии и Испании.

Торговый дисбаланс между странами Северной и Южной Европы является прямым следствием экономического размежевания между благополучными и неблагополучными странами ЕС. Греция, Испания, Италия и Португалия оказались зависимыми от экспорта из Германии и других мощных экономик Евросоюза, что привело к формированию значительного долгового бремени. Экспорт Германии растет и по итогам 2012 г. достиг рекордной величины в 1,1 трлн евро. При этом все без исключения страны Южной Европы сохраняют отрицательное сальдо в торговле с Германией, хотя в Испании в 2012 г. экспорт продемонстрировал устойчивый рост, а отрицательный баланс между германо-испанским экспортом и импортом сократился на 57,2% [15]. Таким образом, за все годы своего существования ни Экономический и валютный союз, ни единая валюта не смогли сгладить противоречия между европейскими странами.

Различия в уровне экономического развития и кризисные явления в странах Южной Европы определяют разногласия в концептуальных подходах стран «Севера» и «Юга» к оздоровлению финансов еврозоны, выходу из кризиса и строительству валютного союза. Во второй половине сентября 2013 г. в Афинах начались переговоры правительства Греции с «тройкой» кредиторов по вопросу предоставления третьего пакета финансовой помощи. Греция скрупулезно выполняет требования Брюсселя и в 2013 г. планирует впервые завершить финансовый год с профицитом. Однако официальные Афины призывают европейских партнеров дать стране возможность постепенно отказаться от мер жесткой экономии, указывая на высокий уровень безработицы и растущий в стране экстремизм [7].

Эти призывы не находят поддержки в странах Северной Европы, которые продолжают проводить четкую взаимосвязь между предоставлением финансовой помощи и проведением политики жесткой экономии. Летом 2013 г. впервые за время долгового кризиса Европейская комиссия рекомендовала ослабить меры экономии, чтобы не препятствовать экономическому росту. Однако ход сентябрьских переговоров в Греции, а также риторика главы Еврогруппы Йеруна Дейсселблума и канцлера ФРГ Ангелы Меркель показывает, что страны «тройки» кредиторов и государства Северной Европы не спешат пересматривать свою позицию относительно путей выхода из кризиса [17].

Германия продолжает проводить политику, выгодную прежде всего ей самой. Следствием по-

литики жесткой экономии в конечном счете может стать дефляция, в то время как странам Южной Европы необходима инфляция, которая могла бы снизить долговую нагрузку [13]. Несмотря на то что экономика Испании показывает очевидные признаки восстановления: растет экспорт, сокращается безработица, снижается стоимость обслуживания государственного долга, – страна в 2013 г. могла получить отказ в отсрочке для приведения своих макроэкономических показателей в соответствие с Бюджетным пактом. В результате Испания отсрочку все же получила. При всей важности неукоснительного соблюдения положений Бюджетного пакета одна из главных экономик Европы нуждается в индивидуальном подходе и большей гибкости. В пользу этого говорит и положительная динамика, которую демонстрирует испанская экономика.

Таким образом, к настоящему времени в еврозоне и Европейском союзе сформировались устойчивые противоречия, которые разделили ее на два макрорегиона: «Север» и «Юг». В такой ситуации в экспертном сообществе продолжается дискуссия о том, как дальше будет развиваться ситуация в еврозоне. Единая европейская валюта составляет 25% мировых валютных накоплений [14, с. 38], поэтому роспуск валютного союза или изменение состава его участников, сопряженное с неминуемой девальвацией, сокращением торговли и шоком на финансовых рынках, будет иметь самые серьезные последствия для мировой экономики.

Как и в большинстве случаев, при анализе возможного развития событий можно выделить три сценария: пессимистичный, оптимистичный и нейтральный. При худшем варианте развития событий благополучные страны Северной Европы и неблагополучные страны Южной Европы не смогут разрешить существующие разногласия. Греция, Испания и Португалия продолжают проводить политику жесткой экономии, что даже при бюджетном профиците приведет к еще более высокой безработице и дальнейшему падению уровня жизни граждан. В Греции и Испании, где безработица превышает 25% среди всего населения и 60% – среди молодежи [5], дальнейшее ухудшение ситуации может привести к гражданской войне. Даже в том случае, если социального взрыва удастся избежать, Греция может вернуться к драхме, если стране не удастся выйти на устойчивый экономический рост. По мнению экспертов, переход на национальную валюту в долгосрочной перспективе окажет благоприятное влияние на экономику «проблемных» стран за счет низкого валютного курса, автоматически дающего конкурентные преимущества товарам. Это могло бы способствовать реиндустриализации южноевропейских государств [1, с. 77].

Однако на сегодняшний день развитие событий по данному сценарию выглядит не столь вероятным, как это было в разгар долгового кризиса. Основной причиной является не столько положительная динамика, которую демонстрируют охваченные кризисом страны по ряду макроэкономических показателей, а мощная политическая воля стран Северной Европы. Официальные лица

Германии, Бельгии, Нидерландов, Финляндии часто неоднозначно высказываются об оказании финансовой помощи Греции и прочим государствам, однако как страны Северной Европы, так и официальный Брюссель четко нацелены на сохранение еврозоны в нынешнем составе. Это означает, что отказ от евро во всех или некоторых странах возможен лишь в случае новой волны кризиса или ввиду социальных катаклизмов.

Оптимистичный сценарий быстрого восстановления экономики, сохранения и расширения еврозоны по-прежнему нельзя считать невозможным. Исходя из объективных закономерностей, экономика стран Южной Европы может быстро восстановиться лишь в том случае, если удастся достичь компромисса с северными соседями и устранить экономические и политические противоречия. Для реализации оптимистичного сценария необходимо не просто постоянно сокращать расходы бюджета, но и наращивать экономический потенциал, направлять значительные средства на поддержку частного сектора, успешно осуществить приватизацию государственной собственности, которую лишь теперь начали проводить в Греции. Очевидно, что рост ВВП возможен лишь в том случае, если для этого будут созданы условия. Напротив, простое сокращение общественного сектора в тех странах, где он давал значительную часть ВВП, вряд ли создаст условия для оздоровления экономики. Другими словами, при смене курса и правильном подборе инструментария антикризисных мер удастся укрепить экономику еврозоны, что обеспечит единой европейской валюте гарантированное будущее и повысит ее привлекательность.

Принимая во внимание долговые проблемы США, можно сделать вывод, что это позволит евро составить конкуренцию доллару в борьбе за статус мировой валюты. Евро сможет прийти на место доллара, если противоречия между «Севером» и «Югом» будут решены и еврозона получит стабильную внутреннюю экономику с еще большим участием в мировом производстве, торговле, финансах. В условиях нерешенности долговых проблем и недоверия инвесторов к евро шансы этой валюты стать мировой невысоки. По оценкам экспертов, доллар перестанет быть главной резервной валютой мира, если курс евро достигнет 1,65 евро за доллар США. Для этого необходимо укрепить единую европейскую валюту, чему препятствует центрально-периферическая структура еврозоны [14, с. 40].

Нейтральным сценарием можно считать ту ситуацию, которая сейчас складывается в еврозоне. Рецессия продолжается, высокая безработица сохраняется, при этом за счет значительных усилий и оказания большой помощи еврозоне удалось сохранить. Нейтральный сценарий подразумевает сохранение валютного союза, но при этом предполагается, что восстановление экономики будет долгим и непростым. Власти Греции заверяют, что в 2014 г. в стране начнется экономический рост. Однако, по итогам 2013 г., правительство предполагает зафиксировать спад ВВП на 4,5% [4]. Принимая во внимание тот факт, что оценки

греческих властей часто оказываются слишком оптимистичными, можно поставить под сомнение переход греческой экономики к росту в 2014 г. Кроме того, греческие власти не уточняют, за счет каких сфер экономики предполагается добиться роста. Нужно иметь в виду, что за годы проведения политики жесткой экономии и роста безработицы, сопровождавшегося закрытием предприятий частного сектора, экономический и налоговый потенциалы Греции существенно сократились. После значительного сокращения государственного сектора, который вносил существенный вклад в греческую экономику, перспектива греческой экономики после очередного падения на 4,5% перейти к росту уже на будущий год выглядит достаточно туманно.

Рецессия продолжается и в Испании. Эта страна является пятой экономикой Европейского союза, поэтому говорить об отсутствии потенциала для будущего роста не приходится. По итогам 2012 г., ВВП Испании сократился на 1,37%. В 2013 г. ожидается сокращение ВВП на 1,5%. Государственный долг Испании к 2014 г. составит 100% ВВП. При этом доходность десятилетних облигаций Испании превышает 4%, в то время как десятилетние облигации ФРГ имеют доходность менее 2% [5]. Сохраняющийся рост государственного долга и высокая по европейским меркам доходность облигаций создают дополнительную нагрузку на бюджет Испании.

Несмотря на такую статистику, в 2014 г. предполагается незначительный рост ВВП Испании до 0,5%. Это может оказаться выполнимой задачей за счет экономически развитой Каталонии, восстановления туристической индустрии и рынка недвижимости. Однако именно ориентация на два последних сектора лежит в основе сложившейся сейчас трудной ситуации. Таким образом, Испания так или иначе сумеет добиться роста ВВП и восстановления экономики за счет финансовой помощи и собственных сил, хотя для окончательного восстановления и перехода к устойчивому росту могут потребоваться годы.

Сегодня события развиваются по последнему сценарию, который для Европейского союза является неблагоприятным. Политику Брюсселя определяют благополучные страны Северной Европы, которые не оставляют другим участникам сообщества никакой возможности предложить альтернативные способы решения сложившихся проблем. Официальные лица ФРГ, Нидерландов, Финляндии выступают с жесткой критикой своих менее успешных партнеров, заявляют об их

безответственности и расточительности. В таких условиях стратегия выхода из кризиса сводится по большей части к выполнению «проблемными» странами всех требований кредиторов и простому сокращению расходов бюджета. Наличие бюджетного профицита вовсе не означает, что произошло оздоровление экономики и финансов. Кроме того, на сегодняшний день не удалось достигнуть даже этого. В этой связи можно вспомнить слова экспертов про начавшееся для еврозоны и ЕС «потерянное десятилетие». Вместо углубления интеграции и развития сотрудничества с целью перехода от экономического союза к политическому страны Европейского союза будут вынуждены спасать главное достижение европейской интеграции – евро.

И Греция, и Испания, и другие столкнувшиеся в последние годы с трудностями страны остаются в еврозоне из-за объективных политических и экономических факторов. К ним относится необходимость получения финансовой помощи, зависимость от экспорта стран Северной Европы, сильное политическое влияние лидеров ФРГ и Нидерландов. Кроме того, очевиден факт, что в краткосрочной перспективе отказ от евро даже Греции крайне негативно повлияет на европейскую экономику, финансовые рынки, инвестиционный климат. Если же от евро откажется такая мощная экономика как Испания, то последствия будут куда более серьезными. Согласно расчетам экспертов, выход Греции, Португалии, Италии и Испании из еврозоны в ближайшее время приведет к тому, что к 2020 г. совокупные потери мирового ВВП составят 17,2 трлн евро. ВВП Германии за первый же год сократится на 69%, что может быть сопоставимо только с послевоенными годами. При этом покидающие валютный союз страны в краткосрочной перспективе столкнутся с падением ВВП, девальвацией национальных валют и социальной напряженностью [10, с. 29].

Таким образом, несмотря на серьезные противоречия между европейскими макрорегионами, вероятным остается сохранение евро. Во избежание тяжелых последствий отказа от единой валюты колоссальные средства направляются на поддержание экономики еврозоны. При этом не предпринимается никаких действий для выравнивания уровня экономического развития стран еврозоны; незначительным остается их политическое влияние в наднациональных органах, включая Еврогруппу. Это может стать причиной новых более серьезных кризисов, когда даже многомиллиардная финансовая помощь не сможет спасти евро.

Список литературы

1. Буторина О.В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4. С.71 – 81.
2. Буторина О.В. Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность? // Современная Европа. 2012. № 2. С.82 – 94.
3. Бюджетный пакт: что это такое? // Euronews. 2012. 2 марта. URL: <http://ru.euronews.com/2012/03/02/are-eu-s-new-budget-rules-golden> (дата обращения: 26.09.2013).
4. В Греции началась недельная забастовка бюджетников // РБК. 2013. 16 сентября. URL: <http://>

- top.rbc.ru/economics/16/09/2013/877202.shtml (дата обращения 28.09.2013).
5. Госдолг Испании в 2014 году может достичь почти 100% ВВП // Росбалт. 2013. 30 сентября. URL: <http://ru.euronews.com/2012/03/02/are-eu-s-new-budget-rules-golden> (дата обращения: 30.09.2013).
6. Госдолг Испании достиг рекордного уровня в 92,2% ВВП // РБК. 2013. 14 сентября. URL: <http://top.rbc.ru/economics/14/09/2013/876699.shtml> (дата обращения: 27.09.2013).
7. Греции помогут еще раз // Interfax. 2013. 23 сентября. URL: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=330355> (дата обращения: 25.09.2013).
8. Дынкин А., Авилова А., Квашнин Ю., Иванова Н., Королев И., Кузнецов А., Рубинский Ю., Зуев В., Варнавский В., Холодковский К., Оленченко В., Прохорченко И., Мачавариани Г. Последствия южноевропейского долгового кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2013. №3. С.3 – 12.
9. Каланчихина Ю., Котов А. Какие европейский страны не смогут выполнить условия Бюджетного пакта // РБК daily. 2012. 5 апреля. URL: <http://www.rbcdaily.ru/world/562949983148525> (дата обращения: 15.09.2013).
10. Качуровский Е. Какой будет плата за выход из еврозоны? // Журнал «Директор». 2012. №11. С.29 – 30.
11. Мантусов В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
12. Матвеевский Ю.А. Европейская интеграция в исторической ретроспективе. М.: МГИМО-Университет, 2011.
13. Чувахина Л.Г. Актуальные проблемы европейской финансовой политики // Финансовый журнал. 2012. № 4. С.19 – 28.
14. Чувахина Л.Г. Валютная конкуренция в условиях глобального кризиса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. №1-1. С.34 – 43.
15. Экспорт Германии достиг рекордных €1,1 трлн в 2012 г. // Вести Экономика. 2013. 8 февраля. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/23206> (дата обращения: 10.09.2013).
16. Government deficit/surplus, debt and associated data // Eurostat. 2013, July 25. Available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=gov_dd_edpt1&lang=en (Accessed 18.09.2013).
17. Hogeling T. Noord Gedijt, Zuid lijdt // The post online. 2013, June 21. URL: <http://biz.thepostonline.nl/2013/06/21/eurocrisis-noord-gedijt-zuid-lijdt> (Accessed 3.09.2013).

Об авторе

Хмельницкий Михаил Михайлович – консультант Отдела внешних связей и протокола Министерства финансов РФ, соискатель кафедры мировой экономики и международных финансовых отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: 89852189991@mail.ru

THE EUROPEAN UNION NORTH–SOUTH DIVIDE AND THE FUTURE OF THE EURO

M.M. Khmelnitskiy

Ministry of finance of the Russian Federation, 9, Ulitsa Ilyinka, Moscow, 109097, Russia.

Abstract: *The debt crisis is continuing in the eurozone, putting on agenda a question about the future of the euro and European integration. In 2012 none of the Southern European states could achieve the EU average GDP per capita. If the Greece's GDP reduces in 2013 by 4,5% as expected, the Government will hardly fulfill its objective to achieve the growth in 2014. Moreover, Europe has become divided into two macroregions: poor South and prosperous North. The differences between them seem to be predefined because of specific EU policy during the creation of the economic union and when the euro was being introduced; these differences are one of the main causes of the crisis. In spite of the fact that the Southern countries are still in economic decline, the Northern counties are insisting on austerity measures without any plans to reindustrialize Greece, Spain and Portugal in perspective. The «troika» of lenders saved the eurozone on account of multi-billion aid but it is still nothing done to cope with existing political and economic contradictions such as: trade deficit between «North» and «South», dependence on exports, specific international specialization of Greece, Spain and other countries. Three scenarios can be worked out to foresee the situation in the EU: optimistic, pessimistic*

and neutral. The pessimistic scenario was widely spread in the expert community. However, it is not that popular at the moment. A strong political will is needed to realize the optimistic scenario in the EU, mainly that of Germany and the Netherlands. At the moment the occasions meet the neutral scenario. It means that the euro area still exists but the coming years can become a «lost decade».

Key words: European Union, the EU economy, the euro area, European integration, the Banking Union, the Budget Pact, the eurozone forecast, contradictions in the euro area, Northern Europe, Southern Europe.

References

1. Butorina O.V. Evropeiskii soiuz posle krizisa: upadok ili vozrozhdenie? [European Union after crisis: decline or renaissance?]. Vestnik MGIMO-Universiteta – Vestnik MGIMO-University, 2013, no.4, pp. 71 – 81.
2. Butorina O.V. Krizis v zone evro: oshibki ili zakonomernost'? [Eurozone crisis: mistakes or regularity?]. Sovremennaya Evropa - Modern Europe, 2012, no.2, pp. 82 – 94.
3. Biudzhetni pakt: chto eto takoe? [The Budget Pact: what is that?]. Euronews, 2012. Available at: <http://ru.euronews.com/2012/03/02/are-eu-s-new-budget-rules-golden> (Accessed 26 September 2013).
4. V Gretsii nachalas' nedel'naia zabastovka biudzhetikov [A weeklong state employees' strike has begun in Greece]. RBK, 2013. Available at: <http://top.rbc.ru/economics/16/09/2013/877202.shtml> (Accessed 28 September 2013).
5. Gosdolg Ispanii v 2014 godu mozhет dostich' pochti 100% VVP [The Spanish state debt can be 100% GDP in 2014]. Rosbalt, 2013. Available at: <http://ru.euronews.com/2012/03/02/are-eu-s-new-budget-rules-golden> (Accessed 30 September 2013).
6. Gosdolg Ispanii dostig rekordnogo urovnia v 92,2% VVP [The Spanish state debt reached a peak mark at 92,2% GDP]. RBK, 2013. Available at <http://top.rbc.ru/economics/14/09/2013/876699.shtml> (Accessed 27 September 2013).
7. Gretsii pomogut eshche raz [Greece will receive aid once again]. Interfax, 2013. Available at <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=330355> (Accessed 25 September 2013).
8. Dynkin A., Avilova A., Kvashnin Iu., Ivanova N., Korolev I., Kuznetsov A., Rubinskii Iu., Zuev V., Varnavskii V., Kholodkovskii K., Olenchenko V., Prokhorchenko I., Machavariani G. Posledstviia iuzhnoevropeiskogo dolgovogo krizisa [Consequences of debt crisis in South Europe]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia – World economy and international relations, 2013, no.3, pp. 3 – 12.
9. Kalanchukhina Iu., Kotov A. Kakie evropeiskii strany ne smogut vypolnit' usloviia Biudzhetnogo pakta [Which European countries will not be able to fulfill the Budget Pact]. RBK daily, 2012. URL: <http://www.rbcdaily.ru/world/562949983148525> (Accessed 15 September 2013).
10. Kachurovskii E. Kakoi budet plata za vykhod iz evrozony [What will be the tax to quit the eurozone?]. Zhurnal «Director» – the «Director» journal, 2012, no.11, pp. 29 – 30.
11. Mantusov V.B. Mezhdunarodnaia ekonomicheskaiia integratsiia v sovremennykh mirokhoziaistvennykh otnosheniakh [World economic integration in modern international economic relations]. Moscow, UNITY-DANA, 2011.
12. Matveevskii Iu.A. Evropeiskaia integratsiia v istoricheskoi retrospective [European integration: a historical retrospective]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2011.
13. Chuvakhina L.G. Aktual'nye problemy evropeiskoi finansovoi politiki [Topical problems of European financial policy]. Finansovyi zhurnal – Financial journal, 2012, no.4, pp. 19 – 28.
14. Chuvakhina L.G. Valiutnaia konkurentsii v usloviakh global'nogo krizisa [Competition between currencies and global crisis]. Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki – Tula State University Journal. Economy and law, 2013, no.1-1, pp. 34 – 43.
15. Eksport Germanii dostig rekordnykh €1,1 trln v 2012 g. [The Germany's export reached €1,1 trl in 2012]. Vesti Ekonomika – News in economy, 2013. Available at <http://www.vestifinance.ru/articles/23206> (Accessed 10 September 2013).
16. Government deficit/surplus, debt and associated data. Eurostat. 2013, July 25. Available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=gov_dd_edpt1&lang=en (Accessed 18.09.2013).
17. Hogeling T. Noord Gedijt, Zuid lijdt. The post online. 2013, June 21. URL: <http://biz.thepostonline.nl/2013/06/21/eurocrisis-noord-gedijt-zuid-lijdt> (Accessed 3.09.2013).

About the author

Mikhail M. Khmelnitskiy – counsellor of the External relations and protocol division of the Ministry of finance of the Russian Federation, doctoral candidate in economics at the World economy and international financial relations department of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: 89852189991@mail.ru

СПЕКУЛЯТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

К.Е. Мануйлов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу трансформации финансового рынка, определяющей его отрыв от реального сектора экономики. Зарождение этой тенденции было выявлено исследователями еще в XIX в., впоследствии она прогрессировала и на современном этапе финансовый рынок приобрел черты самостоятельного сектора, в малой степени связанного с реальными экономическими показателями. В условиях неопределенности экономической конъюнктуры участники современного рынка вынуждены искать ориентиры для принятия решений. Поскольку деятельность финансовых спекулянтов не связана непосредственно с функционированием реального капитала, находящегося в их собственности, они не обладают достаточной информацией о его особенностях. Главным фактором, определяющим их действия, становятся ожидания. В результате рыночная оценка реального капитала теряет связь с результатами деятельности предприятий. Развитие сегмента производных финансовых инструментов, объем которого многократно превосходит мировой ВВП, вывело отделение финансового рынка от реальных показателей на новый уровень. Если рынок ценных бумаг позволил отделить собственность от процесса управления, то деривативы отделяют доход от собственности и риск от актива. При этом в оценке рисков рынок производных инструментов стал показателем ожиданий участников рынка, что вместе с его значительным объемом привело к ситуации, когда цена базисного актива определяется динамикой производного. В то же время влияние реального сектора экономики весьма мало. Во многом именно эти особенности и стали причиной современного финансового кризиса. Финансовый рынок в еще большей степени приобрел черты «игорного дома», чем во времена Д. Кейнса.

Ключевые слова: финансовый рынок, асимметричность информации, производные финансовые инструменты, рыночная оценка активов, спекулятивные операции, инвестор, спекулянт, собственность, риск, доходность.

Вопросы трансформации финансового рынка, связанной с приобретением им значительной самостоятельности по отношению к другим элементам финансовой системы, вновь приобрели актуальность в ходе современного финансового кризиса. Первоначально проявившись исключительно в финансовой сфере – на рынке отдельных финансовых инструментов, – кризисные явления распространились на другие элементы экономической системы, охватив и финансы предприятий реального сектора экономики, и государства, и населения. В этой связи на первый план выходят особенности функционирования финансового рынка.

Традиционно анализ поведения хозяйствующих субъектов предполагает рациональный характер их действий и объясняет появление спекулятивных пузырей ошибками в оценке активов. Однако решения участников рынка не всегда объективны и рациональны, а рыночная оценка финансовых активов не всегда связана с реальным положением их эмитентов. Неопределенность, порожденная асимметричностью информации, является на современном этапе фактором, определяющим не только динамику, но и существование финансового рынка. Часто феномен обособления финансового рынка от реального сектора экономики, приобретения им черт самостоятельного сектора, связывается с усилением роли финансовых спекулянтов.

Необходимо отметить, что само понятие спекулятивных операций имеет разнообразные трактовки. По мнению Х. Мински, включившего финансовые активы в теорию инвестиций Д. Кейнса, любые инвестиции, по сути, являются спекулятивными, и даже инвестиции в реальный производственный капитал [18]. Объяснение этого феномена заключается в неопределенности будущих доходов. Рыночная оценка обязательств, используемых для приобретения реальных активов, теоретически отражает ожидания участников рынка относительно их доходности. Таким образом, пассивная часть баланса предприятия вполне известна, как и будущее движение денежных средств, связанное с обязательствами. В то же время ожидания вовсе не обязательно реализуются, и доходность реального капитала остается неизвестной величиной. Возможность непредсказуемого изменения этой доходности в концепции Х. Мински и является основой его тезиса о спекулятивном характере абсолютно любых инвестиционных решений. Мински, однако, не рассматривал финансовые спекуляции, которые не имели столь значительного масштаба в период его исследования.

На современном этапе существуют две наиболее известные конкурирующие оценки деятельности финансовых спекулянтов и их макроэкономической роли. Первая восходит к работам М. Фридмана и была, насколько можно судить, преобладающей в зарубежной научной литературе до 1990-х гг. Второй подход основан на теории Д. Кейнса и, что неудивительно, вновь стал весь-

ма популярным в период кризисных явлений на финансовых рынках начала 2000-х гг.

Определение самого понятия «финансовые спекуляции» является общим для обеих моделей, однако его сущность и последствия как для финансового рынка, так и для экономики в целом существенно различаются. Представляется в этой связи возможным исходить из кейнсианской трактовки, разграничивающей предпринимателей и спекулянтов. И те и другие существуют в условиях неопределенности, но первые прогнозируют «ожидаемый доход от имущества за весь срок его службы» [4, с. 223], а вторые стремятся «опередить пулю», предугадывая краткосрочные изменения ожиданий других участников рынка, хотя в данном контексте их можно назвать игроками. Причем по мере укрепления и совершенствования организации финансового рынка количество спекулянтов среди участников увеличивается.

Кроме того, что более важно, разделение инвесторов на предпринимателей и спекулянтов вносит весьма существенные коррективы в оценку механизма инвестирования. Поскольку биржевые игроки в очень малой степени связаны непосредственно с деятельностью предприятий и слабо осведомлены о «настоящем или будущем данной отрасли», но в то же время оказываются в доминирующем положении на финансовом рынке, их роль также оказывается главенствующей – «предельная эффективность капитала определяется не оценкой наиболее сведущих людей, а рыночной оценкой, зависящей от массовой психологии», и, таким образом, «инвестиции регулируются скорее средними предположениями тех, кто совершает сделки на фондовой бирже, нежели расчетами профессиональных предпринимателей» [4, с. 215]. Следует уточнить, что под предельной эффективностью подразумевается ожидаемая доходность именно реальных инвестиций.

Этот подход во многом заложил основы понимания финансового рынка как некоего «игорного дома», как определял его сам Д. Кейнс. Впоследствии указания на своеобразный «игровой» характер финансового рынка встречались и в работах других авторов – С. Стрэндж [19], Р. Гуттмана [14]. Оценки М. Фридмана, в отличие от Д. Кейнса и Й. Шумпетера, скорее нейтральны. В ней не содержится критики спекулянтов, а их существование рассматривается как элемент саморегулирующей системы. Тезис о дестабилизирующем влиянии финансовых спекулянтов отождествляется с их убыточностью [13, с. 175]. Модель предполагает автоматическое регулирование рыночной конъюнктуры в связи с тем, что избыточное отклонение рыночной цены актива от его справедливой стоимости приведет к снижению доходности спекулянтов. Следовательно, в долгосрочном плане негативное влияние будет минимизировано путем вытеснения их с рынка ввиду конкуренции с более удачливыми участниками. Успешные же, принимающие верные решения, игроки лишь укрепляют рынок. Можно заметить, что такой подход во многом перекликается с идеями Й. Шумпетера.

Современные авторы подвергают такую оценку последствия деятельности финансовых спекулянтов острой критике, указывая на весьма низкую вероятность того, что спекулянты способны предугадать справедливую цену актива и того, что рыночная оценка будет соответствовать ей [12, с. 7]. Кроме того, М. Фридмен исключает возможность долгосрочной переоценки активов, часто называемой «финансовым пузырем». Жесткая критика спекулятивных операций, присущая кейнсианскому подходу, широко известна и неувидительна ввиду антикризисной направленности трудов Д. Кейнса. Однако необходимо остановиться на модели «конкурса красоты», как ее часто называют современные авторы. Кейнс Д. прибегает к аналогии с так называемым «газетным конкурсом» [4, с. 220], где условием победы является наиболее точный прогноз среднего мнения других участников.

Применительно к финансовому рынку основной ожиданий инвестора становятся не его собственные предпочтения либо расчеты, а оценка мнения остальных участников об ожиданиях рынка. То есть виртуальное среднее ожидание игроков, другими словами – шум, [10] имеет не меньшее, а зачастую и большее значение, чем реальные параметры актива. В результате в основе принятия инвестиционного решения лежат ожидания по крайней мере третьего порядка – относительно того, каким будет мнение участников о том, каково среднее мнение. Возможны, однако, и ожидания более высоких порядков. Кроме того, принципиальным является соотношение весов, присвоенных оценкам ожиданий рынка и непосредственно объекта инвестирования соответственно [15].

Очевидно, что динамика рыночной оценки того или иного актива является индикатором ожиданий большинства участников. Следовательно, степенью спекулятивности рынка можно считать вес ожиданий второго и более высоких порядков при принятии решений, или, в терминологии Н. Калдора, «эластичность ожидаемой будущей цены по сегодняшней цене» [16]. Последствием описанных явлений становится отрыв финансового рынка от реального сектора экономики. Зарождение этой тенденции было отмечено еще К. Марксом, указавшим на тот факт, что акции «становятся товарами, цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала» [7, с.7].

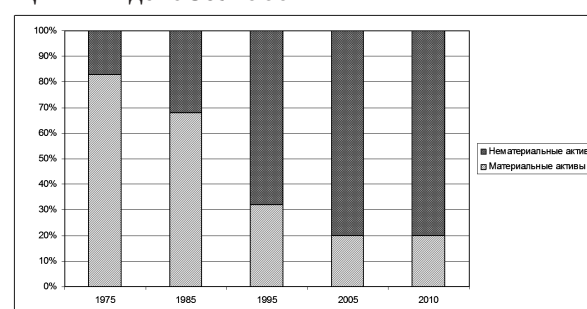
Подтверждение такой оценки встречается и в работах современных авторов. В этом контексте для иллюстрации представляется уместным привести мнение А. Элдера: «Цена акции очень слабо связана с компанией, которая ее выпустила. Цена акции IBM почти не имеет отношения к IBM. Мне представляется, что цена акции связана с IBM резиновым шнуром длиной в милю и может значительно повышаться и понижаться, а IBM движется сама по себе на этой очень, очень длинной веревочке» [9, с.49].

Именно попытка предугадать ожидания второго и более высоких порядков и лежит в основе феномена «симметрии заблуждений», описанного В.Д. Миловидовым [8, с. 52]. Он, как и Д. Кейнс, приходит к весьма существенному выводу – последствия спекулятивной деятельности для развития финансового рынка и его макроэкономического значения определяются соотношением внутренне и внешне мотивированных участников – предпринимателей и спекулянтов в терминологии Д. Кейнса. Это соотношение, если применить понятийный аппарат М. Фридмена, между участниками, оказывающими соответственно стабилизирующее и дестабилизирующее влияние на финансовый рынок, также стремится к некоторому равновесию. Однако, если у М. Фридмена система автоматически исключала дестабилизирующий фактор, согласно Д. Кейнсу, предприниматель подвержен гораздо более высоким рискам.

Из этого следует вывод, характеризующий и современное состояние финансового рынка и одновременно иллюстрирующий разницу монетаристского и кейнсианского подходов. В данном случае «опыт отнюдь не доказывает, что инвестиционная политика, приносящая пользу с социальной точки зрения, приносит одновременно и наибольшую прибыль» [4, с. 221]. Последствием попытки «опередить пулю», в терминологии Д. Кейнса, стал существенный отрыв рыночной оценки ценных бумаг от собственно активов, чьим отражением они первоначально являлись. В свете рассмотренных факторов это не является удивительным, хотя темпы изменений были весьма высоки. Так, в период с 1975 по 2010 г. доля нематериальных активов в структуре цены акций, включенных в индекс Standart&Poors 500, возросла с 17 до 80% (рис. 1).

Рис. 1

Структура рыночной цены акций, входящих в индекс S&P 500

Источник: Intangible Asset Market Value. Ocean Tomo LLC. Press release. 2011. P.1.

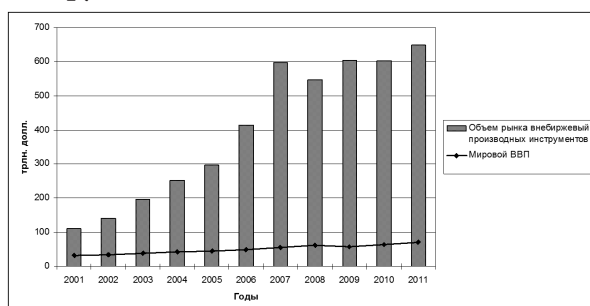
Обозначенные особенности принятия решений участниками финансового рынка являются неединственным, хотя и важным, фактором, определяющим значительное его обособление от реального сектора экономики. Сущность финансовых спекуляций претерпела существенные изменения в современных условиях. Если спекуляции на рынке долевых ценных бумаг были выявлены авторами еще в начале XX в., сегодня они усугублены также и изменившейся структурой

всего финансового рынка. В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. рынок производных финансовых инструментов демонстрировал стремительное развитие.

Рост объемных показателей свидетельствует не только о его ведущей роли среди других секторов финансового рынка, но и о значительной доле по сравнению с масштабами мировой экономики (рис.2) – номинальная сумма обязательств по производным инструментам, причем только внебиржевым, превышает объем мирового ВВП примерно в 9–10 раз и объем мирового рынка ценных бумаг, как долевых, так и долговых, в 25–30 раз в последние годы. Биржевые производные инструменты, согласно статистическим данным, составляют незначительную долю в суммарном объеме и не оказывают существенного влияния на порядок величин.

Рис. 2

Объем мирового рынка производных инструментов

Источник: Составлено по данным BIS, World bank.

Существование столь крупного сегмента финансового рынка, к тому же не подверженного жесткому регулированию, более характерному для биржевого рынка, не могло не отразиться на закономерностях функционирования всего рынка и экономики в целом.

Следует отметить, что приблизительно до 2008 г. подавляющее большинство публикаций содержало положительные оценки стремительно развивающегося рынка производных инструментов, в том числе кредитных, указывая на их важную роль в части управления рисками [5]. Существенной особенностью являлась возможность отделения риска от актива, что вполне предсказуемо имело важное значение для банковского сектора. В то же время некоторые авторы высказывали и опасения, связанные с последствиями активного использования производных инструментов. Так, Б. Лиетар указывал на тот факт, что «финансовые производные способны обеспечивать головокружительные перемены, в мгновение ока превращая потрясающий рост в жуткое падение» [6, с. 57].

В свете анализа процесса обретения финансовым сектором самостоятельности весьма интересным представляется работа бразильских исследователей М. Чилиато-Лейте, Р. Карниери, Р. Мело и П. Росси, посвященная динамике капиталистических отношений в рамках марксистского подхода [11]. Отдельные выводы их построений кратко сформулированы в табл. 1.

Первые два этапа развития отношений не представляют существенного интереса, поскольку не содержат в той или иной форме элементов финансового рынка. Особенности третьего этапа подробно рассматривались представителями различных школ экономической науки. Указания на факт отделения собственника капитала от самого процесса воспроизводства встречаются еще в трудах К. Маркса. Собственник становится исключительно денежным капиталистом, а управляющий – наемным работником, при этом, поскольку вознаграждение последнего является заработной платой, вся прибыль концентрируется в руках собственника.

Очень существенно, что актуальность этого аспекта, затронутого К. Марксом еще в конце XIX в., многократно усилилась на современном этапе. Феномен изменения роли собственника акционерных предприятий, утративших связь с его непосредственной деятельностью, уже в начале XXI в. рассматривается Д. Гелбрейтом. Вторым немаловажным выводом является тезис о спекулятивном характере, присущем финансовому рынку, поскольку стоимость ценных бумаг определяется «не только действительным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным» [7, с. 8].

Таблица 1

Эволюция капиталистических отношений

	Характер обращения	Характер собственности	Характер взаимодействия
1	Т-Д-Т	Собственность на средства производства	-
2	Д-Т-Д	Труд отделен от собственности на средства производства	Подчиненность труда капиталу
3	Д-Д'	Собственность отделена от процесса управления	Подчиненность производственного капитала финансовому капиталу
4	ΔД*	Доходность капитала отделена от собственности на активы	Подчиненность собственности динамике производных инструментов

Источник: Chiliatto-Leite M.V., Carneiro R., Mello G., Rossi P. The fourth dimension: derivatives in a capitalism with financial dominance. – Political economy and the outlook for capitalism. Joint conference AHE, IIPPE, FAPE. – 2012. P.30.

Спекулятивная природа финансового рынка затрагивается и в работах Й. Шумпетера. Интересно, что этот фактор, как и другие особенности финансового рынка, рассматривается им как позитивный. В частности, спекулятивным инвестициям, источником которых к тому же являются, что специально выделено, краткосрочные кредиты, отводится важная роль в поддержании цены акций вновь созданных предприятий.

Концепция Д. Кейнса во многом стала результатом исследования кризисных явлений во время Великой депрессии 1929–1933 гг. Поэтому неудивительно, что его подход к значению финансового рынка и характеру его влияния на

реальный сектор экономики достаточно критичен. Он имеет, безусловно, мало общего с оптимистичными оценками начала XX в., характерными для работ, например, Й. Шумпетера. Более того, критика спекулятивной природы финансового сектора по отдельным аспектам представляется даже более жесткой, чем в работах К. Маркса, которого весьма сложно назвать сторонником финансовых спекуляций.

Подобно К. Марксу, и Д. Кейнс указывает на феномен «отделения управленческих функций от собственности на капитал» [4, с. 214], но в отличие от него рассматривает это явление не как зарождающуюся тенденцию, а как устоявшуюся распространенную практику. Согласно кейнсианскому подходу, финансовый рынок с присущей ему спекулятивной природой является существенным фактором неустойчивости системы. При этом он также указывает на специфический характер взаимного влияния реального сектора экономики и финансового рынка. Причиной падения цены акций, «которое оказывает губительное влияние на предельную эффективность капитала, может быть вызвано тем, что либо состояние уверенности у спекулянтов, либо состояние кредита становится менее прочным» [4, с. 223].

Четвертый этап, или, как его можно назвать, четвертое измерение, подразумевая включение в модель фактора времени по аналогии с физическими принципами, непосредственно обязан своим существованием именно сегменту производных финансовых инструментов. Представляется методически неверным считать, что любые производные активы сами по себе являются исключительно инструментом спекуляции. Спектр их применения был достаточно широк и в прошлом, но сводился к первоначальной функции снижения риска как в реальном, так и в финансовом секторах экономики. Другими словами, они представляли собой средство борьбы с неопределенностью, свойственной не только финансовому рынку, но и экономике в целом. Тем не менее впоследствии производные инструменты в силу ряда особенностей рынка стали определяющими в процессе обособления финансового сектора и «функциональной формой спекулятивного капитала» [17].

Представленная в таблице модель динамики капиталистических отношений очень созвучна подходу В.Ю. Катасонова, который предлагает сходную последовательность, но применительно к финансовой системе, также выделяя четыре уровня:

- «настоящие деньги»;
- обязательства в форме депозитов;
- обязательства в виде традиционных ценных бумаг;
- обязательства в виде деривативов [3, с. 90].

Развитие сегмента производных инструментов характеризуется трансформацией отношений. Специфика четвертого измерения заключается в его усугублении количественного превосходства финансового сектора экономики над реальным.

Модель Д-Д', где $D' = D + \Delta D$ преобразуется в ΔD^* , то есть просто прирост денег. Происходит исключение исходной величины Д в левой части, то есть изначального количества денег. Ресурсы рынка производных инструментов, в отличие от рынка долевых и долговых ценных бумаг и кредитного рынка, не являются непосредственным источником привлечения средств, в том числе и для реального сектора экономики. Создание ряда производных активов, например кредитных деривативов, возможно и без участия собственника базисного актива. Прирост денег, таким образом, не находится в зависимости от исходного объема инвестиций. Также исключается величина Д из уравнения увеличивающегося количества денег – Д', по той же причине – ресурсы не оказывают влияния на результат для игрока, как вполне обоснованно можно называть участника рынка в данном случае.

Отсюда вытекает второе положение, связанное с характером прибыли участников рынка, которая не имеет ничего общего ни с прибылью промышленного капиталиста, создающейся в виде прибавочной стоимости, ни денежного капиталиста, чей процентный доход есть часть прибыли промышленного капиталиста. В данном случае доходность для игрока представляет собой результат ставки на динамику актива, которым он не владеет.

В этой связи наиболее существенным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что производные инструменты предполагают отделение, во-первых, прибыли от права собственности на базисный актив, во-вторых, отделение риска от этого актива. По существу, они представляют собой некую овеществленную форму риска, позволяющую оценивать его в денежной форме и использовать в виде товара. Следовательно, рынок производных инструментов способен в высокой степени обеспечивать интеграцию прочих секторов и сегментов финансового рынка, поскольку предполагает оценку рисков разнообразных активов и тем самым создает возможность сравнения. Это также способствует и увеличению скорости обращения финансовых активов, что подвергалось острой критике в рамках кейнсианского подхода к оценке спекулятивных операций.

В современных условиях в силу существенного масштаба и независимости рынка производных инструментов их динамика, во-первых, имеет еще меньшую связь с реальными активами, чем «фиктивный капитал» на рынке ценных бумаг, усиливая абстрактный характер финансового рынка, и, во-вторых, оказывает существенное влияние на рыночную оценку базисных активов. Этот эффект неудивителен, так как в условиях неопределенности динамика производного инструмента выступает показателем оценки риска и, следовательно, индикатором ожиданий, то есть фактором второго порядка при принятии решений участниками рынка базисного актива.

Несмотря на приобретение рынком деривативов значительной самостоятельности, пол-

ного отделения от других структурных элементов финансового рынка все же не произошло. Характер сохранившейся связи в полной мере был продемонстрирован в ходе финансового кризиса 2008 г. особенностью спекулятивного рынка являлась, кроме прочего, его изменчивость, обусловленная виртуальным характером. В то же время обязательства, соотносящиеся с этими активами, вполне реальны. Поэтому в ходе тех или иных кризисных явлений изменение оценки риска ведет и к переоценке активов.

В этой связи можно провести некоторую параллель с предельной эффективностью капитала Д. Кейнса, которая также является ожидаемой оценочной величиной, и ее изменение также является источником нестабильности с той лишь разницей, что она имеет гораздо более прочную связь с реальными активами, чем современные производные финансовые инструменты. В кризисных условиях снижающаяся величина виртуальных активов требует от их держателей новых источников покрытия обязательств, что и предопределяет так называемый кризис ликвидности. Именно этим объясняется современный финансовый кризис [1, 2].

Бурный рост рынка производных инструментов в 2001–2007 гг. сопровождался искажением оценки риска в результате формирования пулов активов различного качества и низким уровнем регулирования. Сегмент деривативов можно считать элементом финансового рынка наименее подверженным пруденциальному надзору, по сравнению с другими сегментами он практически был выведен из-под контроля, что в условиях высокой доходности и ликвидности закономерно способствовало стремительному росту его масштаба. В результате в полном соответствии с теорией сформировался дисбаланс, точнее, баланс виртуальных активов против реальных обязательств, что в итоге и привело к

сжатию ликвидности и сокращению финансовых операций, а следовательно, к снижению капитализации рынка и сжатию кредитного предложения, то есть к сокращению доступных ресурсов финансового рынка.

Таким образом, современный финансовый рынок характеризуется существенной и всевозрастающей долей спекулятивных операций. Они оказывают значительное влияние на механизм принятия инвестиционных решений, выводя на первый план не оценку собственно актива, а попытку предугадать мнение остальных участников рынка, которых в этом контексте уместно называть игроками. Такая ситуация является следствием неопределенности, порожденной асимметричностью информации. В результате возникает конфликт между интересами спекулянтов, стремящихся к максимизации прибыли и задач макроэкономического развития. Теоретически он может быть нивелирован при условии малой спекулятивности рынка, то есть низкой эластичности будущих цен по сегодняшним. Однако на практике тенденция к усилению роли финансовых спекулянтов, выявленная еще К. Марксом, продолжала прогрессировать на протяжении XX в., что следует из работ Д. Кейнса, и в результате привела к их преобладанию на современном этапе.

Обширный рынок производных финансовых инструментов выводит обособление финансового рынка от реального сектора экономики на качественно новый уровень, в силу отделения прибыли от собственности, а риска от актива. Рынок производных инструментов характеризуется, кроме прочего, существенным влиянием на цену базисных активов, слабым регулированием, высокой степенью интеграции как в части глобального характера, так и по видам активов. Именно эти его особенности и легли в основу современного финансового кризиса.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Глобальный кризис, его российское преломление и реакция федеральных властей // Российский экономический журнал. 2008. № 9–10. С. 3–16.
2. Ершов М.В. Мировой финансовый кризис. Что дальше? М.: Экономика, 2011. 295 с.
3. Катасонов В.Ю. О проценте ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». Кн. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2011. 307 с.
4. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Директ-медиа, 2008. 459 с.
5. Ковалев А. Кредитные деривативы – будущее банковского риск-менеджмента // Финансовый Директор. 2007. №12. С. 25–29.
6. Лиетар Б. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: АСТ, 2007. 496 с.
7. Маркс К. Капитал. М.: Директ-медиа, 2008. Т.3. 905 с.
8. Миловидов В.Д. Асимметрия информации или "симметрия заблуждений"? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 3. С. 45–53.
9. Элдер А. Основы биржевой игры. М.: Светочъ, 2006. 217 с.
10. Black F. Noise. – Journal of Finance. 1986. July(41). PP. 529-543.

11. Chiliatto-Leite M.V., Carneiro R., Mello G., Rossi P. The fourth dimension: derivatives in a capitalism with financial dominance. – Political economy and the outlook for capitalism. Joint conference AHE, IIPPE, FAPE. 2012.
12. Erturk K. Macroeconomics of speculation. NY: The Levy Economics Institute. Working Paper № 424. 2005.
13. Friedman M. The Case for Flexible Exchange Rates. Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
14. Guttman R. How credit-money shapes the economy: the United States in a global system. NY: ME Sharpe, 1994.
15. Hirota S., Sunder S. Price Bubbles sans Dividend Anchors: Evidence From Laboratory Stock Markets. Режим доступа: <http://www.som.yale.edu/faculty/Sunder/research.html>.
16. Kaldor N. Speculation and economic stability. – The Review of Economic Studies. 1939. Т. 7. №. 1. PP. 1-27.
17. Lipuma E., Lee B. Financial derivatives and the rise of circulation. – Economy and Society. 2005. Т. 34. №. 3. P. 404-427.
18. Minsky H. P. John Maynard Keynes. – New York: Columbia University Press, 1975.
19. Strange S. Casino capitalism. Manchester: University Press, 1997. 220 p.

Об авторе

Мануйлов Константин Евгеньевич – преподаватель кафедры международных финансов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kemanuylov@gmail.com

FINANCIAL MARKET SPECULATIVE TRANSACTIONS

K.E. Manuylov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article highlights the transformation of financial market, which determines its insulation as an independent economy sector. The tendency was first analyzed in late XIX century and has been developing since then, resulting in dissociation of real and financial sectors. Due to uncertainty traders lack decision guidelines, as speculative transactions do not imply property management. As a result, their decisions are based on expectations and market value losses any connection to real sector performance. Financial derivatives development through late XX century has brought financial market independence to a new level and inflation of the sector to values, exceeding world GDP. Stock market has provided the basis for property and management separation, and derivatives, in turn, separate returns from property and risk from asset. As risk valuation turns out to be the measure of market expectations, it is sure to affect the basic asset prices even more than underlying real capital. The imbalance is believed to have been one of the determinants of the modern financial and economic crisis. Financial market has evidently transformed to a casino to a greater extent, than Keynes identified.*

Key words: financial market, information asymmetry, financial derivatives, market value, speculative transactions, investor, speculative trader, property, risk, returns.

References

1. Glazyev S.U. Global'nyi krizis, ego rossiiskoe prelomlenie i reaktsiia federal'nykh vlastei [Global crisis, its russian deflection and federal government reaction], Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [Russian economic journal], 2008. № 9-10. PP. 3-16.
2. Ershov M.V. Mirovoi finansovyi krizis. Chto dal'she? [World financial crisis. What is next?], Moscow, Economica, 2011. 295 p.
3. Katasonov V.U. O protsente ssudnom, podsudnom, bezrassudnom. Khrestomatiia sovremennykh problem «denezhnoi tsivilizatsii». [Interest: lending, criminal and reckless. Modern monetary civilization problems.], Moscow, NII shkol'nykh tekhnologii, 2011. 307 p.
4. Keynes J. Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg [The general theory of employment, interest and money]. Moscow, Directmedia, 2008. 459 p.
5. Kovalev A.V. Kreditnye derivativy – budushchee bankovskogo risk-menedzhmenta [Credit derivatives – future of bank risk-management], Finansovyi Direktor. 2006. №12. PP. 25-29.
6. Lieta B. Budushchee deneg: novyi put' k bogatstvu, polnotsennomu trudu i bolee mudromu miru [The future of money: beyond greed and scarcity]. Moscow, AST, 2007. 496 p.
7. Marx K. Kapital [Capital]. Moscow, Directmedia, 2008. 905 p.
8. Milovidov V.D. Asimetriia informatsii ili "simmetriia zabluzhdenii"? [Information asymmetry or delusion symmetry?]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. 2013. № 3. PP. 45-53.
9. Elder A. Osnovy birzhevoi igry. Moscow, Svetoch", 2006. 217 p.
10. Black F. Noise. Journal of Finance. 1986. July(41). PP. 529-543.
11. Chiliatto-Leite M.V., Carneiro R., Mello G., Rossi P. The fourth dimension: derivatives in a capitalism with financial dominance. – Political economy and the outlook for capitalism. Joint conference AHE, IIPPE, FAPE. 2012.
12. Erturk K. Macroeconomics of speculation. NY: The Levy Economics Institute. Working Paper № 424. 2005.
13. Friedman M. The Case for Flexible Exchange Rates. Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
14. Guttman R. How credit-money shapes the economy: the United States in a global system. NY: ME Sharpe, 1994.
15. Hirota S., Sunder S. Price Bubbles sans Dividend Anchors: Evidence From Laboratory Stock Markets. Available at: <http://www.som.yale.edu/faculty/Sunder/research.html>. (Accessed 18 October 2013).
16. Kaldor N. Speculation and economic stability. The Review of Economic Studies. 1939. T. 7. №. 1. PP. 1-27.
17. Lipuma E., Lee B. Financial derivatives and the rise of circulation. Economy and Society. 2005. T. 34. №. 3. PP. 404-427.
18. Minsky H. P. John Maynard Keynes. New York: Columbia University Press, 1975.
19. Strange S. Casino capitalism. Manchester: University Press, 1997. 220 p.

About the author

Konstantin E. Manuylov – lecturer of the Department of international finance. Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: kemanuylov@gmail.com

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО И ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Синь Жань

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья представляет собой анализ влияния российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса. Это сотрудничество России и Китая – важная составная часть двусторонних связей, а также значимый фактор стимулирования социально-экономического развития сопредельных регионов и предпринимательства двух стран. 2008 год был трудным для всего мира. На фоне медленного восстановления мировой экономики после финансового и экономического кризиса Россия и Китай совместно преодолевают посткризисные трудности, углубляют стратегические партнерские отношения и активно осваивают новые сферы сотрудничества. Эффект влияния приграничного сотрудничества на предпринимательскую активность в последние годы проявляется в приграничных районах, где накоплен значительный опыт использования потенциала предпринимательства для обеспечения высокой динамики экономического роста. В посткризисное время правительства РФ и КНР активно усиливают сотрудничество и предоставляют больше возможностей для дальнейшего углубления развития предпринимательства. В рамках регулярных встреч глав правительств двух государств был подписан ряд договоров и контрактов в нефтегазовой отрасли, угольной промышленности, а также в сфере атомной и электроэнергетики, в области создания высокоскоростных железнодорожных поездов, автомобилестроения и т.д. Большие возможности для привлечения инвестиций, а также хорошая деловая среда в приграничных районах способствуют стимулированию предпринимательской активности. Для обеспечения возможности реализации предпринимательского потенциала необходимо создать благоприятные правовые и экономические условия для интенсивного развития бизнеса, стимулирующие формирование рыночных структур и конкурентной среды. Предпринимательство играет важную роль для развития приграничных районов. Уровень активности предпринимательства не только сильно влияет на развитие приграничного и межрегионального сотрудничества, но и на развитие приграничных районов. Развитие предпринимательства, ориентированного на внешнеэкономические связи, способствует улучшению социально-экономического положения приграничных регионов.

Ключевые слова: предпринимательство, сотрудничество, межрегиональный и приграничный, российско-китайский, кризис.

Для всего мира 2008 год был трудным. Мировой финансовый кризис, начавшийся с обрушения ипотечного рынка в США и массовых банкротств американских банков, чрезвычайно быстро перерос в общеэкономический. Кризис повлиял как на экономику России, так и на экономику КНР. Сократился внешний спрос, что привело к некоторому снижению темпов экономического роста, увеличению безработицы. Россия и Китай входят в число крупнейших мировых держав и имеют протяженную совместную границу, что открывает широкие возможности для развития сотрудничества между двумя странами. Углубление торгово-экономического сотрудничества не только способствует развитию экономики двух стран и укреплению их политических отношений, но и стимулирует их участие в процессе экономической глобализации.

В настоящее время двумя главными направлениями развития экономики являются экономическая глобализация и региональная экономическая интеграция. Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Китая – важная составная часть двусторонних связей, а также значимый фактор стимулирования социально-экономического развития сопредельных регионов и предпринимательства двух стран. Сегодня более 70 субъектов Российской Федерации имеют контакты с провинциями Китая. Протяженная российско-китайская граница, формировавшаяся в течение более 300 лет, стала естественной основой приграничного сотрудничества.

В региональном плане основные торговые партнеры Китая в России – Хабаровский и Приморский края, Амурская область, входящие в Дальневосточный федеральный округ, а также Красноярский край, Кемеровская и Иркутская область из числа регионов Сибирского федерального округа [1]. Из китайских регионов лидерами являются провинция Хэйлунцзян, Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) и Цилинь. В экспорте приграничных регионов России в Китай традиционно преобладают топливно-энергетическими товары, металлы и необработанная древесина, в импорте – машино-техническая продукция, текстиль, обувь, одежда, овощи и фрукты.

В посткризисное время правительства РФ и КНР активно усиливают сотрудничество и предоставляют больше возможностей для дальнейшего углубления развития предпринимательства. На фоне медленного восстановления мировой экономики после финансового и экономического кризиса Россия и Китай совместно преодолевают посткризисные трудности, углубляют стратегические партнерские отношения и активно осваивают новые сферы сотрудничества. После экономического кризиса 2008 г. в рамках регулярных встреч глав правительств двух государств был подписан ряд договоров и контрактов в нефтегазовой отрасли, угольной промышленности, а также в сфере атомной и электроэнергетики, в области создания высокоскоростных железнодорожных поездов и автомобилестроения и т.д.

В результате мирового экономического кризиса уровень инвестиций двух стран снизился. В 2009 г. для стимулирования инвестиционной активности предприятий двух стран главы России и Китая одобрили «План российско-китайского инвестиционного сотрудничества». Как указано в «Плане...», его целью является поощрение и поддержка предприятий двух стран в развертывании практического сотрудничества в машиностроении, строительстве, легкой промышленности, транспортной сфере, сельском хозяйстве, в области связи, банковском деле и страховании, научно-техническом сотрудничестве, энергетике, химической промышленности, лесной и горнорудной отраслях [2, с. 4–16].

Кроме того, правительства обеих стран активно искали способы расширения возможностей экономического сотрудничества между двумя странами, чтобы снизить негативное влияние мирового экономического кризиса на деятельность предприятий. 21 мая 2009 г. на совещании в Хабаровске по вопросам приграничного сотрудничества с Китаем и задачам развития восточных регионов Президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что Россия намерена реализовывать с Китаем совместные проекты в сфере энергетики на территории Дальнего Востока и Забайкалья, а также привлекать китайские инвестиции в строительство объектов нефтепереработки, нефтехимии, угольдобычи, перевалки в дальневосточных портах, создание генерирующих мощностей на территории Забайкалья и Дальнего Востока и т.д. По его словам, одним из важнейших инструментов обеспечения социально-экономического подъема восточных регионов России, использование которого должно быть четко увязано с приоритетами развития соответствующих субъектов Российской Федерации, является приграничное сотрудничество. Крупнейшим партнером на этом направлении является Китай, с ним заключено более 70 соглашений по линии субъектов Российской Федерации. Особенно сильны связи приграничных районов [3]. Перед Россией и Китаем открываются большие возможности для развития предпринимательства. При здоровой конкуренции на международных рынках Россия и Китай являются настоящими стратегическими партнерами.

23 сентября 2009 г., в ходе встречи в Нью-Йорке, Председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент РФ Д.А. Медведев одобрили «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)», в которой были оговорены 205 совместных проектов в приграничных регионах двух стран. Важное место в Программе отведено проектам развития транспортной инфраструктуры между РФ и КНР, включая проекты реконструкции и расширения приграничных портов, транспортной сети и т.д. [4].

По словам Ху Цзиньтао, официальное одобрение «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири

Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» содействует развитию сотрудничества приграничных районов двух стран [5]. Он призвал компетентные ведомства России и Китая способствовать реализации положений документа для выведения межрегионального сотрудничества двух стран на качественно новый уровень. Правительства двух стран придают большое значение «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» (далее – Программа). Согласно этой Программе, на российской территории будут создаваться производства по добыче и транспортировке полезных ископаемых, производству электроэнергии и т.д., на китайской территории – преимущественно производства по выпуску высокотехнологичной продукции.

Для уточнения целей Программы и выработки конкретных путей по ее реализации приграничные регионы двух стран проводят различные мероприятия. Так, 14 июня 2011 г. в рамках XXII Харбинской международной торгово-экономической ярмарки состоялась китайско-российская конференция по приграничному сотрудничеству. Главной темой конференции стало укрепление и расширение межрегионального сотрудничества, углубление реализации Программы сотрудничества, создание среды для взаимного развития двухстороннего взаимодействия. 12 сентября 2011 г. в Иркутске в рамках VII Байкальского экономического форума прошла российско-китайская конференция по приграничному и межрегиональному сотрудничеству. Главными вопросами конференции в рамках реализации Программы стали финансовые механизмы выполнения инвестиционных проектов, взаимодействие банков, страхование рисков. Также обсуждались предложения по сотрудничеству в сфере туризма, строительству гостиниц, современных лесоперерабатывающих комплексов. Кроме того, китайская сторона подняла вопрос о создании совместного инвестиционного фонда развития взаимодействия между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири и Северо-Востока КНР.

Очевидно, что правительства обеих стран активно стимулируют реализацию Программы сотрудничества по развитию экономики и инвестиций двух стран. Предприятия, которые участвуют в приграничном и межрегиональном сотрудничестве, получили больше возможностей для развития бизнеса, особенно в китайских провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, а также в Хабаровском и Приморском краях и Амурской области. В посткризисное время Программа может стать новой движущей силой, способной вывести предприятия на новый уровень развития.

Эффект влияния приграничного сотрудничества на предпринимательскую активность в последние годы проявляется в приграничных районах, где накоплен значительный опыт использования потенциала предпринимательства для

обеспечения высокой динамики экономического роста. Например, на границе Приморского края и китайской провинции Хэйлунцзян создается приграничный торгово-экономический комплекс «Пограничный–Суйфэнхэ» и бесполошинная зона в порту Суйфэнхэ [6]. Этот и ряд других инвестиционных проектов оказывают позитивное влияние приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в обеих странах.

В условиях мирового экономического кризиса все предприятия северо-восточных регионов Китая столкнулись с серьезными трудностями. Китайское правительство активно помогало предприятиям в преодолении этих трудностей. Например, руководство провинции Ляонин поддержало 100 крупных и 1000 малых и средних предприятий. Поддержка оказывалась по 8 направлениям, включая инвестиции в развитие предприятий, поддержку технических инноваций и поощрение иностранных инвестиций средних и малых предприятий, субсидирование банков, снижение налогов и т.д. Было также снижено налоговое бремя для банков и предприятий, чтобы они могли более эффективно использовать финансовые ресурсы, направляя их на оздоровление, реструктуризацию, модернизацию и т.д. Эта поддержка создавала и развивала предпринимательскую среду, что, в свою очередь, стимулировало предпринимательскую активность [7, с.236].

И сегодня в провинции Ляонин существует множество успешно развивающихся предприятий, ориентированных не только на национальные, но и на международные рынки. Предприятиям необходимо выходить на внешние рынки путем осуществления иностранных инвестиций и слияния с иностранными компаниями. Правительство оказывает поддержку таким предприятиям, проводя активную экономическую политику и обеспечивая стабильную предпринимательскую среду. Местные власти координируют усилия всего общества, частные и общественные интересы для создания благоприятной социальной среды и оптимальных условий для развития предпринимательской активности. Местные правительства могут создавать условия для поощрения либо ограничения предпринимательской деятельности в зависимости от того, насколько эта деятельность способствует экономическому развитию местного сообщества.

В последнее время значительно расширяется география торгово-экономических связей между Россией и Китаем. Помимо традиционных контактов российских приграничных областей и краев с китайской стороной, все большую активность проявляют местные власти центра и юга России. Можно констатировать рост интереса российских регионов к Южному Китаю, в первую очередь к высокоразвитой провинции Гуандун, которая также стремится расширить свое присутствие на российском рынке. Наибольший объем товарооборота с российскими регионами имеют китайские города и провинции на юге и восточном побережье страны: провинции Шаньдун, Гуандун, Чжэцзян, Хэбэй, Фуцзянь, Цзянсу, города Пекин, Шанхай.

В Китае наблюдается значительный рост интереса к межрегиональному сотрудничеству. Усилилась и встречная заинтересованность со стороны российских регионов и деловых кругов к привлечению китайских инвестиций, что создает предпосылки для еще более значительного увеличения масштабов совместного инвестиционного взаимодействия в перспективе. В результате предприятия получают более широкие рынки сбыта и больше возможностей для инвестирования, что, в свою очередь, стимулирует развитие предпринимательства и приводит к усилению экономической активности.

Приграничное и межрегиональное экономическое сотрудничество должно быть направлено, с одной стороны, на эффективное использование местных ресурсов и преимуществ, а с другой – на развитие трансграничного и межрегионального взаимодействия. Экономика приграничных районов отличается привлечением иностранных предприятий, вовлечением значительной части населения во внешнеэкономическую деятельность, повышением уровней трансграничной инфраструктуры и развитием совместного предпринимательства. Предпринимательство играет важную роль для развития приграничных районов. Уровень активности предпринимательства сильно влияет не только на развитие приграничного и межрегионального сотрудничества, но и на развитие приграничных районов. Например, предпринимательство может обеспечивать занятость населения, использовать местную ресурсную базу в торговле и создать стабильные экономические связи с другими предприятиями, действующими в данных районах, и т.д. Поэтому экономической основой сотрудничества приграничных районов становится развитие предпринимательства, направленное на удовлетворение потребностей населения сопредельных территорий в товарах, услугах, эффективном использовании трудовых ресурсов, формировании доходной части местных бюджетов и т.д.

Существует ряд факторов, оказывающих существенное влияние как на развитие приграничного и межрегионального сотрудничества в целом, так и на уровень предпринимательской активности приграничных районов [8, с.12]. Можно выделить пять групп таких факторов:

- экономические факторы: уровень жизни населения, социальные условия, отраслевая структура экономики, производственно-хозяйственная специализация, инвестиционный климат. Возможность совместного использования ресурсов в приграничных районах, уровень развития трансграничной инфраструктуры и информационного обеспечения между приграничными районами;
- политические факторы: уровень развития межгосударственных отношений, территориальные споры, этнические и религиозные конфликты;
- природно-географические факторы: природно-климатические условия, преимущество природных ресурсов, уровень сельскохозяйственного развития;

- институциональные факторы: уровень барьерности границы, наличие нормативно-правовой базы для развития приграничного сотрудничества, создание наднациональных структур приграничного и межрегионального сотрудничества;

- социально-культурные факторы: различие языков, культур, обычаев, религии и т.д.

Проблема эффективного социально-экономического развития приграничных районов и создания условий для активизации в них предпринимательства с учетом трансграничного взаимодействия имеет ряд принципиальных особенностей:

- во-первых, приграничные районы, как правило, являются экономически не самыми развитыми;

- во-вторых, внешние факторы имеют существенное влияние на развитие приграничного и межрегионального сотрудничества между двумя странами;

- в-третьих, возможность торговли и производство товаров и услуг зависят от наличия местных ресурсов;

- в-четвертых, масштабы создания местных производств зависят от наличия спроса на товары и услуги в приграничных районах и возможности сотрудничества с предприятиями, которые расположены на удаленных от границы территориях.

Таким образом, уровень предпринимательской активности связан не только с наличием ресурсов, но и с инвестиционной и развитой средой и их комбинацией. Основными проблемами, влияющими на развитие предпринимательства между Россией и Китаем, являются: слабая развитость инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; несоответствие транспортной инфраструктуры требованиям приграничного торгово-экономического сотрудничества двух стран; высокие барьеры для вывода и продвижения продукции на новых рынках сбыта; недостаточный информационный обмен между двумя странами. Кроме того, некачественные товары и недостаточная популярность брендов являются отличительными чертами торговли для китайской стороны. Китайские предприниматели несвоевременно реагируют на изменения конъюнктуры российского рынка и уровня потребительского спроса. Для российских приграничных с Китаем областей характерна относительно отсталая экономика, несовершенство законодательной базы и плохая торговая среда [9, с.309].

Эти проблемы препятствуют развитию предпринимательства в приграничных районах. Для обеспечения возможности реализации предпринимательского потенциала необходимо создать благоприятные правовые и экономические условия для интенсивного развития бизнеса, стимулирующие формирование рыночных структур и конкурентной среды. Очевидно, что на фоне улучшения российско-китайских отношений и повышения уровня приграничного и межрегионального сотрудничества в последние годы эти проблемы будут решены путем совместных усилий

двух стран. Правительства России и Китая прикладывают усилия для формирования устойчивой предпринимательской среды.

Приграничное и межрегиональное сотрудничество является значимым фактором для развития предпринимательства. Поддержка предпринимательства всегда была и остается ключевым фактором, обеспечивающим рост числа успешных предприятий в стране. Наукоемкое предпринима-

тельство содействует экономическому развитию и развитию приграничного и межрегионального сотрудничества. Развитие предпринимательства, ориентированного на внешнеэкономические связи, способствует привлечению инвестиций, новых технологий, инновационных методов организации и управления производством, созданию новых рабочих мест и в итоге улучшению социально-экономического положения приграничных регионов.

Список литературы

1. Александрова М.В. Приграничная торговля с Китаем затихает перед новым подъемом // Российская газета. Спецвыпуск «Китай». №5016 (192). 2009. 277 с.
2. План российско-китайского инвестиционного сотрудничества. 2009. 17 с.
3. Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/transcripts/4160> (дата обращения: 21.05.2009).
4. Программа по сотрудничеству регионов Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока и Восточной Сибири России. Режим доступа: <http://www.1sn.ru/35602.html> (дата обращения: 2009).
5. Состоялась встреча Председателя КНР Ху Цзиньтао с Президентом РФ Д. Медведевым. Режим доступа:
6. <http://www.sinoexport.ru/news/sept/sostojalas-vstrecha-predsedatelja-kr-hu-jin-tao-s-prezidentom-rf-d-medvedevym.shtml> (дата обращения: 23.09.2009).
7. Единственная беспопышная зона на границе Китая и России содействует стратегической эскалации торгово-экономических отношений двух стран. Обзор. Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/> (дата обращения: 17.03.2010) 刁秀华, 《俄罗斯与东北亚地区经济合作的进展》, 大连, 东北财经大学出版社, 2011年, 342页
8. Кравцова И.В. Приграничное сотрудничество как фактор развития предпринимательства в трансграничном регионе (на примере Приморского края). 2008.
9. 陆南泉, 《中俄经贸关系现状与前景》, 北京, 中国社会科学出版社, 2011年, 385页
10. 王志乐, 《在经济危机中推进企业改革与开放》, [网址]: <http://business.sohu.com/20090609/n264420170.shtml>, 2009年6月9日

Об авторе

Синь Жань – выпускница 2008 г. факультета русского языка Университета международного бизнеса и экономики КНР, в 2010 г. окончила магистратуру факультета международных экономических отношений МГИМО(У) МИД России, аспирант факультета международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД РФ. E-mail: lydia_815@126.com

THE IMPACT OF RUSSIAN-CHINESE INTER-REGIONAL AND CROSS-BORDER COOPERATION ON ENTREPRENEURSHIP DURING THE GLOBAL ECONOMIC CRISIS

Xin Ran

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the issue of the impact of Russian-Chinese Inter-regional and Cross-border Cooperation on Entrepreneurship during the Global Economic Crisis. Currently, the two main directions of development of the economy is the economic globalization and regional economic integration. Inter-regional and cross-border cooperation between Russia and China - an important part of bilateral relations, as well as a significant factor in promoting socio-economic development of neighboring regions and business between the two countries. The year 2008 was difficult for the world. Against the backdrop of a slow recovery of the global economy after the financial and economic crisis, Russia and China jointly overcome the difficulties of post-crisis, deepen strategic partnerships and actively explore new areas of cooperation. The effect of cross-*

border cooperation on entrepreneurial activity in the recent years is shown in the border areas, in which accumulate significant experiences of using the potential of entrepreneurship for the high dynamics of the economic growth. In the aftermath of the crisis, the Russian and Chinese governments actively strengthened their cooperation. This provided more opportunities for the further deepening of enterprise development. Within the framework of regular meetings between the two governments signed a series of agreements and contracts in the oil and gas industry, the coal industry, as well as in the nuclear power industry and in the field of high-speed rail train and automobile, etc. More opportunities for investment and a better business environment in the border areas promote enthusiasm in the entrepreneurial activity. To ensure the implementation of entrepreneurial potential is necessary to create a favorable legal and economic conditions for the intensive development of the business, stimulating the formation of the market structure and the competitive environment. Entrepreneurship plays an important role for the development of border areas. The active level of the business not only strongly influences the development of cross-border and inter-regional cooperation, but also for the development of the border areas. The bilateral economic cooperation is helpful for the improvement of social and economic situation in the border areas.

Key words: entrepreneurship, cooperation, inter-regional and cross-border, Russian-Chinese, crisis.

References

1. Aleksandrova M.V. 2009, Prigranichnaja trgovlja s Kitaem zatihaet pered novym pod#emom [Sino-Russian border trade of silence before new rise], "Rossijskaja gazeta" - Specvypusk "Kitaj" ["Russian paper" - Special Edition "China"], №5016 (192), 277 pages.
2. Programma po sotrudnichestvu regionov Severo-vostochnogo Kitaja i Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri Rossii. [Northeast China with the Russian Far East and Eastern Siberia Regional Cooperation Plan], 2009, 17 pages.
3. Stenograficheskij otchjot o soveshhanii «O prigranichnom sotrudnichestve s Kitaem i Mongoliej i zadachah razvitija vostochnyh regionov Rossijskoj Federacii» [Transcript of Meeting "On the cross-border cooperation with China and Mongolia and the goals of the development of the eastern regions of the Russian Federation"] [Available at: <http://special.kremlin.ru/transcripts/4160> (accessed 21.05.2009)]
4. Plan rossijsko-kitajskogo investicionnogo sotrudnichestva [Sino-Russian investment cooperation plan] Available at: <http://www.1sn.ru/35602.html>, (accessed 2009)
5. Sostojalas' vstrecha predsedatelja KNR Hu Czin'tao s prezidentom RF D. Medvedevym. [Chinese President Mr. Hu Jintao meets with Russian President Mr. Dmitry Medvedev.] Available at : <http://www.sinoexport.ru/news/sept/sostojalas-vstrecha-predsedatelja-kr-hu-jin-tao-s-prezidentom-rf-d-medvedevym.shtml> (accessed 23.09.2009)
6. Obzor: Edinstvennaja besposhlinnaja zona na granice Kitaja i Rossii sodejstvuet strategicheskoj jeskalacii trgovgo-jekonomicheskikh otnoshenij dvuh stran [Overview: Sino-Russian border only dutyfree zone promote bilateral economic and trade relations strategy to upgrade] Available at: <http://russian.china.org.cn/> (accessed 2010)
7. Diao Xiuhua, The progress of economic cooperation between Russia and Northeast Asia region, DaLian, Dongbei University of Finance and Economics Press, 2011, 342 pages.
8. Kravcova I.V. 2008, Prigranichnoe sotrudnichestvo kak faktor razvitija predprinimatel'stva v transgranichnom regione (na primere Primorskogo kraja). [The border cooperation functions as the factor of entrepreneurship development in the cross-border areas (such as: the Primorsky Territory)] .
9. Lu Nanquan, The status and prospects of the Sino-Russian economic and trade relations, Beijing, China social sciences press, 2011, 385 pages.
10. Wang Zhile, Promote enterprise reform and opening-up in the economic crisis Available at: <http://business.sohu.com/20090609/n264420170.shtml> (accessed 9 June 2009).

About the author

Xin Ran – in the year 2008 graduated from University of International Business and Economics (China) in the year 2010 obtained master degree from MGIMO-University, department of International Economic Relation, postgraduate student of department of International Relations and Foreign Policy at MGIMO-University. E-mail: lydia_815@126.com

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКИХ К СОВРЕМЕННЫМ МОДЕЛЯМ

А.В. Носкова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Центральными проблемами статьи являются генезис и эволюция государственной семейной политики в России в период с 1917 г. вплоть до принятия последних государственных мер в сфере семьи и демографии. В фокусе анализа – пять этапов и моделей государственной семейной политики:

- «постреволюционная» модель (1917–1926 гг.);
- «сталинская» модель (1926–1953 гг.);
- «советская социальная» модель (1954–1991 гг.);
- «постсоветская» модель (1992 – начало 2000-х гг.);
- новейшая модель (начиная с 2000-х гг.).

В рамках исследуемой проблемы рассмотрены следующие вопросы:

- 1) изменение семейной идеологии и направленности практических мер поддержки семей как реакции на различные социальные, политические, экономические, демографические контексты и условия жизни людей;
- 2) воздействие мер семейной политики на трансформацию семейного поведения россиян.

Автор раскрывает противоречивость государственной семейной политики, следствием которой стали неоднозначные по своей сути семейно-демографические трансформации в России в XX – начале XXI в.

Ключевые слова: семейная политика, государственная поддержка семей с детьми, эволюция семейной политики в России, демографические и семейные трансформации, государственная забота о детях, новейшая модель государственной семейной политики.

Вопрос о том, какие приоритеты должны определять семейную политику России в XXI в., с особой остротой встал в нынешнем 2013 г., когда отмечается двадцатилетие «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации». «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации» была разработана созданной при Президенте России Комиссией по вопросам женщин, семьи и демографии и одобрена Национальным советом по подготовке и проведению в России Международного года семьи 12 мая 1993 г. [5, с.10] К сожалению, ясного и однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Специалисты по-разному видят семейные проблемы, будущее семьи и, следовательно, возможные сценарии развития деятельности государства в сфере семейной политики. Тем не менее очевидно, что при выработке и реализации новых мер необходимо опираться на успешные практики, а также учитывать «ошибки» нашего недавнего прошлого. Иными словами, не теряет своей актуальности научная рефлексия генезиса и эволюции государственной семейной политики в России.

Исследователи выделяют три основных этапа развития семейной (социальной) политики в советские годы, «различающихся по своей направленности и влиянию на внутрисемейные отношения и структуру семьи» [8, с. 89–97]:

- первый период – с 1917 г. до середины 1920-х гг.;
- второй период – с середины 1920 по 1953 г.;
- третий период – после 1953 г. до распада СССР в 1991 г.

Для современной России можно выделить постперестроечный (1990-е гг.) и новейший (с начала 2000-х гг. – по настоящее время) этапы. Иными словами, в фокусе нашего анализа – пять этапов и соответствующих им моделей государственной семейной политики: «постреволюционная» модель, «сталинская» модель, советская социальная модель, «первая постсоветская» модель и новейшая модель. Кратко опишем их основные особенности, достижения и противоречия.

Постреволюционная модель (1917–1926). В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. семейный вопрос стал предметом политической борьбы и одним из важнейших идеологических и правовых дискурсов. «Разрушение до основания старого и построение нового мира» включало в себя в том числе деконструкцию традиционной семьи, на месте которой должна была появиться социалистическая «ячейка общества» – «свободный союз свободных индивидуумов» [6, с. 219]. Новая семейная мораль строилась на принципах полной свободы от влияния церкви, приоритета индивидуальных сексуальных свобод над семейными связями, свободного репродуктивного выбора (право женщины на аборт), равенства между мужчиной и женщиной в семье и публичной сфере. Все эти принципы получили правовую основу в первых «семейных» декретах и постановлениях советской власти: Декрете «О гражданском браке,

детях и ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.), Декрете «О расторжении брака», постановлении Наркомата здравоохранения и Наркомата юстиции, разрешавшем женщинам искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях.

Важно отметить, что отношение государства к семье менялось. Теперь государство взяло на себя функцию защиты материнства и детства, и тем самым оно становилось в определенной степени посредником в супружеских и детско-родительских отношениях. Активная интервенция государства в частную жизнь, его стремление искоренить многовековые семейные традиции в первое постреволюционное десятилетие породило, на наш взгляд, острое противоречие между «традиционным» и «современным»: в поведенческих установках на брак, рождение детей, формате супружеских и гендерных отношений.

«Сталинская» модель (1926–1954). Поворот к иному пониманию того, какая семья нужна социалистическому обществу, произошел окончательно в 1930-х гг. Главным идеологическим смыслом семейной политики этого периода стало институциональное укрепление семьи, возврат к традиционным семейным ценностям и нормам брачного поведения. Изменение модели семейной политики, имевшее не только политическую основу, но главным образом демографическую обусловленность, было вызвано проблемой воспроизводства населения. Речь идет о людских потерях в военные годы и существенным падением рождаемости. В период между переписями 1926 и 1959 гг. среднее число детей на женщину (суммарный коэффициент рождаемости) сократилось примерно с 6,8 до 2,8, то есть на 4 ребенка [3].

Постановление СНК и ЦИК СССР 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» и Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Материнство» являются хорошей иллюстрацией иного «лица» советской семейной политики и новых практик общественной помощи семьям с детьми.

Так, согласно Постановлению 1936 г., впервые вводилось «государственное пособие матерям, имеющим 6 детей, при рождении каждого следующего ребенка в 2 тысячи рублей ежегодно в течение пяти лет со дня рождения ребенка, а матерям, имеющим 10 детей, – единовременное государственное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тысяч рублей и со второго года ежегодное пособие в 3 тысячи рублей, выдаваемое в течение следующих четырех лет со

дня рождения ребенка» [2]. В 1944 г. была введена система ежемесячных пособий на детей в многодетных семьях, которая просуществовала вплоть до 1991 г. Право на ежемесячное пособие получали семьи после рождения 4-го ребенка [4, с. 91]. В сочетании с другими факторами принятые меры имели кратковременный позитивный демографический эффект. В 1935–1939 гг. и 1948–1953 гг. наблюдался подъем рождаемости и рост кривой естественного прироста [1, с. 23].

Помимо демографического, на передний план семейной политики вышло гендерное направление. Ускоренное вовлечение женщин в сферу общественного производства как результат индустриализации страны актуализировало вопрос общественной помощи матерям для совмещения ими трудовой занятости с воспитанием детей. Развитие дошкольной и внешкольной детской инфраструктуры стало одной из центральных задач и достижением Советского государства в социальной сфере. Отметим, что инвестирование в сферу раннего дошкольного образования способствовало переходу к современной модели семьи с двумя работающими родителями.

Характеризуя «сталинскую» модель семейной политики в целом, отметим ее амбивалентность, проявлявшуюся в стремлении руководства страны сохранять традиционные семейные ценности и вместе с тем продвигать современные модели семейно-гендерных отношений, что приводило к развитию противоречий в семейно-демографической сфере.

Советская социальная модель (1954–1991). В середине 1950 – 1960-х гг. произошла очередная либерализация семейных отношений. Было восстановлено право женщин на аборт (Закон 1955 г.), а также была значительно упрощена процедура развода (1965) [8]. Вместе с другими социально-экономическими детерминантами либерализация семейных отношений стимулировала дальнейшую трансформацию брачного и репродуктивного поведения советских людей. Уровень рождаемости в 1960-х гг. вновь стал устойчиво снижаться, а число разводов быстро увеличиваться. К началу 1970-х гг. суммарный коэффициент рождаемости в РСФСР опустился ниже значения 2,1, то есть уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Массовой стала малодетная семья с одним ребенком или двумя детьми. Как следствие, обнажилось противоречие между демографическими потребностями общества и индивидуальными репродуктивными предпочтениями граждан. В целях демпфирования этого противоречия в начале 1980-х гг. руководство страны усиливает меры государственной поддержки семей с детьми [9].

В 1960–1980-х гг. оставалась приоритетной и гендерная стратегия в семейной политике. Так, в принятом в 1968 г. Законе «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных республик о браке и семье» фиксировалось «равноправие мужчины и женщины в семейных отношениях», а также декларировалась «защита семьи государством, охрана и поощрение материнства»

[2]. Важным инструментом достижения гендерного равенства считалось дальнейшее расширение доступного дошкольного и внешкольного образования (детские сады, кружки, секции, дома детского творчества, школы искусств и т.д.). Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [10], в период с 1932 по 1990 г. абсолютное число детских дошкольных учреждений увеличилось на 60,4 тыс. единиц (с 27,5 тыс. в 1932 г. до 87,9 тыс. в 1990 г.), а число детей, посещающих эти учреждения, возросло более чем в 7500 раз (с 1,2 тыс. в 1932 г. до 9009,5 тыс. в 1990 г.).

Тем не менее даже при таком уровне развития дошкольной инфраструктуры государство не могло полностью удовлетворить потребности семей в детских садах и яслях. Результаты Всесоюзного репрезентативного исследования, проведенного Институтом социологических исследований (ИСИ) АН СССР в 1981 – 1982 гг. (всего было опрошено 10 150 человек, в том числе по России – 5522), показали: около 19% родителей, почти каждый пятый, в 1982 г. оценивали возможности по устройству своих детей в детский сад как «плохие» [7, с. 155]. Так как для советских женщин трудовая занятость являлась общественно значимой обязанностью, а не предметом выбора, то проблема «мест в детских садах» стала острым социальным вопросом, а также барьером в принятии решения о рождении вторых и последующих детей.

Постсоветский период. Переход от социализма к капитализму, вызвавший глубокий социально-экономический кризис начала 1990-х гг., деформацию морали и т.д., породил целый ряд новых проблем, девиаций в семейно-демографической сфере и жизни простых людей. На обломках советской системы социальной защиты семьи выстраивалась новая парадигма государственной семейной поддержки. Главными «нововведениями» 1990-х гг. стали:

- «Семейный кодекс Российской Федерации» (принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г.);
- новая система пособий для семей с детьми (1995);
- переход от универсальной к адресной системе детских пособий (1999 г.).

Несмотря на «обвал» рождаемости и рост смертности в 1990-х гг., приведших в демографическому феномену «русского креста» (пересечение кривых рождаемости и смертности), демографическая проблема оказалась на периферии семейной политики. В условиях резкого расслоения общества и обнищания большей доли населения главным направлением деятельности государства в семейной сфере в первое постсоветское десятилетие оказалась борьба с семейной бедностью, «социальная защита малообеспеченных и многодетных семей» [4, с. 85]. Введение новых пособий, в том числе ежемесячных выплат на детей в возрасте от 1,5 до 18 лет, размер которых привязывался к минимальному размеру оплаты труда, должно было компенсировать затраты семьи на содержание детей и снизить риск бедности при рождении ребенка. Однако, по расчетам специалистов [4, 84],

размер этих пособий и их вклад в бюджет семьи были крайне незначительными, ввиду чего они теряли свою функцию компенсации расходов на содержание детей.

Стагнация состояния детской дошкольной и внешкольной инфраструктуры (детские сады, дома пионеров стали перепрофилироваться и закрываться), ее коммерциализация еще больше осложнили жизнь семей с детьми. Ситуация с острой нехваткой мест в детских садах отбросила бывший передовым советский опыт на десятилетия назад. В то время как в странах Европы предлагаются все новые и новые форматы общественного ухода за детьми от 0 до 3 лет, от 3 до 5, перед нами стоит задача восстановления потерянных в 1990-х гг. «площадей» дошкольной инфраструктуры.

Новейший этап развития семейной политики характеризуется, прежде всего, своей демографической направленностью. Начиная с Послания Президента Федеральному собранию РФ в 2006 г., демографическая тематика получила особый вес в риторике политических лидеров нашей страны. На авансцену семейной политики вышла поддержка рождаемости. Из всех принятых в последние годы мер, призванных повысить рождаемость, самой дискуссионной оказался материнский (семейный) капитал (введен с 01.01. 2007), главный смысл которого – стимулирование рождения второго ребенка. Ученые по-разному оценивают вклад стимулирующих мер в повышение рождаемости в последние годы (в 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости достиг 1,582 [10]). Одни (С. Захаров) счита-

ют, что принятые меры не дали демографического эффекта. Другие (В. Архангельский) доказывают, что усиление материальной поддержки семей с детьми привело к увеличению рождений вторых и третьих детей. Думается, что требуется еще некоторое время, чтобы однозначно ответить на этот вопрос.

Помимо демографической направленности, обозначим еще две специфические особенности нынешнего этапа семейной политики. Во-первых, это плюрализация ее направлений: кампания по устройству детей-сирот в семьи, помощь семьям с детьми-инвалидами, остающаяся актуальной борьба с семейной бедностью, профилактика семейной девиантности и т.д.

Во-вторых, регионализация семейной политики, которая проявилась в передаче значительной доли ответственности за состояние семейно-демографической сферы с федерального центра на «плечи» самих регионов. Каждый регион теперь должен сам выстраивать свою «семейную стратегию», исходя из наиболее остро стоящих перед ним проблем.

К сожалению, несмотря на предпринимаемые усилия региональных властей в этом направлении, пока остается больше вопросов, чем понимания того, какие меры нужно принимать для достижения семейно-демографического благополучия. Слишком острыми и многоплановыми оказались семейные проблемы России начала XXI в., являющиеся отражением противоречивой истории российской семьи и семейной политики XX в.

Список литературы

1. Багдасарян В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. М: Научный эксперт, 2006.
2. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm
3. Вишневский А. Особенности российской рождаемости // Население и общество. 2006. № 100. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps100.pdf>
4. Елизаров В.В. Демографические и социально-экономические факторы семейной политики в условиях перехода к рынку // Семья в России. 1994. № 1. С. 80–101.
5. Елизаров В.В. Семейная политика: прошлое, настоящее, будущее // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 июня 2013 г. М.: Эконом-инфор, 2013. С.10–28.
6. Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. С.-Петербург, 1909.
7. Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений. М.: РГСУ, 2009.
8. Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97.
9. Резолюция Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР «О мерах усиления государственной поддержки семей с детьми» 22.01.1981 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // Режим доступа http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm
10. Федеральная служба государственной статистики // Режим доступа www.gks.ru

Об авторе

Носкова Антонина Вячеславовна – д.социол.н., профессор кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: avnoskova@mail.ru

EVOLUTION OF STATE FAMILY POLICY IN RUSSIA FROM SOVIET TIMES TO THE PRESENT

A.V. Noskova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The paper describes some peculiarities in evolution of the State family politics and policies in Russia since the beginning of the XX century to present time. The aim of the paper is to shed light on the family state policy in Russia during the different periods of time. We define here the family state policy widely enough as the various state activity (ideological, legislative, economic, social) concerning institute of family. The analysis of the state measures concerning the family in different social and political contexts allowed us to allocate the five main stages and models of the family state policy in Russia. They are: the post-revolutionary model (1917-1926), the «Stalin» model (1927-1953), the "welfare" Soviet model (1954-1991), the yearly post-Soviet model (1991-2005), the modern model (since 2006). The paper is based on the some demographic and sociological surveys data and devoted to an analysis of the family changes in these various periods. On the one hand, the family policies were a reaction to new social requirements and demographic changes (decline of fertility, for example). On the other hand, the state activity concerning a family itself caused transitions in the family institute. We show how various measures of soviet and post-soviet family policies and public interventions in family life have influenced on the family relations.*

Keywords: family politic, family policies, changes in the state family policy in Russia, demographic and family changes, public childcare.

References

1. Bagdasarian V.E. K voprosu o formirovanii teorii demograficheskoi variativnosti kak novoi ob"iasnitel'noi modeli demograficheskikh protsessov [To a question of formation of the theory of demographic variability as a new explanatory model of demographic processes]. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2006.
2. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik [Library of normative legal acts of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm (accessed 17 September 2013).
3. Vishnevskii A. Osobennosti rossiiskoi rozhdaemosti [The peculiarities of the Russian birth rate. Naselenie i obshchestvo [Population and Society] № 100. 2006. Available at: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps100.pdf> (accessed 17 September 2013).
4. Elizarov V.V. Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie faktory semeinoi politiki v usloviakh perekhoda k rynku [Demographic and socio-economic factors of family policy in the conditions of transition to the market]. Sem'ia v Rossii [The Family in Russia]. 1994. № 1. pp. 80-101.
5. Elizarov V.V. Semeinaia politika: proshloe, nastoiashchee, budushchee [Family policy: last, real, future]. Strategiia demograficheskogo razvitiia Rossii: rozhdaemost' i semeinaia politika. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 19-20 iunia 2013 [Strategy of demographic development of Russia: birth rate and family policy. Materials of the All-Russian scientific and practical conference June 19-20, 2013]. Moscow: Ekonom-infor, 2013. pp.10-28.
6. Kollontai A. Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa [Social bases of the women's issue]. S-Peterburg, 1909.
7. Obraz zhizni v sovetskoii i postsovetskoii Rossii: dinamika izmenenii [Way of life in the Soviet and Post-Soviet Russia: dynamics of changes]. Moscow: RGSU, 2009.
8. Rabzhaeva M.V. Istoriko-sotsial'nyi analiz semeinoi politiki v Rossii XX veka [The historical and social analysis of family policy in Russia in the XX century]. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. № 6. 2004. pp. 89-97.
9. Rezoliutsiia Tsentral'nogo komiteta KPSS i Soveta ministrov SSSR «O merakh usileniia gosudarstvennoi podderzhki semei s det'mi» 22.01.1981 [The resolution of the Central committee of CPSU and Council of ministers of the USSR "About measures of strengthening of the state support of families with children" 22.01.1981]. Biblioteka normativno-pravovykh aktov Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik [Library of normative legal acts of the Union of the Soviet Socialist republics]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4081.htm (accessed 17 September 2013).
10. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru (accessed 17 September 2013).

About the author

Antonina V. Noskova – Doctor of Sociology, Professor in the Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations. E-mail: avnoskova@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СФЕРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

О.Ю. Колегова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье рассматриваются текущие и перспективные направления сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Подчеркивается необходимость комплексного, многостороннего подхода в деле развития и расширения контактов стран – участниц этой организации. Анализ ключевых сфер сотрудничества показал, что наибольшую перспективу имеют проекты в таких сферах взаимодействия, как инфра-структурное строительство, транспорт, энергетика, высокие технологии, сельское хозяйство, гуманитарное, культурное и военное сотрудничество. Вместе с тем из статьи следует, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС является наиболее слабой сферой деятельности этой организации – успешно реализованные многосторонние экономические проекты, по сути, пока отсутствуют, поскольку двустороннее сотрудничество часто реализуется и без участия ШОС (при том, что ШОС содействует его активизации). Автор полагает, что подключение к ШОС таких крупных национальных экономик, как индийская и пакистанская, может сильно стимулировать развитие экономического сотрудничества, придать импульс началу реализации ряда важных многосторонних проектов. Кроме того, одной из главных причин торможения экономического сотрудничества в ШОС автор считает отсутствие механизма целевого финансирования много-сторонних проектов. В статье обозначаются среднесрочные перспективы международного сотрудничества в рамках ШОС, которые стали более отчетливыми в июне 2012 г., на очередном заседании Совета глав государств ШОС, состоявшемся в Пекине, дан краткий обзор утвержденных там важных документов, определяющих тенденции развития организации в последующем десятилетии.

.....

Ключевые слова: ШОС, сотрудничество, многосторонние проекты, механизм согласования, интеграция.

Регион ШОС a priori не может рассматриваться как всегда и во всем благополучный. Для него характерны нестабильность, политические, экономические и социальные проблемы, а также перманентные межэтнические противоречия. Ввиду этого политическая и экономическая стабилизация в этом регионе наряду с решением других проблем является первоочередной задачей ШОС, что требует комплексного подхода к развитию организации и концентрации усилий сразу на нескольких ключевых направлениях сотрудничества.

Ст.3 Хартии ШОС, принятой 7 июня 2002 г., декларирует 10 основных направлений взаимодействия [19], но на практике спектр потенциальных сфер сотрудничества гораздо шире. Вместе с тем по большому кругу вопросов сотрудничество намечено лишь пунктирно или пока только декларируется, поскольку во многих областях существуют трудности с практической реализацией мероприятий.

Так, Китай, рассматривая ШОС в будущем как экономический инте-грационный союз, предлагает целый комплекс конкретных проектов, направленных на расширение и укрепление торгово-экономических отношений между странами данного региона. Отметим, что значительная их часть намеренно тормозится Министерством экономического развития РФ, поскольку оно видит в этих инициативах опасность для российского рынка. Дело в том, что действующие в рамках ШОС механизмы взаимодействия в экономической сфере до сих пор остаются непроработанными и они нередко противоречат одной из основных целей создания ШОС. В частности, в Хартии заявлено, что экономическое взаимодействие должно вести к созданию «благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий» [19], что, по сути, означает развитие по пути экономической интеграции.

Уже на первой встрече лидеров государств-членов ШОС 14 сентября 2001 г. в Алма-Ате был подписан Меморандум между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества об основных целях и векторах регионального экономического взаимодействия и создании благоприятных условий в сфере торговли и инвестиций. Начиная с 2002 г. стали регулярно проводиться совещания министров, ведающих вопросами внешне-экономической и внешнеторговой деятельности организации. 23 сентября 2003 г. в Пекине Советом глав правительств (СГП) ШОС была разработана «Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества», в которой были обозначены основные ориентиры и этапы взаимодействия и экономической интеграции на период до 2020 г.

Тогда же были сформированы и совместные рабочие комитеты: по вопросам электронной торговли, таможенного дела, технических процедур оценки соответствия, благоприятствования ин-

вестициям, расширения транзитного потенциала, развития телекоммуникационных технологий и топливно-энергетического комплекса. В 2004 г. в Бишкеке СГП ШОС был принят план мероприятий по осуществлению данной программы, который включал в себя более ста проектов, сфер и направлений сотрудничества, а также предусматривал механизмы их реализации.

Ключевым моментом развития сотрудничества в рамках ШОС стали достигнутые в 2005 г. в Москве договоренности о подготовке концепций по «пилотным» проектам в сфере гидроэнергетики, создания оптико-волоконных коммуникаций, сотрудничества в научно-технической и сельскохозяйственной областях. В 2006 г. в Душанбе был дан старт первым «пилотным» проектам в такой важной сфере, как транспорт, обсуждался вопрос о разработке основ функционирования Энергетического клуба ШОС, более интенсивного взаимодействия по линии образования и культуры, расширения связей в сферах здравоохранения, туризма, развития молодежных контактов.

На официальной встрече 2 ноября 2007 г. в Ташкенте по инициативе российской стороны было предложено принять необходимые меры по пересмотру «Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества». В частности, акцентировались наиболее перспективные проекты в конкретных сферах взаимодействия – инфраструктурном строительстве, транспорте, энергетике, высоких технологиях, – и при активном участии Делового совета и Межбанковского объединения ШОС.

В этой связи Специальной рабочей группой по таможенному сотрудничеству было подготовлено подписанное в ноябре 2007 г. Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах [13], 30 октября 2008 г. в Астане главами правительств был подписан Протокол об обмене информацией по контролю за перемещением энергоресурсов [10]. Позже, в 2009 г., в Пекине был подписан Протокол о сотрудничестве в области подготовки и повышения квалификации должностных лиц таможенных органов [9].

На Совещании министров государств ШОС, ведающих внешнеэкономической и внешнеторговой сферами, 22 октября 2010 г. в Москве стороны в очередной раз подчеркнули необходимость ускорить реализацию плана мероприятий по осуществлению программы. Как отметила в своем труде «Состояние и перспективы экономического сотрудничества в рамках ШОС» ведущий научный сотрудник Института по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Чжао Хуэйжун, основной задачей экономического взаимодействия является «осуществление постоянной реализации товаров, капитала и свободного перемещения услуг и технологий до 2020 г.» [5, с. 49].

Торговые связи между странами ШОС постепенно расширяются, а объем торговли постоянно увеличивается. Как свидетельствует статистика

■ Международные отношения

министерства торговли Китая, по сравнению в 2008 г. финансовая помощь Китая государствам-членам ШОС достигла 960 млн долл., увеличившись с 2003 г. в 26,3 раза.

Ключевыми партнерами Казахстана в сфере инвестиций в 2009 г. стали Россия и Китай; в свою очередь, Китай, Россия, и Казахстан стали основными соинвесторами Киргизии. Китай в 2010 г. был крупнейшим кредитором Таджикистана. С другой стороны, для государств-членов ШОС нехватка финансирования является самой большой проблемой, которая предполагает необходимость создания понятных и прозрачных финансовых механизмов. Здесь важно анализировать проблемы развития банковской сферы, причем не только государств-членов и государств-наблюдателей ШОС, но и стран-партнеров, а также международных организаций, включая МВФ, ООН, Азиатский банк развития, Евразийское экономическое сообщество. В данной связи необходимо создавать условия для развития торговли и упрощения процедур инвестирования, анализировать причины невыполнения условий подписанных соглашений, вовремя разрешать проблемы, возникающие в процессе переговоров или предупреждать их, проводить оценочную работу в части выполнения соглашений.

Для этого требуется искать новые точки соприкосновения в экономическом сотрудничестве, разрабатывать новые совместные проекты. Наприм., в сфере сельского хозяйства необходима совместная разработка и реализация проектов по внедрению сельскохозяйственных инноваций, упрощение механизмов обмена сельскохозяйственными специалистами. Что касается технологий, было бы целесообразным проведение совместных научно-практических исследований, различных семинаров, обучающих программ, выставок, а также необходима комплексная подготовка кадров для совместных инновационных лабораторий и научно-технических центров. Также насущной задачей является создание платформы для электронной коммерции в рамках ШОС.

Что касается энергетической сферы, то в 2007 г. Минэнерго России был разработан и представлен партнерам по ШОС проект Положения об Энергетическом клубе ШОС, а в 2011 г. идея создания такого дискуссионного форума была переведена уже в практическую плоскость. Как предполагается, клуб станет открытым, отчасти официальным, многосторонним координационным механизмом в сфере энергетики при участии правительств, энергетических компаний, финансовых структур и профильных научных организаций. По мере необходимости клуб будет координировать интересы каждой из сторон посредством контактов и консультаций, разрабатывать энергетические стратегии, расширять сотрудничество по всем направлениям инфраструктурного строительства.

В сфере финансов также достигнуты определенные успехи. Так, на встрече министров финансов и председателей центральных банков стран – членов ШОС в 2009 г. подчеркивалась

необходимость ускорить процесс согласования ключевых принципов функционирования так называемого Специального счета ШОС. В частности, российская позиция по этому вопросу была основана на том, что финансовые средства Спецсчета ШОС должны предназначаться для проведения ТЭО совместных проектов в различных сферах сотрудничества и могут выделяться исключительно по принципу срочности и возвратности кредита. Китайское руководство со своей стороны выступило с инициативой создания Банка развития ШОС.

В целом надо отметить, что за последние годы тенденция к активизации экономической деятельности в рамках ШОС заметно усилилась. На очередном заседании СГП ШОС в ноябре 2010 г. в Душанбе, посвященном вопросам перспектив сотрудничества в сфере экономики, поддержку получила инициатива В.В. Путина о пересмотре плана мероприятий по реализации «Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран-членов ШОС до 2020 г.» и разработке «дорожной карты», в которой перечислялись бы перспективные экономические проекты, указывались конкретные сроки их осуществления и обозначались ответственные за это ведомства.

На саммите в Астане в июне 2011 г. лидеры государств-членов определили векторы развития экономического сотрудничества. В этой связи в итоговом коммюнике было подчеркнуто, что приоритетным курсом организации неизменно будет оставаться тесное взаимодействие в важнейших сферах сотрудничества – таких, как безопасность, экономика и благосостояние населения стран ШОС.

При этом важно отметить, что в целях интенсификации экономического сотрудничества Россия и Китай выдвинули двустороннюю инициативу, направленную на реализацию совместных проектов в области экономики в усеченном формате (принцип «2+1», то есть Россия, Китай плюс одно из заинтересованных государств Центральной Азии). Первым этапом в реализации данной инициативы мог бы стать проект, разработанный РОСКОСМОСОМ совместно с Китайской национальной космической администрацией, предполагающий создание системы персональной подвижной спутниковой связи (СППСС), территория покрытия которой будет охватывать страны ШОС и страны-наблюдатели, а также государств-партнеров по диалогу. Такой рабочий контекст демонстрирует стремление России и Китая соотнести часть проектов сотрудничества с концепцией «содействия развитию».

Вместе с тем нельзя не признать, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС является наиболее слабой сферой деятельности этой организации. Реализованные многосторонние экономические проекты, по сути, пока отсутствуют. В отчетах, как правило, приводятся данные двустороннего сотрудничества, реализуемого и без ШОС. О необходимости расширения экономического

сотрудничества в рамках ШОС Президент России Д.А. Медведев говорил и на Екатеринбургском (в 2009 г.), и на Ташкентском (в 2010 г.) саммитах организации [20].

Очевидно, что подключение к ШОС таких крупных национальных экономик, как индийская и пакистанская, может сильно стимулировать развитие экономического сотрудничества в рамках организации, придать импульс началу реализации ряда важных многосторонних проектов. И та, и другая страна обладает значительным потенциалом в экономической, культурной, научно-образовательной сферах и способна серьезно укрепить позиции организации на мировой арене.

Как представляется, главная причина торможения экономического сотрудничества в ШОС – отсутствие механизма целевого финансирования многосторонних проектов. При этом бюджет ШОС достаточно скромный и не рассчитан на проектное финансирование. Уже давно было внесено предложение о создании фонда или Банка развития ШОС, но он до сих пор не создан. Позиция Китая, который настаивает на создании такого банка, сводится к тому, чтобы голоса в нем распределялись в зависимости от размера внесенного взноса. Есть предположения, что взнос Китая будет самым крупным, благодаря чему Пекин сможет контролировать банк и использовать его финансовые ресурсы в собственных интересах.

В свою очередь, Россия предлагает создать Фонд развития (или специальный счет) в качестве механизма финансирования начальных предпроектных работ, главным образом в таких ключевых сферах, как энергетика, транспорт, высокие технологии. Как предполагается, практическое осуществление проектов будет контролироваться Межбанковским объединением ШОС. Такой подход объясняется позицией ряда российских министерств, согласно которой в случае создания банка обладающий значительными финансовыми возможностями Китай неизбежно будет в нем доминировать, в то время как российские интересы больше соотносятся с деятельностью созданного в рамках ЕврАзЭС Евразийского банка развития, где российская доля намного превышает вклады других участников.

Можно предположить, что в российских интересах содействовать созданию Банка развития ШОС, в активный капитал которого Китай и Россия вносили бы равные доли (как в бюджете ШОС) и ввиду этого обладали бы равным количеством голосов.

Все текущие проблемы развития сотрудничества были обозначены на 11-й встрече глав правительств стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества, которая состоялась 4–5 декабря 2012 г. в Бишкеке. Было отмечено, что за 11 лет, миновавших с момента создания организации, ее влияние и роль непрерывно возрастали: организация стала важной конструктивной геополитической силой Евразийского региона. Государства-члены создали многоуровневые диверсифицированные механизмы взаимодействия,

подписали более ста документов о сотрудничестве по множеству направлений, оказывая содействие деятельности, направленной на поддержание в регионе мира и стабильности, способствуя активизации процесса совместного развития стран ШОС.

Участники этого форума подчеркнули, что в области политического взаимодействия, осуществляемого в рамках организации, наблюдается тенденция укрепления взаимного политического доверия между государствами-членами. Следуя «шанхайскому духу», как малые, так и крупные страны-участницы оказывают значительное содействие процессу формирования системы сотрудничества, поддержания регионального мира и стабильности, обеспечения успешности развития разных культур.

Сотрудничество в области безопасности выступает в качестве приоритетного направления. Страны-участницы организации подписали Конвенцию против терроризма [17], соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с наркотиками и о взаимодействии в рамках борьбы с преступностью. Серьезный импульс совместной работе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков был дан еще на саммите в Астане в июне 2011 г., где был принят ряд документов, в частности, «Антинаркотическая стратегия ШОС на 2011–2016 г.» и Программа действий по ее реализации. Дополнительные возможности по активному противодействию наркоугрозе может предоставить сотрудничество между Секретариатом ШОС и Управлением по наркотикам и преступности ООН. В этой связи был подготовлен соответствующий Меморандум о взаимопонимании, озвученный и подписанный в Астане генеральным секретарем ШОС М.С. Иманалиевым и заместителем генерального секретаря ООН, директором УНП Ю.В. Федотовым [21].

Принятые на саммите в Астане «Антинаркотическая стратегия государств – членов ШОС на 2011–2016 гг.» и «Программа действий» по ее осуществлению призваны способствовать увеличению эффективности совместных мероприятий по борьбе с наркотиками. Вместе с тем очевидно, что справиться с террористической и наркотической угрозами силами нескольких государств невозможно. В ходе противодействия этим угрозам ШОС следует активнее взаимодействовать с государствами-наблюдателями и заинтересованными международными структурами, а также другими влиятельными «игроками». Большой потенциал имеет сотрудничество ШОС и ОДКБ, и этот потенциал должен работать «на полную мощность».

Должного внимания заслуживают отношения культурного взаимодействия. В течение 11 лет страны-участницы ШОС активно участвовали в усилении взаимодействия в области культуры, образования, здравоохранения, науки, спорта и туризма, подписали ряд документов о сотрудничестве, заложив социальный фундамент для развития организации в целом.

ШОС изначально позиционировала себя как организация, стремящаяся активно разви-

■ Международные отношения

вать контакты в гуманитарной сфере. Об этом свидетельствует ее Хартия, где указано, что сотрудничество в гуманитарной области является одной из приоритетных задач этой организации. Однако ее реальное осуществление началось лишь в 2005 г., после того, как на совещании министров культуры была образована экспертная группа по вопросам культурного сотрудничества для выполнения «Плана многостороннего культурного сотрудничества в рамках ШОС на 2005–2006 гг.». Позже, на очередном совещании министров культуры, был принят «План многостороннего культурного сотрудничества на 2007–2008 гг.». В этот период гуманитарное сотрудничество стало реально расширяться и углубляться.

Определенные усилия по углублению культурных контактов прилагает Секретариат ШОС. Так, в апреле 2007 г. это направление, было закреплено Соглашением о сотрудничестве в области культуры, что заметно активизировало культурный обмен. Например, был издан альбом «Диалог цивилизаций», где представлен обзор культур стран ШОС, организован Иссык-Кульский кинофестиваль, в Ханчжоу проведен Художественный форум. В 2008 г. министры культуры стран ШОС утвердили очередной план сотрудничества на 2009–2011 гг., а специальная экспертная группа разработала «Единое положение о фестивалях», что положило начало фестивальной традиции и целевому финансированию подобных мероприятий.

В октябре 2005 г. Советом глав правительств государств ШОС было принято решение об активизации сотрудничества в сфере образования*, ввиду чего были предусмотрены совещания отраслевых министров и образована постоянно действующая Экспертная рабочая группа по вопросам образования. Страны были намерены содействовать развитию интеграционных процессов в сфере образования; способствовать взаимному обмену обучающимися и научно-педагогическими работниками; обмениваться информацией по вопросам образования; поощрять изучение языков, истории, культуры государств организации [8].

Сегодня перед ШОС стоит комплексная задача выработки единых стандартов в сфере образования, а также свободного перемещения знаний и специалистов. Как полагают многие российские эксперты, «решение этих проблем расширит возможности предоставления образовательных услуг российскими вузами гражданам государств-членов и будет способствовать повышению конкурентоспособности российского образования, увеличению экспорта российских образовательных услуг на азиатском материке» [1]. Таким же целям призван служить и Университет ШОС, идея создания которого была предложена В.В. Путиным в 2007 г. Не будет преувеличением сказать, что в целом образовательная и культурная стороны сотрудничества развивается по нарастающей [14].

Страны сотрудничают также и в области здравоохранения. Это было заявлено еще в день основания организации, однако деятельность по

данному направлению долгое время официально нигде не отражалась. Отчасти это объясняется тем, что сфера здравоохранения в определенном смысле – это конкурентная область, ввиду чего активность стран в этой сфере лишь выборочная. Однако по причине удручающих данных статистики на саммите в Шанхае в 2006 г. ШОС выразила намерение использовать и здесь свой потенциал. Как отмечалось в Докладе ООН за 2004 г. о положении с заболеваемостью в регионе, «самая высокая заболеваемость из выявленных случаев заражения ВИЧ-инфекцией приходится на города, расположенные вдоль маршрутов наркотрафика из Афганистана в Россию» [3]. Главным образом в связи с такой ситуацией вопрос о сотрудничестве в сфере здравоохранения рассматривается на каждом заседании Совета глав государств организации.

Российская сторона стала инициатором создания Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ) – аналога всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) для членов ШОС, под эгидой которой объединяются усилия стран-членов в целях повышения качества и объема медицинской помощи. Также в рамках ШОЗ для специалистов есть возможность обучения, стажировки и обмена опытом в области медицины. Кроме того, еще одной инициативой, способствующей повышению качества услуг в сфере здравоохранения, может стать практическое осуществление проекта российского эксперта Е. Сафроновой по использованию опыта международных организаций в проведении учений, имитирующих чрезвычайную ситуацию в случаях эпидемий [11, с. 161–184]. Несмотря на то что существуют национальные программы по реализации подобных учений, отдельным странам решить эту проблему было бы затруднительно.

Кроме того, важным представляется сотрудничество в области экологии. Например, в районе Ферганской долины большую опасность представляют собой захоронения радиоактивных отходов. Подобные проблемы в области экологии волнуют те государства региона, которые проводят в этом направлении собственные мероприятия. Казахстан проводит работы по восстановлению Малого Арала, Узбекистан – работы по восстановлению экосистемы в целях закрепления подвижных песков на дне обнажившегося Аральского моря. Такие программы в данной сфере осуществляют и международные организации уровня ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

Таким образом, гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС разворачивается по всем направлениям с той или иной степенью интенсивности. Оно стало, как это отражено в Декларации пятилетия Шанхайской организации сотрудничества, «одним из важнейших факторов, гарантирующих жизнеспособность организации. ШОС вполне может сыграть роль катализатора и примера для межцивилизационного общения во имя поиска решений проблем, которые препятствуют гармонизации отношений в мире» [2].

Одним из наиболее противоречивых аспектов в деятельности ШОС является военное сотрудничество. С одной стороны, среди основных приоритетов Шанхайской организации такое сотрудничество не значится. С другой – оно представляет большой практический интерес для всех стран-участниц, в первую очередь для России и Китая. Однако в России военные контакты на обширном постсоветском пространстве больше связывают с ОДКБ, уже имеющем для этих целей Коллективные силы оперативного реагирования. В Китае же военные связи с Россией и центральноазиатскими республиками на коллективном уровне реализуются в основном с использованием потенциала ШОС.

Стоит заметить, что специальных структур, занимающихся военным планированием и управлением вооруженных сил, в составе ШОС нет. На сегодняшний день это прерогатива различных консультаций и совещаний министерств обороны и секретарей безопасности стран ШОС. Практической стороной такого сотрудничества выступают подготовка и проведение командно-штабных и оперативно-тактических учений, проводимых, как минимум, один раз в год под эгидой Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС. В КНР к таким учениям подходят с большим энтузиазмом, который нетрудно увидеть, если проследить их эволюцию.

Так, еще в октябре 2002 г. Китай и Киргизия в рамках ШОС осуществили план подобных учений на двусторонней основе. В августе 2003 г. на территории Китая под эгидой ШОС было проведено уже многостороннее антитеррористическое учение «Взаимодействие», а в 2005 г. в рамках ШОС в Северо-Восточном Китае состоялись российско-китайские военные учения «Мирная миссия-2005». При этом учение 2005 г. было не просто первым двусторонним учением вооруженных сил России и КНР, но и было впервые реализовано с обширным применением военно-морской компоненты, к которой китайские специалисты проявили большой интерес.

В августе 2007 г. на территории Челябинской области прошли полномасштабные шестисторонние учения стран-членов ШОС «Мирная миссия-2007», на которых лично присутствовали главы государств и министры обороны всех шести участников. Китайской стороне, несмотря на ограничение по военной технике, удалось продемонстрировать на учениях новые истребители-бомбардировщики JH-7 «Летающий леопард» и некоторые другие виды вооружений [5, с. 49].

Продолжением двусторонних военных контактов России и КНР в ШОС следует считать учение «Мирная миссия-2009», которое проводилось на территории Китая в июле 2009 г. и имело антитеррористическую направленность. В отличие от предыдущих маневров, на «Мирной миссии-2009» китайскими военными были впервые задействованы танковые подразделения.

Седьмые по счету совместные учения, «Мирная Миссия-2010», были проведены с 13 по 21 сен-

тября 2010 г на полигоне Матыбулак в Казахстане. На них китайская сторона показала истребители четвертого поколения «Чэнду» J-10, а также новые основные танки тип 99 [4]. На учениях Китай неизменно проявляет живой интерес к технике других участников, главным образом – к российским вооружениям. Несмотря на некоторое уменьшение доли российской оборонной промышленности на китайском рынке в последние годы, в Пекине по-прежнему видят в России важный военно-технический ресурс, так как, по мнению С.М. Смирнова, «основой вооружения НОАК остается российская или скопированная с российских образцов техника. Китайцам, ориентирующимся на российские тактические нормативы и военную технику, особенно важно наглядно сравнить эксплуатационные возможности сходных систем, находящихся в разных руках» [12, с. 67].

При этом российская и китайская армии учатся взаимодействовать в том числе и на уровне технических стандартов. В качестве примера можно привести интерес военно-политического руководства Китая к серии локальных командно-штабных учений. Так, с 2006 г. на территориях поочередно всех стран ШОС проводились совместные командно-штабные учения «Восток-Антитеррор-2006», «Тянь-Шань-2006», «Иссык-Куль-Антитеррор-2007», «Волгоград-Антитеррор-2008», учение компетентных органов государств-членов ШОС «Норак-Антитеррор-2009» [15].

Нельзя не упомянуть о том, что Китай также заинтересован в развитии сотрудничества в области военно-научных исследований. Оно предполагает субсидирование армейских научных институтов стран-участниц, обмен делегациями научных военных групп, проведение конференций и семинаров по наиболее значимым проблемам военно-научных исследований [16, с. 54]. То есть задачу военных контактов ШОС в Китае представляют более широкой, чем просто демонстрацию возможностей своих вооруженных сил. Одновременно в проводимых военных учениях главным является прежде всего возможность понимания того, что при принятии руководством конкретного государства политического решения военная структура той или иной страны-участницы может по согласованию с остальными участниками направить войска в регион возникшей угрозы. В этом и заключается основная практическая задача по линии обо-ронных ведомств.

Что касается дальнейших перспектив сотрудничества, то они стали более отчетливыми в июне 2012 г., когда на очередном заседании Совета глав государств, состоявшемся в Пекине, были утверждены «Основные направления стратегии развития ШОС в среднесрочной перспективе». Был принят также ряд других важных документов, которыми определяются приоритетные направления дальнейшего сотрудничества, а также тенденция развития организации в последующее десятилетие. В ходе заседания глав правительств стран ШОС в Бишкеке были подведены итоги деятельности

■ Международные отношения

и изменений, которых за прошедший год удалось добиться организации на всех существующих направлениях, был осуществлен углубленный анализ сложившейся ситуации и возможностей ее дальнейшего развития, намечены новые программы деятельности.

Сегодня очевидна новая философия развития и интеграции в рамках ШОС – стремление к созданию «достойных условий жизни для своих граждан», введение высоких социальных стандартов и сближение цен-ностных ориентиров. Для этого необходимы разработка совместной социально-политической и экономической стратегии модернизации государств – членов ШОС, ее наполнение практическим содержанием и конкретными проектами на двусторонней и многосторонней основе.

ШОС создавалась как организация для решения проблем приграничного характера и вопросов безопасности. Сегодня она все более чутко реагирует на такие современные вызовы, как глобализация, экономический кризис, социальная нестабильность, экологические проблемы. В перспективе ШОС может стать реальным источником и центром «социально-экономического прорыва» не только в региональном, но и в глобальном масштабе. В настоящий момент важнейшим приоритетом является дальнейшее социальное развитие государств – членов ШОС в рамках разностороннего движения к региональной интеграции.

Российские эксперты относят к наиболее перспективным сферам шо-совской интеграции прежде всего разработку источников энергии и природных ресурсов, строительство важных объектов инфраструктуры, совместные проекты в областях, связанных с транспортом, связью, новыми технологиями, коммуникационными системами [7, с. 98]. В этой связи активные контакты российского руководства с их зарубежными партнерами свидетельствуют о том, что все чаще упоминаемая в России тема «модернизации» может на длительную перспективу оказаться в фокусе внимания и Шанхайской организации сотрудничества в текущем, 2013 г. ввиду расширения экономического сотрудничества ее стран-членов.

Примером реализации идеи модернизации может служить Форум «Высокие технологии XXI века», состоявшийся 24–26 апреля 2013 г. в Москве. С 2000 г. этот форум последовательно проводил линию на поддержку отечественных исследователей и разработчиков, сбережение опыта и традиций российского высокотехнологического комплекса и его адаптацию к современным условиям. При этом его организаторы ставят перед собой задачу содействовать расширению научных контактов и кооперационных связей, прежде всего в рамках международных организаций, в которых участвует Россия.

В этом году форум впервые проводился при участии Делового совета ШОС и был нацелен на расширение проектного сотрудничества на

экономическом пространстве Шанхайской организации сотрудничества. Программа форума была ориентирована на продвижение и коммерциализацию перспективных технологий в базовых экономических отраслях стран ШОС, на решение комплекса задач по обеспечению транспортно-логистической, продовольственной, экологической, энергетической безопасности.

Среди первоочередных задач модернизации базовых отраслей экономики можно назвать следующие:

- объединение ресурсов в области современных прикладных исследований, создание благоприятной среды для осуществления научных разработок по приоритетным направлениям технологического развития;
- защита интеллектуальной собственности;
- создание механизмов финансирования и вывода на рынок технологий и инновационных разработок.

Одним из направлений деятельности организации является стимулирование и поддержка инновационных проектов, в которых заинтересованы национальные экономики стран, входящих в организацию или имеющих в ней свое представительство. Речь может идти о совместной разработке технологий и их коммерческой реализации на рынках стран ШОС и за ее пределами, а также о создании транснациональных корпораций базирования ШОС.

Сегодня на повестке дня стоит вопрос о формировании специальной структуры, нацеленной на коммерциализацию перспективных технологий и подготовку проектов для их последующей реализации. Консолидированная инновационная деятельность может стать основой для развития совместного высокотехнологического бизнеса в рамках организации. Ключевыми исполнителями, координаторами и интеграторами результатов инновационной деятельности должны стать не научные институты или вузы, а инженеринговые структуры. Мировой опыт показывает, что именно инженеринговые компании осуществляют внедрение появляющихся на рынке перспективных разработок, сами проводят научные исследования и являются заказчиками (наряду со специализированными агентствами) исследований для университетов, на-учно-исследовательских организаций.

Российская национальная часть Делового совета ШОС видит свою задачу в формировании на базе имеющегося потенциала совместных инженеринговых компаний. Конкурентоспособные инженеринговые компании, способные самостоятельно создавать передовые патентно-чистые технологии и доводить их до проектной и промышленной реализации (инженеринговые центры, ИЦ), обеспечат успех модернизации и высокую доходность совместного бизнеса в рамках ШОС. Очевидно, что создание конкурентоспособного совместного инженеринга вызовет мощный синергетический эффект во всех сферах сотрудничества стран ШОС.

Список литературы

1. Власов А., Потеева Е. Образовательные реформы в странах ШОС// www.ia-centr.ru.
2. Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай. 15.06.2006.
3. Доклад бюро ПРООН по странам Европы и СНГ.
4. Каштанов В. Китай впервые направит истребители «J-10» и танки тип 99 на совместные военные учения// <http://www.periscope2.ru/?digestid=21257>.
5. Кудряшова Ю.С. Форум ШОС об актуальных проблемах развития организации // Стратегия России в Центральной Азии. Шанхайская организация сотрудничества. Сборник статей. Т. 20 / Под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО – Университет. 2012. С. 49.
6. Куприянова Е. «Мирная миссия-2007» прошла мирно и успешно// <http://www.smi.ru/text/07/08/17/907930008.html/>
7. Мочульский А.Ф. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества // Стратегия России в Центральной Азии Шанхайская организация сотрудничества. Сборник статей. Т. 20 / Под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО – Университет. 2012. С. 98.
8. Официальный сайт ШОС http://www.sectsc.org/redirect.asp?id=25&id_temp2=25&LanguageID=3/
9. Протокол между таможенными службами государств–членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области подготовки и по-вышения квалификации должностных лиц таможенных органов (Пекин, 14 октября 2009 г.)// http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31213269.
10. Протокол между таможенными службами государств–членов Шанхайской организации сотрудничества об обмене информацией в области контроля за перемещением энергоресурсов от 30 октября 2008 года.
11. Сафронова Е. ШОС: к новым рубежам развития / ИДВ РАН. М., 2008. С. 161–184.
12. Смирнов С.М. АТР и западная модель коллективной безопасности. – Владивосток, 2009. – С. 67.
13. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 2 ноября 2007 г. // <http://zandary.net/shos/409--5-2009-n-119-iv.html>
14. Статья 19 Договора о дружбе и сотрудничестве государств–членов ШОС. Бишкек. 16.08.2007 г.
15. Субанов М. На переднем крае борьбы с «тремя силами зла»// <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=4120/>
16. Чжан Вэньвэй. Шанхай хэцзо цзуджи чэнцзю цзихуй юй. Чжунго вайцзю сюэюань // Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2004. С. 54.
17. <http://base.garant.ru/70153136/>
18. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3046500
19. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_87738.html
20. <http://www.infoshos.ru/ru/?id=75>
21. http://www.scosummit2012.org/russian/2011-06/15/c_13931768.htm

Об авторе

Колегова Оксана Юрьевна – соискатель Центра научных исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ, преподаватель кафедры английского языка №5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: troy79@mail.ru

KEY AREAS OF INTERNATIONAL COOPERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION

O.U. Kolegova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article reviews the current and future directions of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) member states' cooperation. The author emphasizes the need of the comprehensive, multi-faceted approach to the development and expansion of contacts of the countries participants of the organization. Analysis of the key areas of cooperation showed that the greatest prospect projects are in the areas of interaction such as infrastructure construction, transport, energy, technology, agriculture, humanitarian, cultural, and military cooperation. However, the article implies that the economic cooperation within the SCO is the weakest area of activity of the organization, the multilateral economic projects successfully implemented, in fact, are not yet available, as the bilateral cooperation is often implemented without the SCO (despite the fact that the SCO will promote its activation). The author believes that the connection to the SCO such national economies as India and Pakistan can greatly stimulate the development of economic cooperation, to give impetus to the beginning of a number of important multilateral projects. In addition, one of the main causes of economic cooperation deceleration in the SCO, he said the lack of dedicated funding mechanism for multilateral projects. The paper identified the medium-term prospects for international cooperation within the SCO, which have become more apparent in June 2012, at the regular meeting of the SCO Council of State' Heads, held in Beijing, a brief review of the approved there important documents defining trends of the organization over the next decade.*

Key words: SCO, cooperation, multilateral projects, the mechanism of coordination, integration.

References

1. Vlasov A., Poteeva E. Obrazovatelnyie reformy v stranah ShOS [Vlasov A., Poteeva E. Educational reforms in the countries of the SCO.]. www.ia-centr.ru.
2. Declaracia pyatiletiya Shanhaiskoi organozacii sotrudnichestva. Shan-hai, 15.06.2006 [The Fifth anniversary Declaration of the Shanghai Cooperation Organization. Shanghai, 15.06.2006].
3. Doclad byuro PROON po stranam Evropi i SNG [Report of the Bureau for Europe and CIS].
4. Kashtanov V. Kitai v pervyie napravil istrebiteli J-10 i tanki tip 99 na sovместnyie voennyye ucheniya [Kashtanov V. China's first direct J-10 fighter jets and tanks type 99 for joint military exercises.]. <http://www.periscope2.ru/?digestid=21257>.
5. Kudryashova Yu.S. Forum SHOS ob aktualnih problemah razvitiya organizacii. Strategiya Rossii v Centralnoi Azii. Shanhaiskaya organizaciya sotrudnichestva. Sbornic statei. Tom 20./ Pod red. A.V. Lukina. – M.: MGIMO-Universitet, 2012. – S.49. [Kudryashov Y.S. SCO Forum on the urgent problems of the organization. The strategy of Russia in Central Asia, the Shanghai Cooperation Organization. Collection of articles. Volume 20. Ed. A.V. Lukin. – Moscow: MGIMO - University, 2012. - S. 49.]
6. Kupriyanova E. "Mirnaya missiya-2007" proshla mirno i uspeshno [Ku-priyanov E. "Peace Mission - 2007 " was held peacefully and successfully]. [Http://www.smi.ru/text/07/08/17/907930008.html/](http://www.smi.ru/text/07/08/17/907930008.html/)
7. Mochulskiy A.F. Rossiya i Kitay v Shanhaiskoy organizatsii sotrudnichestva.. Strategiya Rossii v Tsentralnoy Azii Shanhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva. Sbornik statey. Tom 20. Pod red. A.V. Lukina. – M.: MGIMO – Universitet, 2012. – S. 98. [Mochulski A.F. Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization.. The strategy of Russia in Central Asia, the Shanghai Cooperation Organization . Collection of articles. Volume 20 . / Ed. A.V. Lukin. – Moscow: MGIMO - University, 2012. - S. 98.]
8. Ofitsialnyiy sayt ShOS [Official site of the SCO]. http://www.sectsco.org/redirect.asp?id=25&id_temp2=25&LanguageID=3/
9. Protokol mezhdu tamozhennymi sluzhbami gosudarstv – chlenov Shan-hayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti podgotovki i povysheniya kvalifikatsii dolzhnostnyih lits tamozhennyih organov (Pekin, 14 oktyabrya 2009 g.) [Protocol between the customs services of the - members of the Shan- Hay

- Cooperation Organization on Cooperation in the field of training and further training of customs officials (Beijing, October 14, 2009)]. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31213269.
10. Protokol mezhdu tamozhennymi sluzhbami gosudarstv-chlenov Shan-hayskoy organizatsii sotrudnichestva ob obmene informatsiy v oblasti kontrolya za peremescheniem energoresursov ot 30 oktyabrya 2008 goda. [Protocol between the customs services of the Shanghai Cooperation Organization on the exchange of information in the field of control over the movement of energy from 30 October 2008.]
 11. Safronova E. ShOS: k novym rubezham razvitiya. / IDV RAN. – M., 2008. – S. 161-184. [Safronova E. SCO to new frontiers of development. IFES. – Moscow, 2008. - S. 161-184.]
 12. Smirnov S.M. ATR i zapadnaya model kollektivnoy bezopasnosti. – Vladivostok, 2009. – S. 67. [Smirnov S. Asia-Pacific and the Western model of collective security. – Vladivostok, 2009. - S. 67.]
 13. Coglashenie mezhdu pravitelstvami gosudarstv-chlenov Shan-hayskoy organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve i vzaimopomoschi v tamozhennykh delakh ot 2 noyabrya 2007 goda. [Agreement between the Governments of the Shanghai Cooperation Organization on cooperation and mutual assistance in customs matters of November 2, 2007.]. [Http://zandary.net/shos/409-5-2009-n-119-iv.html](http://zandary.net/shos/409-5-2009-n-119-iv.html).
 14. Statya 19 Dogovora o druzhbe i sotrudnichestve gosudarstv-chlenov ShOS, Bishkek, 16.08.2007 g. [Article 19 of the Treaty of Amity and Cooperation of the SCO member states, Bishkek, 16.08.2007.]
 15. Subanov M. Na perednem krae borby s «tremya silami zla» [Subanov M. At the forefront of the struggle against "three evil forces"]. <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=4120>
 16. Chzhan Venvey. Shan-hay hetszo tsudzhi chentszyu tsizhuy yuy. Chzhungo vaytszyao syueyuan.. Pekin: Beytszin chubanshe, 2004. – S. 54. Zhang Venvey. Shanghai hetszo tsudzhi Chengzi tsizhuy yu. Zhongguo vaytszyao syueyuan. Beijing: Beijing chubanshe, 2004. - S. 54.]
 17. <http://base.garant.ru/70153136>
 18. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3046500
 19. http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_87738.html
 20. <http://www.infoshos.ru/ru/?id=75>.
 21. http://www.scosummit2012.org/russian/2011-06/15/c_13931768.htm

About the author

Kolegova O. Urievna – Applicant for the East Asian and SCO Research Centre, a teacher of the English language department number 5 (University) of MGIMO (U) MID of Russia. E-mail: troy79@mail.ru

РОЛЬ ПЕРВИЧНЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.Н. Щербакова

Кемеровский государственный университет. Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, д. 6.

В статье анализируется роль глобальных общественных благ в условиях перехода к новой модели развития. При этом современный этап развития общества квалифицируется как переходный, при котором происходит становление информационного общества. Последнее начинает опираться на новую основу: иные базовые ресурсы, измененную структуру общества, глобальный характер функционирования, обновленный коллективный разум. Одним из возможных путей становления данного общества может стать расширение круга глобальных общественных благ. В их составе выделяются предметы первой необходимости на глобальном уровне: экологические и креативные блага, равенство, первейшие материальные блага – жилье, транспорт, питание и одежда. Природа глобальных общественных благ в современных условиях характеризуется гораздо глубже, нежели принципы общественного пользования. В работе предпринята попытка исследовать глубинные черты благ данного уровня. К таковым автором отнесены: а) их приоритетность по сравнению с рыночными интересами стран; б) доминирующее значение в становлении новой модели развития мировой экономики; в) определение их сути на стадии формирования, а не распределения. По мнению автора, производство глобальных общественных благ может планироваться мировыми регулирующими центрами. При этом глобальные общественные блага рассматриваются как инструменты развития и роста новой постиндустриальной экономики, в связи с чем выявлено коренное отличие характера общественных благ в наличествующей производительной системе и глобальных общественных благ в транзитивном обществе. По существу, объектом исследования в данной статье является современная стадия мирового развития, в то время как предметом анализа выступают глобальные общественные блага. Новизна работы состоит в том, что в ней определена авторская позиция относительно роли глобальных общественных благ в становлении нового информационного общества.

Ключевые слова: глобальные общественные блага, становление информационного общества, экологические блага, креативные блага, равенство, первейшие материальные блага.

Современное человечество находится на заре формирования новой парадигмы глобального развития. Особенно усилилось такое мнение после финансового кризиса, который показал исчерпание возможностей прежней модели развития. Начат поиск теории нового общества и экономики. Достаточно большое количество авторов говорят о неизбежности смены мировой модели развития [3, 7]. Позиция автора данной статьи заключается в том, что особенностью современной стадии мирового развития является переход к новому информационному обществу. В анализе данного момента мы видим ответы на многие актуальные вопросы современных трансформаций [8].

Новое информационное общество предполагает новые базовые ресурсы, новую структуру общества, глобальный характер функционирования, новый коллективный разум. Такое общество дозрело до постановки новых целей развития. Переход к высшей стадии развития информационного общества возможен через ряд сложнейших этапов. Перерастание общества в качественно новое состояние не произойдет само по себе. Только формирование принципиально новой модели развития, модели глобального масштаба, может помочь движению общества к новым целям. В основе такой модели должна находиться способность преодоления того отрицательного потенциала, который содержит в себе современная экономика, как наследие индустриального общества.

Кроме того, новое качество развития должно опираться на положительный потенциал, всегда присутствующий в недрах транзитивных экономик. Формирование информационно-креативного общества как высшей стадии информационного общества предполагает то, что появится возможность полной реализации новых ресурсов экономики: знаний и информации. Переход к этой стадии развития, как представляется, будет осуществляться на следующих направлениях:

- на расширении сектора глобальных общественных благ;
- на переходе к креативной деятельности как основному виду деятельности в новом обществе;
- на существенном увеличении роли нефинансовых механизмов в регулировании общественно-го производства и распределительных процессов.

При этом можно ожидать: а) сокращения, а затем и устранения потребительского навеса; б) постановки экологических целей в разряд приоритетных, появление возможности решения экологических проблем; в) формирования основы для доминирования творчества в деятельности людей; г) устранения неравенства возможностей разных социальных групп и стран.

К непосредственной цели переходного этапа относится построение нового информационно-креативного общества с новой системой ценностей и поступательным движением, основой которого будут полностью реализованные креативные ресурсы человечества. Возникло и набирает свой исследовательский запас такое по-

нятие, как глобальное общественное благо. По нашему мнению, реальным шагом к изменению устройства общества может послужить расширение сектора общественных благ, причем на уровне мировой экономики. Мы привыкли считать само собой разумеющимся, что к общественным благам относятся только те блага, которые невыгодны для рынка и которые заполняют его пробелы.

В рамках новой концепции развития вопрос может быть поставлен по-другому. Гораздо более правильным будет отнесение к глобальным общественным благам тех благ, которые дадут возможность реализовывать цели нового общества. Как таковой, термин «глобальные общественные блага» появился в литературе последнего десятилетия прошлого века. Смысл в характеристике глобальных общественных благ сводится к глобализации национальных общественных благ [1, с. 41], выступающих новым звеном в эволюции общественных благ. Признаками общественных благ называются те же свойства, что были у общественных благ. Как известно, в теории общественного выбора называются две главные характеристики общественных благ – это неизбирательность и неисключаемость [5, с. 68]. Неизбирательность означает то, что потребление блага одним лицом не уменьшает его доступность для других. Такие блага не являются конкурентными, предельные издержки для каждого дополнительного потребителя отсутствуют, поэтому невозможно назначение платы за них. Неисключаемость в потреблении моделирует такую ситуацию, что ни один человек не может быть исключен из потребления, вне зависимости от его платы за благо.

Авторы теории глобальных общественных благ автоматически переносят эти свойства на выявленную ими категорию. Обратим внимание на то, что общественные блага мирового уровня априори должны предстать в новом качестве, они рассматриваются с точки зрения субъектов мировой экономики. Выгоды и издержки от создания и существования глобальных общественных благ выходят за пределы национальных границ, должны распространяться на более чем одну группу стран. Глобальные общественные блага можно разделить на три группы по критерию их формирования:

- к первой группе следует отнести природные глобальные общественные блага, например атмосферу Земли и открытое море. Блага такого рода изначально выступают как внешние по отношению к национальным государствам, однако проблема злоупотребления глобальными экологическими благами породила необходимость регулирования их использования, включая национальный уровень;

– ко второму типу благ относят блага, возникшие в результате человеческой деятельности. В современных условиях к ним относят ресурсы знания, информационные и транспортные коммуникации, международное право. Специфика ресурсов «знания» и «информация» достаточно

обширна, однако существенная роль в ней отводится их глобальному характеру;

– в содержание третьей группы глобальных общественных благ включены политические блага, такие, как финансовая стабильность, мирное сосуществование, борьба с инфекционными заболеваниями и т. д.

Авторы теории глобальных общественных благ выражают надежду на то, что данное явление набирает силу. Они высказывают мысль о том, что «страны и игроки все реже прибегают к использованию некооперативных стратегий, которые подрывают их способность отвечать на новые системные риски» [4, с. 41]. Основой этого утверждения служит растущее число совместных решений, общих документов мирового значения, посвященных проблемам глобального развития. Кроме того, формирование благ данного уровня возможно от национального источника.

Например, развитие информационных технологий, создание инфраструктуры национальной системы аэронавигации, научные открытия имеют в своей основе национальную экономику, но служат одновременно фундаментом глобальных общественных благ. Мы считаем, что природа глобальных общественных благ в современных условиях должна быть охарактеризована гораздо глубже, нежели принципы общественного пользования. К глубинным чертам благ данного уровня мы относим:

- их приоритетность по сравнению с рыночными интересами стран;
- их доминирующее значение в становлении новой модели развития мировой экономики;
- определение их сути на стадии формирования, а не распределения, то есть их производство должно планироваться мировыми регулирующими центрами;
- восприятие значения глобальных общественных благ как инструментов развития и роста новой экономики.

Вместе с тем мы видим коренное отличие характера общественных благ в наличествующей системе и глобальных общественных благ в том транзитивном обществе, о котором идет речь. Люди одной нации на данном этапе развития имеют большую степень выражения коллективного интереса, чем субъекты мировой экономики. В мировой экономике нет глобального бюджета, не выработан механизм производства совместных благ. Налицо только то, что потребность в совместных действиях глобальной экономики резко возросла. Принцип неисключаемости из потребления должен работать по-другому. Как минимум, необходим учет двух принципов хотя бы на первых этапах формирования нового информационного общества:

- во-первых, распределение глобальных общественных благ должно осуществляться на основе определенного вклада. Даже в теории общественного выбора речь идет о наличии исключаемых благ, то есть общественных благ с ограниченным доступом;

– во-вторых, глобальным общественным благом на первых порах может быть совместная договоренность о методах и механизмах ведения национальных хозяйств, о целях общественного развития.

Мы считаем, что в системе глобальных общественных благ необходимо выделять предметы первой необходимости. Как известно, наиболее широко используемой системой классификации потребностей является пирамида А. Маслоу, которую приводил в своей работе даже такой известный маркетолог, как Ф. Котлер. К первой группе относятся первичные витальные потребности (жизненные), которые включают в себя воздух, питье, пищу, одежду, укрытие, размножение [2, с. 8]. Естественные нужды человека, по сути дела его физиология, лежат в основе этой группы потребностей.

К первой группе можно отнести не только первичные, но и вторичные витальные потребности. Эта подгруппа потребностей возникает в связи с необходимостью удовлетворять первичные потребности. Для получения комплекса необходимых благ нужно иметь работу, а также набор знаний и опыта для ее исполнения. Кроме того, необходимы услуги транспорта и связи, чтобы попасть на работу. Нельзя не отметить, что по мере изменения общества меняется представление даже о содержании необходимых благ. Сам процесс развития человеческой цивилизации вносит коррективы в это понятие.

Думается, что в состав предметов первой необходимости на глобальном уровне в современных условиях следует отнести:

- а) экологические блага, такие, как чистая вода, воздух, сохранение климата и т.д.;
- б) креативные блага: знания, информацию, науку, инновации;
- в) равенство как равенство возможностей всех людей и стран;
- г) первейшие материальные блага – жилье, транспорт, питание и одежду.

Каждая из групп благ является основой реализации потенциала развития, о котором говорилось выше. Экологические блага из разряда внешних благ перешли в разряд внутренних, национальных. Глобальное регулирование экологических благ предполагает определенную экологическую политику внутри государств. Атмосфера, климат, озоновый слой Земли достаточно долго воспринимались как нечто само собой разумеющееся, как неисчерпаемые блага. Представители австрийского маржинализма неспроста такие блага, как вода, воздух считали неэкономическими, то есть они не имели ценности, не было смысла за них платить, по крайней мере, в исследуемом периоде (конец XIX в.). Анализ позиции информационного общества по отношению к экологическим проблемам позволяет сделать следующие выводы:

- во-первых, новое информационное общество включает экологическую чистоту в цели своего развития и предоставляет необходимый инструментарий для решения проблем подобного рода;

– во-вторых, экологические загрязнения являются препятствием становления нового общества, мы относили их к отрицательному потенциалу развития. Экологические блага, таким образом, выступают как жизненно необходимые блага глобального масштаба. В теории глобальных общественных благ высказывается надежда на то, что люди начинают осознавать, что окружающая среда является достоянием всех жителей планеты. Возрастающий интерес к потреблению экологически чистых благ подтверждает их восприятие как приоритетных.

Вторая группа глобальных общественных благ, креативные блага, могут быть отнесены к классу предметов первой необходимости, так как от них зависит и экономический рост, и экономическое развитие. Теория информационной экономики гласит, что информация и знания являются принципиально новыми факторами производства, на их основе обеспечивается повышение производительности труда в информационной экономике. Мировое сообщество сможет распоряжаться совокупными знаниями в общих интересах, информационные системы позволят быстро и качественно организовать передачу знаний. Вместе с тем важен не только рост производимых благ, но и изменение целей развития. Отведение приоритетной роли творческому труду вместо углубления тенденции потребительства возводит роль креативных благ в разряд необходимейших для человека объектов потребления. Для того чтобы знания и информация стали креативными благами глобального масштаба, практически нет необходимости создания особого сектора. Нужен только реализованный принцип единства стран в отношении к данным ресурсам, совместно выработанный механизм их использования.

Третья группа глобальных общественных благ имеет социальную ориентацию, речь идет о целевом ориентире нового общества на равенство. Вышеизложенные пункты могут иметь смысл только в том случае, если общество не будет раздираться противоречиями на почве неравенства: между индивидами, группами, слоями, классами, народами, цивилизациями, странами. Неравенство мы рассматриваем как отрицательный потенциал нового общества по двум пунктам:

- неравенство уже сформировало прослойку лиц, которые из-за низкого уровня доходов не могут приобщиться к благам более высокого уровня;
- новое информационное общество порождает новую форму неравенства: между классом интеллектуалов и «низшим» классом. Ликвидация неравенства, по крайней мере закладывание этой цели в новую модель развития, позволит человеческой цивилизации строить интеллектуальное общество, опираясь на глобальные достижения науки, знаний и информации.

Если первые три группы благ не вызывают особого сомнения в плане отнесения их к глобальным общественным благам, то по поводу четвертой группы необходима дополнительная аргументация. Вспомним известную фразу о том,

что человеку для жизни в физиологическом смысле слова прежде всего необходимы жилище, кров и одежда. Без этих благ он не может существовать даже как биологическое существо, так как он может погибнуть от холода и голода. К потребностям более высокого уровня люди переходят, удовлетворив свои первейшие нужды. В таком случае отдавать распределение благ подобного рода на волю рынка означает создание определенной установки в развитии общества. Изначально закладывается тенденция такого плана, что какая-то часть человеческого общества не сможет позволить себе потребление даже на физиологическом уровне.

Напротив, более удачливая страга общества будет располагать количеством этих благ гораздо в большей степени, чем это необходимо для потребления. Перенасыщение отдельных лиц благами, которые мы относим к предметам первой необходимости, включается в формирование «потребительского навеса» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Под «потребительским навесом» мы понимаем тенденцию общества массового потребления к стимулированию рынком производства излишней товарной массы. Это, в свою очередь, ведет к перерасходу ресурсов. В том случае, если обеспечение жильем, питанием, основной одеждой и обувью будет осуществляться централизованно, экономика и общество существенно изменятся. Вместе с тем учтем те отличия общественных благ и глобальных общественных благ, о которых мы говорили выше.

Распределение потребительских благ должно осуществляться на основе трудового вклада. Каждый работник информационного общества должен трудиться. Другой вопрос, что продолжительность рабочего времени будет зависеть от общего прогресса экономики и общества. Выделим положительные последствия данного шага. Во-первых, люди получают стимулы к труду – труд будет надежной основой получения благ первой необходимости. Во-вторых, существенно решается проблема неравенства, так как самое страшное расслоение – это разрыв в потреблении насущных благ. В-третьих, формируется основа для творчества. Общество, в котором нет борьбы за получение простейших благ, может посвятить своих членов творческой деятельности.

Как известно, творческая личность должна иметь свободное время для развития своих способностей. Утомительные поездки по магазинам, доставка продуктов, их переработка и хранение, сам процесс приготовления пищи, мытье посуды – все это может быть устранено сосредоточением данных функций в определенном секторе. Приводятся такие цифры: в структуре затрат вне рабочего времени 41,8% тратится на приготовление пищи в рабочие дни и 33,4% в выходные дни; соответственно 18,2 и 14,1% – на покупку товаров и услуг для домашних хозяйств [9]. Свободное время характеризуется как категория, имеющая непосредственное отношение к развитию личности, как время, затраченное на возвышенную деятельность. В-четвертых, снима-

ется значительная часть «потребительского навеса» по многим причинам. Одна из них – ликвидация чрезмерного потребления богатыми людьми. Другая причина состоит в сокращении отходов. Организация общественного питания приведет к тому, что пищевые отходы будут сосредоточены в специальных местах, их дальнейшее движение можно будет легче организовать и контролировать. Положительным следствием будет резкое сокращение потребности в личных холодильниках (по крайней мере, огромных размеров), печах, микроволновых устройствах, погребках.

Выше мы уже говорили, что ведение домашнего хозяйства нуждается в целой инфраструктуре, которая тоже подвержена законам моды и потребительским эффектам. Перевод данной инфраструктуры в руки специального сектора сэкономило бы затраты общества и существенно бы сократило трату ресурсов. Пищевые продукты в условиях рыночной организации общества могут передвигаться по целому ряду звеньев перекупщиков. Потребители существенную часть своих доходов тратят на торговые наценки. Сказывается этот факт и на ухудшении качества продуктов питания, однако рынок будет делать все возможное, чтобы реализовать их даже в таком состоянии.

Таким образом, организация общественного питания может повлиять на такой параметр данной услуги, как качество. К тому же контроль качества потребления возможен в большей мере в случае централизации процесса и его общественного характера. Обратим внимание, что данное предложение не является просто фантазией. В странах со сложившейся рыночной организацией общества люди весьма пристрастны к питанию вне дома, кухонная деятельность либо уходит в прошлое, либо привлекаются прислуживающие лица. Более бедные слои населения активно вовлекаются в пользование системой фастфуда, то есть люди добровольно соглашаются на худшее качество питания. Во всех странах существует система питания для школьников, детей, посещающих детские сады. Занятые люди во время рабочего времени также обедают чаще всего вне дома.

В странах, где не слишком высокий уровень развития, возможно питание дома, но не очень качественными продуктами фабричного производства. Например, в России широко распространено приобретение пельменей и китайской лапши. Думаем, что можно обозначить тенденцию готовности общества к переходу функции организации питания на централизованный уровень. При решении данной проблемы на общественном уровне можно было бы ввести те требования к пище, которые в данный момент готово предъявить и выполнить общество. Рынок, по нашему мнению, уже подготовил почву для организации данного процесса. Широко развитая сеть ресторанов, кафе, баров, которые пустуют в дневное время, в будние дни вечерами, в межсезонье в местах отдыха, может найти достойное применение. Кроме того, рынок подготовил целую прослойку обслуживающего персонала, специалистов в этой

области. В условиях рынка предприятия общественного питания часто разоряются, наемные рабочие лишаются своих рабочих мест. Конкуренция вынуждает предпринимателей покупать дешевое и не всегда качественное сырье, зачастую не хватает средств на развитие: улучшение организации, переоборудование помещения.

Централизованное обслуживание обеспечило бы рациональность функционирования точек питания с точки зрения общества. Вполне возможна была бы организация специализированного обслуживания для детей, людей имеющих определенные заболевания, для любителей разного рода кухни. Высокая степень информативности в обществе позволила бы собирать заказы, распределять по времени, по пространству, по индивидуализированным потребностям. Люди могли бы сделать заказ по своему компьютеру, предприятия общественного питания смогли бы работать на основе четких планов. Высокая степень демократичности информационного общества не позволила бы анархию и нарушение норм обслуживания в этом секторе. Некачественное предложение услуг общественного питания очень быстро стало бы предметом общественного информационного поля, демократичность помогла бы быстро воздействовать на негативные моменты.

В-пятых, таким образом легче решить проблемы экологических последствий. Как мы уже говорили выше, проблема реализации отходов в таком случае решалась бы гораздо проще. Не было бы необходимости придумывать стимулы для работы с отходами, запускать механизмы их реализации и контроля над ними. Исключение звеньев перекупщиков сэкономило бы общественные затраты и сократило бы нагрузку на окружающую среду. Быстрее можно было бы вносить коррективы в соответствии с целями здорового общества, менять технологии. Более того, этот сектор мог быть сориентирован на питание по возможностям, а не на расточительное расходование ресурсов. Подобная логика рассуждений относится к сектору одежды и обуви.

Особое значение надо придать сектору крупных потребительских благ, так называемых товаров длительного пользования. В литературе чаще всего обращаются к проблемам автомобильного рынка. Даже попытки государства интернализировать отрицательные внешние эффекты от пользования частными автомобилями не приносят желаемого эффекта. Рынок всячески стимулирует развитие потребности в автомобилях, а потребители данного вида транспорта требуют новых дорог, парковок, сопутствующих услуг, не особенно стремясь за них платить. Замена личного транспорта успешно функционирующими общественными средствами передвижения даст существенный положительный эффект обществу. Этот эффект выражается в сокращении расхода ресурсов: материальных и трудовых а также в сокращении нагрузки на окружающую среду. Современные возможности общественного транспорта были бы лучше реализованы, если бы не конкуренция с личными

автомобилями. В мире есть примеры наземного метро, ленточное перемещение грузов и пассажиров, электронное информационное обслуживание. Экономия ресурсов выразилась бы по следующим направлениям. Вышеуказанные положительные эффекты станут возможными из-за:

- а) сокращения расходов ресурсов на производство объектов личного транспорта;
- б) сокращения количества выбросов;
- в) сокращения затрат общества на бензин;
- г) освобождения разрешенных и неразрешенных парковок;
- д) сокращения потребности в дорожном строительстве, падения нагрузки на дороги.

Оздоровительный эффект для общества очевиден даже без учета сокращения сектора перекупщиков и возрастания шансов людей на возвращение к более подвижному образу жизни. Что касается жилищного личного строительства, то вряд ли можно сказать, что оно наносит большой урон окружающей среде и экономике. Потребность в жилье является неудовлетворенной практически во всем мире, поэтому создание благ подобного рода должно приветствоваться. Однако решение проблемы обеспечения жильем централизованно явилось бы серьезным препятствием расширения неравенства и сняло бы с людей огромную мате-

риальную проблему приобретения, расплаты за покупку жилья или его аренду. Практически во всем мире наблюдается тенденция увеличения в структуре расходов населения затрат на жилищно-коммунальные услуги. Люди вынуждены платить столько, сколько требует рынок, вместо того, чтобы наращивать потенциал «сервисной» экономики через индивидуальные услуги.

Значительная часть людей не хотят жить в тех условиях и в том месте, где приобретена недвижимость, но они вынуждены делать это. В рыночной экономике доступности жилья должна помогать кредитная система. Однако жилищные кредиты и ипотека могут выполнить свою функцию только при определенном уровне средней заработной платы и средних доходах домохозяйств. Во многих странах с переходной экономикой доля людей, имеющих возможность воспользоваться ипотечными кредитами, менее 10% [6, с. 43]. Большое значение имеет и отсутствие мобильности рынка труда, что сказывается на возможности занятости только в той местности, где имеется жилье. Подводя итог, можно сказать, что перечисленные первичные глобальные общественные блага могут решить массу проблем для успешного движения в направлении построения нового информационного общества.

Список литературы

1. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. М.: КомКнига, 2010. 381 с.
2. Литвинов В. А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ / В. А. Литвинов. М.: КомКнига, 2006. 260 с.
3. Мау В. Экономика и политика в 2011 г.: глобальные вызовы и поиск новой модели роста / В. Мау // Экономист. 2012. №2. С. 4 – 26.
4. Медведев С., Томашов И. Концепция глобальных общественных благ: возможности и ограничения / С. Медведев, И. Томашов // МЭиМО. 2010. №12. С. 38 – 47.
5. Нуреев Р.М. Теория общественного выбора. Курс лекций / Р.М. Нуреев. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.
6. Пацирковский В.В. Рынок потребительских услуг / В.В. Пацирковский. М.: ИСЭПН РАН. 2006. 202 с.
7. Фитуни, Л. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития / Л. Фитуни, И. Абрамова // МЭиМО. 2012. №7. С. 3 – 15.
8. Щербакова Л.Н. Категория развития как самостоятельный объект экономического анализа / Л.Н. Щербакова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 300 – 306.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sbiblio/BIBLIO/archive/noname-socstat/ecb.aspx> (дата обращения: 18.03.2013).

Об авторе

Щербакова Людмила Николаевна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории экономического факультета Кемеровского государственного университета. Научная специализация: экономическая теория.
E-mail: ludmilashc@yandex.ru

THE ROLE OF PRIMARY GLOBAL PUBLIC GOODS IN INFORMATION SOCIETY

L.N. Shcherbakova

State university of Kemerovo. Russia, 650043, Kemerovo, str. Red, H. 6.

Abstract: *The article reflects the author's position as to the role of global public blessings in the period of transition to new models of development. The present stage of development of a society is considered as transitive. The maintenance of this transition is a formation of the information society. The information society leans against a new basis: the new base resources, new structure of a society, global character of the functioning, new collective reason. Expansion of a circle of the global public blessings can become one of possible ways of formation of the given society. In their structure articles of prime necessity at global level are allocated. We have carried the ecological blessings to them; the creative blessings; equality; the first material benefits – habitation, transport, a food and clothes. The nature of the global public blessings in modern conditions is characterized much more deeply, rather than principles of public using. Deep fundamentals of blessings of the given level are defined. Following lines are carried to them: first place in comparison with market interests of the countries; their dominating role in formation of new model of development of world economy; definition of their essence on formation stages, instead of distributions. Their manufacture should be planned by the world regulating centre. The role of global public blessings as tools of development and growth of new economy is defined. Radical difference of character of public blessings in the present system and global public blessings in the transitive society is revealed. Object of research is the modern stage of development. Targets of research are the global public blessings. Novelty of the article is caused by the author's scientific vision of the role of global public blessings in the formation of the new information society as defined.*

Keywords: global public blessings, formation of the information society, ecological blessings, creative blessings, equality, the first material benefits.

References

1. Afoncev S.A. 2010, Politicheskije rynki i ekonomicheskaja politika [The political markets and economic policy], Moscow, Komkniga. S. 381.
2. Litvinov V.A. 2006, Progitochniy minimum: istoriya, metodika, analis [The Living wage: history, a technique, the analysis], Moscow, Komkniga. S. 260.
3. Mau V. Ekonomika i politika v 2011: globalnije vizovi i poisk novoj modeli rosta [Economics and a policy in 2011: global calls and search of new model of growth, Economist [The economist], Moscow 2012, №2. S. 4 – 26.
4. Medvedev C., Tomashov I. Teorija globalnih obschestvenih blag: vozmozhnosti i ogranichenija [An idea of the global public blessings: possibilities and restrictions], MEiMO [WEaWR], 2010. №12. C. 38 – 47.
5. Nureev R.M. Teorija obschestvennogo vibora. Kurs lekciy [Theory of a public choice. A course of lectures], Moscow, Nauka, 2005. S. 531.
6. Pasirkovsky V.V. 2006, Rinok potrebitelskih uslug [A market of consumer services], Moscow, ISEPN RAN. S. 202.
7. Fituni L., Abramova I. 2012, Zakonomernosti formirovaniya i smeni modelej mirovogo ekonomicheskogo razvitiya [Trends of formation and change of models of world economic development], MEiMO [WEaWR], Moscow. S. 3 – 15.
8. Shcherbakova L.N. Kategorija razvitiya kak ovjekt ekonomicheskogo analiza [Development category as independent object of the economic analysis], Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of the Kemerovo state university], Kemerovo. 2013. № 1. S. 300 – 306.
9. [An electronic resource]. Available at: <http://sbiblio/BIBLIO/archive/noname-socstat/ecb.aspx> (accessed : 18 march 2013).

About the author

Ludmila N. Shcherbakova – Ec.D., Associate Professor (Kemerovo State University). Science specialization: 08.00.01 – economics theory. E-mail: ludmilashc@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕС В СВЕТЕ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО

Д.А. Турланов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

После длительного процесса присоединения Россия стала членом Всемирной торговой организации, что требует всесторонней оценки последствий этого шага для России и ее отношений с торговыми партнерами. Учитывая, что основным торговым партнером России является Европейский союз, а также принимая во внимание роль таможенного администрирования в обеспечении бесперебойной торговли, в данной статье приведена правовая оценка влияния вступления России в ВТО на формирование правовых основ сотрудничества России и Евросоюза в таможенной сфере. Автор приходит к выводу, что в силу своей торговой, а не таможенной специфики ВТО регламентирует таможенные формальности в части обеспечения гарантий того, чтобы таможенные формальности не стали ограничением торговли. Кроме того, за время присоединения ко Всемирной торговой организации Россия в основном обеспечила приведение своего законодательства в соответствие с нормами ВТО. Так, таможенное сотрудничество России и ЕС еще со вступления в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве базировалось на отдельных положениях норм Всемирной торговой организации, в частности закрепленных в Генеральном соглашении по тарифам и торговле, на которые Соглашения о партнерстве и сотрудничестве содержит ссылки. Данные обстоятельства минимизируют масштаб последствий членства России во Всемирной торговой организации для дальнейшего формирования правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС. Вместе с тем автор обосновывает возможность использования в работе по минимизации рисков правовых инструментов сотрудничества России и ЕС в таможенной сфере. Данные правовые инструменты позволят таможенным органам России и ЕС качественно и без излишнего вмешательства администрировать постоянно растущие объемы торговли в условиях членства во Всемирной торговой организации. В свою очередь, это станет важнейшим фактором не только экономической и национальной безопасности, но и роста инвестиционной привлекательности России.

Ключевые слова: ВТО, ЕС, Россия, право, таможенное сотрудничество.

Президент России В.В. Путин 21 июля 2012 г. подписал Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» [1]. 22 августа 2012 г. Россия стала 156-м членом Всемирной торговой организации (ВТО). Как в процессе присоединения, так и после обретения Россией членства в указанной международной организации идут споры о последствиях этого шага для страны. Учитывая масштабы торгово-экономического сотрудничества между Россией и ЕС, а также роль, которую играет взаимодействие сторон в таможенной сфере для обеспечения бесперебойной торговли, интерес для оценки представляют последствия вступления России в ВТО с точки зрения возможного влияния на дальнейшее развитие правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС.

Сразу следует отметить, что ВТО, будучи торговой организацией, предлагает своим членам главным образом набор инструментов торгового характера, которые не следует отождествлять с инструментами таможенного администрирования, вырабатываемыми на международном уровне под эгидой Всемирной таможенной организации. В связи с этим обязательства в рамках ВТО, затрагивающие вопросы собственно таможенного администрирования, содержатся в той мере, в какой это необходимо для обеспечения беспрепятственной торговли между членами ВТО. Данный факт нашел отражение в оценке последствий присоединения России к ВТО, данной наиболее авторитетным российским специалистом в области таможенного и внешнеторгового права, партнером, руководителем практики по таможенному праву и внешне-торговому регулированию юридической компании «Пепеляев Групп» Г.В. Баландиной [2].

Тем не менее следует отметить ряд международных соглашений в рамках ВТО, а также документов, выработанных в процессе присоединения России к ВТО, содержащих вопросы таможенного администрирования. К таким актам необходимо отнести Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ), производное от него Соглашение по применению статьи VII ГАТТ, а также документы, оформившие присоединение России к ВТО. К последним относятся Протокол о вступлении России в ВТО, доклад Рабочей группы по присоединению России к ВТО, включая обязательства России перед членами ВТО по уровню ставок ввозных таможенных пошлин, размещенные на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации в сети Интернет [3]. Важным выводом, который следует сделать из анализа указанных документов, является вывод о том, что в целом российское таможенное и внешнеторговое законодательство соответствует нормам ВТО.

Это, в частности, обусловлено долгим процессом присоединения России к ВТО, который длился 18 лет. За это время Россия, в том числе посредством международно-правового регулирования

товарообмена со странами, являющимися членами ВТО, в том числе с ЕС, привела свое таможенное и внешнеторговое законодательство в соответствие с установленными в ВТО стандартами. В качестве примера следует привести СПС, которое содержит ссылки на ГАТТ, в рамках которых Россия берет на себя обязательство использовать отдельные правовые конструкции в значениях, определенных ГАТТ. Так, в соответствии со ст. 10 СПС это касается использования таких терминов, как «режим наиболее благоприятствуемой нации», «таможенный союз», «зона свободной торговли». По мнению П.А. Калининченко, принципиальной задачей СПС была адаптация торговых отношений России и ЕС к нормам и правилам ВТО. Именно поэтому самый значимый раздел Соглашения о торговле товарами либо воспроизводит нормы ГАТТ в тексте СПС, либо содержит бланкетные нормы, отсылающие к положениям ГАТТ [4].

Среди норм ВТО, имеющих важное значение с точки зрения их влияния на формирование законодательства России о таможенном деле, а также таможенного законодательства Таможенного союза, следует отметить Соглашение по применению ст. VII ГАТТ, так называемый Кодекс по таможенной стоимости [5]. Будучи основополагающим международным стандартом по вопросам определения, декларирования и контроля таможенной стоимости, являющейся базовой правовой конструкцией в таможенном регулировании, данное соглашение полностью отражено в нормах указанного законодательства. Тем не менее, как отмечает Г.В. Баландина в интервью, посвященном последствиям присоединения России к ВТО, данном газете «эж-ЮРИСТ», проблемы с определением таможенной стоимости в России сохраняются в связи с так называемым «эксцессом правоприменения». Его суть заключается в том, что Россия за время действия СПС существенно продвинулась в приведении своего таможенного законодательства в соответствие с международными и европейскими нормами. Российское законодательство содержит:

- современные процедуры таможенного оформления, предусматривающие использование предварительного информирования;
- системы управления рисками при выборе тех или иных форм таможенного контроля;
- институт уполномоченного экономического оператора и другие прогрессивные таможенные технологии.

Однако этого недостаточно для обеспечения беспрепятственного перемещения товаров через границу. Причиной этому является низкое качество применения указанных таможенных процедур на практике. Самые прогрессивные таможенные технологии, предусмотренные российским законодательством, применяются таким способом, который искажает их первоначальное назначение. Это констатируют и европейские бизнесмены, отмечая, что, несмотря на включение в законодательство прогрессивных европейских и зарубежных норм, их некорректное применение не позволяет добиться упрощения и ускорения

торговли. Данное обстоятельство вынужден констатировать генеральный директор Ассоциации европейского бизнеса Франк Шауфф, говоря о том, что по вине таможен возникает много сбоев в поставках, что в свою очередь останавливает работу совместных производств на территории России. По его словам, российские чиновники не понимают, как формируются цены на мировом рынке, действуют медленно, принимают неправильные решения, что приводит к существенным потерям иностранного бизнеса и появлению у России негативного имиджа [6]. Вступление же России в ВТО создает компаниям и бизнесу в целом:

- возможность оперировать не только таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством России в области таможенного дела, но и правилами ВТО и разъяснениями, которые на основе этих правил дает Всемирная таможенная организация;

- более широкие возможности для диалога с таможенными органами для урегулирования спорных вопросов [7].

На нормах ВТО основаны положения российского законодательства в сфере охраны прав на интеллектуальную собственность при трансграничном перемещении товаров, регулирования отдельных вопросов тарифного регулирования, в частности тарифных льгот и преференций, взимания таможенных сборов за совершение таможенных операций. Вместе с тем в России продолжается работа по приведению своего законодательства в области таможенного дела в соответствие с нормами ВТО. Так, идет работа по приведению законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях в соответствие со ст. VIII ГАТТ, устанавливающей принцип соразмерности наказаний за таможенные правонарушения. Данная статья предусматривает, что никакая из договаривающихся сторон не должна налагать крупных штрафов за незначительные нарушения таможенных правил или процедурных требований. В частности, штраф за какие-либо пропуски или ошибки в таможенной документации, которые легко исправимы и явно были совершены не в целях обмана и не являются грубой небрежностью, не должен превышать размера, который необходим для того, чтобы служить только предупреждением.

Вывод о соответствии таможенного законодательства России нормам ВТО отражен в тексте доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО. В связи с изложенным следует сделать вывод, что законодательство России формально соответствует нормам ВТО, регламентирующим выполнение таможенных формальностей, в связи с чем факт вступления России в ВТО не дает правовых оснований прогнозировать существенные изменения в правовом регулировании таможенного сотрудничества России и ЕС.

Одновременно с этим следует отметить, что одним из основных преимуществ вступления в ВТО, в том числе для России, является получе-

ние равного и недискриминационного доступа на рынки других государств-членов ВТО. В целях извлечения максимальной выгоды из этого Россия заинтересована в создании максимально простых и удобных правил в области таможенного регулирования как на своей территории, так и на территории основных торговых партнеров, и прежде всего ЕС. Это позволит максимально полно реализовать экспортный потенциал страны, диверсифицировав номенклатуру экспортируемых товаров, а также создав условия для доступа на международные рынки малых и средних предприятий [8].

Таким образом, вступление России в ВТО повышает актуальность совершенствования правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС в таможенной сфере, делая такое совершенствование залогом эффективной реализации преимуществ от более активного участия России в глобальной внешнеэкономической и правовой среде посредством членства в ВТО. Кроме того, вступление России в ВТО связано с тарифными обязательствами. В соответствии с этими обязательствами тарифная защита должна постепенно сокращаться, что, по словам экс-министра экономического развития Российской Федерации А.Р. Белоусова, является «платой за вход» [9]. Тем самым будут создаваться условия для недискриминационного доступа товаров иностранных производителей на российский рынок, что в свою очередь спровоцирует увеличение объемов ввоза в Россию иностранных товаров, в том числе низкого качества.

В этих условиях возрастает роль правовых механизмов защиты, отличных от тарифных. Их место должны занять инструменты эффективного таможенного администрирования, которые позволяют без излишнего вмешательства во внешнеторговые операции проводить эффективные контрольные мероприятия. В связи с этим развитие правовых основ таможенного сотрудничества с таким партнером, как ЕС, способно стать фактором эффективного контроля трансграничного перемещения товаров в условиях членства России в ВТО.

Как было отмечено, несмотря на достаточно высокий уровень соответствия таможенного законодательства нормам ВТО, Россия продолжает работу по совершенствованию своего законодательства, в том числе с учетом норм ВТО, а также особенностей правовой регламентации торговли с теми или иными торговыми партнерами, прежде всего с ЕС. Правовой анализ доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО показывает, что российское законодательство и практика его применения имеют потенциал для совершенствования. Так, п. 284 доклада содержит обязательство России по продолжению совершенствования института уполномоченных экономических операторов.

Уполномоченный экономический оператор является одним из наиболее прогрессивных инструментов в современной практике таможен-

ного администрирования. Его использование позволяет за счет категорирования участников внешнеэкономической деятельности на основе определенных критериев варьировать ресурсы таможенных органов и соответственно степень таможенного контроля в отношении различных участников внешнеэкономической деятельности. За счет выделения на основе установленных критериев «надежных» участников внешнеэкономической деятельности таможенные органы минимизируют контроль в отношении этих лиц, получая возможность сконцентрировать усилия на контроле за действительно рискованными поставками.

Представляется также, что одним из наиболее актуальных направлений совершенствования указанного института может стать гармонизация и взаимное признание уполномоченных экономических операторов России и ЕС. При этом может быть использован опыт такой работы, который ЕС имеет во взаимоотношениях с США и Японией. Таким образом, Россия и ЕС смогут упростить торговлю с одновременным обеспечением должного уровня ее безопасности. Помимо необходимости совершенствования правового регулирования института уполномоченного экономического оператора, целый ряд вопросов, поднятых членами Рабочей группы по присоединению России к ВТО, требует детального изучения, в том числе с научной точки зрения, и дальнейшего правового урегулирования. Это, в частности, касается следующих вопросов:

- единообразного и транспарентного применения таможенных правил на всей территории России (п. 290 доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО);
- введения Россией ограничений ввоза или вывоза и совершения таможенных операций в отношении отдельных категорий товаров (п. 290 доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО);
- несвоевременного информирования заинтересованных лиц о мерах в сфере таможенного регулирования (п. 293 доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО).

Следует обратить внимание и на то, что в ряде случаев, отвечая на описываемые членами Рабочей группы по присоединению России к ВТО проблемные ситуации, возникающие при применении таможенных правил на практике, представители России ссылались на нормы таможенного законодательства, утверждая, что требуемый механизм предусмотрен. Это еще раз подтверждает указанную выше проблему о несоответствии практики применения норм таможенного законодательства заложенному в них регулятивному смыслу. Эта проблема может быть решена в рамках создаваемой правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС. Для этого в нее необходимо включить нормы, предусматривающие такие меры, как:

- совместные усилия сторон по борьбе с коррупцией на основе действующих международных стандартов (например, Арушской декларации, программы ЕС по этике 2007 г.);
- внедрение прогрессивных таможенных процедур, минимизирующих контакт между сотрудником таможенного органа и предпринимателем;
- повышение ответственности сотрудника таможенного органа за принимаемые решения;
- совершенствование процедур рассмотрения споров, перевод таможенного оформления на электронную основу и другие меры.

Кроме того, немаловажно отметить, что членство в ВТО является дополнительной международной площадкой для выработки совместных инструментов таможенного администрирования торговли между Россией и ЕС. Так, в ходе выступления в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации с отчетом о работе правительства за 2011 г. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «членство в ВТО открывает возможность цивилизованно, в правовом поле отстаивать наши интересы» [10]. Среди прочих торгово-политических преимуществ отмечает данную возможность В.П. Оболенский, указывая, что вступление в ВТО позволит России избежать торгово-политической изоляции [11].

Таким образом, в заключение следует отметить, что членство России в ВТО не окажет масштабного влияния на правовые основы таможенного сотрудничества России и ЕС в связи с тем, что:

- во-первых, в силу своей торговой, а не таможенной специфики ВТО регламентирует таможенные формальности лишь в части, обеспечивающей гарантии того, чтобы таможенные формальности не стали ограничением торговли;
- во-вторых, за продолжительный период вступления в ВТО Россия успела привести свое таможенное законодательство и правовую базу сотрудничества с ЕС в соответствие с установленными в рамках ВТО стандартами. Так, таможенное сотрудничество России и ЕС еще со вступления в силу СПС базируется на отдельных положениях норм ВТО, в частности закрепленных в Генеральном соглашении по тарифам и торговле, на которые СПС содержит ссылки.

Вместе с тем эффективная организация правовой базы таможенного сотрудничества России и ЕС позволит минимизировать негативные последствия вступления России в ВТО и обеспечить полноценное участие, ориентированное на получение максимального результата для экономики. Кроме того, членство в ВТО позволит России на паритетных началах подходить к выработке правового регулирования международной торговли как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Список литературы

1. Российская газета. № 166. 23.07.2012.
2. Баландина Г.В. К новой модели. Таможенное регулирование. Таможенный контроль. № 6 // 2012 г. С. 3-10.
3. Электронный ресурс http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/wto/doc20120201_0017
4. Калининченко П.А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским союзом // Автореферат диссертации на соискание ученой степени док. юрид. наук. М., 2011. С. 34.
5. Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация от А до Я. М.: ВАВТ, 2012. С. 164.
6. Текст выступления Франка Шауффа размещен на официальном сайте Евразийской экономической комиссии в сети Интернет [Электронный ресурс] <http://www.tsouz.ru/Community/Pages/71.aspx>
7. Интервью Г.В. Баландиной газете «эж-Юрист» [Электронный ресурс] <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1902>
8. Доклад Аналитического центра ВТО-ИНФОРМ [Электронный ресурс]: http://wto-inform.ru/upload/brochure/brochure_wto.pdf.
9. РБК daily. Не так страшно в ВТО // 7 ноября 2012 г., № 211 (1496). С. 1.
10. Цитата доступна на информационном сайте ВТО в России [Электронный ресурс] <http://www.wto.ru/ru/newsmain.asp>.
11. Оболенский В.П. Условия присоединения России к ВТО и его последствия для отечественной экономики. М.: ВАВТ, 2012. С. 18–20.

Об авторе

Турланов Даниил Александрович – ведущий специалист–эксперт (юрист) Торгового представительства Российской Федерации в Республике Болгария, соискатель кафедры европейского права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

RUSSIA-EU CUSTOMS COOPERATION LEGAL BASE IN THE CONTEXT OF RUSSIA WTO ACCESSION

D.A. Turlanov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *As a result of long-term accession process Russia became WTO member, which stipulates adequate analyze of relevant consequences both for Russia and its bilateral relations with trade partners. Taking into consideration the fact, that EU is Russia's main trade partner and significant role of customs issues in ensuring smooth trade flows across the border, author provides legal assessment of Russia WTO accession influence on Russia-EU customs cooperation legal base. Author comes to the conclusion that due to trade, but not customs nature WTO addresses customs to prevent it from being obstacle to trade. Besides, during accession process Russia in general provided correspondence of its legislation to WTO norms. For example, Russia-EU customs cooperation is based on WTO norms from the date of Partnership and Cooperation Agreement entering into force, in which included references on General Agreement on Tariff and Trade. These facts minimize Russia WTO accession influence on the process of Russia-EU customs cooperation legal base construction. At the same time author proves Russia-EU customs cooperation instrument fruitfulness in elimination of risks arising from Russia WTO accession. Such instruments will support effective customs administration without unreasonable interference in trade flows, including within WTO. At the same time it will be important factor for economic, national security as well as for increase of investment attractiveness of Russia.*

Key words: WTO, EU, Russia, legal, customs cooperation.

References

1. Rossijskaya gazeta [Russian journal], № 166. 23.07.2012
2. Balandina, G.V., 2012, № 6, K novoj modeli [Towards new model], Tamozhennoe regulirovanie. Tamozhennij control. [Customs regulation. Customs control]. P. 3-10.
3. Available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/wto/doc20120201_0017
4. Kalinichenko, P.A., 2011, Pravovoe regulirovanie otnoshenij mezhdru Rossiej i Evropejskim souzom [Russia-EU relations legal regulation], Aftoreferat na soiskanie uchenoj stepeni dok. yurid. nauk. [Abstract of dissertation on competition of doctor of science in law degree]. P. 34.
5. Dumulen, I.I., 2012, Vsemirnaya trgovay organizaciya ot A do Ya [World Trade Organization from A to Z], Moscow, VAVT publ. P. 164.
6. Frank Shauff's statement is available at: <http://www.tsouz.ru/Community/Pages/71.aspx>
7. Interview of Balandina G.V. for newspaper «эж-Юрист» is available at: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=1902>
8. WTO-INFORM Analytical center Report is available at: http://wto-inform.ru/upload/brochure/brochure_wto.pdf.
9. RBK daily, 7 November 2012, № 211 (1496), Not so scary in WTO. P. 1.
10. Quote is available at WTO information portal in Russia: <http://www.wto.ru/ru/newsmain.asp>.
11. Obolenskiy, V.P., 2012, Usloviya prisoedineniya Rossii k VTO i ego posledstviya dlya otechestvennoj ekonomiki [Russia WTO accession and its consequences for domestic economy]. Moscow, VAVT publ. P. 18-20.

About the author

Daniil A. Turlanov – senior specialist-expert (lower) of the Trade representation of the Russian Federation in the Republic of Bulgaria, post graduate student of European law department of Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: daniil-turlanov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И РОЛИ ОФШОРНЫХ ЗОН

Э.Б. Алиев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Тема исследования, затронутая в данной работе, является наиболее актуальной в настоящее время, так как сейчас развернулась масштабная международная кампания противодействия отмыванию незаконно полученных денег и уклонению от налогообложения. От решения тех проблем, что будут подняты в статье, будет зависеть, насколько сильным может стать любое государство. В данный момент существует правовой пробел по этой проблематике, вызванный отсутствием фундаментальных научных исследований феномена офшоров. В первой части работы основное внимание уделяется раскрытию понятия «офшорный механизм», так как от этого зависит, насколько объективным окажется складывающееся суждение об этом явлении. В этой связи естественным представляется исследование «офшорного механизма» с двух сторон, как с положительной, так и с отрицательной. Также будут тщательно проанализированы причины, по которым многие компании и частные обладатели капитала прибегают к использованию такого рода финансового механизма, поддерживая таким образом существование офшорного бизнеса. Во второй части работы автором рассматриваются основные проблемы применения услуг офшорных финансовых центров. В частности, речь идет об основных областях применения данного механизма, о том, каким образом осуществляется налоговое планирование с применением такого инструмента. В статье также исследуется применение системы европейского НДС и то, каким образом она связана с использованием в Евросоюзе офшорного механизма, в частности то, каким образом этой связкой можно воспользоваться в преступных целях и какие меры были предприняты в мире для предотвращения подобной перспективы. На саммите G8, проходившего в июне 2013 г. под председательством Великобритании, активно обсуждалась разработка мер по противодействию созданию и использованию незаконных схем при налоговом планировании и исключения из этих планов офшорных механизмов. В адрес G8 поступил проект плана Оуэнса-Мура для G8 по борьбе с налоговыми уклонениями и офшорами [12].

Ключевые слова: капитал, Европа, ЕС, офшорный механизм, налоговая гавань, инвестиции, ФАТФ, ОЭСР, мошенничество, директива.

За последние десятилетия на международном финансовом рынке произошли большие изменения. Важнейшей тенденцией современного мира является глобализация всех экономических и политических процессов, противостоять которой самостоятельно сейчас неспособно ни одно национальное государство. Увеличение числа офшорных финансовых центров характеризуется увеличением потоков товаров, услуг, капиталов, информации, рабочей силы через национальные границы, что приводит к взаимопроникновению как отдельных национальных рынков, так и экономик в целом. Офшоризация – процесс планетарного масштаба с участием субъектов, действующих на общемировой сцене.

Положительный или отрицательный вектор изменений проявляется в национальной экономике под воздействием офшорных механизмов, сила и направленность которых зависят от уровня развития экономической системы и позиции страны в мировом хозяйстве. Соответственно вопросы функционирования офшорных финансовых центров и борьбы с финансовыми правонарушениями при применении услуг офшорных финансовых центров актуальны, как никогда, и привлекают широкое внимание. На данный момент отсутствуют какие-либо фундаментальные российские научно-правовые исследования в данной области. Также следует отметить, что дискуссия по применению офшорного финансового механизма только начинает набирать обороты. Именно этим можно объяснить наличие столь малого количества нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения, связанные с офшорным механизмом.

Наибольший интерес вызывают европейские налоговые гавани, так как считается, что именно в Европе стали возникать первые современные офшорные механизмы. Причиной возникновения таких механизмов можно назвать Первую мировую войну и предшествующие Второй мировой войне годы, когда правительства воюющих стран резко повысили налоги, чтобы оплачивать военные расходы, в связи с чем возникла опасность чрезмерно высокого налогообложения и конфискации накопленных капиталов. В этой связи стоит упомянуть закон Швейцарской Конфедерации «О банковской деятельности» 1934 г., квалифицирующий нарушение конфиденциальности как уголовное преступление. В частности, за нарушение конфиденциальности предусматривалось тюремное заключение сроком до 6 месяцев и штраф до 50 000 швейцарских франков. Ст. 28 Гражданского кодекса Швейцарии возлагала полное возмещение ущерба на любое лицо за разглашение тайны вкладов. Все это создало предпосылки для массового притока капитала в Швейцарию. Стоит упомянуть и Люксембург, который с 1929 г. специализировался на определенных типах офшорных компаний и является сегодня одной из самых больших налоговых гаваней мира [1].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что офшорные механизмы создают сами государства,

издавая собственные внутригосударственные законодательные акты, регулирующие снижение налогообложения для иностранных инвесторов. Такой шаг осуществляется для привлечения финансовых потоков в национальную экономику. Многие государства рассматривают такое привлечение капиталов стабильным источником доходов. Следует также отметить, что существует множество островных государств, которые не обладают конкурентными преимуществами и для которых предоставление таких услуг является единственным источником доходов и процветания собственной экономики. Иными словами, процесс образования офшорных финансовых зон регулируется национальным законодательством страны, в которой она создается.

К сказанному необходимо добавить, что практически не существует единого международного аппарата, который осуществлял бы контроль за офшорными юрисдикциями. Отчасти эта функция возлагается на Международный валютный фонд (МВФ) и центральные банки различных стран, в задачу которых входит осуществление контроля за денежными потоками, пресечение незаконных денежных операций. А борьбой с отмыванием незаконно полученных денег занимается специализированная международная организация – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF). Противодействие отмыванию денег, неправомерному уходу от налогов, коррупции и взяточничеству входит также в задачи Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). При участии ОЭСР были выработаны меры, призванные положить конец практике создания целым рядом государств так называемых «налоговых гаваней».

В обычной деловой практике слово «офшор» можно встретить сравнительно редко. В литературе даются различные характеристики офшорных зон. Они квалифицируются как «специфические, существующие наряду с другими видами свободные экономические зоны», «вид СЭЗ», «особый класс среди свободных экономических зон», «форма свободных экономических зон», относящаяся к «числу сервисных зон», имеющих специфические особенности свободных экономических зон, член «мирового семейства свободных экономических зон» [2].

Для выяснения специфики офшорных зон надо понять, что понимается под свободными экономическими зонами. Согласно VII Киотской конвенции 1973 г. по упрощению и согласованию таможенных процедур, под свободными экономическими зонами понимается часть национальной территории (иногда выделенной из общего таможенного пространства государства), имеющей расширенную самостоятельность в решении хозяйственных вопросов, особый режим управления и преференциальные условия экономической деятельности для иностранных и национальных предпринимателей [3].

В настоящее время существует несколько точек зрения, согласно которым можно говорить

об офшорных зонах как с положительной, так и с отрицательной стороны. В этой связи можно рассмотреть два наиболее типичных варианта.

Негативное отношение в обществе к такому явлению, как «офшор», связано чаще всего с утечкой капитала. Однако анализ причин «бегства» капитала показывает, что наиболее общие из них – это отсталость экономики, узкая база для накоплений и инвестирования. В этой связи очевидно, что не офшорные зоны и зарегистрированные в них компании являются причиной «бегства» капитала, они скорее являются его следствием.

С другой стороны, известно, что применение офшорного механизма и приносит известные преимущества тем, кто их создает и кто занимается практической деятельностью по предоставлению таких услуг. Английское слово *offshore* (в дословном переводе – вне берега) в самом общем смысле трактуется как зарубежный бизнес, пользующийся при соблюдении ряда условий льготами и преференциями в странах регистрации. Такой бизнес возможен только на конкретных территориях, где финансовые операции компаний-нерезидентов и физических лиц осуществляются в иностранной валюте. При этом для зарегистрированных в таких центрах компаний создается льготный налоговый режим, вплоть до полного освобождения от налогообложения.

Как правило, такие зоны размещены в небольших (часто островных) государствах, на бывших колониальных территориях. Если в государстве существуют офшорные зоны и офшорный бизнес разрешен на законодательном уровне, то такие территории принято называть офшорными юрисдикциями. Офшорная юрисдикция может вырасти в офшорный финансовый центр всей страны или ее части, где на правительственном уровне предпринимаются попытки привлечь иностранный бизнес путем проведения специальной политики, которая включает в себя гарантированные низкие ставки налогов и коммерческую тайну [4].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что те государства, которые создают кластеры по офшорным услугам, получают значительные выгоды. К таким выгодам можно отнести:

- приток инвестиционного капитала;
- пополнение бюджета за счет услуг, оказываемых компаниям, зарегистрированным в их юрисдикции;
- создание новых рабочих мест;
- вовлечение офшорных юрисдикций в международный финансовый круговорот.

Что касается юридических лиц, которые регистрируются в таких юрисдикциях, то здесь перечень выгод может быть намного больше. В частности, очень часто за счет учреждения офшорной компании можно достичь операционной экономии. Учреждая за рубежом подобное предприятие, можно сократить затраты на продвижение на внешний рынок и сбыт своей продукции. При помощи офшорного звена можно оптимизировать такие затраты, как маркетинг, снабжение, учет и др.

Информационный эффект – следующий мотив введения в структуру бизнеса офшорного звена. Многим компаниям свойственно пересматривать свои долгосрочные планы, анализируя внутреннее состояние, внешние рынки и конкуренцию. Рынок и конкурентные преимущества компаний изменяются очень быстро. Поэтому может быть принято решение о выделении какого-либо звена компании в отдельную структуру и перемещение ее в офшор как с целью достижения операционной экономии, так и с целью достижения экономической безопасности (удаленность от конкурентов, конфиденциальность учреждения). При этом предприятие получает дополнительные возможности в получении информации как о состоянии рынка вообще, так и о сегменте, в котором данная структура работает. Одновременно могут появиться возможности влиять как на рынок, так и на принятие конкурентами деловых решений.

Низкие процентные ставки по налогам также являются одним из основных мотивов учреждения многих офшорных компаний. Выведение контролируемых активов и (или) прибылей за рубеж с целью снижения налогообложения зачастую является основным мотивом учреждения офшорной компании.

Выигрыш от привлечения заемных средств – четвертый из основных мотивов, побуждающий предпринимателей изменять структуру управляемого ими бизнеса, создавая офшорные компании. Для большинства коммерческих организаций выход на мировой рынок капитала возможен только через офшорные финансовые компании. Иностранному инвестору проще и спокойнее работать через иностранное юридическое лицо. Причины тому – непрозрачность экономик, отсутствие стабильных гарантий собственности.

Выше были рассмотрены те преимущества, которые теоретически можно получить при использовании офшорных механизмов. Однако это только одна сторона медали. Рассмотрим проблему с другой стороны, выясним, что на самом деле происходит в тех странах, где компании и частные лица пользуются услугами офшоров. Согласно подсчетам экспертов, более 20 трлн долл. США могут хранить богатые граждане на офшорных счетах [5].

Оригинальные сведения об этом могут сообщать иногда государственные и общественные деятели. Например, депутат Европарламента Теодор Столожан при утверждении бюджета ЕС на 2014 – 2020 гг. прямо заявил, что государства-члены Евросоюза несут убытки в сотни миллиардов евро из-за того, что многие компании уклоняются от налогов, используя услуги офшорных зон. Иными словами, многие государства недополучают колоссальные суммы в виде налогов, что тормозит их экономическое и социальное развитие. Так как ЕС выступает единой таможенной территорией, то на территории ЕС действует принцип свободы передвижения товаров, то есть экспорт и импорт в пределах ЕС освобождены от всех таможенных

сборов. При такой, казалось бы, удобной системе торговли товарами внутри каждой страны-члена Евросоюза оставалась необходимость уплачивать импортный НДС, что сопряжено с соответствующими процедурами сбора, что существенно замедляло передвижение товаров. Для упрощения подобных процедур и была введена единая система НДС.

Рассматривая положения о системе сбора НДС, действующей в пределах ЕС, следует в первую очередь обратить внимание на директивы, регулирующие сферу применения этого налога. В частности, в апреле 1967 г. Совет ЕС принял Директиву о переходе стран-участниц на единую систему налога на добавленную стоимость не позднее 1 января 1970 г. Данная директива заложила основу общей системы взимания НДС в Евросоюзе. Шестая Директива от 17 мая 1977 г. установила единую базу для исчисления НДС. Директива предусматривала введение общих правил для определения объекта налогообложения, метода расчета налоговой суммы, места, где сделка подлежит обложению, определения случаев невзимания данного налога, порядка вычета НДС, уплаченного на предыдущих стадиях реализации, а также освобождения от него экспортных товаров и обложения импортных. Дальнейшие коррективы к Шестой Директиве в 1991 и 1992 гг. коснулись отмены таможенных границ и были направлены на приспособление НДС к требованиям нового единого рынка.

Согласно этим директивам, с 1 января 1993 г. страны-члены могут практиковать не более двух ставок НДС: стандартную и сниженную. Минимальный уровень стандартной ставки, ниже которого не могут снижаться национальные ставки НДС, составляет 15%, верхний предел не установлен. Сниженная ставка, которая должна составлять не менее 5%, может применяться только к отдельным товарам и услугам, таким, как продовольствие, фармацевтические товары и медицинское оборудование, книги, газеты, услуги пассажирского транспорта и некоторые другие. В соответствии с единой системой взимания НДС общим принципом налогообложения товаров является то, что налогообложению подлежит добавленная стоимость, которая потребляется на территории страны. Другими словами, сделки, осуществляемые на территории стран ЕС налогообязанным лицом, подлежат обложению НДС по месту возникновения оборота.

В случае внутрисоюзного оборота товаров так же, как и при экспорте, ставка НДС будет равняться 0%, так как по общему правилу НДС должен уплатить конечный потребитель товаров. При продаже товаров в пределах одной страны НДС уплачивается независимо от наличия регистрации на НДС. Но в случае, если компания, покупающая товар, имеет НДС-номер, она будет иметь право налогового вычета, если же она не зарегистрирована на НДС – права вычета не имеет, так как не считается плательщиком европейского НДС [6].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что налицо возможность применения офшорного механизма в рамках Европейского союза. Это дает возможность создавать компании в пределах ЕС нерезидентам и использовать себе во благо такие преимущества, но также пользоваться преимуществами тех юрисдикций, в которых создаются компании, и тем самым значительно экономить на налоговых выплатах. Именно эти льготы обычно и используют в корыстных целях. Рассмотрим некоторые примеры, когда офшорные схемы использовались в мошеннических целях. В частности, в ЕС большую популярность получили незаконные «карусельные» схемы мошенничества с европейским НДС.

По оценке Европейской комиссии, из-за использования преступниками мошеннической схемы уклонения от НДС государства-члены ЕС теряли ежегодно около 60 млрд евро. Эти данные относились к 2007 г. и являются приблизительными, так как на практике достаточно сложно точно оценить масштаб «карусельной» схемы. Самая простая мошенническая схема предполагала получение регистрационного номера плательщика НДС в стране, входящей в ЕС, для осуществления продажи, последующего приобретения товара без НДС в другой стране, входящей в ЕС, повторной продажи товара по цене, включающей НДС, в своей стране и исчезновения или невыполнения обязательства по уплате НДС государству [7].

Приведем небольшой пример, каким образом можно было использовать такие возможности в преступных целях в рамках Европейского союза: компания А в одной стране, входящей в ЕС, приобретает товар у поставщика из другой страны, входящей в ЕС, по нулевой ставке НДС; после приобретения товар поставляется другому трейдеру (компания В, находящейся в той же стране) по цене плюс НДС. Однако компания А не осуществляет оплату НДС государству-члену ЕС и становится «исчезающим трейдером»; компания В затем продает товар в другую страну, входящую в ЕС (часто той же компании, которая выступала в качестве первоначального поставщика) и требует возмещения НДС, который был уплачен при покупке товара у компании А.

После первоначальных капиталовложений в рамках «карусельной» схемы генерируются доходы, достаточные для финансирования ее собственного расширения. Доходы попадают к организаторам схемы, которые в свою очередь запускают собственные схемы часто под прикрытием «подтоварных ссуд» от тех, кто уже стал частью цепочки операций. «Карусельная» схема отличается от традиционных преступлений, таких, как контрабанда, когда существует ограниченный рынок для продажи товаров. Криминальные группировки, участвующие в «карусельной» схеме, не являются конкурентами друг для друга. «Карусельная» схема предполагает циркуляцию товаров как можно большее количество раз без уплаты НДС. Товары продаются только в рамках «карусели» и по самой высокой цене, существующей

на момент продажи, поскольку чем выше цена, тем большую сумму НДС можно присвоить [7].

Проанализировав данную ситуацию, институты ЕС приняли решение о внесении изменений в саму схему взимания НДС. С 2010 г. в законодательстве Европейского союза вступили в силу определенные изменения. Юридическое закрепление нововведения получило в Директиве Совета ЕС 2008/8/ЕС от 12 февраля 2008 г. [8], дополняющей Директиву 2006/112/ЕС [9] в отношении места реализации услуг. Основное правило относительно оказания услуг заключалось в том, что услуги облагались НДС в стране местонахождения поставщика. С 1 января 2010 г. эта норма сформулирована обратным образом – по общему правилу услуги считаются оказанными по месту нахождения заказчика, то есть получателя услуг, уплата НДС стала возлагаться на покупателя [10]. Иными словами, практически удалось остановить один из видов мошенничества, который приносил колоссальные убытки.

В настоящее время развернулась полномасштабная кампания по борьбе с офшорными зонами или хотя бы с тем, чтобы такие юрисдикции становились более прозрачными. В частности, соответствующие инициативы были осуществлены в 2013 г. Например, в адрес многих офшорных юрисдикций Европейского союза институтами ЕС направлен призыв о присоединении к Конвенции Совета Европы и ОЭСР о взаимной помощи по налогообложению. В случае присоединения будет происходить автоматический обмен

информацией между участниками. Он поможет избежать незаконного отмывания финансовых средств. Он также позволит проводить налоговые проверки без предварительного уведомления об этом [11].

Необходимо отметить, что на саммите G8, проходившего в июне 2013 г. под председательством Великобритании, активно обсуждалась разработка мер по противодействию созданию и использованию незаконных схем при налоговом планировании в целях исключения из этих планов офшорных механизмов. В адрес G8 поступил проект плана Оуэнса-Мура для G8 по борьбе с налоговыми уклонениями и офшорами, который предусматривает меры для улучшения данной ситуации [12].

В октябре 2013 г. в Вашингтоне под председательством Российской Федерации завершилась встреча министров финансов и управляющих центральными банками G20 [13]. В ходе этой встречи было решено опубликовать в самое ближайшее время доклады по вопросу создания новых стандартов автоматического обмена информацией и по выполнению Плана действий по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли, в том числе через офшоры [14,15].

Для решения таких проблем необходим комплексный подход и тесное взаимодействие всех государств, несмотря на те разногласия, которые происходят в настоящее время. Важнейшую роль могут сыграть государства-члены ЕС.

Список литературы

1. Шексон Николас. Люди, обокравшие мир: правда и вымысел о современных офшорных зонах. М.: Коммерсантъ, 2012. 382 с.
2. Кабир Л.С. Организация офшорного бизнеса. М.: Финансы и статистика, 2002. 141 с.
3. Андрианов В.Д. Россия: экономический и инвестиционный потенциал. М.: Экономика, 1999. 467 с.
4. Туник И.Ю. Офшоры: пособие по увеличению прибыли. М.: Питер, 2008. 234 с.
5. Деловые Виргинские острова// Интернет-издание offshore.su, 8 апреля 2013 г. № 804329. Режим доступа: <http://polpred.com/?cnt=201&fulltext=on#news> (дата обращения: 10.10.13).
6. Утиралова Екатерина. Европейский НДС: запутанно или удобно?// издание «Юрист & Закон» (правовые системы ЛИГА ЗАКОН). 13.07.2010 г. № 12.
7. Доклад ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с легализацией денежных средств, полученных преступных путем): Отмывание денег с использованием «карусельной» схемы уклонения от НДС. Париж: Секретариат ФАТФ. От 23 февраля 2007 г. 35 с.
8. НДС в Европе: изменения правил взимания с 2010 г., порядок оплаты и отчетность, Режим доступа: <http://www.legal-bridge.ru/presscenter/publications/Detail.php?ID=2860> (Дата обращения: 12.10.13).
9. Council Directive 2008/8/EC of 12 February 2008 amending Directive 2006/112/EC as regards the place of supply of services, Official Journal of the European Union, L 44, 20.2.2008, pp. 11–22.
10. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax, Official Journal of the European Union L 347, 11.12.2006, pp. 1–118.
11. Конвенция о взаимной административной помощи в налоговой области. Страсбург. 25 января 1988 г. Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/127.htm> (Дата обращения: 14.10.13).

12. Предложения Оуэнса-Мура по налоговому сотрудничеству G8 и G20 от 2013 г. Режим доступа: http://taxpravo.ru/novosti/statya-318797-predlozheniya_ouensa_mura_po_nalogovomu_sotrudnichestvu_g8_i_g20 (Дата обращения: 25.10.13).
13. В Вашингтоне завершилась встреча министров финансов и управляющих центральными банками G20. Режим доступа: <http://ru.g20russia.ru/news/20131011/783723959.html> (Дата обращения 25.10.13).
14. Саммит глав государств и правительств «Группы двадцати». Режим доступа: http://ru.g20russia.ru/events_summit/20130905/780953374.html (Дата обращения: 25.10.13).
15. Санкт-Петербургский план действий, Сентябрь, 2013 г. Режим доступа: <http://ru.g20russia.ru/load/783529890> (Дата обращения: 25.10.13).

Об авторе

Алиев Эльдар Базаргалиевич – аспирант кафедры европейского права МГИМО(У) МИД России.
E-mail: aliyeveldar84@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE OFFSHORE AREAS

E.B. Aliyev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Research issue raised in this paper is the most pressing at the moment because of international campaign to prevent money-laundering and tax evasion. From the solution to the problems that will be discussed here may depend the degree of how strong the whole state (country) may become. At the moment there is a legal knowledge gap on this matter caused by the lack of basic scientific research. In the first part of the paper the focus will be made on the definition of the "offshore mechanism" concept which will help to stay objective in further judgments on the phenomenon. Moreover, the author will carefully analyze what reasons push many companies and individuals to use this financial mechanism. In the second part of the paper the author will discuss about the fundamental problems in application of the services from offshore financial centers. Particularly, the author will describe the main application fields of this mechanism and the methods for the tax planning. In addition to that the author will investigate the application of European VAT system, and the ways it can be associated with the application of offshore mechanism under European Union. A special attention will be given to analyzing abuses associated with the usage of the European VAT system. Since only by knowing all these problems in details it will be possible to prevent such mistakes in future.*

Key words: capital, Europe, the EU, the offshore mechanism, tax haven, investment, the FATF, OECD, fraud, directive, resistance.

References

1. Nicolas Shekson. Lyudi obokravshie mir: pravda i vymysel o sovremennyh ofshornyh zonah [People who had robbed the world: the truth and fiction of the modern offshore]. Moscow, Kommersant Publ., 2012. 382 p.
2. Kabir L.S. Organizaciya offshornogo biznesa [Organization of the offshore business]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2002. 141 p.
3. Andrianov V.D. Rossiya: ekonomicheskii i investicionnyi potencial [Russia: economic and investment potential]. Moscow, Ekonomika Publ., 1999. 467 p.

4. Tunik I.U. Offshory: posobie po uvelicheniyu pribyli [Offshore: A guide to increase profit]. Moscow, Piter Publ., 2008. 234 p.
5. Business Virgin Islands. Internet – edition offshore.su, April 8, 2013 № 804329. Available at: <http://polpred.com/?cnt=201&fulltext=on#news>. Accessed October 10, 2013.
6. Ekaterina Utiralova. European VAT: confusing or convenient? Lawyer & Law (legal systems LEAGUE LAW), July 7, 2010, vol. 12 (in Russ.).
7. The report of the FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering) : Money laundering by using rotating schemes to avoid VAT. Paris: FATF secretary, February 23, 2007. 35 p.
8. VAT in Europe : changing the rules of collection since 2010, the order of payment and reporting. Available at: <http://www.legal-bridge.ru/presscenter/publications/Detail.php?ID=2860>. Accessed October 12, 2013.
9. Council Directive 2008/8/EC of 12 February 2008 amending Directive 2006/112/EC as regards the place of supply of services, Official Journal of the European Union, L 44, 20.2.2008, pp. 11–22.
10. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax, Official Journal of the European Union L 347, 11.12.2006, pp. 1–118.
11. The Convention on Mutual Administrative Assistance in Tax Matters. Strasbourg, January 25, 1988. Available at: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/127.htm>. Accessed October 14, 2013.
12. The suggestion of Owens&Moore on tax co-operation of the G8 and G20 in 2013. Available at: http://taxpravo.ru/novosti/statya-318797-predlozheniya_ouensa_mura_po_nalogovomu_sotrudnichestvu_g8_i_g20. Accessed October 25, 2013.
13. In Washington ended meeting of finance ministers and central bank governors of G20. Available at: <http://ru.g20russia.ru/news/20131011/783723959.html>. Accessed October 25, 2013.
14. The Summit of Heads of State and Government of the "Group of Twenty". Available at: http://ru.g20russia.ru/events_summit/20130905/780953374.html. Accessed October 25, 2013.
15. St. Petersburg Plan of Action , September, 2013. Available at: <http://ru.g20russia.ru/load/783529890>. Accessed October 25, 2013.

About the author

Eldar B. Aliyev – PhD student of the Department of European Law at MGIMO – University.
E-mail: aliyeveldar84@gmail.com

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА

А.В. Шашкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Настоящая статья посвящена проблеме ущемления конституционных прав граждан, которая непосредственно связана с борьбой с легализацией (отмыванием) незаконных доходов. Конституционный суд РФ (КС РФ) в 2013 г. сделал вывод о том, что федеральный законодатель при установлении правового механизма противодействия легализации полученных преступным путем доходов и воспрепятствования финансированию терроризма вправе предусматривать меры, направленные на предупреждение таких деяний и выявление совершающих их физических и юридических лиц. Он может обязать финансовые учреждения и другие организации, осуществляющие операции с денежными средствами, проводить идентификацию своих клиентов. В данной статье проводится анализ правовой позиции, которую автор не разделяет. Анализируя незаконную легализацию доходов, в особенности в контексте отказа от презумпции невиновности, автор указывает на намеренное корыстное преступление. Намеренность преступления установлена законодательно, то есть при сокрытии, непредставлении информации, приобретении или передаче имущества лицо должно понимать, что данное имущество имеет незаконное происхождение: имеется в виду направленность действия на сокрытие, прикрытие или помощь в отмывании незаконных доходов. При анализе российского и зарубежного законодательства в статье приводится характеристика следующих актов и принципов: специального законодательства по борьбе с незаконной легализацией, принципов приватности сделки, специального законодательства в рамках программы «Знай своего клиента». В статье рассматривается российский и зарубежный опыт решения проблемы борьбы с незаконным отмыванием доходов при одновременном соблюдении конституционных прав граждан.

Ключевые слова: легализация, отмывание, незаконные доходы, конституционные права, соблюдение конституционных прав, нарушение прав.

В большинстве государств, осуществляющих борьбу с отмыванием незаконных доходов, кроме специального законодательства, направленного непосредственно на борьбу с легализацией, существует законодательство, касающееся соблюдения прав и свобод человека и гражданина (например, в Австралии наряду с The Anti-Terrorism Act, 2005 в отношении предоставления информации о клиентах сходные вопросы регулирует The Privacy Act, 1988). В Великобритании, когда речь идет о предоставлении информации, лицо считается нарушившим законодательство только при одновременном соблюдении трех условий:

- такое лицо знает, подозревает, имеет веские причины для знания или подозрения, что другое лицо замешано в отмывании денег или иного имущества;

- информация или другие материалы, на которых базируется его знание или подозрение или которые являются веским основанием для такого знания или подозрения, поступили к нему в ходе его профессиональной деятельности;

- данное лицо не предоставило указанную информацию должным образом, как только получило информацию или другие материалы.

Это лицо не считается совершившим преступление, если у него есть веская причина не предоставлять информацию или другие материалы, а также в случае, если он является профессиональным юрисконсультантом и информация или другие материалы поступили к нему при конфиденциальных обстоятельствах. В Испании при рассмотрении уголовных дел, касающихся отмывания незаконных доходов, законодательство предусматривает возможность отступления от принципа презумпции невиновности [5, р. 8], то есть такое конституционное завоевание, как презумпция невиновности, теряет свою силу, если речь идет о легализации незаконных доходов. Бремя доказывания переносится на лицо, обвиняемое в отмывании доходов, но при этом требуется строгое соблюдение конституционных прав данных лиц [1].

Необходимо отметить, что, когда речь идет об отмывании денег, в особенности в контексте отказа от презумпции невиновности, то подразумевается только намеренное корыстное преступление. Намеренность преступления установлена законодательно, то есть при сокрытии, непредставлении информации, приобретении или передаче имущества лицо должно понимать, что данное имущество имеет незаконное происхождение. Здесь не имеет значения, о чем идет речь: об уклонении от уплаты налогов, сокрытии происхождения имущества или причинении вреда третьим лицам. Когда речь идет о намеренности, имеется в виду направленность действия на сокрытие, прикрытие или помощь в отмывании незаконных доходов.

Системный анализ данных актов зарубежного законодательства позволяет выделить следующие проблемы:

- специальным законодательством о борьбе с незаконной легализацией не предусмотрен четкий

перечень организаций, обязанных предоставлять информацию в орган финансового контроля, что влечет за собой размытость критериев выявления таких юридических лиц;

- во многих государствах действуют принципы приватности сделки (например, в Австралии National Privacy Principles составляют часть 1A The Privacy Act, 1988), в которых в том числе предусмотрено право лица не идентифицировать себя при совершении сделки [4];

- специальное законодательство в рамках программы «Знай своего клиента» предусматривает два вида идентификации: простую и расширенную. Поскольку в большинстве случаев простой идентификации недостаточно для того, чтобы убедиться в отсутствии отмывания денег, требуется расширенная идентификация, которая автоматически влечет за собой применение данной расширенной идентификации к абсолютному большинству клиентов. Более того, при применении рискованного подхода клиент, вероятнее всего, будет оценен как представляющий «высокий риск», что негативно влияет на клиента. Однако при этом сам клиент лишен возможности оспорить такую характеристику;

- отсутствие четких критериев оценки приводит к сверхинформированию, а впоследствии – невозможности отфильтровать информацию, действительно касающуюся легализации, от информации, предоставляемой организациями во избежание санкций за непредставление информации. Эту проблему также не могут устранить санкции за предоставление лишней информации, поскольку четко не определен критерий информации, которая должна предоставляться, в особенности в отношении подозрительных сделок;

- поскольку информация, предоставляемая в орган финансового мониторинга, носит скрытый характер, отсутствует возможность апелляции со стороны клиента. Кроме того, она имеет оценочный характер, что приводит к дискриминации при оценке клиента по мотивам расы, внешности или поведения. А это уже является прямым нарушением естественных прав человека, закрепленных в международных документах:

- Всеобщей декларации прав человека 1948 г.;

- Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г.;

- Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.;

- Проекте норм, касающихся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека 2003 г.;

- Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Информация может использоваться не только для целей борьбы с легализацией, но и, например, для злоупотребления этой информацией. Это происходило не только на российском рынке «Горбушка», но и в других государствах в аналогичной общедоступной форме (знаменитый революционный «рынок» образовался на рубеже смены политической власти – это был своего рода бунт

молодежи против «устаревших» мастодонтов). С развалом СССР на Москву обрушилась волна музыки, фильмов, картриджей для приставок и самих приставок. На «Горбушке» можно было купить и в настоящее время можно купить все, что угодно, от шариковой ручки до диска с базой данных Банка России.

В настоящее время в России можно выделить далеко не единичные случаи судебной практики, когда суды четко признают нарушения конституционных прав граждан. Наибольшее бремя здесь падает на банки. Банки вынуждены вводить какие-то несусветные ограничения, потому что в одном законе пишется одно, в другом – другое. И никто не знает, как это все реализовывать [6].

Согласно решению Центрального районного суда города Волгограда, вынесенному 4 февраля 2012 г. по иску гражданки Петровой О.И. к волгоградской филиалу Промсвязьбанка, суд признал незаконным отказ банка выдать физическому лицу с его счета наличные деньги в размере 1,35 млн рублей. Причиной отказа в выдаче денег стало непредставление клиентом по требованию банка документов, подтверждающих происхождение денежных средств. Как пояснил в суде представитель Промсвязьбанка, банк действовал в рамках Федерального закона № 115-ФЗ. Поскольку на счет госпожи Петровой неоднократно поступали крупные суммы денег, которые снимались исключительно наличными, очередная такая операция вызвала у банка подозрения в незаконном происхождении денег. В связи с тем, что запрошенные банком документы о происхождении денег и справку о своих доходах госпожа Петрова не представила, операции по ее счету были приостановлены на неопределенный срок.

Суд счел действия банка неправомерными по следующим причинам. Согласно ст. 845 ч. 3 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), банк не вправе контролировать либо ограничивать использование клиентских средств. Перечень документов, из-за отсутствия которых банк может отказать в совершении операции по счету, действительно установлен Федеральным законом № 115-ФЗ, но является закрытым и не включает затребованные Промсвязьбанком документы. Приостановление же операций по счету без особых указаний регулятора допускается законом максимум на два дня.

В результате суд пришел к выводу, что банк, стремясь выполнить Федеральный закон № 155-ФЗ, его же и нарушил, не говоря уже о ГК РФ и законе РФ «О защите прав потребителей».

Данный пример свидетельствует о прямом нарушении конституционных прав личности при попытке соблюсти законодательство по борьбе с отмыванием незаконных доходов. Отказ в выдаче наличных средств является достаточно распространенным способом соблюсти Федеральный закон № 155-ФЗ. С тех пор как прямые услуги банков по обналичиванию средств подорожали, банки столкнулись с тем, что для отмывания стали активно использоваться вклады и текущие счета.

Рекомендованный Банком России метод борьбы с этим явлением через заградительные тарифы отпугивает и «хороших» клиентов. Работа же с «плохими», даже при своевременном уведомлении Росфинмониторинга о сомнительных операциях, чревата если не отзывом лицензии, то серьезным репутационным риском.

Законодательство идет по пути совершенствования. С 1 ноября 2010 г. были введены новые правила «обмена иностранной валюты»: обменные пункты были либо закрыты, либо переведены в статус внутренних структурных подразделений банков (Указание ЦБ РФ №2423-У от 2 апреля 2010 г.). Это дало государству возможность контролировать наличные денежные потоки иностранной валюты, но, по мнению автора, отнюдь не облегчило участь банков. Попытки банков под угрозой жестких санкций регуляторов «перевыполнить» антиотмывочный закон фактически приводят к сбоем в осуществлении нормальной экономической деятельности [14, р. 454]. Так, помимо проблем со снятием наличных физические лица испытывают огромные проблемы с проведением безналичных платежей.

Банк России слишком высокими требованиями по выполнению Федерального закона № 115-ФЗ под угрозой отзыва лицензии попросту загоняет банки в угол. Здесь требуются изменения законодательства, которые, например, позволят банкам отказывать в открытии счетов в одностороннем порядке. В соответствии с различными инструкциями Банка России при осуществлении физическим лицом переводов денежных средств без открытия банковских счетов, банковских операций и иных сделок с наличной иностранной валютой банки обязаны проводить процедуру идентификации физического лица (Инструкция Банка России №113-И от 28 апреля 2004 г.).

Также на банках лежит обязанность идентифицировать клиентов, обслуживаемых с использованием технологий дистанционного банковского обслуживания (Письмо ЦБ РФ №115-Т от 30 августа 2006 г.). Здесь необходимо учитывать, что выдаваемые банком личные пароли и коды доступа могут быть переданы иному «подставному» лицу, которое будет осуществлять от имени идентифицированных ранее лиц все операции. По мнению автора, у банков не всегда имеется возможность отследить такую передачу. Следовательно, необходимо законодательно закрепить исчерпывающий перечень мер, принятие которых кредитными организациями будет признаваться Банком России надлежащим исполнением требований по борьбе с отмыванием незаконных доходов [11, р. 17]. Логика должна работать следующим образом: если происхождение средств клиента законно (а это презюмируется, поскольку клиент идентифицирован банком), то и распоряжение такими средствами законно.

Идентификация юридического лица связана с дополнительными проблемами: банковские служащие проводят идентификацию «виртуально», путем оценки представленных документов.

Однако и «физическая» оценка, такая, как выезд в адрес регистрации юридического лица, может иметь место (Рекомендации Банка России №137-Т и Положение ЦБР №262-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов и выгодоприобретателей в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 19 августа 2004 г.). Важным представляется идентификация физических лиц, осуществляющих контроль над таким юридическим лицом. Отсюда автор делает вывод о том, что для идентификация клиента – юридического лица определяющее место занимает идентификация физических лиц, выступающих представителями юридического лица в отношениях с банком.

Проблемой для банков является то, что их наказывают как в случае нарушений нормативных актов Банка России, так и в случае нарушения актов, не носящих нормативного характера. В качестве примеров можно привести письма №98-Т, 12-Т, 17-Т, 99-Т, 161-Т. Все это методические рекомендации, не носящие нормативного характера.

Неоднократно подавались жалобы в КС РФ о конституционности различных статей Федерального закона № 115-ФЗ, в том числе пп. 1 п. 1 ст. 7, согласно которому организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, обязаны идентифицировать находящееся на обслуживании лицо и установить в отношении физического лица фамилию, имя, а также отчество (если иное не вытекает из закона или национального обычая), гражданство, реквизиты документа, удостоверяющего личность, данные миграционной карты, документа, подтверждающего право иностранного гражданина или лиц без гражданства на пребывание (проживание) в РФ, адрес места жительства (регистрации) или места пребывания, идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

Например, по мнению заявителя, в данном случае названное законоположение ограничивает право собственности несоразмерно конституционно защищаемым целям, а потому противоречит ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции РФ (Определение КС РФ № 519-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубка Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 1 декабря 2005 года.)).

Согласно правовой позиции КС РФ, право частной собственности не относится к тем правам, которые в соответствии со ст. 56 (ч. 3) Конституции РФ не подлежат ограничению ни при каких условиях (Постановление КС РФ № 20-П от 17 декабря 1996 г., Постановление КС РФ № 14-П от 12 мая 1998 г., Постановление КС РФ № 8-П от 14 мая 1999 г., Постановление КС РФ № 3-П от 24 февраля 2004 г.). При этом в соответствии с позицией КС

РФ как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ, в том числе ее ст. 55 (ч. 3), устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как указал КС РФ, с положением ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ корреспондируют нормы международного права и международные договоры РФ, в соответствии с которыми при осуществлении своих прав и свобод человек может подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом и необходимы для:

- обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц;
- охраны государственной (национальной) безопасности;
- сохранения территориальной целостности, публичного (общественного) порядка;
- предотвращения преступления;
- защиты здоровья или нравственности населения (добрых нравов);
- удовлетворения справедливых требований морали и общего благосостояния в демократическом обществе (п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, п. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 2 ст. 10 и п. 2 ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также п. 3 ст. 2 Протокола № 4 к ней).

Исходя из этого, КС РФ сделал вывод о том, что федеральный законодатель при установлении правового механизма противодействия легализации полученных преступным путем доходов и воспрепятствования финансированию терроризма вправе предусматривать меры, направленные на предупреждение таких деяний и выявление совершающих их физических и юридических лиц. Он может обязать финансовые учреждения и другие организации, осуществляющие операции с денежными средствами, проводить идентификацию своих клиентов.

По мнению КС РФ, которое автор не разделяет, оспариваемое законоположение служит общественным интересам и направлено на реализацию участниками гражданского оборота взаимных прав и обязанностей, не может рассматриваться как нарушающее конституционное право собственности, гражданско-правовой принцип свободы договора и автономии воли стороны такого договора и тем самым – как противоречащее Конституции РФ, ее ст. 17 (ч. 1 и 3), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3).

Делая такое заключение, КС РФ снял с себя ответственность за весьма спорное толкование законодательства РФ в отношении борьбы с незаконным отмыванием, отказывая в рассмотрении указанной жалобы. По мнению КС РФ, никаких

■ Право

неопределенностей в вопросе соответствия Конституции РФ данного законодательства не существует. Что касается дальнейшего ограничения конституционных прав граждан, то в России также можно выделить ряд оперативно-розыскных мероприятий, «острых» оперативно-розыскных мероприятий, а также иных мероприятий, значительно лимитирующих такие права:

- обследование жилых помещений;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи [13, р. 207];
- проверочная закупка;
- оперативное внедрение;
- контролируемая поставка;
- оперативный эксперимент;
- опрос;
- наведение справок;
- сбор образцов для сравнительного исследования;
- наблюдение;
- отождествление личности (оперативное опознание);
- обследование нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Из рассмотренного вытекает вывод о необходимости совершенствования российского законодательства для установления четких рамок борьбы с незаконным отмыванием и соблюдения конституционных прав личности. Кроме того,

автор предлагает изменить терминологию законодательства: в названии 115-ФЗ термин «доход» заменить на термин «имущество». Термин «доход» имеет экономико-правовой смысл, отвечающий целям налогового и бюджетного регулирования, однако не работающий в концепции незаконного отмывания [5]. Данная терминологическая проблема, однако, присутствует и на международном уровне [12, р. 24–25].

«Понятие незаконных доходов, принятое в российском уголовном законодательстве, в буквальном толковании может привести к тому, что уголовное преследование будет возбуждено в отношении лиц, совершивших гражданско-правовые нарушения закона либо административные правонарушения, что приведет к излишним репрессиям». Действие уголовного закона, по мнению автора, должно быть направлено на лишение экономической базы организованной преступности, а не на пресечение мелких правонарушений.

Следующим предложением автора является концептуальная замена способа приобретения имущества: не противозаконным, а противоправным путем. Это позволит расширить спектр данного имущества, поскольку далеко не все имущество, приобретенное противозаконным путем, является приобретенным противоправно. Здесь автор подчеркивает нелегитимную природу объекта незаконного отмывания. И, конечно же, создание эффективной и действенной законодательной базы по данному вопросу необходимо, так же как и реальное международное сотрудничество по данному вопросу.

Список литературы

1. Amedeo Argentiero, Michele Bagella, Francesco Busato. Money Laundering as a Financial Sector Crime. A New Approach to Measurement, with an Application to Italy. Springer Science. European Journal of Law and Economics. 26/2008. p. 341-359.
2. Bagella M., Becchetti L. Esternalita Regionali ed Effetti Economici della Regolamentazione contro il Riciclaggio. VI Rapporto Fondazione Rosselli. Dalla banca alla eurobank: Nuevo mercati e regole. Edibank. Ed. 2. 2001.
3. Coeman, James W. The Criminal Elite. St. Martin's Press. New York. 1985. p. 260.
4. Elliott M. Case and Comment // Cambridge Law Journal. 2006. 65(1). March. P. 1–51.
5. Juan Pablo Rodríguez Cárdenas. El Manejo de la Prueba en Términos de Auditoría Forense para los Casos de Lavado de Activos. 2009. Caracas : IDEAF. P. 1-8.
6. Tanzi V. Uses and abuses of estimates of the underground economy. Economic Journal. Ed. 109. 2004. P. 338-347.
7. Zizza R. Metodologie di stima dell'economia sommersa: un'applicazione al caso italiano, mimeo, Banca d'Italia. 2002. P. 1-16.
8. Аграновский А.В. Об обязанностях адвокатов по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Право и экономика. 2004. №11. С. 69-70.
9. Безлепкин Б.Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура в России: учебник. М.: Юрист, 2001. С. 349.
10. Голованов Н.М. Теневая экономика и легализация преступных доходов. Закон и практика. Питер, 2003. С. 303.
11. Завойкина Н. Требуется идентификация. М.: ЭЖ-ЮРИСТ, 2006. №37. С. 17.
12. Иванов Э.А. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним. М.: Российский издательский дом, 1999. С.176.
13. Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. СПб., 2002.С. 448.
14. Шашкова А.В. Russian Business Law. М.: Линкор, 2007. С. 483.

Об авторе

Шашкова Анна Владиславовна – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России, адвокат Адвокатской палаты Московской области, почетный консул Сент-Винсента и Гренадин. Сфера научных интересов включает правовое регулирование противодействия отмыванию незаконных доходов, а также более широкие вопросы финансового и предпринимательского права. E-mail: ashashkova@inno.mgimo.ru

MONEY LAUNDERING AND CONSTITUTIONAL RIGHTS

A.V. Shashkova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The present article is dedicated to the problem being side-effect and directly related to the anti-money laundering fight: the infringement of the constitutional rights. In 2013 the Constitutional Court of the Russian Federation gave the judgment that the Federal law has a discretionary power to provide in the legislation certain methods preventing terrorism financing and money laundering, obliging financial and other institutions, conducting money transfers to identify their clients. The analysis of such position is given in the present article. The author does not share such position. Analyzing money-laundering especially in the context of renunciation of presumption of innocence, the author shows the deliberate crime. Such deliberate aim shall be stated in the legislation, that means that while concealing, non-reporting, taking or granting funds the person shall mentally understand the illegal origin of such funds: actions shall be dedicated to concealing, covering or assistance in money-laundering. The article analyses Russian and foreign legislation in dealing with the matter, their principles and acts: special legislation on money-laundering fight, privacy principles, special legislation on "know you customer" programme. The author researches Russian and foreign experience in dealing with anti money-laundering taking into account observance of constitutional rights of people.*

Key words: money-laundering, illegal income, constitutional rights, observance of the constitutional rights, infringement of rights.

References

1. Amedeo Argentiero, Michele Bagella, Francesco Busato. Money Laundering as a Financial Sector Crime. A New Approach to Measurement, with an Application to Italy. Springer Science. European Journal of Law and Economics. 26/2008. p. 341-359.
2. Bagella M., Becchetti L. Esternalita Regionali ed Effetti Economici della Regolamentazione contro il Riciclaggio. VI Rapporto Fondazione Rosselli. Dalla banca alla eurobank: Nuevo mercati e regole. [Regional Review on the Economic Effects of Money-Laundering. VI Report of Roselli Foundation. About Eurobank: New Markets and Regulations]. Edibank. Ed. 2. 2001.
3. Coeman, James W. The Criminal Elite. St. Martin's Press. New York. 1985. p. 260.
4. Elliott M. Case and Comment. Cambridge Law Journal. 2006. 65(1). March. P. 1–51.
5. Juan Pablo Rodríguez Cárdenas. El Manejo de la Prueba en Términos de Auditoría Forense para los Casos de Lavado de Activos. [Court Administration on Money-Laundering]. 2009. Caracas : IDEAF. p. 1-8.
6. Tanzi V. Uses and abuses of estimates of the underground economy. Economic Journal. Ed. 109. 2004. P. 338-347.

7. Zizza R. Metodologie di stima dell'economia sommersa: un'applicazione al caso italiano, mimeo, Banca d'Italia. [Methodology of Estimation of Shadow Economy in Italy, Bank of Italy]. 2002. p. 1-16.
8. Agranovskij A.V. Ob objazannostjah advokatov po protivodejstvu legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem. [On the Obligations of Lawyers in Case of Money-Laundering.]. Pravo i jekonomika. 2004. №11. p. 69-70 (in Rus.).
9. Bezlepkina B.T. Sudebnaja sistema, pravoohranitel'nye organy i advokatura v Rossii: uchebnik. [Judicial System, Prosecution and Lawyers in Russia.]. M.: Jurist. 2001. p. 349 (in Rus.).
10. Golovanov N.M. Tenevaja jekonomika i legalizacija prestupnyh dohodov. [Shadow Economy and Money-Laundering.]. Zakon i praktika. 2003. Piter. P. 303.
11. Zavojkina N. Trebuetsja identifikacija.[Identification Required.]. M.: JeZh-JuRIST. №37. 2006. P. 17.
12. Ivanov Je.A. Otmyvanie deneg i pravovoe regulirovanie bor'by s nim. [Money-Laundering and Legal Regulations Thereof.]. M.: Rossijskij izdatel'skij dom. 1999. P.176
13. Mihajlov V.I. Protivodejstvie legalizacii dohodov ot prestupnoj dejatel'nosti. [Anti Money-Laundering.]. SPb. 2002. P. 448.
14. Shashkova A.V. Russian Business Law. M: Linkor. 2007. p. 483.

About the author

Anna V. Shashkova – Associate Professor of the Chair of Constitutional Law of MGIMO-University, Candidate of Law, Moscow Region Bar Lawyer, Honorary Consul for St. Vincent and the Grenadines.
E-mail: ashashkova@inno.mgimo.ru

РОЛЬ И МЕСТО НЕМЕЦКОГО НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В НАУЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ

Е.А. Водяницкая

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Данная статья посвящена анализу роли и места Немецкого научно-исследовательского сообщества как одной из ведущих организаций поддержки науки в научной политике Германии. В ней подробно рассматривается внутренняя структура сообщества, которая включает такие органы, как Генеральная ассамблея, Исполнительный комитет, Сенат, Совместный комитет и бюро, экспертные советы, а также порядок их формирования и компетенция. Природа ННИС как организации поддержки науки наиболее полно раскрывается через его цели и задачи, закрепленные в Уставе ННИС. К ним относится развитие всех отраслей науки посредством финансовой поддержки научно-исследовательских проектов и содействия сотрудничеству между учеными и исследователями, подготовка молодых ученых, международное научное сотрудничество и внедрение знаний из области фундаментальной науки в практику. ННИС также поддерживает равные возможности для мужчин и женщин в научном сообществе и консультирует органы государственной власти по вопросам научной политики. Особое внимание уделяется взаимодействию ННИС с государственными органами федерации и земель, в том числе в вопросах финансирования науки и образования и участия сообщества в Федеральной государственной программе «Exzellenzinitiative». Также автор затрагивает дискуссионный вопрос о соответствии организационно-правовой формы ННИС его деятельности, поскольку ННИС является частноправовой ассоциацией в форме зарегистрированного общества, членами которой являются преимущественно университеты, а также иные научно-исследовательские учреждения. Наконец, в статье проводится сравнение сообщества с аналогичными организациями в других европейских странах, в частности с Датским агентством по науке, технологиям и инновациям и французским Национальным агентством исследований. В статье автор приходит к ряду выводов относительно необходимости большей прозрачности процедуры ННИС и раскрытия информации о причинах отклонения заявок, а также введения эффективных механизмов правовой защиты заявителей в данном случае.

Ключевые слова: научные фонды, научная система Германии, научная политика, Немецкое научно-исследовательское сообщество, структура ННИС, цели и задачи ННИС, организационно-правовая форма ННИС.

Немецкое научно-исследовательское сообщество (ННИС) появилось в 1951 г. и является преемником Общества поддержки немецкой науки (ОПНН), созданного в 1920 г. ННИС является основной научной организацией Германии, выделяющей средства на поддержку всех направлений науки, как естественных, так и гуманитарных. По своему статусу ННИС является частноправовой ассоциацией, финансируемой преимущественно из государственного бюджета. Его задачей является прежде всего финансовая поддержка научно-исследовательских проектов в вузах и государственных научно-исследовательских учреждениях. По причине широкой независимости научного сообщества в вопросах распределения денежных средств ННИС рассматривается как самоуправляющаяся научная организация.

ННИС имеет долгую историю. Предшествовавшая ему организация существовала еще в Веймарской республике. С образованием ФРГ деятельность ННИС активизировалась и со временем заслужила всеобщее признание. Кроме того, организация послужила примером мировому сообществу – по ее образцу в 2006 г. был создан Европейский исследовательский совет – первая общеевропейская организация, призванная стимулировать развитие научно-исследовательской деятельности в Европейском союзе, а также аналогичные организации в некоторых странах.

Структура ННИС

ННИС имеет организационно-правовую форму зарегистрированного общества и представляет собой ассоциацию немецких университетов, научно-исследовательских институтов, академий и других научных организаций. В качестве членов в ННИС могут быть приняты:

- университеты, которые являются центрами научных исследований общего значения;
- другие научно-исследовательские учреждения;
- академии, участвующие в конференции академий наук ФРГ;
- научные (академические) ассоциации общего значения, которые служат целям организационно-правовой формы ассоциации (Verein).

Прием новых членов осуществляется решением Генеральной ассамблеи большинством голосов ее членов. Заявки на участие должны быть представлены Генеральной ассамблее с предварительным заключением Сената. Важную роль в ННИС играет широкий избирательный процесс, в котором принимают участие как официальные представители научных организаций, так и рядовые ученые, то есть научное сообщество в целом. Процедуры экспертизы проектов и принятия решений о финансировании тесно вплетены в систему «научной демократии» и прямо связаны с выборным процессом, формирующим управляющие органы ННИС.

Управляющими органами ННИС являются Генеральная ассамблея, Исполнительный коми-

тет (Президиум), Сенат, Совместный комитет и бюро, а также экспертные советы [5]. Генеральная ассамблея состоит из представителей организаций – членов ННИС – немецких вузов, научно-исследовательских учреждений, академий и научных объединений. Каждая из организаций-членов направляет одного представителя. Заседания ассамблеи проводятся раз в год, их созывает президент ННИС. Общее собрание должно быть также созвано по требованию Президиума, Совместного комитета или 1/3 членов ННИС. На заседание Генеральной ассамблеи приглашаются члены Президиума и Совместного комитета с правом совещательного голоса. На заседании Генеральной ассамблеи председательствует президент ННИС.

Генеральная ассамблея определяет руководящие принципы деятельности ННИС, утверждает ежегодный доклад и финансовую отчетность, представляемые Исполнительным советом, а также избирает президента и других членов Исполнительного совета и Сената и осуществляет контроль их деятельности. Срок полномочий избранных членов длится до следующего заседания Генеральной ассамблеи, на котором проходят выборы новых членов. Генеральная ассамблея также обладает правом принимать в ННИС новых членов и изменять уставные документы.

Исполнительный комитет (Президиум) является постоянно действующим органом, который представляет ННИС во всех отношениях с гражданами, организациями и государственными органами. Он состоит из президента, являющегося высшим должностным лицом ННИС, и вице-президентов, количество которых устанавливает Генеральная ассамблея, а также генерального секретаря. Срок полномочий президента и вице-президентов составляет три года. В состав Исполнительного комитета также входит президент Ассоциации поддержки немецкой науки (АПНН) с правом совещательного голоса. Исполнительный комитет отвечает за управление текущей деятельностью ННИС. Сенат и Совместный комитет могут передавать ему вопросы на самостоятельное рассмотрение. Члены Исполнительного комитета принимают участие в заседаниях Сената и Совместного комитета, а также любого иного комитета с правом совещательного голоса.

Ежедневную деятельность ННИС осуществляет через штаб-квартиру (бюро) в Бонне, которую возглавляют президент и генеральный секретарь организации. Генеральный секретарь назначается по предложению Исполнительного комитета Совместным комитетом ННИС. Он принимает участие в заседаниях Исполнительного комитета с правом совещательного голоса, а также может участвовать в заседаниях всех других органов ННИС. Около 700 сотрудников бюро полностью обеспечивают процедуры подачи заявок, их экспертизы и финансирования отобранных проектов.

Сенат является формирующим научную политику ННИС органом и состоит из 39 членов. В него входят по должности президент Ассоци-

ации ректоров, председатель Союза академий наук и президент Общества им. Макса Планка. Президенты ассоциаций им. Гельмгольца и им. Фраунгофера, а также председатель Немецкого научного совета имеют статус приглашенных членов. Остальные члены Сената избираются Генеральной ассамблеей сроком на три года, каждый год 1/3 из них подлежит переизбранию. При избрании членов Сената должно учитываться разумное распределение по отраслям гуманитарных, естественных и прикладных наук, в том числе технических и сельскохозяйственных, а также должны приниматься во внимание как научные исследования в рамках вузов, так и независимые исследования.

Для выборов Сенат представляет Генеральной ассамблее список предлагаемых кандидатур, который содержит, как правило, по три имени на каждое вакантное место. Немедленное переизбрание допускается только в том случае, если Сенат предложит тайное голосование по этому вопросу при отсутствии голосов против. Заседания Сената созываются президентом. Он также обязан созвать Сенат по требованию не менее одной трети его членов. В полномочия Сената входит формирование научной политики ННИС, определение числа и специализации экспертных советов, предоставление консультаций федеральным и земельным государственным органам по научным вопросам и представление интересов немецкой науки в отношениях с зарубежными научными учреждениями. При формировании экспертных советов Сенат должен следить за тем, чтобы они охватывали все отрасли научных знаний и учитывали научные интересы как отдельных дисциплин, так и междисциплинарных проектов. Сенат в рамках своих полномочий может создавать комитеты, члены которых могут не входить в Сенат.

Совместный комитет является главным финансовым органом ННИС. В него входят члены Сената, представители Федерального правительства, обладающие при принятии решений блокирующим голосом (их голоса приравниваются к 16 голосам других членов), представители 16 земель Германии и два представителя АПНН. Совместный комитет отвечает за финансовую поддержку научных исследований ННИС путем принятия окончательных решений о финансировании проектов. Он решает вопросы развития политики финансирования ННИС, ее планирования и осуществления программ поддержки науки на основе решений Сената. При этом он должен беспристрастно взвешивать потребности различных отраслей науки и заботиться о целесообразном использовании имеющихся ресурсов, а также по возможности учитывать предложения комитетов. Совместный комитет в рамках своих полномочий может создавать комитеты, члены которых могут не входить в Совместный комитет.

Кроме того, в структуре ННИС выделяются также экспертные советы, задачей которых, согласно § 8 Устава ННИС, является научная экспертиза заявок и научных проектов. В осу-

ществлении их функций им оказывают поддержку независимые эксперты и контролеры. Члены экспертных советов избираются, согласно §9 Устава, учеными-специалистами в соответствующей научной дисциплине каждые четыре года на основании Положения о выборах, принятого Сенатом ННИС [6]. Переизбрание возможно только один раз. Список кандидатов составляется Сенатом ННИС. В выборах участвуют все научные работники организаций – членов ННИС и других исследовательских центров, допущенных до выборов Сенатом. Согласно Положению о выборах, правом голоса обладают все немецкие ученые, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью и получившие ученую степень доктора наук не менее года назад. При голосовании применяется так называемый кумулятивный вотум – каждый избиратель обладает шестью голосами, которые он может распределить между кандидатами по своему усмотрению. За одного кандидата разрешено подавать до трех голосов.

Цели и задачи ННИС

Устав ННИС перечисляет основные задачи Немецкого научно-исследовательского сообщества. Ст. 1 Устава закрепляет, что ННИС способствует развитию всех отраслей науки посредством финансовой поддержки научно-исследовательских проектов и содействия сотрудничеству между учеными и исследователями. Оно уделяет особое внимание поддержке и подготовке молодых ученых, международному научному сотрудничеству и внедрению знаний из области фундаментальной науки в практику. ННИС также поддерживает равные возможности для мужчин и женщин в научном сообществе и консультирует органы государственной власти по вопросам научной политики [5].

При реализации своих целей и задач ННИС активно сотрудничает с другими научными организациями Германии. При этом центрами научных исследований ННИС считает университеты, в которых наиболее оптимально соединяется практическая научная работа и изучение теории и на базе которых чаще всего проводятся междисциплинарные исследования. Поэтому около 90% выделяемых ННИС средств идет на поддержку вузов, в то время как остальная часть средств расходуется прежде всего на поддержку молодых ученых и укрепление связей с научными организациями по стране. При этом из 96 организаций, входящих в ННИС, более 2/3 являются университетами или иными учебными учреждениями. Они могут выступать в качестве заявителей для получения финансирования ННИС на различные проекты, однако прежде всего они принимают участие в осуществлении управленческих функций ННИС. В рамках Генеральной ассамблеи они участвуют в принятии решений по управлению кадрами, утверждению бюджета, а также определяют, согласно Уставу, основные направления работы ННИС.

■ Наукоедение

Учебные учреждения–члены ННИС находятся в русле последних инновационных процессов и тенденций развития научной системы, апробируя их на себе, – таких, как углубление профилирования, интернационализация, усиление автономии вузов, ориентация на возрастающую конкуренцию. ННИС содействует проведению исследований во всех областях науки. Это включает в себя финансирование отдельных научных проектов и сотрудничество в области комплексных исследований, вручение премий за выдающиеся научные результаты, а также финансирование строительства необходимой научным учреждениям инфраструктуры и содействие налаживанию научно-образовательных связей.

В науке постоянно происходят новые открытия, которые могут быть полезны для экономики или общества. В этом ННИС видит большой, еще недостаточно исследованный потенциал результатов, которые могут быть достигнуты в совместных проектах с различными партнерами. Поэтому ННИС ставит перед собой цель поддерживать передачу знаний, полученных при реализации научно-исследовательских проектов, финансируемых ННИС, из области фундаментальной науки в производство, а также информационный обмен между учеными и другими, в том числе зарубежными партнерами.

При этом для наиболее полного использования своего научного и творческого потенциала ученым необходимо иметь равные возможности и равное положение в науке. Рабочие группы, где собраны ученые разного возраста, пола или национальности, выгодно отличаются из-за разнообразия точек зрения, опыта и квалификации своих членов через творчество и инновации. Так, равенство оказывает положительное влияние на качество исследований и приносит значительную добавленную стоимость. Поэтому одной из задач ННИС является поддержка равных возможностей в науке для мужчин и женщин, а также проведение в жизнь принципа недискриминации по какому-либо основанию, не имеющим отношения к науке, таким, как пол, этническое происхождение, возраст или состояние здоровья. Все программы финансирования ННИС открыты также для инвалидов и хронически больных ученых.

Одной из главных задач ННИС является поддержка связей немецкой научной системы с зарубежной наукой (ст. 1 Устава ННИС). Для более эффективного выполнения данной задачи ННИС поддерживает и развивает сотрудничество с рядом зарубежных партнеров на всех континентах и во всех направлениях финансирования науки и образования: наряду с совместным финансированием научных проектов с государствами Евросоюза сообщество тесно сотрудничает с развивающимися странами в рамках многосторонних проектов и научных совещаний. Проекты сотрудничества с зарубежными партнерами, как правило, поддерживаются по принципу взаимной ответственности: ученые, работающие в Германии, обращаются за поддержкой к ННИС, а их

партнеры по таким проектам за рубежом – к организациям поддержки науки в их собственной стране. Это действует в особенности в отношении учреждений, с которыми ННИС заключило соглашение о совместном финансировании научного сотрудничества.

При этом в центре международной стратегии ННИС стоят следующие принципы. Сотрудничество осуществляется прежде всего между учеными, а не между научными организациями и институтами. Основой международных связей выступает двустороннее сотрудничество на уровне совместных проектов. ННИС стремится к тому, чтобы все перспективные и важные проекты, реализация которых зависит от сотрудничества на международном уровне, были воплощены в жизнь. Поэтому такому сотрудничеству может быть оказана поддержка в рамках любых программ ННИС, включая прямое выделение средств партнерам за рубежом.

Инструменты поддержки науки ННИС не различаются на «национальные» и «интернациональные», поскольку сообщество финансирует практически только немецкие научные учреждения. Вместе с тем эти учреждения получают в рамках прямого финансирования ННИС также средства, необходимые для международного сотрудничества (оплата издержек на связь, командировки, размещение иностранных коллег и т.п.). Кроме того, ННИС осуществляет также косвенную поддержку международного научного сотрудничества через:

- заключение соглашений о сотрудничестве и проведение совместных конкурсов (выделение грантов). Поддержка международного научного сотрудничества может осуществляться как в рамках отдельных проектов, так и в скоординированных программах (SFB, GraKo, FOR, SPP и т.д.). Например, с 1995 г. ННИС поддерживает сотрудничество с Израилем и Палестиной на трехсторонней основе. ННИС содействует также проведению исследований в Африке и сотрудничеству с африканскими учеными. С 2007 г. начался проект по поддержке развития инфекционной биологии и медицины в странах Африки, который должен способствовать развитию научных исследований и приросту числа ученых в этих государствах;

- проведение международной экспертизы (вовлечение зарубежных экспертов в процедуру проведения экспертизы заявок ННИС);

- поддержку наднациональной конкуренции в рамках программ Европейского исследовательского совета (прежде всего по поддержке молодых ученых из третьих стран). ННИС оказывает поддержку науке на европейском уровне на основе научной конкуренции, участвуя в нескольких двусторонних и общеевропейских программах, способствующих активному научному сотрудничеству между государствами. Также ННИС реализует программы научного партнерства со странами Центральной и Восточной Европы;

- способствование самоуправлению науки в Европе посредством так называемых EUROCORES

(Европейских совместных исследовательских программ), созданных в 2000 г. Европейским научным фондом и направленных на поддержку тематического сотрудничества в отдельных отраслях науки на европейском уровне. ННИС участвует в 15 таких программах;

– поддержку молодых ученых. Так, длительные зарубежные командировки зачастую являются неотъемлемой частью научной карьеры. ННИС совместно с Германской службой академических обменов (DAAD) и Фондом им. Александра фон Гумбольдта предоставляет различные программы по проведению краткосрочных и долгосрочных исследований за рубежом. В рамках стипендий ННИС ученые, которые интегрированы в немецкую научную систему, получают возможность более длительного пребывания за рубежом для завершения исследований. При этом стипендиаты таких программ зачастую не стремятся возвращаться в Германию для продолжения научной карьеры. Поэтому задача ННИС заключается также в информировании молодых ученых о профессиональных и карьерных возможностях в ФРГ, что происходит на различных мероприятиях типа ярмарок вакансий или дней карьеры по всему миру или через представительства ННИС за рубежом. Это распространяется и на молодых ученых из-за рубежа, которые с помощью различных программ ННИС имеют возможность получить дополнительное образование или устроить свою научную карьеру в Германии.

Взаимодействие ННИС с федерацией и землями

ННИС осуществляет тесное взаимодействие с федерацией и землями, поскольку реализация стоящих перед сообществом задач возможна только при определенном финансировании со стороны государства. При этом необходимо отметить два момента. Во-первых, ННИС пользуется относительной свободой в распределении полученных от государства финансовых средств, что позволяет ему ориентироваться строго на приоритетные и выдающиеся исследования. Во-вторых, стабильность такого финансирования, гарантированная Пактом об исследованиях и инновациях, дает возможность обеспечить долгосрочный характер поддержки, оказываемой ННИС отдельным проектам и отраслям научных знаний.

Другим важным аспектом взаимодействия ННИС и государства являются упомянутые в Уставе консультации по вопросам научной политики. На практике ННИС располагает целым механизмом основанного на научных исследованиях консультирования, который способен быстро реагировать на возникающие проблемы научной политики. Согласно изменениям, внесенным в Устав ННИС в 2002 г., Совместный комитет ННИС также отвечает теперь за принятие решений по основным вопросам, касающимся финансирования науки.

В 2004 г. ННИС располагало бюджетом в 1,3 млрд евро, из них 58% средств поступило из феде-

рального бюджета, почти 41% из бюджетов земель и совсем небольшую часть составили поступления из иных источников и собственных доходов.

Контроль за расходованием бюджетных средств ННИС осуществляется непосредственно федерацией и землями, которые имеют своих представителей в Совместном комитете. Кроме того, в финансовом контроле участвуют также внутренняя ревизионная служба ННИС, Совместная комиссия федерации и земель по образованию и развитию науки, ежегодная аудиторская проверка деятельности ННИС и Федеральная счетная палата.

Важная роль ННИС в немецкой научной системе нашла отражение в Федеративной реформе 2006 г. Согласно ст. 91б Основного закона ФРГ «Федерация и земли могут действовать сообща на основе соглашений о планировании образования, а также поддерживать учреждения и проекты в сфере научных исследований, значение которых выходит за региональные рамки. Распределение расходов регулируется соглашением». Такое соглашение было заключено федерацией и землями 18 июля 2005 г. и закрепило возможность выделения дополнительных средств из государственного бюджета на научно-исследовательские проекты, подготовленные аспирантами и сотрудниками немецких университетов.

Таким образом, Основной закон в ст. 91б ограничил полномочия федерации финансированием только тех научных проектов, которые носят межрегиональный характер. Отсюда следует, что ННИС теперь не вправе выделять средства вузам и научно-исследовательским учреждениям на типовое оборудование, а может финансировать только так называемое дополнительное оснащение в рамках конкретных проектов, поддерживаемых ННИС.

Данное положение делает ННИС своего рода «шарниром» между федерацией и землями, обеспечивающим, с одной стороны, поддержку науки на региональном уровне через организацию конкуренции среди ученых за финансирование проектов и выделение грантов, что повышает качество научных исследований, и, с другой стороны, способствующим установлению единых образовательных стандартов на национальном уровне. Федеративная реформа расширила полномочия земель в отношении вузов, что делает неотъемлемым финансовое участие земель в ННИС (в части финансирования проектов в вузах, находящихся в соответствующих землях). При этом часть средств, выделяемых ННИС федерацией, на практике постоянно растет, хотя новое регулирование распределения компетенции в области науки и образования между федерацией и землями еще более ограничило полномочия федерации в данной сфере.

В 2005 г. между Федеральным правительством и правительствами земель было заключено соглашение в соответствии со ст. 91б Основного закона о старте Федеральной государственной программы «Exzellenzinitiative» по развитию на-

уки и исследований в немецких университетах [1]. Цель данной программы – укрепление международной конкурентоспособности лучших немецких университетов за счет расширения их финансирования. Это соглашение предусматривало предоставление дополнительных государственных средств на связанное с проектом финансирование аспирантур, кластеров и так называемых «концепций будущего» в немецких университетах.

Реализация данной программы предполагалась в два этапа с интервалом в один год. Общий бюджет программы «Exzellenzinitiative» на период 2006–2011 гг. составил 1,9 млрд евро, из которых 75% выделяет федеральный бюджет, а 25% – бюджеты земель. При этом конкретное научное учреждение финансируется в соответствующей части из бюджета той земли, в которой оно находится.

Немецкое научно-исследовательское сообщество активно участвует в Федеральной государственной программе «Exzellenzinitiative», осуществляя в ее рамках финансирование учебных учреждений по следующим направлениям: поддержка молодых ученых, содействие передовым исследованиям (кластеры), а также выделение средств на финансирование инфраструктуры для проведения научно-исследовательских работ в вузах (до 50% стоимости научного оборудования и компьютерных технологий).

В рамках Пакта о высшем образовании 2020 г. наряду с финансированием актуальных задач науки федерация и земли ввели также дополнительное финансирование программ ННИС. С 2008 г. на все новые проекты, получившие поддержку ННИС, выделяется дополнительно плюс 20% средств от суммы финансирования «на покрытие связанных с реализацией проекта косвенных затрат» [3, с. 237–238]. На реализацию данной задачи финансирование ННИС со стороны федерации увеличилось со 100 млн евро в 2007 г. до 297 млн евро в 2011 г. В первую очередь данное положение ориентировано на научные организации, участвующие в программе «Exzellenzinitiative». В то время как основные средства, выделяемые на «прямые затраты», находятся в распоряжении задействованных в проекте ученых, пактом предусмотрено, что решение об использовании дополнительных средств принимает администрация вуза. Кроме того, по результатам расходования основных средств необходимо предоставлять ежегодный отчет, а в отношении дополнительной суммы данное требование отсутствует.

Со своей стороны, ННИС стремится всячески укреплять сотрудничество с федерацией и землями. Для этой цели сообщество активно поддерживает проведение международных научных исследований в Германии, выступает за продолжение реализации программы «Exzellenzinitiative» как долгосрочной программы поддержки науки, а также за углубление специализации (профилирования) в вузах. В рамках консультирования органов государственной власти по вопросам научной политики ННИС готовит доклады по важнейшим направлениям приоритетных исследований в таких сферах, как энергетика, изменение климата или со-

здание Национальной панели управления сферой образования.

Критика организационно-правовой формы ННИС

Как упоминалось выше, ННИС является частноправовой ассоциацией в форме зарегистрированного общества, членами которой являются преимущественно университеты, а также иные научно-исследовательские учреждения. В последнее время все чаще поднимается вопрос, отвечает ли организационно-правовая форма ННИС как частноправовой ассоциации современным условиям его деятельности. Критике подвергаются два основных аспекта: нераскрытие причин отклонения заявок и невозможность подать апелляцию в случае отклонения.

Так, один из заявителей, получивший отказ в результате экспертизы ННИС, требовал через суд предоставления ему экспертного заключения по его проекту в письменной форме. Он обосновал свое требование тем, что желает использовать замечания эксперта для совершенствования своих будущих проектов. При этом заявитель ссылался на то, что ННИС является организацией, распределяющей бюджетные средства, а значит, на нее распространяется требование прозрачности деятельности и Закон о свободе информации, согласно которому публичные корпорации (например, государственные учреждения) обязаны предоставлять информацию любому гражданину, если его интерес обоснован. Иск, однако, не был удовлетворен со ссылкой на то, что ННИС является не государственным учреждением, а частноправовой организацией, на которую, в отличие от государственных учреждений, не распространяет действие Закон о свободе информации.

Критике подвергается также тот факт, что практически невозможно подать апелляцию в случае отклонения заявки. Даже в тех случаях, когда эксперты при обосновании своего негативного заключения по проекту приходят к явно заниженной оценке, апелляция едва ли имеет шансы на успех, поскольку в ННИС отсутствуют эффективные инструменты правовой защиты заявителей. С юридической точки зрения данная проблема непосредственно связана с организационно-правовой формой ННИС как частноправовой ассоциации. Поэтому многие представители научного сообщества указывают на то, что данная организационно-правовая форма (Verein) более не соответствует требованиям, предъявляемым к организации, распределяющей существенные суммы из государственного бюджета, и не в состоянии предоставить необходимую правовую защиту заявителям.

Вместе с тем за последнее время произошли объективные изменения в структуре ННИС, повлекшие за собой дискуссию относительно юридической природы сообщества. Начиная с реформы процедуры проведения экспертизы в 2002 г., в результате которой в Совместном комитете увеличилось представительство инвесторов и, как следствие, было ослаблено самоуправление органи-

зации, ННИС уже нельзя назвать исключительно частноправовым субъектом. В литературе появились определения ННИС как «типичной полугосударственной организации» или «взаимодействующего с государством учреждения в частноправовой форме». В этом случае, однако, оно должно отвечать аналогичным требованиям прозрачности и правовой защиты заявителей, которые действуют при выдаче публичных грантов.

Кроме того, ННИС необходим минимальный стандарт демократичности и прозрачности процедуры, а также правовой защиты заявителей. В настоящее время реализация прав заявителей, по мнению многих авторов [4, с. 215–216], действительно неосуществима. Процедура рассмотрения заявок ННИС не соответствует требованиям принципов демократии и правового государства. Изменения необходимо осуществлять на уровне законодательства. Возможным решением проблемы может стать принятие закона о поддержке научных исследований, чтобы, с одной стороны, удовлетворить конституционно-правовое требование организационной формы для такого рода деятельности, а с другой – в общих положениях урегулировать процедуру выдачи грантов на научные исследования, включая права заявителей контролировать данный процесс. Такой закон должен будет найти правильное соотношение между государственным регулированием и научным самоуправлением и тем самым внести свой вклад в признание общественной важности поддержки науки в целом.

Сравнение ННИС с организациями поддержки науки в других европейских странах

Во многих странах действуют организации, осуществляющие те же функции, что и ННИС. В качестве примеров традиционно называются Британское Королевское общество, осуществляющее поддержку естественных наук, Швейцарский Национальный фонд и Национальный научный фонд США. Также похожие задачи выполняют Датское исследовательское агентство, которое с 2006 г. называется Датское агентство по науке, технологиям и инновациям (DASTI), и вновь созданное в 2005 г. во Франции Национальное агентство исследований (ANR). В настоящее время на европейском уровне по образцу ННИС создан и функционирует Европейский исследовательский совет, задачей которого является стимулирование развития научно-исследовательской деятельности в Европейском союзе.

Наряду со многими схожими чертами между ННИС и организациями поддержки науки в других странах, в особенности в том, что касается самоуправления научного сообщества и финансирования исследовательских проектов, прошедших процедуру экспертизы («peer review»), можно выделить и четкие различия между ними. Различия охватывают как раз те элементы процедуры проведения экспертизы, которые критикуются в ННИС: анонимность, прозрачность и правовая защита заявителей.

В процедуре экспертизы заявок, проводимой Датским агентством по науке, технологиям и инновациям, участвуют как внутренние, так и внешние (привлеченные) эксперты. Первые являются членами соответствующих исследовательских (экспертных) советов, персональные данные которых известны общественности. Внешних экспертов приглашают участвовать в экспертизе отдельных проектов, подготовленных в рамках их научной дисциплины. При этом персональные данные таких экспертов также сообщаются заявителю. Заявитель имеет возможность ознакомиться с результатами экспертного заключения перед тем, как агентство окончательно решит судьбу его заявки. Через несколько дней после положительного решения по конкретной заявке в Интернете публикуется информация о выделяемых на данный проект средствах. Заявители, которые получили отказ по результатам экспертизы, имеют право требовать указания причин такого отказа. Они могут подать апелляцию в агентство или вначале потребовать более подробного обоснования отказа в удовлетворении заявки. Заявитель, считающий, что его права были нарушены агентством, вправе подать жалобу на решение агентства датскому министру по науке и исследованиям.

Данное регулирование отличается от процедуры ННИС большей прозрачностью и наличием более эффективных средств правовой защиты. Однако датский вариант проведения экспертизы имеет и свои недостатки. Так, процедура оценки заявок и обоснования причин отказа требует существенных временных затрат, обременяющих экспертов, которые, как и в Германии, осуществляют свою деятельность на общественных началах. Согласно статистике агентства, около 60% внешних экспертов, к которым обращается агентство для проведения экспертизы, отказываются по причине больших временных затрат и отсутствия анонимности. Критике подвергается также наличие у заявителя права знакомиться с экспертным заключением еще до принятия окончательного решения по заявке. Это может создать впечатление «отсутствия связанности», когда, например, сначала заявка была рассмотрена положительно, но затем все-таки отклонена в пользу более сильного конкурента.

Процедура экспертизы Швейцарского Национального фонда также в некоторых деталях сильно отличается от немецкого регулирования. В Швейцарии, так же как в ФРГ и в отличие от Дании, персональные данные внешних экспертов не подлежат разглашению. Однако заявители, так же как в государственных учреждениях, имеют право на ознакомление с материалами по своей заявке в Национальном фонде, хотя он является частноправовой организацией. Данное право закреплено в ст. 13 Швейцарского федерального закона «О поддержке исследований и инноваций» [2]. В этом законе закрепляется также право заявителя на получение официального заключения эксперта, включая указание на обоснование причин и порядок обжалования данного заключения. Право на ознакомление с решением по заявке ис-

■ Наукоеведение

ключает, однако, раскрытие персональных данных эксперта, если эксперт не раскрыл своего имени по собственной инициативе. Поэтому заключение эксперта предоставляется заявителю только в анонимной форме.

Заявители, получившие отказ, также имеют право на обжалование решения Национального фонда. Ранее такая жалоба поступала в Апелляционную комиссию по поддержке науки, которая являлась независимой инстанцией административной юстиции, принимающей окончательные решения о финансировании научно-исследовательских проектов. После внесения изменений в Федеральный закон «О поддержке исследований и инноваций» с 2007 г. данная функция была передана Федеральному административному суду. На практике обжалование решений Национального фонда имеет место в очень редких случаях. Тем не менее научное сообщество Швейцарии придает данной процедуре важное значение с точки зрения обеспечения прозрачности процедуры проведения экспертизы.

Таким образом, в вышеупомянутых научных организациях заявителям предоставляются достаточно действенные инструменты правовой защиты, что пока отсутствует в ННИС. Однако, несмотря на требования представителей университетов и рекомендации международной комиссии в отношении большей прозрачности, ННИС пока что отказывается раскрывать информацию об экспертах. Начальники отделов министерства образования и поддержки науки, ответственные за немецкие вузы, еще недавно высказывались против вмешательства в устоявшиеся правила научного самоуправления. Вместе с тем представляется очевидным, что только равноправные отношения между заявителем и экспертом, то есть обоюдная анонимность или, наоборот, взаимное раскрытие личной информации, могут быть справедливыми и способствовать признанию и одобрению данной процедуры научным сообществом.

В заключение необходимо отметить, что за последние десятилетия ННИС неоднократно изменяло свою структуру, расширяло сферу деятельности и адаптировалось к изменениям в научной среде. Особое внимание было уделено таким новым способам поддержки науки, которые направлены на совместную исследовательскую деятельность и

создание структурной сети научных учреждений (поддержка исследовательских групп, аспирантур, сфер особого научного интереса, научно-исследовательских центров и т.д.).

В целом программы поддержки науки ННИС постоянно подвергаются изменениям, направленным на улучшение качества его деятельности. Несмотря на это в последнее время структура и деятельность ННИС все чаще подвергается критике, которая в основном касается односторонней анонимности при проведении экспертизы заявок, недостаточной прозрачности данной процедуры, а также монопольного положения ННИС в немецкой науке и отсутствия правовой защиты заявителей.

В 1999 г. ННИС совместно с Обществом им. Макса Планка были оценены Международной экспертной комиссией с точки зрения эффективности их работы и перспектив к ее улучшению. В результате комиссия подтвердила ведущую роль этих сообществ в немецкой науке. В качестве рекомендаций комиссия указала на достижение большей гибкости и пропускной способности в системе поддержки науки. Также было указано на то, что потенциальные возможности немецкой науки существенно ограничиваются уставами и структурой университетов. ННИС было рекомендовано изменить структуру работы экспертов, а также развивать стратегические направления научных программ и инструменты поддержки науки.

ННИС позитивно реагировало на предложения комиссии и озвучило свои намерения: привлечь в качестве экспертов больше молодых специалистов и женщин, пересмотреть структуру экспертных комитетов, сделать общедоступной базу данных о проектах, получивших финансирование ННИС, и т.д.

В 2005 г. для оценки и улучшения своей деятельности ННИС основало Институт информации и обеспечения качества исследований (IFQ) под руководством социолога Стефана Хорнбостеля с представительством в Бонне и Берлине. Одной из его целей является научная оценка политики ННИС в области поддержки науки и используемых им для этого инструментов, что, вероятно, позволит в скором будущем выявить и провести необходимые изменения и повысить эффективность работы ННИС.

Список литературы

1. BLK-Vereinbarung über die Exzellenzinitiative des Bundes und der Länder zur Förderung von Wissenschaft und Forschung an deutschen Hochschulen vom 18. Juli 2005 / режим доступа: http://www.dfg.de/download/pdf/dfg_im_profil/reden_stellungnahmen/2006/exin_0610_pressemappe/exin_0610_wr_ausschr_1.pdf
2. Bundesgesetz über die Förderung der Forschung und der Innovation (Forschungs- und Innovationsförderungsgesetz, FFIG) vom 7. Oktober 1983 (Stand am 1. September 2013) / режим доступа: <http://www.gesetze.ch/inh/inhsub420.1.htm>
3. Deutsche Forschungsgemeinschaft: Perspektiven der Forschung und ihrer Förderung. 2007-2011 / Wiley-VCH. – 2008. 256 с.
4. Salaw-Hanslmaier S. Die Rechtsnatur der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Dissertation. Universität Augsburg. Hamburg: Verlag Dr. Kovac. 2003.
5. Satzung der Deutschen Forschungsgemeinschaft / режим доступа: <http://www.dfg.de>
6. Wahlordnung für Wahl der Fachkollegien / режим доступа: http://www.dfg.de/formulare/70_01/index.jsp

Об авторе

Водяницкая Елена Александровна – к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России. Научная специализация: конституционное право зарубежных стран, научная политика и научные фонды. E-mail: e.vodyanitskaya@inno.mgimo.ru

THE ROLE AND PLACE OF GERMAN SCIENCE AND RESEARCH ASSOCIATION IN GERMANY'S SCIENCE POLICY

E.A. Vodyanitskaya

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article describes the role and place of the German Science and Research Association (DFG) as one of the leading science support organizations in the science policy of Germany. It gives a thorough analysis of its inner structure that includes such bodies as General Assembly, Executive Committee, Senate, Joint Committee and expert boards as well as the way of their formation and scope of their powers. The legal nature of DFG as a science support organization reveals through its goals and functions stated in the Charter. They are as follows: financial support of scientific and research projects, training of young scientists, international scientific cooperation and transfer of theoretical knowledge into practice. The German Science and Research Association also stands for equal possibilities for men and women in the academic community and consults the state bodies on the science policy. The author pays particular attention to the cooperation of the organization with the state and subjects (lands), including financial issues and participation of DFG in the federal state program «Exzellenzinitiative». Moreover, the author touches a debating point of correspondence of the status of the organization to its public activity as DFG is a private law association that includes universities and other science and research institutions as its members. Finally, the article gives a comparison of the German Science and Research Association to the similar organizations in other European countries, particularly to the Danish agency on science, technology and innovation and the French National research agency. The author comes to a number of conclusions respectively the procedure of peer review and need for effective remedies to appeal the rejected project.*

Key words: science foundation, science system in Germany, science policy, German Science and Research Association, structure of the German Science and Research Association, goals and functions of the German Science and Research Association, status of the German Science and Research Association.

References

1. BLK-Vereinbarung über die Exzellenzinitiative des Bundes und der Länder zur Förderung von Wissenschaft und Forschung an deutschen Hochschulen vom 18. Juli 2005. [Agreement between the federation and the lands about the state federal program "Exzellenzinitiative" for support of science and research in German universities from July, 18, 2005]. Available at: http://www.dfg.de/download/pdf/dfg_im_profil/reden_stellungnahmen/2006/exin_0610_pressemappe/exin_0610_wr_ausschr_1.pdf
2. Bundesgesetz über die Förderung der Forschung und der Innovation (Forschungs- und Innovationsförderungsgesetz, FIG) vom 7. Oktober 1983 (Stand am 1. September 2013). [Federal law on support of research and innovation from October, 7, 1983 (as amended on September, 1, 2013)]. Available at: <http://www.gesetze.ch/inh/inhsb420.1.htm>
3. Deutsche Forschungsgemeinschaft: Perspektiven der Forschung und ihrer Förderung. 2007–2011. [German Science and Research Association: prospects of research and its support. 2007–2011]. Wiley-VCH, 2008. 256 p.
4. Salaw-Hanslmaier S. Die Rechtsnatur der Deutschen Forschungsgemeinschaft. [Legal nature of the German Science and Research Association]. Dissertation. Universität Augsburg. Hamburg: Verlag Dr. Kovac. 2003.
5. Satzung der Deutschen Forschungsgemeinschaft. [Charter of the German Science and Research Association]. Available at: <http://www.dfg.de>
6. Wahlordnung für Wahl der Fachkollegien. [Statute on elections of the expert boards]. Available at: http://www.dfg.de/formulare/70_01/index.jsp

About the author

Elena A. Vodyanitskaya – Ph.D. in Law, senior lecturer of the Constitutional law department, MGIMO (Moscow State Institute of International Relations) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Specialization: constitutional law of foreign countries, science policy and science organizations. E-mail: e.vodyanitskaya@inno.mgimo.ru

«УТЕЧКА МОЗГОВ» ИЗ РОССИИ КАК ПОЛИТИКО- УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.А. Казанцев, К.П. Боришполец

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена анализу последствий интеллектуальной миграции в России и предложениям оптимизации профильной управленческой политики на этом направлении. Авторы с сожалением констатируют, что пока в российском контексте отмечается миграционный отток ученых и других специалистов, по количественным и качественным показателям существенно превышающий их приток. Это препятствует планам модернизации российской экономики, ее переходу на инновационные рельсы, отказу от сырьевой модели развития. Авторы предлагают расширить государственное регулирование интеллектуальной миграции в России на основе принятия специальных программ с учетом международного опыта. Они должны строиться на принципах дифференцированного и адресного подхода к интеллектуальным мигрантам, эффективного мониторинга, действенной системы «обратной связи» при реализации решений. Необходимы также увеличение финансирования отечественной науки как за счет целевых проектов, так и предоставления льгот наукоемкому бизнесу. Актуальность этих шагов особенно высока в свете наметившейся стабилизации оттока российских специалистов за рубеж. Если позитивные тенденции будут поддержаны активной государственной политикой и общим социально-экономическим подъемом в РФ, то в среднесрочной перспективе они могут привести к радикальному перелому пока еще негативной ситуации с «оттоком мозгов» из России. Чтобы шанс не был потерян, целесообразно уделить дополнительное внимание изучению образовательной и научной иммиграции в Россию как важного компенсирующего фактора.

Ключевые слова: Россия, миграция высококвалифицированных специалистов, «утечка умов», государственное управление, международное сотрудничество.

В условиях, когда статус государства на международной арене в существенной степени определяется его научно-техническим потенциалом, миграция высококвалифицированных специалистов из России или в Россию приобретает стратегически важное значение. Планы по модернизации России, по переходу к инновационной экономике и к отказу от сырьевой модели развития невозможно осуществить в условиях, когда миграционный отток ученых и других специалистов по количественным и качественным (степени квалификации) показателям существенно превышает их приток.

В этом плане ключевой научно-практической проблемой становится вопрос о соотношении двух параметров: эмиграции высококвалифицированных специалистов из России и иммиграции этих специалистов в Россию из-за рубежа. Только на основе анализа этих двух взаимодополнительных параметров возможен поиск путей оптимизации соответствующих встречных потоков в интересах нашего государства. Ниже будут проанализированы основные аспекты этой проблемы с использованием большого массива накопленной отечественной и зарубежной литературы.

При этом новизна предложенного в данном тексте анализа заключается в том, что проблема соотношения двух миграционных потоков, будучи по определению междисциплинарной, рассматривается в политико-прикладном ключе, как один из ключевых аспектов политико-управленческого процесса в условиях включенности нашей страны в современную мировую политику. Это позволяет преодолеть недостатки традиционного демографическо-социологического подхода, доминирующего в существующей научной литературе.

Миграционная проблематика, которая сегодня обсуждается во все более широком экспертном составе международного и российского уровней, впервые привлекла активное внимание отечественных исследователей в начале 1990-х гг. В своем подавляющем большинстве эти авторы по своему научному профилю являлись демографами и социологами, способными оценить масштабы процессов, но менее подготовленными к формулированию прогностических заключений, практических предложений относительно преодоления вызовов и рисков. Вплоть до настоящего времени ощущается большой дефицит именно политологических разработок миграционной проблематики, то есть материалов, которые не просто фиксируют показатели и характеристики миграции, а формулируют рекомендации по принятию государственных решений в сферах, касающихся внешней и мировой политики. Данное исследование призвано частично компенсировать этот недостаток.

В силу того что отток высококвалифицированных кадров из России пока, к сожалению, превышает его приток, основное внимание исследователей обращается именно на интеллектуальную эмиграцию. Однако анализ преимущественно оттока кадров из России, обладая высокой прогностической особенностью, имеет слабую ценность

в плане политики, так как практика последних лет показала, что на этот негативный процесс пока трудно воздействовать путем активных усилий Российского государства. Именно поэтому одним из важных элементов новизны данного текста является внимание не только к оттоку, но и к притоку специалистов, что составляет вместе динамическую структуру соотношения оттока и притока. Именно воздействие на эту динамическую структуру целенаправленными государственными усилиями, как мы покажем ниже, имеет существенное значение в плане практической политики.

Определение правильной политики государства в сфере миграции невозможно без учета глобального контекста российской ситуации. Интеллектуальная миграция является одним из ключевых направлений глобальных миграционных процессов, которые на современном этапе активно нарастают. Современный миграционный взрыв в среде высококвалифицированных специалистов характеризуется не только своими масштабами, но и нетрадиционными причинами, а также своеобразными формами проявления. В прошлом в относительно нормальных условиях, если исключить экстремальные случаи вроде массовой миграции ученых из России после революции 1917 г. и из Германии после прихода к власти нацистов, главными факторами миграции являлись в основном обстоятельства внутринаучного порядка. В настоящее же время решающую роль играет ситуация, складывающаяся за пределами науки, в рамках общества в целом из-за кризиса экономики, социальных, межнациональных и политических отношений, культуры. Этот кризис преломляется и в сфере науки таким образом, что личность, посвятившая себя научному познанию, не имеет возможности самореализоваться в качестве ученого [1].

В современной международной интеллектуальной миграции происходят качественные изменения. На смену «утечке мозгов» пришла их циркуляция ("циркулярная миграция", то есть отъезд в другую страну с последующим возвратом на родину). Произошла диверсификация направлений миграции. США продолжают оставаться общепризнанным центром притяжения для профессионалов из Европы и развивающихся стран, несмотря на активное развитие научных кластеров в Индии и Китае. США являются главным центром притяжения зарубежных ученых и высококлассных специалистов, причем это лидерство формировалось очень активно в последние два-три десятилетия. Сегодня 40% американского населения, родившегося за рубежом, имеют степень магистра или доктора философии.

Одновременно, ссылаясь на материалы различных докладов, специалисты указывают, что более 50% иностранцев, получивших степень доктора философии в США, — выходцы из Индии и КНР, а более 80% профессоров, специалистов в естественно-научных дисциплинах, технике, инженерном деле и математике, преподающих в престижном Корейском институте науки и техники, стали док-

торами философии в США. Исследователи из ЕС часто переезжают в другие европейские страны. В то же время, в периоды экономических кризисов, представители профессиональной элиты из промышленно развитых стран едут на временную работу в развивающиеся страны («обратный отток мозгов»).

В мире имеет место активная интеграция системы высшего образования. Она предполагает продолжение обучения студентов из многих стран мира, например в США, Германии, Австралии, что позволяет обеспечить результативность подобного способа подготовки специалистов для посылающих стран, несмотря на то, что многие из них не возвращаются на родину. Россия также благодаря «болонской системе» все активнее включается в процессы интеграции систем высшего образования и, следовательно, сталкивается не только с его положительными последствиями, но и со значительными кадровыми вызовами.

В контексте сложившейся в мире миграционной системы (интеллектуальные мигранты) Россия, к сожалению, сейчас является одной из стран «полупериферии», испытывающей отток кадров в ЕС и США. В то же время, как и для всех других стран соответствующей группы, в ситуации экономических сложностей в США и Европе возникает потенциал обратного «оттока мозгов». Использование этого потенциала – одна из задач политики государства в сфере миграции. Одна из ключевых проблем, связанная с интеллектуальной миграцией из России, заключается в том, что точный размер ее неизвестен. В литературе идет дискуссия даже о приблизительных размерах соответствующего параметра. В этом плане одна из первых управленческих задач в сфере интеллектуальной миграции – совершенствование работы Росстата с целью сбора достоверных данных.

Спектр статистических данных, как и оценочных заключений относительно формирования адекватной сложившейся в России ситуации государственной политики, достаточно широк. Типичными являются алармистские оценки масштабов «оттока мозгов» из России, возникшие в начале – середине 1990-х гг., которые во временном отношении предшествовали появлению массовой озабоченности по поводу наплыва в страну неквалифицированной рабочей силы (гастарбайтеров). Алармистские оценки вызвали к жизни соответствующие предложения по проведению государственной политики, которые во многом сводились к запретительным мерам по выезду (а также к требованиям увеличить финансирование науки в России). Однако к настоящему времени алармистские настроения относительно массовой интеллектуальной миграции перестали абсолютно доминировать, в научных публикациях введены в оборот более спокойные и взвешенные характеристики ситуации, а также более разнообразные (уже неоднозначно запретительные) предложения по поводу совершенствования государственного регулирования миграции квалифицированных

кадров. В частности, появились и публикации о полезности «циркулярной миграции» для развития отечественной науки [2, с. 220–226]. В случае «циркулярной миграции» страна происхождения ученых не теряет «мозги», а получает их обратно. При этом специалисты обогащаются дополнительным опытом и квалификацией.

Вместе с тем политологи и международники, в отличие от экономистов и социологов, пока только подошли к тому, чтобы рассматривать международно-политическую проблематику интеллектуальной миграции в качестве самостоятельного направления. Современное состояние изучения проблемы миграции ученых характеризуется дискуссиями по поводу содержательного наполнения понятийного аппарата, призванного отражать миграционные процессы в целом и специфику сегмента интеллектуальной иммиграции, по вопросу оправданности повсеместного употребления политически нейтрального термина «мобильность мозгов» (brain mobility). Проекты модернизации российской экономики вызвали широкие дискуссии по проблеме создания инновационных научных центров типа «Сколково» и других проектируемых региональных центров. Обсуждаются перспективы проектов сдерживания на этой основе динамики интеллектуальной эмиграции. Но есть и другое мнение, сторонники которого стремятся подчеркнуть необходимость изучения комплекса явлений, связанных с состоянием отечественной научно-технической диаспоры, разместившейся в США, Канаде, ЕС, Австралии, Японии, Китае, Сингапуре и других странах.

Обобщая основные моменты данной дискуссии, можно отметить, что Россия, как и многие другие страны, испытывает большие проблемы в связи с ситуацией, сложившейся в сфере интеллектуальной и социально активной миграции. При этом можно констатировать, что сложившиеся реалии формируют две противоположные по своей сути тенденции. Одна из них указывает на то, что утечка интеллектуальной массы в России, если и замедлилась, то по-прежнему остается одной из самых острых проблем. Сторонники этой версии приводят данные, факты, количественные исчисления, примеры и суждения, подтверждающие ее. Другая точка зрения ориентирована на доказательство тезиса о том, что практически произошло прекращение интеллектуальной эмиграции [3]. Здесь сказалась социально-экономическая и политическая стабилизация в нашей стране, наблюдавшаяся в последнее десятилетие, а также негативное влияние глобального экономического кризиса на мировой научный рынок (начало «обратного оттока мозгов»). Таким образом, даже несмотря на исчезновение алармистских оценок вопрос о том, каковы масштабы оттока кадров ученых из России, является в настоящее время дебатированным, хотя есть консенсус по поводу снижения остроты проблемы. Поскольку именно этот фактор является ключевым с точки зрения проведения соответствующей политики, ниже мы обратимся к более подробному его анализу.

Современные миграционные процессы на российском пространстве зародились и стали активно развиваться в начале 1990-х гг., причем миграционный отток за рубеж носил явные признаки «утечки умов». Каждый пятый эмигрант в 90-х гг. XX в. имел высшее образование, в том числе среди выбывших в Израиль – 30%, в США – более 40%, в Канаду – 60%. И это при том, что доля лиц с высшим образованием в населении России лишь незначительно превышает 13%. В общем количестве выехавших в Германию и Израиль около 80% составляли лица, занятые в науке и образовании.

У 40,5% иммигрантов, прибывших в Израиль из бывшего Советского Союза, общий срок обучения составляет 13 лет и более (аналогичный уровень образования имеют лишь 24,2% израильтян). По оценке И. Ушкалова [4, с. 110–117], на 1 января 1996 г. только в Израиль из России и других республик бывшего Советского Союза эмигрировали 110 тыс. ученых, не считая инженеров. Представители научной элиты и молодые специалисты, собирающиеся повысить уровень своей научной квалификации, уезжали, в том числе и безвозвратно, в основном с временными контрактами на руках. Суммарный выезд по таким контрактам на стажировку и на учебу превышал выезд на постоянное место жительства в три–пять раз. По оценке И. Ушкалова, постоянно проживающая за границей российская научная диаспора насчитывала во второй половине 1990-х гг. около 30 тыс. человек, в то время как количество лиц, работающих по контрактам было в четыре раза выше – не менее 120 тыс.

Кроме того, по оценкам, за 1990-е гг. число выехавших за рубеж ученых и специалистов из оборонных НИИ и предприятий ВПК составило не менее 70 тыс. человек [5], [6, с.83–92]. По некоторым данным, в 1990-х гг. Россию покинули около 80% ее математиков и 50% физиков-теоретиков [7, с.11]. В соответствии с официальной версией, по состоянию на начало XXI в. из РФ уехало около 200 тыс. ученых [8, с. 6–11].

Оценки российских потерь от интеллектуальной миграции у разных экспертов различаются. Данные Комиссии по образованию Совета Европы указывают на то, что Россия из-за эмиграции ученых, студентов и специалистов теряет в среднем 50–60 млрд долл. в год. Отток профессиональных кадров негативно влияет на темпы роста экономики страны, так как эмигранты не участвуют в создании национального продукта и в развитии страны. Итогом таких действий являются потери каждые 5–7 лет, начиная с 1992 гг., одного годового бюджета только за счет прямых потерь. Эти потери не компенсирует вклад иностранных студентов, стажеров, аспирантов и ученых, а также поток периодически возвращающихся «циркулярных мигрантов» [9].

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к снижению интеллектуальной эмиграции из России. Одновременно меняется ее мотивация. Если в 1990-х гг. специалисты уезжали за рубеж, стремясь улучшить чисто материальные

условия жизни (низкая зарплата в России, отсутствие финансирования и условий для нормальной работы [10, с. 54–57], [11, с. 58–69], то в настоящее время основная причина отъезда за рубеж – это стремление к достойной жизни в целом, поиск благоприятных социальных условий для себя и своей семьи, более высокого уровня личной безопасности. Некоторые аналитики относят к основным факторам, мотивирующим такое стремление, следующие: желание жить в условиях верховенства закона, прав и свобод и возможность избежать произвола властей, а также делают заключение о том, что причины, вызвавшие интеллектуальную эмиграцию и поддерживающие ее предпосылки, не исчезли. Каждая из существующих тенденций в интеллектуальной эмиграции может после прекращения глобального экономического кризиса снова заявить о себе с еще большей силой [3]. Особую группу интеллектуальных мигрантов составляет молодежь.

В целом же здесь целесообразно сделать акцент на сохраняющийся разрыв в уровне социально-экономического развития между Россией и основными странами, притягивающими интеллектуальных мигрантов. Как отмечает секретарь РАН РФ В. Костюк, расходы на науку в Российской Федерации несопоставимо малы по сравнению с ведущими странами. Расходы на гражданскую науку и исследования в 2010 г. составляют 1,6% от части бюджета (166,5 млрд руб.), сократившись по сравнению с предыдущим годом на 4,5 %. В то же время на исследования и разработку США тратит 35% от расходного бюджета, ЕС – 24%, Китай – 11% [9]. Правда, следует отметить, что себестоимость проведения научных исследований в России (а прежде в СССР) традиционно более низкая (часто, к сожалению, в том числе и за счет экономии на фонде оплаты труда, а также за счет применения более «дешевых» приборов и материалов и методик исследования из-за отсутствия средств). Указанная проблематика является чрезвычайно актуальной в настоящее время, в частности в связи с дискуссиями о реформе Академии наук.

Проблемы и пути сохранения научной среды в России; преодоления эффекта «утечка умов», необходимость изменения финансирования и организации науки в течение последних 20 лет неизменно находились в фокусе внимания отечественных исследователей. В целом можно отметить, что для России политика в области интеллектуальной миграции должна проводиться как в отношении регулирования эмиграции, так и в отношении регулирования иммиграции высококвалифицированных специалистов. Именно процесс системного влияния на динамическое соотношение этих процессов должен стать приоритетом государственной политики в области миграции.

В этом плане прежде всего следует отметить отсутствие системности подхода к вопросам интеллектуальной миграции в политике государства в настоящее время. Например, у России в настоящий момент полностью отсутствует политика в области интеллектуальной иммиграции (то же

самое можно сказать и о политике эмиграции). Так, Д.Н. Митин отмечает, что регулирование интеллектуальной иммиграции в России, к сожалению, осуществляется только как общий ряд мер нормативно-правового регулирования иммиграционных процессов на базе миграционного законодательства; безвозвратная миграция на основе Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; противодействие незаконной иммиграции и т.д.), а не выделено в отдельное направление миграционной политики государства. Следствием такой политики является то, что все иммигранты (ученые, работники культуры, образования) попадают под общие стандарты и правила миграционного законодательства, которые установлены для всех иммигрантов. В результате, как показывают, например, многочисленные случаи миграции в Россию ученых из ближнего зарубежья, российские государственные структуры относятся к рыночному торговцу на тех же основаниях, что и к доктору наук.

Д.Н. Митин также отмечает, что, поскольку интеллектуальная иммиграция по своей природе отличается от других иммиграционных процессов, к интеллектуальной миграции необходимо применять специальные регулятивные механизмы (нормативные, методические, институциональные и т.д.). Однако действующее в России миграционное законодательство устарело и продолжает устаревать. Динамика в сфере миграционных процессов в нашей стране, проблемы, вызываемые изменением демографической, социальной, культурной, политической и экономической ситуаций, обуславливают необходимость постоянного изучения данных проблем и корректировки, доработки и совершенствования соответствующих взаимосвязанных сфер [3].

Таким образом, необходимо совершенствование всей отечественной политики в сфере миграции высококвалифицированных кадров с учетом как фактора отъезда специалистов, так и фактора их приезда в нашу страну. Для выстраивания такой системной грамотной стратегии миграционной политики в РФ необходимо:

- во-первых, иметь достоверную информацию о демографической и квалификационной структуре миграционных потоков;

- во-вторых, формировать информационные материалы для въезжающих в Россию интеллектуальных мигрантов;

- в-третьих, в ходе проведения информационных кампаний шире опираться на российские посольства и консульства, структуры национальных диаспор и некоммерческий сектор [12].

В контексте необходимости балансирования встречных потоков миграции из России и в Россию необходимо рассмотреть интеллектуальную иммиграцию в РФ как компенсирующий эмиграцию фактор. Россия является не только посылающей, но и принимающей образовательных мигрантов страной. Однако проблематика образовательной и

научной иммиграции не получила пока достаточного научного осмысления ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Ликвидация этого "белого пятна" чрезвычайно важна в плане проведения системной политики в сфере миграции, так как для компенсации оттока специалистов необходимо объективно оценить масштабы их притока, а также масштабы "циркулярной миграции" (периодического отъезда за рубеж и возврата).

Представления о научно-учебной миграции в страну складываются главным образом на основе интерпретации статистических данных об иностранных студентах в российских вузах. Численность иностранных граждан, обучающихся по различным программам в российских вузах в период 2008–2009 гг. составила 108 565 тыс. человек, которые являются выходцами из стран СНГ (Таджикистана, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана), стран Азии (Китай, Япония, Монголия), а также из стран Европы (Германия, Франция, Швеция) и Америки (США). Крупнейшей страной, посылающей образовательных мигрантов в российские вузы, является Китай, далее следуют Казахстан, Индия, Украина, Вьетнам. В большинстве случаев иммигранты поступают в медицинские, экономические и управленческие вузы. Западные студенты в основном изучают историю, язык и культуру России. Кроме того, по прогнозам Росстата, в ближайшем будущем будет ежегодно возрастать численность иностранных студентов, обучающихся в российских учреждениях среднего профессионального образования. Часть этих студентов, особенно происходящих из бывших советских республик и потому не испытывающих особых проблем с интеграцией в России, остается в нашей стране.

К этому можно прибавить еще два "компенсационных" потока. Оба они, к сожалению, почти не изучены в соответствующей литературе, но между тем они играют очень высокую роль в процессе развития России, особенно в последние 5–10 лет.

Один из них составляют ученые и высококвалифицированные специалисты (например, врачи), переезжающие в Россию на постоянное место проживания из постсоветских стран. Первоначально это были в основном русскоязычные граждане, возвращающиеся в Россию из других постсоветских стран. Теперь это все чаще мигранты из числа коренных жителей целого ряда постсоветских государств, имеющих большой разрыв с Россией в уровне жизни. Эмпирические наблюдения показывают, что сейчас в некоторых российских провинциальных городах (например, в г. Асбест на Урале) предоставление медицинских услуг населению полностью определяется врачами-мигрантами из Центральной Азии.

Второй поток составляют "циклические мигранты", возвращающиеся в Россию после учебы, длительного повышения квалификации или периодической работы за рубежом [2, с. 220–226]. Доля этих мигрантов в некоторых российских элитных вузах (например, Высшая школа экономики в Москве или Европейский университет в

Санкт-Петербурге) по отдельным направлениям (особенно экономика и социальные науки) достаточно высока.

Можно отметить еще одну интересную тенденцию, которая пока не проявилась в достаточной силе, но уже обозначилась. Ряд элитных вузов (особенно Высшая школа экономики в Москве) проводят набор западных специалистов, выплачивая им большие (даже по западным меркам) зарплаты. Наконец, к этой последней тенденции можно прибавить сознательные усилия Российского государства по возврату в Россию ряда наиболее высококвалифицированных специалистов. Однако пока в целом можно констатировать существенное превышение тенденции к оттоку кадров над тенденцией к их притоку в нашу страну.

Идея возвращения обратно высококвалифицированных кадров для работы в РФ практически никем из отечественных специалистов не оспаривается. Именно в этом видится основной путь преодоления "утечки мозгов" из России. Поэтому целесообразно создавать все позитивные условия для:

- добровольного переселения квалифицированных соотечественников в перспективные с точки зрения дальнейшего развития российские регионы;
- обеспечения благоприятных возможностей для возвращения научных кадров из-за рубежа;
- привлечения в российские структуры молодых ученых из ближнего и дальнего зарубежья;
- осуществления их поддержки по государственной и негосударственной линии;
- облегчения адаптации и интеграции в новой социальной среде местных сообществ.

Желательно также предоставление различных налоговых льгот и льготное кредитование, предоставление права для возвращающихся мигрантов беспощинно ввозить средства производства для последующей производственной деятельности. Исходя из практики зарубежных стран, можно предложить принятие ряда мер, например:

- введение специальных депозитных счетов;
- продажа земельных участков под строительство;
- выдача на льготных условиях ссуд на строительство домов под переводы, хранимые в строго определенных банках;
- создание альтернативного жилого фонда для льготной реализации среди возвращающихся мигрантов;
- открытие валютного счета для беспощинного провоза машин, товаров длительного пользования;
- создание специального пенсионного фонда.

В этой связи можно отметить два ключевых взаимодополнительных момента государственной поддержки, необходимой для приезда или возврата высококвалифицированных специалистов. С одной стороны, необходимо создание благоприятного социального климата в результате сочетания финансовой и гуманитарной поддержки высококвалифицированным специалистам, возвраща-

ющимся или впервые приезжающим для работы в Россию. С другой стороны, в соответствии с современными глобальными тенденциями необходимы нормативно обеспеченные льготы, в том числе для организации наукоемкого бизнеса, а не только для ведения профессиональной научной или другой интеллектуальной деятельности. В целом на современном этапе можно предложить следующие приоритетные направления регулирования миграционных процессов в России с учетом фактора трансграничных перемещений высококвалифицированных специалистов:

- разработка обобщающей (генеральной) схемы территориального распределения иммигрантов, отражающей образование, специализацию и квалификацию въехавших или вернувшихся в Россию кадров, наличие у них позитивного опыта академической и практической работы за рубежом;

- уточнение и законодательное закрепление дифференцированной системы государственной поддержки различным категориям специалистов в соответствии с их квалификацией;

- формирование эффективной информационной политики для потенциальных высококвалифицированных иммигрантов.

Необходимо также усилить внимание к вопросам принятия специализированных программ привлечения к сотрудничеству с российскими вузами и производственными комплексами соотечественников, работающих за рубежом и обладающих высоким уровнем квалификации. Приоритетом является, разумеется, и профильная политика, ориентированная на учащуюся за рубежом российскую молодежь.

В целом, подводя итог проведенному нами анализу с предложенной политико-прикладной точки зрения соотношения потоков интеллектуальной эмиграции из России и интеллектуальной иммиграции в Россию, можно сформулировать следующие выводы, которые естественным образом приводят к практическим рекомендациям по проведению государственной политики.

Российская интеллектуальная миграция является одним из направлений глобальных миграционных процессов, которые на современном этапе активно нарастают. В современной международной интеллектуальной миграции происходят качественные изменения. Ключевой для современной миграции стала проблема масштабов и форм динамического соотношения процессов отъезда и въезда в страну высококвалифицированных специалистов.

Миграция квалифицированных специалистов обусловлена теми же факторами, что и неквалифицированной рабочей силы, среди которых преобладают различия показателей уровня экономического и социального развития стран. Преобладание "утечки мозгов" из России над их притоком создает серьезные проблемы для процессов ее модернизации и даже угрожает положению нашей страны в иерархии держав мировой политики.

■ Наукоедение

Мировой опыт показывает, что оптимальной моделью регулирования в данной сфере будет системное согласование эмиграционной и иммиграционной политики Российского государства.

В отечественном контексте, характеризуемом высокой политической значимостью процессов интеллектуальной миграции, необходимо активнее развивать и финансировать изучение политико-прикладной проблематики интеллектуальной миграции в качестве самостоятельного направления. В противном случае изучение проблемы превратится просто в сбор фактологии.

В настоящее время большинство специалистов отошло от алармистских настроений и политических рекомендаций в плане введения "запретительных мер", которые, как показывает мировая практика, заведомо обречены на неудачу. Эксперты рекомендуют Российскому государству проведение системной политики в области регулирования миграции квалифицированных кадров, балансируя процессы притока и оттока кадров, а также используя отдельные преимущества отъезда, такие, как "циклическая миграция".

Пока динамическое соотношение интеллектуальной эмиграции и интеллектуальной иммиграции не в пользу нашей страны. Тем не менее ряд специалистов указывает на, как минимум, замедление этой миграции, если не полную ее остановку по некоторым направлениям. Здесь сказалась социально-экономическая и политическая стабилизация в нашей стране, наблюдавшаяся в последнее десятилетие, а также определенные проблемы на мировом научном рынке в связи с глобальным экономическим кризисом. Правда, фундаментальные причины преобладания отъезда над притоком высококвалифицированных кадров пока не преодолены.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления и подходы к совершенствованию государственной политики в сфере интеллектуальной миграции:

1. Политика России в области интеллектуальной миграции должна проводиться как в отношении регулирования эмиграции, так и в отношении регулирования иммиграции высококвалифициро-

ванных специалистов. Именно процесс системного влияния на динамическое соотношение этих процессов должен стать приоритетом государственной политики в области миграции. Пока существуют лишь отдельные, бессистемно применяемые элементы такой политики.

2. Слабая изученность проблематики образовательной и научной иммиграции в Россию как важного компенсирующего фактора "утечки мозгов" из нашей страны является отражением отсутствия такого системного государственного подхода, так как отсутствие запроса на системные исследования порождает искажения в системе их финансирования и не дает "на выходе" объективной картины. Между тем в последнее десятилетие, по ряду авторитетных оценок, наметилась не только тенденция к относительной стабилизации отъезда ученых, но и развиваются новые формы и направления иммиграции в Россию ученых и высококвалифицированных специалистов. В перспективе нескольких десятилетий эти тенденции в случае, если они будут поддержаны активной государственной политикой и общим социально-экономическим подъемом в РФ, могут привести даже к "перелому" пока еще негативной ситуации с оттоком "мозгов" из России. Однако этот шанс легко может быть потерян.

3. Поддержание позитивных процессов возврата ученых в Россию требует серьезной государственной политики по двум направлениям. С одной стороны, необходимо создание благоприятного социального климата в результате сочетания финансовой и культурно-гуманитарной поддержки высококвалифицированным специалистам, возвращающимся или впервые приезжающим для работы в Россию. С другой стороны, в соответствии с современными глобальными тенденциями необходимы нормативно обеспеченные льготы, в том числе для организации наукоемкого бизнеса, а не только для ведения профессиональной научной или другой интеллектуальной деятельности. И, разумеется, эти вопросы не могут рассматриваться в отрыве от общей проблемы повышения уровня финансирования российской науки.

Список литературы

1. Бьюрков А. Интеллектуальная миграция в мире URL: <http://student.zoomru.ru/ekonom/intellektualnaya-migraciya-v-mire/130723.1024277.s3.html>-20.03.012
2. Казанцев А.А. Циркулярная миграция российских ученых в Европу и США // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6.
3. Митин Д.М. Миграционная политика как фактор поддержания политической стабильности в Российской Федерации: опыт интеллектуальной и социально активной эмиграции. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02, Москва, РУДН: 2012// URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5657.pdf>
4. Ушкалов И.Г. "Утечка умов" как глобальный феномен и его особенности в России / И.Г. Ушкалов, И.А. Малаха// СоцИс: Социологические исследования. 2000. № 3.
5. Калашникова М. Россия потеряла 40% лучших мозгов // Коммерсант-Daily. 1997. 29 ноября. Kalashnikova M. Rossiya potejala 40% luchshih mozgov // Kommersant-Daily. 1997. 29 nojabrja.; [For more details on the

- situation in the first part of the 90th, please see M. Kalashnikov article "Russia has lost 40% of the Best Brains". // Kommersant-Daily. 1997. 29.11]
6. Каменский А.Н. Эмиграционные настроения в отраслях ВПК и направления государственного регулирования процессов миграции с позиций предотвращения утечки технологий / А.Н. Каменский // Экономика и коммерция. 1995. Вып.2. С. 83–92.
 7. Малаха И. "Дренаж" интеллектуального потенциала / И. Малаха, И. Ушкалов // Независимая газета. 1998. 4.04.
 8. Каган Ю. России грозит интеллектуальное обнищание. Беседа А.Пясецкой с академиком Ю.М.Каганом. // Эхо планеты. 2002. № 41.
 9. Айдынбеков Э.Ф Интеллектуальная миграция в современной России //URL:http://www.profmigr.com/index.php?option=com_content&task=view&id=601&Itemid=46-30.03.2012.
 10. Зусьман О.М. Информационная эмиграция ученых. Постановка проблемы // Интеллектуальная миграция в России. СПб., 1993. С.54–57.
 11. Иконников О.А. Последствия экономического спада в сфере науки / О.А. Иконников // Проблемы прогнозирования. 1994. Вып.3.
 12. Иванов Е.В.Интеллектуальная миграция: политологический аспект. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02, Москва 2010/ URL: <http://www.dissercat.com/content/intellektualnaya-migratsiya-politologicheskii-aspekt#ixzz2AEvs0p00>

Об авторе

Казанцев Андрей Анатольевич – д.полит.н., директор Аналитического центра ИМИ МГИМО(У) МИД России, научная специализация – международные отношения на постсоветском пространстве, отношения России с США и ЕС. E-mail: andrka@mail.ru

Боришполец Ксения Петровна – к.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО(У), ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

«BRAIN DRAIN» FROM RUSSIA AS PROBLEM OF POLITICAL GOVERNANCE

A.A. Kazantsev, K.P. Borishpolets

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *When the status of the federal state at the international arena is in major defined by its scientific and technological potential, migration of the highly trained professional from or to Russia acquires a strategic status. The article is devoted to the consequences of the intellectual migration in Russia and proposals for optimization of the management policy at this direction. Authors regret that at this time in Russia the migration outflow of scientists and other specialists in quality and quantity figures substantially exceeds the inflow. This hinders plans on the modernization of the Russian economy and postpones refusal from extractive development model. Authors suggest expanding the governmental regulation of the intellectual migration in Russia by adopting special programs on the basis of the international experience. It shall be based on the principles of the differentiated and targeted approach to the intellectual migrants, effective monitoring, and effective feed-back relations when the decision are being implemented. The funding of the science also shall be increased both, by means of the target projects and exemptions to the science-driven business. The significance of these steps is high, particularly in the light of outflow of the Russian specialists abroad. If the positive tendencies will be supported by the active governmental policy and social-economic increase, in the mid-term perspective this may drive to turning point in the still negative situation with "brain drain" from Russia. It is worth to pay additional attention to the educational and scientific immigration to Russia as to an important offsetting factor if we do not want to lose this chance.*

Key words: Russia, the migration of highly skilled professionals, "brain drain", governance, international cooperation.

References

1. V'jurkov A. Intellektual'naja migracija v mire [V'jurkov A. Intellectual Immigration in the World]. URL: <http://student.zoomru.ru/ekonom/intellektualnaya-migraciya-v-mire/130723.1024277.s3.html>
2. Kazancev A.A. Cirkuljarnaja migracija rossijskih uchenyh v Evropu i SShA [Circular Migration of the Russian scientists to Europe and USA] Vestnik MGIMO. 2012. № 6.
3. Mitin D.M. Migracionnaja politika kak faktor podderzhanija politicheskoj stabil'nosti v Rossijskoj Federacii: opyt intellektual'noj i social'no aktivnoj jemigracii [Migration Policy as a Factor of Support of Political Stability in the Russian Federation: Experience of the Intellectual and Socially Active Immigration]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata politicheskikh nauk po special'nosti 23.00.02 [Phd. in 23.00.02 Dissertation Abstract] Moscow, RUDN: 2012. URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5657.pdf>
4. Ushkalov I.G., Malaha I.A. "Utechka umov" kak global'nyj fenomen i ego osobennosti v Rossii ["Brain Drain" as a Global Phenomenon and its Particularities in Russia] Sociologicheskie issledovanija. 2000. - N 3.
5. Kalashnikova M. Rossija poterjala 40% luchshih mozgov [Russia has lost 40% of the Best Brains] Kommersant-Daily. 29.11.1997.
6. Kamenskij A.N. Immigracionnye nastroyeniya v otrasljah VPK i napravleniya gosudarstvennogo regulirovaniya processov migracii s pozicij predotvrashheniya utechki tehnologij [Immigration Climate in Military Industrial Sector and Federal Management in the Migration Processes to Prevent the Technology Leaks] Ekonomika i kommercija. 1995. Issue. 2. P.83-92.
7. Malaha I., Ushkalov I. "Drenazh" intellektual'nogo potenciala ["Drainage" of the Intellectual Potential] Nezavisimaja gazeta. 1998. N 4.
8. Kagan Ju. Rossii grozit intellektual'noe obnishhanie. Beseda A.Pjaseckoj s akademikom Ju.M.Kaganom. [Intellectual Impoverishment threatens Russia. Conversation of A. Pyasetskaya and Academician Yu. Kagan.] Jeho planet. 2002. N 41.
9. Ajdynbekov Je.F. Intellectual Migration of the Modern Russia. URL:http://www.profmigr.com/index.php?option=com_content&task=view&id=601&Itemid=46-30.03.2012.
10. Zus'man O.M. Informacionnaja jemigracija uchenyh. Postanovka problem [Information migration of the scientists. Problem definition] SPb., 1993. P. 54-57.
11. Ikonnikov O.A. Posledstviya jekonomicheskogo spada v sfere nauki [Consequences of the Economy Recession in the Scientific Sphere] Problemy prognozirovaniya. 1994. Issue.3.
12. Ivanov E.V. Intellektual'naja migracija: politologicheskij aspekt [Intellectual Migration: Political Science perspective] Avtoreferat dissertacii na soiskanie stepeni kandidata politicheskikh nauk po special'nosti 23.00.02 [Phd. In 23.00.02 Dissertation Abstract]. Moscow, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/intellektualnaya-migratsiya-politologicheskii-aspekt#ixzz2AEvs0p00>

About the authors

Andrei A. Kazantsev – PhD, Dr. of Polit. Sc., Director of Analytical Center of Moscow State Institute of International Relations, specialization - international relations on the Post-Soviet space, Russian-American and Russian-European relations. E-mail: andrka@mail.ru

Ksenia P. Borichpolets – Ph.D., Candidat of Polit.Sc., professor of Department of World Politics Moscow State University for International Relations, leading research associate Centre for Post-soviet Studies Institute for International Studies, MGIMO University, MGIMO-University. E-mail: vestnik@mgimo.ru

УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется состояние и перспективы развития отечественной политической науки с точки зрения научной коммуникации. Политическая наука развивается через дискуссию по ключевым вопросам своей предметной проблематики, такими например, как политическая власть, легитимность, справедливость, государственное устройство и т.д. Качество такой дискуссии определяет и уровень развития политической науки. Основной площадкой научной дискуссии по-прежнему остается статья в научном журнале. Редакционная политика ведущих научных журналов, таким образом, является ключевым инструментом направления научной дискуссии и определения ее норм и стандартов. Проблемы научной дискуссии в отечественной политической науке на страницах журнальной периодики заключаются, во-первых, в том, что она по-прежнему имеет форму монолога, а не диалога. Существуют многочисленные попытки развития диалога с ведущими зарубежными авторами при дефиците дискуссии с российскими авторами. Во-вторых, редкой остается практика двойного «слепого» рецензирования статей, поступающих в редакции научных журналов. Такая практика служит единственной гарантией обеспечения высокого качества научных статей. В-третьих, качество научной дискуссии непосредственно зависит от степени развития научных школ. Отечественная политическая наука остается слабо дифференцированной с точки зрения выделения различных научных школ. Кроме того, немногочисленные научные школы, которые существуют в современной российской политической науке, страдают от недостатка конструктивного диалога между собой по конститутивным вопросам политической теории и практики. В качестве основного инструмента для решения обозначенных задач автор статьи предлагает рассмотреть координацию редакционной политики ведущих научных журналов по политическим наукам через различные формы взаимодействия, в том числе через профессиональные ассоциации, такие как РАПН и РАМИ. Целью такой координации должна заключаться в поощрении диалога внутри политической науки, особенно между научными школами.

Ключевые слова: политическая наука, управление научной коммуникацией, рецензирование, научные школы.

В последнее время в отечественной политической науке обозначился тренд к критической само рефлексии. На различных площадках, в том числе и на сайте РСМД, ведущие российские исследователи старались поставить диагноз отечественной политической науке и прописать ей «лечение» [2], [6], [4]. Соглашаясь в целом со многими критическими оценками нельзя все же не отметить, что тренд развития политической науки в России все же позитивен. На сегодняшнем этапе важно сохранить наметившуюся позитивную динамику, обеспечить устойчивое развитие отечественной дискуссии в области политической науки через управление (governance) формальными каналами научной коммуникации, в первую очередь научной периодикой.

Развитие общественных наук невозможно без соответствующей коммуникации между исследователями. В каком-то смысле любая отрасль общественных наук, особенно политические науки, является непрерывной дискуссией по вечным вопросам своей предметной проблематики, такими, например, как политическая власть, легитимность, справедливость, государственное устройство и т.д. Фукидид, Аристотель, Макиавелли продолжают сегодня цитироваться в научных текстах по политическим наукам, их работы сохраняют актуальность. Аристотель вполне бы, наверное, смог без особой подготовки включиться в обсуждение вопросов современной политической философии, чего нельзя сказать об актуальных вопросах, например, теоретической физики. Что такое Бозон Хиггса и зачем его так напряженно искали последние несколько десятилетий, пожалуй, не осознал бы и И. Ньютон без соответствующих современных университетских курсов. В вопросах же политической власти, справедливого устройства общества, свободы современные тексты вряд ли далеко ушли от текстов Аристотеля. Если естественные науки прогрессивно развиваются, то общественные и гуманитарные науки скорее, как считает Хабермас, пребывают на определенном уровне. Развитие последних во многом определяется поддержанием на соответствующем уровне академической дискуссии.

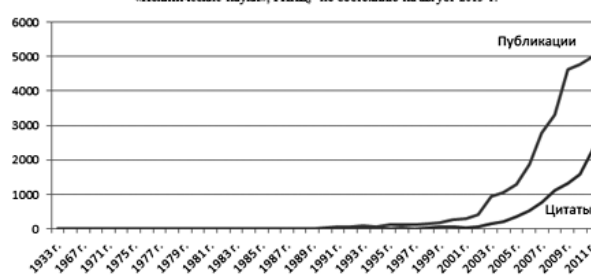
Научная коммуникация составляет основу стабилизации и функционирования научного сообщества, сложившегося в дискуссиях вокруг доминирующей парадигмы. Социология науки [11], особенно ее сильная программа [7], обнажила социальную природу научной деятельности и научного знания [12]. Научное знание есть продукт научного сообщества, а не отдельных ученых. Даже если научные прорывы и совершают отдельные выдающиеся личности, их достижения имеют смысл только в рамках определенной парадигмы, поддерживаемой и развиваемой научным сообществом на определенном этапе развития научного знания.

Ядром научной коммуникации служит статья в научном журнале. Существуют, конечно, и неформальные каналы научной коммуникации, однако статья в научном журнале является основ-

ным носителем новейшей научной информации, материальным выражением академической дискуссии. Монографии и сборники статей выходят не регулярно и часто с запозданием, статьи же публикуются регулярно, что обеспечивает поддержание устойчивых коммуникационных связей внутри научного сообщества. Количественным измерением научной коммуникации является количество публикаций, качественным – количество цитирований.

Анализ публикационной активности российских политологов и междунродников, по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), указывает на практически экспоненциальный рост как публикаций, так их цитируемости, обозначившийся в конце 1990-х гг. (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика публикаций и цитирований на русском языке по направлению «Политические науки», РИНЦ, по состоянию на август 2013 г.

С общими показателями научной публикационной активности российских политологов и междунродников за все годы, учтенные в РИНЦ, можно ознакомиться в нижеприведенной таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Общие показатели публикационной активности на русском языке по направлению «Политические науки», РИНЦ

Показатели	Значение
Общее число публикаций	34 702
Число авторов	25 199
Среднее число публикаций в расчете на одного автора	1,38
Суммарное число цитирований публикаций	19 610
Среднее число цитирований в расчете на одну статью	0,57
Число статей, процитированных хотя бы один раз	6618
Число самоцитирований (из статей этой же подборки)	8883
Индекс Хирша	32

Интересными представляются два показателя: «Число статей, процитированных хотя бы один раз» и «Число самоцитирований (из статей этой же подборки)». По первому показателю можно условно определить качество дискуссии. Так, 19% процентов публикаций были процитированы хотя бы раз, что в свою очередь означает – 81% публикаций не получили ни одной цитаты, т.е. «выпали» из общей дискуссии. Сами по себе они могут быть выполнены на высоком уровне и содержать в себе начатки будущих направлений развития политической науки, но нахождение вне общего дискурса

на данный момент в определенном смысле обесценивает их. Вторым показателем отражает наличие устойчивого ядра дискуссии, состоящего из статей и монографий с перекрестным цитированием. Данное ядро представлено 25,6% публикаций. Это практически каждая четвертая публикация, то есть «ядро» занимает четверть всего потока публикационной активности по политическим наукам.

Следует сделать оговорку относительно точности представленных выше цифр и корректности использования для анализа публикационной активности российских авторов данных Российского индекса научного цитирования. База данных РИНЦ неполная. Она включает в себя журналы из списка ВАК, журналы, которые заключили соответствующий договор с РИНЦ и непериодические публикации (монографии, сборники статей, доклады), которые были зарегистрированы в РИНЦ их правообладателями. Не все политологические журналы заключили с РИНЦ соответствующие договоры и далеко не все непериодические материалы зарегистрированы.

Кроме того, зарегистрированные журналы систематически стали выкладывать в РИНЦ свои статьи только начиная с 2000-х гг. Всего в базе данных РИНЦ сегодня насчитывается около 35 тыс. публикаций по политической проблематике на русском языке за все годы. Неполнота базы данных очевидна. Тем не менее оправданный скепсис в отношении точности цифр не должен закрывать от нас очевидную тенденцию увеличения за последнее десятилетие как публикаций отечественных авторов, так и цитирований, а также формирование устойчивого ядра отечественного политологического дискурса.

Для обеспечения устойчивости складывающейся дискуссии и развития ее качества необходимо оказывать на нее стимулирующее, направляющее воздействие. В качестве объекта управления могут выступить формальные каналы научной коммуникации, то есть научная печатная и непечатная периодика. В качестве инструментов управления можно выделить: а) качественную экспертизу научных статей силами самого научного сообщества; б) редакционную политику по развитию дискуссии между различными научными школами. В качестве значимых субъектов управления научной дискуссией могут выступить главные редактора (шеф-редакторы и их заместители) ведущих научных отечественных журналов.

Ожидаемым результатом политики развития научной коммуникации в области международных отношений и политических наук в целом должна быть более глубокая дифференциация отечествен-

ных научных школ в этой сфере, которые сегодня существуют в очень широких концептуально-теоретических и методологических рамках [5], [1], [2]. В России пока не прошли свои «Великие споры» по основным вопросам методологии, онтологии, эпистемологии и аксиологии политических наук в целом и международных отношений в частности. Без споров не может быть и развития научной дисциплины как таковой.

Если споры и ведутся, то главным образом, с представителями западного научного дискурса. По данным все того же РИНЦ наиболее цитируемыми русскоязычными публикациями в сфере политических наук являются переводные статьи С. Хатингтона, Р. Инглхарта, Г. Алмонда и С. Вербы в журнале «Полис». Спорить с западными грандами на русском языке, который они не понимают, очень важно и нужно для начального этапа освоения западной политической мысли. Однако уже давно сформировались условия для перехода к следующему этапу: дискутировать друг с другом на русском языке на страницах отечественных журналов и дискутировать с западными коллегами на английском языке на страницах международных журналов.

Обеспечить высокий научный уровень дискуссии можно за счет практики «слепого» рецензирования. Двойное «слепое» рецензирование, столь распространенное в западном академическом мире, является основной меритократии последнего [8], [10]. «Слепое» рецензирование невозможно в рамках одного вуза. Сотрудники более или знают друг друга, поэтому соблюсти анонимность автора для эксперта крайне сложно. «Слепое» рецензирование предполагает формирование национальной (в идеале интернациональной) сети экспертов, включающей в себя значимых исследований из различных вузов, институтов и научных центров. Судя по представленным выше данным публикационной активности, такая сеть уже сложилась, она состоит из ядра авторов, которые активно цитируют друг друга (более 25% публикаций от общего объема публикационной активности). Задача по формированию сети экспертов для проведения «слепого» рецензирования заключается, таким образом, в решении преимущественно организационных вопросов.

Итак, устойчивое развитие отечественной политической науки можно обеспечить за счет поощрения дискуссии между представителями различных школ в ней и организации «слепого» рецензирования статей для научных журналов, выполняющих роль каналов формальной научной коммуникации.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Январь–апрель 2004. Т. 2. С. 16-33.
2. Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. Май–август 2004. 2 : Т. 2. С. 84-96.
3. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя. М.: Спецкнига, 2013. 24 с.

4. Тимофеев И.Н. Наука международных отношений: вернуть лидерство? // Аналитика РСМД. 13 март 2013 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1524
5. Тюлин И.Г. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра [Раздел книги] // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия: в 4 т. / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: РОССПЭН, 2002. Т. III.
6. Фельдман Д.М. Российская политическая наука о международных отношениях: стиль и методы познавательной деятельности // Аналитика РСМД. – 26 апрель 2013 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1767#top
7. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. University Of Chicago Press, 1991. 211 p.
8. Fitzpatrick K. Revising Peer Review // Contexts. 2012. No. 4, Vol. 11. 80 p.
9. Habermas J. On the logic of the social sciences. Cambridge : The MIT Press, 1988.
10. Huutoniemi K. Communicating and compromising on disciplinary expertise in the peer review of research proposals // Social Studies of Science. 2012.No. 6, Vol. 42. P. 897–921.
11. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. University of Chicago Press, 1970. 210 p.
12. Vinck D. The Sociology of Scientific Work: The Fundamental Relationship Between Science and Society. Edward Elgar Pub, 2012. P. 288.

Об авторе

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., старший преподаватель кафедры мировых политических процессов, МГИМО(У) МИД России. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Поиск новых моделей социально-экономической организации: университет как организационная парадигма экономики знаний», проект No. 12-02-00511.

«BRAIN DRAIN» FROM RUSSIA AS A POLITICAL-MANAGEMENT PROBLEM

M.V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article analyses the state of the art and the prospects of the Russian political science in terms of scientific communication. Political science develops through discussion on key problems of its subject matter: political power, legitimacy, justice, political regimes, etc. The quality of the discussion shapes the development of political science. The basic medium of the discussion remains an article in a scientific journal. Editorial policy of the leading journals is a key instrument for shaping the discussion and defining its norms and standards. There are few challenges for the Russian political science with respect to the development of a dialogue among its authors and scientific schools. First, it still has a form of a monologue rather than dialogue. There are a number of attempts to establish a dialogue with the leading foreign authors and a deficit of discussion among Russian political scientists. Second, double blind peer review still remains a rear practice. It is the only means for ensuring the high quality of scientific communication. Third, the quality of the discussion directly depends upon the differentiation of political science in the form of scientific schools. The Russian political science has a low degree of school differentiation. And the few schools that did manage to get established evade a dialogue on constitutive questions on theory and practice of political science. The author suggests that coordination of the leading journals' editorial policy through different forms of institutional interactions including the Russian Political Science Association and the Russian International Studies Association might be an effective tool to encourage the discussion in the Russian political science and dialogue among its schools.*

Key words: Russian political science, governance of scientific communication, peer review, scientific schools.

References

1. Bogaturov A.D. Poniatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse [The notion of world politics in theoretical discourse]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. January-April, 2004. Vol. 2. P. 16-33.
2. Lebedeva M.M. Predmetnoe pole i predmetnye polia mirovoi politiki [Subject field and subject fields of world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends]. May-August, 2004. Issue 2 : Vol. 2. P. 84-96.
3. Lebedeva M.M. Rossiiskie issledovaniia i obrazovanie v oblasti mezhdunarodnykh otnoshenii: 20 let spustia [Russian international studies: 20 year review]. Moscow : Spetskniga, 2013. 24 p.
4. Timofeev I.N. Nauka mezhdunarodnykh otnoshenii: vernut' liderstvo? [Science of international relations: back to leadership?] *Analitika RSMD* [Analytics of the Russian Council on International Affairs]. 13 May 2013 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1524
5. Tulin I.G. Issledovaniia mezhdunarodnykh otnoshenii v Rossii: vchera, segodnia, zavtra [Russian International Studies: past, present, future] *Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991-2002* [Foerign and security policy in contemporary Russia], 1991-2002. Reader in 4 volumes / ed. by. T.A. Shakleina. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2002. Vol. III.
6. Feldman D.M. Rossiiskaia politicheskaiia nauka o mezhdunarodnykh otnosheniiakh: stil' i metody poznavatel'noi deiatel'nosti [Russian international studies: style and methods of research]. *Analitika RSMD* [Analytics of the Russian Council on International Affairs]. 26 April 2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1767#top
7. Bloor D. *Knowledge and Social Imagery*. University Of Chicago Press, 1991. 211 p.
8. Fitzpatrick K. Revising Peer Review. *Contexts*. 2012. No. 4 : Vol. 11. 80 p.
9. Habermas J. *On the logic of the social sciences*. Cambridge : The MIT Press, 1988. 220 p.
10. Huutoniemi K. Communicating and compromising on disciplinary expertise in the peer review of research proposals. *Social Studies of Science*. 2012. Issiu 6: Vol. 42. P. 897–921.
11. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press, 1970. 210 p.
12. Vinck D. *The Sociology of Scientific Work: The Fundamental Relationship Between Science and Society*. Edward Elgar Pub, 2012. 288 p.

About the authors

Maksim V. Kharkevich – Candidate of Political Sciences, a Senior Lecturer at the Department of World Politics, MGIMO-University. E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОГО СОЦИУМА: ЗА ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

С.А. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В докладе анализируются новые уязвимости, возникшие как результат становления сложного социума, что стало актуальным предметом обсуждения в социологической науке. Показывается, что эти уязвимости несут с собой новые риски для функционирования общества и его членов. Обосновывается, что самодостаточность современного общества находится в реальной опасности: становления сложного социума перешло тот барьер, после чего жизнеспособность общества отнюдь не гарантируются. С одной стороны, общество едва справляется с увеличивающимся хаосом ценностных и нормативных референтов, что подрывает его внутреннее адекватное функционирование; с другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношения социальной и природной систем существенно нарушены. Возникли уязвимости в виде ненамеренных последствий открытости общества, в частности увеличивается производство новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. Сложный социум содержит в себе потенциал новых катастроф, причиной которых являются «нормальные аварии». Решение возникших проблем видится на путях гуманистического поворота, предполагающего интеграцию социологии с естественными и гуманитарными науками, что станет интеллектуальным инструментом преодоления возникших вызовов. В статье рассматриваются пять уязвимостей, появление которых обусловлено становлением сложного общества.

Ключевые слова: сложный социум, уязвимости, самодостаточность общества, ненамеренные последствия открытости, новый катастрофизм в виде «нормальной аварии», сложные риски, гуманистический поворот.

Сегодня современный мир находится в состоянии становления сложного социума [5]. За этим стоит не только появление новых привлекательных форм жизнедеятельности, но и зарождение невиданных ранее уязвимостей. Как считает известный английский социолог Дж. Урри, проблемы уязвимости стали «актуальным предметом обсуждения социальной науки XXI века» [7].

Отмечу пять наиболее существенных уязвимостей, под которыми понимаются нарастающие дисфункциональные характеристики социума, проявляющиеся в угрозе катастроф, социальных страхах относительно возникающих неопределенностей.

Во-первых, возникли уязвимости для самодостаточности общества. Как известно, Т. Парсонс под самодостаточностью понимал свойство сложной социальной системы (общества), проявляющееся не только в способности контролировать внутренние процессы, но и свои взаимоотношения с другими системами [10]. Согласно этому постулату, предполагалось, что при всех возможных социальных катаклизмах – революциях, радикальных реформах, модернизациях и т.д. – подвергнутся влиянию прежде всего «старые, отживающие» социальные формы. Возможно, уйдут в историю конкретные группы и даже классы, связанные с ними институциональные структуры, но жизнеспособность самого общества не ставилась под вопрос.

Сегодня становления сложного социума перешло тот барьер, после чего самодостаточность и соответственно жизнеспособность общества отнюдь не гарантируются. С одной стороны, общество едва справляется с увеличивающимся хаосом ценностных и нормативных референтов, что подрывает его внутреннее адекватное функционирование. В частности, разрывы в преемственности образа жизни, социокультурные травмы, связанные с ломкой архетипов, постоянное переосмысление истории, роли личностей в ней приводят к необратимым последствиям утраты способности контролировать обществом свою внутреннюю интеграцию. С другой стороны, уже очевидно, что взаимоотношения социальной и природной систем существенно нарушены. Турбулентность климата стала фактом, который привлекает к себе все большее внимание ученых [3]. И в повседневной жизни, и на уровне принятия политических решений люди понимают, что так жить далее нельзя. Но катастрофические последствия сегодняшней деятельности, которые проявятся лишь в будущем (даже ближайшем) не воспринимаются как реальная угроза. Британский социолог Э. Гидденс обосновал парадокс, назвав его своим именем – «парадокс Гидденса», – социолог имеет в виду эффект, под которым подразумевает то, что «люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнести к будущему, с каким они относятся к настоящему». Это касается как проблем повседневности, так и глобальных проблем: курящему

тинейджеру трудно представить себя человеком в возрасте сорока лет, когда начнут проявляться реальные опасности, угрожающие здоровью и жизни. Политики же прекрасно осведомлены о многих рискованных последствиях нынешней человеческой деятельности в отношении природы и климата. Однако ни одни, ни другие не принимают должных усилий по изменению существующего положения дел [3].

Проблема не в том, чтобы отказаться от сложных реалий вообще, а в адекватных выборах возможных альтернатив действия в контексте сложного социума. На мой взгляд, перво-наперво необходимо определиться с разработкой адекватных теоретико-методологических подходов к анализу возникших уязвимостей, предполагающих принципиально новую модель мышления – общество стало нуждаться в активном поддержании своей самодостаточности со стороны его членов. Из этого следуют, как минимум, три вывода относительно самого характера рискованной деятельности человека: 1) необходимо отказаться от какого-либо радикализма в отношении базовых институциональных структур общества, равно как и основополагающих ценностей, что затрагивает его экзистенциальное функционирование; 2) традиционную модернизацию, нацеленную на переход к качественно новому уровню развития производительных сил и технологий, необходимо заменить альтернативным типом модернизации – гуманистически ориентированной модернизацией [9]; 3) нужна новая экологическая политика, исходящая из того, что природа перестает быть просто средой жизни, превращаясь в органическую часть социума.

Во-вторых, возникли уязвимости в виде ненамеренных последствий открытости общества. Как известно, развернутую концепцию открытого общества создал К. Поппер, показавший, что историческое развитие человеческой цивилизации идет по пути перехода от закрытого общества, жестко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека [11]. Это все справедливо для относительно простого социума. Когда же общество в становлении сложности достигает значительного насыщения, ситуация радикально изменяется. Британский социолог З. Бауман утверждает, что увеличивающаяся «открытость открытого общества» принесла в нашу жизнь миксофилию (характерное стремление к увеличивающемуся многообразию жизнедеятельности, которое производится самим функционированием больших городов) и миксофобию (характерный страх перед увеличивающимся многообразием стилей жизни, идентификаций, знаний и т.д.). Миксофилия и миксофобия могут существовать только вместе [1]. Явными и латентными последствиями этого процесса стали новые уязвимости для человеческой безопасности. Так, границы стран перестают быть

охранительными рубежами в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих по каналам глобализации, а в значительном компоненте неупорядоченного хаоса в виде экспансии самых разных субкультур и контркультур, резкого увеличения неуправляемой эмиграции и иммиграции, появления новых форм девиантного и криминального поведения. Общество с неуправляемой открытостью вбирает в себя «чужие» опасности из других социумов. Локальные войны, межэтнические конфликты, терроризм, где бы они ни имели место, оборачиваются опасностями практически для каждого жителя планеты. Кроме того, увеличивается производство новых маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще не могут адаптироваться к культурным новациям открытого общества. При этом неизбежно возникают все новые социальные группы риска, деятельность которых не может не учитываться при формировании национальной безопасности.

Возникшие уязвимости «открытости открытого общества» требуют пересмотра представлений о национальной безопасности. По моему мнению, необходимо движение к национальной сетевой безопасности, под которой понимается состояние защищенности национальных интересов страны, обусловленное функциональной самодостаточностью каждого звена безопасности, его взаимозависимостью со всеми другими звеньями, такими как военно-политическая, информационная и социальная безопасности, включая здоровье нации, качество образования ее членов, продовольственная, экологическая и демографическая безопасности, гарантия эффективной управляемости социума и т.д., преследуя цель решения не только прагматических задач, но и наращивания гуманистического потенциала обороноспособности страны в контексте необходимости выявления причинной сложности явных и отложенных опасностей.

В-третьих, сам сложный социум содержит в себе имманентную уязвимость в виде новых катастроф, причиной которых являются «нормальные аварии». Американский социолог Ч. Перроу, предложивший термин «нормальные аварии», показал, что катастрофы ныне обретают все более сложную природу. Их причинами могут быть не только какие-либо внешние, но и внутренние факторы, обусловленные естественным (нормальным) взаимодействием человека со сложными системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимно влияющие друг на друга неудачи, – отмечает он, – становятся системно неизбежными» [4, с.5]. В новой книге «Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий» Ч. Перроу показывает, что природа уязвимости продолжает усложняться: «концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре

делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/технологических бедствий и террористических атак» [4, с.7]. Минимизацию риска «нормальной аварии» социолог видит в отказе от сложных систем вообще. «Теория нормальной аварии исходит из того, – утверждает Перроу, – что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны; нам не следует рисковать» [4, С.22].

На наш взгляд, это пожелание из разряда утопии. Скорее, минимизации риска «нормальных аварий» сложных систем лежат не в отказе от них вообще, а в их комплексной гуманизации технических и технологических процессов, которая предполагает реконверсию значимости прагматических целей на цели нахождения оптимального взаимодействия социума с природой.

В-четвертых, новые уязвимости создаются процессом усложнения самих рисков, который весьма глубоко исследовал У. Бек. В работе «Общество риска», опубликованной четверть века назад, он показал, что для анализа усложняющейся природы рисков необходим валидный инструментарий, сочетающий научную и социальную рациональности: «научный рационализм без социального пуст, социальный без научного – слеп» [8, с.34–35]. В новой книге, развивая свои взгляды на усложняющуюся природу рисков, ученый предложил новаторскую теорию «мирового общества риска», подчеркивая, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска». По Беку, новые сложные риски обладают тремя характерными чертами: они – 1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека») [2, с.52].

В-пятых, новые уязвимости создаются социальной и культурной динамикой цивилизаций, характером их взаимодействий. Этой проблематикой специально занимается известный американский социолог Э. Тирикьян. Ученый анализирует три сценария цивилизационного будущего человечества. «Первый – увеличивающаяся взаимозависимость мира может привести к утверждению единой цивилизации модерна, в основе которой будут ценности Просвещения (включая некоторые темные стороны). Мы могли бы обозначить его как “либеральная” перспектива. Второй сценарий “множества цивилизаций” представляет плюралистическую перспективу,

рассматривающую все ранее существовавшие цивилизации как распространяющие свое влияние на мир за пределы своей изначальной исторической среды (исходя из таких процессов, как потоки людей, капиталов, технологий). Третий сценарий представляется в виде глобальной катастрофы, частично имеющей природный, частично – рукотворный характер, которая могла бы до конца столетия свести глобальную эру к существованию малоразмерных обществ, лишенных качества цивилизации» [6].

В России также разрабатывается цивилизационный подход к будущему человечества в виде партнерства цивилизаций, который отличает характерный оптимизм.

В докладе обозначены лишь пять уязвимостей, появление которых обусловлено становлением сложного общества. Фактически их на порядок больше, и все время появляются новые. Чтобы адаптироваться к ним, минимизировать их явные и латентные последствия, необходим гуманистический поворот, предполагающий интеграцию социологии с другим научным знанием. Необходим синтез естественных, социальных и гуманитарных наук. Только интегральный теоретико-методологический инструментарий, основанный на полипарадигмальности современного знания, может способствовать решению проблем сложного социума.

Список литературы

1. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
2. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
3. Giddens, A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
4. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.
5. Sztompka, P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
6. Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010.
7. Urry, J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
8. Бек К. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–традиция, 2000.
9. Кравченко С.А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
11. Пoppers К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М.: Феникс, 1992.

Об авторе

Кравченко Сергей Александрович – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России. Выступление на сессии «Социальная теория и теоретическая рефлексия» 29 исследовательского комитета «Социальная теория» - The Becoming of the Complex Socium: for a Humanistic Turn. E-mail: vestnik@mgimo.ru

DEVELOPMENT OF COMPLEX SOCIUM: A HUMANISTIC TURN

S.A. Kravchenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author analyzes new vulnerabilities appeared as a result of the becoming of the complex socium that has become a topical subject of debate in social science. It is shown that these vulnerabilities manifest new risks for the functioning of the society and its members. The self-sufficiency of the modern society is in real danger: the formation of a complex society passed the barrier, after which the viability of the society is by no means guaranteed. On the one hand, society can hardly keep up with the increasing chaos of values and normative referents, undermining its internal functioning adequately, on the other hand, it is obvious that the relationship between social and natural systems significantly impaired. There appeared vulnerabilities in the form of unintended consequences of the openness of the society, that increases the production of new marginalized groups – people who are not temporarily unemployed, but those who do not adapt to the cultural innovations of the open society. The complex socium has the potential of new catastrophes provoked by “normal accidents”. For solving these problems there proposed a humanistic turn that presupposes the integration of Sociology with hard and humanitarian sciences. It will be an intellectual instrument for overcoming the appeared challenges. The article discusses five vulnerabilities appearance is caused by the emergence of a complex society.*

Key words: complex socium, vulnerabilities, self-sufficiency of a society, unanticipated consequences of openness, new catastrophism in the form of “normal accident”, complex risks, humanistic turn.

References

1. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
2. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
3. Giddens, A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
4. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.
5. Sztompka, P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
6. Tiryakian, E.A. Civilization in the Global Era: One, Many... or None? Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology. Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010.
7. Urry, J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
8. Beck, U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu moderny [Risk Society. Towards Another Modern]. M.: Progress-Tradicia [Tradition], 2000.
9. Kravchenko S.A. Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti [Becoming of Complex Society: Humanistic Theory of Complexity]. Monografiya. M.: MGIMO-Universitet [MGIMO-University], 2012.
10. Parsons, T. O socialnih sistemah [About social systems]. M., 2002.
11. Popper, K. Otkritoe obshchestvo i ego vragi [Open society and its enemies]. 2 vol. M.: Feniks [Phoenix], 1992.

About the author

Sergey A. Kravchenko – PhD, Professor, Head of Sociological Department of MGIMO-University. Speech at the "Social theory and theoretical reflection" Research Committee 29 "Social Theory» - The Becoming of the Complex Socium: for a Humanistic Turn. E-mail: vestnik@mgimo.ru

МОДЕЛИ КРИЗИСНЫХ КОММУНИКАЦИЙ И УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИЕЙ В РАБОТЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Е.А. Грызунова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В исследовании рассмотрена информационная система государственного управления, направленная на принятие решений и взаимодействие с обществом в условиях кризиса. Функциональность системы зависит от адекватности целеполагания и соответствия выбранной стратегии типу кризисной ситуации, дифференцируемой по социальной реакции. Обосновано применение традиционной модели кризисных коммуникаций и информационного управления для разрешения кризисов конфликтного характера, партисипативной модели – при консенсусных кризисах, переговорно-диалоговой – в условиях кризисов, генерирующих общественную полемику. Переговорно-диалоговая модель для разрешения полемогенных кризисов направлена на реализацию предложенной Ю. Хабермасом концепции коммуникативного действия. Поскольку современные сложные кризисы требуют участия множества акторов, имеющих особое видение кризисной ситуации и собственные интересы, «кризисное принятие решений в таком контексте может рассматриваться как процесс переговоров» [16]. На уровне обработки информации первостепенная задача органов государственной власти – выявить основные кризисные тенденции в каждой из ключевых общественных систем, а также социальные группы, чьи мнения и интересы должны быть учтены. Затем определение причин потенциальных кризисов, их прогнозирование и разработка антикризисных мер осуществляется с учетом интересов и рекомендаций экспертных представителей различных групп. Можно выделить два основных подхода к координации: публичное обсуждение проблем и совместное решение задач. Первый подход предполагает организацию общественного диалога, который может приобретать форму дискуссии, «гражданского жюри» или переговоров. Координация через совместное решение задач означает дробление сложной тематики и постановку конкретных практических вопросов, требующих обсуждения и решения.

Ключевые слова: государственное управление, кризис, кризисные коммуникации, кризисная информатика, урегулирование конфликтов, гражданское общество, участвующее управление, добровольчество, самоорганизация, общественный диалог.

Кризис как социокультурное явление представляет угрозу не только структурам и функциям социальных систем, но и «жизненным мирам» [1] субъектов, ставя под удар разделяемые ими смыслы, ценности и нормы. Кризисная ситуация требует безотлагательного управленческого воздействия в условиях повышенной неопределенности и эскалации событий. Информационно-коммуникативное обеспечение государственного управления в кризисных ситуациях рассмотрено нами в формате системы, состоящей из внутренней и внешней подсистем, в которых выделены следующие механизмы:

- механизм обработки информации;
- механизм координации и коммуникаций участников управления;
- механизм традиционных внешних коммуникаций (распространения информации);
- механизм информационного обеспечения конструктивной самоорганизации общества и гражданского участия в кризисном управлении.

Функциональность указанной системы в первую очередь зависит от адекватности поставленных задач, а организационно-технические аспекты являются второстепенным фактором. Так, в моделях блокировки информации и манипуляции информацией дисфункции закладываются уже на стадии целеполагания, поскольку формулируется задача, диссонирующая с основной управленческой стратегией – разрешением кризиса. В первом случае в качестве побочной задачи ставится сокрытие информации от общества и избежание открытого обсуждения, во втором – извлечение политической или экономической выгоды из кризисной ситуации при помощи технологий «виктимизации» [8, р. 45–46] и «государственного управления страхом» [17]. Указанные противоречия на стадии целеполагания оказывают деструктивное воздействие на все элементы системы.

Другой фактор, который необходимо учитывать – типология кризисов в зависимости от социальной реакции, которую они провоцируют. Классификация социолога Э. Карантелли [14] предполагает деление кризисов на:

- конфликтные, в которых одна сторона стремится обострить ситуацию (теракты, социальные волнения, революции и бунты, межэтнические столкновения и внутригрупповые конфликты);
- консенсусные, когда в обществе существует согласие, что кризис нужно преодолеть как можно скорее (природные и большинство техногенных кризисов).

Эти кризисы существенно различаются по таким показателям, как поведенческая, организационная реакция и освещение в СМИ. В случае консенсусных кризисов у людей проявляется тенденция к взаимопомощи, рациональность их мышления и адекватность поступков остаются на прежнем уровне или повышаются, а уровень преступности и насилия понижается. Консенсусные кризисы часто несут в себе положительный фактор консолидации общества. В периоды кон-

фликтных кризисов, напротив, людям свойственна паника, агрессивное поведение и мародерство.

Конфликтные кризисы провоцируют межгрупповые противоречия, их психологические последствия значительно тяжелее, часто население становится объектом информационно-психологических манипуляций. Интерес массмедиа к конфликтным кризисам выше, журналисты стремятся отразить две стороны конфликта и намеренно подогревают ситуацию. Однако типология Э. Карантелли не учитывает значительную часть кризисных явлений, которые генерируют не конфликт, но общественную дискуссию и поляризацию мнений, что характерно для сложных структурных кризисных явлений, затрагивающих основные системы (политическую, социокультурную, экономическую, экологическую) и институты. С этой целью мы предлагаем дополнить существующую классификацию третьим видом – полемогенными кризисами, используя определение французского социолога Ж. Фройнда [9]. Указанные типы кризисов требуют применения различных управленческих моделей, особенно в отношении информационного обеспечения самоорганизации и гражданского участия.

Конфликтным кризисам соответствует традиционная модель информационного управления. Подсистема принятия решений предполагает централизацию на стратегическом уровне и отсутствие процедур согласования для оперативных решений. Обработка информации включает в себя:

- мониторинг актуальных социальных проблем, которые часто лежат в основе конфронтации [10, р. 156];
- конфликтный анализ;
- отслеживание социально-психологических угроз и манипуляций;
- сравнительный анализ присутствия сторон в информационном пространстве;
- осмысление как процесс понимания ситуации и предания ей определенного значения с целью сократить неопределенность и многоголосие, препятствующие конструктивному социальному действию [13].

Координация осуществляется посредством ситуационной иерархии. Внешние коммуникации представлены тремя направлениями [15]: инструктирующей информацией, управлением репутацией и психокорректирующей информацией, нацеленной на уменьшение травматического эффекта и противодействие информационно-психологическим манипуляциям. В силу особенностей конфликтного кризиса участие граждан в его преодолении ограничено. Основным акцентом в информационной политике властей должен делаться, напротив, на пресечение деструктивной самоорганизации, ведущей к межгрупповым конфликтам и насилию.

Консенсусные кризисы характеризуются социальной солидарностью и высокой степенью конструктивной гражданской самоорга-

низации, поэтому партисипативная модель информационного управления предполагает полноценное участие граждан во всех элементах системы. Социологические исследования [2; 5] демонстрируют рост гражданской активности и формирование в России добровольчества как социального института. Развитие информационных технологий и демократические процессы сделали возможными новые типы волонтерства, в частности участие граждан в процессе генерирования, обработки и анализа информации. Одним из возможных форматов является «гражданская наука» [12], под которой в кризисном управлении, как правило, понимается участие в оценке рисков и уязвимостей представителей местного сообщества, которые не являются профессиональными учеными, однако обладают уникальным знанием локальной специфики и высокой степенью личной мотивации.

Другой формой участия граждан в данном механизме, возникшей благодаря массовому использованию геолокационных сервисов, является создание добровольцами информационных карт кризиса, включающих в себя: данные о пострадавших и их нуждах; данные о волонтерах, находящихся в зоне бедствия; инфраструктурную информацию; мониторинг ситуации в реальном времени. Задача органов государственной власти – интеграция официальной информации с генерируемой населением и встраивание данной информации в подсистему принятия решений, что требует технологического [11] и законодательного обеспечения. Механизм координации и коммуникаций участников управления направлен на эффективное взаимодействие органов государственной власти с активными гражданами, которые являются не внешней аудиторией, а полноценными субъектами кризисного управления.

Взаимодействие гражданских и институциональных акторов без бюрократических барьеров возможно на базе электронной площадки в Интернете. В рамках данной модели граждане также принимают участие в кризисных коммуникациях не только как получатели информации, но и как ее распространители. Ими являются местные лидеры, а также социально ответственные блогеры – «гражданские журналисты» [7]. В рамках данной модели государство поощряет самоорганизацию путем создания устойчивых аттракторов – культуры добровольчества и конструктивных социальных практик. Например, в

США для этих целей была создана Правительственная корпорация государственной и муниципальной службы.

Переговорно-диалоговая модель для разрешения полемогенных кризисов направлена на реализацию предложенной Ю. Хабермасом концепции коммуникативного действия [6]. Поскольку современные сложные кризисы требуют участия множества акторов, имеющих особое видение кризисной ситуации и собственные интересы, «кризисное принятие решений в таком контексте может рассматриваться как процесс переговоров» [16]. На уровне обработки информации первостепенная задача органов государственной власти – выявить основные кризисные тенденции в каждой из ключевых систем, а также социальные группы, чьи мнения и интересы должны быть учтены. Затем определение причин кризисов, их прогнозирование и разработка антикризисных мер осуществляется с учетом интересов и рекомендаций экспертных представителей различных групп. Данный механизм может функционировать в формате многостороннего диалога по актуальной проблематике (пример: «Общество–Правительство: диалоги о ядерной политике» [3]).

Можно выделить два основных подхода к координации: публичное обсуждение проблем и совместное решение задач. Первый подход предполагает организацию общественного диалога, который может приобретать форму дискуссии, «гражданского жюри» [4, с. 209] или переговоров. Координация через совместное решение задач (в том числе удаленно, посредством «консультативных программных платформ» [4, с. 205] в сети Интернет) означает дробление сложной тематики и постановку конкретных практических вопросов, требующих обсуждения и решения. Подсистема внешних коммуникаций основана на внедрении культуры общественного диалога. Ключевой особенностью коммуникаций в рамках данной модели является осуществление надкоммуникационной практики фасилитации взаимодействия участников кризисного управления, предположительно на базе механизмов Открытого правительства. В результате конструктивного диалога разрозненные сети интересов могут трансформироваться в единую сеть обмена знаниями. Применение данной стратегии не только минимизирует кризисные явления, но также стимулирует развитие демократии участия и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 240 с.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Добровольчество в России: потенциал участия молодежи. М., 2011. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111713>.
3. Миронова Н. И. Роль гражданского социума в современном государственном управлении. Дис. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006. 198 с.
4. Новек Б. Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. М.: Альпина Пабlishер, 2012. 290 с.

■ Социология

5. Фонд Общественное Мнение. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». М., 2012. URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
7. Allan, S., Thorsen, E. (eds.). Citizen Journalism: Global Perspectives. N. Y.: Peter Lang Publishing, 2009. 277 p.
8. Altheide, D. L. Terror Post 9/11 and the Media. N. Y.: Peter Lang Publishing, 2009. 214 p.
9. Freund, J. Observations sur Deux Catégories de la Dynamique Polémogène; de la Crise au Conflit // Communications, 1976. № 25. P.101–112.
10. Lerbinger, O. The Crisis Manager: Facing Disasters, Conflicts, and Failures. N. Y.: Routledge Communication Series, 2012. 378 p.
11. Limbu, M. K. Integration of Crowdsourced Information with Traditional Crisis and Disaster Management Information using Linked Data. Master's Thesis. Muenster, 2012.
12. McCormick, S. After the Cap: Risk Assessment, Citizen Science and Disaster Recovery // Ecology and Society, 2012. № 17 (4).
13. Muhren, W. J., Walle, B. A. van de. Sense-making and Information Management in Emergency Response. Bulletin of the American Society for Information Science and Technology, 2010. № 36 (5).
14. Quarantelli, E. L. Community Crises: An Exploratory Comparison of the Characteristics and Consequences of Disasters and Riots // Journal of Contingencies and Crisis Management, 1993. Vol. 1 (2) P. 67–78..
15. Sturges, D. L. Communicating through Crisis: a Strategy for Organizational Survival // Management Communication Quarterly, 1994. № 7 (3). P. 297–316.
16. Van Santen, W., Jonker, C., Wijngaards, N. Crisis Decision Making through a Negotiation Mental Model // Proceedings of the 6th International ISCRAMConference. Gothenburg, 2009. URL: http://www.iscramlive.org/ISCRAM2009/papers/Contributions/215_Crisis%20Decision%20Making%20Through%20a%20Shared_van%20Santen2009.pdf.
17. Virilio, P., Richard, B. L'Administration de la Peur. Paris: Editions Textuel, 2010. 94 p.

Об авторе

Грызунова Елена Аркадьевна – аспирант кафедры связей с общественностью МГИМО (У) МИД России по специальности социология управления. E-mail: mail2.elena@mail.ru

MODELS OF GOVERNMENTAL CRISIS COMMUNICATIONS AND INFORMATION MANAGEMENT

E. A. Gryzunova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The research deals with the information system of public administration aimed at decision-making and communication with the society in a crisis. The system's functionality depends on adequacy of goal-setting and on correspondence of the chosen strategy to a crisis type which differ by social response. The author substantiates traditional model of crisis communications and information management for solving conflict crises, while consensus crises require participative model, and polemic crises are recommended to be managed by negotiation and dialogue facilitation model. The negotiation and dialogue facilitation model for managing polemic crises is aimed at realization of a communicative action concept advocated by J. Habermas. As long as modern complex crises require participation of multiple actors which have different visions of a crisis situation and specific interests, "crisis decision making in such context can be seen as a negotiation process" [16]. On the level of information processing the primary step is to discover both major crisis tendencies in each of the core social systems, and social groups whose opinions and interests should be considered. After that definition of possible crisis triggers, forecasting and crisis planning are realized taking into consideration interests and expert recommendations of different social groups' representatives. Two basic ways of coordination are suggested: public discussion of issues, or collaborative*

problem-solving. The first way requires organization of a public dialogue in a form of discussion, citizen jury, or negotiations. Coordination through collaborative problem-solving implies fragmentation of a complex subject which means reducing it into concrete practical questions that require discussion and decision-making. Communication within the framework of the described model is remarkable for the supra-communicative practice of facilitating the interaction of the crisis management participants.

Keywords: public administration, crisis, crisis communication, crisis informatics, conflict resolution, citizen society, participative governance, volunteering, self-organization, public dialogue.

References

1. Berger P. L., Luckmann T. Social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. Garden City, New York, Anchor Books, 1967. 240 p.
2. Russian Public Opinion Research Center. Volunteering in Russia: youth's potential (2011). Available at <http://www.wciom.com/index.php?id=61&uid=6> (accessed 13 September 2013). (Russ. ed.: Vserossiiskii tsentr izucheniia obshchestvennogo mneniia. Dobrovol'chestvo v Rossii: potentsial uchastiia molodezhi).
3. Mironova N. I. Rol' grazhdanskogo sotsiuma v sovremennom gosudarstvennom upravlenii. Dis. kand. sots. nauk [Role of citizen society in contemporary public administration. PhD thesis in sociology]. Yekaterinburg, 2006. 198 p.
4. Noveck B. S. Wiki government: how technology can make government better, democracy stronger, and citizens more powerful. Washington, D. C., Brookings Institution Press, 2009. 224 p. (Russ. ed.: Noveck, B. S. Wiki-pravitel'stvo: kak tekhnologii mogut sdelat' vlast' luchshe, demokratiu - sil'nee, a grazhdan - vliiatel'nee. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 290 p.).
5. Fond Obshchestvennoe Mnenie [Public Opinion Foundation]. Otchet po proektu "Resurs dobrovol'cheskogo dvizheniia avangardnykh grupp dlia rossiiskoi modernizatsii" [Project report "The resource of volunteer movement in the leading social groups for Russian modernization"] (2012). Available at http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf (accessed 13 September 2013).
6. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1983. 208 p. (Russ. ed.: Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. St. Petersburg, Nauka, 2001. 380 p.).
7. Allan S., Thorsen E. (eds.). Citizen journalism: global perspectives. New York, Peter Lang Publishing, 2009. 277 p.
8. Altheide D. L. Terror post 9/11 and the Media. New York, Peter Lang Publishing, 2009. 214 p.
9. Freund J. Observations sur deux catégories de la dynamique polémique; de la crise au conflit. Communications, 1976, no 25, pp. 101-112.
10. Lerbinger O. The crisis manager: facing disasters, conflicts, and failures. New York, Routledge Communication Series, 2012. 378 p.
11. Limbu M. K. Integration of crowdsourced information with traditional crisis and disaster management Information using linked data. Master's thesis in geospatial technologies. Muenster, 2012.
12. McCormick S. After the cap: risk assessment, citizen science and disaster recovery. Ecology and society, 2012, vol. 17, no. 4. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol17/iss4/art31/> (accessed 13 September 2013).
13. Muhren W. J., Walle B. A. van de. Sense-making and information management in emergency response. Bulletin of the American Society for Information Science and Technology, 2010, vol. 36, no. 5. Available at: http://www.asis.org/Bulletin/Jun-10/JunJul10_Muhren_deWalle.pdf (accessed 13 September 2013).
14. Quarantelli E. L. Community crises: an exploratory comparison of the characteristics and consequences of disasters and riots. Journal of contingencies and crisis management, 1993, vol. 1, no. 2, pp. 67-78.
15. Sturges D. L. Communicating through crisis: a strategy for organizational survival. Management communication quarterly, 1994, vol. 7, no. 3, pp. 297-316.
16. Van Santen W., Jonker C., Wijngaards N. Crisis decision making through a negotiation mental model. Proceedings of the 6th International ISCRAM Conference. Gothenburg, 2009. Available at: http://www.iscramlive.org/ISCRAM2009/papers/Contributions/215_Crisis%20Decision%20Making%20Through%20a%20Shared_van%20Santen2009.pdf (accessed 13 September 2013).
17. Virilio P., Richard B. L'administration de la peur. Paris, Editions Textuel, 2010. 94 p.

About the author

Elena A. Gryzunova – PhD student in sociology, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). E-mail: mail2.elena@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА И ЖИЗНЕННЫЕ ВЫБОРЫ МОЛОДЕЖИ

Е.И. Кузьмина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются проблемы социального неравенства и жизненных шансов современной российской молодежи. Рассматриваются теоретические подходы к изучению социального расслоения, традиционные и новые формы социального неравенства. Приводятся результаты эмпирического онлайн-исследования, целью которого было выявление актуальных социальных неравенств, дифференцирующих столичную молодежь.

Выделяются пять основных детерминант социального неравенства:

– как и предполагалось, материальные условия жизни молодежи оказались на первом месте;

– второе место занял временной фактор. Свободное время для общения с друзьями, самообразования, хобби и отдыха в целом стало дефицитным благом для многих молодых людей;

– третья детерминанта – место и условия проживания: комфорт и престиж района проживания, его безопасность и социально-транспортная инфраструктура, а также качество жилищных условий человека;

– на четвертом месте расположился социально-интеллектуальный багаж человека и его социальный капитал – совокупность знаний и умений, востребованных на рынке труда;

– пятая детерминанта – это власть и влияние, способность воздействовать на других людей, проводить свою волю (влиять на близких, друзей, коллег, государственную власть, ситуацию в стране).

В результате социологического исследования было выявлено, что наряду с традиционными видами неравенства для молодежи Москвы становится все более актуальным такой новый вид неравенства, как дефицит времени на досуг.

Ключевые слова: молодежь, социальное неравенство, социальное расслоение, жизненные шансы, жизненные выборы.

Социальное неравенство, понимаемое как неравный доступ индивидов и групп к социально значимым благам, является важнейшей проблемой для любого общества и всей социальной науки. Научное осмысление расслоения общества, его причин и последствий началось в эпоху античности. Платон и Аристотель видели в неравенстве источник напряженности и социального неблагополучия. Платон [6] ввел дихотомическое деление всего населения на богатых и бедных. Аристотель усложнил понимание социальной структуры с помощью понятия «средний класс» – буфера между богатыми и бедными, который, с точки зрения философа, был гарантом социальной стабильности и устойчивости [1, с. 498]. Осмысление различных аспектов проблемы социального неравенства продолжилось в трудах Т. Гоббса, Д. Локка, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера, П. Сорокина и других классиков социальной философии и социологии [7]. Их воззрения не теряют своей значимости и в наше время. Тем не менее изменения социальной структуры (появление новых слоев, страт, групп) в эпоху глобальных трансформаций приводят к появлению новых неравенств. В меняющихся условиях формы социального неравенства становятся многообразнее и неоднозначнее. Они сложнее распознаются и диагностируются. Наряду с традиционными неравенствами (деньги, власть, образование, престиж) новые его формы в определенной степени являются характеристиками современного информационного общества [5].

К новым неравенствам относятся: информационное неравенство, профессиональное неравенство, неравенство-депривация, неравный доступ к мобильностям и безопасности. Эти неравенства еще мало исследованы. Для их эмпирического изучения требуются релевантные методологические подходы и эмпирические методы. Один из таких подходов разработал американский социолог Ллойд Уорнер, который предложил использовать стандартный индекс статусных характеристик [8]. Индекс включает в себя объективные критерии неравенства (происхождение, место жительства, доход, образование) и «субъективные» (оценки индивидов себя по сравнению с окружающими их людьми) критерии неравенства.

«Субъективный» подход Л. Уорнера лег в основу авторского эмпирического исследования, посвященного диагностике возможных новых форм социального неравенства в среде столичной молодежи, результаты которого будут рассмотрены далее. Онлайн-исследование, по результатам которого для анализа были отобраны анкеты 400 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в Москве. Выборка квотная, с квотированием по полу (47% мужчин и 53% женщин) и возрасту (все респонденты были разбиты на четыре возрастные группы: 18-22; 23-27; 28-35 лет. По данным Московского территориального органа государственной статистики, доли этих возрастных групп в составе населения Москвы примерно равны. Анкета была составлена в виде оценочных вопросов, на которые

респонденту предлагалось ответить, ориентируясь на порядковую пятибалльную шкалу (например, 1 – совсем недоступно, 5 – абсолютно доступно). Но прежде обратимся к еще одной принципиально важной составляющей неравенства – проблеме жизненных выборов и шансов.

Жизненные выборы и шансы в социологической теории

Жизненные выборы и шансы имеют принципиальное значение для изучения в первую очередь молодежи. Неодинаковость стартовых условий (материальное положение, регион проживания, доступ к информации и т.д.) во многом обуславливает жизненные выборы, жизненные шансы, а следовательно, и неравенство жизненных траекторий молодых людей. Проблема жизненных шансов вошла в социологию благодаря подходу Макса Вебера к пониманию сущности неравенства и его последствий. Понятие «жизненные шансы» появляется в веберовском определении «класса». По Веберу, можно говорить о классе только в том случае, если некоторая группа людей объединена «специфическим причинным компонентом, касающимся их жизненных шансов» [3, с. 148]. В концепции немецкого социолога жизненные шансы связаны с наличием прежде всего экономических возможностей, которые открывают дорогу к власти и престижу. Фактически под жизненными шансами Вебер понимает возможности индивидов улучшить качество своей жизни посредством доступа к экономическим и социальным ресурсам и проявить себя в обществе.

Исследование жизненных шансов получило свое развитие в работах Ральфа Дарендорфа. Согласно его концепции, именно попытка группы получить большее количество жизненных шансов лежит в основании преобразующих общество и социальную структуру конфликтов. По Дарендорфу, шанс – это больше, чем предпосылка действия, однако меньше, чем само действие. «Жизненные шансы есть функция опций и лигатур» – такое определение дает ученый [4, с. 34]. Под опциями Дарендорф подразумевает особую «комбинацию прав и их обеспечение». Права или выборы, предоставляемые обществом, вариативность и количество этих выборов, с одной стороны, и возможности их полноценной реализации и использования – с другой, образуют поле опций, доступное человеку. Дарендорф указывает на то, что мир «предоставляет все больше возможностей выбора некоторым людям – прежде всего молодым, – никак не помогая им решить вопрос, какое значение будет иметь выбор той или иной опции» [4, с. 36].

«Спасательным кругом» в данной ситуации и является некая система координат-ценностей, которую Дарендорф именует лигатурами. По Дарендорфу, лигатуры есть суть глубинной культуры, «поддерживающей и направляющей общество», своеобразный «нравственный скелет» социума. Однако уже Р. Дарендорф замечает в обществе тенденцию к индивидуализации и увеличению количества выборов и возможностей. Своеобразного «пика»

эта тенденция достигает в XXI столетии. Как замечает Зигмунт Бауман, современное западное общество идет по пути тотальной индивидуализации, которая становится лейтмотивом эпохи постмодернити. В общественном пространстве остается все меньше общественных проблем; личное, интимное и индивидуальное правит бал, перестает быть частным делом и выходит на всеобщее обозрение [2]. Становясь пространством повсеместной свободы, социальная реальность позиционируется как поле практически безграничных возможностей и жизненных шансов. Но, согласно позиции Баумана, «приобретенная» человечеством свобода оказывается кажимостью и профанацией.

В современном индивидуализированном обществе человек оказывается один на один с огромным количеством предоставляемых жизненных шансов, которые он не может реализовать и в силу их чрезмерного количества, и по причине разрушения тех самых глубинных культурных основ, лигатур, как их называет Дарендорф, которые помогали человеку совершить нужный выбор. Бауман описывает эту ситуацию как «жизнь в мире, полном возможностей, каждая из которых более привлекательна, чем предыдущая» [2, с. 70]. Применяя к современному миру метафору потребления, Бауман утверждает, что отчаяние и неспособность совершить выбор из всех предоставленных возможностей исходит именно от изобилия и страха не суметь использовать все свои возможности на «сто процентов». Рассмотрев теорию, перейдем к результатам эмпирического исследования.

Жизненные выборы российской молодежи

Сначала остановимся на том, что осложняет жизненные выборы российской молодежи:

- во-первых, это современные вызовы индивидуализированного общества;
- во-вторых, это сохраняющееся традиционное структурное неравенство;
- в-третьих, это появление новых социальных неравенств.

Результаты исследования, проведенного автором данной статьи, показывают, что неравенство жизненных шансов столичной молодежи могут

обуславливать пять основных детерминант. Как и предполагалось, материальные условия жизни молодежи оказались на первом месте. Они измерялись с помощью следующих показателей:

- а) уровень доходов;
- б) доступ к социально значимым благам (качественному медицинскому обслуживанию, образованию в России и за рубежом для себя и своих детей, отдыху в России и за границей, получению качественных бытовых услуг, занятиям платным спортом, походам в театры, музеи, на концерты и т.д.);
- в) оценка респондентом своих материальных условий жизни по сравнению с его окружением (друзьями, коллегами, соседями).

Второе место занял временной фактор. Свободное время для общения с друзьями, самобразования, хобби и отдыха в целом стало дефицитным благом для многих молодых людей. Его наличие предоставляет дополнительные шансы для совершения выбора. Третья детерминанта – место и условия проживания: комфорт и престиж района проживания, его безопасность и социально-транспортная инфраструктура, а также качество жилищных условий человека. На четвертом месте расположился социально-интеллектуальный багаж человека и его социальный капитал – совокупность знаний и умений, востребованных на рынке труда. Пятая детерминанта – это власть и влияние, способность воздействовать на других людей, проводить свою волю (влиять на близких, друзей, коллег, государственную власть, ситуацию в стране).

В результате социологического исследования было выявлено, что наряду с традиционными видами неравенства – по доходу, власти, престижу – для Москвы становится все более актуальным такой новый вид неравенства, как временное неравенство, дефицит времени на досуг. Данный факт демонстрирует тенденцию нехватки времени в современном обществе, особенно если речь идет о молодежи, наиболее социально активной группе, проживающей в мегаполисе. Время становится дефицитным благом и ресурсом и имеет особую ценность.

Список литературы

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
2. Бауман З. Текучая современность/ пер. с англ. под ред. Ю.В.Асочкова. СПб.: Питер, 2008.
3. Вебер М. Основные понятия стратификации// Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы/ Пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
5. Мирошниченко Г.Л. Информационная эпоха: новые формы социального неравенства // Режим доступа <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0sor--00-0-0-0prompt-10---4-----0-0l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0utfZz-8-10&a=d&c=sor&cl=CL1&d=HASHda9426d24e>
6. Платон. Государство. М.: Наука, 2005.
7. Радаев В.В., Шкаратан О.И.// Социальная стратификация: учеб. пособие// М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Warner L. Social Class in America. Chicago, 1949.

Об авторе

Кузьмина Елена Игоревна – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: Helen.i.kuzmina@gmail.com

THE YOUTH IN RUSSIA: INEQUALITIES AND LIVING CHOICES**E.I. Kuzmina**

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The paper analyzes the problems of social inequality and life chances of modern Russian youth. Theoretical grounds of the research are the classical and the contemporary social theories concerning social inequality (Parsons, Weber, Sorokin, Warner). The traditional and new forms of inequality are discussed in the paper. The results of the author's online survey are presented. The aim of the survey is to find out the actual social inequalities which draw a distinction between Moscow youngsters.*

Particular attention has been given to the determinants of social inequality. The results of the survey show that among the priority ones there are the five major determinants:

- the first one is the material status;*
- the second place goes to temporal factor. Spare time for communication with friends, self-education, hobbies and leisure has become not easily available for many young people;*
- the third determinant is the place of living and living conditions: the comfort and prestige of city district, its safety and infrastructure;*
- the fourth place is taken by mental outfit and social capital, in other words, by the body of knowledge and skills which is in demand on the labour market;*
- the fifth factor is the power, the ability to influence other people (relatives, friends, colleagues, government)*

We have found out that along with the traditional inequalities the new form of inequality – the temporal inequality – is becoming more and more significant for the Russian youth.

Key words: youth, social inequality, social stratification, life chances, life choices.

References

1. Aristotel' Politika [The Policy]. Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1983
2. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid modernity] / per. s angl. pod red. Ju.V.Asochkova. Spb.: Piter, 2008
3. Weber M. Osnovnye ponjatija stratifikacii [The basic concepts of social stratification]. Sociologicheskie issledovanija, 1994, № 5. S. 147-156.
4. Daredorf R. Sovremennij social'nyj konflikt. Ocherk politiki svobody [The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty]. Per. s nem. – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJEN), 2002
5. Miroshnichenko G.L. Informacionnaja jepoha: novye formy social'nogo neravenstva [The information age: new forms of social inequality]. Rezhim dostupa <http://lib.socio.msu.ru/l/library?e=d-000-00---0sor-00-0-0-0prompt-10---4-----0-0l--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0utfZz-8-10&a=d&c=sor&cl=CL1&d=HASHda9426d24e>
6. Platon Gosudarstvo [The state]. M.: Nauka, 2005.
7. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social'naja stratifikacija: Ucheb. posobie. [Social stratification]. M.: Aspekt Press, 1996.
8. Warner L. Social Class in America. Chicago. 1949.

About the author

Elena I. Kuzmina – PhD student, Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations.
E-mail: Helen.i.kuzmina@gmail.com

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАССМЕДИА И ОБЩЕСТВА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д.И. Чистяков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются социальные проблемы, вызванные специфическим воздействием средств массовых коммуникаций на индивидов и общество. На основе рефлексии социологических теорий и дискурсов периодов позднего модерна и постмодерна показаны трансформации массмедиа и целевой аудитории в движении социума к постсовременности. Массмедиа эпохи постмодерна рассматривается как специфический социальный институт с выделением основных характеристик его институционализации. Выводится модель коммуникаций между производителями информации и реципиентами. Автор исходит из предпосылки, что человек современного мира включен в качественно иные коммуникационные отношения, нежели в предшествующий период позднего модерна. Структурную целостность взаимоотношениям массмедиа и общества придает массовая коммуникация в ее одновременной направленности одного коммуникатора массам, зачастую превращающаяся в одностороннее воздействие на реципиентов. В статье прослеживается изменившийся характер информации, которая уже не воспринимается дискретными блоками. Потребители скорее имеют дело с гигантскими бездонными потоками сообщений, выхватывая на мгновения то, что кажется им интересным и необходимым. В коммуникационном пространстве массмедиа создают бесконечное множество сообщений, знаков, символов, которые не просто формируют особую медийную реальность, но и предоставляют средства к ее познанию. При определенных условиях медиа могут подменять объективный мир, создавая свою симулятивную реальность, отличающуюся иллюзорностью и постоянным воспроизводством образов, далеких от истинного и реалистичного преподнесения информации. Проводится идея, что именно институционализация позволяет массмедиа имитировать реальные взаимодействия сообществ людей и коммуникаторов, а значит, имитировать сам процесс коммуникации. Тем самым массмедиа усиливает свой потенциал в регулировании социальной жизни. Автор приходит к выводу, что сегодня необходимы новые методы аналитического теоретизирования, способные обеспечить понимание радикально изменившейся действительности.

Ключевые слова: массмедиа, массовая коммуникация, модель коммуникаций, модерн, постмодерн, медиатизация, печатные медиа, цифровые массмедиа, информация, социальный институт медиа.

В рассмотрении проблем воздействия массмедиа на каждого индивида и общество в целом следует исходить из важнейшей теоретической предпосылки о том, что человек современного мира (будь это реципиент, пассивно воспринимающий информацию, либо коммуникатор, создающий определенный медийный контент) включен в коммуникационные отношения радикально иного характера, нежели в предшествующий период. Социологи выделяют эти отношения как «поздний модерн» или «тяжелая современность» (З. Бауман), «радикальный модерн» или «ускользающий мир» (Э. Гидденс).

Российский ученый С.А. Кравченко отмечает, что в истории дискурсов мировой социологии о динамично усложняющемся обществе эпохи модерна «как нового состояния социального и культурного развития общества» можно выделить пять «метaparадигм» с соответствующим категориальным аппаратом и характерной методологией исследования. Для анализа существенных характеристик и социальных реалий «поздней» стадии развития модерна возникла «рефлексивная метaparадигма» [1, с. 24] социологической мысли. В рамках этой парадигмы научные теории отражали процесс становления качественно нового социума. В этом процессе нашли выражение институциональные изменения, разрывы социальной действительности, ускорившееся структурно-функциональное движение общества к большей степени самоорганизации, индивидуализма, риска, упразднения старых форм организации и перехода их в радикально новые. Современный социолог У. Бек определял этот этап модерна как стадия, которая зависит от самой себя и в которой модернизация переплавляет все привычные коммуникативные и институциональные связи [2].

Общества на этапе «рефлексивной современности» охвачены постмодернизационными процессами, которые происходят во всех сферах социальной жизни, прежде всего в сегменте массмедиа и в созданном ими качественно новым информационно-коммуникативном пространстве. Средства массовой коммуникации к началу XXI столетия претерпели радикальные изменения и связаны с глобализацией, информатизацией и технократизацией общества. Появляются новые медийные формы (Интернет, мобильные технологии, альтернативные информационные и социальные сети), которые конституируют, определяют в эту эпоху общественную жизнь и жизнь каждого отдельного человека.

Средства массовой информации и медиапродукты (образы, символы, знаки, мифы, сообщения, рекламные клипы) в постмодерне становятся ключом для познания реальности, а иногда выступают и в роли самой реальности. Более того, социальные взаимосвязи также определяются и обуславливаются специфическими коммуникациями, культурно-информационным воздействием, процессом «медиазации» [3, р. 24], являющимися следствием развития массме-

дийных средств и приобретения ими доминирующего влияния в обществе постсовременной эпохи.

Человек постмодерна, погруженный в медийную, экранную культуру, оказывается под воздействием технологически развитых коммуникационных средств и тем самым становится продуктом феномена, который называют сейчас «новым медиа». Именно этот процесс вовлечения реального субъекта, общества в целом в искусственный мир медийных знаков, коннотаций, сообщений словенский философ С. Жижек, вслед за теоретическими построениями П. Вирилио, называет «прогрессирующей медиазацией». Процессы тотального проникновения медийных сообщений в реальную жизнь людей воздействуют на повседневность таким образом, что «субъект оказывается все в большей и большей степени «опосредованным», «медиазированным», незаметно лишаясь своей власти под фальшивым прикрытием якобы ее усиления» [4, с. 119].

С. Жижек пишет в своей работе о том, как современная культура захватывает общество, изменяя сознание, превращая человека и окружающий его мир в виртуальный, искусственный. Медиазация, с его точки зрения, превращает все реальное в искусственное. Этот мыслитель пишет о «теле, которое почти полностью «медиазировано», функционирует с помощью протезов и говорит искусственным голосом» [4, с. 125]. Не поддаваясь абсолютизации описанных С. Жижеком тенденций, отметим, что он ухватывает самую суть современных социально-культурных процессов, связанных с влиянием массмедийных структур на общество и на каждого индивида. В постсовременную эпоху субъект вовлечен в бесконечно циркулирующие потоки информации, для производства и передачи которых, собственно, и создавались средства, которые даже терминологически отражают их назначение: «средства массовых коммуникаций», «массмедиа», «средства массовой информации».

Возникшие в 1920–1930-х гг. традиционного типа первые массмедийные структуры (газеты, журналы, кино, радио), как и их продукты, формировались для широкого массового потребления. Подчеркнем, что сами термины «массмедиа» и «массовые коммуникации» появляются в начале XX в., исходя из необходимости объяснения нового социального феномена, появляющегося на основании индустриализации, идей демократии, массовых миграций, то есть современного мира (мира позднего модерна). Американский теоретик массовых коммуникаций Д. Маккуэйл считает, что создающие открытое пространство коммуникаций массмедиа уже в ранний период своего существования постепенно приобретали ключевую значимость и претендовали на основание совершенно нового общества, связанного с установлением национальных государств, развитием промышленности, ускоренной урбанизацией, новыми политическими и религиозными идеями, миграционными процессами [5, р. 4].

Появление средств массовых коммуникаций было локально определено в промышленном плане наиболее развитыми в означенную эпоху европейскими и североамериканскими государствами. Политические и социальные изменения в этих странах, экономические и финансовые движения и риски, рост международного напряжения – все это требовало объяснения, мобилизации людских ресурсов, вовлечения граждан в происходящие события. Возникающие ранние массмедиа зарождались в контексте социокультурных трансформаций и противоречий на международной арене первой четверти XX в. и оставались впоследствии глубоко вовлеченными, укорененными в традиции культуры и общественное развитие западных национальных государств.

С момента возникновения первых медиа формируются и теоретические направления в обосновании массовых коммуникаций, концептуальные подходы к осмыслению деятельности средств массовой информации и их воздействия на индивидуальное и общественное сознание. Возникает и первая волна общественных дискуссий о месте и роли массмедиа в обществе и, наконец, первые всплески общественных волнений, вызванных ощущением значимости медиа как нового социального феномена.

Начиная с ранних традиционных массмедийных структур и по мере их становления и превращения в мощный социальный институт современности социологи исходили прежде всего из анализа той аудитории, для которой и создавались информационные средства. Аналитические описания целевой аудитории первых медиа были достаточно близки к содержательному пониманию массы или массового сообщества людей. Изначальное значение (в своей основе сохраняющееся и в настоящее время) категория «массовая коммуникация» получает от понимания объединения людей в некоторую массу и в большей степени – от осмысления характеристик массмедиа, чем от идеи коммуникации. В целом медийная аудитория характеризовалась как массовое скопление людей, не поддающихся подсчету, с недифференцированным гомогенным составом и отсутствием внутренней структуры, прагматичного порядка, рациональных целевых установок. Такой аудитории, как правило, свойственно психологически негативное восприятие происходящих событий или предложений, исходящих от властных структур.

Концепт массового общества получил широкую научную разработку в 1940 – 1950-х гг. прошлого столетия. Американский социолог Герберт Блумер одним из первых сформулировал в 1939 г. определение массовой аудитории, рассматривая ее как новый тип социальной формации в современном обществе, которая противоположна группе, толпе и публике [7]. Массовая аудитория, по его мнению, характеризуется большим количеством читателей, зрителей, слушателей, то есть тех лиц, которые получают передаваемые сообщения в различных формах, из чего проистекает ее высокий уровень рассредоточенности. Внутри массовой

медийной аудитории, согласно Г. Блумеру, наблюдается неинтерактивный и анонимный характер, гомогенность и неорганизованность, действия людей зачастую самостоятельны и бессистемны. В силу подверженности таковым принципам существования массовая аудитория уже на ранних стадиях своего генезиса становится объектом манипулирования со стороны медийных структур.

Понимание массовости в последующие десятилетия оказалось в центре внимания многих теоретико-социологических направлений и эмпирических исследований в гуманитарной сфере. В этот период категориальный строй социальных наук пополнялся в основном негативным содержанием терминов, связанных с массовым обществом. Понятия «масса», «массовость» формировались под воздействием рассуждений буквально о масштабах массового сообщества и включали следующие его характеристики: неопределенность, анонимность, игнорирование всеобщих требований и норм, отсутствие стабильности и рациональности, невосприимчивость к убеждениям и предложениям извне.

Социолог Л. Брэмсон отмечал, что раннее понимание массы вытекало из значений «обычные люди», необразованные, нерациональные, неуправляемые, потенциально жестокие, в критический момент социальных столкновений готовые перейти на сторону протестующей толпы [8]. Подобного рода массовые социальные движения должны были быть под контролем и руководством, и массмедиа первой половины XX в. формируют модель коммуникаций, обеспечивающую необходимое управление и соответствующее содержание передаваемых информационных сообщений.

В своей теории Д. Маккуэйл фиксирует следующие типологические черты определившейся модели коммуникаций между производителями информации и обществом, предложенной еще «ранними» СМИ и вытекающей из объективных характеристик развития массмедиа:

- централизованное производство контента несколькими крупными каналами с центрально-периферической широкомасштабной системой распространения, как правило, иерархической и односторонней;
- организация производства и распределения происходит соответственно либо логике рынка, либо как государственный институт общественной коммуникации;
- содержание сообщений в стандартизированных формах открыто всем, но также подчинено нормативной цензуре и политическому надзору;
- массовая аудитория получателей информации состоит из разбросанных, обособленных, изолированных друг от друга, анонимных индивидов;
- взаимоотношения коммуникаторов и реципиентов носят характер персонифицированной и асимметричной связи;
- реализация главной цели убеждения и информирования людей в процессе коммуникаций находится в зависимости от престижа и популярности медийных источников, осуществления

монополистического контроля за каналами, возможностью мгновенного восприятия поступающего сообщения, мастерства и профессионализма практиков, создающих сообщения и обеспечивающих высокий уровень содержания производимой информации [5].

Указанная коммуникационная модель занимает прочное место в современном социуме даже в более структурированном и стратифицированном виде, чем на раннем этапе ее возникновения. Содержательное наполнение формируемой целостности взаимоотношений массмедиа и общества придает понимание массовой коммуникации. Отметим, что основной и наиболее значимой характеристикой массовой коммуникации является ее одновременная направленность на многих (*one-to-many*). Многочисленная публика, невидимая коммуникатору, но предполагаемая как определенная целевая аудитория, становится объектом для направленного информационного воздействия со стороны медийных структур. Потенциальная медийная аудитория рассматривается как сообщество анонимных потребителей, что, с нашей точки зрения, ограничивает силу воздействия на массы и возможности манипулирования общественным сознанием. Коммуникатор, создающий и передающий сообщения, во взаимоотношении «массмедиа – общество» есть либо организация, либо человек-профессионал, относящийся к медиаструктуре. В данном соотношении процесс коммуникаций выступает как односторонний, однонаправленный, обезличенный: в нем участвуют только сами массмедиа. Коммуникатор и массовая аудитория разделены в физическом и в социальном плане.

Информационно-коммуникационное пространство формируется поэтому таким образом, что отношения «коммуникатор – реципиент» не только асимметричны, но и зачастую оказываются в соответствии соподчинения, зависимости, манипуляционного воздействия. Ж. Бодрийяр по этому поводу в работе «К критике политической экономики знака» писал, что воздействие медиа также однонаправленно, как и реализация власти посредством односторонней связи. На медийный текст никогда не может быть получен ответ. Поэтому средства массовой коммуникации, по Бодрийяру, осуществляют «не-коммуникацию», функционируя как проводники власти [10].

Содержание коммуникационных сообщений в современном мире производится массово, непрерывно, стандартизировано, превращаясь в постоянно циркулируемый поток. Информационный контент постоянно используется заново, теряя свою уникальность и оригинальность. Постоянная репродукция и неоднократное использование созданных медийных форм приводит к потере объективности и зачастую исключает истинность и реалистичность преподносимой информации. Такие процессы особенно актуальны в постсовременном обществе, для которого характерны, по меткому выражению Ж. Бодрийяра, постоянное «воспроизводство воспроизводства»

образов и знаков и массовое продуцирование «копий копий» [11]. Однажды созданное и постоянно воспроизводимое миром массмедиа коммуникативное пространство обуславливает вечный «ксерокс культуры» [12] и никогда не утасаживающий процесс создания информационного контента, направляемого на потребителя.

В рассмотрении процесса массовой коммуникации важны идеи Режи Дебрэ, французского социолога, основателя «медиологии» как учения о средствах передачи знаний и традиций. Взгляды этого мыслителя устанавливают новый методологический подход к рассмотрению взаимодействия медийных средств и воспринимающих субъектов. Французский социолог термин «коммуникация» рассматривает в компаративном анализе с термином «передача», видя в них становление не только двух противоположных категорий, но и двух процессов, глубоко различны и вместе с тем взаимообусловлены.

Сопоставляя «коммуникацию» и «передачу», Р. Дебрэ рассматривает первую как социологическую категорию, имея в виду обращение сообщений в определенный момент времени и межличностную психологию между отправителем и получателем информации. Осмысление же второй он связывает с историческим и антропологическим постижением динамики коллективной памяти, традиций культуры и ценностей, а также с их стартовой позицией в виде некоторых технических средств и материальных носителей. Таким образом, понимание категорий «коммуникация» и «передача» характеризуется противоположными смысловыми и содержательными значениями. «Коммуникация состоит в переносе информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, а передача – в переносе информации во времени, между различными пространственно-временными сферами» [11, с. 16]. Подчеркивая, что для осуществления передачи (*transmission*) необходима и коммуникация, Р. Дебрэ утверждает, что эти два феномена требуют собственных понятийных аппаратов, которые могут переходить из одной сферы в другую, но не становятся при этом тождественными и неразличимыми. С его точки зрения, медиология обеспечивает категориально-аналитический аппарат для передачи коллективной памяти и культуры из поколения в поколение.

Важнейшим в различении процессов коммуникации и передачи является факт наличия или отсутствия специального социального института, способствующего динамике передаваемых сообщений. Автор медиологии утверждает, что для осуществления «передачи» необходимо создание институтов (церковь, партия, семья, компания, школа), а для «коммуникации» важны создаваемые средства (массмедиа), причем эти средства относятся к новому поколению социальных институтов, имеют под собой массовую основу и нацелены на массовую целевую аудиторию. В самом процессе функционирования бинома передача/коммуникация также имеются существенные раз-

личения. Деятельность и функции, которые выполняют общество и государство для передачи, не играют первостепенной роли (или могут вообще не иметь места) в реализации коммуникации. Для коммуникации необходимо хорошо налаженная и постоянно действующая основа для развития массмедийных средств.

Французский социолог критически относится к позиции модерна с укрепившимся теоретическим взглядом о том, что можно осуществить передачу культурных ценностей и знаний посредством технических средств коммуникации, а тем более с помощью «выдохшихся и историчных медиа». Новые массмедиа, появившиеся в обществе постсовременности, преодолели, дисквалифицировали прежние медиа, перераспределили взаимоотношения между поставщиками информации и их реципиентами. Чтобы покорить время культурной передачи, нужна, по мнению Р. Дебрэ, «материальная машина» (например, алфавитное письмо) и обязательно социальный институт.

Немаловажную роль в движении этих двух процессов (передачи и коммуникации) играет тот значительный факт, что индустрия массмедиа, осуществляющая коммуникацию и стремительно совершенствующая средства коммуникаций, «опережает по скорости институты, пользующиеся медленным темпом передачи» [9, с. 20]. По сути, целостная система массмедиа опережает социальные институты, выполняющие передачу знаний, культуры, коллективной памяти из поколения в поколение.

Социальные институты сегодня, на наш взгляд, отстают в выполнении коммуникативных функций от нового образовавшегося сегмента массмедиа, поскольку не могут трансформироваться и подстраиваться под быстро изменяющееся общество так же эффективно и быстро, как это способны сделать мобильные, изначально формирующиеся под динамичный мир массмедийные структуры. С конца XX в. для схватывания все убыстряющихся темпов коммуникаций с массовой аудиторией и создаются новые медийные проводники, более разнообразные и сложные, чем в предшествующий ранний период возникновения медиа. Новые медиа доступны в любое время на цифровых устройствах и подразумевают активное участие реципиентов в создании и распространении контента.

Поколение цифровых медиа преодолевает односторонность в логике массмедийных коммуникаций, когда один коммуникатор вещает массе. Постмодерн принес спутниковое телевидение, цифровые носители информации, видео и Интернет, электронную почту и социальные сети, охватывающие миллионы потребителей. Благодаря виртуальным сетям все виды медиапродукции глобализируются, расширяются, комбинируются. Средства массовой информации завладевают огромной аудиторией, оправдав свое изначальное назначение массовости. Названные процессы способствуют тому, что медиа в постсовременную эпоху перерастают из первичной системы взаимо-

действия СМИ, общества и массовых коммуникаций в целостный социальный институт. Массмедиа сегодня – это институционализированная иерархия социокультурных и информационных монополий, являющаяся фундаментальным основанием для государственного или частного медиапроизводства.

Сила и влияние массмедиа в воздействии на общество во многом обуславливаются именно обстоятельством их институционализации, зарождающейся и развивающейся вокруг собственных ключевых видов деятельности – публикации и распространения информации. Несмотря на изменяющиеся технологии, массовая коммуникация и сейчас сохраняется внутри структуры массмедиа как социального института. Подобное положение относится как к самим массмедийным организациям, так и к общественным ожиданиям от института массмедиа, формирующимся в зависимости от категорий людей или сообществ, вступающих в процесс коммуникации в ответ на индивидуальные и коллективные медийные запросы.

Отметим и обратный процесс. Новые коммуникационные средства позволяют имитировать реальные взаимодействия коммуникаторов и сообществ людей. Социальная связь между производителями информации и потребителями зачастую превращается в симулятивную игру, имитирующую реальное участие людей в референдумах, выборах, общественных опросах, влияющих на ход или политической кампании, или политического процесса. В настоящее время отмечается уменьшение доверия и интереса людей к политическим процессам и событиям. З. Бауман пишет о кризисе «гражданственности и недооценки потенциала политических акций», что в целом выражается в стремительном падении интереса к «Политике с большой буквы» [12, с. 107]. Социальное взаимодействие между субъектом и объектом коммуникаций превращается в таких случаях в симулякр, предлагающий лишь иллюзорное отображение общественного мнения и необъективное освещение социальных событий. Общественное мнение как результат специфической игры в реальное взаимодействие между коммуникаторами и потребителями информации, в зависимости от целей создания и достижения определенного результата, может выступать как политическая «фантастическая гиперреальность, которая жива только благодаря монтажу и манипуляциям в ходе тестирования» [9, с. 136–137].

Во многом имитация социальных связей между коммуникаторами и реципиентами происходит по причине усиливающегося потенциала массмедиа влиять на общество и регулировать социальную жизнь. Стремление доминирующих групп – владельцев СМИ, политических или финансовых элит – подчинять массмедиа своим интересам не уменьшается и вызывает, в свою очередь, последующее доминантное воздействие на общественное сознание или определенную целевую аудиторию.

Поскольку массмедиа находятся в собственности или под контролем различных социальных

доминирующих групп (властных элит или частного капитала), то они занимают ключевые позиции в духовной жизни общества, формируя не только информационное, но и аксиологическое пространство. Средства массовой информации пытаются формировать унифицированную картину мира, которая соответствовала бы запросам всего общества. Редакционная политика, целевые установки массмедиа, взгляды коммуникаторов о выполняемой ими миссии подчинены задачам формирования определенной модели мира и общественного сознания, выгодного главенствующей или правящей группе. В таких условиях реальное взаимодействие между коммуникаторами и обществом, объективное отражение происходящих событий, создание альтернативных картин мира с принципами и ценностями бытия, отличающимися от представлений владельцев СМИ, достаточно затруднено, а иногда и невозможно. Именно поэтому социальное взаимодействие между массмедиа и обществом превратилось в специфическую нарративно-лингвистическую игру, имитирующую и симулирующую реальность и объективность этого взаимодействия.

Рассматривая массмедиа как социальный институт, следует отметить, что в современных демократических обществах не существует строго формализованного института массмедиа, подобного тем, которые существуют в различных социальных сферах (здравоохранения, образования, юстиции и т.д.). Институт массмедиа обладает спецификой, отличающей его от традиционных социальных институтов. Сегодня сами медиа стремятся разработать и развить собственные институциональные формы. Например, это характерно для такого вида массмедиа как «пресса». При существующих законах о СМИ, призванных обеспечивать регуляцию изданий, выработаны еще внутренние кодексы и нормы, определяющие деятельность изданий, издательств, медиакорпораций, журналистов и лиц, ответственных за данный вид деятельности. Пресса, согласно этим внутренним предписаниям, соглашается с рядом ограничений и ответственностью, получая в ответ ряд прав и привилегий, включая свободу прессы и слова.

Медиа, подпадающие под другую классификацию (например, вещательные), разрабатывают свои кодексы и нормы. Несмотря на некоторые специфические различия в императивных кодексах массмедийных структур, они в целом стандартизированы и в целостности составляют институт медиа. Д. Маккуэйл приводит следующие основополагающие характеристики и особенности, объединяющие средства массовой информации в социальный институт: основной целью и видом деятельности является производство и распространение знания (информации, идей, культурных ценностей); конкретные медиа получают функции, права и обязанности в общественной сфере; контроль за такими медиа осуществляет сам институт массмедиа во многом по принципу саморегуляции, границы которой заданы обществом, в том числе существующими законодательными актами о СМИ; нормы членства в институте массмедиа размыты и неясны; медиа свободны и в принципе независимы от политических и экономических сил [5, p. 59].

В заключение отметим, что институт массмедиа сегодня определяет деятельность человека, создает формы и модели его поведения. Один из таких устойчивых образцов поведения современного человека – постоянное ожидание поступления информации о событиях и фактах внутренней и международной жизни, включенность в непрерывающуюся циркуляцию сообщений, медийных шоу и рекламных клипов. Если вдруг прекратится информационный поток по причине технологического сбоя, то будет нарушена модель поведения человека с непредсказуемыми последствиями. Ж. Бодрийяр по этому поводу заметил: «Образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великопепных образов антропологии XX века» [10, с. 6]. Медийная информация ежедневно избавляет человека от «пустоты экрана», но в то же время во многом заменяет реальные социальные взаимодействия людей. Это – и достижение, и порок нашего времени.

Список литературы

1. Кравченко С. А. Модерн и постмодерн: старое и новое видение // Социол. Исслед. 2007. № 9.
2. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 272 p.
3. Virilio, P. The Aesthetics of Disappearance. New York: Semiotext(e), 1991. 128 p.
4. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. №1.
5. McQuail, D. McQuail's Mass Communication Theory. Sage, 2011. 632 p.
6. Blumer, H. The Mass, the Public, and Public Opinion. Lee A.M. (ed.) New Outlines of the Principles of Sociology. New York: Barnes and Noble, 1939.
7. Bramson, L. The Political Context of Sociology. Princeton, NJ. Princeton University Press, 1961. 175 p.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Добросвет; КДУ, 2007. 336 с.
9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: КДУ, 2009. 392 с.
10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет; КДУ, 2009. 260 с.
11. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009. 368 с.
12. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

Об авторе

Чистяков Денис Игоревич – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. Сфера научных интересов охватывает область исследований массовых коммуникаций, теорий медиа, институтов современного общества. E-mail: Chistyakov.d@gmail.com

DYNAMICS OF MEDIA AND SOCIETY INTERACTION IN COMMUNICATIVE SPACE

D.I. Chistyakov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is dedicated to the analysis of the social issues caused by mass-media impact on individuals and society. The author bases on reflection of sociological theories and discourses of late modern and postmodern and thus shows the transformation of media and their audience on the society's way to the postmodernity. Postmodern media are viewed as a specific social institution of postmodernity; the author also emphasizes the basic peculiarities of its institutionalization. Structural integrity between mass-media and society is ensured through mass communication in its one-sided direction of the only communicator to the masses, often turning into an influence on recipients. The article stems from the premise that a modern-day person is included in qualitatively and quantitatively other communications than in a preceding era of late modernity. Mass-media's influence on society is thus specific. Messages, images, symbols, signs created by media not only form our perspective, but also serve as keys to the perception of reality. A subject today is involved in endless interconnected streams of information, hence a subject doesn't consume information in discreet blocks anymore. Rather, we can imagine a subject standing knee-deep in a vast stream grabbing whatever he or she may find interesting. Under the certain conditions the very reality is being substituted by the virtual reality. The author shows and analyses the communication model of the basic information producers and recipients.*

Key words: mass-media, mass communication, model of communication, modernity, postmodernity, mediatisation, press, digital media, information, media institution.

References

1. Kravchenko S. A., 2007, Modern i postmodern: staroe i novoe videnie [Modernity and Postmodernity: Old and New Vision]. Sotsiol. Issled. 2007. № 9.
2. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 272 p.
3. Virilio, P. The Aesthetics of Disappearance. New York: Semiotext(e), 1991. 128 p.
4. Zizek S. Kiberprostranstvo, ili Nevynosimaia zamknutost' bytiia [Cyberspace or Unbearable Restraint of Existence]. Iskustvo kino. 1998, №1.
5. McQuail, D. McQuail's Mass Communication Theory. (6th edition). Sage, 2011. 632 p.
6. Blumer, H. The Mass, the Public, and Public Opinion. Lee A.M. (ed.) New Outlines of the Principles of Sociology. New York: Barnes and Noble, 1939.
7. Bramson, L. The Political Context of Sociology. Princeton, NJ. Princeton University Press, 1961. 175 p.
8. Baudrillard J. K kritike politicheskoi ekonomii znaka [For a Critique of the Political Economy of the Sign], M., Dobrosvet, KDU, 2007. 336 p.
9. Baudrillard J. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic Exchange and Death], M.: KDU, 2009. 392 p.
10. Baudrillard J. Prozhornost' zla [The Transparency of Evil], M.: Dobrosvet, KDU, 2009. 260 p.
11. Debray R. Vvedenie v mediologiiu [Introduction to Mediology], M.: Praxis, 2009. 368 p.
12. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. M.: Logos, 2005. 390 p.

About the author

Denis I. Chistyakov – the graduate student of Chair of sociology of MGIMO(U) the MFA of Russia.
E-mail: Chistyakov.d@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ «ДРУГИМ» В ОНЛАЙН- СОЦСЕТИ

А.А. Ширмазанян

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Автор анализирует соцсеть как социальный институт виртуального типа, в котором индивиды посредством определенных практик имеют возможность представить себя «другим». При этом отмечается, что с реальными социальными практиками их роднит то, что они относительно одинаковы в определенном пространстве и времени благодаря рефлексивности акторов. Выделяются три основных функциональных регулятора поведения в онлайн-соцсети: 1) количественные ограничения на самопредставления, задаваемые форматами информации; 2) качественное содержание самопредставления обусловлено нормами международного и российского законодательства; 3) ритуалы виртуального взаимодействия. Изучено и показано, как анкета пользователя VK влияет на взаимодействие между людьми, характер их коммуникации. Кейс-стади стандартной анкеты пользователя VK позволил раскрыть особенности коммуникационного инструментария соцсети, являющегося средством для приема и передачи информации представления себя «другим». В частности, проанализированы инструментальные возможности раздела анкеты «Жизненная позиция», включающего закрытые вопросы об экзистенциальных и социальных ценностях людей. Через выбор шаблонных ответов из ограниченного списка подсказок к этим вопросам человеку предлагается частично представить себя «другим» в онлайн-соцсети VK. В исследовании также рассматривается вопрос о функциях авторизированных страниц знаменитостей, являющихся своего рода референтами, «значимыми другими» для своих многочисленных поклонников.

Ключевые слова: представление себя «другим», онлайн-соцсети, рефлексивность, ритуалы, анкеты пользователя VK, анкета соцопроса, значимые «другие», перформативность.

В настоящее время активно формируется онлайн-соцсеть как социальный институт виртуального типа. Это принципиально новое, невиданное ранее социальное образование. В традиционном и даже индустриальном обществе социальный институт являлся формой организации и регулирования жизни (семья, государство, религия и т.д.), которая обеспечивала выполнение жизненно важных функций общества посредством осуществления социального контроля. Характер и содержание социального института радикально изменились сегодня, когда мир, по образному выражению английского социолога Э. Гидденса, стал не просто быстро меняться, а обрел принципиально иную социокультурную динамику, став «ускользающим» [4]. В этих условиях дисперсии и «текучести» социума [2] социальный институт перешел в новое качество. Он предстает в форме «социальных практик, упорядоченных в пространстве и времени» [5, с. 40]. При этом социолог особо подчеркивает, что социальные практики не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, то есть социальные практики относительно «одинаковы» в определенном времени и пространстве благодаря рефлексивности акторов, что и делает их институтом.

При этом ныне в контексте ускоряющейся и усложняющейся социокультурной динамики формируется виртуальная реальность и определенная часть упорядоченных социальных практик обретает соответственно виртуальное содержание, существующее в онлайн-соцсетях. Однако с реальными социальными практиками их роднит то, что они относительно одинаковы в определенном пространстве и времени благодаря рефлексивности агентов. Виртуальные социальные практики постепенно становятся неотъемлемой частью социальной жизни миллионов людей во всем мире. И, по существу, обладание человеком собственной страницей в онлайн-соцсети приобретает характер социальной организации и регулирования его повседневности. В связи с этим все труднее становится различать функции реальных и виртуальных социальных практик. И все же если функции реальных социальных практик достаточно хорошо изучены в динамике (Э. Дюркгейм – Т. Парсонс – Р. Мертон – Э. Гидденс), то этого нельзя сказать относительно виртуальных социальных практик, которые только-только пришли в нашу жизнь, постепенно обретая характер нового социального института.

Онлайн-соцсеть как социальный институт виртуального типа имеет специфические явные и латентные функции. Основной явной функцией онлайн-соцсетей является построение и поддержание связей, а также обмен информацией между ее пользователями как рефлексивными акторами, обладающими способностью к самотворению и самоорганизации. Эти качества акторов изначально реализуются при регистрации в самой социальной сети, что доступно практически любому желающему, способному подключиться к Интернету. С раз-

витием популярности и массового использования онлайн-соцсетей такие веб-проекты, как Facebook и VK, фактически уже не носят специализированного характера, что было свойственно им ранее. Теперь базис онлайн-соцсетей представляет собой своего рода пространство, которое, говоря словами известного американского социолога Эрвина Гоффмана, все активнее используется для «представления себя другим в повседневной жизни» [6].

Разумеется, представлять себя в соцсетях можно лишь по определенным правилам. Тому, по нашему мнению, есть три основных функциональных регулятора: 1) количественные ограничения на самопредставления задаются допустимыми в сети форматами информации (аудио/видео/фото/текст), общими объективными правилами пользования онлайн-соцсетью; 2) качественное содержание самопредставления обусловлено нормами международного и российского законодательства; 3) постепенно выкристаллизовываются ритуалы виртуального взаимодействия.

О функциях формирующихся ритуалов взаимодействия скажем особо. Известный немецкий социолог Н. Луман считал, что «ритуалы можно понимать как купирование любых начал рефлексивной коммуникации... нарушения ритуалов считаются не странностью, причудой, шуткой, а опасной ошибкой; но, вместо того чтобы все-таки начать рефлекссию, ошибку подавляют» [8, с. 585–586]. На наш взгляд, эта оценка современного отношения к ритуалу крайне важна. Неадекватная рефлексия относительно даже формирующихся ритуалов может обернуться для пользователя проблемами не только этического, но и юридического порядка. К сожалению, не все люди, особенно молодые, это осознают.

Как известно, по заданию ректора МГИМО академика РАН А.В. Торкунова было проведено социологическое исследование на тему: «Виртуальная свобода и безопасность студентов в Интернете» (по материалам анкетного опроса студентов московских вузов: МГИМО(У) МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН). Его результаты выявили тот факт, что большинство студентов воспринимает Интернет как «пространство неограниченной свободы в силу его «бестелесности», анонимности (можно скрываться под вымышленным именем или ником), легкости установления/разрыва контакта с пользователями, находящимися в любой точке мирового пространства. Такое восприятие Интернета порождает иллюзию безопасности сетевого общения» [7]. Эти выводы свидетельствуют о том, что среди молодых людей еще нет должного понимания этических и правовых оснований пользования соцсетями.

Мы же хотим обратить внимание на еще одну функцию ритуала онлайн-соцсети – самотворения и представления себя «другим». Отметим, Э. Гоффман главной функцией ритуала считал взаимодействия людей в повседневной жизни, предполагающие презентацию социальных различий. В итоге формируется осо-

бий интерактивный порядок [13]. Он позволяет людям выражать свои мнения и выстраивать свой имидж.

Определенный интерактивный порядок, основанный на формирующихся ритуалах, есть и в онлайн-соцсетях. В частности, с помощью редактирования своей личной страницы каждый пользователь чаще всего самостоятельно решает задачи самотворения и самопредставления. Если в реальных ритуальных взаимодействиях для этого задействуются статусы и роли, то в Интернете – специальный инструментальный «представления себя другим». Так, в онлайн-соцсети VK (<http://www.vk.com>) потенциальному пользователю предлагается представить себя «другим» через заполнение стандартной формы страницы пользователя, включающей в себя место для фотографии, идентифицирующей пользователя, «стену» публикуемых пользователем сообщений и анкету о себе. В это же входит список добавляемых пользователем контактов других пользователей соцсети (чаще всего знакомых пользователю), которые функционируют в той же соцсети.

Особо рассмотрим функции анкеты о себе, являющейся важной частью отмеченного специального инструментария. Речь идет о функциях представления себя «другим» с помощью стандартной формы анкеты пользователя VK, а именно ее раздела «Жизненная позиция». В этом разделе наше внимание привлекло то, что пользователю – по существу, рефлексивному актору – предлагается строить свой виртуальный имидж посредством выбора экзистенциальных стремлений из определенного списка альтернатив. И мы задались вопросом, какие именно функции реализуются с помощью подобного рода «ассортимента» из жизненных приоритетов и как они могут потенциально влиять на имидж актора и в конечном счете на его представления себя «другим».

В целом стандартная форма анкеты пользователя онлайн-соцсети (не только VK) включает в себя типичные вопросы в виде паспортной (пол, дата рождения, город, образование, место работы, семейное положение и т.д.). К этим вопросам также добавляются открытые вопросы, связанные с интересами и увлечениями человека. Анкета пользователя соцсети также может содержать закрытые и полужакрытые вопросы с уже готовыми вариантами ответов (как это представлено в соцсети VK). В рассматриваемой нами части стандартной анкеты пользователя VK разработчики дизайна данной соцсети составили список подсказок на часть вопросов в разделе «Жизненная позиция». Ниже приведены две таблицы, в которых мы покажем смысл закрытых вопросов этого раздела и подсказок к ним. Выделенные жирным курсивом заголовки столбцов представляют собой квинтэссенцию вопросов анкеты, а возможные подсказки к ним указаны соответственно под каждым заголовком [14]:

Таблица 1

Вопросы раздела «Жизненная позиция» стандартной формы анкеты пользователя онлайн-соцсети VK

Главное в жизни	Главное в людях	Отношение к курению	Отношение к алкоголю
Семья и дети	Ум и креативность	Резко негативное	Резко негативное
Карьера и деньги	Доброта и честность	Негативное	Негативное
Развлечение и отдых	Красота и здоровье	Компромиссное	Компромиссное
Наука и исследование	Власть и богатство	Нейтральное	Нейтральное
Совершенствование мира	Смелость и упорство	Положительное	Положительное
Саморазвитие	Юмор и жизнелюбие		
Красота и искусство			
Слава и влияние			

К этой же части анкеты относятся вопросы со следующими подсказками.

Таблица 2

Следующие вопросы рубрики «Жизненная позиция» стандартной формы анкеты пользователя онлайн-соцсети VK

Мировоззрение *	Полит. предпочтения
Иудаизм	Индиферентные
Православие	Коммунистические
Католицизм	Социалистические
Протестантизм	Умеренные
Ислам	Либеральные
Буддизм	Консервативные
Конфуцианство	Монархические
Светский гуманизм	Ультраконсервативные
	Либертарианские

* Данный вопрос в анкете пользователей онлайн-соцсети VK является полужакрытым.

Рассмотрим явные и латентные функции этой анкеты. Прежде всего заметим, что данная анкета принципиально отлична от анкеты социологического опроса. Если анкета социологического исследования (к примеру, опроса) составляется с целью получения данных о субъективном видении респондентами конкретных проявлений социальной реальности, то стандартная форма анкеты пользователя онлайн-соцсети VK, скорее всего, изначально составлялась разработчиками как упрощенный способ представить себя «другим» в той степени, которую актер-пользователь посчитает приемлемой для себя (разумеется, с учетом возможности самой анкеты). Однако стоит отметить, что в условиях соцсети VK акцентируется значимость юридической стороны самовыражения: «Пользователь несет ответственность за достоверность, актуальность, полноту и соответствие законодательству Российской Федерации предоставленной при регистрации информации и ее чистоту от пре-

тензий третьих лиц» [15]. Кроме того, в правилах онлайн-соцсети VK также сказано: «Пользователь приобретает полные права пользования Услугами Сайта при условии заполнения персональной страницы более чем на тридцать процентов» [15].

Еще одно важное отличие онлайн-анкеты от социологической. Если в анкете пользователя онлайн-соцсети первостепенным является имя представляющегося, то в социологических анкетах, отмечает В.А. Ядов, подчеркивается «гарантия анонимности анкетирования» [11, с. 233]. Большая часть подсказок к закрытым вопросам «Главное в жизни» и «Главное в людях» специальной части «Жизненная позиция» указывается с использованием совмещения нескольких вариантов альтернатив в одной фразе, что крайне нежелательно при составлении анкеты социологического исследования [11, с. 223].

Важно указать и на следующее отличие: методика соцопроса предполагает его проведение таким образом, чтобы минимизировать искажения, получаемые при сборе данных, которые могут возникнуть, например, от распространения самой информации о проведении опроса, что потенциально, отмечает В.А. Ядов, может «влиять на характер ответов тех, кто позже попадет в состав респондентов» [11, с. 234]. То есть социологи-исследователи стремятся к «консервированию» и сохранению полученной информации от воздействия сторонних факторов. Информация о себе в анкете онлайн-соцсети VK является текучей в прямом смысле этого слова: актер-пользователь может постоянно рефлексировать относительно своего имиджа, изменяя, дополняя и конструируя его хоть каждый день. Кроме того, актер также может узнать, как ответили другие пользователи на тот или иной закрытый вопрос раздела «Жизненная позиция», как они представляют себя «другим», и в зависимости от этой информации вносить изменения в самопредставления.

Это принципиально важный момент. Ведь изначальный смысл (явно или латентно декларируемый) анкеты онлайн-соцсети состоит в том, что пользователь является самостоятельным субъектом и способен свободно заполнять свою анкету на основе своих реальных биографических данных. Однако при использовании и воплощении данного инструмента самопредставления в жизнь происходит ненамеренное стирание грани между реалиями достаточно «жесткого» индустриального общества и современного «текущего» общества.

В условиях индустриального общества, считает Т. Парсонс, социальная система и индивиды обретают функциональность благодаря сложившимся и устоявшимся образцам поведения, социальным нормам и социальным ролям. Социолог при этом считал, что «размещение людей по ролям» в социальной системе и процессы социализации индивида — это одни и те же процессы. Во время взаимодействия акторов друг с другом внутри социальной системы происходит обмен ориентациями в рамках своих социальных ролей. «Совершенно очевидно, что те ориентации, которыми обменива-

ются акторы в своих ролях во взаимодействии, не врождены ими, но получены посредством обучения». При этом у акторов «существуют тенденции к отклонению, к нарушению конформности относительно нормативных стандартов, которые организованы и общепризнаны культурой» [9, с. 308]. Это принципиально важно — социализация (того общества!) позволяла индивиду становится актором, быть личностью с правом на «отклонение», разумеется, в пределах сохранения существующего социального равновесия, что обеспечивалось механизмом социального контроля. Данный механизм, пишет Парсонс, «это такой процесс мотивации одного или более индивидуальных акторов, который стремится противодействовать тенденции к отклонению от выполнения ролевых ожиданий в самом акторе, а также в другом или других акторах (партнерах). Это механизм восстановления равновесия» [9, с. 309].

Со времен Парсонса социум стал качественно иным. Квинтэссенция взаимодействия акторов в современном «текущем» обществе была блестяще раскрыта французским теоретиком симуляции Жаном Бодрийяром. Его исходная посылка трактовки сущности современного социума состоит в том, что «вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ — системе непрерывного тестирования» [3, с. 134]. Из этого следует, что тот факт, что «все предстает в виде набора или гаммы решений, — уже сам этот факт вас тестирует, так как требует от вас совершать отбор... тем самым вы и сами постоянно подвергаетесь отбору и тестированию со стороны самого же средства информации» [3, с. 136]. В итоге и средства массовой коммуникации с помощью «отобранных вопросов выделяют и помещают в рамку определенные образцы воспринимающих индивидов» [3, с. 136]. По нашему мнению, пользователь онлайн-соцсети как раз сталкивается с готовым набором образцов для самопредставления. Индивид как бы сам производит отбор информации в анкете для представления себя, однако это совершается в рамках готовых и ограниченных шаблонов ответа.

По существу, «определенные образцы воспринимающих индивидов» представляют «хор» потребителей, воспринимающих симулякры, ненамеренно создаваемые «значимыми другими». На потенциальное производство пассивных объектов в виде «хора» потребителей, скорее всего, также ненамеренно работает такой инструментальный онлайн-соцсети VK как система авторизации страниц многих знаменитостей. С ее помощью в онлайн-соцсети утвердились официальные страницы «звезд» кино и шоу-бизнеса, спорта, политики и других известных в обществе людей, чье мнение значимо для их многочисленных поклонников. В части анкет официальных страниц «звезд» уже представлены ответы на вопросы раздела «Жизненная позиция». Они-то, на наш взгляд, и служат своего рода симулякрами-референтами, на которые могут ориентироваться массовые пользователи.

На смыслы возможных ответов «звезд» в своих анкетах лучше всего посмотреть через призму теоретико-методологического инструментария культуральной социологии Дж. Александера. По его мнению, возрастает значимость виртуальной реальности, которая все теснее взаимодействует с объективной социальной реальностью, образуя сложный синтез, что соответственно влечет за собой усложняющееся производство смысла посредством символов, знаковых кодов и симулякров. «В нашем постмодернистском мире, – отмечает американский социолог, – фактические суждения и фиктивные нарративы плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга» [12, р. 5].

Важнейшим механизмом искусственного создания «востребованного, нужного» смысла, как считает социолог, является перформативность, которой успешно пользуются «звезды», особенно политики. «Политики, борющиеся за власть, – отмечает он, – когда делают безапелляционные заявления о положении в мире и о своих оппонентах, хотели бы, чтобы мы поверили в то, что их слова относятся к константным суждениям. Однако по большей части они являются перформативными. Они не столько описывают мир, сколько хотят привнести этот мир в воображение их слушателей. Они хотят убедить нас в том, что это и есть истинное положение дел. Если их спектакли успешны, мы будем убеждены. Мы будем убеждены, если политические спектакли обладают «меткостью попадания в цель», если они структурированы восхитительным образом, что имеет отношение к нашим чаяниям, создают картины в нашем сознании и заставляют нас идентифицироваться с ними, разделяя их словесные проникновения. «Меткие» спектакли создают целостность оратора и аудитории. Мы наделяем спектакли правдоподобием. Мы думаем, что слова политиков правдивы, а они сами – аутентичны» [1, с. 74]. В рассматриваемой нами ситуации перформативность «звезд» потенциально носит ненамеренный характер, ввиду того что, отвечая на те же закрытые вопросы анкеты и представляя себя таким образом, они могут формировать смысл «должного» у своих сторонников, почитателей и фанатов только из ограниченного набора ответов.

С иных методологических позиций, но к аналогичному выводу – современное общество

превращает своих членов в массу – приходят представители Франкфуртской школы. Так, немецко-американский социолог, основоположник гуманистического психоанализа Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы», изданной еще в 1941 г., утверждал, что современное общество обретает характер «патологического» общества. В нем «индивид перестает быть собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть» [10, с. 182]. «Большинство людей, – продолжает он, – убеждено, что если их не принуждает открыто какая-либо внешняя сила, то их решения – это их собственные решения, и если они чего-то хотят, то это их собственные желания» [10, с. 194]. Эрих Фромм разоблачает эту иллюзию посредством раскрытия латентных факторов новых форм социального принуждения: «На самом деле значительная часть наших желаний фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни» [10, с. 194]. На основании своего анализа социолог приходит к выводу о том, что люди становятся подобны «роботам» и живут под влиянием иллюзии, будто они самостоятельные индивиды. Человек «живет в мире, – писал он, – с которым потерял все подлинные связи, в котором все и вся инструментализованы; и сам он стал частью машины, созданной его собственными руками. Он знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое "я", на котором только и может быть построена подлинная уверенность свободного человека» [10, с. 241–242].

Современные онлайн-соцсети ненамеренно усиливают процесс «роботизации». Формально они дают возможность индивиду представить себя для взаимодействия с себе подобными. Но это представление в итоге функционирует весьма ущербно, ибо примитивизирует сам характер социального взаимодействия людей и местами даже сводит его до выбора из ограниченного списка альтернатив.

Список литературы

1. Александер Дж. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО-Университета. 2008. №3. С. 71–81.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; КДУ, 2009.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проспект, 2003.
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.
7. Кравченко С.А. Что угрожает студентам в Интернете? // Сайт МГИМО-Университета. 11.01.2013. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml> (дата обращения: 13.05.2013 г.).

8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
9. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ; Астрель, 2012.
11. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности: учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2011.
12. Alexander, Jeffrey C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
13. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Anchor, 1967.
14. Вконтакте. Редактирование моей страницы: Жизненная позиция // URL: <http://www.vk.com/edit?act=personal> (дата обращения: 13.05. 2013).
15. Вконтакте. Пользовательское соглашение. Правила пользования сайтом ВКонтакте // URL: <http://www.vk.com/terms> (дата обращения: 13.05.2013).

Об авторе

Ширмазанян Армен Артурович – аспирант кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: ashirmazanyan@mail.ru

THE PRESENTATION OF SELF IN THE ONLINE SOCIAL NETWORK

Shirmazanyan A.A.

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The author analyzes online social network as a social institute of a virtual type where individuals can present themselves to others by means of special practices. At the same time he indicates that these practices are similar to real ones by their relative equality in particular space and time due to reflexivity of actors. There are three major functional regulators of users behavior in online social network: 1) quantitative restrictions on self presentation determined by information formats; 2) qualitative matter of self presentation conditioned on norms of Russian and International legislations; 3) rituals of virtual interaction. The study shows what role VK-user profile plays in modern human interactions and how it affects communication practices. Case-study analysis of the standard form of VK-user profile allowed to learn the features of communication tools of the social network that on the whole are used for exchanging self-presentation data between its users. The author particularly focuses on instrumental capabilities of a section of VK-user profile form called "Personal views" that includes closed questions about existential and social values. A person can partially present him/her self in the network by selecting a short templated response to each closed question from a narrow range of alternatives. The study also considers the functions of authorized pages of celebrities who are some kind of "significant others" to their multiple admirers.*

Keywords: presentation of self, online social networks, reflexivity, rituals, VK-user profile, social survey questionnaire, significant others, performance

References

1. Aleksander Dzh. S. Democratic struggle for power: presidency campaign in USA 2008. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Journal], 2008, no. 3, pp. 71-81 (in Russian, translated by Kravchenko S.A.).
2. Bauman Z. Liquid Modernity. Polity Press, 2000 (Russ. ed.: Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. SPb.: Piter, 2008).
3. Baudrillard J. L'Echange symbolique et la mort. Paris, Gallimard, 1976 (Russ. ed. Bodrijar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet, KDU, 2009).
4. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. Routledge Chapman & Hall, 2003 (Russ. ed. Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004).
5. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Thoery of Structuration. University of California Press, 1986 (Russ. ed. Giddens A. Ustroenie obshhestva: Ocherk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij prospekt, 2003).
6. Goffman E. The presentation of self in everyday life. Doubleday, 1959 (Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni. M.: KANON-PRESS, 2000).
7. Kravchenko S.A. What threatens students in the Internet? MGIMO-University official website, 11 January, available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234651.phtml> (accessed 13 May 2013).
8. Luhman N. Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. Suhrkamp, 1984 (Russ ed. Luman N. Social'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii. SPb.: Nauka, 2007).
9. Parsons T. The Social System. Glencoe, Il.: Free Press, 1951 (Russ ed. Parsons T. O social'nyh sistemah. M.: Akademicheskij Proekt, 2002)
10. Fromm E. Escape from Freedom. Farrar and Rinehart, 1941 (Russ ed. Fromm E. Begstvo ot svobody. M.: AST: Astrel', 2012).
11. Jadov V.A. Strategija sociologicheskogo issledovaniya: opisanie, ob#jasnenie, ponimanie social'noj real'nosti: ucheb. Posobie [Strategy of sociological research: description, explanation and interpretation of social reality]. M.: Omega-L, 2011.
12. Alexander J. C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
13. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y.: Anchor, 1967.
14. VK. Edit my profile: Personal views. Available at: <http://www.vk.com/edit?act=personal> (accessed 13 May 2013).
15. VK. Terms of service. Available at: <http://www.vk.com/terms> (accessed 13 May 2013).

About the author

Armen A. Shirmazanyan – postgraduate of Department of Social Studies MGIMO University.
E-mail: ashirmazanyan@mail.ru

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ДИАДА И ЕДИНСТВО

А.Л. Семенов, В.И. Ершов, Д.А. Гусаров

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Российский университет дружбы народов. Россия, 117198, Москва, ул. Мик-
лухо-Маклая, 6.

В данной статье рассматривается концепция переводоведческого подхода к проблеме взаимодействия языка и культуры в плане детерминированности переводческого решения лингвоэтническими факторами. Основное внимание сосредоточено на анализе понятия «культура». Представленная концепция исходит из представлений и взглядов относительно культуры и ее роли в формировании личности человека, изложенных почетным доктором МГИМО-Университета Федерико Майором в его книге «Новая страница». Разделяя точку зрения Ф. Майора, авторы статьи приходят к выводу, что культура представляет собой знания, на основе которых индивид воспринимает и оценивает результаты своей деятельности, поведения. Проецируя такую позицию на речевое поведение, авторы демонстрируют ведущую роль культуры в процессе создания речевого произведения, заключающуюся в выборе индивидом модели поведения на основе имеющихся знаний о коммуникативной ситуации. Основываясь на мнении Ф. Майора о том, что культура в большей степени объединяет, чем разъединяет людей, авторы отмечают наличие в культурных знаниях представителей разных этносов лингвоэтнических универсалий и уникалий, определяющих степень сходства и различия способа представления знаний в высказываниях на разных языках. В статье аргументированно используется термин «лингвоэтнический» для описания культурно-когнитивных особенностей, присущих индивидам как представителям разных этносов; проводится сопоставление терминов «лингвоэтнический» и «лингвокультурный».

Ключевые слова: культура, язык, Федерико Майор, лингвоэтнический фактор, перевод.

Соотношение языка и культуры является одним из центральных вопросов лингвокультурологии в ее части, сопряженной с межъязыковой коммуникацией и переводом с одного языка на другой. В решении этой комплексной междисциплинарной составляющей коммуникативной деятельности есть источники совершенствования системы межъязыковой коммуникации между различными национальными культурами. В нашей исходной точке переводческих координат лежат общие концепции культурного обмена и культурной интерференции, изложенные ранее почетным доктором университета МГИМО, бывшим генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором. Как руководитель высшей международной организации, занимающейся проблемами культуры и образования, он, естественно, определил глобальную концепцию культуры в решении проблем коммуникации в мировом сообществе.

Сама культура, по определению Ф. Майора, – это «всеобъемлющая совокупность символов, эстетики и смыслов, придающих нашей жизни (от рождения до смерти) некую целеустремленность и осмысленность» [1, с. 87]. Такое определение приводит к мысли, что культура – это всеобъемлющее знание человека о себе, реальности и своем месте в реальности:

- знаю, что родился, живу и умру (осмысленность);
- знаю, для чего живу (целеустремленность);
- знаю, что меня окружает и как это называется (символы);
- знаю, что из окружающего прекрасно и что безобразно (эстетика);
- знаю, как обо всем этом рассказать (смыслы).

Если исходить из того, что культура – это знание в самом широком смысле, то придется признать, что она есть результат деятельности по добыванию этого знания, то есть результат познания человеком действительности и себя в ней. Иными словами, в процессе когнитивной деятельности человека его сознание наполняется знанием об объекте познания – культурными элементами, к которым относятся символы, эстетика, смыслы и прочее. Говоря о том, что культура – это знание, мы, разумеется, не оспариваем традиционное подразделение культуры на духовную и материальную, понимая, что в широком смысле культура – это все то, что создано человеком. Мы лишь хотим подчеркнуть первенство духовной культуры в человеческой природе. Человек, пишет Ф. Майор, есть «мыслящий, чувствующий и создающий обитатель планеты» [1, с. 22–23]. Именно такая последовательность свойственна человеку как творцу: мысль и чувство предшествуют созданию; чтобы что-то создать, нужно подумать, точнее – придумать, то есть вначале всегда образ, основанный на познании и знании, и лишь потом – творение.

Особый интерес представляет мнение Ф. Майора о том, что культура не разъединяет, а, наоборот, объединяет людей. «Человеческая раса в

гораздо большей степени объединена, чем разъединена своими культурами» [1, с. 140], – пишет этот мыслитель. Как бы аргументируя такую свою позицию, Ф. Майор указывает, например, что «каждая культура, каждая великая религия утверждает присутствие общего между нами, утверждает то мирное, что способно привести нас к диалогу без враждебности и агрессивности» [1, с. 28]. Рассмотрев это мнение с позиций когнитивного подхода к культуре, можно сказать, что в мировой культуре как совокупности знаний людей есть некое ядро – тот пласт знаний, который является общим для всех этнических сообществ. Каждый элемент этого ядра – единичное знание о чем-то – нам бы хотелось назвать лингвоэтнической универсалией.

В этом же мнении Ф. Майора просматривается и указание на то, что в какой-то, пусть и меньшей, степени культура разъединяет людей. Культура – это еще и «форма, которую обретают в каждом из нас полученные нами знания, это печать, накладываемая на нас нашей социальной средой» [1, с. 87]. Таким образом, культурные различия имеют прежде всего социальный характер: общее для всех этнических сообществ знание может принять разную форму в сознании каждого человека в зависимости от его принадлежности к этносу. Эти своего рода «ответвления» от общего ядра (а в каждом конкретном случае – от определенной лингвоэтнической универсалии) можно объяснить особенностями восприятия конкретного этнического сообщества. Собственно, сообщество Ф. Майор и определил как «множество людей, собравшихся вместе и обладающих общим восприятием», хотя он дает свое понимание вопроса «обыкновенные люди или личности?» [1, с. 31–51]. Конечно, он приходит к единственному возможному выводу, что каждый человек – личность. Да, мир системен, и каждая его ячейка – личность важна своей индивидуальностью, наполняющей систему ее лучшими качествами. Только при этом надо помнить, что многие связи в этой удивительной системе зависят от личностей – переводчиков. Особую роль в диалоге культур играет перевод с одного языка на другой. И главной проблемой перевода всегда было и будет понимание и интерпретация реалий и национального колорита текста.

Собственно, эта проблема как раз и связана с тем, что для перевода необходимы совершенные знания двух культур. Для совершенства перевода необходимы экстралингвистические знания, которые, если не по значению, то по объему оказываются многократно важнее лингвистических знаний. Плодотворными усилиями лингвистов языковые системы стали достаточно определенными и стандарт знания того или иного языка вполне достигим. Культура тоже системна, но определенность такой системы чрезвычайно низка.

К счастью, никто и не стремится к какому-либо ее стандартному описанию. Вот почему приоритет во владении ситуацией переместился от понятия «носитель языка» к понятию «носитель

культуры». Пушкинская формула первостепенности понимания смысла (я понять тебя хочу // смысла я в тебе ищу) [2, с. 485–487] всегда будет сохранять актуальность. В лингвистике формулу А.С. Пушкина мы видим в главной переводческой заповеди: переводить не слова, а смысл. Но путь к смыслу лежит через слова, имеющие смысловые значения различной степени определенности. В процессе развития национальной культуры (социального конструирования культуры), с одной стороны, и в результате энтропии в языке – с другой, неопределенность значения постоянно возрастает и достигает такой глубины, что для его интерпретации необходим такой национально-культурный кругозор, который может оказаться недоступен ни при каких знаниях языков оригинала и перевода.

Специфические формы общего знания национальной культуры, зависящие от принадлежности индивида к этническому сообществу и определяемые особенностями восприятия, свойственными данному этносу, мы называем лингвоэтническими уникалиями. Возникновение этих ответвлений от общего культурного ядра, придающих неповторимость культуре каждого этноса, напрямую связано с процессами познания и коммуникации, в которых ведущую роль играет язык.

Соотношение между лингвоэтническими универсалиями и уникалиями (универсальным, то есть всеобщим, и уникальным знанием) можно продемонстрировать следующими примерами. Так, у каждого языкового коллектива есть такие понятия, как «быть», «делать», «иметь», составляющих основу бытия человека: живу – значит, что-то делаю, делаю – значит, что-то имею (универсалия). Трудно представить себе все многообразие знаковых форм, грамматических категорий и их функций, в которых получили объективацию эти понятия (уникалии). Игра в шахматы стала всемирным достоянием, ее правила, в частности фигуры и их ходы, известны представителям всех народов, в том числе русским и немцам (универсалия). Номинация же фигур произошла в русском и немецких языках по разным признакам: пешка – Bauer (крестьянин), ладья – Turm (башня), конь – Springer (прыгун), слон – Läufer (бегун). Наименования в данном случае являются лингвоэтническими уникалиями.

Совершенно естественно, что столкновение универсального и уникального происходит в переводе.

– *In fact, I was here when you were running around in dirty diapers, Mr. Coal. (Grisham J. The Pelican Brief.)*

– *На самом деле я был здесь, еще когда вы под стол пешиком ходили, господин Коул. (Гришэм Д. Дело о пеликанах. С. 60).*

Как видно из примера, русским и американцам известно о том, что про возраст человека можно сказать, описав его действия в этом возрасте (универсалия). Но при этом сами действия, подвергаемые описанию, будут разными (уникалии). Здесь бы нам хотелось сделать одно важное замечание про употребление слова «лингвоэтнический» относительно культуры этноса, точнее –

в защиту такого употребления. Культура – это знание именно глобальное, которое условно можно разделить на несколько уровней: мировой, национальный, региональный, местный, профессиональный и т.д.

Иными словами, лингвокультура не вписывается в рамки этноса как сообщества, так как множества людей, объединенных общим восприятием, а следовательно, и общим поведением, в том числе речевым, могут возникнуть как на наднациональном уровне (у дипломатов всего мира принято обращаться к послам «ваше превосходительство»), так и под ним: Hallo! (общепотребительное приветствие в Германии) – Grüß Gott! (приветствие в Баварии) – Glück auf! (шахтерское приветствие в Эссене). Культура, таким образом, может находиться в рамках этноса, совпадать с этими рамками и выходить за их пределы, а лингвокультурные несоответствия могут наблюдаться у представителей одного этноса, объединенных в его рамках в разные сообщества (территориальные, профессиональные, досуговые и т.д.).

И наоборот, лингвокультурных несоответствий может не наблюдаться у представителей разных этносов, объединенных каким-либо сообществом за рамками этноса (беседа специалистов на профессиональную тему с использованием языка международного общения). Употребляя слово «лингвоэтнический», мы говорим об уникальном и универсальном для человека как представителя этноса.

Видимым проявлением культуры является поведение, в том числе и речевое. Культуру Ф. Майор определяет еще и как «ежедневное поведение, отражающее характер бытия каждого из нас, наших идей и мыслей, нашего личного выбора того или иного варианта» [1, с. 87]. Поведение можно рассматривать как совокупность поступков, а поступок – как намеренное действие человека, основанное на восприятии – отражении в сознании элемента действительности, воздействующего в данный момент на органы чувств. Как пишет Ф. Майор, «мозг отнюдь не пассивный получатель информации... на факты и события окружающего нас мира он накладывает массу посторонних отпечатков». В этом-то и заключается восприятие: на основе имеющихся знаний образ ощущаемого элемента реальности наделяется свойствами, занимая свое место среди других образов сознания и становясь частью знания.

Результатом восприятия становится реакция – действие, в том числе и речевое (или любое другое, например, когнитивное, если наблюдаемый элемент еще не познан), которое является частным случаем поведения, в том числе и речевого, а поведение, как было сказано ранее, есть культура, видимое ее проявление. Особенность восприятия заключается в том, что у представителей разных этносов осознание одного и того же элемента действительности происходит на основе более или менее отличных друг от друга/схожих друг с другом знаний. Следовательно, модели (речевого) поведения представителей разных этносов

в одной и той же ситуации (общения) будут более или менее различны/схожи.

Таким образом, в культуре можно выделить три аспекта: знание, восприятие, поведение. Они неразрывно связаны между собой и невозможны друг без друга:

- знание есть результат познания, которое невозможно без восприятия;
- восприятие есть осознание, которое невозможно без известного знания;
- поведение есть реакция на осознанное, она невозможна без известной доли знания и восприятия.

Если говорить о культуре в целом, то ее можно рассматривать как неотъемлемое свойство человека принимать решение на выполнение созидательных (в самом широком смысле) действий, воспринимая необходимость, возможные способы выполнения и результат этих действий через призму приобретенных знаний; а также доступный для восприятия сам результат таких действий. В культуре как свойстве человека очевидна, таким образом, ключевая роль знаний. Следовательно, становление человека как культурной личности (то есть в принципе как личности) напрямую связано с познанием – приобретением знаний. Культура, таким образом, свойство также приобретаемое, а не данное с рождения.

Но зато, как пишет Ф. Майор, «человек от рождения социален, эмоционален, разумен...» [1, с. 72] Иными словами, с самого рождения начинается когнитивный процесс, процесс становления личности, приобретения свойства «культура». Это не просто познание, но познание, сопровождаемое оценкой, но главное – познание, происходящее в социуме, в коллективе, то есть неизбежно в общении, с использованием языка и через язык.

Логично предположить, что первичное познание мира происходит двумя параллельными путями: непосредственно с помощью тактильных ощущений и с помощью общения с окружающими людьми – членами семьи. Непосредственное познание приводит к образованию образа сознания – содержания, которое можно выразить, то есть сказать про него. Но чтобы сказать, нужно сначала назвать. По-настоящему познанное явление – это явление названное. Благодаря тому, что непосредственное (тактильное) и опосредованное (коммуникативное) познания протекают одновременно, человек избавлен от необходимости изобретать названия познаваемых элементов – они даны ему в общении и становятся частью формирующегося образа. Полученное таким образом первичное содержание сознания становится некой базой для дальнейшего познания действительности и языка: на его основе происходит обобщение новых образов и расширение первоначального номинативного значения языкового знака. Язык, таким образом, становится инструментом хранения знаний – признаки, выделенные в явлениях, хранятся в виде значений слов и выражений.

Функция языка как хранителя знаний, приводящая к образованию существующих в форме знаков понятий, дает возможность познавать действительность исключительно через общение и последующее обобщение, то есть без непосредственного восприятия явления: человек может ни разу в жизни не прыгнуть с парашютом, но будет знать об этом явлении из услышанного или прочитанного. В данном случае язык становится инструментом восприятия явления: общение на языке (обращение к устным и письменным текстам) не может быть беспредметным, оно может быть только о чем-то; предмет общения становится здесь познаваемым явлением.

В связи с вышесказанным совершенно справедливым представляется следующее утверждение Ф. Майора: «...вступая в мир труда или мир образования, мы уже обладаем убеждениями, у нас уже сложились свои пристрастия, появились свои тревоги, и все это обусловлено нашим общением с другими людьми. Своими идеями, доктринами, творчеством на нас оказали влияние не только те люди, которых мы называем родителями или родственниками, но и гораздо более широкий круг людей – именно благодаря им мы и стали такими, какими мы стали» [1, с. 32]. Ведущая роль языкового общения в становлении личности не вызывает никаких сомнений: с помощью общения и познания через общение человек усваивает символы (что окружает и как это называется в социуме), эстетику (как окружающее воспринимается социумом) и смыслы (как социум говорит про окружающее – модели речевого поведения), становясь носителем знания.

Полученные таким образом знания становятся призмой, некой рамкой, ограничивающей индивида в выборе вариантов (речевого) поведения в той или иной ситуации (общения): обладая знаниями, полученными через общение от социума, индивид может прогнозировать реакцию и оценку со стороны коллектива в отношении своих действий, в том числе и коммуникативных действий. Совершая действия в соответствии с полученными знаниями, индивид становится уже не просто носителем этих знаний, но их распространителем: его поступки наблюдаются другими людьми, по его поведению можно судить о социуме, в котором происходило становление личности. Язык в таком случае, если речь идет о коммуникативном поведении, коммуникативных действиях, становится инструментом распространения знаний при том условии, что воспринимающий распространяемые знания может в какой-то мере пользоваться этим инструментом, то есть языком.

Таким образом, на вопрос о том, что первично – культура или язык, можно ответить однозначно: язык предшествует культуре. Если культура – это знание, определяющее восприятие и регулирующее созидание, то язык – это инструмент хранения, восприятия и распространения этого знания. Он – проводник культуры или, что вернее, проводник к культуре и уникальной, и

■ Культурология

универсальной. Но как установить и поддержать диалог между культурами, говорящими на разных языках? Речевая (языковая) деятельность требует особых правил: в диалоге участвуют не двое, а, по меньшей мере, трое, и для третьего не должно быть никаких исключений из правил. Поль Валери заметил, что в отношении правил невозможен скептицизм [2, с. 622].

Известно, что любая система обладает теми параметрами, которые привносятся, формируют и определяют элементы, входящие в эту систему, но и система, адаптируя элементы, придает им специфические свойства, отличающие элементы одной системы от элементов другой системы. Лицо общества определяют его члены. Общество на своем иерархическом уровне воспитывает своих членов. В этом проявляется одно из важнейших свойств системы – ее синергетическая способность. Великая и естественная синерге-

тическая сила дает возможность обществу самовосстанавливаться даже при достаточно динамичных процессах, связанных с поведением отдельных членов общества.

В заключение хотелось бы подчеркнуть тот главный вывод, который мы уже делали в более ранних наших исследованиях [3, с. 27–50]. Многие самые сложные проблемы перестали бы существовать, если бы люди могли свободно общаться между собой, как они делают это в своей семье. Диалог – вот к чему мы стремимся в самых разных ситуациях. Но, создавая человечеству проблемы коммуникации и одновременно порождая и территориально развивая уникальные культурные достижения, на нашу землю вместе с сетью параллелей и меридианов проецируется сеть национальных языков, диалектов и наречий. А переводчик – главный проводник в этом лабиринте.

Список литературы

1. Майор Ф. Новая страница. М.: Прогресс, 1995. 144 с.
2. Пушкин А.С. Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы // Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т.1 С.485–487.
3. Валери П. Об искусстве. М., 1976. 622 с.
4. Нюнен П., Семенов А.Л. Транскультурологические трансформации при переводе. Ментальность, коммуникация, перевод. М.: ИНИОН РАН, 2008. С.27–50.

Об авторах

Семенов Аркадий Львович – д.филол.н., профессор кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: arksem@gmail.com

Ершов Виктор Иванович – к.филол.н., доцент военной кафедры МГИМО(У) МИД России. E-mail: ershovich@mail.ru

Гусаров Дмитрий Александрович – преподаватель военной кафедры МГИМО(У) МИД России. E-mail: dmitriy_gusarov@mail.ru

LANGUAGE AND CULTURE: DYAD AND UNITY

A.L. Semenov, V.I. Ershov, D.A. Gusarov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Peoples' Friendship University of Russia, 6, st. Miklukho-Maklay, Moscow, 117198, Russia.

Abstract: *This paper deals with the concept of the translation approach to the problem of interaction of language and culture in terms of determination of the translation solutions by linguoethnic factors. The authors pay main attention to the analysis of the notion of culture. The concept proceeds from the views and opinions regarding the culture and its role in shaping the identity of the person introduced by the honorary doctor (doctor honoris cause) of the MGIMO-University Federico Mayor in his book «New page». Sharing the point of view of F. Mayor, the authors come to the conclusion that culture is a knowledge, based on which an individual perceives and evaluates his performance and behavior. Projecting such a position on the verbal behavior, the authors highlight the leading role of culture in the process of producing a speech act played when choosing the individual models of behavior on the basis of the knowledge of the communicative situation. Based on F. Mayor's opinion that culture unites rather than divides people, the authors note the presence of universal and unique linguoethnic elements in the cultural knowledge of the representatives of various ethnic groups which determine the degree of similarities and differences in the ways of expressing knowledge in different languages. In this paper the authors reasonably use the term «linguoethnic» to describe the cultural-cognitive peculiarities inherent to individuals as representatives of different ethnic groups, as well as give comparison of the terms «linguoethnic» and «linguocultural».*

Key words: culture, language, Federico Mayor, linguoethnic factor, translation.

References

1. Mayor F. Novaya stranica (New page). M.: Progress, 1955 144 p. (in Russ.)
2. Pushkin A.S. Stihy, sochinyennye noch'yu vo vremyu bessonnicy (Poems composed in sleepless night). Pushkin A.S. Sochineniya v 3 tomah (compositions in 3 volumes) M, 1985. Vol.1.Pp.485-487. (in Russ).
3. Valiry P. Ob iskusstve (About arts). M, 1976. 622 p. (in Russ).
4. Nyunen P., Semenov A.L. Transkulturologicheskie transformacii pri perevode.- Mentalnost', kommunikaciya, perevod. (Transcultural transformations in translation.- Mentality, communication, translation). M.: INION RAN, 2008. Pp.27-50. (in Russ).

About the authors

Arkadiy L. Semenov – Doctor of Philology, Professor, professor of the department of foreign languages, Faculty of physico-mathematical and natural sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: arksem@gmail.com

Viktor I. Ershov – PhD, associate professor, associate professor of military department, MGIMO-University. E-mail: ershovik@mail.ru

Dmitriy A. Gusarov – translation teacher of military department , MGIMO-University. E-mail: dmitriy_gusarov@mail.ru

ГЛАВНЫЙ МИФ ПСИХОАНАЛИЗА: К СТОЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ «ТОТЕМ И ТАБУ» З. ФРЕЙДА

Р.Ф. Додельцев, В.И. Коннов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена оценке современного значения одной из главных работ З. Фрейда по психоанализу культуры – «Тотем и табу». Авторы дают обзор истории создания работы, включая ее психоаналитические, антропологические и исторические истоки, анализируют ее основные концепции – связь древних запретов и ограничений, которые накладывают на себя невротики, схожесть невротического поведения и поведения первобытных людей, фрейдовскую версию развития отношений в первобытной орде в соответствии со схемой эдипова комплекса. Уделяется внимание связи «Тотем и табу» с другими произведениями Фрейда. В статье также разбирается критика книги с исторических и психологических позиций, выделяются ее конструктивные аспекты. Также оценивается то, как книга была воспринята литературными кругами, в частности Т. Манном, предлагавшим рассматривать ее скорее как принципиально новое мифотворчество, а не как научную работу. Внимание также уделяется попытке применить идеи книги в анализе таких событий современной истории, как денацификация Германии и студенческие выступления конца 1960-х гг., предпринятые психоаналитиком М. Эрдхаймом и философом О. Марквардом. Авторы предлагают собственное видение возможностей применения концепций Фрейда в анализе социальных процессов, заключающееся в сочетании научного подхода, к которому, несмотря на сильный уклон в спекулятивную теорию, тяготел Фрейд, с методами отражения действительности, характерными для искусства, – свободной ассоциации явлений и ориентации на широкий круг читателей, а не на узкую группу специалистов.

Ключевые слова: психоанализ культуры, история психологии, социальные запреты, студенческие волнения, денацификация.

Зачастую влияние мыслителя определяет не только широта его признания, но и острота споров вокруг его наследия, подвигающих, как правило, к более глубокому исследованию затронутых им тем. Фрейду, как говорится, «повезло» и в первом, и во втором отношениях: до сих пор его теория встречает и решительное отвержение, как, скажем, некогда у К.Поппера, и восторженное признание множества последователей, а особенно широкой публики. Тому есть и самые современные примеры. Назовем, в частности, книгу французского психолога и философа М. Офрея «Антифрейд» [9]. Но встречается и более взвешенная оценка, где слова во хвалу перемежаются с хулой. Так, к примеру, один из недавних критиков фрейдизма канадский психолог Генри Элленберг пишет: «Объективно оценить оказанное Фрейдом влияние чрезвычайно сложно. История психоанализа слишком коротка, излишне засорена легендами, да и не все ее события известны. И все же ясно одно: Фрейд оказал мощное воздействие не только на психологию и психиатрию, но и на все области культуры, он изменил даже наш образ жизни и понимание человека» [3, с. 760–761]. Эти слова вполне можно отнести и к фрейдовской психологии древней культуры.

К написанию «Тотем и табу» Фрейд приступил, обложившись грудой трудов по психологии первобытных народов, среди которых были десятилетняя «Психология народов» В. Вундта, «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера и т.п. Поначалу работа пошла быстро и захватила автора, но затем стала его меньше удовлетворять и больше раздражать. 30.11.1912 г. он пишет Ш. Ференци: «Работаю над «Тотемом» – совершенное свинство. Читаю толстые книги безо всякого интереса. К тому же следствия из них мне уже известны, мой инстинкт сообщает мне об этом». Менялось и его отношение к написанному. Так, после публикации очерка «Боязнь инцеста» он в письме к Э. Джонсу сообщает, что не очень-то доволен им. Другие части работы доставляли ему радость, особенно последняя, четвертая, в которой он обнаружил сходство чувств, испытываемых дикарем к тотему и ребенком мужского пола к отцу, что и определило главный вывод исследования. В конечном итоге Фрейд высоко оценивает работу в целом: «Сейчас я пишу о тотеме с чувством, что это мое самое высшее, наилучшее, последнее, быть может, достижение» (письмо к Ференци от 04.05.1913).

Повременам с развернутой оценкой творения Фрейда, поделимся пока что общим впечатлением от него. Воспользуемся для этого помощью самого венского мыслителя. Как известно, одним из немногих его увлечений за пределами науки и медицинской практики было собирание еврейских анекдотов. В одном из них [2, с. 46] речь идет о главном раввине Кракова, который во время молитвы возгласил: «Только что в Лемберге (ныне Львов. – Прим. авт.) умер главный раввин Л.». Однако вскоре выяснилось, что тот жив-здоров. На критическое замечание, что раввин грубо ошибся, ученик возразил: «Не важно, что этот человек в

здравии, все равно взгляд из Кракова в Лемберг был великолепен».

Своей смелостью попытка психоаналитика заглянуть во внутренний мир древнейших людей, от которого не осталось даже праха, напоминает ситуацию в анекдоте. К тому же и в ней, как нам представляется, ошибкой стало само открытие. Впрочем, Фрейд – не раввин, а ученый, а в науке не раз бывало, что взгляд за границы ее достижений, пусть даже не вполне удавшийся, открывал новые области исследования и намечал его общую направленность. Тем более что венский психолог действовал не наобум, а опирался на значительный этнографический материал и вглядывался в сумеречную историческую даль, будучи вооруженным выдвинутыми ранее гипотезами.

Первая представлена подзаголовком книги «Некоторое сходство психики дикарей и невротиков». Правда, за такую параллель Фрейда упрекали: мол, он представляет первобытное сообщество как «толпу одичавших невротиков», но если под невротизмом понимать эмоциональную нестабильность, преобладание в поведении спонтанных реакций, то подобная аналогия вполне оправданна. Действия древних людей могли быть столь же импульсивными, как и современных невротиков, а то и более. Фрейд признает также наличие в их психике механизмов и комплексов, подобных действующим в психике современных детей.

Чтобы перейти от первого впечатления к взвешенной оценке «Тотем и табу», рассмотрим основные идеи и внутреннюю логику книги. А поскольку мы считаем, что юбилей – место не только для хвалебных здравниц, но и для критических замечаний, учет которых может открыть перед юбиляром новые перспективы, то отметим его ошибки и преувеличения. Основное содержание первой части книги определяется тем довольно странным обстоятельством, что один из самых отсталых народов мира – австралийские аборигены – накладывают на сексуальность весьма серьезные ограничения. Фрейд констатирует: «Мы, конечно же, не ожидаем от этих жалких, нагих каннибалов, что они окажутся нравственными в нашем смысле слова и станут налагать на свои сексуальные влечения серьезные ограничения. И тем не менее мы узнаем, что они поставили себе цель с исключительной добросовестностью и с педантичной строгостью избегать инцестозных половых отношений. Более того, вся их социальная организация служит, видимо, этой цели или связана с достижением ее» [5, с. 6].

Тем самым намечается центральная для фрейдовской психологии культуры идея, что чувства людей («боязнь инцеста») в определенной степени влияют на устройство их сообществ. В основе управления подобными сообществами лежат не религиозные заветы или рационально обоснованные нормы, а система тотемизма, которую отличает слепая вера в тотем – какое-то животное, реже растение, считающееся предком и покровителем клана. А поскольку в этом случае члены одного клана считаются родственниками (не по крови, а по тотему), то между ними категорически запре-

щаются половые отношения. Так, полагает психоаналитик, можно объяснить возникновение первого сексуального запрета – экзогамии.

Обозначив основную проблему своего исследования – установление связи древних запретов с верованиями первобытных людей, Фрейд приступает к более тщательному анализу природы табу, которое представляется ему родственным запретам (социальным, нравственным, религиозным), которым повинемся и мы, современные люди. Первым делом психоаналитик обращает внимание на двоякий смысл полинезийского слова «табу», которое означает «святой», «почитаемый» и в то же время «нечистый», «опасный». Не удовлетворившись бытующими представлениями о табу, Фрейд предлагает взглянуть на него с позиций психологии бессознательного и констатируемого им сходства первобытных запретов с запретами, налагаемыми на себя болезнями невротом навязчивости. Он пишет об их сути: «Впрочем, из сохранения табу вытекает одно: первоначальное удовольствие от совершения чего-то запретного продолжает сохраняться у народов, придерживающихся табу. Стало быть, у них есть амбивалентная установка по отношению к тому, что запретило им табу; бессознательно они охотнее всего хотели бы нарушить его, но в то же время бояться этого; бояться именно потому, что им этого хотелось бы, а страх сильнее чувства удовольствия. К тому же у каждого отдельного члена этого народа, как и у невротика удовольствие, бессознательно» [5, с. 41–42].

Таким образом, согласно Фрейду, категорические запреты вызывают у людей противоречивые чувства. С одной стороны, «запретный плод сладок» для бессознания, с другой – табуизированный объект или действие вызывают осознанное чувство страха, что порождает острый психический конфликт, который отчасти могут смягчить раскаяние, покаянные или очищающие действия. Далее он демонстрирует, и вполне убедительно, амбивалентность чувств в отношении трех табуизированных объектов – убитых врагов, разного рода властителей, умерших родственников. В ходе этого он обнаруживает характерное свойство мышления, впервые проявившееся еще в «Толковании сновидений» (1900). О нем знал и сам Фрейд, ведь еще в сентябре 1872 г. он писал гимназическому другу Эмилю Флуссу: «Мне нравится распутывать плотную паутину запутанных нитей, которые окутывают причудливую судьбу каждого из нас».

В книге же он, почти как Шерлок Холмс, постоянно ищет за довольно обычными деталями увиденного во сне («явное содержание сновидения») постоянные и зачастую неожиданные для самого сновидца желания («скрытые идеи сновидения»). Мы называем такую склонность «детективностью мышления» и не удивляемся тому, что в «Тотем и табу» психоаналитик, пытаясь разобраться, почему живые боятся исходящих опасностей от дорогих умерших родственников, не довольствуется напрашивающимся ответом: те завидуют оставшимся в живых и их души способны выместить на живых

свою злобу. Фрейда такой простой ответ устроить не может, он «копает глубже», погружаясь в слои бессознательной психики.

Опираясь на тот факт, что некоторыми близкими умерших порой овладевают «навязчивые упреки» из-за якобы недостаточно проявленной заботы, Фрейд заключает, что они возникают из-за амбивалентного отношения живых к своим мертвецам: тех не только любили, но втайне испытывали к ним враждебность, по поводу их смерти не только печалились, но ощущали и удовлетворенность. Чтобы освободиться от эмоционального конфликта, живые приписывали свою враждебность мертвым, что превращало души тех в опасных демонов. Так был открыт один их механизмов «защиты Я» – проекция, приписывающая свои негативные свойства и чувства другим людям или их сообществам. Представление об этом механизме закрепилось в социальной психологии, с его помощью, скажем, объясняют национальные предрассудки и стереотипы.

Вместе с тем выскажем одно критическое замечание. Как нам представляется, Фрейд придает особое значение сходству табу с навязчивыми действиями невротиков и оставляет без внимания существенный характер их различия. Дело в том, что запреты, налагаемые на себя душевнобольными, проистекают из их индивидуальных психических конфликтов и призваны ослабить остроту последних. Табу же имеют источником социальные запросы древнего племени и призваны укрепить их сплоченность. Они направлены, даже если основываются на суевериях, на решение практических задач и имеют вполне реальный смысл.

По нашему разумению, главная идея второй части – признание амбивалентного отношения индивидов и их групп к запретным объектам и к силам, установившим эти запреты (к институтам власти, к ее лидерам), а также о сознательных и бессознательных компонентах такого отношения, – вполне приемлема. Однако она нуждается в дальнейшей проработке – в определении ее уровня и соотношении частей в различных культурах. Так, видимо, преобладание запретов (8 из 10) в заповедях Моисея свидетельствует о высокой амбивалентности и сравнительно низкой роли сознания в психической жизни древних евреев. А вытекающий из нее вывод о потенциальной опасности запретительства, порождающего психические конфликты и бессознательное сопротивление, спустя примерно полвека будет развит видным американским психологом Б. Скиннером, доказавшим гораздо меньшую эффективность наказаний для достижения желательного поведения по сравнению с поощрениями.

Основное содержание третьей части – «Анимизм, магия и всемогущество мыслей» – проистекает из того факта, что в предыдущей части автору нередко приходилось иметь дело с представлениями древних людей о душе. Соответственно здесь он анализирует анимизм – веру дикарей в существование души, духовных существ, первобытное мышление в целом, выявляя тем самым корни первобытной

религии и мировоззрения вообще. Фрейд видит в анимизме начальный этап мифологического мировоззрения, за которым, согласно общепринятой тогда концепции (А. Сен-Симон, О. Конт), следует религиозное, а затем научное мировоззрение. На вопрос, что привело древних людей к вере в существование души, психоаналитик предлагает также вполне традиционный ответ: наблюдение за состоянием сна и смерти, стремление объяснить их и избежать ужаса собственной кончины. Но далее представления венского психолога становятся более оригинальными: он видит в этой вере проекцию своих психических свойств на предметы и силы внешнего мира или, другими словами, подобно детям, древние люди судят о непонятном им объективном мире по себе, по тому, что им вроде бы лучше известно.

Для Фрейда анимизм является не только воззрением на мир, удовлетворяющим любознательность людей, он располагает еще и техникой по практическому овладению им в виде магии. Рассмотрев некоторые ее приемы, психоаналитик приходит к выводу: магические действия основаны на ошибочном мнении древних людей, что нет принципиальной разницы между порядком их мыслей и порядком природных объектов, а потому власть, которая у них есть над первыми, позволяет им властвовать над вторыми. На этом основании делается вполне логичный вывод: «принцип, господствующий в магии, в технике анимистического способа мышления, состоит во «всевластии мыслей» [5, с. 106]. Сходная переоценка своих желаний и представлений свойственна также детям и невротикам.

В заключительной части сочинения – «Возвращение тотемизма в детстве» – Фрейд стремится свести все сказанное ранее к некоей общей гипотезе. На этот раз в центре его внимания самые первые и важные, как он считает, запреты тотемизма – не убивать тотемное животное и избегать полового общения с членами своего тотема. Казалось бы, смысл этих установлений понятен: умерщвлять своего предка и кровника не очень-то здорово. О причинах введения экзогамных ограничений мы уже говорили. Но Фрейд не был бы Фрейдом, если бы не попытался за этим незамысловатым объяснением найти какой-то необычный смысл.

При его поиске венский психолог опять опирается на прокламируемое им сходство психики современного ребенка и взрослого дикаря. Он обращает внимание на то, что фобии животных у детей похожи на негативную сторону отношения первобытных людей к тотему. На основании проведенного незадолго до этого анализа (1909) он видит истоки этого невроза в переживаниях эдипова комплекса, образованного чувствами восхищения отцом (из-за его физического и интеллектуального превосходства) и страха перед ним, который возникает по той причине, что в возрасте 3 лет сексуальность мальчика находит свой объект в матери, а отец становится опасным конкурентом, способным покарать его за

кровосмесительные желания. И ребенок жаждет его устранить.

Чтобы освободиться от конфликта чувств, ребенок в некоторых случаях страх отца переносит на какое-то животное, что и образует фобию. На основании этого наблюдения Фрейд считает себя вправе поставить на место животного-тотема, которого дикари считают своим праотцом, мужчину-отца. И тут же делается неожиданный вывод: «Если тотемное животное – отец, то оба главных запрета тотемизма, оба предписания табу, составляющие его ядро, не убивать тотема и не использовать сексуально принадлежащую ему женщину, – по содержанию своему совпадают с двумя преступлениями Эдипа, убившего отца и взявшего в жены мать, и с двумя первичными желаниями ребенка, недостаточное вытеснение или пробуждение которых составляет, возможно, ядро всех неврозов» [5, с. 161].

Таким образом, искомый ответ найден, но Фрейд, похоже, понимает: предположение, что появление тотемизма связано с преступлениями Эдипа, звучит шокирующее и пытается подкрепить его, опираясь на идеи двух британцев – этнографа и религиоведа У. Робертсона-Смита и биолога Ч. Дарвина. Согласно первому, у древних семитов существовало празднество, во время которого они убивали ранее запретное тотемное животное и совместно поедали его. Эта торжественная трапеза означала, как это еще бытует и у некоторых современных народов, укрепление (совместной пищей и питьем) общности его участников, а также всех вместе с тотемом (его плоть становилась частью их плоти). В то же время празднество смягчало нарушение табу: убийство тотема, не дозволенное членам клана по отдельности, оправдано тогда, когда ответственность за него берет на себя все племя. И здесь возникает вопрос: почему тотемное животное, символизирующее праотца, необходимо было убивать?

Тут-то Фрейд обращается к помощи Дарвина, согласно которому задолго до появления тотемизма люди жили, подобно гориллам, небольшими ордями, возглавляемыми жестокими и ревнивыми отцами, которые приберегали для себя всех самок и изгоняли из орд подрастающих сыновей. Правда, такие сообщества нигде не наблюдались, самой примитивной общественной организацией являются мужские союзы, состоящие из равноправных членов и управляемые согласно тотемистической системе. Но не могли ли последние произойти из первых? Ответ на вопрос дает представление о тотемистической трапезе, считает Фрейд. Дело в том, что лишенные женщин изгнанники некогда объединились, убили и съели отца, положив тем самым конец патриархальной орде. Они совместно сделали то, на что не решались порознь.

Так вот, тотемистическая трапеза – это празднество, делает еще один неожиданный вывод психоаналитик, повторяющее «то достопамятное преступное деяние, от которого многое взяло свое начало – социальные институты, нравственные ограничения и религия» [5, с. 172]. Так что у исто-

ков культуры затаилось преступление. Ну, куда тут краковскому раввину до Фрейда! Он так поясняет свой вывод: победившие братья много сил и времени потратили на то, чтобы занять место отца. Но никому это не удалось, и потребовалась новая социальная организация, появлению которой содействовали дополнительные мотивы. Дело в том, что после убийства отца и удовлетворения ненависти к нему у сыновей усилились противоположные чувства к родителю – сильнейшее чувство вины и раскаяния в содеянном. Эти общие переживания сплотили братьев-убийц и место орды занял «братский клан». Кроме того, отныне мертвый отец стал почитаться сыновьями сильнее, чем при жизни, что вылилось в установление ими запретов:

- во-первых, не убивать тотемное животное – символ отца;

- во-вторых, пытаясь успокоить чувство вины «поздним послушанием», братья добровольно отказались от недоступных ранее женщин клана, установив экзогамию;

- в-третьих, наконец, возродившееся восхищение отцом и почитание его обернулось появлением антропоморфных богов, а, стало быть, согласно Фрейду, боги – это всего лишь проекция тиранического отца. Как и тот, они окружены амбивалентными чувствами – преклонением перед ними и страхом наказания с их стороны, сходства с ними и чувства ничтожества перед их величием, то есть один из источников религиозных чувств – переживания эдипова комплекса.

Остановимся теперь на судьбе «романа из правремен», как сам Фрейд называл свою книгу. Дело с ней сложилось, пожалуй, так же, как и с другими его концепциями: поначалу они встречали со стороны профессионального сообщества недоумение или даже возмущение, которые со временем сменялись все учащающимися попытками извлечь из них определенные плодотворные импульсы. По крайней мере именно так менялась позиция одного из самых известных ныне американских культурологов и антропологов Альфреда Кребера, который писал в 1920 г.: даже «описание структуры фрейдовской гипотезы происхождения социорелигиозной цивилизации будет, вероятно, достаточным, чтобы исключить ее принятие». Он подвергает книгу критике «по всем фронтам»:

- с антропологической позиции – жертвоприношения животных изучены на примере средиземноморских культур, но нет оснований считать, что они играли сходную роль и в других регионах;

- с психологической позиции – сомнительно, что раскаяние сыновей располагало достаточной силой, чтобы «держат» на себе социальный порядок, установленный после их гипотетического преступления;

- с логической позиции – по его мнению, Фрейд воздвигает свою конструкцию на ряде неподтвержденных гипотез, игнорируя то, что с добавлением каждой новой достоверность его концепции в целом падает.

При всем этом американец считает «Тотем и табу» «важным и ценным вкладом в этнологию»,

особенно его привлекает фрейдовская идея о сходстве обычаев табу с неврозами, а также об эмоциональной амбивалентности, возникающей в обществе под влиянием запретов. Правда, истоки невротизма он видит, прежде всего, не в психосексуальных, как Фрейд, а в социокультурных условиях жизни. По мнению Кребера, невротизм получает распространение и становится характерным явлением в обществах, где религия переживает упадок, а «просвещение» набирает силу. Как, например, в эпохи эллинизма, Римской империи, а также в наше время, тогда как в Средние века, когда «суеверия и табу имели характер незываемых установлений,... невротики все же были редкостью» [6, с. 54].

Позднее Кребер признает, что его критика, будучи во многом справедливой, выглядит по прошествии лет грубым препарированием изящного интеллектуального творения или, по его словам, «колесованием бабочки» [7, с. 446]. Хотя с точки зрения истории, продолжает он, концепция Фрейда выглядит шаткой, ее основное содержание способствует принципиально новому пониманию культурных явлений. Несмотря на ряд слабых с научной точки зрения мест, да и концепции в целом, «Тотем и табу» быстро приобретает популярность среди образованных читателей. Так, известный немецкий писатель Томас Манн считал работу, возможно, высшим достижением своего давнего друга З. Фрейда, «вспыхнувшим в зените его жизни». Он видел в ней проникновение в «архидревность» и одновременно в «архиглубины человеческой души», где хранятся «вневременные схемы», которые организуют жизнь отдельных людей [1].

Жизнеспособность фрейдовской психологии древней культуры неплохо демонстрирует тот факт, что «по ее мотивам» проводятся исследования и современных политических процессов. Так, в предисловии к очередному переизданию «Тотем и табу», вышедшему в 1995 г., швейцарский психоаналитик Марио Эрдахайм анализирует проблему «денацификации» в ФРГ, отправляясь от идеи, что в основе табу лежит вызываемая их объектами амбивалентность чувств. По его мнению, жесткость, с которой в Германии преследуется любой намек на симпатию к нацизму, указывает на бывшее глубоко амбивалентное отношение к нему. Даже претендующие на объективность попытки понять умонастроения мысли и убеждения немцев 1930-х гг. способны вызвать рационально необъяснимые «профилактические» меры к предпринимающим их ученым, вплоть до отстранения от должностей и уголовного преследования.

Что же обусловило радикальную смену установок немецкого народа в отношении национал-социализма? Эрдахайм убежден: бывшие симпатии к нему сокрушило жестокое поражение Германии и последующая за этим экономическая, политическая, демографическая и т.п. катастрофы нации. А невротическая реакция на нацистскую идеологию, стало быть, связана не с ее реальной опасностью, а с тяжестью вызванных долгими бедствиями переживаний, сделавших недопустимым возвращение

в прежнее амбивалентное состояние и заставляющих решительно избегать всего напоминающего о нем [4].

Оборотную сторону социальных запретов, а именно последствия их нарушений, разбирает немецкий психоаналитик Одо Марквард. В центре его внимания студенческие выступления конца 1960-х гг. (прежде всего на примере ФРГ). Массовость и накал молодежного протеста заставляют психолога искать за ним причины более глубокие, чем простой конфликт поколений, видеть в нем бессознательную невротическую реакцию на преступление, которое совершили, однако, не сами студенты, а их родители, не осмелившиеся свергнуть своего нацистского «пахана». Неспособность немцев собственными силами покончить со своим сумасбродным главарем врезалась в национальное самосознание чувством глубокого позора и неизбежной вины. Правда, послевоенные лишения, выпавшие на долю старшего поколения, притупили эти горькие переживания, а сами невзгоды могли рассматриваться как воздаяние за преступное бездействие. Но у студенчества 60-х гг. XX в. таких испытаний и оправданий не было, и комплекс национальной вины приобрел у него навязчивый характер.

Поскольку же это чувство было вызвано не преступным действием, а отказом от него, то это привело к иным последствиям, чем те, которые рассматривала конструкция в «Тотеме и табу»: невроз молодежи выливается:

- не в обожествление тотема (символа праотца или поколения отцов), место которого заняло в современном мире государство, а в бунт против него;
- не в ограничения половой жизни, а в отвергающую их сексуальную революцию.

Таким образом, если реакцией на совершенное отцеубийство стало формирование первых табу, то ответом на несовершенный бунт стало крушение множества запретов. Такая предполагаемая подоплека молодежных выступлений позволяет, как считает Марквард, объяснить стремление лидеров студенческого движения связать политическую систему ФРГ с фашизмом, борьба с которым представляется ему подлинным мотивом выступлений молодежи. Психоаналитик утверждает: «Именно поэтому приращение современности отрицательных характеристик путем ее идентификации с прошлым – техника, которая позволяет найти волос в любом блюде, отчуждение в любой социальной реальности, подавление в любом общественном институте, грубую власть и фашизм в любых социальных ограничениях – превращается в особое искусство и достигает необычайных высот» [8, с. 38].

Перейдем теперь к общей оценке значения «Тотема и табу». До Фрейда антропологи и этнографы ограничивались изучением сохранившихся в вещественном виде или в виде духовных и социальных артефактов. Они исследовали останки древних людей, остатки их материальной культуры и орудийной деятельности, обычаи, произведения искусства, воззрения живших когда-то первобыт-

ных народов. Создатель же психоанализа своими «расследованиями» обращает внимание науки на то, что любые крупные продвижения рода человеческого сопряжены с невидимыми, но серьезными подвижками в массовой и индивидуальной психике, которые хотя и не определяют ход человеческой истории, но образуют ее постоянно действующий фактор.

Похоже, что превращение крайне агрессивного австралопитека в более миролюбивого и уравновешенного *homo faber* было связано с изменением соотношения между торможением и возбуждением в его высшей нервной деятельности, что обернулось развитием коллективной жизнедеятельности с использованием орудий труда. К сожалению, науке до сих пор неизвестны способы судить о психике доисторического человека по его костным останкам или каким-то другим предметам, что заставляло Фрейда широко использовать умозрительные и косвенные способы исследования. И пусть читатель не сочтет это юбилейным преувеличением, мы убеждены: своей книгой австрийский психолог намечает путь новой науке – палеопсихологии или эволюционной психологии – и эта дорожка травой не зарастает.

В истории психоанализа не раз предпринимались попытки соединить, казалось бы, несоединимое – ориентированный на экономику и политику марксизм с опирающимся на общую психологию и психотерапевтическую практику фрейдизм. Несмотря на малый успех таких затей, надо признать: известные основания для их сближения существуют. Вместо чисто рационалистического представления о ходе мировой истории, предложенного французскими просветителями и усиленного Гегелем, Маркс открыл объективное, независимое от сознания людей действие экономических и политических законов, показав тем самым, что не разум правит общественной жизнью. Фрейд же двигался аналогичным путем в объяснении индивидуальной деятельности людей: углубив представление о психике обнаружением в ней мощного бессознательного слоя, он показал, что люди «не хозяева в доме своем», что ими движут не только сознательные намерения, но и бессознательные или плохо осознанные мотивы. После его открытий анализ общества или его отдельных групп не мог считаться законченным, если не исследовались их психическое состояние, осознанное и неосознанное влияние последнего на их деятельность.

Теперь добавим к высказанному «во здравие» Фрейда еще несколько критических замечаний. По нашему мнению, он весьма односторонне понимает соотношение индивида и культуры, фактически выводя особенности второй из психических свойств первого. При этом он пытается объяснить социокультурные явления, исходя из свойств и механизмов индивидуальной психики, тогда как социальные институты и нормы формируются в первую очередь ради решения общественно важных, наиндивидуальных задач, только во вторую очередь принимая во внимание индивидуальные

запросы и склонности членов сообщества. Иначе говоря, созданная людьми культура по мере своего развития все больше ориентируется на решение собственных задач в ущерб индивиду.

Это, впрочем, признает и сам психоаналитик в опубликованной незадолго до «Тотем и табу» статье «Культурная» сексуальная мораль и современная нервозность» (1911). Что не отменяет сказанного ранее о роли психических компонентов общественной жизни, а только его уточняет. Психические свойства отдельных людей явно проявляются в разных видах совместной деятельности (в быту, на производстве, в ходе потребления, властных взаимодействий и т.п.) на уровне личных отношений, хотя и здесь они выступают в формах, определяемых состоянием культуры сообщества. Заметно большее влияние на общественное развитие оказывает состояние массовой психики и социально-психологические механизмы, которые могут заметно отличаться от компонентов индивидуальной психики и которые требуют по этой причине специального исследования.

Фрейд посвятит ему книгу «Массовая психология и анализ Я». При этом следует иметь в виду, что, с одной стороны, влияние таких механизмов и свойств может в некоторых ситуациях приобретать важное и даже решающее значение, скажем, в виде особенностей общественного мнения страны или характера ее национального самосознания. С другой – нужно понимать, что действие такого рода механизмов, как правило, вторично по сравнению с экономическими и политическими процессами. И потому не является универсальным и постоянным, а всегда зависит от конкретной исторической ситуации в целом.

Повторимся, фрейдовская концепция происхождения культуры состоит из отчасти реалистических, а временами фантастических допущений. Это является причиной неоднозначного или даже амбивалентного отношения научного сообщества к ним. Вместе с тем она, как и психоанализ в целом, обладает рядом черт, делающих их чрезвычайно популярными среди деятелей культуры и искусства, для широких кругов читающей публики, а тем самым влиятельными в современной европейской культуре:

- во-первых, большинство концепций Фрейда, в том числе и его психология культуры, весьма оригинальны. Они позволяют взглянуть на привычные явления под необычным углом зрения, и даже там, где их автор явно хватается через край, а его идеям недостает убедительности, фрейдовская трактовка событий будоражит читателя, побуждает к самостоятельным размышлениям и к оставлению без внимания допущенных при этом односторонностей и преувеличений. Неслучайно поэтому его основные произведения до сих пор постоянно переиздаются, а сам он является, безусловно, наиболее читаемым и почитаемым психологом XX в.;

- во-вторых, типичным для многих направлений современной психологии стало стремление превратиться в точную, подобную физике или

физиологии, науку, что ограничило их поле зрения проблемами, допускающими точные наблюдения или, еще лучше, эксперимент. В результате они приобрели вид узкоспециализированных, переполненных сложными, порой математизированными рассуждениями областей знания, что сделало их труднодоступными и скучными для широкой публики. Психоанализ же продолжал заниматься общеинтересными темами, почти недоступными для наблюдения, а тем более для эксперимента и раскрываемыми только путем субъективной интерпретации отдельных, чаще всего клинических, случаев. К тому же Фрейд без боязни брался за исследование проблем, находящихся на границе возможностей современной науки или даже превосходящих их (вспомним хотя бы «Толкование сновидений»), что опять-таки поднимало популярность его трудов;

- в-третьих, сказанное только что в самом деле, как и утверждают некоторые критики, помещает психоанализ в нейтральную полосу между наукой и ненаукой (если первую понимать в позитивистском смысле, а под второй иметь в виду не лженауку, а искусство в качестве особого способа постижения человека). Другими словами, психоанализ – уникальное явление в науке XX в., сумевшее соединить воедино научное и художественное воззрение на человека. К счастью, его создатель располагал необходимыми для осуществления такого необычного сочетания данными – его мышление и мировоззрение мы назвали бы амбивалентным, имея в виду, что в них действовали противоположные устремления: одни доминировали и проявляли себя явно, другие скрывались в их глубинах и действовали исподволь.

Дело в том, что Фрейд формировался во второй половине позитивистско-материалистического XIX в. в соответственно ориентированных медицинских кругах и, приступая к созданию своей психоаналитической теории, нацеливал себя на введение в нее физикалистской, психоэкономической, эмпирической точки зрения. Вместе с тем его любовь к литературе и мифологии, склонность теоретизировать на гуманитарные темы не исчезли, а, видимо, только отступили на периферию его сознания. Неслучайно он, студент-медик, два семестра посещал лекции Ф. Брентано (учителя Э. Гуссерля) о философии и логике Аристотеля. Позднее психотерапевтическая практика подвигла его признать значительную самостоятельность психики, болезни которой должны были лечиться прежде всего психическими, а не физическими средствами, в ней доминировали бессознательные влечения, последние же проявляли себя только опосредованно и судить об их качествах можно было лишь с помощью умозрительного толкования, используя полухудожественные описания и понятия-метафоры.

В результате на склоне лет рационалист Фрейд обнаружил сходство своих идей с некоторыми положениями иррационалистов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Он поднялся от эмпирически наблюдаемых сексуальных и агрессивных влечений к

умозрительной концепции борьбы в человеке и в природе Эроса и Танатоса, все больше придавал своим строго фиксируемым психотерапевтическим анализам и их теоретическому обобщению литературно-художественное и мифологическое оформление. Неслучайно одной из его самых больших наград стала литературная премия Гете. Так в психоанализе появился удивительный сплав рационализма и иррационализма, эмпиричности и умозрительности, научности и художественности.

Впрочем, у этой уникальности есть и оборотная сторона, ведь во фрейдовском мышлении была еще одна амбивалентность: признавая чрезвычайную сложность культурных феноменов (их «сверхдетерминированность»), он одновременно стремился их редуцировать, свести к единственной причине. Действия двух этих ориентаций выливались в то, что рациональные, дискретные рассуждения облекались в конечном итоге в целостные, эмоционально насыщенные образы, сходные с образами мифов. В известном смысле слова некоторые концепции Фрейда можно уподобить мифам: скажем, в основе «Тотем и табу» лежит миф

об отцеубийстве. Конечно, такое уподобление не позволяет считать книгу строго научной, но и не лишает ее ценности для европейской культуры, ведь в упоминавшейся уже речи на 80-летию Фрейда Томас Манн говорил: «В жизни человечества миф составляет раннюю и примитивную ступень, а в жизни отдельного человека – позднюю и зрелую. Миф дает способность видеть в реальности высшую правду, он дает улыбающееся знание о вечном, всегдашнем, непреложном» [1, с. 204].

Мы же предпочтем менее возвышенный стиль, напомним о словах И.Канта в «Критике чистого разума»: «Никто не отважится судить о предмете с помощью одной только логики». Не сомневаясь в неисчерпаемых возможностях научного познания, не будем забывать, что в случае, когда речь идет о проблемах, предельных для интеллекта современного человечества, важны не только достоверные и формализованные знания, но и любые другие умственные попытки – пусть неоднозначные и сомнительные – приблизиться к ним. В этом смысле «Тотем и табу» остается непревзойденным образцом и спустя сто лет после своего появления на свет.

Список литературы

1. Манн Т. Фрейд и будущее. Доклад в Вене 8 мая 1936 к 80-летию З.Фрейда // Иностранная литература. 1996. № 6. С. 195-208.
2. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
3. Ellenberg H. Die Entdeckung des Unbewußten: Geschichte und Entwicklung der dynamischen Psychiatrie von den Anfängen bis zu Janet, Freud, Adler und Jung. Bern: Diogenes, 1996.
4. Erdheim M. Einleitung // Freud S. Totem und Taboo. Einige Uebereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker. Frankfurt-am-Main: Fischer, 1995. S. 7-94.
5. Freud S. Gesammelte Werke in 18 Bände. Band IX. Frankfurt a M.: Fischer Verlag, 1954.
6. Kroeber A. Totem and taboo: an ethnological psychoanalysis. // American Anthropologist. New Series. – 1920. – Vol.22, N1. P. 49.
7. Kroeber A. Totem and taboo in retrospect. // American Journal of Sociology – 1933. – Vol. 45. No 3. P. 446-454.
8. Marquard O. Farewell to matters of principle. Oxford: Oxford University Press, 1989.
9. Onfray M. Anti Freud. Muenchen: Albrecht Knaus Verlag, 2011.

Об авторе

Додельцев Рудольф Федорович – к.ф.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: rfdodeltsev@gmail.com

Коннов Владимир Иванович – к.социол.н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-06-00869.

THE CORE MYTH OF PSYCHOANALYSIS: ON THE CENTENARY OF FREUD'S "TOTEM AND TABOO"

R.F. Dodeltsev, V.I. Konnov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article attempts to evaluate the influence of one of the main works of S. Freud on the psychoanalysis of culture "Totem and Taboo". The authors offer an overview of the history of the book's creation including its psychoanalytical, anthropological and historical sources, analyze its main concepts among them the connection between ancient prohibitions and limitations imposed by neurotics on themselves, similarity between neurotic behavior and behavior of primitive people, examine the place of the book among other works by Freud such as "Mass psychology and Ego analysis", "Cultural sexual morality and modern neurosis" and others. The article also investigates the main criticisms against Freud's work launched from historical and psychological positions and tries to single out its constructive elements. The authors trace the reception of the book by literary circles, among others by T. Mann, who suggested viewing "Totem and Taboo" rather as a new kind of myth creation than a work of science. And then the article turns to attempts to apply the book's ideas to the analysis of such events of modern history as the denazification of Germany and student uprising in the late 1960s following the works of the psychoanalyst M. Erdheim and philosopher O. Marquard. The authors conclude the article by offering their view of the possible applications of Freud's concepts in the analysis of social processes, which could be based on combining the scientific approach favored by Freud himself, despite his leanings toward speculative theory, with methods of reflection typical for art, which build upon free associations of events and are directed towards the wide public rather than a narrow group of specialists.*

Key words: psychoanalysis of culture, history of psychology, social prohibitions, denazification, student uprising.

References

1. Mann T. Freid i budushchee. Doklad v Vene 8 maia 1936 k 80-letiiu Z.Freida. // Inostrannaia literatura. – 1996. - № 6. S. 195-208. [Mann T. Freud and the Future. Speech in Vienna on May 8, 1936 for the 80th Birthday of S. Freud // Foreign Literature. – 1996. – No. 6. P. 195-208]
2. Freid Z. Khudozhnik i fantazirovanie. M.: Respublika, 1995. [Freud S. Artist and Fantasizing. Moscow: Republic, 1995]
3. Ellenberg H. Die Entdeckung des Unbewußten: Geschichte und Entwicklung der dynamischen Psychiatrie von den Anfängen bis zu Janet, Freud, Adler und Jung. Bern: Diogenes, 1996.
4. Erdheim M. Einleitung // Freud S. Totem und Taboo. Einige Uebereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker. Frankfurt-am-Main: Fischer, 1995. S. 7-94.
5. Freud S. Gesammelte Werke in 18 Bänden. Band IX. Frankfurt a M.: Fischer Verlag, 1954.
6. Kroeber A. Totem and taboo: an ethnological psychoanalysis. // American Anthropologist. New Series. – 1920. – Vol.22, N1. P. 49.
7. Kroeber A. Totem and taboo in retrospect. // American Journal of Sociology – 1933. – Vol. 45. No 3. P. 446-454.
8. Marquard O. Farewell to matters of principle. Oxford: Oxford University Press, 1989.
9. Onfray M. Anti Freud. Muenchen: Albrecht Knaus Verlag, 2011.

About the authors

Rudolf F. Dodeltsev – Ph.D. (Philosophy), Professor of the Philosophy Department, MGIMO-University.
E-mail: rfdodeltsev@gmail.com

Vladimir I. Konnov – Ph.D. (Sociology), Associate Professor of the Philosophy Department, MGIMO-University.
E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (В ТРАКТОВКЕ АРАБСКИХ И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Ю.С. Айвазян

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена рассмотрению процессов лексической номинации в арабском литературном языке в интерпретации современных арабских ученых-лингвистов и западных арабистов. В современной российской арабистике отсутствует системное исследование актов называния, а имеющиеся труды – монографии, диссертационные исследования, статьи – охватывают только отдельные аспекты данной проблемы. Они анализируют ее, с одной стороны, в контексте терминообразования, а с другой – в контексте изучения отдельных способов номинации в арабском языке. В этой связи представляет интерес проследить и функционирование наименования в связи с формированием арабских номинативных единиц нормативного языка. В данной статье проводится обзор основных достижений зарубежной арабистики по рассматриваемой теме и предлагается собственная структура процессов арабского наименования. Вместе с этим в статье дается и периодизация исторического развития арабского словаря, указываются некоторые лингвистические особенности, связанные с современным этапом развития языка, приводятся сведения об инстанциях в арабском мире, которые призваны регулировать «наплыв» новой лексики. В свете неоднозначного отношения к различным способам номинации рассмотрены также подходы различных арабских ученых-лингвистов к способам наименования в соответствии с критерием корреляции какого-либо способа наименования с языковой структурой АЛЯ. Способы номинации сопровождаются современными примерами из разных областей, некоторые из которых являются неологизмами в АЛЯ.

Ключевые слова: арабский литературный язык, лексическая номинация, словообразование, словосложение, калькирование, лексико-фонетическое заимствование, окказионализация.

Арабская языковая номинация представляет значительный интерес для исследования с учетом различных факторов: многообразия арабских стран на современном этапе, исторического развития арабского вокабуляра; взаимодействия арабского языка с языками и культурами завоеванных стран в период арабизации и исламизации; диглоссии, характерной для арабского региона. Лингвистическое исследование номинативных актов, способов наименования и прогнозирования вектора развития процессов арабского наименования могли бы внести определенный вклад в теоретическую составляющую арабской лингвистики, что, в свою очередь, повлекло бы модернизацию самого арабского литературного языка (далее – АЛЯ) и арабской лингвистической теории.

Номинация в любом языке происходит непрерывно, но с разной степенью интенсивности. Так и в случае с АЛЯ, который в каждую эпоху своего существования имел собственный установившийся вокабуляр, свой словарь. Как отмечает А.Г. Белова, до настоящего времени в цепи письменных памятников остается временной интервал примерно между IV и VII вв. н.э., когда первые письменные памятники исламского периода – Коран и записи образцов доисламского поэтического творчества – предстают перед исследователем в качестве памятников языка. Для него характерна уже сформировавшаяся и достаточно регулярная языковая система [9, с. 7].

В.М. Белкин выделяет в истории развития арабского словаря четыре крупных среза:

– *конец VII – начало VIII в.* В этот период существовал домусульманский словарь общинно-племенного строя. В.М. Белкин допускает, что этот словарь являлся непосредственным отражением словаря устной речи. Существование ислама и священной книги мусульман – Корана значительно изменили положение арабского языка. Фактически до Корана арабский язык заимствовал новые языковые единицы и активно формировал разговорный лексикон. Коран стал своего рода эталоном АЛЯ, после чего начался интенсивный экспорт лексики в другие языки;

– *примерно середина VIII – XII в.* Период зарождения, развития и процветания средневековой арабской цивилизации. Ведя широкомасштабные территориальные завоевания, арабы за период правления четырех праведных халифов сумели арабизировать захваченные ими земли. Данный этап ознаменовался тем, что арабский язык приобрел статус международного языка в среде мусульманских ученых. Для этого этапа было характерно активное пополнение арабского языка новым лексико-терминологическим пластом в силу того, что арабский язык, прививаемый на завоеванной территории, не только усваивался местным населением, но и заимствовал многие лексические единицы местных наречий, в дальнейшем оседавших в нем. Это период интенсивного развития арабского языка во всех его филологических аспектах;

– *XIII – XVIII вв.* Период застоя и упадка арабского литературного творчества, сужения круга лиц, владевших литературным языком, широкого наступления диалектальной лексики. В эту эпоху во всей естественно-научной и литературной, а также теологической деятельности в пределах арабского мира наступил декаданс. В свою очередь, стагнация духовной и социальной жизни привела к череде разрушительных иноземных нашествий и в конечном итоге к установлению чужой политической власти, что негативно сказалось и на языковом процессе – снизилась роль АЛЯ и сфера его применения;

– *С XIX в. начинается новый период*, для которого характерно постепенное восстановление АЛЯ, а также создание новой арабоязычной литературы различных жанров. Этот период тесно связан с возникновением и ростом национального самосознания в арабских странах. С середины XIX в. началось формирование единой арабской языковой нормы. Во всех арабских странах происходило активное возрождение и дальнейшее развитие АЛЯ [8, с. 37]. Можно говорить о появлении в данный период пристального интереса к вопросам нормирования языка по причине интенсификации процесса арабизации в арабских странах. В результате кодификации основной современного АЛЯ стала классическая и постклассическая лексика, которая была закреплена в языке в процессе многовековой литературной практики. В конечном счете арабский язык стал рассматриваться как система, которой чужды метаморфозы.

Мы считаем необходимым дополнить данную периодизацию еще одним периодом:

– *с середины XX в. по настоящее время:* начало подвижек в АЛЯ в контексте завоевания арабскими странами политической независимости. В этот период на АЛЯ начинают оказывать влияние такие факторы, как международная обстановка после Второй мировой войны, политические процессы, происходившие и происходящие в мире (холодная война, окончание холодной войны, становление, затем крушение социалистической системы, новый мировой порядок, глобализация и т.д.). В современном АЛЯ, по существу, можно говорить лишь об актуальности обновлений в сфере лексики, в то время как грамматика и синтаксис обрели свою форму и на данном этапе подвержены минимальным трансформациям.

Начиная с этапа великих арабских завоеваний, когда в результате значительного расширения границ Арабского халифата и выхода арабов за пределы Аравийского полуострова арабские ученые были поставлены перед необходимостью переводить художественную и научную литературу с персидского, греческого и латинского языков, в АЛЯ стали проникать новые слова и выражения, обозначающие новые понятия. Процессы соприкосновения с чужой культурой, научными достижениями и языком породили необходимость формирования новых методов перевода или заимствования иноязычных терми-

нов, создания неологизмов и при этом сохранения чистоты арабского языка, выступающего в роли реципиента. Таким образом, процессы номинации (араб. **التوليد** [at-tawlīdu l-luġawīyyu]) получают большой импульс для функционирования и становятся объектом внимания арабских ученых-лингвистов.

Р.А. Эльмграб (Университет Бенгази, Ливия) отмечает следующие основные способы номинации (**وسائل التوليد** [wasâ'ilu t-tawlīd]), сложившиеся в классический период АЛЯ: 1) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq], 2) заимствование – **التعريب** [at-ta'rib] и 3) словосложение – **النحت** [an-naḥt] [4, с. 493]. При этом, описывая наименование в современном АЛЯ, он добавляет к этой классификации описательный способ перевода – **الوصفية بالترجمة** [at-tarġāmatu l-waṣfīyya], или **الاشتقاق بالترجمة** [al-ištiqâq bi t-tarjāma] (досл.: «деривация путем перевода»), или **الاشتقاق المعنوي** [al-ištiqâqu l-ma'na'wīyyu] (досл.: «деривация значения»)[4, с. 495].

С. Ляуисат (Университет Маулюд Миамари, Алжир) в качестве способов номинации называет следующие: 1) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; 2) заимствование – **التعريب** [at-ta'rib]; 3) словосложение – **النحت** [an-naḥt]; 4) калькирование – **الترجمة** [at-tarġāma]; 5) окказионализация – **الارتجال** [al-irtiġâl]; 6) семантическое расширение – **المجاز** [al-maġâz][12, с. 29].

А. бен Х. Аль-Увейшк (Университет короля Сауда, Саудовская Аравия) к способам арабской номинации относит следующие: 1) аналогию – **القياس** [al-qiyâs] (уподобление одной единицы языка другой в каком-либо плане); 2) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; 3) метатезу – **القلب** [al-qalb]; 4) аллофонию – **الابدال** [al-ibdâl]; 5) словосложение – **النحت** [an-naḥt]; 6) заимствование – **التعريب** [at-ta'rib]; 7) окказионализация – **الارتجال** [al-irtiġâl] [13, с. 6–7].

Исследователи М.С. Аль-Асаль (Университет Джадара, Иордания) и О.М. Смади (Университет Ярмук, Иордания) выделяют такие способы арабской лексической номинации, как: 1) аналогия – **القياس** [al-qiyâs]; 2) формальное синтаксическое примыкание – **التركيب** [at-tarkīb]; 3) словосложение – **النحت** [an-naḥt]; 4) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; 5) семантическое расширение – **المجاز** [al-maġâz] (слово, имеющее множество значений в арабской лингвистике); 6) калькирование – **الاشتقاق** [at-tarġāma] и 7) заимствование – **التعريب** [at-ta'rib][2, с. 16].

Лингвист И. Анис (Александрийский университет, Египет) среди способов номинации выделяет: 1) аналогию – **القياس** [al-qiyâs]; 2) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; 3) метатезу и аллофонию как целостное явление – **القلب و الابدال** [al-qalb wa l-ibdâl]; 4) словосложение – **النحت** [an-naḥt]; 5) окказионализацию – **الارتجال** [al-irtiġâl]; 6) заимствование – **الافتراض** [al-iqtirâḍ] [11, с. 6].

М.Р. Хамзауи (Университет Туниса, Тунис) классифицирует способы номинации следующим образом: 1) словообразование – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; 2) семантическое расширение – **المجاز**

[al-maġâz]; 3) заимствование – **التعريب** [at-ta'rib]; 4) словосложение – **النحت** [an-naḥt] [14, с. 40].

Исследователи К. Верстег и Х.М. Корнелис проследили функционирование в АЛЯ следующих способов наименования:

- 1) заимствования иноязычного слова;
- 2) фонетическую/морфологическую интеграцию иноязычного слова;
- 3) аналоговое расширение существующего корня;
- 4) перевод иноязычного слова;
- 5) семантическое расширение имеющейся лексической единицы [7].

Американский арабист Я. Стеткевич привел шесть основных способов арабской номинации:

- 1) аналоговый метод словообразования;
- 2) создание составных слов;
- 3) заимствование иноязычных лексических единиц;
- 4) семантическое развитие;
- 5) упрощение грамматики;
- 6) иноязычные способы номинации [5, с. 1–66].

Таким образом, можно констатировать, что большинство арабских лингвистов-лексикографов на сегодняшний день выделяют следующие продуктивные способы номинации: **словообразование** – **الاشتقاق** [al-ištiqâq]; **семантическое расширение** ('semantic expansion') или 'семантическое изменение' ('semantic change') – **المجاز** [al-maġâz]; **заимствование** – **التعريب** [at-ta'rib] (англ. 'arabization' или 'arabization' – «арабизация»); **словосложение** – **النحت** [an-naḥt]; **калькирование** – **الترجمة** [at-tarġāma] или **مصطلح الأعجمي المولد** [muṣṭalaḥu l-'aġjamīyyu l-muwāllad]; **создание окказионализмов** – **الارتجال** [al-irtiġâl].

Другим, также функциональным способом в современной арабской лингвистике принято считать **употребление лексики классического АЯ / арабское лексическое наследие** – **التراث** [at-turât], предполагающее возможность перевода иноязычного денотата уже существующим, но забытым или проигнорированным арабским наименованием [3, с. 1].

На современном этапе можно наблюдать активные тенденции вестернизации арабского региона, что привносит новые, западные слова и термины в АЛЯ на смену лексическим единицам, привнесенным в классический период из Персии, Индии, Греции. В свете вестернизации и интенсификации научных процессов в мире активизируется деятельность арабских академий и бюро, призванных унифицировать и стандартизировать, а в ряде случаев и отсеивать лексику, закрепляющуюся в языке в виде научных терминов. Как отмечает нидерландский арабист-исследователь К. Верстэг, «в процессе модернизации языка в начале XX в. арабские академии играли центральную роль. Например, Каирская и Дамасская академии, сформированные по образу и подобию крупных языковых академий Европы, должны были максимально олицетворять собой Французскую академию» [6].

Арабские академии в Египте, Ираке, Иордании, Саудовской Аравии и Сирии проделали большую работу по аккумулярованию новых слов и терминов. Вместе с тем, как пишет арабский лингвист В.Х. Абдеррахман, «решения и рекомендации арабских академий не всегда получали всеобщее признание» [1, с. 224]. И далее: «такие рекомендации академий обуславливались сильным влиянием двух традиционных лингвистических школ (Басры и Куфы) и их отношением к некоторым вопросам арабской морфологии. Например, Каирская академия приняла резолюцию, которая запрещала отыменную деривацию, за исключением случаев, когда это было необходимо применить в научной терминологии» [1, с. 224].

Таким образом, в условиях существования дилеммы использования исконно арабских способов наименования или заимствования иноязычной лексики в рамках языковой интерференции на сегодняшний день среди арабских лингвистов нет единого мнения по поводу способов наименования в АЛЯ. Арабский исследователь-лингвист Х. Дарир (Университет Кади Аййад, Марокко) указывает на то, что точки зрения по поводу использования способов номинации можно отнести к трем основным группам:

– сторонников «международных научных терминов» (так называемые «адвокаты заимствования»). Данное направление представляют лингвисты: Р. Таххаан и Д.Б. Таххаан, С. Муса и М.К. Хасан;

– сторонников идеи опоры на ресурсы АЛЯ путем апелляции к арабскому лингвистическому наследию (А. Лахдар-Газал, М.Б.А. Белькезиз, А. ибн Идрис Ас-Салями и М. Бухамдии) либо путем расширения продуктивной способности деривации, присваивая специфические модели слов специфическим концептам: например, модель [fīġāla] для обозначения ремесла, искусства или науки. Под этим способом может пониматься даже создание отдельной новой модели для новых понятий (А. Ас-Салаяли и Т. Хассан);

– сторонников развития АЛЯ за счет использования аффиксов арабского происхождения или аффиксов, базирующихся на латинских или греческих корнях. Сторонники данной группы (В. Камхауи, Аййуб и Аль-Хасри) также допускают словосложение в процессе лексического обогащения АЛЯ [3, с. 5–6].

На основе вышеприведенного материала становится очевидным, что один из наиболее важных вопросов арабского лексического наименования в практическом плане – какие способы номинации применять – не находит единственного однозначного ответа в среде зарубежных лингвистов. В этой связи мы считаем необходимым привести нашу собственную классификацию способов арабской номинации, которую мы считаем наиболее функциональной в современном АЛЯ. В соответствии с ней арабская номинация может быть поделена на два крупных вида называния: *первичная номинация* и *вторичная номинация*.

– *Первичная номинация*, включающая в себя описательный способ наименования/перевода (поскольку АЛЯ испытывает сильное влияние западных языков, ставших распространителями новейшей научной терминологии, в некоторых случаях описательность оказывается неразрывно связана с переводческим компонентом), создание новых слов на базе арабских корней (деривация), лексико-фонетические заимствования, словосложение.

– *Вторичная номинация*, включающая в себя: автономную вторичную номинацию (присваивание уже существующей отдельно взятой лексической единице нового значения) и неавтономную вторичную номинацию (соединение лексических единиц, семантически не связанных между собой, в словосочетание с новым сигнификатом), а также семантические заимствования – кальки.

Примеры наименований по способам:

– описательность: *الحصة الرئيسية من أسهم الشركة* [al-ḥiṣṣatu r-ra'isīyya min 'āshumi š-šīrka] 'контрольный пакет акций' [10, с. 185], *الصغير الحجم* [muġāliġu l-bayānāt ṣaġ ħru l-ḥaġm] 'микропроцессор', *حفلة راقصة* [ḥāfla rāqiṣa] 'бал';

– словообразование: *حوكمة* [ḥawkāma] 'управление' (инфиксация корня *حكم* [ḥ-k-m]), *أهرامات* [ahrāmāt] 'группы пирамид' (образование формы правильного множественного числа от формы ломаного множественного числа), *تماهي* [tamāhā] 'идентифицировать' (от имени существительного *ماهية* [māhiyya] – «сущность»);

– лексико-фонетические заимствования: *تليفون* [tilifūn] 'телефон', *الانتربول* [al-'interbūl] 'Интерпол' [10, с. 157], *استوديو* ['istūdiyū] 'студия';

– калькирование: *تعددية* [taʿaddudīyya] 'плюрализм' [10, с. 301], *موسم سياحي* [māwsim siyāḥiyy] 'туристический сезон', *علم النفس* [ʿilmu n-nāfs] 'психология';

– словосложение: *رأسمال* [ra'smāl] 'капитал', *قروسطي* [qurwustīyy] 'средневековый', *بيسنى* [béysinnīyy] 'межзубный', *الجيوسياسة* [al-ġiyūsiyāsa] 'геополитика' [10, с. 83];

– автономная вторичная номинация: *صاعق* [ṣāʿiq] 'детонатор', *انتقاص* ['intiqāṣ] 'черный пиар', *هامشي* [hāmišīyy] 'маргинальный' [10, с. 206];

– неавтономная вторичная номинация: *العقد واسطة* [wāsiṭatu l-ʿiqd] 'центральная фигура' (досл.: «центральная жемчужина в ожерелье»), *كلب البحر* [kālbu l-bāḥr] 'акула' (досл.: «собака моря»), *زئر بعينه الى* [zānnara biʿāyinihi ila] 'пристально смотреть на...' (досл.: «опоясать своим глазом...»).

И так как в современной зарубежной лингвистике нет единого мнения по поводу способов номинации и правомерности функционирования некоторых из них, то представляется, что унификация теоретических основ арабской номинации позволяет выявить вектор развития арабской лексики на современном этапе и внести вклад в оптимизацию работы по составлению толковых и билингвальных словарей.

Список литературы

1. Abderrahman W.H. A linguistic Study of the Impact of English on Arabic Word-Formation. // Islamic Studies, 34:2. 1995. 223–231 p.
2. Al-Asal M.S., Smadi O.M. Arabicization and Arabic Expanding Techniques Used in Science Lectures in Two Arab Universities. // Asian Perspectives in the Arts and Humanities 2:1, 2012. 38 p.
3. Darir H. Approaches to the Production of Terms in Arabic. http://www.academia.edu/1349127/Approaches_to_the_Production_of_Terms_in_Arabic. 11 p.
4. Elmgrab R.A. Methods of Creating and Introducing New Terms in Arabic. Contributions from English-Arabic Translation. // International Conference on Languages, Literature and Linguistics. IACSIT Press, Singapore, 2011. 491–500 c.
5. Stetkevych J. The Modern Arabic Literary Language: Lexical and Stylistic Developments. University of Chicago Press, Chicago, 1970; Georgetown Chicago Press, Washington D.C., 2006. 137 p.
6. Versteegh K. The Emergence of Modern Standard Arabic. // The Arabic Language. Edinburgh University Press, 1997. 173–189 p. http://acc.teachmideast.org/texts.php?module_id=1&reading_id=35&sequence=3
7. Versteegh K., Cornelis H.M. The Arabic Language. Edinburgh University Press, Edinburgh. 1997, 2001. 277 p. <http://acc.teachmideast.org/>
8. Белкин В.М. Арабская лексикология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 198 с.
9. Белова А.Г. Историческая морфология арабского языка. По материалам памятников доисламского периода. М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1994. 208 с.
10. Соловьев В.И., Яковенко Э.В. Краткий русско-арабский общественно-политический словарь. М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2003. 510 с.
11. إبراهيم أنيس. من أسرار اللغة. – القاهرة: دار المعرفة. 1966. 210 ص
12. فية لأسماء الآلة المستحدثة دراسة تحليلية تقويمية. منشورات مخبر الممارسات اللغوية. الجزائر، 2011. 176 ص. سميح لعويشات. البنية الصر
13. منهج فقه اللغة. المستوى الثامن. – جامعة الإمام محمد بن سعود الإسلامية. الرياض. 2002. ص. 79. ص. عبد الله بن حمد العويشق
14. محمد رشاد الحمزاوي. المنهجية العامة لترجمة المصطلحات و توحيدها و تنميطها. – بيروت: دار الغرب الإسلامي. 1986. 129 ص

Об авторе

Айвазян Юрий Сергеевич – преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: Zetrodoloх13@yandex.ru

WORD FORMATION AS A MODERNIZATION TOOL OF MODERN STANDARD ARABIC (FROM THE POINT OF VIEW OF ARABIC AND WESTERN LINGUISTS)

Y.S. Ayvazyan

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The current article is devoted to the analysis of word formation processes in Modern Standard Arabic from the point of view of Arabic and Eastern linguists. Due to the fact that modern Arab studies in Russia lack systematic coverage of word-formation processes while existing works – monographs, thesis's and articles are written about unconnected with each other aspects of this theme, which scrutinize the problem in two ways: by approaching the issue in terms of terminology and by overviewing only methods of word formation, it is interesting to observe the formation of words with general meanings. This paper contains approaches of different foreign linguists to the articulated problem, and also includes the author's vision on the structure of the Arabic word-formation. In addition to that the article covers the historical periodization of the Arabic lexicon and some linguistic features related to Modern Standard Arabic. The article also describes the main attitude of the Arab linguists to the problem of arabic word formation and names the primary Arabic Linguistic Academies, dedicated to the process of term accumulation and treatment. All methods of word formation in MSA are illustrated by numerous examples of modern Arabic terms from different fields, some of which are pure neologisms.

Key words: semantics of word-formation, cognitive method, concept, prototype, proposition, inference, polysemy, antonymy, synonymy, paronymy.

References

1. Abderrahman W.H. A linguistic Study of the Impact of English on Arabic Word-Formation. // Islamic Studies, 34:2. 1995. 223–231 p.
2. Al-Asal M.S., Smadi O.M. Arabicization and Arabic Expanding Techniques Used in Science Lectures in Two Arab Universities. // Asian Perspectives in the Arts and Humanities 2:1, 2012. 38 p.
3. Darir H. Approaches to the Production of Terms in Arabic. http://www.academia.edu/1349127/Approaches_to_the_Production_of_Terms_in_Arabic. 11 p.
4. Elmgrab R.A. Methods of Creating and Introducing New Terms in Arabic. Contributions from English-Arabic Translation. // International Conference on Languages, Literature and Linguistics. IACSIT Press, Singapore, 2011. 491–500 p.
5. Stetkevych J. The Modern Arabic Literary Language: Lexical and Stylistic Developments. University of Chicago Press, Chicago, 1970; Georgetown Chicago Press, Washington D.C., 2006. 137 p.
6. Versteegh K. The Emergence of Modern Standard Arabic. // The Arabic Language. Edinburgh University Press, 1997. 173–189 p. http://acc.teachmideast.org/texts.php?module_id=1&reading_id=35&sequence=3
7. Versteegh K., Cornelis H.M. The Arabic Language. Edinburgh University Press, Edinburgh. 1997, 2001. 277 p. <http://acc.teachmideast.org/>
8. Belkin V.M. Arabskaya Lexicologiya. M. : Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1975. 198 s. [Arabic Lexicology. Moscow, Moscow University Publishing House, 1975. 198 p.]
9. Belova A.G. Istoricheskaya Morfologiya Arabskogo Yazika. Po Materialam Pamyatnikov Doislamskogo Perioda. M. : Izdatelstvo Vostochnaya Literatura, RAN, 1994. 208 s. [Historical Morphology Of The Arabic Language Based On The Materials Of The Pre-Islamic Period. Moscow, Eastern Literature Publishing House, Russian Academy Of Science, 1994. 208 p.]
10. Soloviev V.I., Yakovenko E.V. Kratkiy Russko-Arabskiy Slovar Obshestvenno-Politicheskoy Terminologii. M. : Izdatelstvo Vostochnaya Literatura, RAN. [Consize Russian-Arabic Dictionary Of Political Terminology. Moscow, Eastern Literature Publishing House, Russian Academy Of Science, 2003. 510 p.]
11. إبراهيم أنيس. من أسرار اللغة. – القاهرة: دار المعرفة. 1966. 210 ص
12. دراسة تحليلية تقويمية. منشورات مخبر الممارسات اللغوية. الجزائر، 2011. 176 ص.
سمير لعويسات. البنية الصر
13. منهج فقه اللغة. المستوى الثامن. – جامعة الإمام محمد بن سعود الإسلامية. الرياض. 2002. ص. 79. ص. .
عبد الله بن حمد العويشق
14. محمد رشاد الحمزاوي. المنهجية العامة لترجمة المصطلحات و توحيدها و تنميطها. – بيروت: دار الغرب الإسلامي. 1986. 129 ص

About the author

Yury S. Ayvazyan – Arabic language teacher at the Middle-East Department of Moscow State University of International Relations. E-mail: Zetrodolox13@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОТРИЦАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Голованова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Одним из ключевых моментов настоящей работы является экскурс в историю развития категории отрицания в лингвистике, входящей в ряд фундаментальных категорий языка, а именно представлена смена парадигм понимания отрицания – от структурного подхода к когнитивному. Автором рассматриваются такие направления, как структурализм, прагматическая концепция в лингвистике и когнитивный подход, а также особенности функционирования и проявления данной категории в фокусе указанных направлений. Из них особое внимание уделяется когнитивному подходу как одному из наиболее приоритетных в современной лингвистике. Рассмотрение категории отрицания в когнитивном фокусе позволило провести анализ функций отрицания в дипломатическом тексте (некоторые из них представлены в статье) и ее обусловленную внешними факторами релятивность. В силу своей универсальности категория отрицания находит свое отражение в различных дискурсах. Но наибольший интерес она представляет в рамках дипломатического дискурса из-за его малой изученности и специфики. В статье приведены параметры и анализ дипломатического дискурса в когнитивном ракурсе: автор представляет анализ устного дипломатического текста, в котором выявляет взаимообусловленность семантической и формальной сторон отрицания, а также обусловленность его содержательной стороны оппозицией «свой – чужой».

Ключевые слова: категория отрицания, модусная категория, дипломатический текст, эксплицитное/имплицитное отрицание, мигитативная тактика.

Интерес к категории отрицания в лингвистике возник давно и не угасает по сей день. На смену традиционному подходу к изучению этой категории пришел когнитивный подход, что не просто послужило основанием для рассмотрения категории отрицания в новом ракурсе, но также позволяет углублять исследования в данном направлении и открывать новые грани изучаемого явления. Изначально категория отрицания в лингвистике изучалась в рамках структурализма и была освещена в трудах К.Л. Пайка, З. Харриса, Н. Хомского, а также в работах отечественных исследователей – О.С. Ахмановой, М.Я. Блоха и др. В данном направлении отрицание рассматривается как грамматическая категория, имеющая выражение на уровне предложения, но такое понимание сущности отрицания быстро уступает другому взгляду, согласно которому оно является семантической категорией (А.Т. Амиров, Н.С. Горкина, Г.Н. Макарова). В ранних работах Ш. Балли и А.М. Пешковского отрицание впервые выводится на уровень высказывания. В своих трудах Ш. Балли был первым, кто рассматривал функционирование отрицательных высказываний в дискурсе. Обращая внимание на то, что посредством отрицания говорящим отвергается как ложное предшествующее утвердительное предложение (которое в большинстве случаев принадлежит собеседнику, а не говорящему), ученый приходит к выводу, что отрицание имеет непосредственное отношение к порождению диалогической связной речи и к семантической модификации предикатных слов. Эта идея развивается в работах Е.В. Падучевой, где автор опирается на категориально-семантический статус отрицания.

Существенный вклад в изучение отрицания привнесла прагматическая концепция. В ней отрицание рассматривается не как чисто грамматическая категория, но как сложная коммуникативная операция, с помощью которой говорящий сообщает адресату свое отношение к определенному факту. Отрицание выступает как некий глубинный индикатор коммуникативного потенциала с канонической инструкцией отклонения или коррекции мнения адресата о положении дел [15, с. 181–182].

Принимая тот факт, что функционирование отрицания коммуникативно обусловлено (что следует из определения), целесообразно привести в настоящей работе идеи Т. Гивона и Дж. Лича, связанные с вопросами информативности отрицательных структур. Замечено, что для сообщения информации в большинстве случаев адресант предпочтет утвердительную структуру предложения, так как положительное высказывание требует меньше усилий и времени для понимания, поскольку само по себе несет некую информацию (то есть обладает определенной долей информативности) и не требует от получателя специальных усилий для интерпретации и правильного понимания. В то же время Дж. Лич отмечает, что

количество отрицаемых фактов гораздо больше, чем положительных, что может быть объяснено малоинформативностью отрицательных структур [14, с. 101].

Вопросами информативности отрицания также занимался и Т. Гивон, используя понятия «фигура» (figure) и «фон» (ground), которые успешно были им заимствованы из когнитивной психологии. К фону автор относит отсутствие перемен, непрерывность и инертность, то есть все множество знаний и сведений в виде возможного опыта. На фоне этого множества могут выделяться некоторые события, которые нарушают инертность и представляют фигуры. Отрицание, согласно автору, является маркированным членом оппозиции утверждение/отрицание и соответственно выступает как фигура, поскольку маркированные члены оппозиции отличает более редкое употребление [12, с.139]. Автор трактует отрицание как «игру слов». Отрицание, пишет Т. Гивон, используется в тех случаях, когда события (а не инертность) используются как фон, что приводит к тому, что не-событие (non-event) становится выделенным и информативным [13, 64]. Данная мысль является объяснением релевантности/нерелевантности частотного употребления отрицания в том или ином тексте, тип которого определяется условиями протекающей коммуникации.

Действительно, особенности употребления отрицания, а также интерпретации отрицательных высказываний зависят прежде всего от условий коммуникации и, как следствие, от создаваемого в данных условиях типа текста. Для понимания такой обусловленности употребления отрицательных конструкций следует обратиться к представлению отрицания в когнитивном ракурсе.

Категория отрицания относится к ряду модусных категорий, наравне с которыми выступают категории модальности, оценочности, эмотивности, эвиденциальности и приблизительности. Все перечисленные категории объединяет ряд особенностей, главной из которых является функциональный характер их концептуальной основы. Из этой характеристики следуют другие взаимосвязанные особенности: внутриязыковая природа, вторичный статус и инферентность. Подробнее об указанных особенностях см.: Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 45–59.

Постоянно взаимодействуя с действительностью, модусные категории обладают способностью видоизменяться и приобретать новые значения и формы [5, с. 91]. Данная характеристика непосредственно обусловлена вторичным статусом категорий, который и определяет их содержательную релятивность. Для иллюстрации данной особенности можно привести пример оценочных выражений типа «голова без мозгов» («плохо»), «рыба без костей» («хорошо»), «ехать

без остановок» («быстро», что может быть расценено как «хорошо», так и «плохо» в зависимости от ситуации), которые будут оцениваться по разным критериям [1, с. 48–49]. Из этого следует, что одни и те же формальные показатели отрицания могут иметь разное значение и прагматическую нагрузку в различных ситуациях, обусловленных теми или иными факторами коммуникации.

Поскольку целью настоящей работы является анализ того, как семантически «ведет себя» категория отрицания в дипломатическом тексте и то, влияет ли семантика отрицания на эксплицитность/имплицитность отрицания, целесообразно рассмотреть особенности данного типа текста, которые могут повлиять на содержательную сторону выражения отрицания.

В системе функциональных стилей дипломатический текст относится к дипломатическому подстилю, который входит в систему официально-делового стиля. Последний призван обслуживать сферу официально-деловых отношений, и целью его является обеспечение правовой регламентации общественных отношений, что обуславливает языковую специфику всех входящих в него подстилей, и в частности дипломатического. К наиболее общим чертам относят объективность информации, а также точность, ясность и конвенциональность. Язык делового общения – неэмоционален и стремится к нейтральности. Однако, несмотря на то что дипломатический подстиль в целом подчиняется канонам официально-делового стиля, все же существует ряд отклонений. В частности, это касается точности и объективности информации.

В дипломатическом подстиле зачастую возникают ситуации, в которых одно необдуманное слово может привести к конфликту, что особенно касается отрицательных конструкций. Не секрет, что дипломатия начинается там, где существует разногласие: довольно часто в ходе переговоров дипломат вынужден выразить свое несогласие с позицией собеседника, отклонить его предложение и пр. В подобных случаях с целью избежания конфликта дипломаты прибегают к некоторым коммуникативным стратегиям, таким, как стратегии двусмысленности, неопределенности и эвфемизации. Названные стратегии позволяют избежать нежелательных результатов и, таким образом, выполняют регулирующую функцию [4, с. 140–162].

Создание устного текста отличает спонтанность речи и ограниченность во времени на обдумывание предполагаемого ответа на вопрос. Это отличительные характеристики одного из типов текста – интервью. Задачей данного исследования стало изучение того, какую семантическую нагрузку может нести отрицание в этом типе текста:

«I want to be very clear, none of this money is intended for any political organizations whatsoever. Not political parties, not movements, not those organizing demonstrations, not political leaders, and I think there's been a big confusion here in

Russia about that fact. We don't do that and that's our policy and we're quite militant about that policy in drawing a line,» ... «Non-partisan, independent, non-governmental organizations that are doing things to advance civil society, to make society stronger here, to deal with a myriad of issues that civil societies all over the world deal with, whether it's environmental, ah, situations, maternal health care, human rights issues, we believe that is in our interest and Russia's interest just to have a robust civil society. Unfortunately, there is not the domestic support for those kinds of NGOs here in Russia today. And, I said unfortunately, those groups rely not just on American foundations, by the way, but on British, Swedish, German and Japanese. There are a lot of international organizations that support that kind of work here...» [16].

Настоящий пример является частью интервью от 22 марта 2012 г., данного американским послом в Российской Федерации Майклом Макфолом. Для наиболее полного понимания смысла приведенного высказывания представляется необходимым привести дополнительную информацию, а именно: в связи с чем был задан вопрос. Накануне американское правительство было обвинено российской стороной в спонсировании оппозиционных организаций. Через некоторое время данное обвинение было предано огласке и вызвало общественный резонанс среди граждан России. Интервью было дано для опровержения обвинения.

В приведенном примере представитель американского дипломатического корпуса твердо отстаивает правоту своей страны и отвергает обвинения. В данном случае содержательная сторона отрицания несет в себе тему несоответствия, то есть выдвинутые обвинения якобы не соответствуют действительному положению дел. Следует заметить, что все отрицательные конструкции выражены эксплицитно: говорящий не ставит своей целью смягчить или завуалировать какие-либо обстоятельства, он намеренно выбирает наиболее прототипические конструкции с использованием частиц *not*, *none*, *non-* и отрицательным префиксом *in-*, поскольку с их помощью высказывание звучит максимально радикально и уверенно: *none of this money*. Далее перечисляя, в какие организации не поступают деньги, посол использует параллельные конструкции, еще раз подчеркивая свою мысль: *Not political parties, not movements, not those organizing demonstrations, not political leaders*. Использование данных приемов (перечисления и параллелизма) помогает на синтаксическом уровне «высветить» идею несоответствия. В предложении «We don't do that and that's our policy» отрицание выполняет функцию опровержения, так как с помощью грамматического отрицания опровергает утверждение о финансировании организаций. Оно же помогает интенсифицировать идею несоответствия.

В ходе анализа было замечено, что подобные «радикальные» конструкции появляются в дипломатическом тексте только в определенных си-

туациях в силу особенностей дипломатического подстиля: во-первых, когда отрицательные конструкции относятся к действиям говорящего или стороны, которую он представляет как «свой». При этом отрицается какое-либо действие или явление, которое оценивается как «нежелательное», «плохое» и пр., таким образом, говорящий как бы выстраивает положительный образ себя: «Я не делаю плохо, значит, я «хороший» и поступаю правильно»: «We don't do that and that's our policy and we're quite militant about that policy in drawing a line».

Во-вторых, эксплицитное отрицание чего-либо появляется, когда говорящий хочет выразить идею о том, что «противоположная сторона (чужой)» не совершает какое-то действие, и это «плохо»: «Unfortunately, there is not the domestic support for those kinds of NGOs here in Russia today». В приведенном предложении отрицание выполняет оценочную функцию (которая в данном случае осуществляется наречием *unfortunately*): американская сторона в лице посла сожалеет о том, что в России не ведется финансирование неправительственных организаций, и это «плохо». Таким образом, можно прийти к выводу о том, что содержательная сторона отрицания обуславливает формальную, то есть форма высказывания (в рамках дихотомии эксплицитность/имплицитность) зависит от его прагматической нагрузки, а именно распределение участников коммуникации по категориям «свой – чужой».

Следует отметить тот факт, что во всей речи Майкла Макфола было использовано шестнадцать предложений с отрицанием. Четырнадцать из них – с эксплицитным. В высказывании насчитывается всего два случая имплицитного отрицания: «It has been surprising that there was so much anti-Americanism, because we thought we were building a different kind of relationship, and it makes some people nervous that it could so quickly and reflexively go back to - in terms of rhetoric - an era that we thought was behind us». В данном предложении затрагивается проблема, которая является камнем преткновения для обеих стран на протяжении многих лет – российско-американские отношения. Понимая это, М. Макфол на профессиональном уровне проявляет дипломатичность и использует такие лексические средства, которые максимально снижают отрицательное значение сказанного. В данном предложении снова возникает противопоставление «свой – чужой»: поскольку настоящее интервью является ответом на обвинение с российской стороны, то в некотором роде своеобразным встречным обвинением можно считать слово *anti-Americanism* (со стороны РФ), которому противопоставляется безобидное «a different kind of relationship» (со стороны США). В этом предложении лексема «different» и словосочетание «behind us» представляют случаи использования имплицитного отрицания. Действительно, первичной функцией слова *different* является обозначение «другого»

явления, действия и прочее. Однако за этой функцией стоит мыслительная операция соотнесения двух или нескольких объектов, в результате чего выявляется их несоответствие, что и является содержанием отрицания в данном случае. В приведенном примере употребление имплицитного отрицания является приемом применения так называемой мигитативной тактики, то есть тактики смягчения, которая способствует «сглаживанию» нежелательной информации и представлению ситуации в более выгодном для говорящего свете [10, с. 90]. Так, выражение «a different kind of relationship» звучит намного мягче и дипломатичнее, чем высказывание «we don't want this kind of relationship», и к тому же вносит неясность: М. Макфол не поясняет далее, какие именно отношения он считает предпочтительными.

С точки зрения имплицитности, предикативная часть «behind us» также представляет интерес, поскольку является не просто имплицитным отрицанием, но содержит в себе метафору. Выражение «behind us» является результатом соотнесения явлений разного рода, в ходе которого произошел перенос значения. Первичное значение высказывания – некий предмет или объект, который остался позади нас (за спиной) в физическом пространстве таким образом, что человек больше не видит этот объект или явление. Можно предположить, что причиной переноса значения послужило именно отсутствие объекта/ явления в поле зрения и, следовательно, данное выражение в своем переносном значении приобрело тему отсутствия и несуществования.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в дипломатическом тексте семантическая сторона отрицания релятивна и заключается в следующем. Эксплицитно выраженная негация используется не случайно и обусловлена семантически главным образом противопоставлением свой – чужой. В тех случаях, когда высказывание говорящего относится к категории «свой», грамматическое эксплицитное отрицание с частицей «not» используется для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что говорящий (либо сторона, которую он представляет), не выполняя какое-либо действие, поступает правильно, и это должно быть оценено положительно.

Также эксплицитное отрицание используется тогда, когда говорящий относит свое высказывание к категории «чужой». Это происходит в том случае, если он хочет подчеркнуть, что невыполнение противоположной стороной определенного действия носит негативный характер, и, таким образом, это «плохо».

Наряду с этим было отмечено, что при необходимости сообщить о действии/явлении, ответственность за которое несет сторона говорящего, но данное действие либо не выполнено, либо выполнено, но не отвечает ожиданиям других сторон, используется имплицитное отрицание, которое реализуется в мигитативной тактике смягчения.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. С. 45-59.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С.5-22.
3. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
4. Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М.: РГБ, 2005. Дис. канд.фил.наук: 10.02.04 [Текст] / Е.А. Вебер . Иркутск, 2004. 216 с.
5. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Кобрин, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию. Текст / О. А. Кобрин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90-100.
6. Кубрякова Е.С. О двойной сущности языковых категорий и организации языковых категорий: Мат-лы науч. конф. 23-25 апреля 1998. М., 1998. С. 7-12.
7. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/Linguistics/lakoff-johnson-90.htm>. (1990)
8. Мانتыева Б. Когнитивно обусловленные функции отрицания // Когнитивная лингвистика : новые проблемы познания : сб.науч. тр./ под ред. Л.А. Манерко: Институт языкознания РАН: Ряз. гос.ун-т имени С.А. Есенина. М.: Рязань, 2007. Вып.5. С.172-179.
9. Падучева Е.В. Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 354-355.
10. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): Монография [Текст] / С.С.Тахтарова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 382 с.
11. Horn L.R. A natural history of negation. – Chicago; L.: The University of Chicago press, 1989. p. 679.
12. Givon T. Functionalism and grammar. – John Benjamins Publishing Company, 1995. p. 486.
13. Givon T. On understanding grammar. – N.Y.:Academ Press, 1979. p. 492.
14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. - London - NY, 1983. p. 250.
15. Schmidt S.J. Texttheoretische aspekte der negation II Zeitschrift fur germanische linguistik. Jg. 2. Berlin, N.Y., 1973. № 2. pp. 178 – 208.
16. <http://www.rferl.org/media/video/24525473.html>
17. <http://www.voanews.com/content/us-ambassador-to-russia-no-return-to-cold-war--143976716/179486.html>

Об авторе

Голованова Дарья Александровна – аспирант кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: darya.golovanova.00@mail.ru

THE FEATURES OF THE SEMANTICS OF NEGATION IN DIPLOMATIC TEXT

D.A. Golovanova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *One of the crucial points of the article is an overview of the development of negation in linguistics which is considered to be one of the fundamental categories. The article explores the change in the paradigms of understanding negation in linguistics: from the structural approach to the cognitive one. The author presents such approaches as structuralism, the pragmatic conception and the cognitive approach. Besides, the peculiarities of functioning and the performance of the category are revealed in the article. Particular attention is paid to the cognitive approach as one of the main trends of modern linguistics. The focus on negation from the cognitive perspective allows to analyze both its functions in diplomatic text (some of them are represented in the article) and its dependence on external factors. Being a universal category, negation is reflected in all types of discourse, and the article concentrates on diplomatic discourse as the least studied one regarding its peculiarities from the linguistic perspective. On writing the particular features of negation from the perspective of cognitive linguistics, the author represents the analysis of oral diplomatic text and reveals the reciprocal conditionality of the semantic and formal aspects of negation. Also the dependence of its semantics on the opposition "my – foreigner's" is presented.*

Key words: the category of negation, modality, diplomatic text, explicit/implicit negation, the tactics of mitigation.

References

1. Boldyrev N.N., 2010 Kategorial'nyi uroven' predstavleniia znaniia v iazyke: modusnaia kategoriia otritsaniia (The categorial level of knowledge representation in language) // Kognitivnye issledovaniia iazyka (Cognitive studies of language). Vyp. VII. Tipy kategorii v iazyke: sb. nauch. tr. M.: Institut iazykoznanii RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R.Derzhavina, pp.45-49
2. Boldyrev N.N. Iazykovye kategorii kak format znaniia. (Language Categories as a Format of Knowledge) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki - Problems of cognitive linguistics, 2006. №. 2. pp.5-22
3. Bondarenko V.N. Otritsanie kak logiko-grammaticheskaia kategoriia (Negation as a logico-grammatical category), M., 1983. 213 p.
4. Veber E.A. Opyt lingvisticheskogo issledovaniia kognitivnogo dissonansa v angliiskom diplomaticheskom disurse (The experience of studies into cognitive dissonance in English diplomatic discourse) : Dis. .. kand. filol. nauk : 10.02.04 .-M.: RGB, 2005. Dis. ...kand.fil.nauk: 10.02.04 [Tekst] / E.A. Veber . Irkutsk, 2004. 216 p.
5. Kobrina O.A. Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniia sub'ektivnogo otnosheniia cheloveka k vyskazyvaniu (Modal categories as means of a person's subjective attitude to the utterance). Voprosy kognitivnoi lingvistiki - Problems of cognitive linguistics, 2006. №. 2, pp. 90-100.
6. Kubriakova E.S. O dvoiakoi sushchnosti iazykovykh kategorii i organizatsii iazykovykh kategorii (On double essence of language categories and organization of language categories): Trudy nauchnoi konferentsii 23-25 apreliia 1998 [Proc. Scientific Conference on 23-25 April], 1998. pp. 7-12.
7. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by], 2011. Available at: <http://kant.narod.ru/lakoff.htm> (accessed 6 October 2013).
8. Mant'eva B. Kognitivno obuslovlennnye funktsii otritsaniia (Cognitive properties of negation in English). Kognitivnaia lingvistika – Cognitive linguistics, 2007, №5, pp.172-179.
9. Paducheva E.V. Otritsanie [Negation] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedia], 1990, pp. 354-355.
10. Takhtarova S.S. Kategoriia kommunikativnogo smiagcheniia (kognitivno-diskursivnyi i etnokul'turnyi aspekty) [The category of communicative mitigation: cognitive-discourse and ethno-cultural aspects]. Volgograd: VolGU, 2009, p.382.
11. Horn, L.R. A natural history of negation. – Chicago; L.: The University of Chicago press, 1989. p. 679.
12. Givon, T. Functionalism and grammar. – John Benjamins Publishing Company, 1995. p. 486.
13. Givon, T. On understanding grammar. – N.Y.: Academ Press, 1979. p. 492.
14. Leech G. N. Principles of Pragmatics. - London - NY, 1983. p. 250.
15. Schmidt S.J. Texttheoretische aspekte der negation II Zeitschrift fur germanische linguistik [Theoretical Aspects of Negation] Jg. 2. Berlin, N.Y., 1973. № 2. pp. 178-208.
16. <http://www.rferl.org/media/video/24525473.html>
17. <http://www.voanews.com/content/us-ambassador-to-russia-no-return-to-cold-war--143976716/179486.html>

About the author

Darya A. Golovanova – the graduate student of Chair of English No. 1 of MGIMO-Universiny at the MFA of Russia.
E-mail: darya.golovanova.00@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА» И «МЕНТАЛИТЕТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В.С. Соседова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена соотношению понятий «менталитет» и «языковая картина мира» в современной лингвистике. Вопрос рассмотрения менталитета в рамках лингвистики отражает современный принцип экспансионизма, который заключается в том, что ни одна наука не может оставаться в границах самой себя, необходим выход в смежные области знания для получения наиболее полных результатов исследования. Именно поэтому лингвистика должна использовать данные таких наук, как культурология, антропология, социология и т.д. В работе освещаются основные подходы к вопросу о языковой картине мира, в качестве актуальной научной гипотезы приводится слабая форма гипотезы лингвистической относительности, состоящая в том, что язык является лишь одним из факторов, оказывающих влияние на то, каким образом мы членим действительность. Далее в статье приводятся определения языковой картины мира и дается собственная дефиниция этого понятия. В части статьи, посвященной менталитету, также даются определения понятия, указывается относительная новизна изучения менталитета народа при изучении языковых явлений и проводится сравнение интересующих нас понятий. Автор находит области их пересечения, различия и приходит к выводу, что, несмотря на кажущуюся синонимичность, рассмотренные понятия имеют важные различия: они работают с различными сторонами восприятия мира, расставляют различные акценты. Менталитет связан с культурным аспектом, а языковая картина мира – с лингвокультурным аспектом. При этом оба понятия являются актуальными для современной лингвистики.

Ключевые слова: менталитет, языковая картина мира, экспансионизм, гипотеза лингвистической относительности, концептуализация.

Почему менталитет и лингвистика? Это первый вопрос, который, вероятно, ставит перед собой читатель, увидев название данной статьи. Не должны ли мы рассматривать понятие «менталитет» в культурологии? Или хотя бы в этнолингвистике? На наш взгляд, на данном этапе развития лингвистики менталитет становится одним из ключевых понятий науки о языке, особенно если мы говорим о языковой картине мира. Данное утверждение мы основываем на ключевых принципах развития лингвистики XXI в., разработанных выдающимся исследователем Е.С. Кубряковой, – экспланаторности, антропоцентризма, экспансионизма и неофункционализма [1, с. 278–280].

Для данной работы наиболее релевантным является принцип экспансионизма, то есть снятие границ между научными областями. При стремительном развитии современной науки, новейших достижениях в области информационных технологий и технике ученые не могут ограничивать себя какой-то одной определенной областью знаний, дабы не лишиться возможности составить наиболее полную картину изучаемого явления. Чтобы получить наиболее объективные и точные данные, лингвисту необходимо принимать во внимание работы психологов, нейропсихологов, антропологов, физиологов, культурологов и других специалистов. Именно поэтому мы считаем необходимым рассматривать понятие «менталитет» в совокупности с понятием «языковая картина мира» в рамках лингвистики.

Понятие «языковая картина мира», введенное в употребление Л. Вайсгербером, но освещенное еще ранее в работах В. Гумбольдта, изучается лингвистами уже не один десяток лет. Однако четкого понимания того, как она формируется, как влияет на мировосприятие человека, пока нет, как нет и единого взгляда на определение данного понятия. Ниже мы кратко приведем основные подходы к этой проблеме и дадим наше определение. Основоположником изучения языковой картины мира по праву считается великий немецкий ученый В. Гумбольдт, который большое внимание в своих работах уделял понятию «дух народа», его особенностям для каждой нации, роли языка в формировании нации. Философ призывал учитывать те индивидуальные пути, которыми каждый язык воздействует на мысли и чувства, поскольку «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [2].

Пытаясь установить взаимосвязь между языком и духом народа, Гумбольдт приходит к выводу о том, что они возникают одновременно и вместе составляют единую деятельность интеллектуальной силы народа. Причем их связь настолько крепка, что по одному можно вывести другое. Представляется, что мы могли бы заменить сочетание «дух народа» на слово «менталитет». В этом случае мы получаем удивительно

современный взгляд на вопросы когнитивистики – язык является основным средством доступа к сознанию человека.

Продолжая развивать мысль В. Гумбольдта, другой выдающийся немецкий ученый Л. Вайсгербер в статье «Связь между родным языком, мышлением и действием» (1930) пишет следующее: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [3].

Не отрицая влияния языковой картины мира на наше мышление, мы должны вместе с тем указать на приоритет неязыкового (невербального) пути познания перед языковым, при котором не язык, а сам объект задает нашей мысли то или иное направление. Первостепенную роль в современном взгляде на проблему языковой картины мира сыграла гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, но не в изначальном своем варианте. Оригинально взгляды ученых были сформулированы следующим образом: язык является направляющим фактором в познавательной деятельности его носителей, именно язык определяет, каким образом человек членит мир, каким образом человеческое мышление категоризирует действительность. В доказательство приводились теперь уже хрестоматийные примеры про надпись *empru* на цистерне из-под бензина, про обозначения снега у эскимосов и временные категории в языке хопи.

Однако же данный подход оказался слишком радикальным и был смягчен до так называемой «слабой» формы гипотезы, согласно которой язык является лишь одним из факторов, оказывающих влияние на то, каким образом мы членим действительность. Как указывает выдающийся ученый Е.С. Кубрякова в работе «Язык и знание», «говорящий обладает относительной свободой выбора. Ведь разные языковые формы выбирают или создаются говорящим, во-первых, в определенном типе дискурса, соотносены, во-вторых, с определенной социальной активностью человека; в-третьих, они обусловлены определенным психическим состоянием самого человека и тем, каким типом языковой личности он является и какими обязанностями обладает. Но не менее существенным фактором в указанном выборе являются ресурсы, реально представленные в его родном языке, а они ведут к обязательности передачи определенных грамматических категорий, принятых в системе его родного языка, способами существующих здесь приемов моделирования вторичных единиц номинации и т.д.» [4].

Итак, мы рассмотрели основные взгляды на языковую картину мира, далее нас интересует, каким образом современные исследователи определяют данное явление. Определений понятия «языковая картина мира» можно найти великое множество, приведем лишь некоторые из них:

– согласно А.К. Брутяну, языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая средствами живых, разговорных языков, главное в ней – это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков [5];

– Ю.Н. Караулов даёт такое определение языковой картины мира: «ЯКМ – это взятое во всей совокупности все концептуальное содержание данного языка» [6];

– по мнению Ю.Д. Апресяна, языковая картина мира «представляет отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира» [7]. То есть те инструменты, которые конкретный язык предлагает говорящему для описания действительности и которые могут варьироваться в зависимости от языка. Это перечисление можно продолжать бесконечно.

Мы же придерживаемся следующего определения, предложенного профессором МГУ А.А. Джигоевой: «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке система представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности» [8]. Мы остановились именно на этом определении, поскольку, на наш взгляд, оно наиболее чётко отражает суть языковой картины мира, её историческую природу и тот факт, что каждый народ имеет свои собственные представления о мире, по-своему его членит.

Рассуждая о языковой картине мира, нельзя не упомянуть такое понятие, как «менталитет». На первый взгляд эти понятия могут показаться синонимичными, однако это не совсем так. Мы приведём ряд определений менталитета и попробуем увидеть общее в них всех, а потом сравним получившийся сухой остаток с используемым нами определением языковой картины мира. При всей разнообразии определений менталитета в науке нас наиболее всего привлекают такие определения, которые сближают его с понятием картины мира. К такого рода определениям относятся следующие:

– «менталитет – это сложный образ внутренней картины мира, отражающей культуру общества» [9];

– «менталитет – модель мира, присущая обыденному сознанию людей, принадлежащих к одному этносу» [10];

– согласно Большому энциклопедическому словарю, «менталитет – это образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе»;

– как указано в Большом толковом словаре по культурологии, «менталитет – это мироощущение, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникает в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляет собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы. Менталитет формирует соответствующую культурную картину мира и в значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми»;

– Г. Гачев определяет менталитет как национальный образ мира. Последнее он определяет в свою очередь следующим образом: «Нас интересует не национальный характер, а национальное воззрение на мир... ; какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и соответственно какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях науки. Этот особый «поворот», в котором предстаёт бытие данному народу, и составляет национальный образ мира» [11].

Приведённые выше определения менталитета можно свести, на наш взгляд, к следующему определению: «Менталитет – это особый способ восприятия действительности, результатом которой является модель мира, отражающая национальные особенности этноса и часто детерминируемая его культурой и историей» [12]. Получается, что менталитет – это культурно и исторически обусловленный взгляд на мир. Возвращаясь к взаимоотношению понятий «менталитет» и «языковая картина мира» и данному нами определению, мы можем сказать, что фактически языковая картина мира – это отражённый в языке менталитет народа. То есть между этими понятиями нельзя ставить знак равенства, они работают с различными сторонами восприятия мира, представляют различные акценты: менталитет – с культурным аспектом, а языковая картина мира – с лингвокультурным аспектом.

В то же время они имеют и огромную площадь пересечения. Как можно увидеть из приведённых определений, учёные называют менталитет внутренней картиной мира или картиной мира в сознании человека, а значит, мы можем говорить о том, что менталитет оперирует концептами, как в общем и языковая картина мира. Однако концепты эти будут в некоторой степени различаться, хотя все они являются культурно-определёнными: не все концепты могут быть выражены в языке, а следовательно, лишь часть из них могут являться лингвокультурными и формировать языковую картину мира.

Интересно, что внимание особенностям менталитета при изучении языка стали уделять не так давно, фактически и только с приходом парадигмы антропоцентризма. Однако, несмотря на всеобщие уверения в том, что роль ментали-

тета в изучении языка стала одной из главных совсем недавно, что лингвокультурология – это молодая наука, нам кажется, что это не совсем так. Ведь размышления о менталитете не могут не натолкнуть на мысль о знаменитом «духе народа» В. Гумбольдта, под которым, как мы уже писали, ученый подразумевает некое духовное своеобразие нации, то есть ее ценности, традиции, культуру, мировоззрение в целом. В итоге мы видим два очень близких определения, что означает достаточно продолжительную историю работы языкознания с менталитетом.

На данном этапе изучение взаимосвязи менталитета и языка является одним из основных направлений развития лингвистики. Большое количество исследований было проведено А. Вежбицкой, которая утверждает, что можно определять и изучать особенности национального характера через язык, отталкиваясь от него, то есть сведения о национальном характере оказы-

ваются результатом лингвистического анализа, а не его исходной предпосылкой. Так же как и В. Гумбольдт, исследователь считает, что язык является ключом к пониманию менталитета народа, его образа мышления.

Учет особенностей менталитета очень важен при подборе адекватных языковых средств, например, в агитационных кампаниях, лозунгах, рекламных роликах, поскольку в каждом конкретном случае необходимо добиваться наиболее глубокого восприятия текста, считывания всех возможных коннотаций. Не менее важен выбор слов и в обучении языку, объяснение разниц значений слов–коррелятов, в переговорах, когда игнорирование особенностей менталитета может привести к нежелательным последствиям. Фактически успешная коммуникация на любом уровне возможна только при максимальном учете своеобразия каждого конкретного языка, каждого национального менталитета.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Международная. Конференция. М.: МГУ, 1995. 606 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
3. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с. (История лингвофилософской мысли).
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Филос. науки. 1973. №1. С.107–114.
6. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. М.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
8. Джиева А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement. // Вестник МГУ. Сер. "Лингвистика и межкультурная коммуникация". № 3. 2006. С. 45–56
9. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. С.75–89.
10. Митина О.С., Петренко В.Ф. Психосемантическое исследование политического менталитета // Общественные науки и современность. 1994. №6. С. 52–54.
11. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2003. 349 с.
12. Джиева А.А. «Stiff Upper Lip» сквозь призму англосаксонского менталитета. Английский язык на гуманитарных факультетах. Вып.4. М.: Макс Пресс. 2010, С. 15–43.

Об авторе

Соседова Варвара Сергеевна – преподаватель кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: sosedovavarvara@gmail.com

CORRELATION BETWEEN LANGUAGE WORLDVIEW AND MENTALITY IN MODERN LINGUISTICS

V.S. Sosedova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the correlation between concepts of mentality and language worldview in modern linguistics. Considering mentality within modern linguistics reflects the principle expansionism which consists in the fact that no science can remain within the borders of itself, it needs access to the adjacent areas of knowledge to produce the most comprehensive research. That is why linguistics is to use the data provided by such sciences as cultural studies, anthropology, sociology, etc. The paper highlights the main approaches to the issue of language worldview. The most relevant modern theory concerning the topic is the hypothesis of linguistic relativity in its weak form, which consists in the fact that language is only one of the factors that influence the way in which we conceptualize reality. Further in the article we put definitions of language worldview and give our own definition of the term. The part of the article dedicated to the mentality also provides definitions of the concept, indicates the relative novelty of studying the mentality of a nation within language sciences, it also provides a comparison of the given concepts. The author finds both similarities and differences and comes to the conclusion that, despite the apparent synonymy of the discussed concepts, there are important differences: they deal with different sides of world perception, they put emphasis on peculiar features of reality. Mentality is associated with the cultural aspect and the language worldview – with the linguocultural aspect. What is important is that both concepts are relevant to modern linguistics.*

Key words: mentality, language worldview, expansionism, hypothesis of linguistic relativity, conceptualization.

References

1. Kubrjakova E.S. Change of knowledge paradigm in the linguistics of the 20th century [Smena paradigm znaniia v lingvistike KhKh veka] // Lingvistika na ishode 20 veka: itogi i perspektivy ["Linguistics at the end of 20th century: results and prospects"], Moscow, MGU, 1995. S. 606.
2. Gumbol'dt V. Language and culture philosophy [lazyk i filosofia kul'tury] M.: Progress, 1985. S. 450.
3. Vajsgerber L. Mother tongue and spirit formation [Rodnoi iazyk i formirovanie dukha] Moscow, Editorial URSS, 2004. S. 232. (Istorija lingvofilosofskoj mysli)
4. Kubrjakova E.S. Language and knowledge [lasyk i znanie] // Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S. 560.
5. Brutjan G.A. Language and worldview [lasyk i kartina mira] // NDVSh. Filos. nauki. 1973. №1. S. 107-114.
6. Karaulov Ju.N. General and Russian ideography [Obshchaia i russkaia ideografia], Moscow, Nauka, 1976. S. 356.
7. Maslova V.A. Cognitive linguistics [Kognitivnaia lingvistika] // V.A. Maslova. Moscow, TetraSistems, 2004. S. 256.
8. Dzhioeva A.A. English mentality through key words: Understatement [Angliiskii mentalitet skvoz' prizmu kliuchevykh slov: Understatement] // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. № 3. 2006. S. 45-56.
9. Gurevich A. Ja. The problem of mentality in modern historiography [Problema mental'nostei v sovremennoi istoriograaii] // Vseobshhaja istorija: diskussii, novye podhody. Moscow, 1989. S.75-89.
10. Mitina O. S., Petrenko V. F. Psychosemantic research of political mentality [Psikhosemanticheskoe issledovanie politicheskogo mentaliteta] // Obshhestvennye nauki i sovremenost'. 1994. №6. S. 52-54.
11. Gachev G. National mentalities [Mental'nosti narodov mira], Moscow, Algoritm, 2003. S. 349.
12. Dzhioeva A.A. «Stiff Upper Lip» through Anglo-Saxon mentality [«Stiff Upper Lip» skvoz' prizmu anglosaksonskogo mentaliteta] // Angliiskij jazyk na gumanitarnyh fakul'tetah. Vyp.4, Maks Press, Moscow, 2010. S. 15-43.

About the author

Varvara S. Sosedova – teacher of English Department №1 MGIMO University, Moscow, Russia.
E-mail: sosedovavarvara@gmail.com

ПОДХОДЫ К ПРОЦЕССУ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ- ЯПОНИСТОВ

А.В. Деркач

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга. Россия, 683049, Петропавловск-Камчатский, Космический проезд, д. 10.

Данная статья представляет собой краткое изложение результатов психолого-педагогического исследования в области технологий подготовки в вузе специалистов со знанием японского языка. В ней автор анализирует теоретические подходы современного гуманитарного знания к определению сущности понятия "общение", его соотношение с содержанием термина "коммуникация", исследует феномен языковой среды и приходит к выводу о необходимости разработки современной методики, которая могла бы повысить эффективность процесса формирования компетенции межкультурного общения у будущих специалистов. Для этого, по мнению автора, применяемая методика должна включать в себя взаимосвязанные этапы подготовки студентов в условиях искусственной, синтетической и естественной языковой среды. Предлагаемая парадигма поэтапной подготовки специалистов японского языка имеет значительный потенциал и может эффективно использоваться в открытом образовательном пространстве современной России. Таким образом, на основании рассмотрения феномена общения через призму процессов интеграции мирового сообщества автор утверждает о том, что в системе высшего профессионального образования сегодня назрела необходимость применения более совершенных педагогических технологий, нацеленных на подготовку в вузе специалистов, способных к полноценному межкультурному общению с носителями различных языков и культур.

Ключевые слова: межкультурное общение, коммуникация, интерактивность, перцепция, компетенция межкультурного общения, межкультурная адаптация, языковая среда, подготовка специалистов со знанием японского языка.

На современном этапе развития цивилизации все отчетливее проявляется тенденция глобализации общественной практики человечества на фоне проблем планетарного характера (истощение традиционных ресурсов, демографические проблемы, глобальное потепление, инфекционные болезни, угроза распространения ядерного оружия и т.д.). Это означает, что от эффективного и полноценного взаимодействия представителей различных культур в будущем будет зависеть само существование человечества. Взаимодействие, в свою очередь, невозможно без общения, которое составляет его суть. В связи с этим сегодня проблема межкультурного общения выдвигается на первый план, и в современном обществе остро обозначилась необходимость в специалистах, способных не просто обмениваться информацией с носителями других языков и культур, то есть осуществлять межкультурную коммуникацию, а эффективно взаимодействовать с ними во всех сферах общественной деятельности.

Современные технологии подготовки специалистов, владеющих иностранными языками, за последние десятилетия значительно прогрессировали и в области обучения практическим аспектам перешли от методик обучения отдельным аспектам системы языка к методикам обучения иноязычной речи (коммуникативный метод). Вместе с тем для решения обозначенных ранее глобальных проблем современности требуется создание технологий более высокого уровня – методик формирования у будущих специалистов иностранных языков компетенции межкультурного общения. Особенно это актуально для организации и осуществления в вузе подготовки специалистов, способных к полноценному общению с носителями японского языка, так как японская культура и японский язык чрезвычайно самобытны, что определяет своеобразие коммуникационных процессов и требуют значительных усилий для их постижения иностранцами [4, с. 25].

Таким образом, для того чтобы по-новому взглянуть на процесс подготовки специалистов японского языка в российском вузе и усовершенствовать его структуру, необходимо прежде всего четко определить различия между такими понятиями, как «общение» и «коммуникация». Можно предположить, что в настоящее время структура процесса подготовки специалистов со знанием японского языка остается не полностью осмысленной и развернутой в результате смещения понятий «общение» и «коммуникация». Многие ученые сходятся во мнении, что часто при употреблении термина «общение» в научной, производственной, учебной деятельности и в быту люди подразумевают только его коммуникативный аспект, при этом допускается ошибочное отождествление понятий «коммуникация» и «общение». Вместе с тем понятие «общение» гораздо шире, оно включает в себя коммуникацию как неотъемлемую часть наряду с такими не менее

важными его сторонами, как интерактивность и перцепция.

Этой точки зрения придерживаются такие известные в области социальной психологии исследователи, как Г.М. Андреева, Е.В. Андриенко, А.А. Брудный, Л.П. Бугаева, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, которые считают, что общение – это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя не только обмен информацией, но и выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [1, с. 134].

В связи с этим структура и содержание методики подготовки специалистов, владеющих японским языком, чтобы обеспечить достижение готовности специалистов к межкультурному общению, должны включать в себя обучение в равной степени как коммуникативному, так и интерактивному и перцептивному аспектам общения с носителями японской культуры. Это, в свою очередь, означает, что в ходе обучения будущих специалистов практическому курсу японского языка в условиях российского вуза при работе над каждой конкретной темой необходимо сосредоточить главные усилия на обучении студентов стереотипам речевого поведения носителей изучаемого языка в конкретных жизненных ситуациях. Другими словами, в ходе обучения будущих специалистов практике устной и письменной речи недостаточно ограничиться только тем, чтобы качественно с опорой на родной язык провести презентацию нового материала, доходчиво объяснить учащимся правила языка и сформировать у них устойчивые навыки применения этих правил в учебных диалогах и монологах. Это следует считать лишь промежуточным этапом в работе над темой. Основное же внимание следует уделять тренингу речевого поведения в различных жизненных ситуациях. Создаваемые при этом преподавателем на занятиях ситуации должны быть не только максимально приближены по своему содержанию к естественной языковой среде современной Японии, но и нести на себе отпечаток всех граней общения, то есть в их структуре должны быть предусмотрены:

- и коммуникативный аспект – обмен сообщениями по заданной теме с определенным уровнем модальности и экспрессии;

- и интерактивный аспект – планирование и речевое сопровождение совместной деятельности;

- и перцептивная сторона общения – предвечная оценка собеседника, определение статуса участников общения, в соответствии с которыми студенты должны правильно производить выбор языковых средств для организации межличностного общения в духе культурных традиций японцев.

Разумеется, обучить будущих специалистов в стенах вуза всему разнообразию ситуаций, возникающих в ходе человеческой деятельности в

естественной языковой среде, то есть в стране изучаемого языка, не представляется возможным. Поэтому эффективную подготовку будущих специалистов к межкультурному общению целесообразно рассматривать как составную часть процесса их поэтапной межкультурной адаптации как на базе российского вуза, так и в условиях японских реалий.

К идее поэтапной структуры подготовки специалистов мы приходим через осмысление того факта, что явлением, детерминирующим процесс подготовки таких специалистов, является языковая среда, которая должна быть неоднородной и качественно наполняться в течение всего периода обучения студентов в вузе. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что обучение японскому языку, как правило, начинается с нулевого уровня, и в связи с этим было бы нелогично на всех этапах обучения оставлять без изменения качество окружающей студентов языковой среды, которая в застывшем виде утрачивает эффективность преобразующего воздействия на субъекты процесса подготовки.

Для осмысления логической последовательности перехода языковой среды в качественное состояние высших порядков целесообразно более подробно рассмотреть понятие «языковая среда». Одно из наиболее полных определений языковой среды можно найти у И.А. Ореховой, которая пишет, что языковая среда – это естественный, исторически конкретный лингвокультурный социум. При этом лингвосоциокультурные сегменты языковой среды воспринимаются реципиентом через естественный достоверный аудиоряд, естественный достоверный видеоряд, естественный речевой ситуативный ряд, насыщенный ряд фоновых знаний и господствующую стихию языка [5, с. 55].

Несомненно, описывая языковую среду, понятие аудиовизуального ряда можно дополнить благодаря более подробному рассмотрению проблемы невербальных средств общения. Так, исследователь И.М. Румянцев отмечает, что речевую среду образует не только звучащий язык, но и все знаки невербального общения, являющиеся непременными речевыми составляющими: мимика, взгляды, жесты, а также ритм и громкость, тембр и мелодика, интонация [7, с. 152]. Это утверждение соотносится с пониманием, принятым в педагогике, о том, что коммуникация невербальная есть передача информации другому человеку или группе лиц без использования речи. При этом сюда относят виды невербальной коммуникации такие, как:

- кинесика (совокупность телодвижений, жестов, мимики, пантомимики, манеры одеваться, причесываться и т.д.);
- проксемика (место и время общения);
- пара- и экстралингвистика (тональность, тембр голоса, громкость и быстрота речи, паузы);
- визуальное общение (контакт глазами);
- такесика (прикосновение).

Определенную роль в общении играет система естественных и искусственных запахов (ольфакторная система), определяющих данного человека [6, с. 150]. Такая сложная и многокомпонентная структура языковой среды и дополняющих ее элементов ставит под сомнение возможность полноценного воспроизведения японских реалий в условиях российского вуза. По мнению В.С. Цейтлина, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева и других ученых научить современному лингвистически корректному поведению в условиях учебных речевых ситуаций крайне трудно, так как их функционирование явно ограничено [3, с. 320].

В связи с этим для эффективной подготовки будущих специалистов японского языка к межкультурному общению необходимо обратиться к проблеме погружения обучаемых в условия конкретного ситуативного общения, полноценно существующего только в стране изучаемого языка. Таким образом, мы приходим к заключению о том, что именно в естественной языковой среде существует уникальная возможность в реальных условиях с опорой на лингвосоциокультурные естественные данности эффективно подготовить будущих специалистов японского языка к межкультурному общению.

При более детальном рассмотрении понятия «языковая среда» становится очевидным, что ее ядром является такой феномен, как сам язык. Вместе с тем язык, по наблюдениям исследователей, – неоднородное явление. Анализ лингвистической, педагогической и психологической литературы по этой проблематике позволяет нам достаточно полно охарактеризовать такие типы языка, как искусственный и естественный, а также специфику существующих между ними связей. Так, по мнению Е.Д. Божович, в основе оппозиции «искусственный – естественный языки» лежат не столько особенности происхождения, сколько их назначение и сфера употребления. Искусственные языки создаются узким кругом специалистов. Эти языки в той или иной мере используют материал естественных языков – лексику и грамматические правила, значительно изменяя их. В отличие от искусственных языков любого типа естественные языки – это всегда продукт познавательной деятельности и творчества всего народа, способный удовлетворять фактически все его культурные потребности [2, с. 37]. Оппозиция «искусственный – естественный языки» может быть экстраполирована на процесс подготовки специалистов со знанием японского языка. Это позволяет представить ее как «учебный японский язык – аутентичный (реально существующий) японский язык».

Анализ учебников японского языка таких известных авторов, как И.В. Головин, Л.Т. Нечаева, а также различных учебных пособий и методической литературы позволили нам сделать вывод о том, что содержащийся в них учебный японский язык формируется авторами учебников по принципу перехода от простого

материала к более сложному. Они совершенно справедливо считают своей задачей преподнести учебный материал в доходчивой форме и в лучших вариантах делают это с опорой на родной язык обучаемых. Их логика нам близка и понятна, так как обучаемым невозможно сразу освоить всю систему японского языка и преобразовать ее в устойчивые навыки и умения. При прямом столкновении с ней обучаемые могут только неосознанно копировать готовые речевые образцы, что совершенно неэффективно. Таким образом, рационально выделяя из естественной речи упрощенные и наиболее частотные по употреблению единицы фонетики, лексики, грамматики и письма, а также логически связывая их между собой в виде отдельных тем по основным видам социальной и производственной практики людей, авторы учебной литературы создают искусственный язык учебного характера. Так происходит целенаправленное упрощение содержания естественного языка и создание его искусственного варианта, предназначенного для изучения на начальном этапе подготовки специалистов.

Далее авторы-разработчики учебно-методических комплексов, охватывающих весь курс японского языка в вузе или по крайней мере его значительную часть, такие, как И.В. Головин, Л.Т. Нечаева, ставят своей целью плавно и последовательно подвести обучаемых к овладению нормами аутентичной речи. Другими словами, они стараются постепенно приблизить учебный язык к естественному за счет введения в учебный материал лексической и грамматической синонимии, повышения степени модальности и экспрессивности речи обучаемых, а также за счет введения в учебные материалы стилистического разнообразия и прагматики.

Как уже отмечалось ранее, сделать это трудно, а иногда в рамках учебного материала просто невозможно. В этих случаях обучение речевым операциям производится путем подражания образцам естественного языка. При этом лучшим образцом для подражания будет являться, конечно же, оригинал. Именно в связи с этим обстоятельством во многих вузах к процессу обучения иностранным языкам привлекаются преподаватели-носители языка, которые в большей степени, чем кто-либо или что-либо (имеются в виду технические средства обучения), способны продемонстрировать образцы естественной ситуативной речи.

Тем не менее здесь мы еще пока не можем утверждать, что обучаемые пребывают в условиях естественной языковой среды. В процессе обучения еще отсутствуют естественный аудио- и видеоряд, подлинный ситуативный ряд, которые полноценно существуют только в стране изучаемого языка. С другой стороны, мы вправе утверждать, что это уже и не искусственная языковая среда в том виде, в котором мы ее описывали в самом начале. Языковая среда в этих условиях переходит в свое новое качество, так

как в этом случае она начинает синтезировать в себе элементы искусственного и естественного, другими словами, она становится синтетической языковой средой. При этом степень ее синтетичности будет определяться не только долей участия носителей языка в процессе подготовки, но и привлечением в него новых образцов аутентичной речи, а именно аутентичных текстов различных стилей и жанров, аутентичных аудио- и видеоматериалов и других элементов японской культуры.

Это заключение позволяет нам обосновать необходимость выделения в процессе подготовки специалистов японского языка самостоятельного этапа – синтетической языковой среды, который должен плавно и гармонично связать начальный этап обучения (этап искусственной языковой среды) с заключительным (этап естественной языковой среды). Таким образом, он будет способствовать не только повышению уровня лингвистической компетенции обучаемых, но и эффективному решению проблемы межкультурной адаптации, то есть преодолению культурного шока и языкового барьера.

В соответствии с предлагаемой парадигмой этапов подготовки специалистов японского языка к межкультурному общению не менее важным является заключительный этап – этап естественной языковой среды. Ранее мы отмечали, что в учебных условиях невозможно продуктивно реализовать процесс аккумуляции будущих специалистов. Эти наблюдения подтверждают исследователи, которые утверждают, что в условиях вуза вполне возможно создать самую разнообразную наглядность, а также эффективно использовать ролевые игры для обучения иностранным языкам, однако практически невозможно реконструировать естественную языковую среду.

Естественный видеоряд дает такой симбиоз всех видов зрительной наглядности, который невозможно достичь в условиях учебной аудитории. Кроме того, необходимо отличать понятия «слуховая наглядность» и «естественный аудиоряд». При этом под «слуховой наглядностью» понимается комплект аудиоматериалов, используемый на занятиях в период обучения иностранному языку, а «естественный аудиоряд» представляет собой более объемную и действенную субстанцию. Справедливо утверждение о пространственных и временных границах функционирования выделенных категорий. Если ареал воздействия зрительной и слуховой наглядности – учебная аудитория, то видео- и аудиоряд воздействуют на субъекта повсеместно с первых до последних минут его пребывания в естественной языковой среде.

Потенциал ситуативного ряда естественной языковой среды также невозможно заменить даже очень хорошо организованными ролевыми играми. Вследствие этого становится более понятным, что этап естественной языковой среды является неотъемлемой частью процес-

■ Педагогика

са подготовки специалистов японского языка, способных к полноценному межкультурному общению. Кроме того, очевидно, что сам процесс подготовки студентов на этапе естественной языковой среды должен происходить в условиях страны изучаемого языка, это позволит будущим специалистам приобрести собственный опыт преодоления культурного шока и языкового барьера.

Таким образом, на основании анализа структуры и содержания феномена общения мы приходим к выводу о том, что сегодня назрела необходимость применения педагогиче-

ской технологии, нацеленной на подготовку в вузе специалистов, обладающих компетенцией межкультурного общения с носителями японского языка и культуры. Суть этой технологии состоит в регулировании качества языковой среды, в которую погружаются обучаемые. При этом парадигма поэтапной подготовки специалистов японского языка в условиях искусственной, синтетической и естественной языковой среды имеет в этом смысле значительный потенциал и может универсально использоваться в открытом образовательном пространстве современной России.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2002. С. 134.
2. Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогический аспект образования. М. – Воронеж, 2002. С. 37.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1983. С. 320.
4. Изотова Н.Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестник МГИМО-Университета (Сер. «Межкультурная коммуникация»). 2012. № 6 (27). С. 25.
5. Орехова И.А. Языковая среда: попытка типологии. М., 2003. С. 55.
6. Пидкасистый П.И. Словарь-справочник по педагогике. М., 2004. С. 150.
7. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М., 2004. С. 152.

Об авторе

Деркач Александр Владимирович – к.пед.н., доцент кафедры переводоведения и восточных языков Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга. E-mail: alexsensei@mail.ru

APPROACHES TO BUILDING COMPETENCE OF INTERCULTURAL INTERCOURSE OF FUTURE SPECIALISTS IN JAPANESE STUDIES

A.V. Derkach

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Kamchatka State University Named after Vitus Bering". 10, Kosmicheskoy proezd, Petropavlovsk-Kamchatsky, 683049, Russia.

Abstract: The article presents the results of the psycho-pedagogical research in the field of technology of professional training of Japanese language specialists. The author analyses the theoretical approaches of the modern knowledge in the humanities to defining the concept of "intercourse" and analyses its correlation with the term "communication". The author comes to the conclusion that it is important to work out a modern technology which would help to improve the efficiency of building the competence of intercultural intercourse of future specialists. The technology is to include three interconnected stages of training students in an

artificial, synthetic and authentic linguistic environment. The suggested technology of stage-based training of Japanese language specialists has a big potential and can be effectively used in the open educational environment of modern Russia. The author further argues that if we look at the process of intercourse through the prism of modern integration processes, we will see that the modern system of education in Russia needs more sophisticated educational technologies aimed at preparing university graduates for full-scale cross-cultural communication with representatives of various languages and cultures.

Key words: intercultural intercourse, communication, interaction, perception, competence of intercultural intercourse, intercultural adaptation, linguistic environment, training of Japanese language specialists .

References

1. Andreeva G.M. Social'naja psihologija [Social psychology]. M., 2002. S.-134.
2. Bozhovich E.D. Uchitelju o jazykovoj kompetencii shkol'nika. Psihologo- pedagogicheskij aspekt obrazovanija [To the teacher: About a pupil's language competence. The psychologo-pedagogical aspect of education]. Moskva-Voronezh, 2002. S. 37.
3. Vereshagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura [Language and culture.] M.: Russkij jazyk. – 1983. S. 320.
4. Izotova N.N. Jetnokul'turnye osobennosti stilja japonskoj kommunikacii [Ethno-cultural characteristics of Japanese communication style.] // Vestn. MGIMO (Ser. «Mezhkul'turnaja kommunikacija»). 2012. № 6 (27). S. 25
5. Orehova I.A. Jazykovaja sreda: popytka tipologii [Language environment: an attempt at building a typology]. M. 2003. S. 55.
6. Pidkastyj P.I. Slovar'-spravochnik po pedagogike [Reference dictionary on pedagogy]. M., 2004. S. 150.
7. Rumjanceva I.M. Psihologija rechi i lingvopedagogicheskaja psihologija [The psychology of speech and lingua-pedagogical psychology]. M., 2004. S. 152.

About the author

Alexander V. Derkach – candidate of pedagogical sciences, associate professor of theory of translation and east languages of the Kamchatka state university of a name of Vitus Bering. E-mail: alexsensei@mail.ru

АКАДЕМИК ГЕОРГИЙ АРКАДЬЕВИЧ АРБАТОВ

(1923 – 2010)

В.А. Кременюк, В.И. Зволинский

Георгий Аркадьевич Арбатов – выдающийся российский ученый и организатор науки, общественный деятель, политик, основатель и создатель Института США и Канады Российской академии наук. Ко времени своего назначения на пост директора Института 44-летний Г.А. Арбатов уже прошел суровую жизненную школу. В 1941 г., окончив среднюю школу в возрасте 18 лет, он подал документы в 1-е Московское артиллерийское училище имени Красина и был принят 21 июня 1941 г., в самый канун войны. Училище, специализировавшееся ранее на тяжелой артиллерии, уже в ходе войны было перепрофилировано на гвардейские минометы, реактивную артиллерию, получившую в народе название «катюша».

Утром 7 ноября 1941 г. курсант Г.А. Арбатов участвовал в знаменитом военном параде на Красной площади, по его воспоминаниям, в качестве «правофлангового где-то в середине батальона». Затем фронт – Калининский, Степной, Воронежский, 1-й и 2-й Украинский. Служба в 17-м гвардейском минометном полку в должности начальника разведки дивизиона. Первую боевую награду – орден Красной Звезды – Г.А. Арбатов получил в 1943 г. Затем ранение, тяжелая болезнь и увольнение в запас в июле 1944 г.

В том году он поступает на первый курс факультета международных отношений МГУ, в октябре 1944 г. преобразованного в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), который окончил с красным дипломом в 1949 г. После окончания

МГИМО работал в издательстве «Иностранная литература», журналах «Вопросы философии», «Новое время» и «Коммунист», в международном журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. Около двух лет заведовал сектором идеологических проблем ИМЭМО АН СССР.

Заметной кузницей кадров, людей, способных обеспечить связь между наукой, общественно-политической мыслью и практической

Кременюк Виктор Александрович – член-корреспондент РАН, зам. директора Института США и Канады РАН.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Зволинский Виталий Иванович – с.н.с. Центра проблем промышленной политики. E-mail: vestnik@mgimo.ru

политикой, стали созданные на рубеже 1960-х гг. группы консультантов ЦК КПСС, «разрушителей тоталитарного догматизма», как назовут их позже. Группа консультантов под руководством Ю.В. Андропова была, по мнению Г.А. Арбатова, одним из самых интересных «оазисов творческой мысли» того времени. Членами «интеллектуальной команды» ЦК были О.Т. Богомолов, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий, Л.П. Делюсин, Г.Х. Шахназаров и другие. В мае 1964 г. Г.А. Арбатов был приглашен консультантом, а затем стал и руководителем группы консультантов международного отдела ЦК КПСС, где проработал до конца 1967 г.

В 1967 г. Г.А. Арбатов был рекомендован на должность директора созданного по решению партии и правительства академического института – Института США (с 1973 г. – и Канады). Решение о его создании было принято в мае 1967 г. Предполагалось под эгидой АН СССР создать центр по изучению Соединенных Штатов, их внешней и военной политики, экономики, внутренних процессов, культуры и идеологии, который не ограничивался бы публикацией академических книг и статей. Его целью было доводить результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций, прежде всего в области советско-американских отношений.

Ко времени назначения директором Г.А. Арбатов защитил в 1956 г. диссертацию на звание кандидата юридических наук, а в 1966 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Задача глубокого и систематического изучения Соединенных Штатов Америки, как вспоминал впоследствии Г.А. Арбатов, должна была:

- положить начало настоящим, а не пропагандистским исследованиям международных проблем, которые проводились не в идеологическом ракурсе, а как исследования живой политики с учетом военных, экономических и даже психологических факторов;

- приступить к изучению военно-политических аспектов внешней политики, ликвидировав монополию военных институтов на изучение военной стратегии и проблем разоружения;

- создать источник экспертных знаний, в чем-то даже «возмутитель спокойствия» в сфере экономических представлений, прежде всего в понимании роли научно-технического прогресса;

- отделить в меру представлявшихся в то время возможностей политику от идеологии и науку – от пропаганды, изучать США не через искажающую призму догм, а такими, какие они есть в действительности.

Фактически создавалась новая отрасль общественных наук, занимавшаяся изучением международных отношений, внешней политики и страноведением, включая экономические, военные, политико-пропагандистские и иные аспекты. Это был шаг к реальности, в направ-

лении более глубокого понимания политики, ликвидации монополии на трактовку политики узкими группами бюрократии. Чтобы эффективно бороться с холодной войной, развивать настоящий диалог с Западом, надо было менять механизм принятия решений. Значительная часть бремени этой работы ложилась на академическую среду, которую довольно долго держали в изоляции от этого процесса.

Обширные знания, богатый жизненный опыт и организаторские способности позволили Г.А. Арбатову за короткий срок, в 3–5 лет, создать в институте главные научные подразделения, привлечь к их работе перспективных специалистов, подготовить первые аналитические доклады и монографии. Институт приступил к изучению механизма разработки и принятия президентских решений в США, законодательных актов конгресса, официальных документов исполнительного механизма. Поставленная перед институтом руководством страны задача «изучать новые явления в политике США», «информировать руководство», «рекомендовать позитивный опыт США» и т.п. требовала усидчивости и дотошности, но не какого-то особого новаторства.

Вместе с тем вопросы, возникавшие в связи с созданием специального Института по США, затрагивали в первую очередь целый комплекс сложнейших проблем, связанных с холодной войной. А здесь требовалось не только новаторство, но и в полном смысле научная смелость. К чему ведет холодная война? Если к новому конфликту, то в чем его смысл с точки зрения Советского Союза, если таковой вообще имелся в эпоху оружия массового поражения? Если конфликт невозможен, если он приведет к взаимному уничтожению противников, зачем тратить огромные средства на вооружения, если вопрос о войне вызывает по обе стороны конфликта весьма скептические мысли? Не лучше ли предпринять шаги по прекращению холодной войны и использовать потенциал противостоящих блоков для строительства иного мирового порядка, более мирного и менее опасного? И наконец, более глубокий и почти философский вопрос: а так ли уж неизбежен конфликт между капитализмом и социализмом, если даже классики марксизма-ленинизма не исключали возможности длительного периода мирного сосуществования?

Разумеется, все эти вопросы конкретно не вписывались в программу исследований Института США. Его непосредственной задачей было создать шаткий баланс между наукой и политикой в области внешнеполитических решений в СССР и сделать определенный вклад в более реалистичное формирование советской политики в отношении США. Институт, по сути дела, должен был сосредоточить свои силы на выработке альтернативной, более взвешенной линии поведения. При этом даже решения самых высоких инстанций не спасали институт,

и лично Г.А. Арбатова, от нападок оголтелых антиамериканистов в СССР. Враждебность в отношении США, всего американского, любой инициативы со стороны Вашингтона была тогда широко распространенной линией поведения. И в этих условиях от Г.А. Арбатова требовалось проявить твердость и принципиальность в отстаивании стратегии выхода СССР и США из состояния холодной войны.

Понимая, что с самого начала было бы в высшей степени преждевременно ставить вопрос о нецелесообразности конфликтного поведения в отношениях с США, Г.А. Арбатов построил стратегию института следующим образом. Не нарушая сложившихся в тот период в науке о международных отношениях традиций, информировать руководство страны, советскую общественность более реалистично, без пропагандистских клише. В рамках этой деятельности Г.А. Арбатов и сотрудники института подготовили и выпустили в издательстве «Наука» несколько десятков работ под логотипом «США», в которых с научной основательностью и достоверностью исследовались различные стороны политики и экономики США, проблемы, решавшиеся американскими органами власти, ожидаемые и реальные результаты.

Важным направлением работы института стала подготовка и публикация «Бюллетеня США» (под грифом «Для служебного пользования»), содержавшего ряд работ, в которых анализировались работы в области внешней, военной и внутренней политики, освещались проблемы эффективности управления и сельского хозяйства, а также различные аспекты производственной и общественной жизни в США. Новые знания о Соединенных Штатах, в том числе и в высшей степени полезные для применения на практике в СССР, например новые материалы, производственные процессы и технологии, методы управления. В них утверждалось, что США могли бы стать потенциально полезным партнером в решении «вечных проблем» Советского Союза, в первую очередь в области обеспечения населения продовольствием и промышленными товарами. «Бюллетень» выходил раз в два месяца и рассылался тиражом в 1,5 тыс. экземпляров заинтересованным государственным ведомствам и академическим институтам.

Важной областью деятельности института была подготовка аналитических материалов - записок и докладов - для государственных органов. Эти материалы затрагивали наиболее актуальные темы, связанные с внешней политикой, военной стратегией, политикой в отдельных районах мира, необходимостью реакции на те или иные события со стороны СССР. В личных докладах и аналитических записках руководителям государства Г.А. Арбатов утверждал, что в целом ряде случаев интересы СССР и США в отдельных регионах не противоречат друг другу.

Подвергалась обоснованной критике генеральская бравада, обещавшая победу в будущих конфликтах и сыгравшая заметную роль в развязывании войны СССР в Афганистане. Привлекалось внимание к существованию значительной оппозиции в американских научных и политических кругах официальному курсу правительства США, что наглядно показали Дартмутские встречи представителей советской и американской общественности, в которых активно участвовал Г.А. Арбатов. В целом ряде работ Георгий Аркадьевич утверждал, что раздуваемый пропагандой антиамериканизм должен смениться на более взвешенный подход, отражающий ситуацию взаимного гарантированного уничтожения в стратегической области.

Наряду с политикой и идеологией у института были и другие важные направления работы. В начале 1970-х гг. становилось все более очевидным застойные тенденции в хозяйственном развитии СССР. Импульс, который дала экономике реформа 1965 г., исчерпал себя из-за непоследовательности ее инициаторов и сопротивления бюрократии. И это в то время, когда в мире разворачивалась научно-техническая революция и стала реальной угроза общего отставания Советского Союза. В сентябре 1968 г. институт направил в ЦК КПСС и Совет министров СССР первую информационно-аналитическую записку «О влиянии научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США». Записка обсуждалась и сыграла определенную роль в пробуждении внимания к этому вопросу, но тем не менее не имела должных практических последствий. Замысел провести специальный Пленум ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу так и не реализовался.

По записке о передаче научно-технических открытий и достижений в военной области в гражданские отрасли хозяйства, направленной политическому руководству страны в апреле 1969 г. также не последовало практических результатов, хотя и была даже создана специальная комиссия, принимавшая какие-то решения.

В начале 1980-х гг. институт одним из первых среди подразделений Академии наук СССР стал привлекать внимание политического руководства к проблеме экономического отставания советского Дальнего Востока и растущего значения для нашей страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Предложения института, с одной стороны, были направлены на ускорение развития наших восточных регионов, а с другой - призывали активно включиться в формирующееся «Тихоокеанское сообщество».

Большое внимание уделялось использованию опыта США в сельском хозяйстве и производстве продовольствия. В 1973 - 1977 гг. для изучения этого опыта в институте сначала был создан специальный сектор, преобразованный затем в отдел изучения сельского хозяйства

США. Институт направлял политическому руководству записки и материалы о проблеме белка, развития бройлерных производств, создания новых отраслей пищевой промышленности, улучшения хранения и перевозки зерна и овощей, новых тенденций в развитии технической базы сельского хозяйства и т.д.

Институт одним из первых в СССР занялся разработкой принципов совместных производств с западными компаниями. В 1976 г. были подготовлены предложения о совместном производстве автомобильных свечей с американской компанией «Бендикс». На этом примере были разработаны концепция и типовая модель новой формы экономического сотрудничества. Предложения института дважды рассматривались на комиссии Совета министров СССР, выносились положительные решения, но практическое воплощение это предложение не нашло.

Важным направлением экономических исследований было изучение зарубежного опыта управления, попытки приспособить его к практике Советского Союза. Например, проект управления программы развития нечерноземной зоны РСФСР, предложенный институтом, рассматривался в Совете министров РФ, но принят не был. Из-за серьезных пороков административно-командной системы новаторские и практические предложения не нашли воплощения в конкретных государственных решениях.

Необходимо отметить, что институт вызывал недоверие и подозрительность у определенной консервативной части нашего общества не только содержанием своих новаторских предложений. Критике подвергалась и в известной степени интеллектуальная и духовная свобода, сложившаяся в коллективе, хотя она была необходимым условием эффективной научной работы. В записках, исследованиях и практических предложениях Г.А. Арбатова содержалось комплексное объяснение выгод и положительных сторон развития советско-американских торговых, экономических, научно-технических связей. К концу 1970-х и началу 1980-х гг. становилось ясно, что Соединенные Штаты уходили далеко вперед в развитии научно-технического потенциала, что оказывало существенное влияние на общественное и экономическое развитие. В так и не прозвучавшем на пленуме ЦК КПСС совместном докладе академиков Г.А. Арбатова и Н.Н. Иноземцева о перспективах научно-технической революции в СССР большое внимание уделялось:

- возможности не повторять уже пройденный Америкой путь;
- использовать американский опыт и отношения с США как средство, способное облегчить доступ СССР к плодам научно-технического прогресса.

Деятельность Г.А. Арбатова как ученого, политика и общественного деятеля широко известна в России и за рубежом. Библиография

его научных и публицистических работ насчитывает более 280 наименований. Вышедшие из-под пера Г.А. Арбатова и переведившиеся также на иностранные языки книги, главы в коллективных монографиях, исследовательские работы, брошюры, статьи в журналах и газетах, рецензии, обзоры, заметки были посвящены различным аспектам по существу одной темы. Это были отношения между нашей страной и США, их воздействие на военно-политическую общественную ситуацию в мире.

Признанием научных заслуг ученого стало его избрание в 1970 г. членом-корреспондентом, а в 1974 – академиком АН СССР. Более 27 лет он бессменно возглавлял коллектив Института США и Канады АН СССР, а затем и Российской академии наук. Научная, политическая и общественная деятельность академика Г.А. Арбатова получила также и международное признание. Его приглашали выступать на многочисленных международных конференциях и форумах, читать лекции в университетах Великобритании, США, Швеции, Японии и других стран. Многие годы академик Арбатов был активным участником Пагуошского движения ученых, известных представителей науки из более чем 40 стран, за мир, разоружение и международную безопасность. Он принимал деятельное участие в Дартмутских встречах, на которых в самые трудные времена отношений между СССР и США осуществлялись регулярные встречи и обмен мнениями видных представителей советской и американской общественности, посвященных вопросам войны и мира, отношений между двумя странами.

Начиная с сентября 1980 г., в течение трех лет Г.А. Арбатов участвовал в работе Международной независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности под председательством лидера шведской социал-демократической партии Улофа Пальме (Комиссия Пальме). В состав комиссии входили не как официальные представители правительств, а в «личном качестве» известные общественные, политические и государственные деятели 17 стран Европы, Америки, Африки и Азии. Советский Союз представлял Г.А. Арбатов, а США – Сайрус Вэнс. Комиссия подготовила доклад «Безопасность для всех: программа разоружения», в котором указала на растущую угрозу войны, высказалась за осуществление ряда конкретных мер, направленных на ограничение гонки вооружений и разоружение. Выводы и рекомендации комиссии были переданы в апреле 1983 г. на рассмотрение комиссии ООН по разоружению.

Ученый с огромным творческим потенциалом, широчайшим кругозором и редкой научной интуицией, он вызывал уважение как своими научными трудами, политической и общественной деятельностью, так и своей незаурядной личностью. Он был награжден многими высокими государственными наградами, в том числе дважды орденом Ленина (1975 и 1985 гг.),

орденом Трудового Красного Знамени (1967 и 1973 гг.), орденом Красной звезды (1943 г.), орденом Октябрьской Революции (1971 г.), орденом За заслуги перед Отечеством III степени (2003 г.). Избирался членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС и членом ЦК, депутатом Верховного Совета СССР, делегатом партийных съездов, участником Съезда народных депутатов в конце 1980-х и начале 1990-х гг.

Необходимо особо подчеркнуть, что вся научная, политическая и общественная деятельность академика Арбатова была посвящена решению сложной и неординарной задачи завершения холодной войны между СССР и США и их выхода на отношения сотрудничества и возможно даже союзничества. Масштаб этой задачи, ее значение для судеб всего человечества не просто были огромны, а сверхогромны и сверхважны как для обеих держав, так и для всего мира. Научное обоснование этой задачи требовало глубокой переоценки имевшихся в СССР на период холодной войны опыта и сложившихся представлений об отношениях между двумя странами, как в Советском Союзе, так и в США, и способствовали их коренному пересмотру в направлении сотрудничества, взаимопомощи и содействия всеобщему миру и прогрессу.

Говоря о научных подходах Г.А. Арбатова и его деятельности на посту директора института, необходимо подчеркнуть его способность видеть политические процессы в целом и, в частности, его знание, как готовятся и принимаются решения на уровне государственных органов. Признавая безусловный приоритет таких решений в формировании политического курса, академик Г.А. Арбатов считал, что имеется целый ряд этапов развития этого процесса, которые не могут и не должны решаться без участия науки. Его убежденность в этом была настолько сильной, что в начале 1990-х гг. он пошел на риск вызвать недовольство президента Б.Н. Ельцина, когда увидел, что принимаются важные государственные решения, игнорирующие позиции компетентных и опытных экспертов, к числу которых относился и он сам. Г.А. Арбатов утверждал, что осуществляемая Е. Гайдаром и его командой «экстремистско-либеральная» экономическая программа была не только «подсказана, но и в известной мере навязана, в частности, обещаниями щедрой экономической помощью Запада и его главными финансовыми организациями» — МВФ и Всемирным банком. По его мнению, она «нанесла народному хозяйству России больше ущерба, чем десятилетия разорительной гонки вооружений и холодной войны».

Его отставка из президентского высшего консультативного и координационного совета в 1994 г. была предсказуема, но он пошел на нее, отстаивая свои принципы. Г.А. Арбатов не был оптимистом, рассматривавшим весь спектр отношений между Россией и США сквозь ро-

зовые очки. Он понимал, что между обеими странами могут быть хорошие отношения, но путь к ним будет чрезвычайно труден. Прошло уже более двух десятилетий после окончания «холодной войны». Все эти годы Россия и США стремились, с разной степенью интереса и добросовестности, построить новые отношения, в которых были бы задействованы механизмы разрешения противоречий, формирование общих взглядов на происходящее в международных отношениях и отдельных странах. В каких-то случаях это получалось, в каких-то — нет.

В целом надо признать, что определенную формулу отношений, которая устраивала бы обе стороны и отвечала бы их целям и интересам, создать так и не удалось. Отношения между Россией и США неровные, поддаются влиянию конъюнктурных факторов. Ясно, что в политике обеих сторон по отношению друг к другу имеется существенные недостатки, не дающие возможности расширить сферу конструктивного сотрудничества. Тем не менее Г.А. Арбатов считал, что положительные итоги в том, что «закончилось изнурительное, опасное и бессмысленное глобальное геополитическое и геостратегическое соперничество двух сверхдержав СССР и США с огромными коалициями их союзников и сателлитов. В локальных конфликтах бывшие противники стали нередко сотрудничать, а не противостоять друг другу, как раньше. Была несколько свернута расточительная гонка вооружений, сократились потенциалы ядерного оружия и обычных вооружений и вооруженных сил».

На передний план вышло взаимодействие великих держав по нераспространению ядерного оружия. Однако, несмотря на эти первоначальные успехи, не удалось добиться коренного перелома в построение нового миропорядка на основе многостороннего сотрудничества, главенства дипломатии в разрешении межгосударственных споров, верховенства международного права и его институтов во главе с ООН, радикального разоружения и использования оставшихся военных потенциалов для совместного миротворчества и общей обороны. А раз такие основы не были закреплены, в текущем десятилетии принципы сотрудничества стали все более размываться международными противоречиями, новыми линиями противостояния, недоверием и враждебностью, что даже позволило некоторым политикам всерьез обсуждать возможность возобновления новой холодной войны.

Но так ли неизбежна новая холодная война в многополярном и глобализирующемся более сложном и динамичном мире? Вместо одной главной угрозы возникло множество новых и разноплановых опасностей, начиная от распространения ракетного и ядерного оружия, от рвущегося к средствам массового уничтожения международного терроризма и кончая этническим и религиозным экстремизмом, незакон-

ной миграцией, гигантской контрабандой наркотиков и оружия, работорговлей, массовым голодом и эпидемиями, нехваткой энергии и пресной воды, вероятностью экологических катастроф и т.д.

Внедрить большую предсказуемость, управляемость и порядок в этот новый многополярный и взаимозависимый, насыщенный конфликтами мир требует беспрецедентного уровня сотрудничества и взаимного доверия великих держав, всех цивилизованных стран мира. «Что касается США и союзных им стран», – полагал Г.А. Арбатов, – то их руководителям для выработки правильного курса в отношении России и на мировой арене, в целом, в ближайшем будущем надо проделать самую большую «работу над ошибками» последних двух десятилетий. В то же время он был уверен, что «России на обозримый период следует научиться не впадать в крайности или пресмыкательства перед Западом, или вражды к нему, и вместо этого выработать долгосрочную и последовательную стратегию решения в первую очередь наших громадных оставшихся от советской власти внутренних проблем и ошибок последующего периода».

Г.А. Арбатов всей своей деятельностью утверждал, что Россия – это великая нация и великая держава. Но этот «статус не есть нечто безусловное, как аристократический титул. От рождения и навечно. Статус великой державы в современном мире должен постоянно подтверждаться, как титул чемпиона, и обеспечиваться благосостоянием и свободами граждан, прочностью внутренней и внешней безопасности прежде всего перед лицом новых вызовов и угроз XXI в.». Г.А. Арбатов был уве-

рен, что Россия, пройдя через испытания XX в., может этого добиться на путях строительства экономики, высоких технологий и демократического, социально ответственного государства, последовательно развивая взаимовыгодное сотрудничество со всеми демократическими союзниками мира.

Краткая библиография трудов Г.А. Арбатова

Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М.: Госполитиздат, 1970.

Советско-американские отношения на современном этапе. М.: Общественные науки, 1974.

Вступая в 80-е. Книга-интервью об актуальных вопросах современных международных отношений. М.: Агентство печати «Новости», 1983.

Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М.: Вагриус, 2002.

Детство. Отрочество. Война: Автобиография на фоне исторических событий. М.: Собрание, 2007.

Моя эпоха в лицах и событиях. Автобиография на фоне исторических событий. М.: Собрание, 2008.

Жизнь. События. Люди. Автобиография на фоне исторических событий. М.: Любимая Россия, 2008.

Ястребы и голуби холодной войны. М.: Алгоритм. Эксмо, 2009.

*V.A.Kremenyuk, V.I.Zvolinsky. Academician
George Arkadyevich Arbatov (1923 – 2010).*

МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА РОДИОНОВА

(1928–2007)

П.А. Андреева, С.В. Андреев

Родионова М.А. родилась 21 января 1928 г. под Москвой. В 1946 г. поступила в Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, после окончания которого работала переводчиком испанского и португальского языков в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

С 1962 г. на протяжении сорока лет М.А. Родионова трудилась в МГИМО старшим преподавателем португальского языка, с 1976 г. – доцентом, с 1993 г. до выхода на пенсию в 2002 г. – профессором кафедры романских языков. В 1969 г. защитила диссертацию и стала кандидатом филологических наук. В МГИМО Маргарита Анатольевна, по существу, с нуля создала сильную и авторитетную школу преподавания португальского языка. За четыре десятилетия научно-педагогической работы она подготовила и выпустила многочисленные учебники и учебные пособия, русско-португальские разговорники, научные статьи по языкознанию.

До апрельской революции 1974 г. в Португалии, в результате которой в этой стране был свергнут авторитарный режим Салазара-Каэтану и получили независимость португальские колонии в Африке – Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, – спрос на португальский язык в нашей стране объективно был незначительным: отношения с Португалией СССР не поддерживал, а с Бразилией, где с 1964 по 1985 г. существовала военная диктатура, они сохранялись в минимальном объеме.

В те годы «живой» перевод с португальским языком был востребован главным образом для контактов с приезжавшими в СССР руководителями и активистами Португальской и Бразильской коммунистических партий, национально-освободительных движений португальских колоний в Африке.

В качестве переводчицы и сопровождающей М.А. Родионова тогда много работала:

- с легендарными руководителями португальских и бразильских коммунистов Алваро Куньялом и Луисом Карлосом Престесом;
- председателем Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), будущим первым президентом независимой Анголы Агостиньо Нето;
- лидером Африканской партии независимости Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде (ПАИГК) Амилкаром Кабралом;

Андреева Полина Антоновна – дочь М.А. Родионовой. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Андреев Сергей Вадимович – директор Генерального секретариата МИД Российской Федерации.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

– многими их товарищами и соратниками.

Это были действительно незаурядные люди, мужественно боровшиеся в подполье, прошедшие через тюрьмы, лагеря и пытки, одержимые идеями свободы и социальной справедливости. Маргарита Анатольевна относилась к ним с глубоким уважением и была убеждена, что узнать в жизни таких людей, дружить с ними – это настоящий подарок судьбы.

После 1974 г., когда были установлены нормальные отношения между СССР и демократической Португалией, когда стало бурно развиваться многоплановое сотрудничество Советского Союза с получившими независимость португалоязычными странами Африки, специалисты со знанием португальского языка стали нарастать. А у преподавателей португальского языка в МГИМО наступила горячая пора. Вот когда оказались в полной мере востребованными не только преподавательские, но и организаторские качества М.А. Родионовой и прошла испытание практикой созданная ею в МГИМО система преподавания португальского языка, «заточенная» под потребности практической работы, прежде всего в системе Министерства иностранных дел.

Преподавателем она была «от бога» – трудолюбивым, вдумчивым, педантичным, требовательным, – но при этом к своим студентам неизменно относилась по-матерински доброжелательно, с искренней симпатией и доверием. А для того чтобы благословить студента на самостоятельную работу переводчиком всего лишь после полутора–двух лет изучения португальского языка, как это нередко случалось в то время, требовались и настоящая вера в своих учеников, и твердая уверенность в высоком качестве и результативности своего труда. В этот период Маргарита Анатольевна и сама много работала переводчиком на высшем уровне.

Среди ее любимых учеников – Е.В. Иванова (Астахова) и М.П. Коновалова, которые по окончании МГИМО сами стали прекрасными преподавателями португальского языка; блестящий советский и российский дипломат А.П. Смирнов (1944–2005 гг.) – Посол России в Португалии в 1993–1998 гг.; многие МИДовцы, долгие годы вносившие и продолжающие вносить весомый вклад в отношения нашей страны с португалоязычными странами, равно как работавшие и на других внешнеполитических направлениях:

– В.В. Земский (1938–2004) – генеральный секретарь Совета коллективной безопасности (1996–2000 гг.), Посол России в Грузии (1992–1996 гг.) и Мозамбике (2000–2004 гг.);

– В.Е. Петухов – Посол России в Республике

Кабо-Верде (1997–2000 гг.) и Республике Гвинея-Бисау (2003–2008 гг.);

– С.В. Андреев – Посол России в Анголе (2000–2002 гг.) и Норвегии (2006–2010 гг.), генеральный секретарь МИД России (2003–2006 гг. и с 2010 г. по настоящее время);

– А.В. Кемарский – Посол России в Анголе (2002–2007 гг.) и Мозамбике (с 2010 г. по настоящее время);

– В.Б. Гончаренко – Посол России на Мадагаскаре (с 2006 г. по настоящее время);

– А.В. Покровский (1957–2009) – Посол России в Гане (2006–2009 гг.);

– М.Я. Валинский – Посол России в Республике Гвинея-Бисау (с 2009 г. по настоящее время);

– Д.А. Лобач – Посол России в Анголе (с 2012 г.);

– исключительно одаренный дипломат и переводчик А.И. Ильин, к сожалению, безвременно скончавшийся в начале 2000-х годов, когда ему еще не было и 50 лет;

– также рано умерший Г.И. Казинян (1953–1997), который работал в посольствах СССР в Мозамбике и Португалии и стал первым послом Армении в Румынии (1993–1997);

– нынешние заместители директоров Первого Европейского департамента МИД России М.Л. Горбачев, Департамента общеевропейского сотрудничества – И.Н. Капырин, Латиноамериканского департамента – А.К. Лабецкий.

Всех, кто прошел школу «португалистики» у М.А. Родионовой, отличала основательная языковая подготовка, которая впоследствии становилась весомым подспорьем на пути к профессиональным успехам. Многие из них в разные годы выполняли самые ответственные переводы, в том числе на высшем уровне.

Со своими воспитанниками Маргарита Анатольевна до конца жизни поддерживала дружеские отношения. Нередко к ней обращались не только за профессиональной консультацией, но и за добрым советом. Выпускникам МГИМО старших поколений, уже достигшим известных высот, она рекомендовала способных молодых ребят, которым помогала найти себя и утвердиться в избранной профессии. И работать Маргарита Анатольевна не переставала до самого последнего времени – писала, переводила, анализировала... Бывшие студенты всегда знали, что лучшим подарком для нее были новые интересные тексты и материалы, которые она могла бы использовать для подготовки новых учебных пособий и для преподавания, которое, без преувеличения, было главным делом всей ее жизни.

М.А. Родионова скончалась в октябре 2007 г., немного не дожив до 80 лет, похоронена на Хованском кладбище в Москве.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, Д.Ю.Н., ПРОФЕССОР РОБЕРТ ВАЧАГАНОВИЧ ЕНГИБАРЯН

Ю.К. Краснов, Е.В. Охотский

Енгибарян Р.В. родился в Ереване (Республика Армения) в 1941 г. Становление каждого человека, писал он спустя много десятилетий, идет своим специфическим путем, в зависимости от времени, в которое выпало жить, особенностей социальной среды и личностных качеств, причем то, как сложится для него ситуация – благополучно или нет, – зачастую невозможно предсказать. Меняются времена, социально-политические и экономические уклады, но отношения между людьми в главном остаются такими же, какими они сложились за тысячелетия человеческой истории. Любовь, верность, преданность, храбрость, подлость, зависть были, есть и будут. Внешне они могут принимать разное обличье, подкорректированное временем, местом и социально-культурным окружением, но по сути всегда останутся неизменными. Тем они и интересны.

В семье Р.В. Енгибаряна царил культ спорта, физической силы, мужественности, которую с раннего возраста прививал детям отец. Он часто напоминал им, что они – потомки храбрых воинов и добропорядочных христиан. Борьба с несправедливостью была жизненным принципом в семье, и не случайно после окончания школы Роберт Енгибарян поступил на юридический факультет Ереванского университета. «Я был студентом в академическом плане одним из лучших, – вспоминал он позднее, – а если без лишней скромности, то, может, и лучшим. Учился прилежно, но не всегда держал язык за зубами. Во время дебатов горячился, часто го-

В 1963 г. Р.В. Енгибарян закончил юридический факультет Ереванского университета и был направлен на работу в органы прокуратуры. На его глазах некоторые его отнюдь не луч-

Краснов Юрий Константинович – д.и.н., д.ю.н., профессор МИУ МГИМО(У) МИД России.

E-mail: vestnik@mgimo.ru

Охотский Евгений Васильевич – д.соц.н., профессор МИУ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

шие однокурсники становились успешными дельцами теневой экономики, фактическими хозяевами государственных заводов и фабрик, хотя числились они простыми рабочими, мастерами или заместителями начальников цехов. «Еще тогда, – писал Р.В.Енгибарян, вспоминая это время в своих трудах, – в 60-е гг. прошлого века, весь полуторамиллионный город знал, кому принадлежит карамельный завод, кому – текстильная и пищевая фабрики, кто хозяин бензоколонки на одной улице, а кто – на другой. Разумеется, большие машиностроительные и оборонные заводы оставались под контролем государства, но бытовое обслуживание и местная промышленность были полностью "приватизированы" задолго до перестройки.

Расслоение общества уже шло полным ходом. Появились первые подпольные миллионеры, скупщики золота, ювелирных украшений и антиквариата – все это привозили из Москвы, Ленинграда и других городов и перепродавали в республике по баснословным ценам. Многие из этого добра возвращались в Москву в качестве взяток союзным чиновникам из правительства, прокуратуры, Госплана для получения даже законно выделяемых для республики металла, древесины, техники, медицинского оборудования. В этом плане Армения никак не могла соревноваться с соседними республиками – Грузией и Азербайджаном, богатыми сельскохозяйственными продуктами и природными ресурсами. К тому же традиционно сложившиеся в этих республиках взаимоотношения населения и элит позволяли руководству более широко использовать криминальные деньги для подкупа союзных чиновников».

В стране шли перемены, которые требовали осмысления. Р.В. Енгибарян отошел от практики, в 1966 г. поступив в очную аспирантуру Московского ВНИИ советского законодательства при Министерстве юстиции СССР. Там же в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Правовой статус Президиума Верховного Совета союзной республики». С 1969 по 1980 гг. – старший преподаватель, доцент, и.о. профессора Ереванского университета. В 1974-75 гг. прошел докторантуру и одновременно преподавал на юридическом факультете Белградского (Югославия, тогда СФРЮ) университета. Итогом его научных исследований стали множество статей, доклады-рефераты для служебного пользования. В 1980 г. вышла его монография «Организация высшей власти Социалистической Федеративной Республики Югославия» – фактически первая научная монография в стране на эту тему. С учетом тогдашней политической конъюнктуры, часть работы подпала под гриф «для служебного пользования», в связи с чем монография вышла несколько в усеченном варианте. На базе этой монографии Енгибарян Р.В. в 1983 г. в Москве в том же, для него уже родном ВНИИ советского законодательства, защитил докторскую диссертацию.

В своих работах впервые в нашей юридико-политической литературе ставилась под сомнение перспективность федеративных отношений Югославии, их фактическая обусловленность фигурой Президента республики Иосифа Броз Тито. Одновременно более обобщенно рассматривался национально-территориальный принцип организации социалистических федераций, который фактически установил неравный правовой статус граждан в зависимости от места проживания и этнической принадлежности. Этот принцип уже заведомо поставил политико-правовой статус граждан автономных образований или граждан, не являющимися представителями титульной нации данного государственного правового образования, на более низкую ступень по сравнению с гражданами республик, что явилось серьезным препятствием для перехода к общегражданскому, наднациональному принципу организации страны. В последующих своих научных трудах и монографиях профессор Енгибарян неоднократно обращается к этой проблеме, отмечая с сожалением, что этот главный недостаток в организации бывших социалистических федераций остался в числе основополагающих принципов Российской Федерации, осложняя ее переход к гражданскому правовому государству.

В общественной жизни между тем происходили радикальные перемены. Самоликвидировалась, а точнее рухнула огромная империя – СССР, а вслед за ним – социалистический лагерь. Был решен важнейший для Европы, да и мира, неурегулированный после Второй мировой войны вопрос – объединение Германии. Эта колоссальная по своей значимости проблема была решена без каких-либо предварительных условий.

На месте СССР возникло 15 новых суверенных государств. Некоторые из них впервые образовались в таком качестве и, в большинстве случаев в обновленных географических контурах. Распались и другие социалистические федеративные государства: Чехословакия, например, разделилась на две части — Чехию и Словакию, Что касается Социалистической Федеративной Республики Югославия, первой научной любви Р.В. Енгибарян, то судьба этой страны сложилась трагично. Мирный развод не получился, потому что в процессе ее образования и исторического развития были заложены глубинные противоречия. После острых конфликтов, переросших в военные действия на отдельных территориях страны, произошли межнациональные чистки, сопровождавшиеся большим количеством людских жертв и разрушений. Огромные миграционные потоки народов двигались в разные стороны, ища новые безопасные места проживания по национальному признаку.

«Безусловно, есть факторы судьбы, – писал, осмысляя эти процессы Р.В.Енгибарян, – не поддающиеся объяснению, складывающиеся объективно, без участия и воли конкретного индивидуума. Не в наших силах выбрать время и место

■ Золотой фонд МГИМО

своего рождения, религиозно-культурную среду, национальность, язык и интеллект. Но тем, что Бог и природа дали нам, мы можем распоряжаться по своему усмотрению». И новый поворот в своей жизни Р.В. Енгибарян осуществил решительно, вступив на новую стезю после десятилетней работы в партийно-государственных органах, в том числе и на должности заведующего сектором Идеологического отдела ЦК КПСС. Профессор Енгибарян переходит на работу в МГИМО первоначально в качестве профессора кафедры политологии, а после создания, благодаря во многом и его усилиям, Международного института управления – его директора.

За прошедшие двадцать лет МИУ превратился в одну из важных структур МГИМО(У) с подразделениями бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. За прошлые годы МИУ закончили более чем одна тысяча выпускников, принимающие самое активное участие в общественно-политической жизни страны. Среди выпускников МИУ – губернаторы, префекты, депутаты Госдумы, министры правительств субъектов РФ, доктор наук. Многие годы под председательством Енгибаряна успешно работал диссертационный совет МИУ по юридическим наукам, где докторские и кандидатские диссертации защитили несколько десятков аспирантов и соискателей.

За прошедшие десятилетия из-под пера Р.В. Енгибаряна вышли ряд монографий и учебников, нашедшие широкое применение в научно-учебной работе многих вузов и научных центров страны. Среди его трудов следует особо отметить монографии «Сравнительное конституционное право» («Норма», 2007), «Конституционное развитие в современном мире» («Норма», 2010), учебники «Конституционное право» (совместно с проф. Э.В. Тадевосяном, «Юрист», 2000), «Теория государства и права» (совместно с проф. Красновым Ю.К., «Норма», 2010), выдержавший три издания, и многое другое.

Многогранна и научно-педагогическая деятельность проф. Енгибаряна. Под его научным руководством 4 человека защитили докторские и 23 кандидатские диссертации. Уже многие годы он является главным редактором официального издания Минобрнауки научно-правового журнала «Право и управление. XXI век», где публикуются не только труды преподавателей, профессуры и аспирантов МГИМО, но и работы известных зарубежных и отечественных ученых.

Однако огромный жизненный опыт требовал своей реализации, и Р.В. Енгибарян осуществляет еще один важный поворот в своей

деятельности. Он взялся за перо писателя. В психологическом романе-драме «О, Мари!» на фоне многочисленных общественно-политических событий, трансформаций общественных отношений разворачиваются трагические события жизни современников автора. Человек и система, любовь и чувство долга, дружба и предательство, нетерпимость юности и мудрость зрелости, мотивы человеческих поступков, капризы изменчивой фортуны – это лишь немногие вопросы, над которыми размышляет автор. Действия, описанные в романе, основаны на реальных фактах, все герои имеют своих прототипов и часто выступают под своими настоящими именами. Динамичный сюжет, яркие, колоритные персонажи, шокирующая правда о беспределе на государственном уровне воспроизводят живую картину недавнего прошлого – изнанки романтизированной хрущевской оттепели.

Его романы нашли заинтересованный и теплый прием среди многочисленных читателей. Особенностью его художественного творчества является то, что через драму художественного слова он поднимает глубокие философские и психологические проблемы. Его художественные произведения переведены на другие языки, поставлены в основу кинофильмов и театральных представлений.

Р.В. Енгибарян находится в настоящее время в расцвете творческих сил. Он глубоко понимает непростые процессы, идущие в мире, и творчески размышляет над ними. Его волнует, сможет ли современный мир благодаря своим жестким экономическим законам, общей валютно-финансовой и телекоммуникационной системам примирить существующие на нашей планете полюса, вынуждая их к сотрудничеству и существованию без глобальных конфликтов? По-видимому, альтернативы не существует, считает он. Остается лишь надеяться, что это сближение не затянется надолго и в обозримом будущем демографическая агрессия и связанная с ней безудержная миграция перестанут угрожать нормальной жизнедеятельности христианского мира. Впрочем, в мире идет необратимый процесс смешения культур, рас и народов. И, как показывают многолетние наблюдения, процесс этот ни в коей мере не обедняет генетический и культурный фонд человечества, наоборот, обогащает его, придавая новые оттенки и многогранность.

Krasnov Yu.K., Okhotsky E.V. Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Robert Vachaganovich Engibaryan.

И.А. МЕЛИХОВ – ДИПЛОМАТ И УЧЕНЫЙ

В.И. Долгов

Игорь Александрович МЕЛИХОВ – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У), Почетный работник МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился 26 апреля 1944 г. В феврале 1968 г. окончил МГИМО МИД СССР, факультет международных отношений по специальности «референт-международник по странам Востока». В феврале 1968 г. был принят на работу в МИД СССР и в апреле того же года командирован переводчиком, а затем атташе посольства в Народной республике Южного Йемена (впоследствии – Народная Демократическая Республика Йемен).

Ввиду малочисленности и неукomплектованности штатов только что учреждавшегося посольства ему, начинавшему дипломатическую службу, был поручен довольно широкий круг обязанностей. Помимо собственно переводческой работы, носившей весьма интенсивный характер, включая переводы многочисленных бесед посла с южнойеменскими руководителями, занимался экономической проблематикой, отношениями НРЮЙ с Китаем и социалистическими странами, был шефом протокола и секретарем посла. Полученная закалка в первые годы работы послужила добротной базой для последующей оперативно-дипломатической и переводческой деятельности, в том числе на высшем уровне.

В Южном Йемене работал дважды (1968–1971 и 1974–1976 гг.). Между двумя этими командировками трудился третьим секретарем в Отделе стран Ближнего Востока (ныне – Департамент Ближнего Востока и Северной Африки). В 1978 г. был командирован первым секретарем в Посольство СССР в Республике Ливан, находившейся в состоянии гражданской войны.

Занимался как внутренней, так и внешней политикой этой страны. Установил контакты с политическими и военизированными структурами. Отвечал за связи с Прогрессивно-социалистической партией Ливана, игравшей весомую роль в политической жизни ливанского государства.

Неоднократно сталкивался с ситуациями, угрожавшими личной безопасности.

В 1980 г. был переведен первым секретарем, советником в Совпосольство в Арабской Республике

Египет. Возглавлял группу внутренней политики и экономики. Поддерживал контакты с системной оппозицией. В 1984–1987 гг. работал в центральном аппарате МИД – сначала советником, а затем заведующим сектором Сирии и Ливана. С учетом того что на эти страны было завязано Палестинское движение сопротивления, гражданская война в Ливане и перманентный ближневосточный кризис, этот период служебной деятельности был исключительно интенсивным и напряженным.

В 1988 г. И.А. Мелихов прошел подготовку на Высших курсах руководящих дипломатических работников и был назначен советником–посланником посольства в Сирийской Арабской Республике с присвоением дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посланника II класса. В связи с отъездом посла А.С. Дзасохова весьма продолжительное время исполнял обязанности Временного поверенного в делах. Установил конструктивные

Долгов Вячеслав Иванович – профессор кафедры дипломатии МГИМО(У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке. E-mail: vestnik@mgimo.ru

связи с сирийским руководством. Вернувшись в Москву в 1991 г., работал некоторое время старшим советником, а затем был назначен заместителем начальника Управления Ближнего Востока и Северной Африки. Присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника I класса. В качестве российского коспонсора участвовал в заседаниях многосторонних групп в рамках ближневосточного мирного процесса (дважды в Оттаве, Токио), в межмидовских консультациях, выезжал в 1993 г. для встреч с иракским руководством (принят вторым лицом Т. Азизом и министром иностранных дел М. Сахафом). По итогам поездки в Багдад было принято решение о проведении инвентаризации российско-иракских отношений, в особенности в торгово-экономической сфере в условиях навязывавшегося американцами широкомасштабного бойкота.

В 1992 г. Игорь Александрович принял деятельное участие в разработке «Концепции отношений обновляющейся России со странами Ближнего Востока» – первого регионального документа такого рода, когда еще отсутствовала внешнеполитическая концепция РФ. В конце 1993 г. ему был присвоен высший дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла и он получил назначение послом в государство Катар, где возобновлялась деятельность российского посольства. Трехлетний период пребывания на этом посту был отмечен оживлением двусторонних связей, налаженным политическим взаимодействием, в том числе по острой иракской и иранской проблематике.

С октября 1996 г. по август 2000 г. И.А. Мелихов являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом в Королевстве Саудовская Аравия. Им были налажены неформальные связи с представителями саудовского руководства, прежде всего правящего дома Аль Сауд. Вектор усилий был направлен на предотвращение вмешательства исламистских кругов во внутрироссийские дела, особенно на Северном Кавказе. В результате королевство не только не признало независимость Ичкерии, после чего мог бы последовать вал признаний со стороны мусульманских государств, но и не были открыты чеченское представительство и даже информационное бюро в Саудовской Аравии. Хотя на такие шаги пошли даже некоторые европейские государства.

Работа Игоря Александровича в Историко-документальном департаменте в качестве заместителя директора пришлась на 2000–2004 гг. В этот период им многое было сделано в контексте 200-летия МИД России. Являлся ответственным секретарем комиссии по празднованию этой юбилейной даты, принял участие в создании Центра истории российской дипломатической службы МИД РФ. В 2004–2007 гг. он был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом в Федеративной Республике Нигерии и одновременно аккредитован наблюдателем РФ в Экономической организации сотрудничества стран Западной Африки (ЭКОВАС). За освобождение группы российских заложников, оказавшихся в руках нигерийских террористов, был награжден орденом Дружбы.

В октябре 2007 г. перешел на работу в МГИМО(У) в качестве заведующего кафедрой дипломатии, профессора (Указ Президента РФ № 936 об освобождении с должности Посла в Нигерии последовал год спустя – 10.06.2008 г.).

На протяжении всей своей дипломатической деятельности И.А. Мелихов проявлял интерес к оперативной и информационно-аналитической работе, являющейся базовой для дипломата. Это, безусловно, способствовало развитию исследовательских навыков. В свою очередь, процесс научного познания способствовал расширению и совершенствованию профессиональных компетенций. Его научные притязания распространялись на сферы ближневосточного регионоведения, внешней политики и дипломатии, политологии. Им опубликовано около 100 п.л. научной продукции. Синтез практики и науки в его служебной деятельности выглядел весьма убедительно.

По окончании МГИМО И.А. Мелихов был рекомендован в аспирантуру по кафедре Истории международных отношений и внешней политики, но предпочел статус соискателя, защитив в 1972 г. в Институте востоковедения АН СССР диссертацию «Внешняя политика Народной Республики Южного Йемена в условиях борьбы южнотиманского народа за независимость и социальный прогресс». Тема по тем временам была весьма актуальной с точки зрения практической дипломатии, дипломатической истории и политологии. На ее основе можно было бы издать монографию, но автор пошел по другому пути, взявшись за подготовку объемного справочника «Народная Демократическая Республика Йемен», который был призван восполнить отсутствие актуальной информации по этой стране, выдвигавшейся в число наиболее близких Советскому Союзу идейно-политических союзников.

Такой справочник был издан в 1976 г. под псевдонимом И.А. Александров (17,53 п.л.). Этот псевдоним чаще всего использовался Мелиховым на протяжении всей сорокалетней работы в МИД СССР, а затем Российской Федерации. Характерно, что подобного рода страноведческие справочники обычно готовятся не одним автором, а коллективами, поскольку охватывают широкий круг сфер и направлений – физико-географический, исторический, экономический, политический и культурный. Этот труд послужил базовым для исследований востоковедов по южнотиманской проблематике.

Некоторое время спустя актуальность приобретает активизация патриотических сил в султанате Оман, особенно в провинции Дофар. Опять же по данной теме имелась довольно скудная информация. В 1979 г. И.А. Мелихов под своей фамилией издает в серии «У политической карты мира» брошюру «Оман между прошлым и настоящим», в которой рассматривались история этого арабского государства, его социально-экономические проблемы, внешняя и внутренняя политика. Исследуя набиравшее силу оманское патриотическое движение, он в 1981 г. публикует по этой проблематике емкую статью, введя в научный оборот солидный круг арабских источников. Этой теме были посвящены

и другие его статьи, публиковавшиеся в научных и периодических изданиях.

С середины 1970-х гг. резко обостряется обстановка в Ливане, вылившаяся в жесткую гражданскую войну. К этим событиям оказываются причастны не только собственно внутривосточные силы, но и внешние круги, прежде всего Сирия, Израиль, Палестинское движение сопротивления и др. Научных исследований на эту тему ни в нашей стране, ни на Западе не было. И.А. Мелихов попытался восполнить этот пробел, опубликовав в 1980 г. исследование «Ливан: пора суровых испытаний», встреченную с интересом в научных кругах и среди общественности. В книге автор рассмотрел основные этапы политического и социально-экономического развития Ливана, сфокусировав внимание на причинах возникновения и углубления кризисной ситуации в этой арабской стране. Автор проанализировал ход гражданской войны, дал характеристику партий, превратившихся в военно-политические структуры, осветил деятельность внешних сил в контексте ливанского кризиса.

Углубляя и развивая знания по ближневосточной проблематике как по служебной, так и по научной линии, И.А. Мелихов постепенно выходит на субрегиональные и региональные обобщения. В 1993 г. он публикует в журнале «Международная жизнь» концептуальную статью «Россия и Ближний Восток», в которой обосновывалась новая парадигма внешней политики и дипломатии обновляющейся России в Ближневосточном регионе в складывавшихся в постсоветский период условиях. Статья была построена на мысли о необходимости синтеза наработанного в прошлом нашей страной опыта с открывавшимися в условиях деидеологизации внешней политики России перспективами. Автор отвергал навязывавшуюся тенденцию игнорирования традиционных союзников СССР на Ближнем Востоке, считал такую линию лишенной разумного прагматизма в политическом плане и безнравственной в моральном отношении, настаивал одновременно на завязывании взаимовыгодных связей с консервативными арабскими режимами, особенно зоны Персидского залива.

Серьезную практическую значимость имело исследование И.А. Мелихова «Концептуальный анализ: Россия – страны ССАГПЗ», то есть анализ отношений РФ со странами «Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива», занимавшими главные позиции в поставках углеводородов на мировой рынок. В этом исследовании была рассмотрена совокупность факторов, влияющих на внешнюю политику «аравийской шестерки», выявлена динамика ее отношений с Москвой, рассмотрены специфика и перспективные направления возможного взаимодействия. Это исследование было задействовано при подготовке соответствующих документов и практических шагов российских ведомств и организаций в контексте налаживания сотрудничества и взаимодействия с этой группой государств.

Широкоформатная исламская и ближневосточная проблематика получила отражение в та-

ких статьях Мелихова, как «Диалог цивилизаций: мусульманский мир», «Арабо-исламская составляющая во внешней политике стран ССАГПЗ», «Исламский мир» и др. Венцом исследования процессов в субрегионе Персидского залива, прежде всего в рамках «аравийской шестерки», явилась защита И.А. Мелиховым в 2000 г. докторской диссертации по теме «Арабские монархии Персидского залива на этапе модернизации [1970 – 1990-е гг.]». В ней впервые в российском и зарубежном востоковедении было подготовлено комплексное исследование многогранных процессов в этой группе государств в современных условиях, выявлены их масштабность и глубина по основным структурообразующим направлениям.

Автор пришел к отличающимся от бытовавших в отечественной науке оценкам использованного этими странами метода утверждения национального контроля над нефтяными ресурсами, раскрыл природу формирующейся экономической модели стран ССАГПЗ, выявил ее специфику в рамках общих закономерностей. В диссертационной работе И.А. Мелихова фактически была дана сравнительная оценка социальных сдвигов в аравийских монархиях Залива, их воздействия на внутривосточную обстановку, высказаны новые взгляды на характер землевладения, не обремененные прежними идеологемами.

Использование расширительного подхода к проблеме соотношения базиса и надстройки позволило сделать вывод о возможности достаточно длительного существования «несоответствия» между ними, более того – стабилизирующей роли подобного несоответствия на определенных этапах модернизации. В таком контексте по новому осуществлен анализ легитимности правящих династий, монархической формы правления, возможности трансформации консультативных институтов «шурь» в представительные органы парламентского типа.

Впервые не только в российской науке, но и в зарубежной науке исследован исторический процесс эволюции ваххабизма в качестве религиозной составляющей саудовского общества и государства, соотношение «религиозного» и «светского» компонентов в королевстве. При рассмотрении внешнеполитической проблематики была дана оценка степени соответствия многополярной, биполярной и многополярной систем миропорядка национально-государственным интересам стран ССАГПЗ. Научная новизна проявилась и в попытке комплексного осмысления интересов России и стран Совета сотрудничества применительно к развитию двусторонних отношений.

В качестве нового инструментария исследования автором была применена четырехъярусная модель, помогающая проведению системного анализа отдельных внешнеполитических сфер, особенно при определении внешних угроз, а также выстраивании модели субрегиональной безопасности. Прикладная значимость проведенного исследования заключается в том, что оно может служить базой для научного достоверного системного восприятия

модернизирующихся государств Персидского залива, особенно Саудовской Аравии, применительно к которой в России не были изжиты устарелые штампы и стереотипные оценки.

Практический интерес представляют результаты рассмотрения вопросов, связанных с формой собственности на углеводородные ресурсы в странах, где они являются главным источником бюджетных поступлений и формирования социальных программ в условиях неокрепшего частного капитала, а также подходом «шестерки» к проблеме приватизации государственной собственности.

Анализ исламской составляющей монархий Залива позволяет выявить политический характер ее воздействия на общественный и государственный уровни. Это в условиях стремления к конфессиональной самоидентификации мусульманских народов России было призвано содействовать формированию объективного видения последствий политизации ислама, его расширяющегося участия в государственных делах.

Практическую значимость имеют новые оценки объективной роли и места ваххабизма в Саудовской Аравии, характера взаимоотношений правящего семейства с радикальными исламистами, его подхода к международному терроризму, усилиям исламистско-фундаменталистских кругов, направленных против российской государственности. Прикладную пользу представляет исследование факторов как способствующих, так и тормозящих развитие отношений между РФ и странами ССА-ППЗ, выявление имеющихся резервов и формирование конкретных соображений о целесообразности российской линии в отношении данной группы государств.

В 2000-м г. И.А. Мелихов выпустил под псевдонимом И.А.Александров монографию «Монархии Персидского залива. Этап модернизации». По своей структуре и отдельным содержательным аспектам она существенно отличалась от диссертационного исследования. В книге дается анализ экономических параметров «шестерки», социальных трансформаций, особенностей государственности и религиозно-политического состояния общества. Рассматриваются генезис проблемы безопасности монархий Залива, «кувейтский кризис», нефтяной фактор, а также арабо-исламский компонент во внешней политике, опыт субрегиональной интеграции.

В целом эволюция монархий Залива указывает на то, что ее движение по пути «догоняющей модернизации» укладывается в рамки общих закономерностей формационного и цивилизационного развития. Вместе с тем формирующаяся модель отвергает в силу исторической, национальной и конфессиональной специфики космополитические ценности, затрагивающие основополагающие принципы ислама, арабской культуры, национальной психологии.

С приходом в МГИМО(У) в качестве заведующего кафедрой дипломатии, профессора И.А. Мелихов переключает свои научные интересы с проблем исламского мира и ближневосточного региона

на общие проблемы функционирования дипломатической службы, институты современной дипломатии, принципы выработки внешней политики. И здесь он пытается идти не проторенным путем, уделяя особое внимание фактору личности в дипломатической практике. Он публикует статьи: «Образ дипломата "идеального" в представлениях исследователей прошлого», «Переговорная ретроспектива отечественной дипломатии», «Советская дипломатическая служба», «Индивидуально-личностные качества и профессиональные компетенции дипломатического работника», «Верность отечеству как профессиональная компетенция» и др.

В 2011 г. была издана монография И.А. Мелихова «Личность в дипломатии. На исторических параллелях». Автор применил новую методику анализа на основе врожденных, врожденно-приобретенных, приобретенных качеств и профессиональных компетенций. Важно, что исследование построено не на абстрактных, зачастую оторванных от реальной практики рассуждениях, а на конкретных исторических примерах. В аналитическом ключе воссоздается галерея видных отечественных дипломатов, отстаивавших национально-государственные интересы своей страны на передовых внешнеполитических рубежах. Такой подход наглядно раскрывает сущность дипломатической работы. Позволяет сопрягать исторические события и извывы с конкретными лицами, как бы превращая историю в «одушевленную» материю. В монографии широко используется мемуарная литература отечественных дипломатов.

И.А. Мелихов принял деятельное участие в подготовке трехтомного издания «Очерки истории Министерства иностранных дел России», являясь членом Редакционной коллегии (М.: Олма-Пресс, 2002), а также «МГИМО-Университет. 1944–2009» (М.: Московские учебники, 2009), где также входил в Редакционную коллегию. Под его редакцией совместно с Е.М. Богучарским была выпущена книга «Российские посольства за рубежом» (М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2010), где помещена, в частности, написанная им статья «Пролог российско-саудовских дипломатических отношений», в которой введены впервые в научный оборот около 25 архивных источников. Являлся ответственным редактором книги О.Г. Герасимова «Йеменская революция: 1962–1975 гг. Проблемы и суждения» (М.: Наука, 1979).

И.А. Мелихов плотно вовлечен в учебный процесс. Разрабатывал курсы «Отечественная дипломатия в портретах», «Фактор личности в дипломатической практике», участвовал в разработке учебного курса «Институты современной дипломатии», входит в состав Государственной экзаменационной комиссии факультета Международных отношений, является научным руководителем диссертационных работ, проводит семинарские занятия по ряду учебных дисциплин. Активную работу он проводит как член Ученого совета МГИМО(У), Совета факультета МО, а также Совета Ассоциации российских дипломатов.

Dolgov V.I. P.A.Melikhov: Diplomat and Scientist

КОГДА ГОДЫ НЕ ВЛАСТНЫ...

Н.В. Давлетшина

Трудно передать волнение, которое я испытала, когда взяла в руки автобиографию Владимира Сергеевича Иванова, написанную его рукой, почерком, хорошо знакомым и близким нам всем, его ученикам и коллегам по работе. Рядом – фотография Владимира Сергеевича, человека серьезного, сосредоточенного и внешне очень спокойного. А ведь это он 18-летним парнишкой был призван в августе 1942 г. в армию и направлен в 30-й учебный минометный полк под г. Покровом, а после учебы, в звании сержанта, – в 27-й гвардейский авиадесантный полк на Воронежском фронте

Его молодость – это история нашей страны, военные годы, когда солдаты сражались на фронте, лечились в госпитале и снова шли в бой, ни на минуту не сомневаясь, что они должны служить своему народу. Познав тяготы фронтовой жизни, Владимир Сергеевич не покинул армию и в 1943 г. поступил курсантом в Чкаловское пулеметное училище. И так случилось, что в училище приехала комиссия из Военного института иностранных языков и предложила молодому курсанту ехать в Москву, чтобы сдавать экзамен в этот Институт. В 1948 г. Владимир Сергеевич заканчивает ВИИЯ в звании младшего лейтенанта и получает специальность переводчика-референта по венгерскому языку. В этом же году он был назначен на должность переводчика правительственной комиссии по редемаркации границы между СССР и Венгрией. Затем неоднократно направляется в служебные

командировки в лагеря военнопленных, работает переводчиком в Союзной Контрольной комиссии, в Генштабе Венгерской армии, Союзе молодежи Венгрии и других организациях.

Давлетшина Нелли Васильевна – к.э.н., доцент кафедры языков стран центральной и Юго-Восточной Европы МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

Страна по праву оценила заслуги Владимира Сергеевича. Он награжден медалями Президиума Верховного Совета СССР «За победу над Германией», «XXX лет Советской Армии», «За боевые заслуги». А всего у него 11 медалей и орден «Отечественной войны II степени». Конечно, наше поколение не получало таких высоких наград, так как мы родились в послевоенное время и война для нас стала только историей. Тем более мы могли гордиться этим человеком, нашим учителем и руководителем, заведующим кафедрой, у которого за плечами не только прекрасное образование, но и опыт сражений на самых опасных участках жизни.

А опыт преподавательской работы? Он исчисляется с 1949 г., сначала в Военном институте иностранных языков, где он заканчивает адъюнктуру и защищает кандидатскую диссертацию, а в 1956 г. приходит на работу в МГИМО, и это становится его судьбой на долгие годы. В 1961 г. он получает звание доцента и с 1964 г. возглавляет нашу кафедру. Название кафедры менялось, как и менялась сама жизнь. Тогда она была кафедрой языков стран народной демократии, в 1970-х гг. – кафедрой языков социалистических стран Европы, а теперь – языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Но в течение двух десятилетий бесменным оставался Владимир Сергеевич, чуткий и внимательный, отзывчивый и требовательный руководитель. Его можно по праву назвать одним из основателей советской школы преподавания венгерского языка. Его перу принадлежит учебник венгерского языка, по которому обучались все специалисты бывшего СССР, учебные пособия по военному переводу, многочисленные статьи по теории и практике преподавания иностранных языков, переводы и рефераты общим объемом свыше 100 печатных листов.

Человек чрезвычайно разносторонний, он известен нам также и как писатель, и журналист. Он опубликовал немало фантастических рассказов и новелл. И при этом оставался доступным для общения, скромным человеком, даже печатался под псевдонимом Валерий Алексеев. В 1995 г. вышел в свет сборник его рассказов «Марсианка на Тверской». «Я жил на Тверской, в доме на Советской площади, на одном этаже с Марсианкой...» – именно так первоначально хотел назвать свою книгу Владимир Сергеевич. Она знакомит читателей с невероятными событиями, которые произошли в Москве и в космосе, в ней отражен быт довоенной и послевоенной Москвы, города, лучше которого, по мнению автора, москвича, нет на свете.

Многим молодым специалистам Владимир Сергеевич дал путевку в жизнь, обучил их не только венгерскому языку, но и передал им свой богатый жизненный опыт, привил им такие высокие человеческие качества, как честность, порядочность, верность слову и делу. Они работают в разных уголках ближнего и дальнего зарубежья. И если они сейчас читают эти строки, то с благодарностью и любовью вспоминают уроки венгерского языка в МГИМО с В.С. Ивановым. Его энергия, усилия и знания остались с ними на всю жизнь и помогли им достичь тех рубежей, о которых они мечтали.

И конечно мы, его коллеги, кому посчастливилось прожить часть своей жизни рядом с Владимиром Сергеевичем, а также преподаватели, которые пришли на нашу кафедру позже, всегда будут помнить, что у истоков ее стоял человек огромной души и большого обаяния, отличный семьянин, который воспитал троих детей: Нину, Сергея и Алексея, замечательных специалистов, достойных своего отца. В этом, видимо, и состоит связь поколений, и человек всегда жив, пока живут его дела, знания, традиции и идеи.

Davletshina N. V. When years aren't imperious ...

Ю.Н. ХАЛИУЛЛИН: ДИПЛОМАТ, УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ

А.А. Ахтамзян

Юлдуз Нуриевич Халиуллин – востоковед по образованию, дипломат по профессии. Родился в 1936 г. в деревне Иске Кызыл Яр Агрызского района Татарстана, в семье крестьян. Окончил МГИМО МИД СССР (1964) и Дипломатическую академию МИД СССР (1978), а также аспирантуру той же академии, где он успешно защитил диссертацию на тему «Экономическая дипломатия Пакистана» (1980). В 1999 г. Ю.Н. Халиуллин был избран членом-корреспондентом Международной экономической академии Евразии (МЭАЕ).

«Путь, приведший меня в Министерство иностранных дел, которое во всем мире считается одним из элитных государственных истеблишментов, был довольно заковыристым», – пишет он в одной из своих книг. Ю.Н. Халиуллин окончил с отличием татарскую семилетнюю школу и в 1951 г. поступил в Казанский механико-технологический техникум. Молодой электромеханик был направлен на камвольно-суконный комбинат в Краснодаре. Однако вскоре был призван в ряды Вооруженных сил, где освоил специальность радиомеханика. По демобилизации хотел поступить в Казанский авиационный институт, по пути заехал в Москву и подал заявление в Институт международных отношений МИД СССР и выдержал конкурсные экзамены.

За годы учебы освоил индийские языки – урду, хинди, а также английский язык, специализировался по странам Южной Азии. Проявил способности к научной работе и был принят в очную аспирантуру по кафедре государственного права зарубежных стран МГИМО, но вскоре МИД СССР направил молодого специалиста на работу в посольство в Индонезии. С этого момента Ю.Н. Халиуллин около сорока лет находился на дипломатической службе МИД СССР, а затем МИД новой России. Он в общей сложности проработал около 20 лет в дипломатических

представительствах нашей страны в Индонезии и Пакистане, в Румынии и Бангладеш, в Непале и Шри-Ланке, а также в Киргизии и Казахстане.

Судьба так распорядилась, что в 1991 г. в период серьезных потрясений и испытаний для нашей страны, приведших к распаду советского государства, он оказался на посту Временного Поверенного в делах СССР в Королевстве Непал. «Мне пришлось с болью в сердце, – пишет он в своей книге, – наблюдать с «крыши мира» этот трагический процесс – исчезновение некогда могущественного СССР с политической карты мира. Не просто наблюдать, а по возможности

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

разъяснять суть происходящих событий руководителям Непала и влиятельным политическим деятелям страны пребывания. Причем разъяснять с таких позиций, чтобы не оттолкнуть Непал от нас, не допустить ухудшения двусторонних отношений, сохранить их дружественный характер, накопленный десятилетиями сотрудничества».

В тревожные дни 19–21 августа 1991 г. он трижды встречался с тогдашним премьер-министром Непала Г.П. Койралой, с которым ему удалось установить дружественные, доверительные отношения. Об этом он вновь вспомнил спустя 15 лет, открывая 25 июля 2006 г. торжественное собрание, посвященное 50-летию установления дипломатических отношений в посольстве Непала в Москве. Он – вице-президент Ассоциации российского общества по культурным связям с Непалом. И повод был символичным: 84-летний Г.П. Койрала вновь был призван возглавить непальское правительство в период острого политического кризиса в стране.

Во время работы в Казахстане Ю.Н.Халиуллин написал и опубликовал книгу «Восток глазами дипломата» (Алма-Ата, 1999 г.), в которой обобщил свой многолетний дипломатический опыт. Вторая часть книги под тем же названием была издана в Казани (2001 г.), где освещаются различные аспекты дипломатической службы и российской внешней политики. Рассказ очевидца о политических событиях удачно сочетается с описанием восточной экзотики: джунгли Калимантана, непальские Гималаи, пальмы Шри-Ланки и resorts Мальдивского архипелага.

В своих книгах он с любовью описывает тех людей, с которыми его сталкивала судьба. Среди них – президент Индонезии Сукарно и премьер-министр Пакистана Бхутто, президент Мальдивов Гаям и премьер-министр Непала Койрала, академик Гольдманский и востоковед Ю.Н. Рерих. Его книги плотно насыщены малоизвестными материалами о подготовке дипломатов и об особенностях дипломатической службы, о министрах иностранных дел СССР и РФ, о семейных кланах восточных стран. Все это, по существу, впервые в печати.

Мое внимание привлекло, в частности, точное описание трудностей, испытываемых дипломатами в течение всей работы. В такой откровенной формулировке этого сюжета у других дипломатов я не встречал. Приведу этот абзац целиком, что дает четкое представление о нелегкой жизни на чужбине, в том числе такой категории лиц, как дипломаты. «Когда дипломаты находятся за рубежом, они как бы живут в двух-трех измерениях: жизнью своей страны среди своих сограждан; жизнью страны пребывания, подчиняясь ее обычаям и традициям; и, наконец, жизнью дипломатического корпуса, куда входят представители многих стран. Следовательно, так или иначе, дипломат находится под пристальным наблюдением различных спецслужб – «своих», «чужих» и «совсем чужих». Любые нарушения и

отклонения от норм такой многослойной жизни могут быстро и навсегда отлучить дипломата от работы в этой специфической сфере. Многие не выдерживают такой прессинг, и те, которые остаются в строю, должны подчиняться этим строгим требованиям в течение всей служебной деятельности. Нередко они не могут полностью адаптироваться к нормальной жизни и после отставки с дипломатической службы. К такой категории, возможно, отношусь и я».

Но должен сказать, что после выхода в отставку с государственной службы Ю.Н. Халиуллин не растерялся и быстро подключился в сферу публицистики. Он, как член-корреспондент МЭАЕ, в 2002–2012 гг. принимал участие на различных международных конференциях, состоявшихся в Москве и Казани, Тегеране и Лондоне. Опубликовал ряд статей по внешней политике Индонезии и Пакистана, Киргизии и Казахстана. За последние 5–6 лет им опубликовано около сотни статей на русском и татарском, английском и немецком языках в таких престижных журналах, как *Persona*, «Татарстан», «Казань», «Казан утлары», «Идел». В них отражаются оценочные высказывания и взгляды автора по многим затронутым вопросам – от переводов современной татарской поэзии на английский язык до актуальных проблем ядерной физики и экологии Мирового океана.

Среди наиболее интересных и необычных публикаций Ю.Н.Халиуллина я бы назвал его политические и документальные эссе о трех выдающихся личностях XX в.:

- о Бурхан Шахиди – китайском государственном деятеле татарского происхождения;
- о пакистанском ученом Абдус Саламе – лауреате Нобелевской премии по физике;
- о Джеймсе Джойсе – ирландском писателе, лидере европейского и мирового модернизма истекшего века.

Все это, так или иначе, связано с различными этапами дипломатической и публицистической деятельности автора в различных точках планеты – в Пекине и Алма-Ате, в Лахоре и Лондоне, в Москве и Триесте. И, естественно, отражает широкий круг интересов и связей автора, диапазон его размышлений вокруг многосложных проблем окружающего мира. Недавно Юлдуз Нуриевич приятно удивил своих друзей – он с головой окунулся в совершенно незнакомую сферу науки и писательского труда. Углубился в квантовую физику и стал изучать «жизнь» элементарных частиц и законы их взаимодействия. И сочинил удивительные строки, которые я, историк, прочитал с большим удовольствием, как будто вместе с автором вошел в изумительный уголок вероятностного мира в глубинах материи.

Вот как описывает этот невидимый мир квантовой физики бывший карьерный дипломат, не физик, не историк науки, а просто необузданный писатель. «Невидимый атом состоит из сотен частиц, связанных между собой законами

взаимодействия. Одних нейтрино имеется полдюжины видов. Семейство мезонов достигает почти десяти: два мю-мезона, три пи-мезона, четыре К-мезона. Большая семья нуклонов и целые выводки тяжелых частиц, очаровательные и странные кварки пяти-шести «ароматов» из трех различных цветов – красного, зеленого и синего, гипероны различных оттенков и т.д. Для обозначения их имен греческого алфавита давно уже не хватает».

Здорово, красиво и даже почти понятно и для меня, неспециалиста. Но как все это сочно описывается! Я привел выдержки из его последней книги, которую он написал за полгода и издал летом 2006 г. в одном из московских издательств. Более того, презентация книги состоялась в четырех городах, удаленных друг от друга на несколько тысяч километров, – в Лондоне и Дубне (в Объединенном институте ядерных исследований), в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Книга представляет собой первый на русском языке научно-популярный очерк о жизни и творчестве выдающегося мусульманского ученого, лауреата Нобелевской премии Абдус Салама (1926–1996). Один из создателей современной «стандартной модели» структуры атома, профессор Лондонского университета Абдус Салам, вошел в мировую науку как крупный исследователь законов взаимодействия элементарных ядерных частиц. Он был основателем и в течение тридцати лет бессменным руководителем уникального Международного научного центра теоретической физики в Триесте (Италия), носящего ныне его имя. Через учебные залы этого центра прошли 100 000 молодых ученых из 100 стран мира, главным образом из развивающихся стран.

Юлдуз Нуриевич Халиуллин написал книгу очень быстро (за несколько месяцев), но преданительно посвятил много времени изучению биографии и научного наследия ученого, в том числе не только по книгам и монографиям, опубликованным на европейских и восточных языках. Он сумел разыскать близких родственников ученого, проживающих в Англии, посетил Кембриджский университет, где ученый начинал свой путь к вершинам науки и наконец побывал в Триесте – в МЦТФ имени Абдус Салама. Это, естественно, внесло заметную теплоту в повествование.

Как отмечает в предисловии к книге доктор физико-математических наук, академик Н.Н. Боголюбов, с отцом которого Абдус Салам поддерживал творческие связи, «автору удалось не только передать тональность стиля Нобелевской лекции Абдус Салама, но и изложить ее содержание в популярной форме, без особых научных потерь, избегая при этом математических формул и спецтерминологии». Далее академик Боголюбов подчеркивает, что «удачная структура книги, насыщенная богатым фактическим материалом, четкий стиль изложения с поэтическими «вкраплениями» заметно украшают это

серьезное исследование». Это большой успех «молодого» автора по проблемам квантовой физики и взаимодействия элементарных ядерных частиц, – подчеркивает профессор Боголюбов.

Все три издания его документальной книги о лауреате Нобелевской премии Абдус Саламе, вышедшие в 2007–2010 гг. в Москве, Казани и Дубне на русском и английском языках, получили положительный отклик среди научной общественности. В августе 2011 г. состоялась презентация английской версии книги в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. В частности, академик РАН Рашид Сюняев заявил в этой связи, что «Абдус Салам является громадной величиной мировой науки второй половины XX века».

В конце 2011 г. в Москве в издательстве «ИИКИЭ Эльф-3» вышла седьмая за последние десять лет книга Ю.Н.Халиуллина «Мир вокруг нас (научные записки дипломата)». Книга содержит научно-популярные очерки, опубликованные в 2008–2011 гг. в российской печати, главным образом в научном приложении Независимой газеты «НГ – Наука», по различным аспектам современной науки: микромира и макрокосмоса, геополитических и экономических проблем Арктики, триады Мирового океана (ресурсов, климата и геополитики).

В ней освещены также вопросы межкультурного диалога, актуальные проблемы восточных цивилизаций, в частности мусульманской и китайской, а также проблемы перевода древнетюркской и татарской поэзии на английский язык. Интерес представляет также документальные сюжеты из дипломатической работы автора в таких экзотических странах, как Индонезия, Пакистан, Непал, Шри-Ланка и Мальдивы. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами современной науки. Вот что пишет в своем предисловии к книге Ю.Н. Халиуллина президент Академии наук Татарстана, вице-президент Международной исламской академии наук профессор А.М. Мазгаров: «Я с большим интересом прочитал рукопись этой добротной книги, посвященной популяризации науки и творчества выдающихся мусульманских и татарских ученых. Необычна и сама структура книги, состоящая из шести блоков, каждый из которых имеет свой отличительный сюжет, затрагивающий актуальные проблемы по самой разнообразной тематике: микромир и макрокосмос, исследование Мирового океана, древний и современный Восток, мусульманский и татарский мир, поэзия перевода и т.д. Казалось бы, что они почти несовместимы для изложения в пределах одной книги. Но нет, такие скачки и неожиданные переходы отнюдь не мешают восприятию размышлений автора. Более того, создается впечатление, что автор нарочито толкает читателя к поискам связывающей нити многофакторных проблем и иллюзий».

Любопытно, что в качестве «Введения» к книге автор приводит свое интервью казан-

скому журналу «Татарстан», опубликованное в октябре 2006 г., в год его 70-летия, где четко излагается его позиция и взгляды на актуальные проблемы современных международных отношений.

«— Юлдуз Нуриевич, почти полвека Ваша работа так или иначе была связана с решением проблем внешней политики и международных отношений, причем главным образом в практической сфере в различных точках планеты — от Джакарты до Бухареста. Нашим читателям было бы интересно узнать Ваше мнение о тех кардинальных изменениях, что произошли на планете, на пороге третьего тысячелетия, о сегодняшнем мировом соотношении сил.

— С точки зрения распределения людских ресурсов — главного богатства любого государства — современная международная система не имеет аналогов в мировой истории. Она крайне разобщена и отличается чрезвычайной неравномерностью. Судите сами: из двухсот государств, составляющих международное сообщество, население 95 стран не достигает даже 10 миллионов человек. По существу, половина стран — членов ООН представляет собою мини-государства, не способные самостоятельно обеспечивать свою политическую и экономическую безопасность, гуманитарные права и культурное наследие.

В то же время рядом такие азиатские гиганты, как Китай (1,3 млрд человек) и Индия (1 млрд человек). Это означает, что каждый пятый человек на Земле — китаец, а каждый шестой — гражданин Индии. Обе эти страны входят в первую десятку промышленных держав и обладают ракетно-ядерным оружием.

Возьмем другой важнейший параметр — экономический потенциал. По оценкам экспертов Всемирного банка, в начале XXI века (точнее, в 2001 г.) совокупный внутренний валовой продукт (ВВП) всех стран мира составил примерно 50 триллионов долларов. Из них 30 триллионов долларов, то есть 60% мировой экономики, приходится на десять ведущих стран в такой последовательности: США — 10 трлн долл., Китай — 5 трлн долл., Япония — 3,5 трлн долл., далее Германия и Индия — по 2 трлн долл., затем еще пять стран — Франция, Италия, Англия, Россия и Бразилия (с ВВП порядка 1–1,5 трлн долл.).

Нетрудно вычислить, что совокупный объем ВВП трех стран — США, Китая и Японии — равняется совокупному объему ВВП остальных 200 стран, не вошедших в упомянутую первую десятку. По этим данным можно судить и о военно-политическом потенциале ведущих стран мира. Единственное исключение в этом смысле, пожалуй, составляет Россия, которая по своему военному потенциалу продолжает числиться на втором месте после США благодаря запасам ядерного оружия.

— А каковы, на Ваш взгляд, перспективы, скажем, на середину XXI в.? Какие державы будут играть ключевую роль в мировых делах?

— Трудно делать прогнозы на столь отдаленное время. Насколько мне известно, ведущие геополитики мира сходятся на том, что на протяжении XXI в. главными действующими субъектами на мировой арене будут США, Объединенная Европа, Китай, Россия, Индия, Япония и исламский мир, которые, в сущности, и представляют ведущие мировые цивилизации: христианство, ислам, конфуцианство, индуизм и буддизм.

— Несколько слов о глобализации. Что она нам сулит?

— Глобализация — это прежде всего создание информационного общества. Информационно-коммуникационные технологии являются ее локомотивом и нервом. ИКТ — самая динамичная отрасль мировой экономики, в 2005 г. ею было произведено продукции на сумму 20 трлн долл.. Основные создатели и потребители этой высокой технологии пока США, ЕС, Япония и частично Восточная Азия. И очень скоро, лет через десять, к ним присоединится Китай, который будет производить почти половину этой продукции.

— Каким Вам видится будущее Евразии?

— Этот континент занимает осевое положение в геополитической плоскости современного мира. Здесь живет 75% населения планеты, на долю Евразии приходится 60% мирового валового продукта. Существенно и то, что в ее азиатской части сосредоточено 70% известных мировых энергетических запасов. А это означает, что «золотой миллиард» развитых стран в значительной мере зависит от «энергетической подпитки» — поставок нефти и газа из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока. Азиатская часть Евразии и без европейского компонента постепенно выдвигается на передний план мировой экономики, и опять главную роль здесь играют Китай и Индия. По прогнозам экспертов ООН, к 2020 г. Китай может догнать США по общему объему ВВП и превратиться в новую сверхдержаву, сопоставимую по своим возможностям с США. Пока никто не знает, в каком направлении и как Китай использует растущую мощь единственного в мире суперэтноса.

В ближайшее десятилетие Индия тоже приблизится к статусу сверхдержавы и станет крупным центром мировой экономики, способным соперничать с Китаем и Японией на всем протяжении Индийского океана, омывающего берега четырех континентов. К тому же в середине XXI в. Индия обгонит Китай по людским ресурсам и станет самой населенной страной в мире (более 1,5 млрд человек). Геополитики говорят о своеобразном ренессансе азиатской цивилизации, а политологами давно выдвинут тезис о том, что XXI в. станет азиатско-тихоокеанским веком.

— Каково место исламского мира в этом политическом калейдоскопе будущего?

— Огромный исламский мир, который американские политологи и русские радикалы на-

зывают «наследниками алифатской империи», становится важным фактором азиатской и мировой политики. Общая численность исповедующих ислам превысила миллиард человек, то есть каждый шестой человек на Земле является мусульманином. По территориальной распространённости и охвату различных рас и наций ислам сопоставим лишь с христианством. Ни одна другая религия не развивалась такими бурными темпами, непрерывно расширяя свой географический ареал.

К сожалению, исламский мир, хотя и представляет собой единую цивилизацию, вступает в третье тысячелетие разорванным на крупные «островки», раздираемые политическими, экономическими, этническими и другими противоречиями, нередко подогреваемыми извне. Международные организации мусульманских стран – ОИК и Лига арабских стран – пока не играют существенной роли при решении узловых международных проблем, в том числе касающихся развития самих мусульманских стран. Некоторую надежду питает то, что в последние годы в мусульманском мире активизировались поиски новых геополитических устремлений и лидеров, способных возглавить исламский мир в условиях глобальных претензий сверхдержавы.

– В последнее время много разговоров вокруг возможного столкновения двух мировых цивилизаций – мусульманской и христианской. Насколько реальна эта опасность?

– Да, концепция столкновения цивилизаций в последние годы получила заметную распространённость на Земле, прежде всего в США. Суть ее заключается в том, что в постконфронтационную эру глобальная политика и международные отношения якобы приобретают межцивилизационную природу. Сторонники концепции внушают мировым лидерам, что «столкновение цивилизаций» неизбежно и уже в XXI в. оно может принять различные формы, в частности «пограничного столкновения» – на линии между цивилизациями и «осевого столкновения» – между крупными державами различных цивилизаций с привлечением союзников, то есть что-то наподобие третьей мировой войны.

При таком «межцивилизационном» раскладе сил в мире на первый план, естественно, выходят две крупнейшие современные цивилизации – христианская и мусульманская, которые, по мнению сторонников упомянутой концепции, в последние десятилетия постепенно теряют толерантность по отношению друг к другу. В этой связи хочу подчеркнуть, что вся история развития человечества, взаимопроникновения и взаимодействия разных цивилизаций как раз говорит о совершенно обратном – о мирном сосуществовании великих религий как на небольших территориях, так и на огромных пространствах. Поэтому речь нужно вести не о «столкновении цивилизаций», а о сотрудничестве между ними. События конца XX – начала XXI в. убедительно

подтверждают мысль о том, что человечество находится на начальной стадии принципиально иной цивилизации. Она будет отличаться от нынешней в неменьшей степени, чем постиндустриальная цивилизация – от предыдущего тысячелетия.

К великому сожалению, мир в эту цивилизацию вступает не всем семейством равномерно, а по частям и регионам и на различных уровнях развития. Если США и Япония являют собой прообраз и канун информационной цивилизации, то свыше сотни других стран весьма от нее далеки. И поэтому картина третьего тысячелетия будет выглядеть скорее как мозаика разнородных цивилизаций, цивилизаций разных уровней по всем параметрам политического и экономического, культурного и духовного развития. Определение ориентиров будущего в условиях обостряющихся глобальных проблем и угроз требует кардинального философского и политического переосмысления реалий во имя спасения мира новых цивилизационных измерений.

– Давайте затронем и тюркский мир, который нам значительно ближе. Какой из тюркских народов должен стать его лидером? По мнению некоторых татарских идеологов, эту роль на себя могут взять татары.

– Претендующий на политическое лидерство, как правило, не может его достичь. Когда кто-то притязает на главенство, все вокруг настораживаются. Если руководитель одной из среднеазиатских республик – будь то лидер Казахстана, Узбекистана или Туркменистана – говорит об особой роли своего государства, то в отношениях между странами Центральной Азии возникают трудности. Я это наблюдал и в Алма-Ате, и в Бишкеке, так сказать, с близкого расстояния. Гораздо лучше без всяких амбиций на лидерство двигаться вперед в области экономики, научного и культурного развития и стать примером для других. Мне нравится, как Финляндия помогает народам угро-финской группы в вопросах сохранения языковой и культурной среды, и я никогда не слышал о каких-то притязаниях на лидерство со стороны Хельсинки.

Тюрков всего 39 или 40 народностей. Среди них есть и такие малочисленные народы, культура которых на грани гибели, и если татары помогут им в сохранении культурных традиций, то они (татары) смогут на что-то претендовать. С другой стороны, нельзя забывать простую истину, что из 120 миллионов тюрков половина проживает в Турции. У этой страны относительно развитая экономика, полноценная государственность, ее амбиции вполне соответствуют возможностям. Но Анкара смотрит на Запад, вот уже более десяти лет стучится в двери общего европейского дома. Правда, пока там не торопятся их открывать.

– Как Вы относитесь к продолжающимся дискуссиям вокруг «татарского вопроса» в России?

– Меня коробят бесконечные, порою конфликтные споры между московскими и казанскими историками вокруг давно прошедших событий, которые, как правило, приводят лишь к ненужным политическим осложнениям. Многие европейские народы уже достигли определенного уровня взаимопонимания по самым болезненным аспектам новейшей истории – последствиям Второй мировой войны.

Любовь к татарским корням, к своей нации и мусульманским традициям не должна и не может лишать возможности чувствовать себя полноценным гражданином России и одновременно татарин по национальности, независимо от паспортных данных и от того, где ты живешь – в Москве или в Казани, в Тюмени или далеко за пределами России.

– Юлдуз Нуриевич, что должен предпринять татарский народ, чтобы как-то сохранить себя в условиях глобализации?

– Пытаться «загнать» молодежь в лоно родного языка общими призывами, к тому же без твердой поддержки семейного воспитания, – занятие бесперспективное. Отсутствие мотивации – главная причина деградации родного языка. Во-вторых, в современных условиях капиталистического развития даже блестящее среднее образование на татарском языке не дает никаких гарантий получения высшего технического образования, тем более в сфере новейших информационных технологий. Главное препятствие на этом пути – неразработанность сложной технической терминологии и отсутствие качественных вузовских учебников на татарском языке. Впрочем, такие же трудности испытывают почти все нерусские народы России и стран СНГ. А это означает, что в ближайшие десятилетия русский язык останется основным средством для получения высшего образования в постсоветском пространстве.

В-третьих, сегодня практически забыт опыт элитных татарских школ начала XX в., подготовивших костяк татарской и башкирской интеллигенции, уничтоженной в годы сталинских репрессий. В-четвертых, с уходом в мир иной выдающихся представителей татарской культуры второй половины XX в. (А. Еники, А. Каримуллин, М. Магдеев, А. Гилязов, М. Салимжанов, Р. Яхин и др.) высшая прослойка татарской интеллигенции начинает терять свои национальные ориентиры. Культурная жизнь едва теплится вокруг немногих великовозрастных деятелей (М. Закиев, Т. Миннуллин, М. Усманов и некоторые другие), которых можно перечислить по пальцам одной руки.

В-пятых, ажиотаж вокруг некоторых представителей татарской национальности, но не знающих татарского языка, создает совершенно обратный эффект, вроде: «да зачем он нужен, татарский язык, – вот же пример, как можно прекрасно обойтись и без него». В то же время крупные деятели российской науки татарской национальности, читающие лекции в университетах США и Германии, Англии и Франции,

зачастую остаются без должного внимания со стороны татарских средств массовой информации. Здесь уже действует другой, узконациональный принцип, дескать, а что они сделали для татарского народа?

И, наконец, последнее и, пожалуй, самое важное. Как ни печально, мы должны признать, что сегодняшний уровень татарской культуры не отвечает мировым стандартам, прежде всего требованиям современной глобальной и информационной цивилизации. Мы пока еще до конца не осознали, что революция в области микроэлектроники – революция не только технологическая, но и культурная. Это самое крупное и продвинутое явление нового столетия, которое вторгается во все сферы нашей жизни.

Не следует также забывать, что выход на арену мировой культуры для нас пока лежит через каналы русской культуры, освоением которой ни в коем случае не нужно пренебрегать и в будущем. И неудивительно, что талантливые представители татарского народа европейского и мирового уровня (Р. Сагдеев, Р. Сюняев, Р. Нигматуллин – в науке, Р. Нуриев, С. Губайдуллина, И. Мухаммедов – в искусстве) воспринимаются в мире прежде всего как носители русской, российской культуры.

Я убежден, что мы должны как можно скорее освободиться от ложного национального патриотизма, прежде всего ради сохранения татарского языка и определения реальных путей развития своей национальной культуры в условиях тотальной глобализации мировых процессов. Главное – не оказаться за бортом жесткой конкуренции национальных культур, как-то обозначить себя в этом бесконечном потоке общемировой информационной культуры – во многом бездуховной и интернациональной. Для этого, на мой взгляд, необходимо предпринять неординарные, нестандартные шаги в разных направлениях.

– Какова здесь роль национальной элиты?

– То, о чем я говорил, относится в первую очередь как раз к подготовке новой татарской элиты, способной впитать в себя требования XXI в. Перспективный лидер сегодня тот, кто способен наиболее полноценно и честно отражать символы времени, как технологические, так и социальные. И способен приумножить традиции и культурные богатства татарской нации в условиях невиданных инноваций – плодов компьютерной и информационной эры.

Будущая татарская элита (будьто политическая, экономическая или культурная), как мне представляется, должна быть многоязычной, свободно говорящей на трех языках – татарском, русском и английском. Где и как готовить «ростки» национальной элиты? Традиционная ставка на сельские и районные татарские школы в современных условиях малоперспективна. По уровню подготовки не выдерживают конкуренции со стороны русских гимназий и городские татарские школы, в том числе казанские. Оче-

видно, наиболее перспективный путь – создание элитных школ с преподаванием на трех языках: технические предметы – на русском, гуманитарные – на татарском и английском попеременно. Для преподавания в этих школах должны быть привлечены преподаватели вузов, сотрудники научных и государственных учреждений, имеющие склонность к педагогической деятельности. Конечно, для этого потребуются немалые инвестиции, но они окупятся с лихвой – ведь речь идет о сохранении национальной культуры, а в перспективе и самой нации.

У Татарстана имеются все возможности, чтобы создать в Казани отдельное элитное высшее учебное заведение (или довести до ума уже имеющееся) в целях подготовки национальных кадров широкого профиля как в гуманитарных, так и технических областях, с одновременным обучением на тех же трех языках. Вряд ли можно считать состоятельными попытки современных татарских идеологов обойти русскую культуру на путях выхода культуры татарской на европейскую арену. Нельзя также игнорировать потенциал славяно-тюркского сотрудничества в рамках российской государственности и евроазиатского пространства. Пока же идеологи татарского национального движения, к сожалению, проповедуют другие, весьма противоречивые лозунги.

Довольно эклектически, например, выглядят утверждения некоторых представителей официальных кругов Казани, с одной стороны,

о неразрывном единстве судьбы татарского народа с «тюркской и исламской цивилизацией», с другой – о близости татар к европейской цивилизации, поскольку по уровню образования и развитию экономики и, главное, по нормам поведения и мышления татары, дескать, ближе к Европе, чем к Востоку, стало быть им «тесно» в рамках формирующейся «евроазиатской цивилизации».

XXI в. диктует необходимость поиска новых демократических форм развития общественного сознания татар, отвечающих реальным задачам эпохи, политическим, экономическим и культурным запросам татарской нации в рамках глобализации всех форм человеческой деятельности. XXI в. не потерпит длительного топтания на месте, он требует от национальных лидеров принятия стратегических решений по сохранению татарской нации. Как ни печально признавать, но иногда мне кажется, что с уходом нынешнего поколения татарской интеллигенции, творящей пока по крайней мере в гуманитарной сфере на родном языке, татарская культура начнет быстро терять свои позиции на всем пространстве России и СНГ, не говоря уже о ее перспективах выдержать ожесточенную конкуренцию культур на мировой арене, где уже постепенно сдают свои позиции многие восточноевропейские культуры, в том числе и великая русская культура.»

Akhtamzyan A.A. Y.N. Khaliullin: Diplomat, Scientist, Writer.

О КНИГЕ «ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

Л.Г. Веденина

Языки и культуры. Составители: Г.И. Гладков, М.К. Огородов, И.Н. Цыбова, Е.Ю. Стрельцова. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Рос-сии М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2013. 274 с.

Книга представляет собой сборник научных статей в области языко-знания, лингво-культурологии, лингвострановедения, психолингвистики, переводоведения, искусствознания и лингводидактики, подготовленных к юбилею профессора МГИМО Л.Г. Ведениной. Она выполнена в традиционной европейской манере, сложившейся в XIX в., когда специалисты в области гуманитарных наук к юбилею кого-нибудь из своих коллег составляли книгу из своих статей на тему, которую они выбирали сами, и эта книга служила своеобразным приветствием юбиляру от лица научной общественности. И все же, отвлекаясь от гонорифической функции книги «Языки и культуры», попытаемся охарактеризовать ее научную значимость, рассмотрев эту работу в контексте исследований сегодняшнего дня. В книгу вошли 32 статьи на темы, поднятые в научном творчестве юбиляра.

Среди авторов – крупнейшие представители европейской науки:

А. Вальтер (Франция), Т. Акаматцу (Великобритания), А. Вейга (Испания), К. Доллеруп (Дания), В.Г. Костомаров (академик РАО), Т.М. Николаева (член-корреспондент РАН, глав-

ный редактор журнала «Вопросы языкознания»), 13 докторов наук, 12 кандидатов наук (из них 3 профессора). В авторском коллективе 7 представителей МГИМО. Статьи объединены в 7 тематических разделов.

Языковедение

Книга открывается статьей В.Г. Костомарова «Относительно норма-тивной регуляции языка». Автор касается острейшего вопроса современности – вопроса о сегодняшнем состоянии русского языка и проблемы его нормирования. Автор обращает внимание на то, что в регулятивной деятельности сегодня нельзя не учесть упомянутый сдвиг в отношении печатных и звучащих текстов. Книжная и разговорная разновидности языка явно сближаются. В звуковом общении все органичнее обретаются книжные элементы, а в печатной форме разговорные, что, естественно, сближает две разновидности языка. Мобильные телефоны и планшеты, блогосфера и социальные сети Интернета освободили и ту, и другую от жесткой привязки или к письменной, или к звучащей реализации. Естественно меняются сами представления о правильном языке и задачи регуляции.

Веденина Людмила Георгиевна – д.филол.н., профессор МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Характеризуя взаимоотношение самостийного развития языка и сознательного влияния на него людей, автор прибегает к теории взаимодействий, признающий такой их вид, как «союз всадника и коня». Отношения в этом союзе переплетаются: не то, что борются друг с другом, а просто, имея свою жизнь, свои интересы, считаются друг с другом, понимают силы, возможности, желания, цели, приемы друг друга и взаимно их почитают. Всадник может загнать свою лошадь, а конь в силах сбросить и затоптать всадника.

Утверждая свое право и способность воздействовать на язык, даже обязанность его регулировать во имя национально-государственного единства общества, ради образования, дисциплины и порядка в нем, люди обязаны знать и границы дозволяемого. Посягательство на всевластие в самостийных делах языка неизбежно ведут к беде.

В этом разделе помещены также две фундаментальные работы по фо-нологии – статья А.Н. Алексахина «Сингармонизм как универсальное средство обеспечения фонетической цельнооформленности слова в китайском языке (в сравнении с русским)» и статья профессора Университета британского города Лидс – Цутоми Акаматцу «Слог или морическая единица (на материале японского языка)?». Сопоставляя фонемную организацию слова в китайском и русском языках, А.Н.Алексахин показывает специфику цельнооформленности китайского слова, которая не находит отражения в графической форме. Избранный автором подход к анализу фонетической структуры слова дает возможность установить различия в произношении пекинского, мэйсянского и шанхайского диалектов и объединить случаи непонимания между говорящими на этих диалектах. Работа А.Н. Алексахина требует тонкого уха и большой тщательности, она имеет не только теоретическую, но и практическую ценность.

В работе Акаматцу речь идет о слоговой делении в японском звуковом потоке. Для обеспечения ясности изложения ученый предлагает разграничить термин морическая единица (*moraic unit*) и термин слог (*syllable*).

Профессор Минского государственного лингвистического университета А.Н.Степанова вышла за пределы традиционной сферы своих исследований (она является признанным авторитетом в области грамматической семантики) и предложила статью на тему «Эмоция и пунктуация». Автор предлагает оригинальную трактовку проблемы соотношения интонации и пунктуации во французском предложении.

Ленинградская (петербургская) филологическая школа со свойственной ей широтой эрудиции и тщательностью в анализе языкового материала представлена работой Л.А. Становой – заведующей кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Статья озаглавлена «К вопросу о разрушении старофранцузского именного склонения», она содержит анализ первых письменных свидетельств французского языка IX–XI вв. Автор

установил репертуар подлинных французских текстов (IX–XII вв.): 15 (29) строк «Кантилены о Св. Евлалии», 13 строк «Страсбургских Присяг», 129 четырехстрочных строф (516 строк) «Страстей Христовых» и 40 шестистрочных строф (240 строк) «Жития Св. Леодегария». В результате анализа этих текстов Л.А. Становая пришла к выводу о том, что «никакого собственно французского склонения не было, а были лишь медленно и постепенно исчезающие следы вульгарно-латинского склонения. Ориентация на разные скриптуральные нормы (аналогическую или этимологическую) оформления имени обусловила употребление разных графических форм в рукописях, что и создало иллюзию существования старофранцузского склонения».

Профессор университета г. Сантьяго де Компостела (Испания) Ахендро Вейга в статье «Глагольная форма *cantara* в современном испанском языке не только *preferito imperfect de subjuntivo*» показал, что форма *cantara* употребляется в испанском языке не только в случаях, зафиксированных в классических грамматиках. Автор выявляет нетрадиционные употребления этой формы в современном языке.

И еще одна работа, выполненная в классической манере. Это статья И.А. Цыбовой – профессора кафедры французского языка №1 МГИМО, инициатора создания данной книги. Статья озаглавлена «О взаимоотношении словообразования, грамматики и лексики в системе языка в процессе номинации и предикации». И.А. Цыбова показывает в этой статье, как в производном слове происходит образование нового концепта. Этот новый концепт, по мнению автора, возникает в результате взаимодействия смыслового содержания производящего слова и аффикса.

Следующие две работы содержат анализ дискурса определенного стилистического регистра. В статье А.В. Штанова, заведующего кафедрой языков Ближнего и Среднего Востока МГИМО «Лексико-семантическая дифференциация способов выражения актуальных смыслов» рассматриваются особенности турецкого политического дискурса. Автор использует контрастивный метод анализа, сопоставляя данные двух языков – турецкого и русского. Это позволяет создать яркую языковую картину общественной и политической жизни страны. А.В. Штанов отмечает следующие черты лингвокультурологического поля:

- отсутствие гендерной составляющей участников профессиональной деятельности;

- использование политических прозвищ: *Baba* («отец» – в отношении президента Турции Сулеймана (Демиреля), *Kiz* («дочка» – в отношении женщины премьер-министра Турции Тансу Гиллер), Ганди (в отношении лидера Народно-республиканской партии Кылычдароглу);

- использование элементов повседневной речи (анекдотов, шуток, на-меков).

Второе исследование в области лингвистической прагматики – статья профессора МГИМО

Н.И. Климовича «Концептуально-прагматическое измерение информационно-медийного дискурса» – содержит результаты изучения британских информационно-медийных текстов. Автора интересуют способы воздействия этих текстов на реципиента (он объединяет здесь три фактора: намерения автора текста, созданный материально-языковой конструкт и ситуацию-контекст). Н.И.Климович убедительно показывает, что многополярный информационно-медийный дискурс зачастую игнорирует объективное и рациональное предъявление информации и апеллирует к чувствам и эмоциям читателей. Знание структуры прагматического контекста информационного дискурса, способов его создания и закономерностей его восприятия позволяет читателю выявлять скрытые смыслы, противостоять ложному эмоциональному воздействию и выстраивать объективное в ценностном измерении отношение к предъявляемой информации.

Работа Л.П. Рыжовой, профессора романской филологии Московского государственного педагогического университета «Коммуникативно-функциональный аспект языковой нормы» возвращает нас в мир социально-языковой деятельности человека. Автор рассматривает языковую коммуникацию как процесс, организация которого осуществляется на основе принципов взаимодействия, кооперации и вежливости. Только соблюдение этих норм, по мнению Л.П. Рыжовой, обеспечивает условия для полноценного общения коммуникантов.

Раздел завершает статья Л.П. Сон, доцента кафедры лингвистики и перевода Российского государственного социального университета, известного исследователя языковых особенностей интернет-коммуникации («Язык интернет-коммуникации: проблема грамотности»). В центре внимания автора – орфографические особенности оформления визуального кода интернет-коммуникации. Автор анализирует смысловые функции нелингвистических символов, используемых в этой области, и приходит к выводу о том, что они выступают в роли дополнителей, а основную семантическую нагрузку в оформлении высказывания несут традиционные знаки письменного кода языка (орфография и пунктуация).

Психология и психолингвистика

Т.Г. Стефаненко, заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ, провела специальное исследование (контент-анализ) романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, чтобы показать особенности коммуникативного поведения носителей русской культуры («Читая Толстого: еще раз о русской улыбке»). Широко известен сложившийся стереотип, согласно которому русские по сравнению с другими не улыбаются. Автор стоит на иной точке зрения, выражая убежденность в широкой распространенности улыбок как невербального

поведения носителей русской культуры в XIX в., опираясь на богатство языковых средств для их описания.

Т.Г. Стефаненко предполагает, что улыбки ушли в первые годы существования Советского государства, а в 30-х гг. XX в. от них уже отвыкли. Эту гипотезу нетрудно оспорить, ибо XX век, по единодушному мнению культурологов, принес много горя всем народам (вспомним Германию, Японию), значительно сократив ресурсы, питающие позитивные эмоции человечества. Французский историк культуры Ж.Тораваль (Jean Thoraval) назвал ключевым словом XX в. «тревога» (*angoisse*), охарактеризовав таким образом состояние умов культураносной элиты этой эпохи. Дискуссионный характер статьи Т.Г. Стефаненко не умаляет значимости фактологических результатов исследования, призывает к размышлению и мобилизует творческий потенциал читателя.

Доцент МГИМО А.К. Перевозникова выступила со статьей «Концепт душа в русской ментальности». Основываясь на фразеологизмах русского языка, автор всесторонне описывает этот концепт (его семантический объем, особенности вербализации) и приходит к выводу о том, что душа в русской культуре представляет самостоятельную духовно-ментально-нравственную концептосферу.

Лингвокультурология

Читатель найдет в книге четыре лингвокультурологических исследования. Т.М. Николаева, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Вопросы языкознания», известный славист, имеющий работы в разных областях науки о языке (интонация, грамматика текста, лингвокультурология), в настоящий момент увлечена анализом текста с помощью так называемых «ключей» – выделенных смысловых вех текста, соотносением этих слов-ключей с фактами и явлениями жизни социума с последующим возвращением к концепции автора, проясняя и дополняя его авторские интенции. Предлагаемая автором статья «Когда происходит действие «Обретенного времени» Пруста?» является примером такого рода анализа: автор устанавливает, что действие романа Пруста происходит через десять лет после смерти писателя (1930–1938). Эти даты вычисляются по хронологическим привязкам (Дело Дрейфуса, Первая мировая война и т.д.), а также по сообщениям автора романа о событиях жизни его персонажей.

Кэй Доллеруп, почетный профессор Копенгагенского университета и действующий профессор Университета Шанхая, прислал статью, которая озаглавлена «Взаимосвязи между братьями Гримм и Г.Х. Андерсеном». Подробно описывая творчество немецких сказочников и творческий путь великого мастера сказки Г.Х. Андерсена, автор выявляет их огромную заслугу в организации сбора и изучения национального фольклора. В статье также обсуждается проблема возникновения жан-

ра сказки в европейской традиции. Истоки этого автор усматривает в сказках Ш. Перро и Якоба и Вильгельма Гримм. Расцвет жанра связывается с именем Ганса Христиана Андерсена и его сказками. Это были главным образом сказки для детей. Переводы с европейских языков стимулировали сбор датских легенд и историй.

Автор статьи «Символика и стилистические приемы испанского барокко» доцент МГУ Е.Ю. Стрельцова представляет свои наблюдения по поводу эстетических открытий испанского литературного барокко, оперируя в основном примерами из произведений Лопе де Вега и Кальдерона. Автор полемизирует с точкой зрения исследователей, считающих эпоху барокко эпохой упадка европейской культуры, «вырождением Возрождения». «Барокко – это галimatья, которая способна загнать в тупик самый изворотливый ум», – писал французский критик XVII в. Шарль Сорель. Е.Ю. Стрельцова считает, что это эстетическое направление обрело благодатную почву в Испании, достигло в испанской культуре вершин своего развития и обогатило европейскую культуру достижениями в области театра.

Доцент МГИМО Н.А. Успенская предложила лингвокультурологический анализ произведений египетской литературы: «Египетская деревня в произведениях писателей-реалистов середины XX в.». Автор статьи видит в египетской глубинке ядро национальной ментальности, которая в силах противостоять невзгодам индустриальной цивилизации вопреки пережитым социальным трансформациям. Египет является даром Нила. Чтобы выжить в условиях наступающей пустыни, изменить природные условия, египтянин должен был обратиться к сложному, не знающему перерывов и отдыха, коллективному труду. И именно коллективный человеческий труд в течение тысячелетий сделал Египет Египтом, история которого знала славу, процветание, богатство, обладание высшими достижениями науки, искусства и культуры, а также периоды упадка, отсталости и унижений.

Этнолингвистика

Этнолингвистика – это дисциплина, которая родилась в США, пришла в Европу в конце 60-х гг. XX в. и которую долго не признавали самостоятельной, сравнивая с летучей мышью – героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь, в зависимости от обстоятельств. Основанием служило отсутствие определенности в трактовке предмета науки и методики анализа. В 1970–1980 гг. появилось ряд работ (Б. Поттье, африканисты Э. Бонвини, Альварес Перейра, Ж. Калам-Гриоль), авторы которых пришли к заключению о том, что этнолингвистика должна «изучать речевую реальность данной конкретной группы» (этнознание + этнокоммуникация).

Для этнолингвиста важны «языковые употребления» (*usages, pratiques langagières*), трактуемые в их социальном, а не чисто линг-

вистическом аспекте (так называемая «микро-этнография коммуникации»). Важным течением этнолингвистики является изучение «картины мира» – исследования, посвященные отдельным семантическим группам (полям). Главной целью таких работ полагают описание цивилизации, чтобы сделать ее более доступной для последующего научного изучения либо чтобы сохранить следы исчезающей культуры. Таким образом, этнолингвистика сумела утвердиться в качестве самостоятельной области науки о языке. В настоящее время от нее отпочковались этнография речи, этносемантика и этнопоэтика (этнолингвистика устной культуры).

Авторы статьи «Ключевые концепты национального культурного мира» – крупнейшие специалисты в области изучения проблемы межкультурной коммуникации З.И. Кирнозе и В.Г. Зусман. Они живут и работают в Нижнем Новгороде, где и разработали оригинальную концепцию, основные положения которой изложили в своем выступлении на II Межвузовском семинаре «Лингвострановедение: методы анализа и технология обучения», который состоялся в МГИМО в июне 2004 г. Статья этих исследователей посвящена проблеме определения национального характера (авторы оперируют в основном данными немецкого языка). Исследование отличается добротностью и оригинальностью.

Анриэт Вальтер, почетный профессор Университета Верхней Бретани, член Высшего Совета по французскому языку, президент Международного общества функциональной лингвистики, прислала статью, название которой мы передали по-русски следующим образом: «Гастрономические термины в языках мира» (буквально это выражено иначе: «Гастрономический взгляд на языки мира»). Автор считает гастрономическую область богатым ресурсом для изучения культурного своеобразия народа, особенно подчеркивая значимость наблюдений над судьбой слов, заимствованных из других языков.

Французский гастрономический лексикон включает термины регио-нальные: провансальской кухни (*salade, bouillabaisse*), а также термины Гасконии, Беарна, Фландрии, Эльзаса. В гастрономический лексикон Франции вошли также названия блюд из Италии (*spaghetti, ravioli, macaroni*, мороженое *tutti frutti*), из Испании (*gaspago, paella, cacao, chocolat, tomate*), из Португалии (*marmalade, ananas*), из арабских стран (*sirop, sorbet, artichaut, abricot, café*) и всего несколько терминов немецких (*nouilles, quenelles*), венских (*croissant*), английских (*fast food, lunch, beefsteak*), турецких (*caviar*), русских (*blini, zakouski*), новозеландских (*kiwi*), китайских (*thé, ketchup*).

И опять гастрономический сюжет – но в другой трактовке. Речь пойдет о статье З.Е. Фоминой, заведующей кафедры иностранных языков Воронежского архитектурно-строительного института, озаглавленной «Номинации гедони-

стических реалий как знаки национального кода немецкоязычной и русской культур». Она ведет свои наблюдения в той же гастрономической области, что и А. Вальтер, но на другом материале – материале немецкой культуры, работая в «немецкой манере» – пытаюсь проникнуть в глубину изучаемого явления, обнаружить в нем универсальные и культурно-специфические характеристики, описать способы языковой репрезентации их смыслов. Объектом предложенного автором анализа является конфетно-шоколадный дискурс (оригинальный этнолингвистический способ поздравления), она выделяет в нем маркеры национальной культуры (Германии, Австрии, Швейцарии и России) и показывает своеобразие их языковой репрезентации.

Konfekt (от лат. изготовленный) означает «сладости». В европейских культурах названия сладостей стандартны: «Шарики Моцарта», «Сисси», «Рождественский Санта Клаус», «Пасхальный заяц». В России сладости имеют свое собственное имя. Они связаны с областью природы, искусства, литературы, мифологии, науки, космоса и др.: «Весна», «Осенний вечер», «Снежок», «Ивушка», «Барбарис», «Красный мак», «Белочка», «Гусиные лапки», «Балет», «Театральные», «Сказки А.С.Пушкина», «Ну-ка, отними!», «Винни-Пух», «Маскарад», «Школьные», «Аленка», «Он и она», «Огни Москвы», «Бригантина», «Полярная звезда», «Гвардейские», «Волейбол», «Девушка-мулатка», «Дочки-матери». В разнообразии названий русских сладостей автор видит выражение богатого воображения и эмоциональности носителей русской культуры.

Профессор МГЛУ К.Э. Нагаева озаглавила свою статью «Концепт Этикет (по материалам русских и французских словарей)». Исследование, проведенное автором, отличается огромное количество источников, в том числе труднодоступных, тщательность наблюдений и любовь к слову. Автор рассматривает французские лексемы *etiquette* и *cérémonial*, их сочетаемость и фразеологизмы, в состав которых входят эти слова. Затем К.Э. Нагаева обращается к эволюции концепта этикет, прослеживая его путь от обозначения наклейки, затем в XVII в. кодекса правил поведения при королевском дворе – переход в среду буржуазии (XVIII–XIX вв.) – упрощение в XX в. Интересны наблюдения экономических словарей о том, что «этикет играет особую роль в успехе предпринимательства».

Переводоведение

В раздел переводоведения вошли работы известных специалистов в этой области – В.И. Иовенко, В.И. Хайруллина и Н.В. Габдреевой. Заведующий кафедрой испанского языка МГИМО профессор В.А. Иовенко предложил статью «Метаморфозы мировидения». Автор анализирует испанско-русские языковые расхождения, обусловленные различиями мировидения носителей обеих культурных традиций, они порождают межъязыковой семантический

диссонанс, который приходится преодолевать переводчику. В.А. Иовенко приводит примеры яркой метафоричности испанского делового дискурса, которая не характерна для русского языка: исп. кровотечение нефти (*la hemorragia*) → русск. утечка нефти; исп. экономика в коме (*non sole del coma*) → русск. крайне тяжелое состояние экономики. Выводы автора: переводчик должен уметь принять, понять и передать отмеченные явления национальной аутентичности, при этом передать их так, чтобы избежать русифицированного перевода (при трансляции текста на испанский язык) или испанизированного перевода (при переводе на русский язык).

Заглавие статьи В.И. Хайруллина, заведующего кафедрой делового иностранного языка и перевода Института права Башкирского государственного университета, сформулировано в полемической тональности: «Автор и его переводчик: раб или соперник (об одном из переводов наиболее известного произведения английской литературы)?». Эта формулировка содержит аллюзию на известное высказывание В.А. Жуковского «Переводчик в прозе есть раб, в стихах – соперник». В.И. Хайруллин рассматривает один из переводов произведения Л. Кэрлла «Алиса в стране чудес», выполненный Набоковым в 1923 г.

Обзор мнений об идейно-философской значимости произведения приводит к выводу о том, что перед нами не книга для детей, а философское произведение, нацеленное на борьбу с хаосом и бессмысленностью мира, в котором мы живем. Автор показывает приемы, которыми пользуется переводчик – замена имени лица (Алиса → Аня), измерения расстояний (миля → верста), приемы экспликации, смягчения и др., делая вывод о том, что переводчик действовал как соавтор Кэрлла.

Н.В. Габдреева, заведующая кафедрой русского и татарского языков Казанского национального исследовательско-технического университета им. А.Н.Туполева, выступила с работой «Разновременные переводы французской литературы» (на французском языке). Будучи специалистом в области контактов языков разной структурной организации, Н.В. Габдреева излагает результаты своих наблюдений над переводами французских текстов XVIII – XX вв., среди которых произведения Вольтера, Монтескье, Бомарше, Руссо, Ф. Саган. Это было время, когда вырабатывался и отшлифовывался лексический фонд русского языка, поэтому мы находим внушительный список слов, пришедших в русский язык из французского; они выходят с пояснениями на русском языке: магазин – лавка, интриги – пронырства, физиогномист – лицегадатель. Наблюдения Н.В. Габдреевой – ценное свидетельство состояния русского языка в различные периоды его эволюции, они содержат подробное описание приемов освоения иноземных паремий, а также жизни французских слов в иноязычной среде.

Лингводидактика

В лингводидактический раздел вошли статья Е.И. Пассова («Методика иноязычного образования как наука») и статья О.К. Ильиной («Как научить тонкостям повествования?»). Е.И. Пассов – классик лингводидактической науки – представляет свою концепцию, провозгласившую методику иностранного образования наукой нового типа. Предметом этой научной дисциплины являются закономерности процесса иноязычного образования. Автор устанавливает связи методики с другими (смежными) областями знания – физиологией, психологией, филологией, культуроведением, педагогикой, мультимедиаведением, кибернетикой, философией, лингвистикой, историей, социологией. Е.И. Пассов подробно описывает четыре основных процесса иноязычного образования – познание, развитие, воспитание, учение, – сформулировав вывод о том, что методика – «это наука, порождающая генетический код образования».

Статья профессора О.К. Ильиной, заведующей кафедрой английского языка №3 МГИМО, имеет практическую направленность. Автор представляет педагогический прием – овладение стратегией жанра повествования. На примерах произведений английской литературы автор знакомит обучаемых с основными правилами построения текста – тема, развитие сюжета, связующие компоненты, отступления, императивы жанра (зрелищность или краткость). О.К. Ильина использует этот прием в своей педагогической практике.

Искусствоведение

Раздел включает четыре кратких эссе по проблемам архитектуры, драматургии, музыки и искусства костюма. Преподаватель МГИМО (кафедра романских языков) Н.Л. Самойлова описывает архитектурный ансамбль площади четырех фонтанов в Риме («О мифологических образах площади четырех фонтанов»). Это скульптурные фонтаны, украшающие углы зданий, сходящихся к маленькой площади под прямым углом. Они представляют собой разносюжетные композиции, центром которых являются полулежащие фигуры на фоне ниш-рельефов. Одна из этих ниш является одновременно частью боковой северо-западной стены церкви Санта-Карло. При внимательном рассмотрении скульптурных изображений, украшающих главный фасад церкви, и фонтанных скульптур контраст между их сюжетами и манерой исполнения может показаться неожиданным. Почему рядом с каноническими, строгими статуями святых непринужденно размещены фигуры, представляющие языческих божеств богинь и речных божеств? Автор пытается объяснить тематическую и стилевую разнородность средствами культурологического анализа.

Профессор Белорусской академии музыки И.Г. Веденин выступил со статьей «Инструменты и исполнительство в музыкальной культуре». На

примерах эволюции музыкального искусства он показал, что, с одной стороны, сама музыка обусловила эволюцию инструментария (Н. Паганини) и изменила условия музицирования, а с другой, – техника изготовления инструментов и искусство игры на них во многом стимулировали самые смелые творческие искания. Это указывает на системную взаимосвязь обеих парадигм в инструментоведении. Автор уделяет значительное внимание современным инструментам, в частности электронной скрипке. Если каждая классическая (акустическая) скрипка имела свой неповторимый голос благодаря таланту мастера, то голос электроскрипки зависит от исполнителя и звукорежиссера. Исполнитель с помощью напольных (ножных) педалей регулирует тембр звучания, динамику, создает многоголосную фактуру звучания, звукорежиссер регулирует динамику звучания на концертах. Электроскрипка имеет свой неповторимый звук, но так же, как и классическая (академическая) скрипка, требует высококачественных навыков игры. Так вырисовывается картина единого процесса приспособления скрипичного инструментария к новым запросам музыкально-исполнительской практики, к новым требованиям развивающегося исполнительского стиля.

Е.Ф. Овчаренко, руководитель Информационного центра «Канадская библиотека» факультета журналистики МГУ, является автором статьи «Эмма Альбани в России. Забытая страница русско-канадских культурных связей». В статье рассказывается об одной из первых страниц русско-канадских культурных связей, почти забытой в России, – гастрольях в Москве и Петербурге зимой 1873/74 и 1878/79 гг. канадской оперной певицы Эммы Альбани (Лаженесс), имевшей необыкновенный успех. В мемуарах канадской певицы есть «русская глава», которая является ценным историческим источником. В ней рассказывается о деятельности императорских театров, подчинявшихся министру Двора, о театральных нравах эпохи, подробно описывается пышная свадьба в Зимнем дворце единственной дочери Александра II, которая, по мнению Альбани, «сочетала в себе лучшее, что есть в западной цивилизации, с остатками варварской пышности восточной жизни».

Профессор Тульского государственного университета Г.В. Овчинникова представила свою работу на французском языке, она посвящена анализу творчества А. Макина – русского эмигранта, пишущего на французском языке, награжденного двумя престижными премиями – премией братьев Гонкур и премией Медичи (1995). Статья носит название «Театральная интеракция и ее особенности (о пьесе А. Макина «Мир по Габриэлю» «Le monde selon Gabriel»)), *Mistère de Noël*, 2007, 158 p. Пьеса Макина – спектакль карнавального стиля, в котором показаны актеры, готовящие и играющие телевизионный спектакль. Их речь гетерогенна, с вкраплениями цитат из Фрейда, Сартра, русских писателей

(Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов). Г.В. Овчинникова проводит тонкий лингвистический анализ оригинальных писательских приемов повествования, выявляя роль пласта русской культуры в построении произведения.

Искусство костюма представляет в своей статье Д.Ю. Ермилова, профессор кафедры художественного проектирования предметно-пространственной среды Российского государственного университета туризма и сервиса («История моды в произведениях Агаты Кристи»). Автора интересует культура повседневности эпохи от Первой мировой войны до начала 1970 гг. (это время революции в женской моде). В произведениях Агаты Кристи действуют персонажи, которые принадлежат всем социальным группам, поэтому литературное наследие можно считать своеобразной энциклопедией социально-статусных различий, выраженной в языке, манерах, одежде. Английский стиль требует сдержанности: любая экстравагантность в костюме оценивалась негативно. Нарушение правил могли себе позволить представители богемы. С началом Второй мировой войны принято носить поношенную одежду (даже король Георг IV носил свои старые костюмы). Эта особенность, продиктованная экономическими трудностями, переросла в привычку: у каждого британского джентльмена есть любимая вещь, которая носится годами, и чем явственнее на ней следы времени, тем ценнее они в глазах хозяина.

Рассмотрев содержание книги «Языки и культуры» хочется охарактеризовать ее значимость в современной жизни: на наш взгляд, книга представляет значительное научное событие как репрезентативный срез состояния лингвокультурологических исследований нашего времени. Постараемся аргументировать этот вывод:

– о репрезентативности рассмотренного материала свидетельствует широта охвата наблюдаемых фактов – многокультурье и многоязычие: в статьях рассмотрены факты и явления 11 язы-

ков и культур (китайской, японской, арабской, турецкой, французской, итальянской, испанской, немецкой, датской, английской, русской);

– тематическую организацию книги характеризует междисциплинарный подход: структуру книги образуют смежные концептуальные поля – лингвистика, архитектура, музыка, драматургия, история костюма; классическое языковедение, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, переводоведение, лингводидактика;

– в методологии исследований сосуществуют синхронный и диахронный анализы (см. статьи А. Вейги, Н.В. Габдреевой, Э.К. Нагаевой, Е.Ю. Стрельцовой, Д.Ю. Ермиловой, рассматривающие факты в исторической перспективе, а также исследования В.А. Иовенко, Н.И. Климовича, Л.П. Сон современного политического и интернетного дискурса);

– статьи, входящие в состав книги, носят проблемный характер: основной проблематикой, объединяющей работу, можно считать обсуждение вопросов, связанных с регулированием коммуникативного поведения представителей названных культурных традиций: нормирование языка; особенности функционирования языков в определенный период развития; выявление национально-культурного своеобразия речевого поведения носителей изучаемых языков;

– необходимо отметить также разнообразие исследовательских приемов при рассмотрении фонологического, лексического, грамматического языкового материала и культурологических фактов: дескриптивный, сопоставительный, концептуальный анализ, приемы контент-анализа, анализ ключевых слов.

В заключение юбиляр хочет выразить свою глубокую признательность всем участникам этого коллективного труда.

Vedenina L.G. About the book "Languages and cultures".

ВОЕННЫЙ ТУРЕЦКО- РУССКИЙ И РУССКО- ТУРЕЦКИЙ ПЕРЕВОД В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

А.С. Аврутина

В.А. Турецкий язык: учеб. пособие по общему курсу военного перевода: для студентов III курса: в 2 ч. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, воен.каф. М.: МГИМО-Университет, 2013.

Пособие Владимира Аваткова посвящено весьма важному для международных отношений аспекту: современному военному переводу. Пособие предназначено, как указано в аннотации, прежде всего для студентов военной кафедры второго года обучения по специальности «Лингвистическое обеспечение военной деятельности». Но можно с уверенностью утверждать, что оно будет полезно также для лиц, изучающих турецкий язык самостоятельно. Данное пособие является вторым в нашей стране учебным пособием (учебником) по военному переводу с 1970-х гг. (после учебного пособия С.А. Орлова Военный перевод. Турецкий язык. М., 1990) и едва ли не единственной работой, созданной по данной тематике в постсоветские годы.

Военный перевод имеет давнюю традицию в отечественной тюркологии. Само возникновение старейших востоковедных вузов, сама необходимость изучения восточных языков была неразрывно связана с военными нуждами Российской империи. Хотелось бы особо отметить своевременность появления данного пособия и его практическую важность. За последние десятилетия российско-турецкие отношения вышли на принципиально новый уровень. Политические и культурные связи России и Турции в результате торгово-экономического сотрудничества 1990-х и 2000-х гг. необыкновенно возросли, объем двусторонней торговли уже достиг 30 млрд и власти двух стран регулярно анонсируют, что в ближайшее время он достиг-

нет 100 млрд долларов. В контексте этих процессов государственные контакты разного уровня, в том числе и военных ведомств, играют первостепенную роль. Обучение студентов навыкам двустороннего, синхронного и последовательного военного перевода с турецкого и на турецкий язык, таким образом, приобретает особое значение.

Традиционные проблемы успешного освоения военного перевода в России были связаны с лексическими сложностями. Исследователям прекрасно известно, как стремительно развивается и меняется лексикон турецкого языка. Османский язык, в свое время находясь под влиянием двух основных языков мусульманской цивилизации – арабского и персидского, заимствовал так много слов, что они составили абсолютное большинство в его словаре. А в 1920-х гг. была поставлена задача: очистить турецкий от иноязычных заимствований и заменить их тюркскими эквивалентами. Традиция, как активно заимствовать лексику, так и активно создавать новые, искусственные единицы, сохранилась. Словарь турецкого языка в наши дни примерно на 30 % состоит из арабо-персидских заимствований, функционирующих в языке как самостоятельная подсистема, не подчиняясь тюркским фонологическим законам. В османский период количество таких заимствований достигало 80–90%, и пласт военной лексики почти полностью был представлен ими.

Кроме того, в наши дни некоторые технические новшества в угоду процессу глобализации

Аврутина Аполлинария – к.филол.н., доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литератур, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

часто именуются английскими терминами, автоматически копируемыми тем или иным языком, и когда в турецком языке постоянно изобретаются, искусственно создаются собственные, тюркские соответствия тем или иным техническим новинкам, именно пласт технической (военной) лексики обновляется быстрее всего.

Развитие турецкого языка в XX–XXI вв. таит в себе противоречие, двойственность: с одной стороны, турки в огромном количестве продолжают заимствовать иностранные слова, с другой – стремятся заменять их искусственно созданными тюркскими эквивалентами, что приводит к одному: любой словарь безнадежно устаревает в течение, как максимум, десяти лет. В последнее время различными издательствами было выпущено немало словарей различной тематики, однако словарей по военной тематике за прошедшие 20 лет почему-то выпущено не было. Кроме того, как в России, так и в Турции существует большое количество онлайн-словарей (толковых, двуязычных и моновязычных вики-словарей, составляемых пользователями), однако среди них почти не существует словарей, посвященных военной тематике. Более того, в онлайн-словарях военные термины подчас отсутствуют.

Появление новых типов оружия, новых технологий, новых типов двигателей – все это отражается в стремительном появлении новой военной лексики в турецком языке, не всегда своевременно фиксируемой нашими военными словарями, которых, кстати, довольно мало выпускалось в советские годы, а в постсоветские годы не выпускалось вообще. Рецензенту хотелось бы выразить надежду, что автор продолжит работу в данной области и примет участие в создании обновленного большого военного русско-турецкого и турецко-русского словаря, который отразил бы состояние турецкой военной терминологии XXI в.

Рецензируемое пособие состоит из двух частей. В первой части рассматриваются: структура вооруженных сил Турецкой Республики; комплектование вооруженных сил и порядок прохождения службы; мотопехотные войска; артиллерия; бронетанковые войска; инженерные войска. В первой части имеет три приложения: звание, устав о прохождении воинской службы, закон о военной службе.

Вторая часть представляет собой анализ лексики по тематике: войска связи; военно-воздушные силы; ПВО, ракетное оружие и космические войска; воздушно-десантные войска; военно-морские силы; оружие массового поражения (в том числе химическое оружие). В приложениях ко второй части приводится лексика по средствам военной связи, а также текст Конвенции Монтрё о режиме проливов.

Каждое пособие состоит из Предисловия (С. 5–6/ С. 5–7), основной части, которая представлена шестью разделами (С. 7 – 185/ С. 8 – 165), а также нескольких приложений (С. 186 – 242 /166– 201). Как видно из представленного описания списков-приложений, тематика данного пособия выходит далеко за рамки заявленной и охватывает не только

сферу военного перевода, но также сферу истории и политики (С. 287 – 308). Каждый раздел состоит из двух или более уроков. Уроки структурированы по модулям и включают в себя: текст на турецком языке для перевода со специальной лексикой, русско-турецкий словарь терминов, упражнения на закрепление материала.

Особым достоинством каждого урока в обеих частях является наличие специальных схем, которые помогают приобрести учащимся необходимые представления не только о военной лексике из той или иной области, но и представления о структуре той или иной системы: например, о компонентах системы связи ASELSAN (С. 21) либо о расположении тех или иных деталей самолета (С. 54). Наличие этих схем многократно повышает ценность пособия, поскольку дает минимальные технические знания, важные для успешного военного перевода.

Очевидно, что при составлении данного учебного пособия автор придерживался дидактических принципов преподавания, наработанных в результате преподавания данного курса студентам военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России.

Хотелось бы высказать и некоторые замечания:

По мнению рецензента, данному пособию не хватает краткого обзора созданной по военному переводу литературы, в частности упоминания изданных ранее военных словарей. Например, совершенно не упомянут устаревший, но весьма употребительный в свое время словарь П.С. Бочкарева (Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь. М., 1940).

Также представляется, что в приложениях полезной была бы не простая публикация текстов, а анализ некоторых особо трудных и особо употребительных выражений из этих текстов, а лучше было бы составить дополнительный словарь этих выражений, чтобы учащиеся могли использовать его при самостоятельной подготовке. В целом минимальное количество русской лексики в уроках несколько усложняет самостоятельную работу.

Несмотря на отмеченные недочеты, данное учебное пособие можно без преувеличения назвать новаторским, так как работ, посвященных анализу всех без исключения сфер военных технологий, сочетающих в себе как академизм, так и практическую ценность, ни в России, ни в Турции в условиях перенасыщенности массовой информацией, до сих пор создано не было. Широта тематики указывает на то, что автор владеет огромным материалом, который мог бы стать основой отдельного исследования. Как уже говорилось выше, пособие рассчитано на специалистов, однако им могут пользоваться и те, кто изучает турецкий язык самостоятельно. Подача материала позволяет эффективно использовать эту работу в университетском учебном процессе. Данное пособие является прекрасным образцом учебной литературы для студентов-тюркологов.

Avrutina S. Apollinaris Philology, Assistant professor of theory and methods of teaching languages and cultures of Asia and Africa SPSU.

КОНФЕРЕНЦИЯ «МАГИЯ ИННО: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ- МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

А.В. Галигузова

Международная научно-практическая конференция приуроченная к 70-летию факультета международных отношений, была организована кафедрой английского языка №1 МГИМО. Она стала крупным событием в научной жизни университета. В ней приняли участие двести десять докладчиков из более чем ста высших учебных заведений России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Работа конференции проходила в рамках пленарных и секционных заседаний, помимо которых состоялось шесть интерактивных семинаров, два круглых стола и один мастер-класс. Торжественное открытие конференции состоялось при участии ректора МГИМО академика РАН А.В. Торкунова, декана факультета международных отношений профессора Ю.А. Булатова и директора департамента коммуникации и Центра обучения иностранным языкам в Европейском колледже Анджелы О'Нил (Бельгия).

Представленные пленарные доклады традиционно очертили круг вопросов, более детальной разработке которых были посвящены секционные заседания, и задали тон всей конференции. Они были исключительно разнообразны по своей проблематике, но в каждом из них отражена попытка переосмыслить то или иное направление исследований и предугадать, как будет развиваться данная область науки в дальнейшем. Так, профессор Е.Б. Ястребова и доцент Д.А. Крячков (МГИМО) представили результаты исследования о восприятии преподавателями и студентами инноваций в обучении иностранным языкам. Они привели ряд аргументов в пользу того, что поступательное, но непрерывное движение по пути все большей интеграции традиционных методов обучения, обе-

спечивающих преемственность и устойчивость, и новейших технологий, способствующих развитию, является оптимальным.

Профессор МГЛУ Е.Г. Беляевская в своем докладе "Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков" подробно остановилась на проблеме языковой интерференции на разных уровнях и особо подчеркнула необходимость использования на практике результатов теоретических разработок.

Доклад профессора П. Гранди из Центра английского языка университета Дарема (Великобритания) был посвящен принципу оптимальности в неограйсовой прагматике и содержал описание ряда трудностей, с которыми могут столкнуться участники коммуникации на английском языке, для которых он не является родным.

Профессор Г. Хансен из Копенгагенской школы бизнеса обратилась к проблемам машинного перевода и редактирования текстов и пришла к выводу о том, что, несмотря на возрастающее взаимодействие человека и машины, говорить об исчезновении спроса на специалистов в области перевода пока преждевременно.

Профессор МГУ Е.Н. Соловова рассмотрела перспективы направления развития вузовской методики обучения иностранным языкам.

Профессор Х. Гарсия Лаборда (Университет Алькала, Испания) обзорно осветил современные подходы к преподаванию английского языка для специальных целей.

Профессор Дж. Лич из университета Ланкастера (Великобритания) представил анализ изменений, произошедших в грамматике английского языка за последние сто лет; причины последних, по его мнению, носят социальных характер.

Галигузова Анна Вадимовна – преподаватель кафедры английского языка МГИМО(У) МИД России.
 E-mail: vestnik@mgimo.ru

Работа в секции №1 "Электронное обучение" под руководством Г.И. Гладкова и Л.К. Раицкой объединила специалистов в области использования информационно-коммуникационных технологий в преподавании иностранных языков из России, Армении, Франции, Украины. В своих выступлениях участники осветили общие вопросы методического плана, от анализа уровня развития электронного обучения в России и за рубежом (Т.М. Шкапенко) и проблемы необходимости формирования профессиональной, коммуникационной и других компетенций студентов в условиях изменяющегося типа социализации молодежи (О.В. Львова, С.С. Хромов и др.) до организации учебного процесса при общей информатизации образования (С. Навасардян, Т.Р. Шаповалова) и использования методики смешанного обучения.

При этом были рассмотрены как вопросы создания учебников "нового поколения" и модернизации имеющихся учебников по иностранному языку с помощью электронных ресурсов (М.С. Коган, В.В. Шубин и др.), так и возможности использования информационной системы в процессе повышения качества оценивания в высшем образовании (А.А. Коренев), а также повышения мотивации студентов с помощью ИКТ (А.В. Галигузова) и снижения лингвистической тревожности студентов (А.И. Снина).

Значительная часть докладов была посвящена узкоспециальным вопросам, а именно использованию конкретных информационно-коммуникационных технологий в образовании, таких, как веб-квесты (Е.Н. Багузина, О.Г. Плехова), интерактивные платформы (В.В. Косов), XML и мультимедиа (А.М. Гон), социальные сети (А. Лосева), подкасты (Г.Г. Артюшина, В.В. Санина), блоги (У.М. Прошина), сервис Linguamovies (Е.А. Костина), интернет-планшет (В.Н. Аристова), платформа Penzu (А.А. Алексеева), компьютерные игры (М.А. Нощенко). Затрагивались особенности обучения различным иностранным языкам (английскому, французскому, немецкому, китайскому) и вопросы преподавания разных аспектов (устной и письменной речи, письменного перевода) с помощью ИКТ (Е.В. Кремнёв, Н.С. Рыжук).

Вторая секция – "Иностранный язык для специальных целей", работавшая под руководством Х. Гарсия Лаборда, Е.В. Воеводы и А.А. Джигоевой, – сосредоточила свою работу над общими и частными вопросами формирования языковой и профессиональной компетенции специалистов международного профиля. Особое внимание специалисты из России, Эстонии, Чехии, Украины, Армении, Болгарии, Ирака, Белоруссии, Великобритании уделили необходимости компетентностно-ориентированного обучения иностранному языку, задачам интеграции предметных и языковых компетенций, ориентации на принцип междисциплинарности и гуманизации образования (Ю.В. Данюшина, И.А. Мазаева и др.).

Многие выступающие более подробно остановились на проблемах формирования определенных компетенций, в частности информацион-

ной, коммуникативной, лингвопрофессиональной, межкультурной, семиотической (А.М. Ионова, К. Косткова, М. Пишова и др.) или затронули вопросы подготовки специалистов в конкретных областях – дипломатии и международных отношениях, переводе, праве и юриспруденции, экономике, менеджменте, экологии, туризме, информатике, международном транспорте и логистике (Б. Аль-Гбури, Ж.С. Илиева, А.М. Ионова и др.).

Значительная часть исследований была посвящена конкретным методам и средствам формирования вышеуказанных компетенций, таким, как политическая дискуссия (Т.А. Таганова), драмопедагогика (Н.И. Джима), интернет-технологии (А.А. Карелина, Е.А. Короткова и др.), симулятивные методы, имитационное моделирование, ролевые игры (Н.В. Матвеева, Е.А. Меньш), использование корпусного текста (Е.М. Перцев) и др. Также получили освещение исторический, культурологический, технологический, лингводидактический, аксиологический аспекты обучения иноязычному общению (Э.В. Бушуева, А.А. Джигоева, Т.А. Перминова и др.). В нескольких докладах была затронута проблема профессиональной компетенции преподавателя вуза и описаны методы повышения академической и компьютерной грамотности (А. Алышахрани, А.И. Кременска).

Доклады третьей секции – "Лингводидактика" (руководители – Е.Н. Соловова, О.А. Кравцова) – по своей проблематике перекликались с докладами первых двух секций, в частности, были также затронуты вопросы формирования различных компетенций и необходимость их интеграции (О. Джовани, Н.И. Климович и др.). В основном, однако, участники секции, представлявшие университеты России, Греции, Словакии, Польши, Индии, Зимбабве, Бангладеш, Украины, Турции, Казахстана, сосредоточились на более общих вопросах обучения ИЯ, как-то: внедрение инновационных методик в преподавание и тестирование студентов (О.Л. Бессонова, Б. Лу и др.), активного использования информационных технологий в образовании (О.Ф. Стрельникова, И.О. Филиппова).

Многие докладчики остановились на конкретных педагогических методах и приемах. Ряд выступлений был посвящен вопросам обучения основным речевым навыкам: чтению (В.А. Демина, Е.С. Павлюк), аудированию, говорению (С. Сайгили, С.Д. Черпокова) и письму (Г.Л. Ефимова, Ш.В. Форкан и др.), а также инновационным методам преподавания перевода (А.В. Ананьина, Е.С. Милькевич и др.). Исследования, лежащие в основе представленных работ, проводились в рамках преподавания различных языков: русского (Б.Х. Исмагулова, И. Козера и др.), английского (Т.В. Гречушникова, Ч. Гитанджали и др.), французского (Е.Б. Александровская), хинди (И.А. Газиева) в языковых и неязыковых вузах.

Доклады, с которыми выступили участники секции №4 – «Лингвистические исследования» (руководители – П. Гранди, Дж. Лич) – отразили все разнообразие современных теорий в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также прак-

тические аспекты их использования. Значительная часть работ была выполнена в русле прагматических исследований, причем присутствовали как доклады обзорного характера (Ю.И. Плахотная), так и те, которые были посвящены рассмотрению узкоспециальных вопросов: способам обнаружения скрытой интенциональности в дискурсе (Н.А. Левковская), использованию мигитативной тактики в дипломатическом тексте (Д.А. Голованова), изучению роли индексных, иконических и остенсивных знаков в современном международном общении (С.В. Лихачев), манипулятивной инфографике (М.Р. Желтухина), идентификации речевого портрета дипломата (Г.Г. Матвеева), анализу образа женщины-политика в англоязычной прессе (Е.С. Пронина) и др.

Должное внимание было уделено изучению различных видов дискурса: медиадискурсу, бизнес-дискурсу, художественному, информационному, политическому дискурсу (Д.С. Лапенков, Н.Н. Цыцаркина и др.). Широкое освещение получили многие общие и частные вопросы когнитивной лингвистики (доклады Т.В. Алиевой, С.В. Киселевой и др.), грамматики (В.А. Ильина, С.И. Потапенко), лексикологии и лексикографии (Т.С. Росянова, А.В. Синелева и др.), фразеологии (В.С. Арутюнян, Л.К. Байрамова и др.), лингвострановедения и лингвокультурологии (А.П. Бекеева, Е.А. Татьянченко и др.), семиотики (Е.Ф. Косиченко), лингвистики текста (Д.А. Ефремова), словообразования (Е.А. Лукьянченко).

Работа в секции "Межкультурная коммуникация" под руководством Н.В. Барышникова и Т.М. Гуревич была направлена на обсуждение моделей эффективного межкультурного общения. Круг рассмотренных вопросов был не менее широк, чем в вышеописанных секциях: невербальная коммуникация (Г.М. Фадеева, А.В. Челнокова и др.), языковая картина мира (В.С. Соседова, Н.В. Фурашова), стереотипы (А.Э. Левицкий, В.Е. Смирнова), речевая агрессия (А.Г. Фомин), стратегии эффективной межкультурной коммуникации (Н.В. Барышников, Н.В. Дмитрюк и др.), национальная идентичность в условиях глобализации (И.Г. Рябцева, Т.И. Шевченко) и др. В работе секции принимали участие как представители российских вузов, так и коллеги из Казахстана, Бельгии, Украины, Белоруссии.

Шестая секция – "Переводоведение" (руководители – Е.В. Бреус, М.А. Чигашева) – ставила своей задачей обсудить ряд теоретических и практических аспектов перевода. В фокусе внимания исследователей находились такие вопросы, как эквивалентность и адекватность перевода (С.В. Власенко, О.А. Никитина и др.), перевод реалий (С.А. Маник), когнитивный подход к переводческой деятельности (Е.П. Савченко), особенности перевода политических, художественных, поэтических, деловых, научных, научно-технических текстов (Е.М. Литвинова, М. Милойкович и др.). Рассматривались различные языковые пары и обсуждалась специфика перевода с одного языка на другой (Р.Р. Алиев, И.Г. Жирова, С. Вальтер).

Интерактивные семинары, проведенные в рамках конференции, прекрасно дополнили работу в секциях и явились еще одной площадкой для открытых дискуссий. Был представлен ряд инновационных технологий в обучении иностранным языкам и переводу, например технология iTRANIUM Lingua (Д. Смирнов, НИТУ МИСиС), обсуждены принципы и концепции создания учебников иностранного языка нового поколения (в том числе электронных) (О.А. Кравцова, Д.Н. Новиков, МГИМО), а также обсуждены вопросы прагматики (на семинаре под руководством П. Гранди), юридического перевода (руководитель семинара – Б. Дефранк, Колледж Европы, Бельгия) и написания академических статей (А.М. Бёрк, Госдепартамент США).

Круглый стол «Использование инструментов корпусной лингвистики в разработке профессионально ориентированного курса иностранного языка» объединил специалистов из разных стран и проходил в формате видеоконференции. С сообщениями выступили профессор Г.И. Гладков (МГИМО), Г. Будин (Венский университет, Австрия), профессор И. Козлова (Автономный университет Барселона, Испания), А. Курадо Фуэнтес (Университет Экстремадуры, Испания), профессор Я. Крайка (Варшавский университет социальных и гуманитарных наук, Польша).

Круглый стол под руководством профессора Е.В. Бреуса «Организация и методика обучения переводу в вузах различного профиля» привлек внимание как активно практикующих преподавателей перевода, так и тех, кто только готовится попробовать свои силы в этой профессии. А мастер-класс профессора МГУ Л.А. Городецкой "Cambridge English for Universities" способствовал налаживанию контактов преподавателей вузов России и издательства Кембриджского университета.

Организация конференции получила самую высокую оценку, а ее успех был во многом обеспечен самоотверженной и слаженной работой членов оргкомитета, сотрудников кафедры английского языка №1 и других языковых кафедр МГИМО и волонтеров из числа студентов. Охват большого ряда вопросов, высокая теоретическая и практическая значимость исследований, на основе которых были подготовлены доклады, широкое международное участие и многообразие предложенных подходов к решению проблем в области перевода, методики преподавания, лингвистики, профессионально ориентированных курсов иностранного языка и межкультурной коммуникации сделали конференцию "Магия ИННО" значимым событием в жизни МГИМО. Участники конференции выразили надежду на то, что традиция проведения подобных конференций будет продолжена.

Galiguzova A. V. Conference "Magic of INNO: New Technologies in Language Preparation of Specialists Foreign Affairs" (on October 4-5, 2013).

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «К.Н. ЛЕОНТЬЕВ. ЗАПИСКИ И ДОНЕСЕНИЯ»

Н.В. Литвак

На совместном заседании кафедры философии и издательства «МГИМО-Университет» 31 мая 2013 г. прошла презентация книги «К.Н. Леонтьев. Записки и донесения» (вступительная статья академика РАН А. В. Торкунова, профессора К.М. Долгова). Открывая заседание, заведующий кафедрой философии А. В. Шестопал рассказал о том, как в ходе целого ряда встреч между представителями ведущих российских вузов, в том числе МГИМО и Дипломатической академии МИД РФ появилась и вызрела идея составления сборника депеш и других документов одного из интереснейших русских дипломатов – Константина Николаевича Леонтьева.

В основном докладе президент общественного фонда «Наследие Константина Леонтьева», заслуженный деятель науки России профессор К. М. Долгов напомнил основные вехи биографии Леонтьева: военно-медицинскую службу во время Крымской войны, дипломатическую карьеру, литературную и духовно-религиозную деятельность. Особое внимание он уделил тому, что еще в середине XIX в. этот российский философ выступил с развернутой аргументированной критикой концепций либерализма и демократии вообще, при том, что Европе еще только предстояло пережить их осуществление на практике. «Свободный ум, бескомпромиссный критик, глубоко думающий человек», Леонтьев в своих произведениях за 50–60 лет предсказал многие процессы, которые затем действительно развились в Европе, прежде всего будущие войны, которые в его трактовке предстают логическим результатом осуществления концепций либерально-эгалитарного «прогресса». Интересно, что и как

писатель Леонтьев также предвосхитил большое количество грядущих направлений европейской литературы, особенно импрессионистские и психологические романы. За огромное содействие по поиску и подготовке документов для настоящего сборника и работу над ним К.М. Долгов от имени всех присутствующих выразил большую благодарность руководству Историко-документального департамента МИД РФ, МГИМО и издательства МГИМО.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Ю.Е. Фокин представил Леонтьева в трех ипостасях: как успешного дипломата, который много знал и многое предвидел; как одного из интереснейших философов XX в., многие из идей которого актуальны и сегодня; и как верующего человека, глубоко размышлявшего о своей вере и жизни в целом. Работы и само имя Леонтьева, возвращенные из многолетнего небытия в то время, когда докладчик был ректором Дипломатической академии МИД России, оказались потрясающей удачей для академии, так как открыли богатые возможности для подготовки новых российских дипломатов посредством изучения леонтьевского опыта и наследия.

Директор Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол А.И. Кузнецов отметил в своем докладе, что значение выхода в свет подборки работ Леонтьева выходит за рамки раскрытия его личного таланта дипломата и писателя. Оно вносит вклад в развитие новой, почти нетронутой, но очень перспективной темы – связи и взаимовлияния русской дипломатии и всей русской культуры. Пока широко известны как дипломаты

в основном Пушкин, Грибоедов, Тютчев. Однако лишь по предварительным данным в отдельные десятилетия XIX в. до 15% российских дипломатов вели активную научную и культурную деятельность, публиковали сотни произведений по самому широкому кругу вопросов науки и, конечно, литературы. Поэтому выход сборника Леонтьева придаст новый импульс дальнейшим исследованиям такого рода.

Профессор А.Б. Зубов в своем выступлении показал, как ярко в творчестве Леонтьева проявилась особенность русской культуры, заключавшаяся в обращении к изучению прежде всего личностных аспектов творчества, а не организационных, структурных и прочих его компонентов. Русского ученого и писателя в первую очередь интересует личность, а не государство или другие институты. Обращаясь к достижениям крупных ученых и философов прошлого, необходимо понимание первостепенной важности высокого уровня культуры, как таковой, для процветания нации и ее движения вперед. То есть пример Леонтьева важен не столько его конкретным мировоззрением, сколько тем, как вообще высокообразованный и высококультурный человек действует и оказывает влияние на ход общественно-исторических событий.

В своем выступлении вице-президент общественного фонда «Наследие Константина Леонтьева» доцент К.А. Белова рассказала об основных результатах деятельности по сохранению и популяризации наследия Леонтьева. Усилиями Института русской литературы РАН («Пушкинский дом») с 2000 г. ведется подготовка и издание выполненного на высочайшем научном и художественном уровне Полного собрания сочинений и писем К.Н. Леонтьева в 12 томах, из которых 8 уже изданы. В 2006 г. торжественно, с участием в церемонии министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, на стене здания бывшего Российского императорского посольства в Константинополе (ныне Генконсульство России в Стамбуле), где работал Леонтьев, была установлена памятная доска. В 2011 г. удалось открыть мемориальную доску и на доме возле православного монастыря в Оптиной пустыни, где вышедший в отставку дипломат провел последние годы жизни и создал свои наиболее важные философско-богословские произведения.

Профессор В.С. Глаголев подчеркнул особую ясность языка Леонтьева, в том числе и в вышедших из-под его пера официальных дипломатических документах, которую можно вывести едва ли не от А.С. Пушкина. Эти депеши отличаются и предельная конкретность, и обилие очень точных характеристик, остроумных за-

мечаний и т.д. Очевидно, что в данном случае русский дипломат сумел удачно применить свой многогранный жизненный опыт военного врача и писателя.

Ст. преподаватель Н.В. Литвак отметил, что интересный, развитый, высокохудожественный язык донесений Леонтьева свидетельствует не только о литературном мастерстве его обладателя, но и о стремлении дополнить изложение сухих фактов ощущением ситуации в целом, пытаться почувствовать ее и выразить в том числе с помощью дополнительных литературных средств. С этой же целью он широко и умело заводил и использовал многочисленные контакты, помогавшие выяснять не только данные, но и настроения. Такая методология сбора и анализа информации, которую можно почерпнуть в изданных донесениях, представляет существенный практический интерес и для подготовки новых поколений российских дипломатов. Тем более что Леонтьеву удалось выявить и описать некоторые долгосрочные тенденции в регионе, в котором он служил, характеристики и подходы к которым, в частности отношениям между православными, католическими и исламскими конфессиями, связям с соотечественниками за рубежом, экономическому, культурному и политическому присутствию России на Востоке, актуальны и сегодня.

Директор издательства «МГИМО-Университет» Г.Р. Ручкин рассказал, что интерес в МГИМО к творчеству Леонтьева возник давно, и первый сборник его документов был подготовлен и издан еще в 2003 г. За истекшее время первоначальный вариант был полностью переработан, существенно расширен, в результате чего получилась во многом уникальная книга. Учитывая большой интерес, который она уже вызвала, а также перспективы ее использования в учебном процессе, издательство приступает к подготовке издания двухтомника, в который будут включены наиболее важные с точки зрения их использования в учебных целях труды Николая Константиновича из Полного собрания сочинений Н.К. Леонтьева в 12 томах.

Некоторые выступавшие отметили трудности с публикацией работ Леонтьева и о Леонтьеве в «классическом», бумажном, варианте. В свою очередь А.И. Кузнецов и А.В. Шестопал высказали предложение решить вопрос об оперативном размещении материалов фонда «Наследие Константина Леонтьева» на порталах МИД и МГИМО.

Litvak N.V. Presentation of the book "K.N. Leontiev. Notes and Reports".

НАЛОЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

И.Ю. Окунев, Л.С. Жирнова

С 10 по 13 октября 2013 г. Клуб геополитических исследований НСО МГИМО и Исследовательская группа по политической географии и геополитике МО РАПН при поддержке гранта Фонда развития МГИМО провела исследования в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В рамках поездки 10 октября группа студентов-членов геополитического клуба МГИМО под руководством И. Окунева приняла участие во II ежегодной конференции Отделения прикладной политологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге «Октябрьские чтения – 2013», посвященной теме «От России к России за 100 лет: современные исследования социальных и политических изменений».

Доклады студентов 3-го курса факультета политологии МГИМО В. Бахчиванжи и С. Савина, а также студентов 2-го курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» Н. Манжиной, А. Доманова и Л. Жирновой были представлены на секции «Новые тенденции в системе международных отношений». Студенты 2-го курса факультета политологии Д. Басова и П. Талыбов выступили в дискуссионной части работы секции. В докладах и выступлениях был затронут широкий круг вопросов, что вызвало оживленное обсуждение в аудитории.

11–13 октября участники экспедиции провели полевые исследования пространственных мифов и идентичностей в городах Санкт-Петербург, Кронштадт и Выборг. В рамках исследования фиксировались как осознаваемые, так и неосознаваемые проявления пространственного воображения, проводился сбор письменных и устных материалов. Наиболее трудоемкой частью полевых исследований оказался социологический опрос жителей Санкт-Петербурга, Кронштадта и Выборга на предмет их пространственной самоидентификации, а также определяющих ее факторов. Опрос был разделен на две части: блиц-опрос людей на улице

и глубинный опрос тех жителей, которые в силу своей профессиональной деятельности должны быть наилучшим образом осведомлены об истории города и тех пространственных мифах, нарративах, которые лежат в основе пространственной идентичности: работников музеев, сувенирных лавок и туристических информационных центров. При подготовке опроса был выдвинут ряд гипотез, определивших специфику исследования в каждом из городов. Так, предполагалось, что кронштадцы до сих пор воспринимают свой город, как крепость, цитадель, считая данный образ источником своей уникальности, размываемой потерей статуса закрытого города. В свою очередь, выборжцы и петербуржцы, как ожидалось, будут считать себя европейцами в наибольшей степени, причем Санкт-Петербург будет представляться как олицетворение «российской Европы» – своеобразным воссозданием представления россиян о Европе, а Выборг – как исконно европейский город, лишь недавно ставший частью российской реальности.

Что касается поиска факторов, влияющих на формирование пространственной идентичности, то на их выявление были направлены вопросы об осведомленности респондентов в европейских делах, их исторической памяти, предпочтениях в выборе товаров и музыки, политических взглядах, наличии знакомых и родственников за рубежом и т.д. В результате были собраны достаточно обширные данные, которые в дальнейшем будут подвергнуты более тщательному анализу. Результаты работы студентов и ключевые выводы будут представлены на студенческой конференции по геополитике кафедры сравнительной политологии МГИМО 20 ноября 2013 г., по материалам которой предполагается издать сборник тезисов.

I.Yu. Okunev, L.S. Zhirnova. Imposing of spatial identity in the border cities of Russia.

Окунев Игорь Юрьевич – к.полит.н., зам. декана факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

E-mail: vestnik@mgimo.ru

Жирнова Лидия Сергеевна – студентка 2-го курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение» МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Содержание журнала «Вестник МГИМО-Университета» за 2013 год

Лавров С.В. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации в МГИМО 2 сентября 2013 г.	5

К 70-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МГИМО

Торкунов А.В. МГИМО в книге рекордов Гиннеса	5
Александровская Е.Б. Инновационные подходы в преподавании иностранного языка на уровнях B2–C1 (из опыта написания учебника)	6
Барышников Н.В. Стратегия равноправной межкультурной коммуникации	6
Беляевская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков	5
Булатов Ю.А. Этапы большого пути	5
Кравцова О.А., Новиков Д.Н. Современный учебник иностранного языка: от бумажного к электронному	6
Кравченко А.В. Когнитивная грамматика на уроке английского или как облегчить жизнь русским студентам	6
Кузьмина Л.Г. Компетентностный подход в профессиональной иноязычной подготовке бакалавров (на примере направлений международного профиля)	6
Мазаева И.А. Формы оценивания профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности (критериальное оценивание)	5
Позднякова Е.М. Методологические основы когнитивно-дискурсивной парадигмы в формировании лексической компетенции	6
Соловова Е.Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранного языка	6
Чигашева М.А. Проблема эквивалентности перевода ономов с немецкого языка на русский	6
Шкапенко Т.М. Электронное обучение: актуальное состояние проблемы в вузовской системе образования России и зарубежных стран	6
Ястребова Е.Б., Крячков Д.А. Инновации как форма устойчивого развития языкового образования в отдельно взятом вузе	6

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Александров О.Б. Интересы и приоритеты арктической стратегии Евросоюза	3
Александров О.Б. Кто обеспечит безопасность Арктики?	2
Артюшкин В.Ф. Перспективы второй волны глобального финансово-экономического кризиса	4
Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения	3
Боришполец К.П., Чернявский С.И. О перспективах интеграционного выбора Украины	4
Буторина О.В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение?	4
Буторина О.В., Кавешников Н.Ю. К 10-летию кафедры европейской интеграции	4
Воробьев В.Я., Иванов А.В. Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря	3
Воробьев Н.И. Интересы ЕС в развитии арктических морских маршрутов	5
Воронков Л.С. О многообразии интеграционных процессов в Европе	4
Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса	6
Громыко Ан. А. Глобализация и глобальное управление	5
Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения	6
Денисов В.И. Позиция России в вопросе о мирном договоре по Корее	3
Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии	2
Зинин Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране	2
Зонова Т.В. Христианские мыслители Запада о международных отношениях	4

Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза.	4
Киреева А.А. Китайская стратегия Японии.	5
Косенко С.И. Генезис и эволюция культурной дипломатии Франции на протяжении эпох	4
Крылов А.В. Роль религиозного фактора в «арабской весне».	4
Кузнецов А.В. Вывоз капитала российскими ТНК: причины доминирования Большой Европы	4
Лебедева О.В. Дипломатия Японии в рамках АРФ: некоторые аспекты региональной безопасности	4
Мальгин А.В. Российско-украинские отношения до и после Вильнюса	6
Орлов А.А. Положение в Афганистане и возможная его эволюция в контексте «фактора 2014»	2
Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения	2
Петров К.Е. Настоящее и будущее энергодиалога Россия – ЕС	3
Ражбадинов М.З. Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте.	2
Стрельцов Д.В. Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г.	5
Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе.	3
Торкунов А.В. Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России.	3
Торкунов А.В. Перспективы евразийской экономической интеграции	4
Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании	2
Тэвдой-Бурмули А.И. «Велосипедист на болоте»: уроки и перспективы расширения ЕС в XXI в.	4
Ходынская-Голенищева М.С. Подготовка «Женевы-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса.	5
Цибулина А.Н. Экономический и валютный союзы ЕС: работа над ошибками	4
Чайко И.А. Роль вооруженных сил в политической системе Египта	3
Чернова А.В. «Восточная политика» Польши: от концепции УЛБ до «Восточного партнерства»	6
Щербак И.Н. О деятельности Совета безопасности ООН на современном этапе	6
Эшба Э.Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы	6

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Барсукова А.В., Жуковский И.И. Международная деятельность университетов (на примере Европы). ..	1
Болгов Р.В. Сообщества пользователей интернет-проектов	1
Борзова И.С. Оппозиционные группы: влияние на мировую политику	2
Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов.	3
Бурнасов А.С. Логистические компании мира и их влияние на мировую политику	2
Вовенда А.В. Молодежные организации: их влияние на мировую политику.	2
Волков С.В. США и Япония в мировой политике	5
Демидов О.В. Новый приоритет для российской публичной дипломатии: предотвращение кибератак на объекты критической инфраструктуры.	5
Жуковский И.И. Университет в сетевых связях современного мира	2
Зиновьева Е.С. Международно-политические аспекты развития Интернета	4
Зиновьева Е.С. Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику.	1
Красавин И.В. Офшоры как негосударственные акторы мировой политики	2
Кулинич А.А. Бизнес в экологической сфере: его роль в мировой политике	3
Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития	1
Семенов О.Ю. Деятельность экологических НПО на мировой политической арене.	3
Сивоволов Д.Л. Роль российской дипломатии в построении «электронного государства» в РФ.	5
Сурма И.В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия	4
Терин В.П. Интернет – инструмент политического действия.	4
Толкачев В.В. Религиозные акторы в современной мировой политике	3
Фокина В.В. СМИ как акторы мировой политики.	1
Черкасова В.П. Телевидение и Интернет как каналы формирования политического сознания граждан ..	4
Ширин С.С. Сообщества разработчиков интернет-пректов.	1

ЭКОНОМИКА

Бирюков Е.С. Инвестиционные стратегии институциональных инвесторов: суверенные инвестиционные фонды vs эндаументы.	6
Бондаренко А.Д. Меры по оптимизации российско-индийского торгово-экономического сотрудничества.	2
Боровский Ю.В. Приватизация российских энергетических активов в международном контексте.	4

Вергун А.Н. Сотрудничество стран БРИКС как новый формат интеграционного процесса	5
Вергун А.Н. Страны БРИКС в международных инвестиционных процессах.	2
Голомедов В.И. Стратегии российских ВИНК в условиях глобального рынка.	5
Евдокимова Е.М. Деятельность ЕБРР в области устойчивой энергетики	5
Евдокимова О.М. Присоединение Киргизии к ТС: предпосылки, проблемы, перспективы	5
Завьялова Е.Б., Линева И.В. Лизинг как форма государственно-частного партнерства	4
Колганова М.Д. Реинкарнация золотого стандарта – возможна ли?	5
Коробков И.А. Экспорт промышленных товаров из России в ЕС: тенденции, проблемы и возможности	5
Лиферов А.П. Родимые пятна российской ментальности и культура ведения международного бизнеса ..	5
Мануйлов К.Е. Спекулятивные операции на финансовом рынке	6
Мубаракшин Б.Н. Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии.	1
Олейнов А.Г. Экономическое моделирование международного взаимодействия.	1
Петрова М.А. Проблемы приведения торговой политики России в соответствие с требованиями ВТО. ...	5
Ратушняк Е.С. Предварительная оценка функционирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС	1
Синь Жань. Влияние российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества на развитие предпринимательства в условиях мирового экономического кризиса	6
Скрябина М.С. Перспективы «сланцевой революции» и проблемы энергетики Китая	1
Татулов К.Г. Офшоры в международном движении капиталов.	1
Татулов К.Г. Офшоры с точки зрения их российских участников	2
Токарева Е.А. Особенности и проблемы рынка страхования природных катастроф	6
Федорченко А.В., Малахов Ф.В. Таргетирование инфляции: израильский вариант	1
Хмельницкий М.М. Разделение Европейского союза на «север» и «юг» и перспективы евро	6
Холопов А.В. Дилемма макроэкономической политики в условиях открытой экономики	2
Щетинина К.И. Инновации в гостиничном бизнесе: международный и российский опыт.	4

ПРАВО

Алиев Э.Б. К вопросу о понятии и роли офшорных зон	6
Вершинина Е.В., Стахеева Ю.А. Условия действительности сделки в России и Франции: сравнительно-правовой анализ	5
Занко Т.А. Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения.	3
Карпенко К.В. К вопросу о религиозном и юридическом значении консуммации брака.	2
Касьянов Р.А. Европейский опыт правового регулирования финансовых рынков и возможности его при- менения в России.	4
Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства.	3
Малиновский А.А. Злоупотребление правами налогоплательщика: сравнительно-правовые аспекты ...	2
Панков А.Н. Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины.	4
Петрыкина Н.И. К вопросу о соотношении норм административного и финансового права	3
Половченко К.А. Институт судебного конституционного контроля в постсоветских государствах	3
Полякова А.А. Роль короны в британской конституционной системе.	1
Турланов Д.А. Правовые основы Таможенного сотрудничества России и ЕС в свете вступления России в ВТО.	6
Шашкова А.В. Отмывание денег и конституционные права	6

ПОЛИТОЛОГИЯ

Аватков В.А., Видяйкин А.С. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении	3
Аватков В.А., Томилова Ю.О. Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте.	4
Гаман-Голутвина О.В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления	4
Дегтерев Д.А., Степкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика	3
Дьячков И.В. Конфликт вокруг островов Сэнкаку 2012 г.: истоки и уроки	1
Евсеев В.В. Авторитаризм в Центральной Азии (на примере Казахстана).	5
Жигульская Д.В. Турецкий алевизм: религиозная идентификация	5
Зауль Авад. Международный аспект создания государства Палестина.	1
Колегова О.Ю. Ключевые сферы международного сотрудничества в рамках ШОС	6

Крылов А.В. Особенности демократических реформ в Иордании	2
Марабян К.П. Теоретические и практические основы «Стратегии национальной безопасности Республики Армения»	1
Мараш А. Итальянское меньшинство в Истрии: развитие в условиях мультикультурного и полиэтнического пространства	4
Носкова А.В. Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям	6
Пономарева Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства	4
Рюриков Д.Б. Кризис миропорядка и угрозы России и миру	1
Суханов В.А. Коррупция в органах государственной власти как глобальная проблема	4
Трачук К.В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты	4
Федорченко А.В. Йеменская Республика: преодолевая сепаратистские тенденции	4
Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос»	2
Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм на северо-западе Пакистана	1
Чекризова О.П. Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане	5
Чернобров Д.В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация	5
Щербакова Л.Н. Роль первичных глобальных общественных благ в информационном обществе	6

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Деттерева Е.А. Новый формат международной кооперации США в сфере противоракетной обороны	4
Каберник В.В. Проблемы классификации кибероружия	2
капитала, оборонно-промышленного комплекса и воздушно-космической обороны	2
Малов А.Ю. О развитии мер доверия и транспарентности в контексте вызовов и угроз безопасности космической деятельности	4
Подберезкин А.И. Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений	1
Салюков Д.О. Основные проблемы взаимной обусловленности связей национального человеческого капитала, ОПК и ВКО	2

ПЕДАГОГИКА

Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики	1
Воронова Е.Ю. Дидактические аспекты обучения бухгалтерскому учету в высшей школе	5
Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Образование и развитие личности в информационно-коммуникационной деятельности	2
Гринева М.В. Роль домашнего чтения в профессиональной языковой подготовке экономистов-международников	5
Деркач А.В. Подходы к процессу формирования компетенции межкультурного общения у будущих специалистов японистов	6
Костикова Л.П. Формирование концептуальной картины профессиональной деятельности студентов-международников	4
Лазарева А.В. Развитие коммуникативных компетенций студентов посредством тренинговых программ	5
Немирович О.В. Педагогический смысл использования межкультурного подхода для становления иноязычной профессиональной компетентности специалиста в области международных отношений	3
Раицкая Л.К. Оптимизация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде	1
Романенко Н.М. Содержание процесса самообразования студентов как педагогическая проблема	3
Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников	1
Цветкова Т.К. Актуальные проблемы лингводидактики: определение целей и задач обучения иностранному языку	4
Цветкова Т.К. Актуальные проблемы лингводидактики: постановка вопроса	3
Чеканова С.А. Методы исправления ошибок в письменной речи	5
Чертовских О.О. Историко-педагогические основы системы университетского образования Великобритании	2
Яковлева Е.В., Агаджанян Р.В. Этапы развития англоязычной лингводидактики XX-XXI вв.: опыт аналитического осмысления	1

ИСТОРИЯ

Аникеева Н.Е., Дубинин Ю.В. Восстановление дипломатических отношений с Испанией

и заключение первого договора о разоружении с США	6
Исаев А.В. Актуальные проблемы изучения Курской битвы	3
Мягков М.Ю. Сталинградская битва в контексте современной истории	1
Орлов А.А. Глубинные исторические корни проблемы национализма и сепаратизма в современной Испании	4
Падерин А.А. Курская битва в оценках западных историков	5
Падерин А.А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии	2
Печатнов В.О. Сталинградская битва и проблема второго фронта	2
Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 г. в сознании советских военнослужащих	4

ФИЛОСОФИЯ

Братина Б. Краткая критика рассмотрения М. Хайдеггером этимологии слова «бытие»	5
Гаман-Голутвина О.В. Человеческий капитал в экономике знаний: управленческий аспект	3
Глаголев В.С. Культура творчества – условие расцвета России	3
Долгов К.М. Человеческий капитал и культура	3
Коннов В.И. Концепция национального человеческого капитала в контексте современного науковедения	3
Корнеева А.М. Философские концепции глобальных экологических проблем и человеческий капитал. ...	3
Кравченко С.А. Переоткрытие человеческого капитала в сложном обществе	3
Литвак Н.В. Экономический и информационный подходы к определению «человеческого капитала» ...	3
Лукьянченко Е.А. Человеческий капитал: морально-этический аспект	3
Мунтян М.А. Национальный человеческий капитал и будущее России	3
Неверова Е.В. Человеческий капитал в условиях информационной сложности.	3
Панфилова Т.В. Человеческий капитал в свете проблемы ценностей	3
Репина М.И. Университеты как составляющая национального человеческого капитала.	3
Силантьева М.В. Человек: мифы и реальность.	3
Шестопап А.В. Национальный человеческий капитал в современной России: проблемы и перспективы.	3
Шишкин М.А. Человеческий капитал и современное естествознание.	3
Шишлова Е.Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс	1

СОЦИОЛОГИЯ

Барков Ф.А. Методология исследования взаимосвязи дискурса об этнической идентичности и контекстуальных сообщений СМИ.	1
Белостоцкий А.А. Роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии России.	3
Бобова Л.А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций ...	5
Долгий В.И. Становление терроризма с наднациональным характером: фактор космополитизации.	2
Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума	1
Карпова Д.Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи	5
Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества	1
Кравченко С.А. Проблемы новых уязвимостей российского общества	4
Кравченко С.А. Становление сложного социума: за гуманитарный поворот	6
Кубякин Е.О. Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий	3
Кузьмина Е.И. Социальные неравенства и жизненные выборы молодежи	6
Куфтырев И.Г. Социально-экономические проблемы перехода России к инновационному типу развития	3
Литвак Н.В. К итогам XIX международного конгресса франкоязычных социологов	2
Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке.	3
Негрова М.С. Адаптация к социальной сложности.	2
Носкова А.В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики.	4
Панищев А.Л. Национальные культуры России в условиях трансформации социума в XXI столетии ...	3
Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России	2
Слобожанин А.В. Особенность первичной и вторичной модернизации Тульской области в 2000–2011 гг.	3
Стригуненко Ю.В. Инновации как основа оптимизации образовательного процесса в учебных заведениях МВД России.	3

Ткач Д.С. Сопряженная образовательная система профессионального педагогического образования . . .	1
Труфанов А.Ю. Методология социологических исследований сложного общества.	2
Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал в социокультурной динамике сложного социума.	1
Хачецуков З.М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности	2
Чепьюк О.Р. Ценностно ориентированный подход при исследовании социально-экономических проблем организации инновационного сообщества	1
Чистяков Д.И. Динамика взаимодействия массмедиа и общества в коммуникативном пространстве . . .	6
Ширмазанян А.А. Представление себя «другим» в онлайн-соцсети	6

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Водопьянов В.С. Сотрудничество государств Северной Европы в сфере культуры и образования.	5
Гуревич Т.М. Национально-культурная обусловленность не прямой коммуникации	2
Денисенкова Ю.С. Развитие концепта «деньги» в историческом аспекте.	5
Деркач А.В. Реализация принципа взаимопроникновения культур в процессе подготовки специалистов-японистов	3
Лукьянченко Е.А. К вопросу понимания ментальной репрезентации.	2
Матюшина В.В. Аксиологический аспект понятия «толерантность»	5
Семенов А.Л., Ершов В.И., Гусаров Д.А. Язык и культура: диада и единство	2
Ульциферов О.Г. Взаимодействие литературы и искусства основных религиозно-культурных систем Индии	1
Черникова Т.В. Европейское влияние на русскую культуру XVII в	1

ПСИХОЛОГИЯ

Додельцев Р.Ф., Коннов В.И. Главный миф психоанализа: к столетию издания «Тотем и табу» З. Фрейда	6

ФИЛОЛОГИЯ

Селезнева Т.А. К проблеме логико-философских истоков языковой модальности	2
Айвазян Ю.С. Сложные слова в современном арабском языке в контексте процессов лексической номинации.	1
Айвазян Ю.С. Языковая номинация как способ лексической модернизации в арабском литературном языке (в трактовке арабских и западных исследователей)	6
Голованова Д.А. Особенности семантики отрицания в дипломатическом тексте	6
Горшунова Е.Ю., Горшунов Ю.В. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости	1
Григорьев Е.И. Восприятие и распознавание концептов речевых актов в условиях устной коммуникации	5
Иванова В.Г. Лингвистические аспекты изучения understatement в современном английском языке	5
Иовенко В.А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации	4
Ларионова М.В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия	2
Рекош К.Х. Искусства эвристики, диалектики и софистики как предпосылки развития правового дискурса	3
Соседова В.С. Соотношение понятий «языковая картина мира» и «менталитет» в современной лингвистике.	6
Фадеева Л.В. Стилистический потенциал немецкого синтаксиса	4
Федотова О.С. Эксплицитное присутствие автора в тексте англоязычного художественного произведения	4
Цыбова И.А. О семантике словообразования на материале французского языка	5

НАУКОВЕДЕНИЕ

Водяницкая Е.А. Роль и место немецкого научно-исследовательского сообщества в научной политике ФРГ	6

Душина С.А., Ащеулова Н.А. Аспирантура в национальных академических системах	2
Казанцев А.А., Боришполец К.П. «Утечка мозгов» из России как политико-управленческая проблема ..	6
Медведева С.М. Ученые об ученых: попытка реконструкции образа российского ученого.	1
Харкевич М.В. Управление научной коммуникацией в развитии отечественной политической науки.	6

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МГИМО

Волобуев Н.А., Черноусенко А.И. Пять лет стратегического партнерства: опыт, итоги и перспективы ...	1

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Ахмед Абу Бакр Ф.А. Анализ структуры государственного долга стран Латинской Америки	2
Германии (на примере речей Ангелы Меркель)	3
Деденкулов А.В. Проблемы энергетической безопасности в начале XXI века: вызовы и возможности.	1
Долгова Е.А. Некоторые особенности каузальной связи в различных культурах.	3
Ефремова Е.С. Функции языковой игры в Интернет-дискурсе	3
Колегова О.Ю. ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения	1
Королева А.А. Концепт «время» как мировоззренческое основание культурной идентичности	3
Крячкова А.П. Речевой имидж немецких политиков как выражение языковой картины	3
Михайлова Н.В. Соотношение образа Пресвятой Троицы и парадигмы любви в русской религиозной философии.	3
Пенцова М.М. Проблема культурного кода в семиотике Ю.М. Лотмана.	3
Поздняков Е.В. Философско-эстетические компоненты художественного стиля барокко: западный и восточный ракурсы	3
Позднякова Д.Ю. Символика в коптском христианском искусстве как проблема культурологического исследования.	3
Радюк А.В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса	1
Романова М.Д. Парадокс Шарля де Голля.	3
Рыбакова Е.Е. Реконструкция коммуникативного стереотипа как источник информации об идентификационных механизмах культур Англии и Германии.	2
Савойский А.Г. Моделирование российско-американских отношений возможно.	2
Селезнева Т.А. Понятие субъективной и объективной модальности в языке	3
Силантьева М.В. Замечательное мероприятие	3
Талагаева Д.А. «Северный баланс» и условия участия Норвегии в НАТО в годы «холодной войны».	1
Тарасов К.С. Политика контрраспространения США в конце XX – начале XXI вв	1
Татарская Д.А. Представления о душе в японской и русской лингвокультурах	3
Францев Ф.С. Современные проблемы светско-религиозной коммуникации и пути их решения	3
Щетинина К.И. «Зеленая» экономика в деятельности гостиничного бизнеса стран ЕС	1

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Алексахин А.Н. Выдающийся педагог и китаист В.И. Горелов в МГИМО	1
Андреева П.А. Андреев С.В. Маргарита Анатольевна Родионова	6
Ахтамзян А.А. Андрей Иванович Степанов – ученый и дипломат	3
Ахтамзян А.А. Ермоленко Д.В. – первый проректор МГИМО из выпускников вуза.	1
Ахтамзян А.А. Ю.Н. Халиуллин: дипломат, ученый, писатель	6
Ахтамзян А.А., Павленко И.А. Р.А. Сергеев – президент Ассоциации выпускников МГИМО в 1991–2004 гг.	5
Ахтамзян А.А., Сергеев Р.А. Дествительный член РАН – Владимир Алексеевич Виноградов	6
Вылегжанин А.Н. Судья Международного суда ООН, профессор Ф.И. Кожевников	2
Гладкова Е.Л. Востоковед Владимир Иванович Горюнов	3
Головлев Ю.Ф. И.Ф.Максимычев: дипломат, германист, поборник «Большой Европы»	2
Давлетшина Н.В. Когда годы не властны.	6
Долгов В.И. И.А. Мелихов – дипломат и ученый	6
Журкин В.В. Анатолий Андреевич Красиков	3
Кадакин А.М. Залман Мовшевич Дымшиц	5
Кан А., Кан Ада. Лариса Михайловна Ефимова	5
Краснов Ю.К., Охотский Е.В. Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор Р.В. Енгибарян	6
Кременюк В.А., Зволинский В.И. Академик Георгий Аркадьевич Арбатов (1923–2010)	6

Лобода А.И. С.Н. Лебедев – ученый, практик, педагог, дипломат	2
Мелихов И.А. Т.В. Зонова – Заслуженный деятель науки Российской Федерации	5
Никифоров А.Л. Никифоров Л.А. – декан историко-международного факультета МГИМО.	1
Огородов М.К. Почетный профессор МГИМО(У) МИД России Л.Г. Веденина.	1
Печатнов В.О. Профессор МГИМО(У) МИД России Н.К. Капитонова.	5
Подцероб А.Б. Белоногов Александр Михайлович	3
Романова Г.С., Дмитренко В.А. Тамара Захаровна Черданцева	2
Силласте Г.Г., Джурицкий А.Н. Профессор Юрий Владимирович Борисов.	5
Степанова Н.В. Арлен Ваагвич Меликсетов (01.01.1930 – 15.02.2013)	1
Толстикова И.О. Дарившая счастье Марина Львовна Рытова	3
Чиронов С.В. Борис Павлович Лаврентьев	5
Шестопап А.В. Лица и поколения. Геннадий Константинович Ашин.	2

РЕЦЕНЗИИ

Аврутина А.С. Венный турецко-русский и русско-турецкий перевод в России в начале ХХІ века	6
Аникеева Н.Е. Мариано Рахой: политический портрет	2
Бусыгин А.Е. Правовые и международные аспекты сохранения и использования культурного наследия	2
Веденина Л.Г. О книге «Языки и культуры»	6
Лебедев А.Е. Инновации как чудо: высокотехнологичные отрасли – ресурс экономического роста.	1
Лунев С.И. Япония между Западом и Востоком	1
Михеева Л.Ю. «Бальзамом прольются для многих слова...»	4
Никитин А.И. Воронин Е.С. Звезде Е.К., Земсков В.Н., Небольсина М.А., Гржа А.П., Новикова Д.Н., Сон О.Л. Каким видят мир в 2030 г. эксперты разведывательного сообщества США	5
Падерин А.А. «Красные полководцы» 1930-х гг.: состав, взаимоотношения, судьбы.	3
Протопопова Н.С. Политические трансформации сквозь призму особенностей политических систем и культур	4
Харкевич М.В. Одиннадцать томов «Великой Победы»	3
Шестопап А.В. Правительство ИСРП у власти.	3
Яковлев А.И., Авдаков И.Ю. Энергетика навсегда или возвращение в пустыню?	5

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Аватков В.А. О первом круглом столе экспертов-тюркологов	3
Ахтамзян А.А. Генералу армии М.А. Гарееву исполняется в этом году 90 лет	3
Ахтамзян А.А. Международные отношения как предмет науки в ХХ веке.	4
Ахтамзян А.А. Слово о скульпторе Ю. Злоте	2
Большова Н.Н. Победа под Сталинградом в мировых геополитических координатах	2
Большова Н.Н., Харкевич М.В. Интернет-активность российских вузов в 2012 г	2
Булатов А.С. Научно-практическая конференция «Проблемы вывоза капитала из России»	1
Галигузова А.В. Конференция «Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников»	6
Касаткин П.И., Харкевич М.В. Реформирование послевузовского образования в России.	2
Ларионова М.В., Сливчикова Ю.В. 20 лет бироамериканскому центру МГИМО(У) МИД России.	3
Лесная Г.М. Международная конференция «Российско-украинские отношения: реалии и перспективы»	4
Литвак Н.В. Презентация книги «К.Н. Леонтьев. Записки и донесения»	6
Окунев И.Ю., Жирнова Л.С. Наложение пространственных идентичностей в приграничных городах России	6
Силантьева М.В. Ежегодная научная конференция кафедры философии	1
Харкевич М.В. Распределение бюджетных мест и рейтинги вузов	1
Чекhov А.Д. Ядерное разоружение и международная безопасность в ХХІ веке.	1
Шишлова Е.Э. Гендер и политика: парадоксы модернизации.	4